Сочиненія

А. И. ГЕРЦЕНА

92659

PK 285

им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

Статуя на могилѣ А. И. Герцена въ Ниццѣ.

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА.

Томъ VI.

9(47)
Г41

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

и

Переписка съ Н. А. Захарьиной.

ВЪ СЕМИ ТОМАХЪ.

92659

Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя).

Томъ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1905.

IPk' 193

Гір 25237 пр 87

им Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

~~44: 12794~~

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

Оглавленіе VI-го тома.

ДНЕВНИКЪ И СТАТЬИ ИЗЪ «КОЛОКОЛА».

стр.

Отрывки изъ «Дневника» 1
Дневникъ . . . . . 4—166
Статьи изъ «Колокола»:
Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей 169
Революція въ Россіи 170
Лобное мѣсто 177
Западныя книги 180
Что значитъ судъ безъ гласности 189
На дняхъ мы получили письмо 190
Черезъ три года 192
Розги и розги! 194
Матеріалы для некролога Авраамія Сергіевича Норова 195
Дворянство Сумскаго уѣзда 197
Тамбовское дворянство 197
1 іюля 1858 г. 198
Опять надежды 203
А. Ивановъ 203
Насъ упрекаютъ 207
О бородѣ А. А. Иванова 210
Америка и Сибирь 211
Обвинительный актъ 215
Россія и Польша. (Отвѣтъ автору статьи о русской типографіи въ Лондонѣ) 217
Генералы отъ цензуры и Викторъ Гюго на батареѣ Сальванди . . . 226
Отвѣтъ русской дамѣ 228
Война (Статья первая) 234
Very dangerous 242
На углу 246
Выговоръ по службѣ 248
Миръ (Вторая статья о войнѣ) 251

Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе: стр.

Отрывокъ первый. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе 255
Отрывокъ второй. Доктринерствующіе нѣмцы 260
Отрывокъ третій. Варіаціи 265
Отрывокъ четвертый (продолженіе) 272
Отрывокъ пятый (окончаніе) 279

Россія и Польша. (Второе письмо къ автору статей: Postepova mysl rossyjska w obec zadan polskich) 291

«Библіотека» дочь Сенковскаго 299

Розги долой! 303

Записки И. В. Лопухина 305

Духу не достало 308

Манифестъ! 309

Repetitio est mater studiorum 310

Mortuos plango 316

М. А. Бакунинъ 322

Мясо освобожденія 325

Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма 329

Личное объясненіе 332

Дурныя оружія 333

Письмо гг. Каткову и Леонтьеву 336

Изъ заведенія А. А. Краевскаго 338

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ 340

Съ континента (Письмо изъ Неаполя) 345

Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ 352

Письма къ будущему другу:

Письмо первое 356
Письмо второе 362
Письмо третье 368
Письмо четвертое 375

Письма къ противнику:

Письмо первое 380
Письмо второе 387

П. Ж. Прудонъ 391

Примѣчанія 393

ДНЕВНИКЪ и СТАТЬИ ИЗЪ „КОЛОКОЛА“.

ОТРЫВКИ ИЗЪ «ДНЕВНИКА».

Владиміръ на Клязьмѣ.

Ноябрь 1838 года.

Покойный былъ добръ, но исполненъ предразсудковъ и какъ человѣкъ прошлаго вѣка, и какъ знатный человѣкъ.—Ну, чѣмъ же былъ *онъ* виноватъ, что родился въ такую эпоху и въ такомъ положеніи?—Мы почти всегда осуждаемъ людей за вины, вовсе не отъ нихъ зависящія!—Но онъ могъ бы быть лучше въ другую эпоху, это тоже доказываетъ безсмертіе души: ежели *могъ*, то и разовьется; за что же индивидуумъ будетъ принесенъ совсѣмъ на жертву человѣчеству?

11 января, 1839 года.

Новый годъ встрѣтилъ меня у постели больной Natalie. Кругомъ тишина; не было ни постороннихъ взглядовъ, ни постороннихъ звуковъ. Странная перемѣна. Сбылась мечта, и сбылась съ необыкновенной полнотой. Мы хотѣли быть вмѣстѣ. Провидѣніе соединило насъ и оставило *однихъ*,—да, по сю сторону—мы, по ту—люди. Мы точно забытые всѣми въ нашемъ уголку, гдѣ обитаетъ любовь. Мы даны другъ другу, и за это обведены цѣпью, за которую никто не ходитъ, даже письма отъ друзей долетаютъ рѣдко-рѣдко, едва отвѣтъ на два наши... И между тѣмъ мы такъ счастливы.

Новый годъ навѣваетъ много думъ всякому; радостно встрѣчая пришельца, я вздохнулъ о 1838,—онъ для меня былъ хорошъ: выкупъ трехъ мрачныхъ, ужасныхъ предшественниковъ. Лучшаго года въ мою жизнь не будетъ. Какъ скоро стираются несчастья, страданія, а минуты восторга, блаженства вѣчно живы, вѣчно свѣжи въ душѣ; я забылъ сердцемъ все, постигавшее меня съ чернаго 20 іюля 1834 г. А свѣтлое—свѣтитъ.

Новый годъ—всегда загадка, и мысль о ней наводитъ много меланхолическаго.

Мы—годомъ ближе къ смерти!—Это вѣрно.

А человѣчество—годомъ ближе къ великой эпохѣ братства и гармоніи!—и это вѣрно.

Остальное покрыто; время—тиранъ, отъ прошедшаго оставляетъ тѣнь, а будущему едва-едва приподнимаетъ завѣсу.

Пройдутъ столѣтія, и новый годъ навѣетъ кому-нибудь тѣ же мысли, тѣ же мечты. Гдѣ я буду тогда? Будемъ ли мы тоже вмѣстѣ съ Natalie?

Новый годъ есть періодическое memento mori.

Я дивлюсь геройству толпы: она толкуетъ о смерти такъ, какъ о поѣздкѣ въ подмосковную; живетъ въ своихъ мелочныхъ отношеніяхъ, какъ будто каждому отпущено жизни, какъ Маѳусаилу. Для чего они хлопочутъ о вздорѣ? Они—дѣти, потому и играютъ. Какъ имъ сдѣлалось бы стыдно, ежели-бъ... [конецъ не сохранился].

15, 16, 17, 18 марта 1839 года.

Не въ самомъ ли дѣлѣ въ году есть дни, мѣсяцы, особенно важные, климактерическіе, какъ говорили занимающіеся тайными науками? Въ такомъ случаѣ мартъ отмѣченъ ярко въ моей жизни.

25 марта 1812 я родился.

31 марта 1835 прочли повелѣніе о ссылкѣ.

3 марта 1838 первое свиданіе съ Natalie послѣ долгой, тяжкой и скорбной разлуки. Съ этого дня я долженъ считать свѣтлую эпоху, за нею идутъ другія свиданья; но во главѣ ихъ торжественное 3 марта. Одного не доставало для полнаго блаженства — Николая, и съ нимъ свиданіе было въ мартѣ.

Онъ пробылъ у насъ съ Маріей 15, 16, 17, 18, и 19-го я проводилъ его.

Когда я буду умирать, велю принести себѣ мои письма, гдѣ я писалъ о 3 мартѣ, и хоть эту страницу о свиданьи съ другомъ. Мы четверо вдругъ стали на колѣни и молились передъ распятіемъ. Душа такъ была свѣтла, такъ торжественна!

Свиданье было намъ необходимо, теперь я это понимаю вполнѣ; мы передали другъ другу повѣсть души за 5 лѣтъ, и послѣ свиданья все это улеглось, сердца наши закалились другъ въ другѣ и мы благословили другъ друга [1]).

[1]) Рукою Наталіи Александровны Герценъ приписано:

Да, и я увидѣла ихъ, наконецъ,—Боже мой! Какое счастье обнять впервые тѣхъ, кого уже давно любила такъ много, съ кѣмъ такъ сроднилась душою, кто, казалось, составлялъ съ нами одно существо... О, съ какимъ восторгомъ я бросилась къ *нему* на шею, какъ искренно, пламенно прижала *ее* къ моему сердцу,—я плакала, смѣялась, молилась, не помнила себя отъ радости...

У меня такъ мало родныхъ..... и которые есть такъ чужды мнѣ..... А мнѣ необходима сестра, душа теплая, родная, душа, исполненная любви, живущая одной любовью, въ которую бы я могла перелить все блаженство мое, съ которой бы могла говорить о *немъ*, которая бы поняла мою любовь...

Я писала къ Маріи, но этого было мало для меня; нѣтъ, въ ея письмахъ я не находила полнаго отвѣта, намъ надо видѣться; о! съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я этого времени! она—*подруга Николая*,—кто же можетъ быть ближе ея мнѣ?... И настало это время, они пріѣхали.....

13 іюня, 1839 года, десятый часъ.

О, Боже, о, великій Боже! Сохрани ее и сохрани его.

Тебя, существо неродившееся, тебя, въ которомъ слились два бытія, Александръ и Наталія, благословляю тебя, благословляю. Иди въ жизнь, иди на службу человѣчеству, я тебя обрекъ на трудный путь, иди, благословляю тебя.—Можетъ, погибнешь... но принесешь чистую душу.—Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а Богомъ для человѣчества.

Ея жизнью, твоей жизнью клянусь и присягаю.

Боже, сохрани ихъ!

Первый часъ.

Благодарю тебя, великій промыселъ!

Сердце бьется, еще чувства не укладываются въ грудь, не только на бумагу [1]).

[1]) На другой страницѣ написано рукою Нат. Александр. Герценъ:

1 января, 1841 года.

Вчера, когда истекалъ сороковой годъ, Александръ далъ мнѣ прочесть этотъ листокъ,—лучшаго подарка онъ не могъ сдѣлать: этотъ листокъ разомъ, вдругъ освѣтилъ всю картину трехлѣтняго счастья, безпрерывнаго, безпредѣльнаго, основаннаго на одной любви... Мы сжали другъ другу руку крѣпко. . Безмолвный поцѣлуй и горячія слезы высказали, что происходило въ душѣ нашей. Такъ очищенные, просвѣтленные, перешли мы въ новый годъ. Боже мой, что бы ни ждало насъ въ немъ,—я склоняю мою голову и говорю *за нихъ обоихъ*: да будетъ Твоя воля!

Мы встрѣчали новый годъ дома, уединенно, только Витбергъ былъ у насъ. Не доставало маленькаго Александра въ кружкѣ нашемъ; малютка покоился безмятежнымъ ангельскимъ сномъ, для него еще не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Спи, мой ангелъ, беззаботно, я молюсь о тебѣ и о тебѣ, дитя мое, еще неродившееся, но которое я люблю уже всей любовью матери, твое движеніе, твой трепетъ такъ много говорятъ моему сердцу, такимъ блаженствомъ наполняютъ мою душу, да будетъ твое пришествіе въ міръ радостно и благословенно!!!...

Друзья, и никто изъ васъ не забытъ. .. соединимъ наши гимны и молитвы....

Духъ святой сойдетъ на насъ.

ДНЕВНИКЪ

съ 25 марта 1842 г.

Новгородъ.

25 марта.—Тридцать лѣтъ! Половина жизни. Двѣнадцать лѣтъ ребячества, четыре школьничества, шесть юности и восемь лѣтъ гоненій, преслѣдованій, ссылокъ. И хорошо, и грустно смотрѣть назадъ. Дружба, любовь и внутренняя жизнь искупаютъ многое. Но, признаюсь, безпрерывныя гоненія и оскорбленія нашли средство причинить ужасную боль, и при словѣ 30 лѣтъ становится страшно,—пора, пора отдохнуть. Я навѣрно отслужилъ свои 15 лѣтъ, могу идти въ безсрочно-отпускные. Даже и 25, если считать годы вдвое, какъ у моряковъ за кампанію.

26.—Вчера получилъ вѣсть о кончинѣ Михаила Ѳедоровича Орлова. Горе и пуще бездѣйственная косность подъѣдаетъ геркулесовскія силы; онъ вѣрно прожилъ бы еще лѣтъ 25 при другихъ обстоятельствахъ. Жаль его. Эта новость, пришедшая въ день моего рожденія aviso. Memento mori въ одномъ отношеніи и vivere memento въ другомъ. Примѣръ передъ глазами.

Я никогда не считалъ Михаила Ѳедоровича ни великимъ политикомъ, ни истинно опаснымъ демагогомъ, ни даже человѣкомъ тѣхъ огромныхъ способностей, какъ о немъ была fama. Но онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго, благороднаго, начиная съ наружности до обращенія и пр. Онъ былъ *человѣкъ* между московскими аристократами, исполненный предразсудковъ, отсталый отъ новаго поколѣнія, упорно державшійся теоріи репрезентативности, какъ она была постановлена въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, и выдумывавшій свои теоріи, дивившія своей неосновательностью. Молодое поколѣніе кланялось ему, но шло мимо, и онъ съ горестью замѣчалъ это. Я былъ лѣтъ 19, познакомившись съ нимъ. Тогда онъ былъ еще красавецъ: «чело, какъ черепъ голый», античная голова, оживленныя черты и высокій ростъ придавали ему истинно что-то мощное. Именно съ такой наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не

смѣвшаго даже рычать. Faute de mieux онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, и воспоминаніе прошедшаго, желаніе сохранить его какъ нѣчто святое, ставило Орлова въ безпрерывное колебаніе. «Стереть прошедшее» и явиться кающейся Магдалиной,—говорилъ одинъ голосъ; «не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореолой опозиціонности»,—говорилъ другой голосъ. Отъ этого Орловъ дѣлалъ безпрерывныя ошибки, вовсе безъ нужды и безъ пользы громогласно иной разъ унижался и пріобрѣталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ, передъ которыми онъ это дѣлалъ, не довѣряли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, теряли уваженіе. Правительство смотрѣло на него, какъ на закоснѣлаго либерала и притомъ какъ на безхарактернаго человѣка, а либералы—какъ на измѣнника своимъ правиламъ; даже легкое наказаніе его въ сравненіи съ другими декабристами не нравилось. И въ самомъ дѣлѣ, непріятно было видѣть на московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Ѳедоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались на каторгѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повелѣвала благопристойность высшая. При всемъ томъ, обѣ стороны судили его пристрастно: онъ отнюдь не былъ ни Мирабо, ни Сіэсъ для петербургской аутократіи, также не заслуживалъ насмѣшки либераловъ. Главная вина его *неловкость*. Въ сущности онъ сохранялъ много рыцарски доблестнаго до конца жизни, въ немъ была бездна гуманнаго, добраго. За это мы должны его простить. Въ 1834 я оставилъ его въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, моральныхъ и физическихъ. Пришелъ мой чередъ ссылки; возвратившись, наконецъ, въ 1840, я видѣлъ его мелькомъ въ 41 г.; онъ на меня сдѣлалъ ужасное вліяніе: что-то руинное, убитое было въ немъ. Работавши 7 лѣтъ и все попустому, чтобъ получить поприще, онъ убѣдился, что *тамъ* никогда не простятъ, что ни дѣлай. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ все это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стекляннымъ заводомъ, чтобъ заглушить внутренній голосъ,—но не выдержалъ. Съ моей стороны, я посылаю за нимъ въ могилу искренній и горькій вздохъ; несчастное существованіе отъ того только, что случай хотѣлъ, чтобъ онъ родился въ эту эпоху и въ этой странѣ. Аминь.

28.—Два удара піэтизму и католицизму. Архіерей Шартрскій возсталъ въ Парижѣ противъ германской философіи, пугалъ паденіемъ католицизма etc., но правительство, созданное доктринерами,

взяло сторону мысли противъ авторитета. И подобное же повторилось въ Штутгардѣ, гдѣ министръ въ камерѣ рѣшительно вышелъ лицомъ къ лицу сражаться съ католическимъ духовенствомъ. Въ Вяткѣ жилъ сосланный грузинскій князь; онъ не выдержалъ суроваго климата и впалъ въ злѣйшую чахотку; я посѣтилъ его за нѣсколько дней до смерти; онъ былъ едва живъ, но съ видомъ глубокаго убѣжденія сказалъ: «Лишь бы весной не было хуже, а то, пожалуй, сдѣлается чахотка». Вотъ какъ умирающіе не понимаютъ своего положенія; то же о католицизмѣ и піэтизмѣ.

Временной налогъ Пиля дѣлаетъ эпоху.

Апрѣль мѣсяцъ.

2.—Получилъ вѣсть о кончинѣ Карла Ивановича Кало 27 марта въ университетской больницѣ. Ему легко было закрыть глаза: одинъ изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, несмотря на свое званіе. Онъ инстинктивно какъ-то любилъ меня, съ самаго дѣтства. Что это какъ быстро уноситъ могила прежнее поколѣніе. «И тебя уже не стало»!..

Завтра подаю въ отставку. Одна четверть желаній исполнится; хоть волю употребленія времени пріобрѣту.

4.—Господи, какіе невыносимо тяжелые часы грусти разъѣдаютъ меня. Слабость ли это? или послѣдствіе того развитія, которое приняла душа моя, или, наконецъ, мое законное право, образъ отраженія во мнѣ окружающаго. Неужели считать мою жизнь оконченною, неужели все волнующее, занимающее меня, всю готовность труда, всю необходимость обнаруженія сохранить, держать подъ тяжелымъ камнемъ, пока пріучусь къ нѣмотѣ, пока заглохнутъ потребности,—и тогда начать жизнь пустоты, роскоши. Да, только послѣднее возможно, когда оно естественно течетъ изъ сущности извѣстнаго рода плоскости духа, въ этотъ міръ чужой не взойдетъ. Есть другая жизнь прекрасная и высокая, съ единой цѣлью внутренняго просвѣтленія; но я чувствую, что середь тихихъ занятій кабинета подчасъ является ужасная тоска. Я долженъ обнаруживаться,—ну, пожалуй, по той же необходимости, по которой пищитъ сверчекъ.

Гейне говоритъ:

Gut verloren—etwas verloren,
Ehre verloren—viel verloren.
Musst Ruhm gewinnen,
Da werden die Leute sich anders besinnen.
Muth verloren—alles verloren,
Da wäre es besser nicht geboren.

Это величайшая истина, и потому-то, когда я сознаю совершенную потерю духа, я паду. Но еще, кажется, я далекъ отъ этого.

Счастливы дѣтски-религіозные люди, имъ жить чрезвычайно легко. Но будто возможно изъ совершеннолѣтія перейти въ ребячество иначе, какъ черезъ безуміе. Одна мать, потерявшая всѣхъ дѣтей своихъ, говорила мнѣ съ веселымъ видомъ: «я не жалѣю ихъ, я ихъ хорошо помѣстила», и она вставала по ночамъ къ заутрени, держала строгій постъ и была счастлива. Я даже завидовать не могу, хоть удивляюсь великой тайнѣ врачеванія безвыходнаго горя—субъективнымъ мечтательнымъ убѣжденіемъ. У ней несчастіе переполнило душу и обратилось въ безумное блаженство. Но мои плечи ломятся, но еще несутъ! И ужасная мысль, что еще годы надобно таскать эту тяжесть, разливаетъ мракъ, и судорожное негодованіе щемитъ душу.

6.—Теперь всѣ пугаютъ меня ужасными послѣдствіями отставки, но такъ и быть, лучше годъ лишній ссылки, но спокойное употребленіе времени. Одинъ большой плутъ предлагаетъ выпутаться деньгами, быть можетъ оно и такъ, деньги у насъ всемогущи. Вотъ состояніе! Одно желаніе—силы, силы перенесть еще... сколько—ну, навѣрное три года—этихъ гоненій.

8.—Писалъ къ Дуббельту, чтобъ увѣдомить его объ отставкѣ. Я не думаю, чтобъ онъ или г. Бенкендорфъ имѣли что-нибудь противъ меня лично, не думаю даже, чтобы тотъ или другой по охотѣ или по симпатіи дѣлали зло. Но боюсь всего отъ равнодушія; у насъ почти нѣтъ инквизиціи изъ убѣжденій (развѣ таковъ былъ М., предмѣстникъ Дуббельта). Какъ бы то ни было, я далъ себѣ слово многое сдѣлать, во многомъ уступать, чтобъ добраться до свободы. Я склонилъ голову,—тамъ нѣтъ борьбы, гдѣ съ одной стороны никакихъ правъ, никакой силы. Понимаю, что, подавая въ отставку, я отдалилъ нѣсколько счастливые шансы. Но жертвовать всѣмъ временемъ—это потеря существенная. Я считалъ годъ лишній удаленія за отставку и нахожу, что выгода перевѣшиваетъ.

Написавши такое письмо, я всякій разъ дѣлался боленъ: усталь, дрожь, безсиліе и волненіе. Вѣроятно, это то самое чувство, которое испытываютъ публичныя женщины, первые раза продавая себя за деньги, хотя и защищаясь нуждой. Полнаго отпущенія сознательному грѣху нѣтъ. L'homme se sent flétri. Да, можетъ, я этимъ спасу свою индивидуальность. А тутъ вопросъ,—да нужна ли индивидуальность моя для чего бы то ни было, или нужна ли на что-нибудь индивидуальность, спасаемая такимъ образомъ? Гдѣ же внутренная жизнь, если человѣкъ не можетъ покориться обстоятельствамъ, какъ бы они скверны ни были, съ гордымъ сознаніемъ правоты. Эгмонтъ и Оранскій! Эгмонтъ рыцарской доблестью купилъ плаху. Но надобно *быть Оранскимъ*, чтобъ стяжать право поступать, какъ онъ. Спасая себя хитрыми уступками, онъ спасалъ

страну. А я спасая себя? Но неужели моя жизнь кончена, неужели все это вздоръ. Nein, das sind keine leere Träume!

Я не могу долго пробыть въ моемъ положеніи, я задохнусь, и какъ бы ни вынырнуть—вынырнуть.

12.—Вотъ что значитъ подать въ отставку. Мнѣ стало какъ-то легче; явились свѣжія силы и туманъ нѣсколько разсѣяли. Изъ двухъ чудовищъ, стоящихъ подлѣ меня съ вѣчно поднятой дубиной, одно исчезло. И какъ будто съ выходомъ въ отставку я обязанъ работать, ибо досугъ мой, время мое. И буду работать. А между тѣмъ еще не знаю, чѣмъ разрѣшится, какія послѣдствія принесетъ этотъ шагъ.

Хочется написать пропедевтическое слово желающимъ приняться за философію, но сбивающимся въ цѣли, правѣ, средствѣ науки. Но дорогѣ тутъ слѣдуетъ указать весъ вредъ добрыхъ людей, *любящихъ* пофилософствовать. Враги науки не такъ опасны, какъ всѣ полу-піэтисты, полу-раціоналисты. Началъ; что будетъ, не знаю.

13.—Продолжаю въ свободное время лекціи Вильмена. И это мнѣ очень полезно; мы забыли XVIII вѣкъ, тутъ онъ оживаетъ, переносимся снова въ тѣ времена Вольтера, Бюффона,—и, что ни говори, великія имена. Замѣчательно слѣдить, какъ въ началѣ своей карьеры Вольтеръ дивитъ, поражаетъ смѣлостью своихъ религіозныхъ мнѣній, и черезъ два десятка лѣтъ Гольбахъ, Дидро; онъ отсталъ, матеріализмъ распахнулся во всей силѣ. «Le patriarche ne veut pas se départir de son rémunérateur vengeur; il raisonne là dessus comme un enfant», пишетъ Гриммъ. А также смѣло и дерзко выказываетъ свою голову и попираетъ ногами нравственность. Тутъ видишь das Werden 93 года.

При всемъ томъ, эта ступень развитія чрезвычайно важна и сдѣлала существенную пользу. Ошибка ихъ состояла въ томъ, что они поняли генезисъ духа во временномъ, конечномъ, приняли его за произведеніе матеріи, за матерію. Генезисъ отчасти вѣренъ у нихъ; даже если бы нѣсколько шаговъ они пробились дальше, то они сами поняли бы, что они со словомъ матерія сопрягаютъ еще что-то обладающее ею, призывающее ее къ жизни, что-то вѣчное, безпокойное, имѣющее цѣлью проявленіе и пр. аттрибуты, не идущіе страдательной матеріи. Такъ, какъ Спиноза былъ истиненъ на той точкѣ, на которой стоялъ, и эта точка была необходимой степенью, такъ и ихъ. Что касается до атеизма, онъ послѣдовательнѣе, нежели робкій деизмъ Вольтера и Руссо. Впрочемъ, Руссо случайно натыкался на истинный путь богопознанія, т. е., развитія духа своего до созерцанія Бога. Этотъ ихъ творецъ, геометръ des jenseits, неучаствующій, праздный, котораго мы не можемъ знать и передъ которымъ благоговѣемъ, не удовлетворяетъ ни горечь придыханія религіознаго ума, ни строгость логи-

ческаго. Отрицаніе Бога было шагомъ къ истинному разумѣнію его, отрицаніе его, какъ Іеговы, какъ Юпитера, какъ чуждаго земли, сидящаго гдѣ-то, совлекало съ него послѣднюю конечность и послѣднюю абстракцію философіи, приданную религіозными представленіями. Для нихъ, съ точки зрѣнія анализа и raison naturelle, Богъ только существовалъ, какъ природа, какъ вселенная, какъ вѣчный міръ, о которомъ Плиній говоритъ: Æternus, immensus, totus in toto, immo vero ipse totum, тотальность дѣятельности замкнутой idemque rerum naturae opus et rerum pro natura. Надо оставить перебродить эту матерію творца и творенія вмѣстѣ, а она должна сама выработаться изъ Лукреціевской тенденціи въ направленіе современной духовной философіи. Это движеніе—склепъ разума. Это его феноменологія. Но уже послѣ Гольбаховъ, Дидро et C⁰ невозможно чувственно-католическое представленіе, вдохновлявшее глубокіе умы гораздо выше матеріализма, потому что они умѣли оторваться (безсознательно) отъ буквы и переноситься въ сферы абсолютной спекуляціи,—но служившее идолопоклонствамъ массъ. Что за огромное зданіе воздвигнула философія XVIII вѣка, у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ, какъ переходъ отъ двора Людовика XIV къ царству разума, а у другой мрачный Руссо, полубезумный наконецъ, но полный любви, и остроты котораго не выражали ни остроумія рѣзкаго, ни родства съ grand siècle, а предсказывали остроты de la Montagne, С. Жюста и Робеспьера. Вольтеръ съ омерзеніемъ прочелъ въ Эмилѣ: «И если сынъ короля полюбитъ истинно дочь палача, отецъ не долженъ ему препятствовать». Вотъ réhabilitation de l'homme чисто демократическая. Масса читала не такъ, какъ Вольтеръ.

Шутки, полуслова дѣйствуютъ, но гордый языкъ лицомъ къ лицу съ властью долженъ былъ поразить у Руссо. Мы привыкли.

И всѣ дѣятели того вѣка были люди жизни въ Англіи и во Франціи: Монтескье, Бюффонъ и пр. Германія выдвинула потомъ свою мысль, свое искусство—обширное и великое, но выращенное въ кабинетѣ. Біографію германскихъ читатъ нельзя. Первый человѣкъ у нихъ Шиллеръ, да развѣ Лессингъ еще. Чему же дивиться, что Фридрихъ II, человѣкъ практическій, не могъ сродниться съ своимъ отечественнымъ направленіемъ. Для того, чтобы симпатизировать съ нимъ, надобно было показать ему всю мощь свою (Гёте, Гегель).

15.—2-го вышелъ указъ, дозволяющій помѣщикамъ дѣлать условія съ крестьянами, которые остаются при землѣ, но уже дѣлаются въ среднемъ положеніи между крѣпостнымъ и помѣщичьимъ, подъ названіемъ обязанныхъ. Причина, сказано, чтобъ земли не выходили изъ дворянскихъ родовъ; но есть ли это ограниченіе

права отпуска въ свободные хлѣбопашцы, ясно не видать. Силы обязательной указъ не имѣетъ, это предложеніе тѣмъ, кто хотятъ. Побудительной причины хотѣть не предвидится. Состояніе крестьянъ мнимо улучшится. Это ex-attachés à la glèbe среднихъ вѣковъ, la gente corvéable et taillable. Замѣчателенъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющій, что въ этомъ указѣ (который давно былъ ожидаемъ) ничего новаго нѣтъ, что онъ относится къ желающимъ и чтобъ не смѣли *подразумѣвать* иной смыслъ, *мнимое* освобожденіе крестьянъ etc., etc. Ne rèveillez pas le chat qui dort!

26.—Дней пять занимался статьей о «дилетантизмѣ въ наукѣ»; я доволенъ: кажется, удачно обрисована эта болѣзнь, общая нашимъ pseudo-философамъ.

Крестилъ у Рейхеля.

29.—Урокъ отъ Германа. Я поступилъ не вовсе осторожно, однако очень извинительно; мнѣ отвѣчали письмомъ, полнымъ если не дерзости, то желанія показать оскорбленіе и принести оскорбленіе. Мнѣ было больно. Старикъ, оказывающій мнѣ въ коротенькое знакомство учтивость и доброе расположеніе, вдругъ поставилъ въ такое странное положеніе. Я писалъ и извинился, потому что считаю неосторожность виною; другой сатисфакціи не могло быть и полнѣе не могло. Но когда же люди перестанутъ быть китайцами, когда они не будутъ приводить въ зависимость отъ щепетильнаго самолюбія всѣ прекраснѣйшія отношенія. И какая готовность при тѣни не обиды, а подозрѣнія въ забвеніи условнаго поклоненія, которымъ взаимно люди обманываютъ другъ друга,—прервать всѣ связи, доставлявшія удовольствіе etc. Тяжело убѣждаться, что записные эгоисты изобрѣли себѣ лучшій esprit de coduite. Надобно совершенную симпатію, единство образа мыслей, много сходнаго въ прошедшемъ и тогда еще нѣсколько лѣтъ близкаго знакомства, шпіонства другъ за другомъ, чтобы дерзнуть откровенно поступать. Я проученъ этими встрѣчами, въ которыхъ за тѣнь симпатіи я простиралъ откровенно объятія и оставался въ дуракахъ. Отъ этого мнѣ тошно, грустно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ никого близкаго; а этихъ любезныхъ незнакомцевъ хочется ежедневно мѣнять, они надоѣдаютъ.

Теперь еще вопросъ, что онъ сдѣлаетъ, получивши мое письмо? Что скажетъ? Я съ полнымъ сознаніемъ, что не хотѣлъ оскорбить, извинился. Ложный стыдъ можетъ заставить его поддержать и послѣ того мысль, что я поступилъ дурно. Но истинное благородство требуетъ не того.

30.—Самые жесткіе, неумолимые изъ всѣхъ людей, склонные къ ненависти, преслѣдованію за это, ультра-религіозники,—изъ нихъ вѣетъ святой германдадой. Оттого, что они чрезвычайно внѣш-

нія натуры, глубина ихъ ложная, они *въ другую сторону* вышли вонъ изъ глубокой и прекрасной среды жизни, въ которой живетъ все благородное и доброе. Ихъ обуялъ формализмъ и, сверхъ всего, они поврежденные. Да, сверхъ того, они играютъ отчаянную игру въ XIX вѣкъ.

Май мѣсяцъ.

4.—Странное сближеніе, читалъ на дняхъ *Прометея* Эсхила и *Двое Фоскари* Байрона. Если сравнить грековъ съ іудеями, то удивительно, насколько греки *больше* люди; они не могли склониться ни подъ какое иго. Что за громкій, энергическій протестъ этотъ прикованный Титанъ, пренебрегающій Зевсомъ, ругающійся надъ нимъ, и этотъ хоръ океанидъ, вѣрный Титану даже послѣ угрозъ. Сколько человѣчески прекраснаго въ молчаніи Прометея, когда его приковываютъ, и въ отказѣ Юпитеру объяснить пророчество о низверженіи его съ престола. О. Кине воспользовался этимъ пророчествомъ и на немъ основалъ поэму, прекрасно придуманную, но плохо и слабо выполненную; въ самомъ дѣлѣ, post facto слова Прометея кажутся предсказаніемъ Христа. Гёте представилъ *того* Прометея, Эсхилова. И эта пьеса давалась въ Аѳинахъ, а въ Парижѣ въ 1842 въ камерѣ депутатовъ какой-то глупецъ съ ужасомъ требовалъ закона, чтобъ отвратить на театрахъ появленіе лицъ въ платьяхъ католическаго духовенства. Народъ, побѣдившій Ксеркса, рукоплескалъ свободному и гордому голосу Титана, несмотря, что этотъ голосъ направленъ противъ Зевса!

Два лица остаются глубоко впечатлѣнными въ душѣ послѣ чтенія Фоскари, Дожъ и Марина. Въ мрачныхъ, конвульсивныхъ созданіяхъ Байрона старикъ Фоскари святой, доблестный, спокойный и великій, а она южная по натурѣ, необузданная въ страстяхъ и сильная именно по южному. Отвѣты дожа предсѣдателю Десяти и вся послѣдняя сцена удивительно хороши. Какъ относится Эсхиловъ Прометей къ Каину Байрона и его Аталантъ къ дѣвамъ? Тутъ измѣрить разстояніе и различіе Греціи и XIX вѣка.

9.—Вотъ и опять девятое мая. Но уже одного изъ героевъ этого дня нѣтъ. Бѣдный Астраковъ подъ сырой землей. Четыре года—да, что это, много времени или мало? Кажется, все это было три недѣли, мѣсяцъ тому назадъ. А много прошло. Худшее, это болѣзненное состояніе Наташи въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вся жизнь ея до свадьбы было мученье; два года счастья и потомъ новыя мученья—физическія. Какъ же быть довольнымъ жизнію. Ея болѣзнь и преслѣдованія—двѣ черныя нити, глубоко вплетенныя въ

нашу жизнь. Съ какимъ мучительнымъ чувствомъ я вижу послѣдовательное ослабленіе существа, такъ молодого лѣтами. И она много способствуетъ сама болѣзни, принимая всѣ впечатлѣнія съ чрезвычайной силой и скрывая часто дѣйствія ихъ. Хотѣлось бы скакать на югъ, на европейскую почву—разсѣяніе, климатъ, люди помогли бы ей. А на ногахъ цѣпь И тутъ становится досадно, зачѣмъ намъ на смѣхъ есть средства и не велѣно пользоваться. Какую свѣтлую, прекрасную жизнь мы могли бы вести! Нѣтъ желанья роскоши, нѣтъ желанья знатности; симпатическій кругъ людей, умственная, артистическая дѣятельность и свобода. Давно отказался я отъ другихъ мечтаній. Но будущее грозитъ худшимъ.

Есть благо, котораго власть отнять не можетъ,—это воспоминанія. Что это за свѣтлые дни были 8 и 9 мая 1838! Тутъ-то раздается грудь, и человѣкъ безконеченъ въ своемъ блаженствѣ. Но въ этой средѣ долго нельзя удерживаться, жизнь утягиваетъ въ свою прозаическую діалектику, хочетъ непремѣнно поставить изнанку возлѣ лицевой стороны. Будемъ нести изнанку за лицевую сторону,—и съ Богомъ въ дальнюю дорогу.

19.—Писалъ эти дни вторую статью о дилетантизмѣ. Мнѣ самому уясняется мысль, писавши. Вѣроятно, это скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство.

20.—Semper idem. Одно чувство всплываетъ надъ всѣмъ, тягостное и ужасное. Чувство моего положенія. Переписывался съ Денномъ о здоровьѣ жены. Деннъ, какъ и здравый смыслъ, совѣтуетъ ѣхать въ Москву, для основательнаго леченія подъ хорошимъ руководствомъ. И никакихъ средствъ. Ѣхать на недѣлю, на двѣ одной Н. врядъ будетъ ли полезно; надолго она меня не хочетъ оставить. Рѣчь идетъ о жизни человѣка. Я долженъ быть нѣмымъ зрителемъ, какъ слабѣетъ, разрушается, быть можетъ, это прекрасное существо, и не могу употребить такого простого средства, какъ ѣхать лечиться въ Москву, а уже что и думать о чужихъ краяхъ.

Да гдѣ же вина? Что сдѣлано мною?

Когда человѣкъ въ 30 лѣтъ смотритъ впередъ, какъ я, и видитъ туманъ и мракъ, то онъ долженъ благословить судьбу, если она дала ему характеръ настолько свѣтлый, настолько независимый, что онъ не предается отчаянію. Начать новую жизнь поздно. Продолжать старую невозможно. Великій искусъ, надобно обречься на совершеннѣйшую ничтожность. Тогда, быть можетъ, оставятъ въ покоѣ.

Это моя великая надежда, ею я живу. У насъ ни въ чемъ нѣтъ многолѣтней послѣдовательности. Перестанутъ, наконецъ, гнать. И настанутъ годы—спокойной пустоты, тупой боли и пассивной бездѣятельности.

23.—Какъ невыносимо грустно и тягостно жить подъ часъ. Книга выпадаетъ изъ рукъ, перо тоже. Хочется жить, дѣятельсти, движенія, и одно... одно нѣмое, тупое, глупое положеніе сосланнаго въ пустой городишко. Подъ часъ я изнемогаю. Стыдно дѣлается потомъ, но что же дѣлать, я человѣкъ, не плутарховскій герой, не лицо изъ житія святыхъ. Больно, унизительно, оскорбительно и существенно убійственно, если взять въ расчетъ время. И умереть, быть можетъ, въ этомъ положеніи... Фи!

Іюнь мѣсяцъ.

10.—Сегодня уѣхалъ Огаревъ послѣ 11 дней. Прекрасно проведенные дни, дни жизни, т. е., когда человѣкъ живетъ въ настоящемъ, хотя не со всѣхъ сторонъ свѣтло; но мы давно не встрѣчались такъ спокойны и веселы. Онъ намѣренъ разойтись съ нею. Дай Бога, но врядъ ли найдетъ достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной душой. Можетъ, еще и настанутъ свѣтлые дни со стороны частной жизни.

Онъ говорилъ и о другихъ надеждахъ; но я такъ отвыкъ отъ нихъ, что едва сердце бьется при словахъ; удивленіе, похожее на то, когда бы мы увидѣли усопшаго намъ близкаго,—а вѣры нѣтъ.

Итакъ, онъ въ Римъ, въ Парижъ, а я—все здѣсь и съ цѣпью на ногахъ. Писалъ къ Дуббельту; 1 іюля его серебряная свадьба. Я чувствую психическую необходимость ѣхать въ большой городъ; надобны люди, я вяну, во мнѣ бродитъ какая-то неупотребленная масса возможностей, которая, не находя истока, поднимаетъ со дна души всякую дрянь мелочи, нечистыя страсти.

Если-бъ можно было уловить и разсказать все, что проскользаетъ въ иную минуту бездѣйствія,—какъ бы гадокъ, развратенъ показался человѣкъ.

Мнѣ одиночество въ кругу звѣрей вредно. Моя натура по превосходству соціабельная. Я назначенъ собственно для трибуны, форума, такъ, какъ рыба для воды. Тихій уголокъ, полный гармоніи и счастья семейной жизни, не наполняетъ всего, и именно въ ненаполненной долѣ души, за неимѣніемъ другого, бродитъ цѣлый міръ—безплодно и какъ-то судорожно.

11.—Онъ привезъ «Мертвыя Души» Гоголя,—удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь туманъ нечистыхъ, навозныхъ испареній, тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полнотѣ; не типы отвлеченные, а добрые люди. которыхъ каждый изъ насъ видѣлъ сто разъ. Грустно въ мірѣ Чичикова, такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ; и тамъ, и

тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее. Но вѣру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упованіе ins Blaue, а имѣетъ реалистическую основу, кровь какъ-то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ, особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣніемъ они ѣдутъ на лодкѣ, крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья; и потомъ въ бурю — какая дерзость, смѣлость, летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ. Взглянулъ бы на тебя, дитя,—юношею, но мнѣ не дождаться, благословляю же тебя хоть изъ могилы. Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни. Сверхъ всего повтореннаго много разъ, отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки, да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго, а православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать, если не въ открытой войнѣ, въ которой онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ,—я это испытываю очень часто; когда онъ видитъ простой расчетъ, дѣло другое, но когда не изъ расчета, а просто изъ доброжелательства что-нибудь сдѣлать,—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ.

12.—Не у всѣхъ страсти тухнутъ съ лѣтами, съ обстоятельствами; есть организаціи, у которыхъ съ лѣтами и страсти окрѣпаютъ и принимаютъ какой-то странный характеръ прочности. Вообще человѣкъ долженъ быть очень остороженъ, радуясь, что онъ миновалъ бурный періодъ,—онъ можетъ возвратиться къ нему вовсе нежданно. И тутъ рѣшается споръ: разумъ или сердце возьметъ верхъ. Выше, свободнѣе, нравственнѣе, когда разумъ; но въ самомъ огнѣ увлеченья есть прелесть, живешь въ-десятеро. А послѣ—раскаяніе, упреки.

Я всегда проповѣдывалъ противъ Naturgewalt; но гуманность моя идетъ до того, что я прощаю ей, если только въ силу этой Naturgewalt не отрекается человѣкъ самъ отъ всего человѣческаго. Это рѣдко и бываетъ, почти только при помѣшательствѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Ибо сама страсть влечетъ къ чему-нибудь человѣческому, хотя часто и не лучшимъ путемъ. Наслажденіе, напримѣръ, есть по превосходству право живущаго etc., etc. Все это рѣшительно недоступно піэтистамъ. Вообще въ піэтизмѣ нѣтъ ничего гуманнаго, несмотря на то, что христіанство по превосходству гуманно. Они, заморившіе въ себѣ все, называемое ими земное, не имѣютъ никакой снисходительности, они жестки, даже свирѣпы. Любви въ нихъ нѣтъ, ихъ любовь подлажена ein Sollen. по приказу. Нашъ братъ просто человѣкъ; напротивъ, чѣмъ ниже раздается его кругъ, тѣмъ больше отну-

щаетъ, — да и то подъ часъ кажется ненужнымъ, потому что и отпускать нечего (кромѣ уголовныхъ дѣлъ и то не всѣхъ).

16.—Продолжаю. Тотъ, кто нашелъ въ себѣ силу хранительскую и побѣдилъ распахнувшуюся страсть, не будетъ жестокъ въ осужденіи ближняго, не выдержавшаго напора, увлекшагося, оттого, что онъ помнитъ, что̀ ему стоила побѣда, какъ онъ изнеможенный, сломанный вышелъ изъ борьбы. Жестоки легко побѣждающіе, т. е. такіе, къ которымъ страсти едва притрогиваются, узкія натуры, эгоисты и абстрактно добродѣтельные люди. Но вотъ еще вопросъ, сюда же относящійся. Безспорно всякая побѣда есть освобожденіе отъ внѣшняго, но не приходится ли людямъ часто бороться съ фантомами, ими придуманными. Чтобъ привести совершенно очевидный примѣръ, я не могу приписать достоинство особенно замѣчательное глупому человѣку, отказывающемуся, при желаніи ѣсть, отъ скоромной пищи въ постный день. Борьба нелѣпа, развѣ для упражненія себя въ самообузданіи. Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе, нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшного рабства sui generis предразсудки, напр. монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. Огаревъ понимаетъ ясно, когда бракъ есть что-нибудь, и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ in facto уже распался, если нѣтъ дѣтей, онъ безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ,—а не смѣетъ разойтись. Боится общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь отъ совѣсти timorée.

17.—Вчера гонецъ изъ Петербурга отъ Огарева. Дуббельтъ не находитъ возможнымъ дѣлать представленіе, находя безполезнымъ, пбо по всѣмъ прочимъ обо мнѣ государь отказалъ и предлагаетъ послѣднее средство: писать Наташѣ къ императрицѣ и притомъ съ тѣмъ же нарочнымъ. Прислали черновую. Наташа переписала, подписала и отправили. Просьбу берется доставить Сологубъ, много хлопотавшій въ этомъ. И все вмѣстѣ оскорбительно до невѣроятной степени; достоинство моей человѣческой личности, а вмѣстѣ и всѣхъ личностей замято въ грязь.

20.—Чудеса! письмо отъ Дуббельта, и вновь отказъ. Для чего же просьба? Невѣроятно, невѣроятно! Неужели рѣшиться на совершенную пустоту жизни? Какъ ужасно искупается душа, осмѣливающаяся становиться выше толпы. Черезъ четыре дня будетъ 8 лѣтъ. Тутъ нѣтъ словъ. Лишь бы не надломились плечи подъ тяжестью креста.

Проѣзжалъ Фроловъ съ больной сестрой вчера. Мнѣ благотворны всѣ эти проѣзды, я смываю провинціализмъ ими, набираю силы. Оттого я и хочу переѣхать въ Тверь, чтобъ быть опять на большой дорогѣ.

27.—Двѣ замѣчательныя случайности, нѣсколько противорѣчащія сказанному за двѣ страницы о простомъ народѣ. Мнѣ нужны были деньги; одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ самъ мнѣ привезъ, далъ безъ расписки, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ (и не взялъ) процентовъ. Казалось, что онъ радъ былъ, что могъ меня одолжить. Or donc, я никогда положительно ничего для него не сдѣлалъ, а такъ какъ я теперь отставной, то, вѣроятно, и не могу впередъ ничего сдѣлать. Они оцѣнили разницу между мною и прочими чиновниками, и за это спасибо. Второе. Буфетчикъ здѣшней гостиницы совѣщался со мною насчетъ своего сына, онъ третій годъ въ гимназіи. «Да ужъ мнѣ бы хотѣлось его послѣ въ университетъ, чтобъ былъ человѣкомъ». Мальчикъ приходилъ ко мнѣ, живой. Я ему далъ книгу и подстрекнулъ заниматься. Совѣтую итти по медицинскому факультету. Отецъ чей-то вольноотпущенный. In potentia много въ русской душѣ. Недавно еще разсказывалъ инженеръ о Боровицкихъ лоцманахъ; что за удаль! что за безконечный stimulus, который развертываетъ въ нихъ эту потребность пѣсней, вина и удали!

28.—Вчера, поздно вечеромъ или, вѣрнѣе, ночью, сидѣлъ я у окна съ Наташей, было тепло и чрезвычайно хорошо. Тишина мертвая. Волховъ сверкалъ; тихо и гладко текъ онъ, ни листокъ не шелохнется, весла шумѣли правильно, ритмомъ раздѣляя время; на другомъ берегу пѣлъ мужикъ какую-то безконечную пѣсню,—мы слушали его съ восторгомъ, какъ дай Богъ, чтобъ слушали Росси и Пасту. Время шло, а онъ пѣлъ да пѣлъ—грустно, уныло. Что заставляетъ его пѣть? Вѣдь, духъ, вырывающійся на волю изъ душной прозаичной сферы пролетаріата, этой пѣснью онъ безсознательно входитъ въ царство Божіе, въ міръ безконечнаго, изящнаго. Духъ, выработавшійся до человѣчности, звучитъ такъ, какъ цвѣтокъ благоухаетъ, но звучитъ и для себя; за трепетомъ жизни, за неопредѣленной радостью бытія животнаго, слѣдуетъ экспансивность человѣка, онъ наполняетъ своею пѣснью окружающее, единство его съ другими и удовлетворяетъ свою жажду. Если глубоко всмотрѣться въ жизнь, конечно, высшее благо есть само существованіе, —какія бы внѣшнія обстановки ни были. Когда это поймутъ,—поймутъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего глупѣе, какъ пренебрегать настоящимъ въ пользу грядущаго. Настоящее есть реальная сфера бытія. Каждую минуту, каждое наслажденіе должно ловить; душа безпрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать въ него свое. Цѣль жизни—жизнь. Жизнь въ этой формѣ, въ томъ развитіи, въ которомъ поставлено существо, т. е. цѣль человѣка—жизнь человѣческая. Читаю Лукреція: De rerum naturæ. Какой взрослый и во многихъ отношеніяхъ здоровый взглядъ. (Разумѣется, надобно

простить метафизическія ошибки, физическія etc.). Да, древній міръ умѣлъ лучше даже нашего любить и цѣнить космосъ, великое Все, Природу.

Іюль мѣсяцъ.

1.—Вчера была ужасная гроза, и громъ ударилъ въ церковь, шаговъ въ сто отъ нашего сада. Мы сидѣли на террасѣ, ударъ былъ оглушителенъ. Стало какъ-то неловко и страшно. Ну, если убьетъ меня, насъ! Гроза миновала, но мнѣ было грустно. Гдѣ время вѣры въ будущее, въ жизнь, въ ея необходимость, въ храненіе ея, въ ея важную связь съ всемірнымъ, съ всеобщимъ, съ человѣчествомъ. Knabengedanken. Когда тонулъ досчаникъ на Волгѣ, я твердо смотрѣлъ на опасность. Я вѣрилъ въ индивидуальность. И теперь думаю, что естественная смерть не придетъ, пока человѣкъ имѣетъ что-нибудь выразить. Но случай внѣшній ударитъ, и никому, ничему и дѣла нѣтъ.

6.—Скажи, фонтанъ Бакчи-Сарая,
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?

Я съ страннымъ чувствомъ обращаюсь иногда назадъ, далеко назадъ, къ ребячеству Какъ богато хотѣла развернуться душа, и что же вышло? какое-то неудачное существованіе, переломленное при первомъ шагѣ. Но гдѣ же внутренняя сила, если внѣшнее могло ее сломить? Стало, и безъ внѣшняго не много бы вышло. А между тѣмъ, какъ всегда грудь была полна чувствъ, голова—мыслей. Зачѣмъ? или что препятствуетъ ихъ проявленію?

9.—Письмо отъ графа Бенкендорфа къ моей женѣ извѣщаетъ о разрѣшеніи ѣхать въ Москву, съ тѣмъ, чтобъ я не пріѣзжалъ въ Петербургъ. Все сдѣлано графомъ Вельегорскимъ. Не даромъ, онъ магнетически какъ-то понравился мнѣ при первой встрѣчѣ; и графъ Сологубъ много хлопоталъ. Оно не все,—но лучше. Я не ждалъ. Ровно 8 лѣтъ взятію Огарева 9 іюля 1834. Въ Москвѣ будутъ и непріятности, но не такъ заглохнешь. И опять фатумъ, фатумъ!

Москва.

25 іюля. Двѣнадцать дней, какъ мы оставили Новгородъ. Но встрѣча съ Москвой не была вполнѣ радостна; изъ близкихъ людей почти никого нѣтъ. Отца я засталъ въ разрушающемся состояніи; отъ сталъ впадать въ какую-то старческую апатію, занимается исключительно мелочами и пр., а потомъ онъ страдаетъ неизлечимой болѣзнью, и вся обстановка становится lugubre. И самое положеніе не лишено непріятности, предписано имѣть надзоръ, опять шпіоны окружатъ, опять sur le qui vive. Два, три человѣка и средства заниматься искупаютъ, съ другой стороны.

92659
25237
им. Горького библиотека М. Г. У.
Фундаментальная Библиотека И.Ф.Л.И.

29.—Ничего не дѣлаю, а внутри сдѣлалось и дѣлается много. Я увлекался, не могъ остановиться—и послѣ ахнулъ. Но въ самомъ раскаяніи есть что-то защищающее меня передо мною. Не тѣ ли единственно удерживаются, которые не имѣютъ сильныхъ увлеченій. И почему мое увлеченіе было полно упоенія, безумнаго bien être, на которое обращаясь, я не могу его проклясть. Подлъ не фактъ, подлъ обманъ, оскорбленіе—обиды нѣтъ. Это я понимаю до ясности. Ригоризмъ не можетъ дать абсолюцію, да я и самъ далекъ отъ того, чтобы дать ее себѣ, но человѣчественный судъ долженъ молчать, снисходить, реабилитировать. Въ этомъ великое призваніе нашего вѣка. Пусть положительное законодательство назначаетъ плети и цѣпи; мы не будемъ съ ними за одно, мы должны съ иной точки взглянуть на паденіе, на искушеніе. Христосъ не бросилъ камня.

Много толковалъ о подобныхъ предметахъ съ Боткинымъ. Да, люди (т. е. развившіеся до современности) не хотятъ, чтобы что-нибудь впередъ шло безъ сознательныхъ уступокъ мнѣнію, положительному законодательству, преданію etc. Все хотятъ провести сквозь горнило сознанія, съ этимъ вмѣстѣ дѣтскія вѣрованія, готовыя понятія о добрѣ и злѣ уничтожаются. Человѣкъ ищетъ полной свободы не для своеволія, а для разумно нравственнаго бытія. Многое теперь сковываетъ людей, подобно какъ соблюденіе постовъ. Оскоромившагося угрызала совѣсть, онъ мучился проглоченнымъ кускомъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что преступилъ вышнее велѣніе.

Былъ у Чаадаева. Подробности о смерти Михаила Ѳедоровича. Онъ умеръ спокойно, величаво. Всѣ путное въ Москвѣ показало участіе къ больному, даже незнакомые. Оцѣнили, поняли, благословили въ путь.

Толпа народу была на отпѣваніи и проводила его. Витали дѣлаетъ бюстъ. Послѣ его смерти полиція опечатала бумаги и отослала въ Петербургъ.

Толки о «Мертвыхъ Душахъ». Славянофилы и антиславянисты раздѣлились на партіи. Славянофилы № 1 говорятъ, что это апотеоза Руси, Иліада наша, и хвалятъ, слѣдовательно; другіе бѣсятся, говорятъ, что тутъ анаѳема Руси, и за то ругаютъ. Обратно тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественнаго произведенія, когда оно можетъ ускользать отъ всякаго односторонняго взгляда. Видѣть апотеозу смѣшно, видѣть одну анаѳему несправедливо. Есть слова примиренія, есть предчувствія и надежды будущаго полнаго и торжественнаго, но это не мѣшаетъ настоящему отражаться во всей отвратительной дѣйствительности. Тутъ переходъ отъ Собакевичей къ Плюшкинымъ, обдаетъ ужасъ, съ каждымъ шагомъ вязнете, тонете глубже, лирическое мѣсто вдругъ оживитъ, освѣтитъ и сейчасъ замѣняется опять картиной,

напоминающей еще яснѣе, въ какомъ *рвѣ* ада находимся и какъ Дантъ хотѣлъ бы перестать видѣть и слышать,—а смѣшныя слова *веселаго* автора раздаются. «Мертвыя Души»—поэма глубоко выстраданная. Мертвыя души? Это заглавіе само носитъ въ себѣ что-то наводящее ужасъ. И иначе онъ не могъ назвать, не ревизскія—мертвыя души, а всѣ эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti—вотъ мертвыя души, и мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Гдѣ интересы общіе, живые, въ которыхъ живутъ всѣ вокругъ насъ дышащія мертвыя души? Не всѣ ли мы послѣ юности, такъ или иначе, ведемъ одну изъ жизней гоголевскихъ героевъ. Одинъ остается при Маниловской тупой мечтательности, другой буйствуетъ á la Ноздревъ, третій Плюшкинъ и пр. Одинъ дѣятельный человѣкъ Чичиковъ, и тотъ ограниченный плутъ. Зачѣмъ онъ не встрѣтилъ нравственнаго помѣщика *добросерда-стародума*.... Да откуда попался бы въ этомъ омутѣ человѣкъ столько абнормальный, и какъ онъ могъ бы быть типомъ? Пушкинъ въ Онѣгинѣ представилъ отрадное, человѣческое явленіе въ Владимірѣ Ленскомъ—да и пристрѣлилъ его, и за дѣло. Что ему оставалось еще, какъ не умереть, чтобы остаться благороднымъ, прекраснымъ явленіемъ? Черезъ десять лѣтъ онъ отучнѣлъ бы, сталъ бы умнѣе, но все былъ бы Маниловъ. Да и въ самой жизни у насъ такъ. Все выходящее изъ обыкновеннаго порядка гибнетъ: Пушкинъ, Лермонтовъ впереди, а потомъ отъ A до Z многое множество, отъ того, что они не дома въ мірѣ мертвыхъ душъ.

Съ славянофилами столько же мало можно говорить, и они такъ же нелѣпы и вредны, какъ піэтисты. Рѣшительно нѣтъ мѣста рѣчи и слову. Религіозные люди, напримѣръ, часто прибѣгаютъ къ уловкѣ: «да, по разуму-то такъ, да разумъ-то спотыкается». Такъ и славянофилы: «да, все это по европейски такъ, а по нашему нѣтъ». Вредные они до чрезвычайности. Причина очевидна. Marmier въ Москвѣ. Они принялись было его образовывать въ славянофильство, предложили ему изслѣдовать все превосходство православія надъ католицизмомъ (Marmier, вѣроятно, послѣ школы впервые услышалъ о важномъ преніи). Затаскали его до того, что ему, наконецъ, опротивѣли монахи, похвалы древняго быта и т. п. Православіе ихъ знамя.

Въ Польшѣ молодые гегелисты отрекаются торжественно отъ всякой положительной религіи, сопряженной съ формализмомъ ритуаловъ etc.

Августъ мѣсяцъ.

2.—Вчера былъ въ Перовѣ. Первый разъ посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ 8 мая 1838 встрѣтился съ Natalie и откуда мы поѣхали во

Владиміръ. Съ той встрѣчи мы не разлучались, и четыре года съ половиной, лучшую безъ малѣйшей тѣни сторону моего бытія, составило это безпрерывное присутствіе существа благороднаго, высокаго и поэтическаго. Мало-по-малу все окружавшее меня сошло съ пьедесталовъ, на которые его подняло юношество въ увлеченіи. Но она осталась на своемъ, поднялась еще выше. Мы сидѣли въ той самой комнаткѣ, гдѣ ждали коляску, и я чувствовалъ себя хорошо. Нѣтъ, отдѣльные факты паденій несостоятельны противъ истиннаго чувства: одно — мимолетное состояніе души, другое — Grundton ея.

Дома печально. Состояніе отца ужасно. Къ существенной болѣзни у него, всегда мнительнаго, присоединяется раздраженное воображеніе о ея возможности. Онъ мучитъ себя, самъ мѣшаетъ всѣмъ пособіямъ и проводитъ дни въ какомъ-то страшномъ состояніи abattement. Морально онъ никогда такъ не падалъ. Онъ началъ на все смотрѣть съ какимъ-то полнѣйшимъ равнодушіемъ и заниматься только своей болѣзнью и мелочами. Можно ли желать, если его болѣзнь неизлечима, продолженія такихъ страданій? Хотя большая часть ихъ воображаемая, но отъ этого не легче ему.

Статья о дилетантизмѣ нравится и очень нравится. Повѣсть нѣтъ. Повѣсть не мой удѣлъ, это я знаю и долженъ отказаться отъ повѣстей. Мнѣ трудно писать повѣсти, сцены (какъ Трензинской въ *Отеч. Зап.*) выдутъ хороши, но цѣлое, но все не имѣетъ выдержанности. Въ такихъ статьяхъ, какъ дилентантизмъ, я дома и пишу ихъ съ увлеченіемъ и свободой.

13. — Наказаніе идетъ рядомъ съ проступкомъ, оно есть одно изъ естественныхъ послѣдствій, а у кого душа такъ свихнута, что проступокъ не развивается въ наказаніе, для него положительное законодательство имѣетъ тюрьмы, штрафы, etc., etc. Страшный судъ переѣхалъ вмѣстѣ со всѣмъ заприроднымъ на землю, онъ наше царство небесное внутри человѣка. Какія минуты ужаснѣйшихъ страданій я перенесъ нѣкогда за М.! Какія угрызенія, униженія за послѣднюю глупость! а она—глупость, увлеченіе мгновенное, а между тѣмъ я страдаю.

Съ жадностью пробѣжалъ я «Ногасе» G. Sand, великое произведеніе, вполнѣ художественное и глубокое по значенію. Горасъ лицо чисто современное намъ, жертва вѣка больше, чѣмъ организаціи. Онъ всегда былъ бы тоже сильныхъ страстей, глубокихъ и непреходящихъ убѣжденій, всегда былъ бы мелокъ и эгоистъ. Но переходное время боренія двухъ міровъ, растравившее всѣ раны, провозгласившее всѣ права личности, указавши безконечную мощь и власть, и дало эгоизму несравненно блистательнѣйшую арену, и притомъ романическую. А потомъ скептическое состояніе умовъ, особенно во Франціи, развило еще болѣе жажду сильныхъ потря-

сеній за дешевую цѣну. Таковъ Горасъ. Онъ не можетъ выйти изъ себя, онъ не способенъ къ сильной страсти, потому что не способенъ жить для другого; въ другомъ, онъ натягиваетъ въ себѣ страсть для того, чтобъ упиться одуряющимъ, огненнымъ сокомъ ея, а между тѣмъ она не даетъ ему жданнаго блаженства, потому что il y a du louche là dedans. Эгоизмъ, одинъ онъ истиненъ. Кто его обвинитъ за увлеченіе Марты? Даже ревность, если-бъ она выражалась не такъ грубо, не такъ гадко, нашла бы отпущеніе. Нѣтъ, не тутъ, ни даже въ своей ничтожности, въ мелочахъ, въ придиркахъ къ ней, въ охлажденіи,—во всей красѣ онъ является гигантомъ эгоизма, узнавши о беременности. Я дивлюсь всему снисхожденію La Raviniere.

А между тѣмъ многіе ли, сойдя въ глубину души, не найдутъ въ себѣ много горасовскаго. Хвастовство чувствами, которыхъ нѣтъ, страданіе для народа, желаніе сильныхъ страстей, громкихъ дѣлъ и полная несостоятельность, какъ дойдетъ до дѣла. А слабость раскаяваться, просить прощенія и на другой день впадать снова въ порокъ. Это я испыталъ на себѣ. Господи, какъ себя рядитъ въ герои человѣкъ, сидя въ кабинетѣ, и вотъ какъ герой втолкнутъ въ жизнь, кругомъ все кипитъ, несется, страсти раздуваются какъ паяльной трубкой, а онъ остается при своемъ удѣльномъ вѣсѣ. Горькія минуты разочарованія, но счастье тому, кто ихъ имѣлъ. Хуже всего, когда все окружающее догадается прежде самого.

15. — Deutsche Jahrbücher. Ими философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится соціальна, революціонна, получаетъ плоть и, слѣдовательно, прямое дѣйствіе въ мірѣ событій. Тутъ видны, ясны большіе шаги въ политическомъ воспитаніи, и нѣмцы дѣлаются почти свободны отъ обвиненій, обыкновенно налагаемыхъ на нихъ. Въ статьѣ, въ которой они говорятъ объ отреченіи отъ положительной религіи со всѣмъ формализмомъ ея, благородство удивительное. «А что (въ концѣ статьи) сдѣлаетъ государство? Или оно оставитъ насъ въ покоѣ и признаетъ тогда церковь за общество, сущее рядомъ и по одинаковому праву съ другимъ обществомъ. Или оно будетъ послѣдовательно характеру, взятому имъ прежде, неразрывно съ церковью, и тогда оно въ правѣ насъ гнать. Тогда насъ ждетъ ссылка. И мы пойдемъ въ нее. И для того говоримъ, чтобъ предупредить слабыхъ, чтобъ они знали, что такой шагъ можетъ влечь за собой такія послѣдствія, и остерегались бы. Сами мы не такъ думаемъ; кто отца или мать возлюбилъ болѣе Христа, тотъ недостоенъ быть Христовъ». Давно ли нѣмцы стали говорить этимъ языкомъ, давно ли сердце забилось у нихъ отъ такихъ реальныхъ причинъ, и не пророчитъ ли это многое въ будущемъ, то есть, въ будущемъ близкомъ, которое мы увидимъ. Se muove, se muove!

Одна изъ статей оканчивается прямо, — надобно рѣшиться и однажды на всегда: «Христіанство и Монархія, или Философія и Республика!!» И вотъ Германія lancée въ эмансипацію политическую и съ своимъ характеромъ твердой мысли, глубины и притомъ піэтизма. Какъ противоположны характеры Германіи и Франціи въ дѣлѣ эмансипаціи,—ясно, слѣдя за Deutsche Jahrb. и Revue Indépendante. Въ Revue сколько жизни, огня, словъ такихъ, которыя сейчасъ соберутъ кружки на бульварахъ, и притомъ какая плоскость пониманія истинъ независимо отъ современныхъ интересовъ. Философски-политическія статьи просто смѣшны; Франція двумя вѣками отстала въ спекуляціи отъ нѣмцевъ, такъ, какъ нѣмцы пятью отъ французовъ въ приложеніи идеи права къ дѣйствительности.

21. — Безслѣдно не можетъ пролетѣть испытаніе, на которое тратилось души много, при которомъ были страданія и упоеніе, какъ бы, впрочемъ, для поверхностныхъ людей ничтожны сами факты ни показались.

23. — Странно и оскорбительно участіе большей части людей, даже любящихъ насъ. Человѣкъ палъ, потерялся, ищетъ выхода, страдаетъ и въ безсиліи обращается къ людямъ, увѣреннымъ въ любви къ нему и въ его любви. Они тотчасъ оскорбляютъ его, заставляютъ его привязать себя къ позорному столбу, разсказывая подробности, самымъ ужаснымъ образомъ (сожалѣя и прощая) выскажутъ глубину паденія, которую онъ зналъ. Они не могутъ удержаться отъ суда, ибо они любили не человѣка, а свой идеалъ. Потомъ начинается исторія помощи. Не спрашивая, сообразно ли, нѣтъ ли съ характеромъ, съ настоящимъ болѣзненнымъ состояніемъ человѣка, даютъ совѣты и требуютъ исполненія такъ, какъ они хотятъ. А если онъ не можетъ такъ поступить,—радуются его неудачамъ, упрекаютъ ими, терзаютъ. Себя, свою гордость, тѣнь того, что люди разумѣютъ подъ честью, не компрометируютъ они для помощи; тутъ эгоизмъ развертывается съ тою же нахальностью, какъ когда у насъ проситъ знакомый помощи денежной. Мелкіе, мелкіе люди! А къ нимъ принадлежимъ больше или меньше и мы, говорящіе. Однако не совсѣмъ. Любовь и симпатія полная (напримѣръ, въ исторіи Ог.) окружили его какой-то атмосферой что-то глупо выразился — á la Selin. Что онъ ни дѣлалъ, онъ не могъ выйти изъ любви и дружбы, хотя и были произносимы слова жесткія etc., etc.

29. — Мое теперешнее состояніе похоже на похмѣлье, какое-то усталое, лѣнивое состояніе чего-то wüstes, неясная память дурачествъ сдѣланныхъ, на которыя тратилась энергія, энергія пьяная и глупая. Это хорошо, какъ средство смиренія, какъ memento слабости. А между тѣмъ я добровольно загрязнился.

Сентябрь мѣсяцъ.

2. — Случайно попалась на глаза Manon Lescaut. Когда-то я читалъ съ большой любовью этотъ романъ. Причина очевидна: коллизія истинная, великая и полная глубокаго интереса и паѳоса. Легкій взглядъ XVIII столѣтія не умѣлъ разглядѣть во всю ширину и бездонность ужасъ любви къ такому существу, какъ Manon, хотя понялъ трагическую сторону, превосходно выразившуюся въ окончаніи. Я его оправдываю. Надобно вообще дойти до высокой степени разврата, чтобъ безъ любви (какая бы она ни была), безъ увлеченія, холодно и расчетливо заводить интриги, интриги мелкія, которыя при первомъ неудобствѣ бросаются и о которыхъ совсѣмъ не вспоминаютъ или вспоминаютъ такъ, какъ о вчерашнихъ котлетахъ. Для меня этотъ систематическій развратъ отвратителенъ. Въ публичномъ домѣ человѣкъ отрѣшается отъ своего достоинства и остается чисто животнымъ; но въ расчетливой интригѣ онъ падаетъ ниже животнаго, именно потому, что животный актъ убитъ человѣческимъ размышленіемъ, но человѣческимъ не сдѣлался. Одного физическаго желанія мало для человѣка, онъ дѣлаетъ тотчасъ требованіе высшаго порядка—красоты. Эта нравящаяся красота должна его увлечь своимъ магнетизмомъ. Ну, какъ-же повѣрить, чтобъ подъ этими изящными чертами крылся развратъ, обманъ, или, и узнавши его, какъ не повѣрить, что весь этотъ обманъ, развратъ—случайное паденіе, отклоненіе отъ истинной, благородной сущности бытія въ формѣ столь граціозной. Богатство души передаетъ свой избытокъ ей, заблудшейся, несчастной, и между тѣмъ узы скрѣпляются самымъ обладаніемъ, близостью. Есть что-то отвратительное въ томъ, чтобъ, раскрывая объятія женщины, не отдаться ей, презирать ее; въ такомъ случаѣ лучше ее ненадобно, тутъ нѣтъ ни увлеченія, ни огня. Быть обманутымъ лучше. Состояніе илотизма, въ которомъ держали женщинъ, произвело тотъ ужасный развратъ, который именно гадокъ по его скрытности, по обманчивости своей. Повѣсть о Manon будетъ всегда прекраснымъ произведеніемъ.

10.—Когда безъ всякаго внѣшняго побужденія, безъ всякой причины со дна души поднимается какая-то давящая грусть, которая растетъ, растетъ, и вдругъ сдѣлается нѣмая, жестокая боль и такъ станетъ ясно все дурное, трагическое нашей жизни; готовъ бы умереть, кажется. Суета послѣдняго времени долго заглушала этотъ голосъ; пріѣздъ въ Москву, эпизодъ о торгѣ, досада на себя и матеріальные хлопоты не давали ему мѣста. Лишь только стало поспокойнѣе и лучше, вѣчный голосъ скорби, вопль негодованія, вопль духа, рвущагося къ формѣ жизни полной, человѣческой, свободной, снова раздался. Судьба рѣшена; половина жизни про-

шла въ боли и борьбѣ, эта половина не замѣняема, вторая врядъ ли будетъ радостнѣе.

Споръ съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности; при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ. Даже мнѣ было жаль употреблять всѣ средства; въ немъ какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Онъ въ ней нашелъ примиреніе и отвѣтъ, и притомъ не путемъ мистика и піэтиста, а соціально-политическимъ воззрѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, и это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ страненъ этотъ голосъ. Истиннаго оправданія нѣтъ имъ, что они не понимаютъ живого голоса современности.

11.—Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія—почка, изъ которой разовьется ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.?.. Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ, мы заслужили ихъ грусть! Была ли такая эпоха для какой-либо страны: Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ. Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее, наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины могъ успокоиться въ лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ.

Правы утверждающіе, что наша исторія развивается самобытно, genus originale,—надобно сознаться.

13.—Сцена, какъ выразился кто-то, есть парламентъ литературы, трибуна, пожалуй, церковь искусства и сознанія. Ею могутъ разрѣшаться живые вопросы современности, по крайней мѣрѣ, обсуживаться, а *реальность* этого обсуживанья, въ дѣйствіи, чрезвычайна. Это не лекція, не проповѣдь, а жизнь, развернутая на самомъ дѣлѣ со всѣми подробностями, съ всеобщимъ интересомъ и семейственностью, со страстями и ежедневностью. На дняхъ испыталъ я это на себѣ. Небольшая драма заставила меня думать и думать. Юноша влюбился въ дѣвицу старѣе себя. Она его любитъ, и они женились. Прошло пять лѣтъ, молодой человѣкъ влюбляется въ другую, и начинается тотъ ужасный бой, который такъ удивительно выразилъ Гёте въ Wahlverwandschaft. Мужъ, человѣкъ честный, благородный, онъ понимаетъ свою обязанность относительно жены, уважаетъ ея высокія достоинства, но не любитъ ея и скрываетъ. Жена, необыкновенно благородное созданіе, любитъ мужа до безумія, и все понимаетъ, въ страданіяхъ. Она рѣшается

умертвиться. Мужъ въ отчаяніи. Проходитъ годъ, она осталась въ живыхъ, но ее считаютъ умершею, и первый онъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ женится на другой и встрѣчаетъ на дорогѣ свою первую жену. Женатый отъ живой жены! Ему кажется, что онъ сдѣлалъ что-то чудовищное. Жена (1-я) умираетъ, онъ хочетъ убить себя, но его другъ заставляетъ его жить для второй жены etc. Вотъ что тутъ ужасно: *всѣ правы*. Молодой человѣкъ откровенно поступилъ, женившись на дѣвушкѣ старше его, но это была неосторожность, въ ней заключалось адское сѣмя, изъ котораго должно, могло по крайней мѣрѣ, вырасти то несчастіе, которое выросло. Но за неосторожность развитіе жизни наказываетъ его въ десятеро противъ всякаго уголовнаго преступника. А жена—добродѣтельная, отдававшаяся ему такъ самоотверженно и вовсе, что ей дѣлать? Отойти прочь, оставить его? Да гдѣ эти герои, гиганты или лучше эгоисты? Она и прежде могла бы *расчесть*. Но Богъ съ ними, съ хорошими счетчиками, они не бываютъ несчастны,—но и блаженство жизни и полнота ея не для нихъ. Женщина убита, она ничего не имѣетъ внѣ мужа. Мужъ убитъ, онъ обезчещенъ въ своихъ глазахъ, онъ обманщикъ въ обѣ стороны, онъ рабъ. Они влекутъ быстро другъ друга къ могилѣ, слабѣйшій падетъ прежде, второй спасенъ. Не тутъ-то было, угрызеніе совѣсти на вѣки стало набрасывать трауръ. Хозяинъ—безвыходность! Бракъ, когда отъ него отлетитъ духъ, позорнѣйшая и нелѣпѣйшая цѣпь. Какъ, на какихъ условіяхъ дозволяется ее бросить,—трудный вопросъ, которому фактическое разрѣшеніе дадутъ грядущія поколѣнія, но я замѣчу вотъ что. Да неужели для человѣка только и дано въ удѣлъ, что *любиться*, и развѣ одна любовь даетъ Grundton всей жизни? На все есть время. Зачѣмъ этотъ человѣкъ не раскрылъ свою душу общимъ, человѣческимъ интересамъ, зачѣмъ онъ не доросъ до нихъ? Зачѣмъ и женщина эта построила весь храмъ своей жизни на такомъ песчаномъ грунтѣ? Какъ можно имѣть единымъ якоремъ спасенія индивидуальность чью-нибудь? Все оттого, что мы дѣти, дѣти и дѣти.

Древній міръ вовсе не зналъ той трагической стороны семейной жизни, которая развилась въ сѣни феодально-христіанскаго міра. Древній міръ былъ одностороненъ, онъ не призналъ права женщины; но мы можемъ перестать быть Вертерами и Тогенбургами, не впадая въ его односторонность. Какой фазисъ въ жизни занимаетъ любовь, потомъ семейство? Какой бы ни занимало, но исключительно человѣкъ не долженъ себя погружать въ одно индивидуальное чувство. У него якорь спасенія въ идеѣ, въ мірѣ общихъ интересовъ; духъ человѣка носится между этими двумя мірами. Пренебреги онъ сердцемъ индивидуальнымъ, онъ былъ бы уродъ,—обратно тоже.

Встарь религіозные люди находили примиреніе и выходъ въ религіи, она тоже всеобща. Выходъ былъ мнимый, но врачевалъ.

22.—Высочайшее произведеніе русской живописи, разумѣется, *Послѣдній день Помпеи*. Странно, предметъ ея переходитъ черту трагическаго, самая борьба невозможна. Дикая, необузданная Naturgewalt, съ одной стороны, и безвыходно трагическая гибель всѣмъ предстоящимъ. Мало, воображеніе дополняетъ и видитъ ту же гибель за рамами картины. Что противъ этой силы сдѣлаетъ черноволосый Плиній? Что христіанинъ? Почему русскаго художника вдохновилъ именно этотъ предметъ?

Наоборотъ. На фронтонѣ Исакіевской церкви будетъ барельефъ, представляющій Исаакія Далматскаго, гордо не покоряющагося императору, бѣсящемуся и досадующему на него. Надобно думать, что цензура не пропуститъ этотъ барельефъ?

Геройство консеквентности, самоотверженіе принятія послѣдствій такъ трудно, что величайшіе люди останавливались передъ очевидными результатами своихъ принциповъ. Таковъ Гегель, развитіе юнаго гегельянизма, развитіе его началъ; но Гегель бы отрекся отъ нихъ, онъ любилъ, уважалъ das Bestehende, онъ видѣлъ, что онъ не вынесетъ удара, и не хотѣлъ ударить; ему казалось, на первый случай и того довольно, что онъ дошелъ до своихъ началъ. Юное поколѣніе съ нихъ начало, шагъ впередъ былъ именно тотъ ударъ, который долженъ былъ глубоко поразить das Bestehende. Гегель бы отрекся отъ нихъ; но вотъ въ чемъ дѣло, они *вѣрнѣе* были бы ему, нежели онъ самъ, т. е. ему мыслителю, отрѣшенному отъ его случайной личности, эпохи и пр. Шеллингъ живой примѣръ, какъ можно отстать отъ собственной своей мысли, когда мыслитель остановится на половинной дорогѣ ея развитія, не имѣя, впрочемъ, силы остановить имъ же даннаго движенія. Положеніе Шеллинга истинно трагическое, какъ выразился Руге. Всякая остановка, половинность не годится, когда развитіе идетъ впередъ. Жиронда явнымъ образомъ положила голову на плаху, ставши между якобинцами и монархистами. Ежели бы королевская партія одолѣла, ихъ все бы казнили. Таково нынѣ положеніе правой стороны гегельянизма. Маргейнеке поступилъ съ доброй цѣлью для Бруно Бауера престранно, онъ хотѣлъ попасть въ juste milieu и попалъ между двухъ стульевъ на полъ. И прусское правительство, и юная гегельянская школа его обругали.

Будь горячъ или холоденъ! А главное будь консеквентенъ, умѣй subir истину во весь объемъ.

30.—Продолжая, вотъ еще что слѣдуетъ замѣтить. Не должно обвинять Гегеля въ хитрости, въ лицемѣрствѣ. Новое воззрѣніе такъ далеко отрѣзывало отъ прежняго, что онъ не смѣлъ себѣ *признаться* во всѣхъ слѣдствіяхъ своихъ началъ, оттого неминуе-

мое послѣдствіе—*неясность* во многихъ практическихъ выводахъ. Онъ хочетъ не истиннаго, естественнаго, само собою текущаго результата, но еще, чтобъ онъ былъ въ ладу съ существующимъ. Ему страшно было говорить такъ, какъ страшно-бъ было другимъ слушать. Юная школа могла высказать больше, для нея не шло впередъ то уваженіе къ окружающему фактическому міру, которое было у Гегеля; но не должно забывать, что не шло именно потому, что Гегель поставилъ юное поколѣніе на высокую точку, съ которой оно могло разомъ увидѣть то. что онъ вырабатывалъ и что ему открывалось, какъ видъ входящему на гору. Когда онъ взошелъ, ему не видать было больше горы, онъ испугался этого, она слишкомъ была связана со всѣми испытаніями, судьбами, которыя онъ пережилъ. Таково всегда было развитіе во времени идеи. А потому величайшая справедливость должна быть въ приговорахъ дѣятелямъ. И Лютеръ, и Мирабо, и Платонъ были перейдены, т. е. развиты.

Критика дѣлается исполненною высокой страстности, она дѣлается религіозна, наконецъ. Самое отрицаніе, конечно, вмѣстѣ и положеніе. Ее знаетъ свобода такъ, какъ знала фолософія самопознаніе. Свобода, т. е. освобожденіе отъ внѣшняго, мертваго ограниченія, отъ цѣпей былого, непризнаннаго за вѣчное самопознаніемъ, свобода дѣйствовать по разумѣнію, мышленію, изложеніе мысли etc.

Христіанство удивительно приготовило индивидуальность къ настоящему. Углубленіе въ себя, признаніе безконечности въ себѣ, очищенный и вмѣстѣ доведенный до высочайшей степени эгоизмъ и, слѣдовательно, развитіе собственнаго достоинства. А съ другой стороны, мысль самопожертвованія для всеобщаго, любовь и пр. Эта борьба сама по себѣ развила все богатство духа человѣческаго. А съ другой стороны, борьба съ матеріальнымъ, временнымъ. Эта *вѣчная ложь* феодальныхъ вѣковъ, говорящихъ объ уничтоженіи страстей, о пренебреженіи землей, и поступающихъ совсѣмъ иначе, сколько должна была развить практическаго и теоретическаго. Современность, ставящая реальнѣйшей сущностью государство (именно царство Божіе на землѣ, по религіозному выраженію), разомъ уничтожаетъ ложь, ибо государство имѣетъ и свою временную сторону и свою вѣчную, любовь и эгоизмъ, развитіе себя и отданіе себя, всеобщее въ каждомъ и каждый, втекающій во всеобщее, которому царь Разумъ. Тутъ истинное осуществленіе темно провидѣннаго христіанствомъ и всему отзывъ etc.

Читалъ на дняхъ комедію Бомарше. Нѣтъ сомнѣнія, что *Свадьба Фигаро* геніальное произведеніе и единственное на французской сценѣ. Въ ней все живо, трепещетъ, пышетъ огнемъ, умомъ, критикой и, слѣдовательно, оппозиціей. Мысль его ясна въ Фигаро,

хотя отъ этого само лицо не пріобрѣло особенной дѣйствительности; для меня chef d'œuvre его Сусанна, Херубимъ и графиня.

Вопросъ о семейной жизни, объ отношеніяхъ брака его очень занималъ; это главная тема почти всѣхъ комедій его. Въ La mère coupable онъ взялся лицомъ къ лицу со своей задачей. Пьеса немного резонерствующая, писанная въ его старости, но онъ самъ говоритъ, что она для него результатъ долгихъ медитацій и что до нея онъ доходилъ *Севильскимъ Цирюльникомъ* и *Свадьбой Фигаро*. Тема глубока. Графъ Альмавива, бѣсившійся нѣсколько лѣтъ отъ ревности, ненавидящій сына своего по подозрѣнію, что онъ не отъ него родился, добивается доказательствъ и между тѣмъ беретъ мѣры уничтожить имѣнія, передать ихъ. Наконецъ, доказательства пришли. Онъ сынъ Херубима. Графъ жестоко, свирѣпо упрекаетъ жену. Ангельское, самоотверженное существо, павшее давно, случайно, будучи оставлена мужемъ, увлеченная безумной страстью Херубима, она проводила время свое въ глубокомъ раскаяніи. Упреки ей приняты, какъ наказаніе, но подъ тяжестію ихъ она ломится. Человѣческое чувство побѣждаетъ въ графѣ романтизмъ ревности. Онъ проситъ прощенія у жены, отъ души обнимаетъ, признаетъ Леона, такъ, какъ его жена еще прежде признала его побочную дочь, и гармоническое счастіе водворяется на мѣсто дикаго боренія страстей, которыми, быть можетъ, слишкомъ искупились невинная вина графини и легкомысліе (несравненно виновнѣйшаго) графа. Дѣйствіе пьесы хорошо, человѣчески примиряющее. Радуешься, видя графа, выходящаго изъ заколдованнаго круга предразсудковъ и фанатизма.

Мысль реабилитаціи женщины одна изъ любимыхъ и ярко прорѣзывается вездѣ у Бомарше рядомъ съ негодованіемъ, насмѣшкой противъ аристократіи и тогдашняго состоянія. Уже въ Barbier de Séville притѣсненная Розина имѣетъ всѣ его симпатіи, и онъ заставляетъ ее сказать, когда Бартоло говоритъ, что мужъ имѣетъ право читать письма жены: Mais pourquoi lui donnerait-on la préférence d'une indignité qu'on ne fait à personne? (Acte II. Scène XV). Въ *Свадьбѣ Фигаро* женщина торжествуетъ безусловно; во-первыхъ, въ этой неуловимой, острой, милой Сусаннѣ, которая побѣдила самого Фигаро, побѣдила торжественно, потому что и въ немъ выражалась тиранская натура мужчины; во-вторыхъ, въ графинѣ. Мужъ волокита смѣетъ, имѣетъ право (и доселѣ) тѣснить жену ревностью, онъ ее мучитъ за взглядъ, шутки; онъ ее готовъ опозорить, предать общественному поруганію за поступокъ, который онъ сейчасъ готовъ былъ совершить, и который, если-бъ совершилъ, извлекъ бы улыбку у всѣхъ, кромѣ Фигаро. Эту *неправду*, эту дикую неправду и выставилъ Бомарше, и онъ, конечно, былъ изъ первыхъ, понявшихъ плотское состояніе женщины.

И всѣ эти бѣшеныя страсти ревности, мщенія еще казались такъ справедливо текущими изъ самыхъ естественныхъ отношеній мужа и жены. А между тѣмъ, глядя имъ въ глаза прямо и трезво, видишь, что это все привидѣнія, не имѣющія дѣйствительности. А сколько слезъ, сколько крови пролилось во имя ихъ!

Октябрь мѣсяцъ.

7.—De la Prusse par un inconnu. 1842. Авторъ выдается за француза. Католикъ à la mode, то есть съ демократическими выходками; но книга исполнена интереса, несмотря на односторонность. Пруссія должна была, если не вся, то правительствомъ, покраснѣть до ушей. Скрытный, обманчивый, безэнергичный и тупой деспотизмъ, облеченный въ формы германо-quasi-европейскія. Какъ страшно сдѣлается на душѣ, когда видишь все бѣдное развитіе права гдѣ-нибудь въ Пруссіи; вдругъ взглянешь домой,—и Пруссія покажется раемъ земнымъ.

16.—Пересматривалъ и поправлялъ статью «Grübeln по поводу одной драмы», т. е. развитіе мысли, записанной послѣ бенефиса Самойлова *(8 лѣтъ старше)*, статья вышла не дурна. Она назначается въ *Альманахъ* Грановскаго вмѣсто «Дилетантизма», отнятаго для *Отеч. Зап.* A propos, въ послѣднемъ № повѣсть извѣстнаго графа Ѳ. В. Ростопчина. Много юмора, остроты и мѣткаго взгляда.

22.—День рожденія Наташи—25 лѣтъ. Страшно идетъ время. Вчера я смотрѣлъ долго на два портрета мои Витберговой работы. Одинъ дѣланъ въ концѣ 1835, другой въ половинѣ 1836, оба были похожи, особенно первый. И мнѣ стало грустно, первый разъ я испыталъ чувство человѣка, не токмо вышедшаго изъ юности, но и отдалившагося отъ нея. Гдѣ эти черты, гдѣ это выраженіе, гдѣ мягкость, нѣжность, грація? Семь лѣтъ, и какая перемѣна! Я перенесся въ то время. Это былъ періодъ романтизма въ моей жизни: мистическій идеализмъ, полный поэзіи, любовь, всепоглощающее и всенаправлявшее чувство. Одиночество, первый годъ ссылки, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ тюрьмы. Это былъ періодъ der Gemüthlichkeit, но у меня никогда не было жизни такъ сосредоточенной въ личныхъ отношеніяхъ, чтобъ хоть на время забыть всеобщіе интересы. Напротивъ, я со всѣмъ огнемъ любви жилъ въ сферѣ общечеловѣческихъ, современныхъ вопросовъ, придавши имъ субъективно-мечтательный цвѣтъ. Наконецъ, въ 1838 г., жизнь достигла до той высшей степени цѣлаго развитія, далѣе которой итти нельзя. Надобно объяснить. Съ 1838 года шелъ ли я назадъ, или впередъ? Сомнѣнья нѣтъ, что впередъ: взглядъ сталъ шире, основательнѣе, ближе къ истинѣ, я отдѣлался отъ тысячи предразсудковъ съ

тѣхъ поръ, много занимался, etc. Но для меня, какъ для лица, лучшаго, полнѣйшаго періода жизни не можетъ быть, какъ половина 1838 до половины 1839. Сторона мысли, разума взяла верхъ надъ страстностью (и должна была); но съ тѣмъ вмѣстѣ потухло множество наслажденій. Тотъ годъ тѣмъ важенъ, что тогда все было уравновѣшено и развернуто въ пышный цвѣтъ, стройный, согласный концертъ всѣхъ элементовъ. Такой періодъ въ исторіи человѣчества—была греческая жизнь. Человѣчество гораздо дальше двинулось въ христіанскомъ и современномъ мірѣ, но того юношескаго, стройнаго согласія внутренняго и внѣшняго нѣтъ, одна сторона пожертвована другой. Тотъ годъ былъ лучшимъ годомъ для нашихъ индивидуальностей. Испивъ всю чашу наслажденія индивидуальнаго бытія, надобно продолжать службу роду человѣческому, хотя бы она была и не легка. Да зачѣмъ же переживается такой прекрасный періодъ, зачѣмъ онъ такъ скоро проходитъ? Онъ не проходитъ, а измѣняется. Да и, сверхъ того, все индивидуальное подчинено времени, хотя, съ другой стороны, полнота наслажденія внѣ всякаго времени, она заключаетъ безконечность въ настоящемъ и есть достойная цѣль индивидуальнаго бытія. A propos. Часто говорятъ, земной шаръ, какъ индивидуумъ, имѣющій органическое развитіе, имѣлъ (какое бы оно ни было) временное начало и, слѣдовательно, будетъ имѣть конецъ (недавно еще говорилъ мнѣ объ этомъ M. Gros philosophe franco-germanique), а съ нимъ и человѣчество; словомъ, судьба планеты—судьба индивидуальнаго. Для чего все развитіе, къ чему и проч. Вопросъ трудный. Физически не знаю, какъ отвѣчать на самую гипотезу гибели планеты. Но этимъ, если хотятъ (какъ Gros) доказать личность Бога или безсмертіе души, немного возьмутъ. Да самое развитіе ist Lohn der reichlich lohnet—вѣчность не въ числѣ лѣтъ отъ рожденія до безконечности, а въ развитіи въ себѣ божественнаго духа, не имѣющаго зависимости отъ времени.

26.—Вчера въ восьмомъ часу утра умеръ Вадимъ. Онъ былъ боленъ съ мѣсяцъ. Послѣднюю ночь я провелъ у его кровати, и онъ скончался при мнѣ. Мы послѣдніе годы волею и неволею видались рѣдко. Онъ жилъ въ южныхъ губерніяхъ, я въ сѣверныхъ, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ; къ этому присоединялась разница въ образѣ воззрѣнія на предметъ слишкомъ яркій, чтобъ можно было примириться, забывъ ее, и недостаточно развитая, чтобъ именно по самой противоположности мнѣній найти другъ въ другѣ особый интересъ. Онъ отъ славянофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ Западу; такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка,—на это силъ не было, осталось das vornehme Ignoriren и защита мѣста, тутъ надобно

дойти до безумія, чтобъ сдѣлаться интереснымъ, т. е., какъ Морошкинъ. Но при всемъ этомъ и несмотря на другія личныя отношенія, я цѣнилъ въ этомъ человѣкѣ всегда высокое благородство души, чистоту жизни, съ которой онъ проламывался сквозь ужасныя несчастія и недостатки. Годъ тому назадъ, онъ еще былъ полонъ силъ, предпріятій, даже когда я пріѣхалъ въ Москву въ іюнѣ, онъ былъ здоровъ или жаловался на общее разстройство; въ августѣ и именно 26, въ именины Наташи, онъ былъ у меня и говорилъ, что простуженъ, что надобно поберечься. Потомъ я его съ мѣсяцъ не видалъ, онъ жилъ на дачѣ; пріѣхавши, я засталъ его очень похудѣвшимъ, въ ипохондріи; въ началѣ октября развилась чахотка, и вчера я присутствовалъ при великой тайнѣ смерти, и вся эта, вся потенція, энергія, какъ угодно, — исчезла, уничтожилась, оставя послѣ себя слѣдъ на веществѣ уже гніющемъ и на костяхъ, которыя долго не сгніютъ, но сгніютъ же. Дней пять передъ смертью меня ужаснула не худоба его, не кашель, а замѣтная тупость умственныхъ способностей и чрезвычайная ограниченность даже; это потуханье интеллектуальной стороны шло возростая: за день до смерти, за два онъ только занимался болѣзнію, говорилъ о лекарствахъ, о ихъ дѣйствіяхъ. Въ два часа ночи (съ 24 на 25) онъ проснулся, ему было полегче; однако жена догадалась, что не передъ добромъ, привела дѣтей, онъ улыбнулся. Жена сказала ему, чтобъ перекрестилъ ихъ; онъ сдѣлалъ видъ, что самъ хочетъ, потомъ закрылъ глаза и уснулъ. Прислали за мною. Я пришелъ въ началѣ четвертаго, онъ спалъ спокойно, изрѣдка только издавая легкій стонъ, и, не просыпаясь, не раскрывая глазъ, не взойдя ни на минуту въ сознаніе, умеръ. Въ 7 часовъ утра дыханіе стало рѣже, прерывистѣе, онъ раза два продолжительно застоналъ, и въ ту же минуту глаза его приняли спокойный видъ и дыханіе прекратилось. Черезъ два часа, мы его уже переносили на столъ, а еще черезъ два часа мальчикъ отъ Кампіони снималъ маску, заливши алебастромъ лицо. Тайна и грозная, страшная тайна! А какъ наглазно видно тутъ, что jenseits мечта, что духъ безъ тѣла невозможенъ, что онъ только въ немъ и съ нимъ что-нибудь!—«Мы увидимся, скоро увидимся», говорила жена; теплое, облегчающее вѣрованіе, мое послѣднее вѣрованіе, за которое я держался всѣми силами. Нѣтъ, и тебя я принесъ на жертву истинѣ! А горько разставаться съ тобою было, романтическое упованіе новой жизни.

Когда я вышелъ изъ ихъ дома, чтобъ послать имъ людей и сдѣлать часть распоряженій, солнце свѣтило, морозный день былъ сѣверно хорошъ, на улицѣ движенье, жизнь. Жизнь вѣчна, жизнь идетъ своимъ чередомъ, она производитъ для себя и уничтожаетъ, испортивши, износивши формы, не жалѣя объ нихъ. Я пріѣхалъ

къ Кампіони. Никого нѣтъ въ первой залѣ, я въ другую: статуи, картины, раскошныя, граціозныя формы жизни поразили меня послѣ того, какъ я такъ пристально вглядѣлся въ угловатыя, ужасныя формы смерти. А въ другой комнатѣ, дѣвочка лѣтъ 15 пѣла веселую итальянскую пѣсню.

Говоря объ этомъ днѣ, я не долженъ пропустить лицо, поразившее меня изяществомъ всего существа своего. Черткова (Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, т. е. Чернышевыхъ въ самомъ дѣлѣ, а не военнаго министра), сначала она поразила меня удивительно благородной и выразительной наружностью; въ ней видна аристократическая кровь, это одна изъ героинь Вальтеръ Скотта, высокая, худая, не въ первой молодости, грандіозная и hehr, какъ говорятъ нѣмцы. Но потомъ она меня удивила образомъ участія; ни слезъ безпрерывныхъ, ни банальныхъ утѣшеній, ни перешептыванья, ни жестовъ, ничего—спокойное, глубокое участіе, безъ словъ, но ясно звучащее въ этой группѣ, составленной изъ мертвеца и его пріятелей, хлопочущихъ около него, и жены въ отчаяніи, и дѣтей испуганныхъ. Эта женщина была похожа на тѣ явленные образа Богородицы, которые видѣлись прежними святыми и которые сходили примирительной голубицей между Богомъ и человѣкомъ. Эта женщина была артистическая необходимость въ этой группѣ,—безъ нея картина была бы surchargée чернымъ и безнадежнымъ. Вотъ и моя дань аристократіи; въ ней именно важнѣйшую долю изящной формы и изящныхъ формъ надо отнести чистой, благородной крови и правамъ истинной аристократіи. Проведя весь этотъ день и всѣ сутки въ натянуто напряженномъ состояніи, въ которомъ одно сильное чувство смѣнялось другимъ, скорбь, тяжкія мысли и проч. Когда я вечеромъ поздо остался дома, одинъ съ Наташей, возлѣ спалъ малютка, тишина,—тогда мнѣ стало чрезвычайно легко, я взошелъ опять въ среду истинной жизни, ибо судорожныя экстатическія минуты составляютъ крайность.

А давно ли Вадимъ, только что выпущенный изъ университета кандидатомъ, въ преизбыткѣ силъ, съ необузданнымъ самолюбіемъ, съ русской удалью дѣлилъ всѣ мечты, всѣ увлеченія наши? Это было въ концѣ 1831, до начала 1834. Одиннадцать лѣтъ впрочемъ! Послѣ женитьбы онъ много измѣнился; а, можетъ, не онъ, а мы двинулись впередъ, а онъ остался на старомъ мѣстѣ. Попавши въ славянизмъ, онъ даже и на старомъ мѣстѣ не остался, а пошелъ инымъ путемъ назадъ; всѣ общіе человѣческіе интересы, всѣ современные вопросы занимали его только по мѣрѣ ихъ причастности къ славянскому міру, а тутъ надобно замѣтить, что именно имъ-то они вовсе и не занимаются. Мы разстались довольно холодно. Въ 1840 году мы встрѣтились въ Петербургѣ, разстояніе между

нами было непереходимое; но я тогда въ немъ оцѣнилъ прекраснаго семейнаго человѣка, и мы сблизились опять и такъ остались до его кончины. Въ послѣднее время его финансовое положеніе начало-было поправляться; но несчастье за несчастьемъ лишили возможности улучшить жизнь; работой онъ былъ заваленъ, можетъ, онъ касался, наконецъ, до спокойствія въ матеріальномъ отношеніи, но жизнь порвалась.

И она давно ли, кажется, жила у насъ въ домѣ, пріѣзжая изъ Корчевы, Темира, дѣвица беззаботная и un peu pédante. А теперь вдова, въ крайности, съ двумя дѣтьми и съ третьимъ нерожденнымся. Будущность ея ужасна, не представляется ни пристанища, ни куска хлѣба. Конечно, найдутся люди; но хлѣбъ милостыни, что ни говори, съ пескомъ. Вотъ еще семейство въ счетъ Астраковыхъ, Медвѣдевыхъ, Витберга и многихъ, многихъ. Страшно вспомнить, всѣмъ помочь силъ нѣтъ. А кого же обойти?

29.—Вчера схоронили Вадима въ Симоновѣ. Похороны были торжественны по истинному участію людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ, стояла возлѣ и, когда привинтили крышку, она облокотилась на гробъ. Никто не смѣлъ ни двинуть гробъ, ни прервать этой нѣмой горести. Она долго стояла, слезъ не было, но взглядъ ея былъ невыносимъ; кругомъ все рыдало; въ ея взглядѣ было видно что-то безпредѣльно отчаянное и убитое, и вмѣстѣ недоумѣніе, вопросъ, упрекъ. Въ Симоновѣ покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ (Мельхиседекъ), бывшій пріятелемъ съ Вадимомъ, и эта дань уваженія была хороша. Жена стала возлѣ могилы, ее уже закапывали, такъ же страшно молча и безъ слезъ. Архимандритъ подошелъ къ ней и сказалъ: «Довольно, это не наше въ церковь за мной, молиться Богу». И мы взошли въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи; въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобъ найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести,—назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: «оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно», тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо.

Ноябрь мѣсяцъ.

1.—Духъ человѣческій роетъ себѣ да роетъ внутри, онъ дѣлаетъ свое какъ въ родѣ, такъ и въ лицѣ. Жена Вадима, которая первые дни своего несчастія была въ полнѣйшей вѣрѣ, вдругъ со

вчерашняго дня начинаетъ сомнѣваться и безпрестанно колеблется между дѣтскимъ признаніемъ и полнымъ отрицаніемъ. Она называетъ это паденіемъ, молится о подкрѣпленіи, но молитва не исполняется; тутъ ясно видно благородное, человѣческое направленіе, не дозволяющее обольщать себя, и, съ другой стороны, видно, какъ слабо дѣйствуетъ при современномъ состояніи развитія духа религіозная положительность

2.—Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся, послѣ всего бывшаго. Вотъ что я писалъ къ Огареву: «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ положеніи, но ни слова, когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить; ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку, какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній—искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди».

Я откровенно дѣлю съ нимъ его несчастіе, понимаю его слабость (какъ его, ибо во мнѣ есть возможность паденій, увлеченій, но такой слабости нѣтъ и тѣни), не могу простить его поступка, но далекъ и отъ жесткаго приговора. У К. сильная способность любить, но онъ жестокъ на словахъ, скоръ въ приговорахъ, это его недостатокъ, его ограниченность. Для хладнокровнаго наблюдателя это психологическій феноменъ, достойный изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая, наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ илотизмѣ? Любовью? онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ; абстрактной идеей брака? онъ давно но признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Парижѣ она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость, вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить, такъ далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ-то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь-то ему и нужна дружба!

6.—Отвратительная тяжесть нашей эпохи тѣмъ ужаснѣе, что людямъ мыслящимъ приходится бороться не съ одними людьми сплы и власти, а еще съ долею литераторовъ. Славянофильство приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ за-

паду есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній, все прошлое и настоящее человѣчество (ибо не ариѳметическая цифра, счетъ племенъ или людей—человѣчество). Or donc вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ западу—ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ, славянофилы само собою становятся со стороны правительства, и на этомъ не останавливаются, идутъ далѣе. Но нѣтъ настолько образованныхъ шпіоновъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души, чтобъ понимать въ ученой статьѣ направленіе и пр. Славянофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли, потому что отъ Булгарина нечего ждать другого, но доносы *Москвитянина* повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково же убѣжденіе, дозволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ деспотическаго наказанія? Правительство, по счастью, безграмотно, не читаетъ журналы. И что за дикія мнѣнія проповѣдуются ими! А возражать нельзя. Москва центръ всѣхъ этихъ скопищъ. Горько и подчасъ нельзя не сознаться, что Петербургъ, какъ бы то ни было, а выше Москвы. Цензура здѣсь вдесятеро строже, привязчива, притѣснительна, а между тѣмъ цензоръ Крыловъ—профессоръ съ либеральной renommée. То, что въ *Отеч. Зап.* печатается, то здѣсь страшно говорить при многихъ. Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества.

Для Пашкова *Альманаха* я изготовилъ было свою статью «Къ характеристикѣ неоромантизма». Да, помилуйте, этого цензура не пропуститъ. это будетъ обидно для піэтистовъ, надо такъ измѣнить, такъ скрыть мысль. Боже праведный! Въ образованныхъ государствахъ каждый, чувствующій призваніе писать, старается раскрыть свою мысль, употребляя на то талантъ свой; у насъ весь талантъ долженъ быть употребленъ на то, чтобъ закрыть свою мысль подъ рабски вымышленными, условными словами и оборотами. И какую мысль? Пусть бы революціонную, возмутительную. Нѣтъ, мысль теоретическую, которая до пошлости повторялась въ Пруссіи и въ другихъ монархіяхъ. Можетъ, правительство и промолчало бы, патріоты укажутъ, растолкуютъ, перетолкуютъ! Ужасное, безвыходное состояніе!

Анекдотъ съ графомъ Про....., котораго выслали за границу, напомнилъ, между прочимъ, разговоръ Канарскаго съ кн. Долгорукимъ за часъ до смертной казни.

10. — Вчера сосѣдъ мой въ театрѣ разсказывалъ, что оперу Россини *Вильгельмъ Телль* даютъ у насъ подъ названіемъ *Карлъ Смѣлый*. Я еще этой глупости не зналъ,—и смѣшно, и досадно, и отвратительно.

14. — Scène de la vie privée — горькое объясненіе съ отцомъ. Странное дѣло, какъ живущъ эгоизмъ и какъ онъ растетъ съ лѣтами, до какой безчувственности доводитъ онъ. Послѣ смерти Льва Алек. онъ былъ испуганъ, пораженъ, и съ годъ явно былъ кротче, но теперь съ каждымъ мѣсяцемъ я вижу, что онъ глубже и глубже падаетъ въ какую-то жизнь скупца и эгоиста, для котораго въ мірѣ ничего не существуетъ, кромѣ капризовъ. Странно видѣть человѣка 74 лѣтъ вблизи, ведущаго такую жизнь, отрѣшенную отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и страшно то, что нѣтъ возможности поставить себя такъ, чтобъ или молча быть зрителемъ, или удерживаться въ границахъ при всякомъ оскорбленіи. Я безъ хвастовства могу сказать, что я прожилъ собственнымъ опытомъ и до дна всѣ фазы семейной жизни и увидѣлъ всю непрочность связей крови; они крѣпки, когда ихъ поддерживаетъ духовная связь (то есть, когда ихъ ненужно), а безъ нихъ держутся до перваго толчка. Vanitas! Vanitas!

Письмо отъ Бѣлинскаго. Фанатикъ, человѣкъ экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидѣть, середины нѣтъ. Я истинно его люблю. Типъ этой породы людей — Робеспьеръ. Человѣкъ для нихъ ничего, убѣжденіе все.

18. — А. И. Тургеневъ милый болтунъ; весело видѣть, какъ онъ, несмотря на сѣдую голову и лѣта, горячо интересуется всѣмъ человѣческимъ, сколько жизни и дѣятельности. А потомъ пріятно слушать его всесвѣтные разсказы, знакомства со всѣми знаменитостями Европы. Тургеневъ — европейская кумушка, человѣкъ au courant всѣхъ сплетней разныхъ земель и странъ, и все разсказываетъ, и все описываетъ, остритъ, хохочетъ, пишетъ письма, ѣздитъ спать на вечера et faire l'aimable вездѣ.

Былъ на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Видѣлъ второго Кирѣевскаго. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ*, просто и свободно. Она груститъ о славянобѣсіи сыновей. Между тѣмъ оно растетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью въ теченіи образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма мрачнаго, нетерпимаго. Можетъ, хорошо, что возможность такихъ убѣжденій обнаруживается, а съ ними вмѣстѣ обнаруживается вся нелѣпость ихъ.

«Можетъ ли, имѣетъ ли право человѣкъ мѣнять краеугольныя убѣжденія свои. Если можетъ, гдѣ же незыблемыя основы нрав-

ственнаго и умственнаго бытія человѣка?» Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда кажется что-то странное, пустое въ душѣ человѣка, мѣняющаго свои убѣжденія. Но это неправда. (Здѣсь не идетъ рѣчь о тѣхъ плоско-импресіонабельныхъ натурахъ, которыя безъ причины бросаютъ свои мнѣнія). Человѣкъ развивается, истина раскрывается, насколько онъ вмѣщаетъ ее въ себя, въ концѣ развитія, а не съ самаго начала, она имѣетъ свои степени развитія, на которыхъ она иначе понимается подъ извѣстнымъ угломъ,—но человѣкъ не долженъ останавливаться на абстракціи. Человѣчество достигаетъ истины, краеугольныя основы его бытія нравственнаго лежатъ въ немъ (an sich), но ясны ему могутъ быть на концѣ развитія, а не при началѣ, не въ прошедшемъ. Всею истиной прошедшее никогда не обладало. Да и это фундаментальное, истинное есть всеобщее, идея, Богъ, и притомъ Богъ понятый не jenseitlich, не фантастически образно, а въ имманенціи и присущей ей трансценденціи (міръ мышленія, нравственности, идеи, уничтожающей, снимающей все временное, какъ трансценденція самой природы и человѣка). Важно не слово, а понятіе, смыслъ. Конечно, добродѣтель вѣчна и всегда должна была быть нормою дѣйствованій. Но какъ опредѣлилась и понималась добродѣтель въ данныя эпохи? Міръ эллинскій, юдаическій, христіанскій разумѣли совсѣмъ розное. Все течетъ и текуче, но бояться нечего, человѣкъ идетъ къ фундаментальному, идетъ къ объективной идеѣ, къ абсолютному, къ полному самопознанію, знанію истины и дѣйствованію сообразному знанію, то есть, къ божественному разуму и божественной волѣ. Выдерживать свое частное мнѣніе противъ истины — ограниченность, эгоизмъ, гордость. Случай, когда лицо правѣе вѣка, почти невозможенъ или возможенъ при эксцентрическихъ обстоятельствахъ.

Розенкранца статья о жизни Гегеля въ Пруццовомъ *Альманахѣ* на 1842. Вотъ что тамъ очень хорошо. «Der Gedanke, aus welchem sein (Hegels) ganzes System emporkeimte, war der der Liebe. Die Anschauung aber, an welcher er sich als Charakter orientirte, war der des Gottmenschen. Schon in der Tübinger Periode sprach er die Analogie der Liebe mit der Vernunft aus und stellte sie — obwohl sie nur ein empirisches Prinzip sei—unendlich hoch. Die Bewegung der Liebe aus sich in einem Bruder als in sich selbst unterzugehen, in dem Bruder bei sich zu sein und sich nur zurückzukehren um sich seiner von Neuem zu entäussern, wurde ihm der Weg zu seiner dialektischen Welt». Хотя Розенкранцъ вообще очень недалекій пониматель и формалистъ большой руки, но это не мѣшаетъ отдать ему справедливость, что единственно такъ надобно умѣть понимать Гегеля; и тогда сдѣлается смѣшно отъ глупыхъ сентенцій о сухости ума, объ импосибельности его и проч.

Тамъ же: «Glauben ist die Art, wie das, wodurch eine Antinomie vereinigt ist, in unserer Vorstellung vorhanden ist. Die Vereinigung ist die Thätigkeit. Diese Thätigkeit reflectirt als Object ist das Geglaubte» (Гегель. Теологическое разсужденіе, писанное въ 1794 г.).

Понятіе любви къ женщинѣ, согласное съ высказываемымъ нынче лѣвой стороной; онъ заставляетъ рыцаря разсказывать о своей нѣжной страсти Аристиду.

23.—Вчера провелъ вечеръ у Елагиной. Были оба Кирѣевскіе, Дмитріевъ и вздоръ. Иванъ Кирѣевскій, конечно, замѣчательный человѣкъ; онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи; ненавистны тѣ люди, которые не умѣютъ рѣзко стоять въ своей системѣ, которые хитро отступаютъ, боятся высказаться, стыдятся своего убѣжденія и остаются при немъ. Кирѣевскій coeur et âme свое убѣжденіе, онъ нетерпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и, разумѣется, одностороненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако не такъ отвратительное, какъ піэтическій оптимизмъ Аксакова. Онъ вѣритъ въ славянскій міръ, но знаетъ гнусность настоящаго. Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, положенный фатумомъ на него. Таковъ онъ показался мнѣ: натура сильная и держащаяся всегда въ какой то экзальтаціи, которая, полагаю, должна быть неразрывна съ фанатической односторонностію. Въ такихъ убѣжденіяхъ страсти участвуютъ наравнѣ съ разумомъ, а страсти не даютъ величаваго спокойствія мысли. М. Дмитріевъ—другого рода человѣкъ; во первыхъ, какъ родной братъ похожъ на Краевскаго, умѣренно либералъ, умѣренно остеръ, романтикъ à la Casimir Delavigne, говорунъ и оберъ-прокуроръ. Толкуетъ о Европѣ, о жандармахъ и полиціи и печатаетъ доносы въ стихахъ.

Дошла рѣчь до *Отечественныхъ Записокъ* и до Бѣлинскаго. Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ. Дмитріевъ съ остротою. Рѣчь шла о какой-то неважной статьѣ; я вдругъ бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу *Отеч. Зап.* Сдѣлалось молчаніе. Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Елагина была съ моей стороны. А смѣшно Дмитріевъ бранитъ (съ умѣренностью) все—и недоволенъ, что Бѣлинскій не имѣетъ достаточнаго уваженія къ тому, къ чему онъ самъ не имѣетъ уваженія.

Былъ у графа С. Г. Строгонова и провелъ у него часа два. Можетъ, я ошибаюсь, можетъ, онъ имѣетъ особый даръ fasciner людей,—но я уважаю и люблю его. Доселѣ изъ всѣхъ аристократовъ,

извѣстныхъ мнѣ, я въ немъ одномъ встрѣтилъ много человѣческаго. Говорили съ нимъ опять о современномъ состояніи науки въ Германіи. «Да, замѣтилъ графъ, борьба великая и рѣшительная; и страшное положеніе людей критики, они должны были принести на жертву всѣ святѣйшія убѣжденія, всѣ вѣрованія, все облегчающее нашу жизнь, и для чего?»—Для истины, для истины, сказалъ я. «Истина ихъ не для насъ, мы не на той степени развитія, зачѣмъ намъ забѣгать?»—Въ этомъ нельзя не согласиться; но что дѣлать тѣмъ, которые развились до современности?—«Несчастіе для нихъ, но, конечно, нельзя итти назадъ. Впрочемъ, можно заниматься инымъ, полезнѣйшимъ, своевременнѣйшимъ». Строгоновъ отзывается объ Бѣлинскомъ съ признаніемъ его достоинства (вотъ насколько онъ выше славянофиловъ). Онъ понимаетъ значеніе *Отеч. Зап.*, понимаетъ единство ихъ духа. Бранилъ Францію и *Москвитянина*, и кончилъ тѣмъ, что самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ приходить къ нему по вечерамъ, поспорить и потолковать. Много неосновательности въ томъ, что онъ говоритъ; но, во-первыхъ, онъ *не всю* свою мысль высказываетъ, во-вторыхъ, ненадобно забывать, что есть уже значительная разница въ лѣтахъ и что онъ провелъ свою жизнь въ военномъ станѣ и въ высшей аристократіи нашей, которая не отличается особенной современностью образованія.

Анекдотъ. Пасторъ Зедергольмъ, ограниченный человѣкъ и вовсе незнающій философіи, хотя и занимается ею лѣтъ тридцать, вздумалъ за деньги прочесть нѣсколько лекцій хорошо знакомымъ людямъ. На второй лекціи кто-то вздумалъ подшутить надъ Зедергольмомъ dans le genre russe. Является нѣкто, вызываетъ пастора въ другую комнату и увѣдомляетъ его, что eine hohe Person предупреждаетъ его, чтобъ онъ прекратилъ свои лекціи подъ опасеніемъ великихъ непріятностей. Ужасъ овладѣваетъ гостями и пасторомъ. Жена его въ отчаяніи, гости бѣгутъ въ смятеніи, и пасторъ уничтоженный, убитый, мученикъ науки, доселѣ не можетъ прійти въ себя. Шутка была глупа, негуманна. А положеніе, въ которомъ такая шутка можетъ удасться, еще въ тысячу разъ глупѣе и негуманнѣе

29.—Писалъ статью о спеціализмѣ въ наукѣ. Рядъ этихъ статей идетъ удачно.

Въ *Альманахъ* Пруцца между разными выписками изъ Гегелевскихъ бумахъ замѣчательна нота его о смертной казни. Онъ начинаетъ съ замѣчанія Монтескье, что жестокія и частыя казни ожесточаютъ народъ и дѣлаютъ равнодушнѣе и къ наказанію, и къ преступленію. Гегель дѣлаетъ вопросъ, почему ожесточаетъ зрѣлище казней? Если привыкаютъ видѣть смерть, то войско видитъ и въ десятеро болѣе. Что же въ казни поражаетъ насъ? Ein

wehrloser Mensch ist es, der uns in die Augen fällt, der gebunden, von einer zahlreichen Menge umgeben, von ehrlosen Henkersknechten gehalten, hinausgeführt und der ganz wehrlos, unter dem Zuruf und Gebet der Geistlichen, die der Missethäter nachspricht, um das Bewusstsein des gegenwärtigen Augenblicks zu übertäuben. So stirbt er. Солдатъ, сраженный пулей, не производитъ того страшнаго чувства, онъ имѣетъ право защиты, были шансы въ его пользу, у преступника отнято право защиты. Die empörende Empfindung einen Wehrlosen von einer, noch dazu überlegenen, Anzahl Bewaffneter hinrichten zu sehen, wird bei den Zuschauern nur dadurch nicht in Wuth verwandelt, dass ihnen der Ausspruch des Gesetzes heilig ist. Wenn die Hencker schon Diener der Gerechtigkeit sind, so hat doch diese blosse Vorstellung die allgemeine Empfindung nicht zu unterdrücken vermocht, welche das Handwerk oder den Stand dieser Menschen, die hier in Angesicht des ganzen Volkes mit kalten Blick einen Wehrlosen tödten können, die hier ganz als blinde Werkzeuge, so wie die wilden Thiere, denen man ehemals die Verbrecher vorwarf, ihren Dienst verrichten, mit dem Brandmal der Ehrlosigkeit stempelt.

Далѣе онъ замѣчаетъ, что палачи всегда бываютъ очень тихіе и скромные люди, желая спасти свою личность отъ позора званія и проч.

А въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой цензуры при III отдѣленіи; было прежде только для театра, теперь для всѣхъ литературныхъ произведеній, вѣроятно. Еще шагъ!—Боже, Боже—неужели нѣтъ предѣла? На дняхъ было *17 лѣтъ* этой мрачной, страшной страницѣ нашей исторіи.

Въ Барселонѣ провозгласили республику.

Декабрь мѣсяцъ.

9.—Какъ будто въ этотъ промежутокъ ничего и не было. Все попрежнему. Саша бѣгаетъ, шумитъ, Natalie въ своей комнатѣ. Я за письменнымъ столомъ. А между тѣмъ мрачная, гадкая страница прожита нами. Въ ночь съ 29 на 30 родился малютка, вечеромъ 5 умеръ.—Третій. Какой non sens, какая оскорбительная власть случайности. Дитя родилось легко, здоровое, потомъ утромъ 30 начались судороги, и всѣ пособія оказались ничтожными; шесть дней оно страдало, мучилось, на седьмой остался изнуренный трупъ. Пятого ему стало легче, надежды явились не токмо у меня, но у самого Рихтера,—отъ этого вѣсть о его смерти ударила больно. Прежде я не надѣялся. А бѣдная мать, третій разъ обманутая, удивленная, такъ сказать, наглостью безпорядка, задавленная горемъ. Мнѣ пришло въ голову: хорошо, что мы Persönlichkeit Gottes, übergreifende Subjectivität принимаемъ не въ томъ смыслѣ,

какъ добрые люди, а то, признаться, не въ похвалу лицу были бы эти безсмысленные удары.

Кетчеръ, благородный Кетчеръ жилъ у насъ всѣ эти дни, не спалъ ночи, самъ пеленалъ, помогалъ купать, смотрѣлъ за всѣмъ, касающемся больныхъ, утѣшалъ, хлопоталъ и въ самомъ дѣлѣ успѣлъ; половину тягости онъ снялъ на свою грудь съ нашей.

М. В. Рихтеръ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною докторовъ; онъ идетъ къ дѣлу съ обширнымъ взглядомъ, съ обдуманностью и занимается, какъ фактомъ науки, больнымъ, съ усердіемъ и глубокомысліемъ. Когда малютка умеръ, онъ предложилъ мнѣ разрѣшить аутопсію; польза была очевидна, ибо третій подобный случай заставилъ употребить всѣ средства для дознанія истинной причины. Я согласился. Однако страшно щемящее чувство душило меня все время аутопсіи; я было отворилъ дверь, взошелъ въ комнату, гдѣ производилась она, но мнѣ было очень не хорошо, и я тотчасъ ушелъ. Есть какой-то Pietät къ близко-умершему и какая-то профанація въ разоблаченіи тайнъ. Вотъ результатъ. Часть мозга слишкомъ мягка, другая груба, вода въ мозгу; неправильно сильная оссификація. Итакъ, причина смерти hydrocephalus, и отъ абнормальнаго состоянія мозга зависѣли всѣ нервныя явленія, спазмы, конвульсіи etc. Остальное образовано хорошо. Но тутъ-то медицина и въ жалкомъ положеніи, она не умѣетъ отвѣчать на вопросъ: какъ предотвратить въ фётальномъ состояніи hydrocephalus? еще менѣе, въ какой зависимости и отъ какихъ причинъ третій разъ отъ довольно здоровыхъ родителей родятся дѣти съ такой болѣзнью, въ то время какъ первый ребенокъ, предшествовавшій, былъ совершенно здоровъ? Они ссылаются на слабые нервы жены, на ея нѣжное сложеніе вообще, однако эта слабость далека отъ обмороковъ и другихъ признаковъ болѣзненнаго разслабленія нервовъ; говорятъ (и это мое собственное убѣжденіе), что въ первомъ случаѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, испугъ, причиненный присылкою за мной изъ тайной полиціи (belli frutti!), обусловилъ болѣзнь младенца. А второй, а третій случаи? Да натура взяла pli,—да почему же она взяла pli?—chi lo sa?

Рихтеръ совѣтуетъ ѣхать въ теплый край, брать морскія ванны. Хорошо, очень хорошо было бы. Да куда? въ чужіе края—пустятъ ли? Опять chi lo sa. Тяжкое, не представляющее выхода состояніе. Несчастіе съ одной стороны, гоненія съ другой, даже отношенія къ отцу столь же тяжелы, какъ и гоненія, все вмѣстѣ давитъ свинцовыми ногами въ грудь.

13.—Иногда такая злоба наполняетъ всю душу мою, что я готовъ кусать себя. И частное, и общее все глупо, досадно. Я мучился, когда стонало бѣдное дитя, теперь хотѣлъ бы еще слушать этотъ стонъ. Стонъ все же бытіе. А это тупое, нѣмое молчаніе

трупа, могилы. Я мучился прежде, что не имѣю права ѣздить въ Москву,—а теперь тѣмъ, что въ Москвѣ. Этотъ городъ мнѣ противенъ. Я въ послѣднее время не могъ ни разу взойти въ старый домъ безъ судорожнаго щемленія. Видъ, жизнь отца приводятъ меня въ ужасъ, онъ мало по малу утратилъ всѣ слѣды благородныхъ чувствъ, съ каждымъ днемъ растетъ въ немъ мелочная скупость, привязчивость и страшный холодъ и безучастіе ко всему близкому и дальнему. Не могу вѣрить, чтобъ всякій старецъ оканчивалъ такъ страшно свою жизнь. Нѣтъ, это горькое наказаніе за жизнь. Да зачѣмъ я-то поставленъ зрителемъ и судьею? О, жизнь, жизнь, какая гиря! Но выбора нѣтъ. Впередъ!

21.—Вчера продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ; вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière-pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученью, и мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты. Консеквентность его во многомъ выше формалистовъ гегельянскихъ; онъ прямо говоритъ, что изъ гегелевыхъ началъ на Persönlichkeit Gottes, die Transcendenz вывести нельзя, не сдѣлавши великой ошибки, что изъ нея необходимо Immanenz и жизнь — inneres Gähren, приходящая въ себя къ идеѣ. Но, говоритъ онъ, такъ какъ этотъ результатъ нелѣпъ, слѣдовательно, послѣднее слово философіи нелѣпость.

Опровергая Гегеля, Хомяковъ не держится въ всеобщихъ замѣчаніяхъ, въ результатахъ, нѣтъ, зная свою изворотливость, онъ идетъ въ самую глубь, въ самое сердце, то есть, въ развитіе логической идеи. Но его недостатокъ главный—невозможность перехода (слѣдовательно, полнаго пониманія) мысли въ фактъ, къ факту. Что фактъ логическій не можетъ *вполнѣ* знать факта реальнаго, и это вотъ почему. Одна изъ сторонъ факта случайна, отъ нея мысль отвлекаетъ; онъ ее признаетъ, но оставляетъ, беретъ необходимое, законъ, реинтегрируетъ понятіе факта во всей чистотѣ его всеобщаго, т. е. абстрактнаго бытія, но фактъ des Daseins имѣетъ *необходимо* и сторону случайности и, слѣдовательно, какъ конкретъ не можетъ быть возсозданъ, а только какъ абстракція; отсюда недостатокъ жизни въ логическомъ движеніи. Оставленіе случайности возможно въ теоріи, на дѣлѣ не такъ (все это мнѣніе его). Человѣкъ въ фѣтальномъ состояніи долженъ развиться въ человѣка совершеннолѣтняго, необходимость лежитъ въ понятіи Embryo; но случайность отрѣзываетъ нить жизни, и факта нѣтъ. А потому случайность существенна факту, а мыслью принята за несущественное.

Далѣе. Философія ведетъ къ имманенціи, но если самопознаніе, субъективность развертывается погруженная въ міръ реальный, а міръ реальный idealiter долженъ развиться въ самопознаніе, но можетъ gehemmt sein на дорогѣ случайностью, стало, можно предположить такую эпоху вселенной, въ которой субъективности, сознанія вовсе нѣтъ, а есть dumpfes unklares für sich броженіе, а если планета такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то и развившись до сознанія, она можетъ погибнуть, и съ ней весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться на всѣхъ. Но изъ нихъ каждое также зависитъ отъ случайности — отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе. Я сказалъ ему, что это свирѣпѣйшая односторонность имманенціи, и доказывалъ кругомъ ограниченныя вліянія случайности etc., etc. Результатъ его: Гегель и гегельяне представляютъ высшій моментъ философіи, совершенно послѣдовательный и необходимый изъ всего предшествовавшаго развитія, но этотъ результатъ доводитъ до построенія идеальнаго, параллельнаго реальному, — но и реальное доводитъ въ послѣднемъ словѣ до имманенціи и распадающагося хаотическаго атомизма, слѣдовательно, до нелѣпости. Но эта нелѣпость не есть субъективная ошибка лица или школы, а логическое, необходимое послѣдствіе всего движенія науки. Слѣдовательно, наука въ послѣднемъ результатѣ своемъ уничтожаетъ себя и доказываетъ, что живой фактъ можетъ только въ абстракціи быть знаемъ мыслью, построяемъ ею, но, какъ конкретъ, онъ выпадаетъ изъ нея. Итакъ, логическимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни — отсюда религіозный путь. По дорогѣ были еще тысячи отступленій и частныхъ соприкосновенныхъ вопросовъ между весьма оригинальными замѣчаніями Хомякова, вотъ примѣръ. Христіанская партія въ Германіи упрекаетъ гегельянъ вообще въ томъ, что личность Бога у нихъ не выходитъ въ замкнутости обыкновенной Persönlichkeit. А тѣ защищаются въ этомъ. Между тѣмъ, если бы такая Persönlichkeit выходила по логическому пути, то въ самой Persönlichkeit было бы полнѣйшее отрицаніе второго лица, и, слѣдовательно, отрицаніе возможности христіанства. Остается принятіе безличнаго Бога, cela n'arrange pas les afaires піэтистовъ, но можно эманировать христіанство. Belle alternative. Греція никогда не знала никакого бога, кромѣ человѣка. Персія, Индія выше ея, поклонялись хоть абстрактнымъ, но всеобщимъ идеямъ. Буддизмъ хотѣлъ свободы, хотя бы насчетъ бытія. Въ этомъ безуміи есть высокое направленіе etc., etc.

Долго говоривши, наконецъ, я хотѣлъ узнать рѣшительно его построенія, его внутреннюю мысль, ибо такого рода негація не есть положеніе чего бы то ни было. Но онъ отдѣлался и ничего

не сказалъ. Сперва онъ употребилъ выраженіе *бытіе есть богъ*, потомъ сказалъ *богъ внѣ міра*; но какъ же, спросилъ я, бытіе отдѣльно отъ сущаго. Разумѣется, замѣтилъ онъ, не отдѣльно, но для себя,—дальнѣйшаго развитія и главное христіанскаго онъ не сдѣлалъ. Да я думаю, и нѣтъ ничего готоваго.

22.—Такъ, какъ въ прошлый разъ, такъ и теперь Наташа видимо перенесла спокойно ужасный ударъ, плакала, но держалась въ предѣлахъ самоотверженія и грусти, — а не отчаивалась Эта умѣренность и власть надъ собой, кажется, мнимыя. Теперь, когда прошли недѣли, болѣе и болѣе видны опустошенія, сдѣланныя новымъ ударомъ въ этомъ нѣжномъ и нервномъ существѣ.

Иногда ея безвыходно печальный взоръ мнѣ невыносимъ, онъ для меня тягостнѣе всякаго креста. Доля, конечно, должна относиться къ болѣзненному состоянію, всякая маленькая шероховатость, ничтожное обстоятельство ее оскорбляетъ глубочайшимъ образомъ, и она скрываетъ это; но выраженіе боли и грусти вырѣзывается на благородномъ челѣ до такой яркой степени, что ихъ нельзя не видѣть. Я виню себя въ томъ, что не умѣю окружить ея жизнь со всѣхъ сторонъ сферой высшаго порядка, въ которую не входили бы маленькія мелочи. Съ другой стороны, вредъ слишкомъ затворнической жизни также очевиденъ, надобно движеніе, разсѣянность. Но развѣ всякіе люди могутъ разсѣять, а гдѣ же взять иныхъ? Странное устройство жизни. Мы нашли полную гармонію, полное соотвѣтствованіе. Я теперь, какъ пять лѣтъ и шесть тому назадъ, готовъ huldigen высокому прекрасному существу. Тупая случайность смутила наше благородно-гармоническое существованіе. Три гробика; три колыбели замѣнились вдругъ тремя гробами. Это страшно. Да, нѣтъ предопредѣленія,— отсутствіе разума въ управленіи индивидуальной жизнью очевидно.

27.—Я иногда сокрушаюсь отъ какого-то сокрушительнаго огня въ крови. Потребность всякихъ потрясеній, впечатлѣній, потребность безпрерывной дѣятельности и невозможность сосредоточиться на одной книжкѣ заставляетъ духъ безпокойно бросаться на все безъ разбора, безъ разума. A послѣ je me sens flétri, flétri doublement par le repentir même, repentir d'homme faible, qui a toute la possibilité de tomber demain encore plus profondément. Этотъ безпокойный духъ, кажется, свидѣтельствуетъ не болѣе, какъ неустоявшійся нравъ; есть жадность вѣчно бродящая и киснущая потомъ, когда перебродитъ.

Вчера Грановскій говорилъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ,—тоже недурны. Хлопочетъ о разводѣ въ бракѣ; а не слѣдуетъ ли допустить разводы всѣхъ узъ родства, не исключая узъ родительскихъ? Одно физическое рожденіе не связываетъ нераз-

рывно, и если родство не родилось въ духѣ,—его нѣтъ, оно цѣпь, натяжка. И будто человѣкъ не можетъ иными дѣйствіями отрѣчься отъ физическаго рожденія. Должно ли въ самомъ дѣлѣ въ грядущихъ вѣкахъ семейственность подавлять, или какъ она измѣнится? Въ современныхъ отношеніяхъ нѣтъ развитія, нѣтъ будущаго. Половина энергіи пропадаетъ на безплодную борьбу внутри семейства, и сколько нѣжныхъ, благородныхъ душъ гибнутъ безвозвратно, жертвою нелѣпыхъ предразсудковъ. А если и эту цѣпь снять? Посмотрите тогда на животнаго, — да и цѣпи оттого, что люди все еще животныя.

Diplomatische Geschichte der Polnischen Emigration von 1831. Собраніе довольно любопытныхъ документовъ о Польшѣ унесенной, безземельной. Вообще дѣйствіе этой брошюры щемящее и тяжелое. Самая надежда, которую они хранятъ, не оживляетъ, не облегчаетъ, потому что она похожа на надежду чахоточнаго. Демократическая партія совершенно отдѣлилась отъ аристократовъ и предала ихъ позору, обличивъ, сколько они ускорили катастрофу.

Языкъ манифеста 1840 твердъ. Нѣкоторыя подробности о событіяхъ, покрытыхъ непроницаемой завѣсой послѣ революціи. О дѣтяхъ, эмиссарахъ etc. А мы толкуемъ о утопіяхъ, въ то время какъ возлѣ, около... ну, да что объ этомъ говорить. Грустно — и съ этимъ грустнымъ чувствомъ, давно знакомымъ, мы проводимъ и этотъ годъ.

Окончилъ этимъ днемъ статью объ ученыхъ. Многіе ее находятъ лучшей изъ моихъ статей. Окончилъ и о романтизмѣ для *Альманаха*. Пора снова приняться за серьезное чтеніе; 1842 проведенъ со стороны занятій прерывисто, хоть не безполезно. Сначала усердное чтеніе Гегеля, пониманье и воспроизвожденіе живое его ученія, тогда и первая статья о дилетантизмѣ; потомъ съ 1-го іюня мѣсяца четыре dolce far niente, а въ концѣ нѣсколько исправился. Но все не могъ наладить систематическаго труда. А состарился я много въ этотъ годъ и покидаю его не вовсе довольнымъ собою.

29. —Хомяковъ въ изложенномъ спорѣ, между прочимъ, бросилъ слѣдующее замѣчаніе: древній міръ, оканчиваясь, умирая, выразился двумя индивидуальностями, Пилатомъ и Брутомъ,—Брутомъ, который провелъ всю жизнь въ стоическомъ поклоненіи добродѣтели, преслѣдуя ее, жертвуя ей, окончилъ тѣмъ, что угомонился въ ней. И Пилатъ, который зналъ, что дѣлаетъ неправое, сдѣлалъ его, омывая руки.

1843.

Январь мѣсяцъ.

1.—Встрѣтились мы съ 1843 годомъ подъ счастливымъ созвѣздіемъ. Девять лѣтъ я не встрѣчалъ новый годъ въ Москвѣ. Шумно и весело, съ пѣнящими бокалами и искренними объятіями друзей перешли мы въ него. И было чрезвычайно весело, что рѣдко посѣщаетъ насъ; на минуту скорбное отлетѣло, мы были довольны, что вмѣстѣ, послѣ долгихъ и скорбныхъ лѣтъ. Огарева не доставало; но онъ былъ съ нами въ воспоминаніи и въ портретѣ.

7.—Deutsche Jahrbücher запрещены въ Саксоніи. Ввозъ лейпцигскихъ газетъ запрещенъ въ Пруссіи, за крупныя слова между королемъ прусскимъ и Гервегомъ. А какъ все еще смѣшно, жалко! Въ Петербургѣ Клейнмихель, министръ инженерный, велѣлъ посадить двухъ цензоровъ на гауптвахту, и они были посажены, а потомъ кто-то велѣлъ ихъ выпустить, и ихъ выпустили. Послѣ этого, просто по улицамъ ходить опасно, первый генералъ вздумаетъ посадить, потомъ извинится.

Объ Deutsche Jahrbücher жалѣть особенно нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а такъ, какъ переѣхали изъ Галля въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй въ Бельгію. Въ одномъ изъ послѣднихъ № была статья француза Jul. Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый обладаніемъ симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ непмовѣрной ясностью *смыслъ* ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ, можетъ, и мы можемъ вложить лепту.

8.—Аксаковъ, князь Гагаринъ и др. Когда настанетъ эпоха современнаго развитія, разумнаго и сознательнаго для народа, мыслящіе проникнуты единымъ духомъ, увлечены одной всеобщей мыслью, религіей. Возможно еще противодѣйствіе религіи — своя религія прошедшаго. Но когда народъ ощущаетъ одинъ темный трепетъ призванія, одно броженіе чего-то неяснаго, но влекущаго его въ сферу шири, тогда мыслящіе, не имѣя общей связи, начинаютъ метаться во всѣ стороны. Страшное сознаніе гнусной дѣйствительности, борьбы, заставляетъ искать примиренія во чтобъ ни стало, примиренія во всякой нелѣпости, себя обольщенія,—лишь бы была дѣйствительность мысли, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности и найти причину, почему она такъ гадка. Вотъ причина этого множества партій самыхъ непонятныхъ въ Москвѣ. Общая связь одна—всѣ убѣждены въ тягости настоящаго, но выходъ находитъ каждый молодецъ на свой образецъ. Партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости. Она нелѣпа во Франціи, ибо католицизмъ имѣлъ торжественный моментъ развитія и столько же торжественный моментъ признанія дряхлости, безсилія (его воскрешеніе смѣшно думать на западѣ); ну, да французы католики par métier, каково же въ нашъ вѣкъ сдѣлаться католикомъ par affinité élective, сдѣлаться іезуитскимъ пропагандистомъ. Жаль откровенность, съ которой бросаются въ эти мертвые пути. Таковъ князь Гагаринъ; онъ считаетъ Чаадаева *отсталымъ*. Понять можно: аристократъ, вѣроятно не получившій серьезнаго образованія, ни сильнаго таланта,—между тѣмъ умъ и горячее сердце, Богъ привелъ взглянуть на Францію, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человѣчества неизвѣстенъ. Основныя, краеугольныя начала современнаго взгляда, аутономія разума, исторія—terra incognita. А тутъ случайная встрѣча съ іезуитомъ, съ безумнымъ католикомъ; передъ непривычнымъ глазомъ развертывается въ первый разъ ученіе, мощно развитое изъ своихъ началъ (которыя впередъ втѣсняетъ своимъ авторитетомъ), и удивленный человѣкъ предается вымершему принципу. Таланты Чаадаева дѣлаютъ его болѣе отвѣтственнымъ. Vice versa: партія православныхъ, Кирѣевскій en tête, а потомъ и Шевыревъ—дилетанты религіи, и славянофилы, и русофилы, и Аксаковъ полу-гегельянецъ и полу-православный. Они передъ католиками имѣютъ важный шагъ впередъ, потому что они родились въ православіи, связаны воспитаніемъ, народными воспоминаніями etc. Сверхъ того, православіе никогда не имѣло такого торжественнаго финала, какъ реформація; оно покойное никогда не шло ни впередъ, ни назадъ, и потому это безжизненное, но и не мертвое бытіе въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣчто проблематическое, о чемъ мечтать можно. Почемъ знать, чѣмъ оно разовьется, такъ какъ можно ждать еще развитія

Византійскаго зодчества, а уже готическаго нельзя. Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегельянизмомъ; но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ жить какъ-то вмѣстѣ, это конкубинатъ sui generis. Другіе, какъ Кирѣевскій, отвергаютъ все западное, не хотятъ даже знать, боятся знать, т. е. боятся углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зародышей скептицизма. Споры между католиками и православными пресмѣшные,—такъ и переносишься въ блаженной памяти средніе вѣка. Типъ этихъ споровъ одинъ: «откуда вѣдьмы,—изъ Кіева или изъ Чернигова?» Для людей невѣрящихъ въ вѣдьмы остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ. Эти господа дѣлали преспеціальныя изученія исторіи церкви, знаютъ подробности ненужныя и мелочныя, дающія пищу ихъ контроверзѣ, и совершенно незнакомы съ краеугольными истинами историческаго развитія, до смѣшного Князь Гагаринъ однажды доказывалъ, что въ XVI, что ли то, вѣкѣ было незаконное избраніе русскаго патріарха, и отсюда выводилъ заключеніе о мѣрѣ законности постановленій и пр.; но развѣ греко-россійская церковь не есть событіе, которое требуетъ только признанія? и что поможетъ доказательство, что она не имѣетъ въ такомъ-то смыслѣ, такого-то оправданія. Тутъ еще не всѣ. Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, какъ надъ отсталыми, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова, а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдьмы идутъ изъ Житомира. Ихъ положеніе тѣмъ незавидно, что ихъ бьютъ со всѣхъ сторонъ религіозные и совсѣмъ не религіозные; куда они не обернутся, это чужая собака, пристающая къ грызущимся И грызущіеся тотчасъ обращаются на чужую, оставляя свой раздоръ.

И на это расточается большая дѣятельность, хоть плода ждать нельзя; но, какъ бы то ни было, нельзя не признать, что самая дѣятельность эта утѣшительна, безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои интересы въ сферу вопросовъ религіозныхъ—хороша. Привычка собираться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi постановляетъ въ люди насъ, все-таки безличныхъ рабовъ. Итакъ, спасибо и на томъ!

Вчера явился ко мнѣ знакомиться профессоръ Казанскаго университета Григоровичъ. Отрадно уже самое юношески-благородное желаніе изъявить свою симпатію людямъ... какъ сказать... людямъ движенья; но еще отраднѣе видѣть профессора славянскихъ языковъ въ Казани, твердо смотрящаго на свой предметъ съ точки зрѣнія современной науки. Мнѣ дорого было и его вниманіе, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманности.

Разговоръ съ Грановскимъ о личномъ положеніи моемъ, нашемъ, всегда оставляетъ мрачное расположеніе. А впрочемъ, подчасъ кипятъ надежды. Nein, nein, es sind keine leere Träume! Нѣтъ достаточно вѣры, оттого нѣтъ достаточно резигнаціи. Хочется насладиться жизнью, отдохнуть отъ прошлыхъ ударовъ, въ то время, какъ слѣдовало бы самоотверженно оставить домъ. Конечно, мы приносимъ хоть малую, но приносимъ пользу.

14.—Правительство подыскивается и приготовляетъ ловушки славянофиламъ. Оно само поставило знаменемъ народность, но оно и тутъ не позволяетъ итти дальше себя: о чемъ бы ни думали, какъ бы ни думали,—не хорошо. Надобно слугъ и солдатъ, которыхъ вся жизнь проходитъ въ случайныхъ интересахъ и которые принимаютъ за патріотизмъ дисциплину. Передъ Рождествомъ, Клейнмихель велѣлъ посадить на гауптвахту двухъ цензоровъ за не понравившееся ему выраженіе объ офицерахъ. Врядъ поймутъ ли, сообразятъ ли европейцы этотъ случай. Министръ инженерный, который только начальникъ публичныхъ работъ, военный, приказалъ арестовать чиновниковъ, служащихъ по иному вѣдомству и для которыхъ, какъ для всѣхъ, есть же законный судъ, вслѣдствіе котораго можно наказать. Въ родѣ осаднаго положенія.

16.—Опять тяжелый разговоръ съ Natalie, точно въ прошедшемъ году послѣ ея болѣзни. Отчасти всѣ эти Grübeleien именно слѣдствіе болѣзни; но есть корни и глубже въ ея характерѣ, въ ея воспитаніи. Главная вина моя, что я не умѣлъ осторожно, нѣжно вырвать ихъ. Нѣсколько дней я заставалъ ее въ слезахъ, съ лицомъ печальнымъ. Сначала я молчалъ, но не могъ скрыть и свою грусть, это удвоило ея печаль, наконецъ, я не находилъ болѣе силъ, à la lettre не находилъ силъ вынести этотъ видъ; отъ него приходилъ въ какое-то горячешное состояніе, уходилъ съ какою-то тяжестью въ груди, въ головѣ. За что это благородное, высокое созданіе страдаетъ, уничтожаетъ себя, имѣя всю возможность счастья, возмущеннаго только воспоминаніемъ трехъ гробиковъ, воспоминаніемъ ужаснымъ, но которое одно не могло бы привести къ такимъ слѣдствіямъ. Я просилъ, наконецъ, объяснить, и снова явились ни на чемъ неосновавныя Grübeleien. «Я тебѣ ненужна, напротивъ, всегда больная, страждущая. Я тебѣ порчу жизнь, лучше было бы избавить отъ себя,— ты меня любишь, я знаю, ударъ тебѣ былъ бы боленъ, но потомъ было бы спокойнѣе», и пр., пр. Я просилъ, умолялъ, требовалъ, наконецъ, разумомъ разобрать всю нашу жизнь, чтобъ убѣдиться, что все это тѣни, призраки. Она плакала ужасно и признавалась, что съ перваго дня нашей жизни вмѣстѣ, ее эти мысли не покидаютъ, что она только ихъ скрывала, что они уже развиты съ самой пер-

вой встрѣчи, что она поняла, какъ моя натура должна была имѣть иную натуру въ соотвѣтственность, болѣе энергичную и пр., и пр., и все это съ видомъ существеннаго, сильнаго горя. Наконецъ, часа черезъ два я уговорилъ ее самое разобрать по хладнокровнѣе. Тогда начались новыя слезы, извиненія, доказательства, что самый этотъ фактъ подтверждаетъ. Что за причина заставляетъ мучиться ее? Чрезвычайная нѣжность и сюсцептибельность, чрезвычайная любовь. Но зачѣмъ же болѣзненное выраженіе такого препростого начала? Привычка сосредоточиваться, обвиваться около мыслей скорбныхъ. Если я въ этомъ отношеніи могу себя винить, то это въ разсѣяньи, въ возможности предаваться предметамъ занятій и поглощаться ими. Это понято ею какъ нельзя лучше, и мысли никогда не приходило ей въ этомъ видѣть дурное; но она много остается одна. *Безпечность, врожденная* мнѣ, кажется, подчасъ, невниманіемъ, и я не умѣю поправить себя, потому что я живу чрезвычайно просто, поступаю совершенно натурально. Но самое ужасное, самое оскорбительное для меня это невысказываемое, но понятное обвиненіе въ недостаткѣ любви,—оно оскорбительно по ложности. Въ то время, какъ душа моя склоняется, huldigt съ умиленіемъ ея прекрасной высокой душѣ; въ то время, какъ ея личность обнимаетъ мою какимъ-то благоуханіемъ любви; въ то время, какъ я только въ нее и вѣрю,—недовѣріе! Я гордился прежде ригоризмомъ своимъ, но опытъ доказалъ, что я могу падать, увлеченный минутнымъ порывомъ знойной страсти; но отъ моего паденія до Grundton всей жизни моей нѣтъ перехода. Моя любовь къ Natalie—моя святая святыхъ, высшее, существеннѣйшее отношеніе въ моей частной жизни, становящееся рядомъ съ моимъ гуманизмомъ. Я такъ сросся съ моей любовью, что мнѣ страшнымъ, чудовищнымъ кажется всякое сомнѣніе. Ну, не нелѣпость ли, что мы мучимъ другъ друга безъ всякихъ достаточныхъ причинъ?

18.—Странное состояніе растетъ у Natalie и подавляетъ ее. Ея характеръ принадлежитъ къ такимъ, съ которыми нѣтъ средствъ, на которые ничто не дѣйствуетъ, кромѣ внутренняго голоса. А онъ ей подсказываетъ сомнѣніе и мрачныя вещи. Неужели я довелъ ее до этого ужаснаго состоянія недостаткомъ любви, пустотою... Да что же я послѣ этого... У *ней нѣтъ* вѣры въ меня. Все это составляетъ какой-то узелъ въ жизни, отъ котораго будемъ считать новую эру. А тяжело мнѣ, ужасно тяжело... кара это, что ли? Конечно, но да мимо идетъ скорѣе чаша сія! Недѣлю тому назадъ, жизнь была еще спокойна, и вдругъ безъ причины разверзлись какія-то пропасти подъ ногами,—лишь бы удержаться на краю. Я виноватъ, много виноватъ, глубоко падалъ,—но любовь моя была всегда святою святыхъ; я минутами забывалъ ее—

могъ забывать—и вотъ чудовищное дѣйствіе. Я отравилъ жизнь, страшно сказать, волосы становятся дыбомъ, я испортилъ жизнь тому существу, которое любилъ и люблю больше всѣхъ. Несчастный нравъ! Я мелокъ, загрязненъ,—но что же въ ней нѣтъ милосердія? Я заслужилъ крестъ, лежащій на мнѣ, но колѣни гнутся подъ тяжестью его. А я думалъ, что мои паденія съ рукъ сойдутъ,—низкое упованіе! Жалкая душа, и тѣмъ болѣе жалкая, что она вооружена талантами. Я поднимусь; ну, а рубцы-то, нанесенные мною? Впрочемъ, я не хотѣлъ никогда ни даже темной минуты доставить ей, я всегда готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для нея. Но при всемъ этомъ чувствую, какъ справедливъ крестъ; безконечная любовь ея имѣетъ въ себѣ безконечную гордость, эта гордость пренебрегаетъ милосердіемъ—простымъ прощеніемъ, она стираетъ, отбрасываетъ факты, но остается при горести и оплакиваніи утраченнаго счастья. Облегченіе, облегченіе ей и мнѣ! Grâce, grâce—grâce pour toi même.

19.—Что дѣлается со мною? Все покрывается какимъ-то туманомъ. И вдругъ трепетъ, должно быть въ родѣ того, который ощущаетъ колодникъ, приговоренный къ кнуту передъ наказаніемъ; все мучитъ меня. Неужели я заслужилъ? Не мнѣ вѣшать мѣру наказанія. Высочайшая любовь къ лицу есть эгоизмъ! Высочайшее смиреніе—гордость! А чувствовать себя неправымъ, носить угрызеніе, видѣть терзаніе невиннаго, святого существа ежеминутно передъ глазами... О, лучше ослѣпнуть!

21.—И во всѣхъ случаяхъ она побѣждаетъ меня. Эта единственная индивидуальность, которая просто порабощаетъ меня, можетъ, именно потому, что всякая мысль порабощенія далека отъ ея благородной, прекрасной души. Вчера мы долго, долго и скорбно говорили. Я раскрывалъ всѣ раны, всѣ угрызенія, нанесенныя минутами паденія; мало по малу становилось на душѣ свѣтлѣе; я какъ-то выросталъ, ощущалъ всю мощь свою, всю любовь свою и всю ея любовь, обнявшую нимбомъ существо мое. И мы провели минуты высокаго блаженства, все прошедшее было забыто, мы были хороши, какъ въ день свадьбы. Благословеніе этому вечеру!

22.—Истинное, глубокое раскаяніе очищаетъ не токмо отъ событія, въ которомъ раскаивается человѣкъ, но вообще очищаетъ отъ всей пыли и дряни, наносимой жизнью. Небрежность людская позволяетъ насѣсть пыли, паутинѣ на святѣйшія струны души: гордость не дозволяетъ видѣть паденья—и тотчасъ раскаянія (если натура не утратила благородства); человѣкъ возстановляется, но гордости нѣтъ, нѣтъ сухости, въ немъ трогательная грусть, онъ стыдится и проситъ милосердія, онъ дѣлается симпатиченъ падшему.

Всѣ эти дни рѣшительно ничего не дѣлалъ. Минутами душа

такъ переполнялась, что изъ каждаго пальца, кажется, готова была струиться сила; я, можетъ, впервые въ жизни глубоко жалѣлъ, что я не музыкантъ; то, что мнѣ хотѣлось сказать, только можно было бы сказать звуками. Минутами овладѣвала апатія — тягостная, сонная. Впрочемъ, читалъ Мицкевича. Много прекраснаго, высоко художественнаго въ этомъ плачѣ поэта. Боже мой, какъ хороша у него картина русской дороги зимой! Безконечная пустыня, бѣлая, холодная, море—нераскрывающее груди своей вѣтру, вѣтру, который мететъ эту степь, отъ полюса до Чернаго моря. Дороги, пересѣкающія ту степь, вызваны не торговлей, не народной нуждой, а проведены по приказу царя, и пр., и пр. Замѣчательно въ той же поэмѣ мѣсто о памятникѣ Петра. Мицкевичъ сравниваетъ его (и влагаетъ это въ уста путника) со спокойной позой Марка Аврелія въ Римѣ. Тутъ лошадь несетъ, она стала на дыбы на краю пропасти, и остановилась какъ замерзнувшая каскада: еще шагъ, и сѣдокъ разбился бы вдребезги. Взойдетъ солнце свободы, подуетъ вѣтеръ западный и растаетъ каскада.

Во второй части «Дѣдовъ» еще духъ отрицанья сильнѣй, истинно байроновскій, борется съ католическимъ воззрѣніемъ. Но оно съ каждымъ шагомъ беретъ верхъ.

28.—Вѣсть объ Julien Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои, я совершенно примирился съ нимъ.

31.—Началъ статью о формализмѣ — будетъ хороша. Вчера die Jüdin оставила меня подъ какимъ-то тягостно хорошимъ чувствомъ. Мнѣ, просто, чрезвычайно нравится libretto. Много и много навѣваетъ думъ,—притомъ музыка, какъ море обтекающее, томящее и примиряющее безконечными волнами звуковъ.

Февраль мѣсяцъ.

4.—Боткинъ назвалъ начало статьи о философіи symphonia eroica. Я принимаю эту хвалу,—она написалась въ самомъ дѣлѣ съ огнемъ и вдохновеніемъ. Тутъ моя поэзія, у меня вопросъ науки сочлененъ со всѣми соціальными вопросами. Я иными словами могу высказывать тутъ, чѣмъ грудь полна.

14.—Тихо проведенное время. Графъ Строгоновъ обѣщалъ написать къ Бенкендорфу и узнать, можно ли ѣхать на короткое время въ чужіе края. Если... Боже мой, я не соображу, что черезъ шесть мѣсяцевъ я могу сидѣть гдѣ бы то ни было, не боясь жандармовъ. Но надежды опереть не на чемъ, лучше не думать объ этомъ. Изъ людей видѣлъ одного, да и тотъ женщина, т. е. Павлова; ея голосъ непріятенъ, ея видъ также не вовсе въ ея пользу, но умъ и таланты не подлежатъ сомнѣнію. Больше на первый случай ничего не могу сказать.

15.—Письмо отъ Огарева. На него только можно сердиться и негодовать, когда ни его нѣтъ, ни письма нѣтъ. Достоинство сирены: сталъ говорить, и симпатическая всему прекрасному и высокому душа все поправила, примирила, возстановила. Письма отъ J. Elisard'a и отъ Бѣлинскаго. Одинъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ; другой страдаетъ, глубоко страдаетъ, безпокойный духъ его мечется, ломаетъ себя. И когда же онъ дойдетъ до свѣтлаго, гармоническаго развитія? или есть натуры, которыхъ вся жизнь въ томъ и состоитъ, что они ломаются? Впрочемъ, много и внѣшнихъ обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на него. Не деньги, а недостатокъ симпатій, недостатокъ близкихъ людей, одиночество, на которое обрекъ его Петербургъ.

18.— Въ Siècle между прочимъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ разсказанъ слѣдующій случай, бывшій, помнится, въ Ліонѣ. Какой-то работникъ, не имѣя нѣкоторое время занятій, пришелъ въ ужасную крайность. На его рукахъ больная жена, оба очень молоды. Они жили на чердакѣ и, не имѣя въ одинъ день хлѣба и видовъ что-нибудь достать, онъ укралъ въ нижнемъ этажѣ какую-то бездѣлицу для того, чтобъ, продавши ее, купить хлѣба и лекарства женѣ. Воровство было сдѣлано такъ неловко, что тотчасъ открыли, кто виновникъ. Работникъ, до того слывшій порядочнымъ человѣкомъ и понявшій, что потерялъ послѣднее благо, ожидая жандармовъ, грустилъ, грустилъ съ женою,—да и рѣшились *повѣситься*. Оба привели въ дѣйствіе предположеніе, но жандармы успѣли отрѣзать веревки. Теперь будетъ судопроизводство Оно въ высшей степени замѣчательно. Надобно замѣтить, что французское jury смертоубійство легче и снисходительнѣе обсуживаетъ, чѣмъ *воровство*.

Подобные случаи выставляютъ разомъ во всей гнусности современное общественное состояніе. Не можетъ человѣчество итти далѣе съ этими путями незаконія. Но какъ выйти? Тутъ-то весь вопросъ, но на него не можетъ быть полнаго теоретическаго отвѣта. Событія покажутъ форму, плоть и силу реформаціи. Но общій смыслъ понятенъ. Общественное управленіе собственностями и капиталами, артельное житье, организація работъ и возмездій, и право собственности, поставленное на иныхъ началахъ. Не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеститура обществомъ, которая государству даетъ право общихъ направленій. Фурьеризмъ, конечно, всѣхъ глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, онъ далъ такія основанія, такія начала, на которыхъ можно построить болѣе фалангъ и фаланстеровъ. Подобные анекдоты оправдываютъ злобный характеръ Прудоновой брошюры.

20.—Говорятъ. Уваровъ общій отчетъ за управленіе министерства просвѣщенія за десятилѣтіе заключаетъ предложеніемъ

расширить свободу книгопечатанія и, слѣдовательно, измѣнить цензурныя учрежденія. Конечно, это дѣлается для славы, для того, чтобъ даже въ Европѣ поговорили, но тѣмъ не менѣе, что за путаница хорошаго и дурного во всемъ управленіи, въ каждомъ государственномъ лицѣ. Нѣтъ опредѣленныхъ воззрѣній, нѣтъ опредѣленныхъ цѣлей, и вѣчный типъ Хлестакова. Духъ подражанія европейцамъ насъ не оставилъ; мы все еще, какъ мѣщане въ дворянствѣ, хвастаемся, что мы образованы, и стараемся заявить, что имѣемъ либеральныя идеи. Между тѣмъ ихъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ образованія. Но и вражды противъ идей нѣтъ. Оттого выходитъ что такой-то съ спокойной совѣстью говоритъ и дѣлаетъ въ трехъ разныхъ смыслахъ, нисколько не замѣчая того. Разумѣется, этотъ недостатокъ всего замѣтнѣе въ значительныхъ людяхъ. Наши вельможи не умѣютъ себя держать ни относительно насъ, ни относительно служащихъ, всего менѣе относительно иностранцевъ; или tropro или tropro poco, или дерзко, или фамиліарно, или грубо, или унизительно учтиво. Они не свободны въ своихъ манерахъ, потому что они играютъ роль, а не въ самомъ дѣлѣ аристократы. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ магнатовъ, графъ Строгоновъ, исполненный личнаго благородства и пр., со всѣмъ тѣмъ впадаетъ иногда въ страшныя нелѣпости, желая à propos de bottes вдругъ представить изъ себя лорда тори и забывая, что полчаса передъ тѣмъ онъ посмѣялся надъ англійскимъ торизмомъ и излагалъ вещи человѣческія безъ всякихъ предразсудковъ касты. Таковы всѣ, и князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, слывущій либераломъ и какъ premier gentilhomme de l'empire. Ein gutes Herz verwirrte Fantasie, das heisst auf Deutsch: ein Narr war Lamettrie. А не выражаетъ ли все это вмѣстѣ, что мы не устоялись? броженіе странное, уродливое гетерогенныхъ элементовъ.

А. А. Тучковъ чрезвычайно интересный человѣкъ, съ необыкновенно развитымъ практическимъ умомъ. У насъ это большая рѣдкость, мы или животныя, или идеологи, какъ и азъ грѣшный. Ничѣмъ не занимаемся или занимаемся всѣмъ на свѣтѣ. Еще болѣе интересный потому, что очевидецъ и долею актеръ въ трагедіи слѣдствія по 14 декабря, актеръ, какъ подсудимый, разумѣется. Характеристическія подробности! Разсказъ объ этомъ времени наша genesis, эпопея. Когда-нибудь надобно записать подробности.

28.—Завтра выйдетъ въ Петербургѣ 3 № *Отеч. Зап.*, въ которомъ моя статья о романтизмѣ. Я продолжалъ ее. Или цензура ее изродуетъ, или эта статья можетъ принести послѣдствія. Можетъ, третью ссылку. Горько будетъ, но я готовъ. Я окрѣпъ и возмужалъ въ послѣднее время, мнѣ нуженъ досугъ, и я теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, надѣюсь на огромную силу души Natalie. Стран-

ная жизнь! Но жребій брошенъ, я не могу жить иначе, нѣчто похожее на призваніе заставляетъ поднимать голосъ, а они не могутъ вынести человѣческаго голоса. Вліяніе, которое дѣлаетъ мой голосъ, убѣждаетъ всѣмъ жертвовать, ибо кромѣ его я ни къ чему не призванъ. Ссылка заставитъ смолкнуть. Надобно предпринять трудъ продолжительный. А любимая мечта, послѣднее желаніе личное—путешествіе! И вдругъ вмѣсто ссылки дозволеніе ѣхать. И счастье, и несчастье, втѣсняемое внѣшней неразумной силой, противны и оскорбительны. Въ обоихъ случаяхъ личность человѣка подавлена.

Мартъ мѣсяцъ.

4.—Еще ужасное и тяжелое объясненіе съ Наташей. Я думалъ, все окончено, давно окончено; но въ сердцѣ женщины не скоро пропадаетъ такое оскорбленіе. Она плакала, отчаянно, горько плакала, я уничтожалъ себя; состраданіе, любовь, мучительное угрызеніе, бѣшенство, безуміе—все разомъ терзало меня. Сегодня я проснулся въ ознобѣ, весь больной, съ какой-то ломотой во всемъ тѣлѣ Если-бъ была молитва! Въ какую пропасть стащилъ я ее, которая не могла представить себѣ такого паденія. Гнусно, отвратительно! Когда я смотрю пристально на себя и разоблачаю все гадкое, мнѣ является потребность сильная итти ко всѣмъ любящимъ меня и сказать: прежде посмотрите, вотъ вашъ другъ! Да, и это изъ самолюбія, мнѣ больнѣе всего ихъ неправая оцѣнка. Еще пять, шесть такихъ сценъ, и я сойду съ ума, а она не переживетъ. Ночь, ночь, темно, скверно, тяжело. Но что же ей, когда я такъ чисто покаялся, когда это уже давнопрошедшій фактъ? Зачѣмъ подрываться подъ другого? Зачѣмъ? глупо, и тутъ любовь, но въ другомъ видѣ, любовь—немезида. Чтобъ довершить все, чтобъ дать послѣдній ударъ въ самую грудь, я вспомнилъ, что вчера было 3 марта. 3 марта 1838 года я не былъ раскаивающимся и гадкимъ, она не была убитая и невольно карающая. Тогда мы увидѣлись впервые послѣ разлуки. Все было свѣтло, свято, прекрасно. Жизнь сулила одно блаженство. Зачѣмъ же я допустилъ змѣиное жало? Гдѣ мнѣ прибрать черное слово, которымъ бы я могъ выразить мое состояніе?

10.—Кажется, живется себѣ такъ, ничего важнаго не дѣлаешь, semper idem ежедневности, а какъ только пройдетъ порядочное количество дней, недѣль, мѣсяцевъ,—видишь огромную разницу воззрѣнія. Доселѣ я тридцать лѣтъ не останавливался. Ростъ продолжается, да, вѣроятно, и не остановится. Послѣднее время я пережилъ цѣлую жизнь, и все мрачное переработается во мнѣ въ ткань свѣтлую, лишь бы *она* не страдала, лишь бы она умѣла прими-

риться, забыть. Мнѣ такъ страшны ея страданія,—за что она, бѣдная, за всю высоту, чистоту купила слезы? Но какъ же любовь не врачуетъ? Неужели моя любовь слаба?

13.—Ея страданія, ея сомнѣнія уничтожаютъ меня. Я палъ, je suis flétri въ ея глазахъ, ее мучитъ это, она сама унижена въ моемъ униженіи, полное довѣріе потрясено! Время, моя безпредѣльная любовь уврачуютъ, быть можетъ. Я понимаю, что раскаяніемъ, слезами я очистился. Мы вмѣстѣ оплачемъ, вмѣстѣ погрустимъ, но теперь она часто хуже, нежели груститъ. Вчера мнѣ было ужасно тяжело. А въ такія минуты я, долго изнемогая, додохожу до мыслей слабыхъ. Мнѣ бы хотѣлось уѣхать одному изъ Москвы, не видать, не знать и отдохнуть такъ. Мнѣ становится страшно въ комнатѣ,—мнѣ больно смотрѣть на игру Саши, онъ такъ беззаботенъ, веселъ. Да чья же грудь не найдетъ въ себѣ полнаго примиренія за такое полное раскаяніе? Ея страданія, ея сомнѣнія тѣмъ страшнѣе, что вся религіозная сторона упованія, успокоенія—въ ней. Иной религіи я не знаю. Вѣра въ человѣчество, вѣра во всеобщее слишкомъ широка, слишкомъ безлична; она свята мнѣ, но я говорю объ индивидуальномъ вѣрованіи, объ частномъ возношеніи и спокойствіи.

Вторая статья также принята съ рукоплесканіемъ. Меня, если-бъ знали во всѣхъ изгибахъ, поставили бы, можетъ, на одну доску съ Бакунинымъ, т. е. талантъ и дрянной характеръ. La nature ne fait jamais un pas qui ne soit en tous sens (Buffon).

14.—Когда человѣкъ съ глубокимъ сознаніемъ своей вины, съ полнымъ раскаяніемъ и отреченіемъ отъ прошедшаго проситъ, чтобъ его судили, распяли,—онъ не возмутится никакимъ приговоромъ. Онъ вынесетъ всякое наказаніе, поверженный въ прахъ слезами раскаянія, мучительными угрызеніями, онъ смиренъ и понимаетъ, что наказаніе должно быть, что это справедливость. Еще болѣе онъ тутъ же подозрѣваетъ, что ему легче будетъ по ту сторону наказанія, что казнь примиряетъ, замыкаетъ, отрѣзываетъ прошедшее отъ грядущаго. Да, онъ не возмутится, а просто приметъ казнь. Но сила карающая должна на томъ и остановиться; если она будетъ продолжать карать, если она безпрестанно будетъ ему напоминать всю гнусность его поступка,—по страшному реактивному дѣйствію — падшій возмутится, онъ себя самъ начнетъ реабилитировать. Отчасти это понятно. Что онъ прибавитъ къ своему раскаянію? Чѣмъ ему иначе примириться? Невинный имѣетъ передъ виноватымъ такой страшный шагъ впередъ, что онъ не можетъ быть довольно снисходителенъ. Дѣло человѣческое посадить виновнаго (если его раскаяніе чисто) возлѣ, погрустить о его паденіи и показать ему же, что все еще обладаетъ всѣми силами уничтожить сдѣланное раскаяніемъ, что достоинство человѣческое

въ немъ не подавлено. Человѣкъ, котораго удостовѣрятъ, что онъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, которому нѣтъ прощенія, долженъ зарѣзаться или глубже погрязнуть въ пороки,—иного выхода ему нѣтъ.

17.—Жизнь, жизнь! Середь тумана и грусти, середь болѣзненныхъ предчувствій и настоящей боли—вдругъ взойдетъ солнце, и такъ свѣтло на душѣ, ясно, безпредѣльно хорошо. Вчера весь день прошелъ такъ; мы были какъ 3 марта, какъ 9 мая. Мы тѣснѣе соединились, выстрадавъ другъ друга, намучившись. Волна жизни дѣлается шире, полнѣе,—лишь бы она лишилась ѣдко соленыхъ свойствъ.

Высокая, святая женщина! Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы благороднѣе, чище и глубже былъ взглядъ. Но она безпрестанно себя разлагаетъ, поддерживая себя безпрерывно въ восторженномъ состояніи, ей нравится эта полнота жизни; но тѣло ея болѣзненное и слабое не можетъ вынести яркаго огня, которымъ пылаетъ умъ и сердце. За такія минуты, какъ вчера, можно пожертвовать годами. И странное начало этому обновленію, этой гласности любви. Не было мгновенія, не токмо времени, въ которомъ бы я не любилъ ее со всѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, но она мучилась и подозрѣвала какую-то холодность, которой не было и не было. Между тѣмъ въ минуту физическаго, нечистаго увлеченія я сдѣлалъ поступокъ, въ которомъ она вовсе меня не подозрѣвала. Я былъ чистъ и правъ въ томъ, въ чемъ ея болѣзненное воображеніе обвинило. Я никогда не придалъ бы огромной важности гадкому, но безслѣдному поступку, если-бъ онъ не прибавилъ ей страданій. Она никогда не пойметъ, никогда не сообразитъ, что можетъ быть чисто физическое увлеченье, минута буйнаго кипѣнья крови, минута воображенія, разожженнаго образомъ нечистымъ, словомъ, страсть, которая вовсе не переводима на языкъ любви и непонятна для нея, страсть полуживотная, грязная и не благословенная тѣмъ знаменіемъ, которымъ любовь освящаетъ физическій актъ. Мы глубже почувствовали благо нашей жизни! Но я трепещу, что ея Grübeleien опять возвратятся и будутъ мучить. А между тѣмъ ея здоровье разрушается наглазно, она тлѣетъ,—одна надежда у меня на лѣто и на путешествіе. Это, наконецъ, какая-то ядовитая иронія жертвовать тѣломъ за развитіе ума. Какъ широко, прекрасно текла бы жизнь наша, если-бъ каплю силъ прибавить ей. Болѣзнь развиваетъ Grübeleien, а Grübeleien помогаютъ болѣзни.

19.—Четыре года тому назадъ, 19 марта уѣхалъ Огаревъ изъ Владиміра, послѣ перваго свиданья. Какъ все тогда было свѣтло! Не прошло года послѣ свадьбы; тихая, спокойная, прекрасная идиллія владимірской жизни! Не доставало только друга, и онъ

явился радостный и упоенный своимъ счастіемъ. Все улыбалось. Ни одного диссонанса не было видно. Мы были чрезвычайно счастливы. Любовь, дружба, преданность всеобщимъ интересамъ, сознаніе блаженства,—это былъ блестящій эпилогъ юности, точка поворота, къ которой все собралось въ праздничной одеждѣ. Давши эту награду за прошлое, этотъ залогъ будущему, судьба повлекла насъ быстро по желѣзной дорогѣ. Сколько перемѣнилось въ эти четыре года, сколько испытаній! Главное дѣло все цѣло: и дружба, и любовь, и преданность общимъ интересамъ,—но освѣщеніе не то, алый свѣтъ юности замѣнился сѣвернымъ, яснымъ, но холоднымъ солнцемъ реальнаго пониманья. Чище, совершеннолѣтнѣе пониманье, но нѣтъ нимба, окружавшаго все для него. Періодъ романтизма исчезъ, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли впередъ, многаго достигли, но юныя формы приняли мускулезный и похудѣвшій видъ путника усталаго, сожженнаго солнцемъ, искусившагося всѣми тягостями пути, знающаго теперь всѣ препятствія и пр. Первый ударъ былъ страшенъ, потому что разъ потрясъ самыя нѣжныя струны. Это ссора съ М. Л., а четыре года тому назадъ, мы разстались какъ братъ съ сестрой. Ея раздоръ съ мужемъ, его слабость и цѣлая исторія, отвратительная и мучительная. А потомъ вторая ссылка и многое. Мнѣ кажется, наступаетъ теперь новая эпоха, успокоенія совершеннолѣтняго и дѣятельности болѣе развитой. А, впрочемъ, поживемъ—увидимъ. Теперь одна цѣль, одно желаніе поправить здоровье Natalie и ѣхать, ѣхать на югъ, въ степь, если нельзя въ Италію.

23.—Тихое счастіе домашнее снова начинаетъ кротко согрѣвать мое безпокойное существованіе. Здоровье Наташи получше, духъ ея расправилъ опять свои крылья во всемъ спокойномъ благородномъ характерѣ. Бурные дни эти доказали мнѣ всю великую необходимость для меня въ ней. Всѣ святѣйшіе корни бытія сплетены съ нею неразлучно. Лишь бы какъ-нибудь устроить ея здоровье.

Что за прекрасная, сильная личность Ивана Кирѣевскаго. Сколько погибло въ немъ и притомъ развитаго. Онъ сломался такъ, какъ можетъ сломаться дубъ. Жаль его, ужасно жаль. Онъ чахнетъ, борьба въ немъ продолжается глухо и подрываетъ его. Онъ одинъ искупаетъ всю партію славянофиловъ.

25.—Годъ какъ начатъ этотъ журналъ, тридцать одинъ годъ мнѣ. Этотъ годъ былъ съ излишествомъ богатъ опытомъ, толчками по плюсу и по минусу; въ новый вступили весело въ кругу друзей и знакомыхъ.

27.—Не могу не замѣтить остроту уморительную. На дняхъ за ужиномъ я сказалъ, что нашъ девизъ taceamus. Хомяковъ прибавилъ taceamus igitur. А Александръ Ивановичъ Тургеневъ тот-

часъ спѣлъ: taceamus igitur, Russi dum sumus, post Mongalam servitutem, post Polon... (не упомню) nos habebit humus! Да, помолчимъ!

Въ Германіи яростныя гоненія на свободу книгопечатанія. Прусскій король является безъ маски, Баварскій выдерживаетъ роль, которую игралъ всѣ жизнь—претенціозной тупости. Когда онъ издалъ свою глупую книжонку, написанную исковерканнымъ языкомъ: Walhala's Gunsten, которую въ Лейпцигѣ назвали Walfischhalle's Gunsten, въ одномъ изъ лейпцигскихъ журналовъ было сказано отъ имени Людвига Баварца: «Mein Bruder in der Wart der ist redselig, ich aber bin schreibselig». Хороши эти литераторы и говоруны.

30.—Едва прошло нѣсколько спокойныхъ дней,—Саша занемогъ и очень круто. Неужели вся жизнь должна быть пыткой и мученіемъ, смѣняемымъ для отдыха только и для того, чтобъ не уничтожился человѣкъ, покоемъ? Грустно, тяжело и только тѣмъ, что ничего не можешь дѣлать, какъ быть зрителемъ. Человѣкъ попесчинкѣ, несчетнымъ трудомъ, потомъ и кровью копитъ, а случай хватитъ и однимъ глупымъ ударомъ разрушаетъ выстраданное. Едва теперь удалось нѣсколько поправить разстроенное здоровье Наташи, спокойствіе, вниманіе, гармонія кругомъ; едва начали возвращаться силы, вотъ новый толчекъ. И кто его знаетъ, каковъ онъ будетъ... и весна... кровью полна голова и гадко.

Апрѣль мѣсяцъ.

5.—Длинный разговоръ о философіи съ И. Кирѣевскимъ. Глубокая, сильная, энергичная до фанатизма личность. Наука, по его мнѣнію, чистый формализмъ, самое мышленіе способность формальная, оттого огромная сторона истины, ея субстанціальность является въ наукѣ только формально и, слѣдовательно, абстрактно, не истинно или бѣдно истинно. Философія не можетъ рѣшить свою задачу, не достигнетъ примиренія и истины, потому что ея путь недостаточенъ etc., etc. Слово есть также формальное выраженіе, не исчерпывающее то, что хочешь сказать, а передающее односторонно. Конечно, наука par droit de naissance абстрактна и, пожалуй, формальна; но въ полномъ развитіи своемъ ея формализмъ—діалектическое развитіе, составляющее органическое тѣло истины, ея форму, но такую, въ которую утянуто само содержаніе. Содержаніе животнаго—не члены его, взятые какъ члены, но и не внѣ членовъ; оно само ставитъ органы и расчленяется. Конечно, та же наука имѣетъ результатомъ негацію и переходитъ себя, ибо философія каждой эпохи есть фактическій, историческій міръ той эпохи, схваченный въ мышленіи. Переходя себя, она переходитъ необходимо въ *новый* положительной міръ, уничтоживъ все незыблемо

твердое стараго. А Кирѣевскій хочетъ спасенія стараго во имя несостоятельности науки. Такъ легко критика не засыпаетъ.

A propos. Въ 11 № Revue des Deux Mondes статья какого-то Lebre о Гегелѣ и Шеллингѣ. Очень умно и проницательно написана. Честь французу. Все ловко и живо схвачено, многое понято вѣрно и горячо. Жаль, что сжатыя рамки не позволили ему высказаться. Онъ говоритъ о реакціи Шеллинга, какъ о неудачной попыткѣ положительной философіи, внѣ логики (а между тѣмъ на разумѣ) опертой и пр. Все то, что я замѣтилъ изъ нѣсколькихъ лекцій, прочтенныхъ мною,—поэтически возвышенное стремленіе, разбивающееся объ форму не свойственную, мистическіе обѣты, видѣнія. Но въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Гречъ подавалъ доносъ на *Отеч. Зап.*, и III отдѣленіе собственной канцеляріи отвергнуло его съ презрѣніемъ, написало ему полный отвѣтъ. Литераторъ, уничтоженный, замятый въ грязь Дуббельтомъ во имя гуманности!

10.—Невольно вспоминается, что было въ эти дни 8 лѣтъ тому назадъ. Меня отправили въ Пермь, день былъ такой же солнечный, но теплѣе. Какъ юнъ я тогда былъ! девятимѣсячная тюрьма только прибавила экзальтаціи. 9 апрѣля я простился и видѣлся съ Наташей; тутъ впервые мысль любви къ ней, благоговѣніе einer Huldigung явились въ головѣ, и я былъ весь подъ вліяніемъ свиданья. Выѣздъ былъ страшно тяжелъ. Въ Перовѣ я часа два ждалъ Кетчера; онъ не пріѣхалъ, и я съ растерзаннымъ сердцемъ поскакалъ, поскакалъ въ жизнь. Да, лишь съ этого дня считается практическая жизнь, и, Господи, сколько прожито и *нажито* въ эти 8 лѣтъ! Будто бы въ пристани,—но это не такъ, эта станція, une halte. Вчера такъ тихо, мирно сидѣли мы вечеръ у Грановскаго, мы, они, Кетчеръ и Боткинъ, какая благородная кучка людей, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго, ловить, ловить, все ловить и всѣмъ упиваться: дружбой, виномъ, любовью, искусствомъ. Это значитъ жить. Впередъ смотрѣть отрадно и страшно: тучи, вулканическія гибели и хорошая погода послѣ тучъ... да, можетъ, солнце этихъ ведренныхъ дней посвѣтитъ на могилы наши. А это скверно. Нѣтъ столько самоотверженія, чтобъ отказаться отъ участія въ наградѣ, когда не отказываемся ни отъ какого труда. И частно то грядущее, и отрадно, и страшно. Болѣзнь Наташи не уменьшается.

И что за странное устройство людское. Намъ хорошо теперь, окруженные удивительной симпатіей, благороднѣйшими лицами, съ которыми давно не видались, которыхъ видѣть люблю. А между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось въ даль, въ глушь, гдѣ бы было тепло, гдѣ бы было море и гдѣ бы мы остались только вдвоемъ.

Сегодня я читалъ какую-то статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ *Отеч. Зап.*, тамъ приложены отрывки. Между прочимъ, русскій

пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе этихъ строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь—Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы рано проснулись,—спать бы себѣ, какъ все около.—Довольно!

13.—Боже мой, какими глубокими мученіями учатъ жизнь, лѣта и событія; только они могутъ совершить становленіе въ жизнь, ни талантъ, ни геній! Въ мышленіи все мое. Тутъ что-то ускользнуло, растетъ независимо и выростаетъ въ чудовище. Мнѣ такъ тяжело было вчера и сегодня, я становлюсь въ жизни скептикомъ, и себя презираю за этотъ скептицизмъ. Гдѣ сила любви? Я могъ, любя, нанести оскорбленіе, пасть мелко, гнусно. Она, еще болѣе любя, не можетъ стереть этого паденія съ меня, не можетъ принести мнѣ на жертву Grübeleien оскорбленій; что же можетъ человѣкъ для человѣка? Сдѣлать жертву въ томъ случаѣ, когда ему пріятнѣе жертвовать, нежели не жертвовать. Страшно; лучшія, святѣйшія отношенія, индивидуализируясь и углубляясь въ одномъ личномъ, грозятъ страшными ударами. Что замѣшало въ мою жизнь этотъ звукъ, страшно раздирающій душу? А бываютъ минуты, въ которыя жизнь просто становится противна и отвратительна.

15.—Письмо отъ Огарева, письмо отъ Бѣлинскаго и длинный разговоръ съ Кетчеромъ и Наташей. Странная вещь, до какой степени низокъ человѣкъ; онъ самъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти изъ себя или подняться въ такую сферу, въ которой бы въ самомъ дѣлѣ поглощались его личныя особенности, Eigenthümlichkeiten характера и пр. Какъ опытъ и навыкъ къ вѣрному взгляду безпрестанно открываютъ въ жизни, въ людяхъ новое и какъ по большой части тягостно трезвое воззрѣніе; нимба нѣтъ, которымъ бы окружалось. Мы удивляемся великимъ самопожертвованіямъ потому, что мѣримъ все на свой аршинъ. Все дѣло въ томъ, что чѣмъ человѣкъ жертвуетъ, то не есть его существенный интересъ или наслажденіе,—самопожертвованіе превышаетъ его. Всякое *я* тянетъ къ себѣ, даже въ любви и дружбѣ. Эгоизмъ есть только сосредоточенное, болѣзненное, исключительное, сумасшедшее проявленіе личности, которая имѣетъ сильный, рѣзкій голосъ во всѣхъ начинаніяхъ людскихъ. Сознаніе не вовсе признанная власть надъ личнымъ влеченіемъ. Огаревъ понимаетъ, что онъ свое положеніе дѣлаетъ безвыходнымъ именно по нерѣшительности, и не дѣлаетъ однако ни шагу потому, что самая тягость его положенія для него легче, нежели рѣшится на что-нибудь. И все-таки какъ прекрасны люди, какъ Огаревъ и въ другомъ родѣ, какъ Бѣлинскій. Какой любовью и какимъ привѣтомъ мы окружены!

Графъ Строгоновъ писалъ еще къ Бенкендорфу и просилъ доложить государю о моемъ путешествіи. О, Боже, неужели такъ

близко совершеніе мечты, упованіе самаго заповѣднаго, — мнѣ страшно вздумать, что въ іюлѣ, быть можетъ, проведу мѣсяцъ съ Огаревымъ на Lago maggiore; я поюнѣю, это одно изъ послѣднихъ требованій чисто личныхъ.

18.—Какъ бы не такъ. Письмо отъ Строгонова, которымъ извѣщаетъ объ отказѣ. Какое постоянное, упорное, злое гоненіе. И за что? Какія тутъ причины? Фридрихъ II говорилъ, что онъ съ однимъ Салтыковымъ не могъ воевать и что тотъ его всегда приводилъ въ замѣшательство своими движеніями, потому что они были лишены всякой причины и всякаго смысла. Не всему можно искать причинъ! Еще мечта, одна изъ предпослѣднихъ, убита. И ея положеніе не измѣняется, все то же болѣзненное настроеніе, та же грусть. Одинъ я какъ-то безобразно здоровъ физически, и внутри иногда бываетъ хорошо, а часто ночь ночью. Какъ-то холодно въ груди, давящая тоска, убійственная, разлагающая мозгъ не костей, а духа.

Друзья, друзья, они много дѣлаютъ, мы ими окружены, какъ прелестнымъ вѣнкомъ, но мнѣ надобно быть безъ всякой задней мысли, чтобъ отдаваться имъ, а когда сквозь ихъ и свои слезы я вижу слезы ея, я кажусь бѣглецомъ съ поля битвы, и радость меркнетъ. Путешествіе, Италія излечили бы ее и меня...

Гибель, потуханье гдѣ-нибудь въ холодныхъ, снѣговыхъ полянахъ, безъ участья, безъ отзыва — хороша будущность! Одно осталось—заниматься. Итакъ, опять за книги, и затаить все живое въ душѣ, и обмануть себя схоластикой.—Abomination!

21.—Спорили, спорили и какъ всегда кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей и наше дѣло отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, не оцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія неестественно, даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть тоже отчаянное положеніе.

22.—Ужасно проведенный вечеръ и ночь. Ея грусть принимаетъ видъ безвыходнаго отчаянія. Бывало, за слезами слѣдовали свѣтлыя слова. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ни моя любовь, ни молитва къ ней ничего не помогаютъ. Я гибну нравственно уничтоженный, флетрированный. Каплю елея на раны, каплю воды на алканье!.. Изнемогаю. Я шутя, безсознательно, буйствуя, развязалъ руки низкой натурѣ своей, разбилъ зданіе всей жизни, я не умѣлъ сохранить. потому что слишкомъ много дано было.

Теперь нѣтъ помощи; что укажетъ время,—не знаю; я надѣялся, я предвидѣлъ, что все это пройдетъ, что ужасное положеніе прой-

детъ, какъ катастрофа, но свѣтлое то прошло. Она бываетъ жестка, безпощадна со мной,—много надобно было, чтобъ довести до этого ангельскую доброту.

Она не слушаетъ болѣе словъ моей любви, а все же, подчасъ мнѣ кажется, я не заслужилъ этого; я такъ много люблю, такъ искренно раскаиваюсь. Жизнь ужасно тяжела,—подчасъ мнѣ (и это первый разъ, какъ себя запомню) кажется, хорошо бы умереть, «глупую сказку, какъ говоритъ Макбетъ, разсказанную дуракомъ» закрыть—и да здравствуетъ небытіе. Страшно земля подъ ногами колеблется. Нѣтъ точки, на которую опереться. А мои мечты—мечты! Иногда хотѣлось бы броситься на грудь кого-нибудь близкаго и говорить, и стонать, а иногда такъ пошлы кажутся всѣ эти друзья; ненужно ихъ, всѣ они ничего не понимаютъ.

У меня не осталось ничего святого, одна она; она и богъ, и безсмертье, и искупленье; передъ ней я святотатецъ. Она хочетъ и не можетъ отпустить мнѣ. Ночь, ночь!!

28.—Она сказала на концертѣ Листа *новость*. Господи, что будетъ, то будетъ. Можетъ, это выходъ, представляемый судьбою. Все взволновалось во мнѣ и какое-то чувство радостное переплелось съ тысячей другихъ чувствъ. О, если-бъ любовь могла творить чудеса, я совершилъ бы ихъ. Надежда и страхъ.

Май мѣсяцъ.

1.—На прошлой недѣлѣ слушалъ нѣсколько разъ Листа. Когда столько и столько накричатъ, ждешь Богъ вѣсть чего, и часто обманываешься—именно потому, что ожиданія сверхъестественныя неисполнимы. Однако, истинные таланты не теряютъ ничего отъ крика фамы. Такова Таліони, на которую я смотрѣлъ иногда сквозь слезъ; таковъ и Листъ, котораго слушая, иногда навертывается слеза. Поразительный талантъ.

Вчера дикій концертъ цыганъ. Для Листа это было ново, и онъ увлекся. Музыка цыганъ, ихъ пѣніе не есть просто пѣніе, а драма, въ которой солистъ увлекаетъ хоръ—безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханаліяхъ цыгане дѣлаютъ такой эффектъ.

6.—Я безпрестанно строю, строю вновь храмъ домашняго счастья, и онъ мнѣ кажется опять незыблемымъ, а черезъ день рушится, какъ прахъ. Какая страшная казнь мнѣ. Все, что я дѣлаю для того, чтобъ исправить, оказывается недостойнымъ. Я святотатственными руками коснулся дерзко и грубо до святыхъ отношеній, я могъ забыть ихъ, я оправдывалъ себя, и обрушилъ страшныя несчастія на голову свою. Я, привязанный внутренно къ позорному столбу, долженъ страдать; я игралъ всѣмъ благомъ жизни,—про-

игралъ, это естественно Но я понимаю, что это не такъ, что во мнѣ таилась всегда основа святая и чистая. Да зачѣмъ же она не удержала меня? О, если послѣ всѣхъ этихъ мученій должно усугубиться мое несчастіе, если... страшно сказать... что тогда будетъ? Есть выходъ. Да ужъ вѣры нѣтъ въ свою силу. Я нравственно запятнанъ. Тяжело, безконечно тяжело, и тѣмъ тяжеле, что я какъ ребенокъ хватаюсь за каждую тѣнь надежды и, по прежней свѣтлости характера, открываю душу радостнымъ упованіямъ, а время обличаетъ несостоятельность ихъ.

Пріемъ Листа у Павлова выразилъ какъ-то всю юность нашего общества и весь характеръ его. Литераторы и шпіоны, все выказывающее себя. Мнѣ было грустно. А Листъ милъ и уменъ.

9.—Пять лѣтъ послѣ моей свадьбы. Этотъ пятый годъ былъ тяжелъ, онъ раздавилъ послѣдніе цвѣты юности, послѣднія упованія,—и былъ правъ. Налегать, играть своимъ счастіемъ, значитъ оправдать бѣдствія, накликать ихъ. Одно осталось цѣло, свято, какъ было: это она, она изнуренная, склоненная подъ бременемъ жизни, подъ бременемъ, которое я не умѣлъ сдѣлать легче. Я вглядѣлся въ себя и въ жизнь. У меня характеръ ничтожный, легкомысленный; людямъ нравится во мнѣ широкій взглядъ, человѣческія симпатіи, теплая дружба, доброта, и они не видятъ, что fond всему слабый характеръ, не въ томъ смыслѣ, какъ у Огарева—инертивно-слабый, а суетливо-слабый, и, какъ такой, склонный къ прекраснымъ порывамъ и гнуснѣйшимъ поступкамъ. Послѣ гнуснаго поступка, я понимаю всю отвратительность его, то-есть слишкомъ поздно, а твердой хранительной силы нѣтъ. И эти паденія повергаютъ меня въ скептицизмъ страшный, убійственный, повязка падаетъ за повязкой, мечта за мечтой, и простота результатовъ, до которыхъ доходишь этимъ путемъ, страшна, хуже всякаго отчаянія именно по наглой наготѣ своей. Вчера говорилъ объ этомъ съ ближайшими людьми, но и они не хотятъ понять: одинъ умъ ставится ими во что-нибудь и благородная *поступь*, такъ сказать. Мнѣ больно принимать ихъ любовь, зная, что они ее дурно помѣстили. Да, да, послѣдніе листы облетѣли; будетъ ли весна и новый листъ, могучій по возврату? кто скажетъ. И призваніе общее, и частное призваніе, все оказалось мечтою, и страшныя, раздирающія сомнѣнія царятъ въ душѣ,—слезы о вѣкѣ, слезы о странѣ, и о друзьяхъ, и объ ней. Чаша эта горька! А пять-то лѣтъ тому назадъ, какъ все было свѣтло и ясно; это былъ предѣлъ, далѣе котораго индивидуальное счастье не идетъ. Шагъ далѣе, шагъ вонъ. Шагъ вонъ значило для нея шагъ къ могилѣ. Страшная логика у жизни. Иногда, кажется, для того можно лишить себя жизни, чтобъ испортить развитіе этихъ корольковъ, чтобъ сдѣлать насмѣшку.

На дняхъ читалъ я Кирѣевскому и Хомякову четвертую статью—большой эффектъ и рукоплесканіе. Третья статья напечатана въ *Отеч. Зап.* и тоже производитъ говоръ, но прежде я болѣе бы вкусилъ эти рукоплесканія, упился бы ими отъ души; теперь для меня существуетъ одно упоеніе—via humida, т. е. виномъ.

13.—Баронъ Гакстгаузенъ и Козегартенъ, путешественники изъ Пруссіи, занимающіеся изслѣдованіемъ славянскихъ племенъ и въ особенности бытомъ и состояніемъ крестьянъ въ Европѣ. Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ, сохранившуюся изъ древности, общинность, ее-то надобно развивать, сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ, оно противопоставляетъ единичную, слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи, das Beamtenwesen ist grässlich in Russland. «Зачѣмъ у васъ судейская власть не поставлена самобытно относительно другихъ властей? Зачѣмъ дворяне не умѣютъ пользоваться выборами и избирать на уѣздныя мѣста порядочныхъ людей?» Мало ли зачѣмъ. Затѣмъ, что правительство не вынесетъ никакой самобытной власти, затѣмъ, что исправникъ трактуется какъ лакей, затѣмъ, что въ уѣздныхъ городахъ жить нельзя—нѣтъ ни лекарей, ни средства воспитать дѣтей, ни общества, ни удобствъ жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напримѣръ, въ Московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; если-бъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины N, зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или въ деревнѣ, управляетъ самъ или приказчикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собое развитіе. Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, баронъ Гакстгаузенъ замѣтилъ: il y a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chacun selon ses talents), т. е., что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка. Демократическая нивелировка.

15.—Скоро будетъ Бѣлинскій; жду, очень жду его. Я мало имѣлъ близкихъ отношеній по внѣшности съ нимъ. но мы много понимаемъ другъ друга. И я люблю его рѣзкую односторонность, всегда полную энергіи и безстрашную. Потомъ онъ по своему симпатиченъ. Мнѣ надобны эти обновленія, какъ свѣжія примочки воспаленному мѣсту; я какъ-то быстро изнашиваю жизнь. Онъ

пишетъ мнѣ о моемъ счастіи, а я ему хочу высказать, какъ я не умѣлъ понять его, какъ я забылся, зазнался. Онъ меня осудитъ, и мнѣ останется, покраснѣя и затаивъ слезу, слушать. То же будетъ, когда явится Огаревъ! Одно, одно, лишь бы новыя силы помогли ей; мнѣ страшно жить такъ, я стою со всѣмъ благомъ моей жизни, съ моимъ руномъ на весеннемъ льду, и эти минуты внутренняго трепета, ихъ ничѣмъ ничто не вознаградитъ. Страшный скептицизмъ остается результатомъ всего этого, и ни занятія, ничто не мощно побѣдить боль.

26.—Одиннадцать дней не дотрагивался до журнала, ну, что же въ нихъ?—ничего. Жадное стремленіе къ какой-то полной жизни и скептицизмъ все мутящій. Всякій день уноситъ что-нибудь. Я быстро отцвѣлъ и отживаю теперь свою осень, за которой не будетъ весны. Шиллеръ безконечно правъ, говоря, что Irrthum ist Leben; медузины взгляды скептицизма убили черты, оживленныя мечтами, и пр. Я смотрю около — все дѣти, умныя, полныя благородства, высоты, симпатіи и вѣры, дѣтской вѣры; всѣ они могутъ дѣлать, потому что они игру принимаютъ за дѣло. Дитя потому con amore дергаетъ шнурокъ, что онъ твердо убѣжденъ въ лошади на концѣ шнурка. На дняхъ говорили о безсмертіи. Я не вѣрилъ въ безсмертіе, но желалъ его; этотъ разъ я съ ужасомъ замѣтилъ, что мнѣ все равно и что мысль уничтоженія даже сладка въ иную минуту; выдохнуться подъ прекраснымъ небомъ, среди людей свободныхъ, пышныхъ растеній, благословляя дѣтей, друзей,—лишь бы не увидѣть упрека на чьемъ-либо лицѣ. Зачѣмъ женщина вообще не отдается столько живымъ общимъ интересамъ, а ведетъ жизнь исключительно личную? Зачѣмъ онѣ терзаются личнымъ и счастливы личнымъ? Соціализмъ какую перемѣну внесетъ въ этомъ отношеніи?

29. — Я забывался, падалъ и очистился, какъ христіанинъ, кровью невиннаго. Но эта кровь вопіетъ, я изнемогаю, теряю всѣ силы. Ея слова, ея уничтоженіе, горесть. Нѣтъ, я не такъ палъ; къ падшему пощада; если бы у меня былъ характеръ, я зарѣзался бы. Кромѣ эгоизма есть натяжки у людей, гипостазія эгоизма, онъ начало и конецъ всего, плюсъ гордость и желаніе наслажденій. Жить иную минуту легко, а всегда—тяжело, безконечно тяжело. Я ослабѣлъ какъ-то.

31.—Сегодня или вчера годъ, какъ пріѣхалъ Огаревъ въ Новгородъ. Этотъ годъ страшно обширенъ по внутреннимъ событіямъ, и въ немъ я отстрадался за все благо моей прошлой жизни. Послѣдній безотчетно свѣтлый мигъ, былъ мигъ, въ который мы проводили его. Вслѣдъ за тѣмъ нечистыя волненія, тоска душнаго состоянія ссылки, переѣздъ, дурачество и горестное, раздирающее душу сознаніе, что я, дурачась, не смотрѣлъ на существо, близъ

меня стоящее; что я поколебалъ ея вѣру, отнялъ основу нравственнаго быта, убилъ, разрушилъ. Когда я опомнился, я бросился на колѣни, я рыдалъ, я умолялъ, но было поздно. Есть страшныя развитія души, которыя не имѣютъ прошедшаго; для нихъ прошедшее вѣчно живо, они не гнутся, а ломятся, они падаютъ паденіемъ другого и не могутъ сладить съ собою. Вчера вечеромъ нашъ разговоръ объ этомъ былъ кротокъ, меня посѣтило опять давно неизвѣстное чувство гармоніи, и я плакалъ отъ радостнаго чувства. О, если-бъ она знала все, что дѣлается въ душѣ моей, она увидѣла бы, что никогда я не былъ достойнѣе блага ея любви, я сталъ чище, выше всею глубиною моего паденія.

Размышленіе по поводу *Записки объ Останкинѣ*. Дружба и любовь должны бѣжать холодной, юридической справедливости. Любовь въ основаніи пристрастна, лицепріятна, въ этомъ ея характеръ. Тактъ, уваженіе, деликатность на всѣхъ степеняхъ сношенія людей другъ съ другомъ; близость, пренебрегающая этимъ, близка къ шероховатости. Уваженіе, вѣра—вотъ риза истинной симпатіи.

Іюнь мѣсяцъ.

4.—Histoire de Dix ans, L. Blanc. Чрезвычайно замѣчательное явленіе по взгляду, по изложенію и по ревеляціи. Въ революціи 30 іюля вся Франція и вся первая половина XIX вѣка имѣютъ представителей en bien et en mal. Франція величественно и торжественно возстаетъ, оскорбленная глупыми ордонансами; противодѣйствіе геройское, но которое, умѣвши побѣдить, не имѣло выдержки и позволило себя глупо обмануть. Скептическій, не дошедшій до формулированія своей мысли, XIX вѣкъ не имѣлъ ничего готоваго. Демократія была безсистемная, соціализмъ едва родившійся, съ первыхъ дней революціи провидитъ, чья побѣда. Робкая, трусливая, корыстолюбивая и перемѣнчивая bourgeoisie завладѣетъ всѣмъ, и въ центрѣ ея, окруженный неблагородными лицами и нѣсколькими обманутыми, какъ Казимиръ, хитрый Людовикъ Филиппъ, человѣкъ прозаическій, далекій отъ всякой геніальности, царь во имя посредственности и для нея. Камера—грязное болото, въ которомъ исчезаетъ великій потокъ революціи, боясь народа болѣе, нежели Бурбоновъ, спѣшила сдѣлать короля. А король ея разомъ обманулъ мошеннически Карла X, и камеру, и народъ. Отъѣзжающій старикъ, окруженный своей семьей, вѣрный этикетамъ и рыцарски преданный идеѣ, которой уже нѣтъ, примиряетъ съ собою; его жаль, онъ окруженъ какимъ-то поэтическимъ отблескомъ прошедшихъ вѣковъ. Людовикъ Филиппъ, принимающій безъ штановъ депутацію, представляетъ какую-то циническую фигуру, поселяющую отвращеніе.

Покровское.

14.—Странно идетъ наша жизнь. Возлѣ каждой минуты блага и счастія какая-то безотходная иронія ставитъ страшныя привидѣнія. Третьяго дня мы пріѣхали сюда и я давно не былъ въ такомъ свѣтло-радостномъ расположеніи. Видъ полей меня обмылъ, мнѣ было хорошо, очень хорошо... тишина кругомъ, спокойствіе, все расположило душу къ ряду впечатлѣній безотчетно гармоническихъ. А сегодня утромъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома утонулъ Матвѣй. Я любилъ его, онъ былъ для меня болѣе, нежели слуга, я въ немъ воспиталъ благородныя свойства и они принялись; онъ мальчикомъ вступилъ въ мой домъ и съ лѣтами пріобрѣлъ истинно человѣческія достоинства. Онъ развился болѣе, нежели надобно, avec une précocité, которая начинала его мучить неравномѣрностью своей. Онъ тяготился своимъ состояніемъ, часто бывалъ небреженъ, но всегда благороденъ, онъ искупалъ цѣлый классъ людей въ моихъ глазахъ. И вдругъ погибнуть такъ глупо, такъ безсмысленно случайно, 22 лѣтъ, это страшно. Какой скептицизмъ навѣваютъ такіе примѣры. Вчера онъ упалъ было съ плотины. Саша со слезами бросился къ нему и сказалъ: «я тебя люблю, не утони», это послѣдняя сладкая минута его. Я совѣтовалъ не купаться за плотиной, онъ не послушался; сегодня утромъ пошелъ и заплатилъ жизнью за неосторожность. Можетъ, для него смерть благо, жизнь ему сулила страшные удары; съ нѣжной душой, онъ былъ все же слуга, у него не было будущаго. Но страшно быть свидѣтелемъ такого спасенія отъ будущаго.

Когда я прибѣжалъ на берегъ, его искали и полчаса не могли найти въ глубинѣ; я велѣлъ спустить плотину, его поймали неводомъ и вытащили. Боже, этотъ, цвѣтущій силами, молодой человѣкъ, который вчера вечеромъ пребеззаботно говорилъ со мною, который не думалъ, конечно, о смерти, теперь посинѣлый трупъ съ открытыми глазами. Что думалъ онъ, какъ шелъ вдвоемъ купаться? они дурачились въ рѣкѣ; что думалъ онъ, протянувши руки и не найдя тотчасъ помощи? Еще разъ страшно!

Грустное впечатлѣніе этого случая надолго отравитъ нашу деревенскую жизнь, а она было началась такъ благотворно. Бѣдный Матвѣй! Писалъ къ его матери.

Вчера деревенскіе мальчики приходили играть съ Сашей, мнѣ грустно было смотрѣть на нихъ. Съ какимъ радушіемъ наперерывъ они старались чѣмъ-нибудь потѣшить Сашу.

Низшіе классы ужасно оклеветаны. Посмотрите, какъ добръ, какъ весь предается ласкѣ простолюдинъ (разумѣется, исключая дворовыхъ); стоитъ съ нимъ обходиться по человѣчески. Грубые пріемы наши ставятъ его en garde; самая привычка подозрѣвать,

что его хотятъ обидѣть, насторожила ихъ. Но когда онъ увѣрится, что къ нему подходятъ съ любовью, онъ встрепенется и радъ жизнь положить за всякаго. Горе людямъ, пользующимся властью, чтобъ еще болѣе втаптывать въ грязь народъ, и стыдъ имъ за клевету подлую и низкую на нихъ: они клевещутъ, чтобъ оправдаться. А тѣ бѣдные не имѣютъ этой послѣдовательности ненависти къ истинно враждебному стану.

Вчера хоронили его; Кетчеръ и я несли гробъ. Миръ его памяти! Какъ земное быстро минуетъ, переходитъ, пораженное смертью. Жизнь, какъ потокъ, тотчасъ находитъ свое русло и течетъ.

Уединеніе сельской жизни, близость съ природой и даль отъ людей чрезвычайно хороши. Человѣкъ долженъ по временамъ отходить въ сторону, чтобъ собраться. Внѣшнее однообразіе жизни деревенской даетъ просторъ внутреннимъ процессамъ.

Каждая бездѣлица въ этомъ домѣ и въ окольныхъ мѣстахъ напоминаетъ мнѣ меня въ разныя эпохи моей жизни: я нашелъ надпись, сдѣланную мною въ 1827 г., и другую—въ 1838. Какая поэма, романъ, какой рядъ событій и видоизмѣненій между этими годами! Стремлюсь побывать въ Васильевскомъ, тамъ я долѣе живалъ и лучшія воспоминанія дѣтства и отрочества связаны съ горами, водами этой деревни. Лѣта развитія не прибавляютъ грузъ, а, напротивъ, потребляютъ массу мечтаній и вѣрованій юношескихъ; становится все легче, плечи многихъ довлѣютъ нести тяжести, но ничего не нести надобно имѣть въ десятеро болѣе силъ. Думать, что судьба человѣка, напр., таинственно предопредѣлена, стараться разгадать эту тайну, узнать нѣчто грозное—легче, нежели знать, что никакого секрета нѣтъ спрятаннаго о жизни каждаго человѣка. До большей легкости ноши достигъ я рядомъ бурныхъ испытаній, но мнѣ грустнѣе. Въ 1827 г. я былъ 15 лѣтъ, идеи древняго республиканизма бродили въ головѣ, я вѣрилъ непреложно, что «взойдетъ заря плѣнительнаго счастія». Тутъ, въ этой комнаткѣ, лежа на этомъ диванѣ, я читалъ Плутарха, и свѣжее, отроческое сердце билось. Въ 1838 г. я пріѣзжалъ изъ ссылки, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, мнѣ было 26 лѣтъ, жизнь раскрыла всѣ прелести и упоенія. Теперь, въ 1843 г., измученный многимъ, съ скептицизмомъ въ душѣ, я ищу у тѣхъ же полей участія. А юности уже нѣтъ, а вѣрованій нѣтъ, только что-то похожее волнуетъ подчасъ кровь.

18.—2-й томъ L Blanc, 1831 годъ. Отличительная черта французскаго правленія послѣ революціи 30 года — ограниченность, коварство и стараніе мошенническими штуками скрыть свои корыстные и жалкіе виды. Дома, въ камерѣ, въ сношеніяхъ съ государями и съ народами—то же самое. Талейранъ доказалъ, наконецъ, что плутовство не значитъ геніальность. Король потерялъ всякое

уваженіе,—Dupont (de l'Eure) уличилъ его во лжи. Людовикъ Филиппъ взбѣсился и сказалъ, что онъ обнародуетъ его грубость. «Почемъ знать, отвѣчалъ министръ, кому повѣрятъ, вамъ или Dupont (de l'Eure)». Король смирился. Обиднѣе всего тупость тогдашняго управленія; Франціи выпадала гегемонія всей либеральной Европы, а она загрязнилась въ дипломатическихъ сдѣлкахъ, выдавала, продавала своихъ приверженцевъ. Орлеанская эпоха не смоетъ этихъ пятенъ. Бельгія, Испанія, Италія и Польша уличаютъ ее въ эгоизмѣ и трусости. Въ противоположность ей, карлисты получаютъ благородный свѣтъ. Одно объясненіе — неразвитость демократической партіи; политическіе перевороты безъ соціальнаго сдѣлались невозможны. А царство средняго сословія было все же продолженіе феодальнаго соціализма, котораго высшее развитіе въ Америкѣ, остановившейся на односторонней тенденціи. Сѣверная Америка — nec plus ultra феодальнаго развитія, такъ, какъ оно должно было явиться въ мірѣ реформаціонномъ.

26.—А какъ взглянешь около себя... Бѣдный, бѣдный русскій мужикъ. И что досаднѣе всего видѣть, средство поправить его состояніе по большей части подъ руками: алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе. Глядя на ихъ жизнь, кажется чѣмъ-то чудовищно-преступнымъ жить въ роскоши; обыкновенно мужикъ здѣшней полосы никогда не ѣстъ мяса, у него едва хватаетъ хлѣба, коли по-богаче, ѣстъ капусту; онъ каждый день съ своей семьей отъигрывается отъ голодной смерти. О запасахъ думать нечего; умри лошадь, корова, онъ пошелъ ко дну. У кого много работниковъ въ семьѣ, тѣ живутъ получше; но много ли такихъ? Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей, богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна. Какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ окну нищіе изъ сосѣдней деревни; помѣщикъ выгоняетъ ихъ ежедневно на работу поголовно, — у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается въ глаза, а если ѣсть только хлѣбъ, то совѣсть помѣщика чиста: чего же имъ болѣе, они сыты. Мы дивимся гладіаторамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію человѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ, мы хуже, потому что крестьяне наши лучше дикихъ; кротко, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодъ и барщину, если оброчный, рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши и долею они основаны на неразвитости,—такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они за-

бываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ—возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ—не его. Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія—онъ res, орудіе для обработыванія полей. Баринъ не можетъ убить его, такъ же, какъ не могъ при Петрѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, срубить дубъ; дайте ему права суда, тогда только онъ будетъ человѣкомъ. Двѣнадцать милліоновъ людей hors la loi. Carmen horrendum.

29. — Дочиталъ первые три тома L. Blanc. Какъ поэтически явился сенъ-симонизмъ, какъ геройски явилась республиканская партія и какъ вдругъ уничтожились одни и обезсилили другіе. Но если они видимо уничтожились и ослабли, то въ нравахъ, въ общемъ мнѣніи осталось очень-очень много. У нихъ не было полной отгадки. Между тѣмъ необходимость соціальнаго переворота теперь стала очевидна; враги развитія, какъ Гизо, понимаютъ и трепещутъ. Измѣненіе права собственности, коммунальная жизнь, организація работъ—вопросы, занимающіе всѣхъ, видящихъ далѣе носа; нелѣпость случайнаго и нелѣпаго распредѣленія такого важнаго орудія какъ богатство, нелѣпость гражданскаго порядка, приносящаго на жертву огромное большинство, невозможность равенства при такомъ устройствѣ,—все это стало очевидно, а давно ли? Воззрѣнія со стороны консерватистовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ. Теперь, напримѣръ, толкуютъ, что при организаціи равнаго воспитанія отецъ не можетъ дать того воспитанія, которое онъ считаетъ лучшимъ, а забываютъ, что теперь всѣ отцы низшихъ классовъ не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Конечно, при лучшемъ общественномъ устройствѣ многіе не будутъ имѣть возможности тратить деньги какъ теперь, они стѣснятся,—но никто не будетъ мереть съ голоду. Франціи принадлежитъ великая инициатива этого переворота. Она ему положила начало конвентомъ. Болѣзненно достигаетъ она до осуществленія. Достигнетъ ли когда? Все равно, человѣчество ей не забудетъ первый шагъ. Удивляюсь, какъ славянобѣснующіеся не понимаютъ исторіи, не понимаютъ европейскаго развитія, — это помѣшательство. Славяне въ будущемъ, вѣроятно, призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ со своимъ стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣчества?

30. — Гостили Бѣлинскій, Боткинъ, Грановскіе. Исторія Боткина отравила почти все время, она поселила неловкость между нами и покрыла чѣмъ-то тяжелымъ все время. Конечно, онъ не

правъ, какъ смѣшно-слабый характеръ, какъ человѣкъ, пріучившійся рефлектировать тамъ, гдѣ должно дѣйствовать, наконецъ какъ человѣкъ, ставящій эгоистически выше всего какое-то себѣпотворство, обоготворяющій маленькія удобства и боящійся поднести чашу жизни къ устамъ, потому что тяжело держать ее. Все это такъ; далѣе, мы только тѣхъ людей можемъ уважать, которые, рѣшивши въ сердцѣ и въ головѣ вопросъ, ломятъ всѣ препятствія, пренебрегаютъ ранами, словомъ, имѣютъ храбрость поступка и всѣхъ послѣдствій его, доросли до дѣйствительной жизни. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что слабость Боткина испугалась въ самомъ дѣлѣ страшнаго. Онъ содрогнулся отъ слова бракъ; истинная любовь не содрогнулась бы, но все же бракъ страшенъ: контрактованіе себя, кабала, цѣпь.

Бракъ не есть истинный результатъ любви, а христіанскій результатъ ея; онъ обрушиваетъ страшную отвѣтственность воспитанія дѣтей, семейной жизни etc., etc. Мнѣ семейная жизнь легка съ этой стороны, но это случайность, и именно потому я имѣю голосъ. Между свободнымъ счастьемъ человѣка и его осуществленіемъ всегда путы и препятствія прежняго религіознаго воззрѣнія. Въ будущую эпоху нѣтъ брака, жена освободится отъ рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что, какъ животное, называется именемъ хозяина. Свободное отношеніе половъ, публичное воспитаніе и организація собственности. Нравственность, совѣсть, а не полиція, общественное мнѣніе опредѣлятъ подробности сношеній.

Глубоко грустные стоны издаются и теперь еще по временамъ изъ болѣзненной души Наташи. Ей судьба привила духъ страданій; исторія Боткина опять потрясла ее и растравила старое; причина все одна; мы не можемъ свободно и широко взглянуть на отношенія людей между собою, христіанскіе призраки мѣшаютъ. Они были необходимы въ свое время, — теперь ихъ ненужно. Христіанскій бракъ былъ нуженъ для того, чтобъ пріучить людей въ женѣ уважать женщину; ревнивая любовь среднихъ вѣковъ, идеализація дѣвицы окружили женщину свѣтлымъ кругомъ; и онъ останется и будетъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ далѣе разовьется нравственность.

Христіанское общество, какъ всякое одностороннее, имѣетъ всегда въ себѣ самомъ обратную сторону. Неразрывный бракъ, съ одной стороны, и, съ другой, публичные дома, гдѣ женщина брошена въ грязный развратъ, поставлена ниже животнаго. Но какъ примирить, какъ устроить? Сенъ-симонисты дали великій примѣръ смиренія, они ждали голоса женщинъ, чтобъ рѣшить вопросъ; но съ тѣхъ поръ, развѣ голосъ G. Sand не заявлялъ мнѣніе женщины?

Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ, вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный съ одной стороны, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусъ, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь и недовольный видъ и даже ругательство.

Іюль мѣсяцъ.

4.—Révolution d'Angleterre. Charles I. par Guizot. Для того, чтобы дойти до вселенскаго переворота конца XVIII столѣтія, надобно было испытать частные эмансипаціонные перевороты. Реформація торжественно заключается англійской революціей. Она далеко отъ всеобъемлющаго характера французской, она боится инціативы, старается каждому требованію придать историческую основу, она предоставляетъ только такія права, на которыя она имѣетъ историческіе антецеденты, она двигается впередъ, но спиною, безпрестанно смотря на прошедшее и боясь, особенно въ первую половину, сознаться, что идетъ по вовсе не разработанной землѣ и новой. Между тѣмъ всѣ вопросы первой важности обсуживаются съ трибуны и въ брошюрахъ. Республиканское устройство пресвитеріальной церкви, разноголосица независимыхъ, нижній парламентъ, въ глазахъ народа захватывающій власть,—внѣдряютъ великія иден о правѣ народа, о самодержавіи народа; массы воспитываются. Гизо приводитъ въ pièces justificatives примѣръ лорда при Елизаветѣ, говорившаго въ парламентѣ очень сильно противъ нея. Съ какою доблестью отвѣчаетъ онъ и съ какою доблестью члены верховнаго суда понимаютъ правоту его. Права свободно разумной личности признаны съ тою же непоколебимостью, съ какою у насъ, напримѣръ, они всѣ отвергнуты. Во время первой войны, король и парламентъ плѣннымъ ни съ той, ни съ другой стороны не дѣлали обидъ, и общественное мнѣніе громко возстало, когда король для униженія плѣнниковъ велѣлъ имъ дефилировать передъ собою, а въ его глазахъ они были государственными преступниками. Вотъ этого-то воспитанія въ правомѣрное состояніе у насъ вовсе нѣтъ; даже мы не уважаемъ и ту законность, которая дается нашимъ сводомъ. Оттого сводъ безпрестанно нарушается внизу массой подлыхъ агентовъ и самимъ народомъ, для выгодъ котораго сдѣланъ законъ; съ другой стороны, высшей властью, которая не видитъ въ немъ закона, а распоряженіе, указы, состоящіе до новаго указа. Отсюда этотъ хаосъ неопредѣленныхъ правъ, гдѣ иной разъ власть старается о развитіи элективнаго начала или коллегіальнаго управленія, а массы противодѣйствуютъ ему; а другой разъ малѣйшее поползновеніе пріобрѣсти гражданскія права со стороны лицъ, особенно же заявленіе своихъ правъ,

сознаніе ихъ, принимаются за бунтъ и также властью наказываются кнутомъ и всѣмъ на свѣтѣ.

Разстояніе наше съ Европой во всемъ неизмѣримо.

6.—Обыкновенно возстаютъ противъ дѣлопроизводста процессовъ Людовика XVI и Карла I. Политическіе преступники во время переворота всегда судятся внѣ обыкновенныхъ формъ, цѣль этого рода процессовъ вовсе не раскрытіе истины, виновности, а обвиненіе, побѣда принципа. Людовикъ XVI и Карлъ I положили головы для торжества идеи революціонной и для спасенія самой революціи; обстоятельства Англіи и Франціи, сверхъ фанатизма, привели къ трагической катастрофѣ. Не гораздо ли страннѣе и гнуснѣе видѣть, какъ въ спокойное время, когда ничего не боятся, судятъ исключительными судами и инквизиторскими порядками не токмо политическихъ преступниковъ, но людей не осторожныхъ, авторовъ эпиграммы или остроты за чашей вина? Зачѣмъ всегда указывать на бурное время, когда въ штиль, безъ нужды, дѣлаютъ то же.

Перечитывалъ наши письма 1835—36 годовъ. Хороши всѣ эти и звуки, и пѣсни любви, какъ давно неслыханная національная пѣсня, а ужъ сколько прожито съ тѣхъ поръ! Эта восторженная любовь, полная юности и романтизма, перешла въ иную форму, болѣе истинную и дѣйствительную, но не такъ радужно и ярко свѣтлую. Читая, навертывается улыбка, переносишься въ тѣ времена, завидуешь имъ и чувствуешь, что теперь совершеннолѣтіе. Эти шаги въ совершеннолѣтіе считаются потерями душами нѣжными. Трезвый взглядъ очень труденъ, такъ же, какъ консеквентность своимъ началамъ. И истинно тяжело тому, кого судьба наградила страшной логикой и когда у него нѣтъ недвижимаго имѣнія,—куда онъ не пускаетъ мысль.

9.—Histoire de la Contre-Révolution en Angleterre, par Ar. Carrel. XVI вѣкъ началъ, въ границахъ реформаціи, эмансипацію Европы отъ христіанства; нельзя было міру феодальному и католическому безъ боя уступить, тѣмъ болѣе, что и сами реформаторы и всѣ секты противопапскія, кромѣ малыхъ исключеній, не отдѣлались отъ феодализма. Распутный Карлъ II и отвратительно ограниченный Яковъ II были органами этого прошедшаго, ищущаго себѣ мѣста въ мірѣ, явно отрекшемся отъ него. Каррель замѣчаетъ, что республика была невозможна для Англіи при ея раздѣленіи на классы,—безсомнѣнно. Оттого-то и во Франціи не провозглашаютъ республики. Государство раздѣленное должно имѣть центръ, связующій его,—государь; иначе будетъ охлократія или régime de terreur. Самая власть Кромвеля опиралась на консервативные интересы одного класса, такъ, какъ власть Людовика Филиппа.

10.—Феодальный бытъ и управленіе развились органически

изъ элементовъ народныхъ и историческихъ, и развились во всей силѣ и красѣ съ чрезвычайной многосторонностью и послѣдовательностью. Въ немъ и имъ развиты католицизмъ и рыцарство, романтизмъ и общины. Но стремительно развивающійся духъ Европы, въ нѣсколько вѣковъ, *изжилъ* романтично-феодальное содержаніе, остались формы, да и тѣ должны были ждать видоизмѣненій, — часъ христіано-германскаго міра наступалъ; онъ дѣлался тѣсенъ для вновь развивавшихся идей,—революція за революціей начинаютъ съ XV столѣтія громить феодальное statu quo. Реформація начала освобожденіе отъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ христіанства; считаютъ послѣ реформаціи одну политическую революцію, состоящую въ освобожденіи народовъ отъ власти, пріобрѣтеніе правъ и пр., но параллельно съ нею шла другая революція, ниспровергавшая съ другого конца все феодальное устройство—развитіе центральной власти, абсолютизма; абсолютизмъ, для покрытія своей новизны, революціонности, назвалъ себя историческимъ, повелъ свое начало отъ временъ до-историческихъ; но это чистая ложь. Абсолютизмъ центральной власти относительно феодальнаго устройства такъ же революціоненъ, какъ либерализмъ и политическій характеръ деспотизма Людовика XIV не имѣетъ той религіозной связи съ народомъ, съ государствомъ, какъ власть королей въ средніе вѣка.

Послѣ Вестфальскаго мира разработался новый элементъ, сдѣлавшійся преобладающимъ до французской революціи,—это дипломатія и политика, основаніемъ ихъ эгоизмъ и плутовство, все дѣлалось какъ у игроковъ съ подтасованными картами; народный голосъ становился ненуженъ, самый голосъ чести, сильный въ средніе вѣка, умолкъ. Народы управлялись дворами. Тамъ гнѣздились торгаши народной крови и благосостоянія, дѣлили земли, присоединяли чужое, отчуждали свое полицейскими распоряженіями, поддерживая ихъ въ случаѣ нужды арміями. Постоянныя арміи (учрежденіе анти-феодальное) сдѣлались величайшей опорой централизаціи и всѣхъ увеличеній королевской власти. Но разъединенная съ народомъ власть эта становилась болѣе и болѣе оскорбительною и должна была, пройдя грязнымъ періодомъ публичной безнравственности и разврата, пасть, если не вездѣ фактически, то вездѣ во мнѣніи. Миновало съ дипломатіей и дворами то величавое, виднѣвшееся на челѣ царей среднихъ вѣковъ, о чемъ Шекспиръ такъ прекрасно сказалъ: «и океанъ не смоетъ слезъ съ чела моего», цари, окруженные непреклонными, гордыми герцогами и вассалами, тогда они были необходимы и въ нихъ вѣровали и они вѣровали въ себя (какія бы индивидуальныя отступленія ни были). Рыцари стали дворовыми людьми, челядью королей. Обманъ и ложь считались не пороками для власти; а рядомъ, реформація

подталкивала дѣтскія вѣрованія; уму, мысли дано было уваженіе. Французская революція является совершенно послѣдовательнымъ вторымъ отрицаніемъ феодализма. Центральная власть отреклась отъ народа и аристократовъ, оставя божественность короля въ пользу его. Французская революція была тѣмъ же дѣйствіемъ со стороны массъ, она замкнула приготовительную эру перехода въ новый міръ Въ наше время, фактически, по старой памяти, многое стоитъ, но дряхлое, оглупѣвшее, какъ Талейранъ въ послѣдніе годы, представитель этого былого. Плутовство въ дипломатіи осталось мерзкой привычкой,—оно невозможно. Это изнашиваніе формъ, нѣкогда прекрасныхъ, есть признакъ сильной жизни; это, говоря языкомъ философіи, та великая трансценденція der übergreifenden Subjectivität человѣчества, изъ которой состоитъ исторія. Народы, слабые внутренними началами, бѣдные жизнью и мыслью, какъ Китай, Персія,—вѣка живутъ подъ одной формой и имъ она довлѣетъ.

11.—XVIII вѣкъ начался въ мракѣ страшныхъ событій, которыми кончивался христіанскій міръ. Людовикъ XIV давилъ полстолѣтія почти всю Европу, онъ уже совершилъ отрицаніе былого безсознательно и былъ просто деспотъ, тиранъ. Его назвали великимъ, потому что современники его, за исключеніемъ Вильгельма III, были малы и низки. Читая объ немъ, мѣришь наглазно, сколько мы подвинулись; для Европы теперь все это невозможно, у насъ хотя возможно, но уже дико. Гоненіе гугенотовъ, уничтоженіе цѣлыхъ городовъ, обманы и пронырство въ сношеніяхъ съ союзниками — это величіе. Хороша и Германія того вѣка! Однѣ Англія и Голландія искупали тогда человѣчество и ими успокоивается взглядъ, останавливаясь на Вильгельмѣ III. Англія велика своимъ предвареніемъ въ политическомъ воспитаніи всѣхъ народовъ. Около Людовика составилась атмосфера подлости, все въ ней было подло: Боссюэтъ и Кольберъ, литература и церковь, войско и парламентъ, все были лакеи; едва кое-гдѣ вырѣзывается, величественная въ своей простой красотѣ, фигура Фенелона. Вильгельмъ III былъ не тори и не вигъ; Наполеонъ еще болѣе былъ внѣ всѣхъ партій. Въ этомъ свидѣтельство ихъ превосходства надъ современниками; они глядѣли обширнѣе, они вышли изъ пробитыхъ полей на свѣжую дорогу. Сверхъ того, въ этомъ глубокій тактъ дѣйствительности. Партіи сердятся на такихъ людей, они кажутся измѣнниками съ обѣихъ сторонъ, чаще всего они бываютъ правѣе обѣихъ сторонъ, и именно потому не могутъ принять á coeur всѣ увлеченія которой-нибудь. Есть другого рода люди, которые потому не принадлежатъ къ партіи, что имъ это не серьезно, что они ниже всеобщихъ интересовъ, напр. Талейранъ, или гнусно алчны и подчиняютъ подлому расчету интересы общіе, напр. Фуше.

Но мы говоримъ объ истинныхъ дѣятеляхъ въ исторіи. Имѣть свою теорію, свои твердыя, однажды оконченныя стремленія и цѣли, — такъ-же негодно въ политической дѣятельности, какъ въ наукѣ. Кромвель говорилъ: «въ переворотѣ всѣхъ дальше уйдетъ тотъ, кто не знаетъ, куда идетъ». Онъ на себѣ доказалъ истину этихъ словъ. Само собою разумѣется, что есть краеугольныя начала, общія тенденціи очень сознательныя и очень сознанныя, но лишь бы не было требованія осуществить ихъ по субъективному мнѣнію; надобно дать волю обстоятельствамъ и, выразумѣвъ ихъ указаніе, стать во главѣ ихъ, покоряясь имъ,—покорить ихъ себѣ; это принесеніе на жертву мнѣнія, не говоря о прочемъ, совершенно законно уже потому, что я смотрю на предметъ съ извѣстной точки, а событіе, развивая его, развиваетъ вслѣдствіе всѣхъ сторонъ. Самый трогательный примѣръ вреда отъ настроеній — Лафайетъ. Это идеализмъ въ политикѣ. Человѣкъ жизни идетъ до конца, до послѣднихъ слѣдствій. Человѣкъ рефлексіи и теорій не идетъ дальше грани, поставленной имъ самимъ, и тутъ всегда, при благопріятнѣйшемъ стремленіи, при безусловной чистотѣ, при талантѣ, онъ тормазитъ ходъ происшествій, а такъ какъ гора крута,—его расшибаетъ, какъ Жиронду. Ни Робеспьеръ, ни Наполеонъ не могли имѣть предварительно опредѣленнаго плана дѣйствія; они были живые органы, отдавшіеся событіямъ, участникамъ и развивателямъ ихъ, и, наоборотъ, развивались ими. Наполеонъ разъ въ жизни былъ съ arrière pensée, противоположной духу обстоятельствъ; онъ, по собственнымъ словамъ его, понялъ, что надобно надѣть республиканскую шапку, а вмѣсто ее онъ надѣлъ токъ съ перьями Карла Великаго. Ватерлоо было отвѣтомъ на эту ошибку. Но нелегко уразумѣть, сродниться съ своимъ временемъ такъ, чтобъ понимать его, слѣдить за нимъ, забѣгать и не потерять ни своего, ни того, что видоизмѣняетъ его. Послѣ легко обсуживать ошибки, событія прошедшія, какъ трупъ разсѣченный ясно показываетъ, гдѣ причина смерти; но когда онѣ живы,—одному острому глазу доступно внутреннее строеніе, изъ-за цвѣта и пара страстей и односторонности.

13.—Нѣтъ скорбнѣе и грустнѣе чувства, какъ несчастно вѣрный взглядъ на вещи, снимающій съ нихъ наружный покровъ, удовлетворяющій другихъ въ томъ случаѣ, когда не токмо нѣтъ возможности дѣйствовать на вещи, но даже нѣтъ средства показать другимъ, что они заблуждаются. Это особое положеніе, невѣріе въ то, чему вѣрятъ другіе; неразрывная съ ними, горькая иронія и досада давятъ душу живую и раскрытую. Взглядъ этотъ отъ общаго переходитъ къ лицамъ, и тутъ еще хуже; онъ безжалостно вскрываетъ ихъ, указываетъ неподложныя точки помѣшательства ихъ, къ которымъ они приросли, и становится больно за совре-

меннаго человѣка. Какъ мало цѣлыхъ, трезвыхъ натуръ! Иной и трезвѣе другихъ разумомъ, эстетическимъ чувствомъ, да характера ни на грошъ. Не признакъ ли это несовершеннолѣтія?

Читалъ Von der aesthetischen Erziehung der Menschheit Шиллера. Великое и пророческое твореніе; оно, какъ Лессингово воспитаніе человѣчества, предупредило многимъ свое время. Шиллеру не отдавали въ послѣднее время достодолжнаго; письма эти писаны въ 1795 или около, тогда едва начиналъ писать Шеллингъ. Шиллеръ пошелъ съ точки зрѣнія Канта; какіе сочные, жизненно-прекрасные плоды, — онъ далеко перешелъ взглядъ критической школы. Тутъ, какъ въ нѣкоторыхъ страницахъ Гёте, первые аккорды, поэтическіе и звучные, новой науки (Фихте онъ изучалъ, ссылается на него).

16.—Schlosser, Geschichte des XVIII Jahrhunderts. Великій XVIII вѣкъ начался съ такой же крайности, какъ кончился; но вовсе въ противоположномъ смыслѣ. Что можетъ лучше характеризовать этотъ періодъ, какъ война за испанское престолонаслѣдіе и потомъ за австрійское. Около десяти лѣтъ Европа облита кровью, государства разорены, города уничтожены, арміи погублены — изъ чего? гдѣ интересы бойцовъ? Изъ того, чтобъ втѣснить народу полубезумнаго меланхолика, чуждаго по правамъ и по происхожденію, въ короли, нисколько не заботясь, хочетъ ли его или нѣтъ народъ. Чтобъ увѣнчать тупость подобной войны, судьба сшутила, призвавъ его соперника — лицо столь же ничтожное — смертью брата на другой тронъ. Съ какою наглостью дѣлятъ и передѣливаютъ кровавые куски испанской монархіи; какое право, какой смыслъ? Идея законности наслѣдія одна выдвигается впередъ, это неблагородный бой у гроба о достояніи покойника; милліоны людей составляютъ это достояніе, а съ ними обращаются, какъ съ стадами. Вотъ къ чему пришелъ христіанскій міръ, вѣчно стремившійся къ недосягаемому идеалу, невозможному и мечтательному. А массы— массы смотрѣли, оцѣпенѣлыя отъ ужаса. Жалкая Германія выпила всю горечь позора и бѣдствій; ея династы валялись въ грязи, нанимаясь къ Людовику XIV или императору, опозоренные, они утопали въ развратѣ и пили по каплѣ кровь глупыхъ народовъ, не умѣвшихъ даже негодовать. Династы занимались церемоніалами и дипломатіей, никогда не подумавши о томъ, что дѣлается у нихъ подъ ногами. Можетъ, этотъ remue-ménage пригодился для будущаго, растолкалъ народы, занесъ зародыши человѣческихъ идей въ косные классы; живой организмъ европейскій все перетворилъ и переработалъ, но изъ этого нельзя ни іотой уменьшить печать позора абсолютической эпохи. И не умѣли видѣть народы возлѣ стоявшую Англію, возлѣ стоявшую Голландію; слѣпота несовершеннолѣтія, дѣтскаго взгляда только излечивается временемъ.

Сѣверная война не лучше. Собственно цѣль, интересъ былъ у Петра I, и Петръ I тутъ, какъ Фридрихъ II послѣ, не принадлежитъ къ стаѣ самодержцевъ начала XVIII вѣка. Во-первыхъ, они революціонеры, во-вторыхъ, геніальные люди; они шли своей дорогой, во многомъ впадали въ ошибки, но имѣли интересы великіе, результаты, до которыхъ достигли, гигантскіе. Петръ съ наружностью и съ духомъ полуварвара, но геніальный и незыблемый въ великомъ намѣреніи пріобщить къ человѣческому развитію заключенную страну свою, очень страненъ въ дикой грубости своей, возлѣ изнѣженныхъ и утонченныхъ Августовъ и С°. Человѣкъ, отрекшійся отъ всего былого страны своей, покраснѣвшій за нее и кровью водворявшій новый порядокъ, имѣетъ всегда что-то революціонное, хотя и на тронѣ, и въ самомъ дѣлѣ въ немъ даже нѣтъ требованій на феодальное поклоненіе, на церемонность и проч., общую всѣмъ въ то время. Онъ схватилъ европеизмъ въ Голландіи — лучшій источникъ того времени, онъ принадлежалъ новой Европѣ, внѣдрялъ ее какъ варваръ, но правительство втолкнулъ въ колею вовсе не похожую на европейскихъ династовъ; хуже или лучше, навѣрное не такую. Матеріальный, положительный гнетъ, не опирающійся на прошедшее, опережающій страну для того, чтобъ не давать ей развиваться вольно, европеизмъ въ наружности и совершенное отсутствіе человѣчности внутри,—таковъ характеръ современный, идущій отъ Петра. Тѣмъ не менѣе, лицо его велико въ этомъ вѣкѣ и мысль его велика, она еще не совсѣмъ исполнилась, но, вѣроятно, будетъ и ей осуществленіе. Петръ, какъ только почувствовалъ силу, замѣшался въ большую часть европейскихъ интригъ, принялъ участіе, подалъ голосъ, посылалъ войско, справедливо или нѣтъ, но Европа пріучилась къ имени Россіи, и Россія была втолкнута въ семью европейскихъ народовъ. Россія и Пруссія два свѣжіе элемента для развитія; Пруссія—королевство послѣ-реформаціонное, ей въ основѣ не феодальная мысль, но нельзя не согласиться, что въ ея начальномъ развитіи ужасная прозаичность и ея геній—прозаикъ Фридрихъ II. Странно видѣть, какъ капральской палкой и мѣщанскимъ понятіемъ объ экономіи въ Пруссіи, кнутомъ и топоромъ въ Россіи вселяется гуманизмъ. Дурныя средства должны были отразиться въ результатахъ. Пруссія бездушна и zu nüchtern. Германія вообще, потративши всю силу на бой за религію, на тридцати-лѣтнюю войну, ниже всей Европы въ развитіи гуманности. Какъ согласить такую почву съ литературой, вскорѣ имѣвшей Лессинга, Гёте и Шиллера.

21.—Посѣщеніе Философова; оно мнѣ было дорого, сверхъ личныхъ отношеній, потому что показываетъ жажду людей сообщаться, обновляться, передавать свое; сто верстъ скверной дороги и три

дня, жертва, которую даромъ не дѣлаютъ, особенно люди, дѣлающіе это не отъ пустоты и скуки. Такія вещи иногда, если не мирятъ, то укрощаютъ мою нелюбовь къ нашему обществу. Письмо отъ Огарева изъ Bagni di Lucca—и хорошо. Главное въ немъ *не видать горизонта.* Ничего не можетъ быть страшнѣе, когда въ человѣкѣ виденъ горизонтъ,—съ нимъ нѣтъ полной свободы, нѣтъ той безконечности симпатіи.

23. — Въ началѣ XVIII столѣтія твердо и мощно стоитъ міръ христіано-самодержавный, феодально-монархическій. Внизу безсознательная толпа за все страдаетъ и платитъ, вверху власть, par la grâce de Dieu, поддерживаемая дворянствомъ и войскомъ. Она не боится, да и гдѣ ея состоятельные враги, неужели нѣсколько литераторовъ? А между тѣмъ, червь гробовой уже точитъ этотъ міръ; страшное дуновеніе Англіи, два раза освобожденной и, наконецъ, вышедшей лучшими умами изъ религіозной односторонности, вѣяло скептицизмомъ и разсудочнымъ движеніемъ на Францію и вызывало людей, далеко ушедшихъ впередъ съ легкой руки англійской пропаганды,—Монтескье, Вольтеръ, etc., etc. Какъ слабъ былъ этотъ твердый существующій порядокъ! Его сила и мощь были призрачны; такъ сгнившій пень стоитъ будто силенъ и здоровъ, сгнивши и превратившись въ землю внутри. Замѣчательно, что антихристіанская пропаганда развилась вмѣстѣ съ рядомъ либеральныхъ идей въ Англіи и Франціи въ аристократіи, которой сила только и зависѣла отъ того же феодально-религіознаго воззрѣнія, которое подрывалось. И возможно ли было мечтать, что послѣ этихъ ударовъ христіанство и феодализмъ еще живы. Толпы тогда были изъяты изъ движенія, но Руссо далъ иное направленіе развитію.

27. — Судьбы Германіи жалки и пошлы въ XVIII вѣкѣ. Ея аристократы все-таки мѣщане, cela n'est pas du comme il faut, нѣтъ граціи, нѣтъ благородства. Вотъ великіе результаты картофельной экономіи. Безнравственность въ Германіи доходила до высшаго предѣла, ни малѣйшей тѣни человѣческаго достоинства. Крѣпости набиты арестантами, гоненія за религію, гоненія за стихи, гоненія за дерзкое слово о министрѣ, все это тихо, безъ шума,—и народъ ничего. Были и въ другихъ земляхъ ужасы въ половинѣ XVIII вѣка, напр., англійскій парламентъ страшно наказалъ Шотландское возстаніе, но тамъ это абнормальность, а тутъ все это въ порядкѣ вещей. Ученые и духовенство первые клевреты власти. Французы, сгнетенные деспотизмомъ Людовика XIV, гнушались нѣмецкой подлостью. Во Франціи чувствуется вліяніе новаго духа въ каждомъ литературномъ произведеніи; тамъ читаешь, улыбаясь, видя, какъ эти люди пляшутъ на шагъ отъ пропасти, по другую сторону которой Франція обновляется. Въ Германіи нѣтъ ни одного

луча свѣта, тамъ одинъ либералъ Фридрихъ II, самодержавецъ Пруссіи.

И какъ подумаешь, что едва 75 лѣтъ прошло, какъ Европа спала въ униженіи, едва пробуждаемая благовѣстомъ водворителей новаго міра, и взглянешь на современное ея состояніе, далекое отъ достиженія, но тѣмъ не менѣе развитое потребностью, невольно благоговѣйный трепетъ уваженія къ человѣчеству обнимаетъ душу. Велика французская революція; она первая возвѣстила міру, удивленнымъ народамъ и царямъ, что міръ новый родился.

30.—Блестящая, острая и аристократическая оппозиція Вольтера и общества Гольбаховъ не видала всего результата своихъ началъ; они думали разрушать старое въ извѣстномъ кругу; смѣлые въ отрицаніи, въ построеніи своей системы матеріализма, они держались вдали отъ массъ. Появленіе Руссо должно было поразить ихъ. Руссо былъ монтаньяръ между ними, жирондистами. Руссо имѣлъ иныя симпатіи и другое провидѣніе. Ихъ идеалъ была Англія, ее поставилъ цѣлью Монтескье; Руссо въ учрежденіяхъ Англіи видѣлъ также феодализмъ. Легкая и смѣлая въ словахъ, оппозиція приняла у Руссо характеръ плача и проклятія. Руссо мечталъ, хотя и превратно, о новомъ мірѣ; его поняли только въ революцію. Шлоссеръ говоритъ, между прочимъ, что въ половинѣ XVIII вѣка добрые нѣмецкіе теологи еще толковали, подкрѣпляясь ужасной начитанностью, о томъ, кто писалъ заповѣди Моисея, Богъ или Христосъ. Добрые нѣмцы!

31.—А въ 1770-80 Лессингъ и Базедовъ были въ полномъ цвѣтѣ, въ полной дѣятельности, и огромная потребность свѣта обличилась въ Германіи, и наставало время Шиллеровыхъ драмъ, поэмъ Гёте, Гердеръ уже писалъ.

Противодѣйствіе галломаніи было безсомнѣнно полезно; но эпоха галломаніи была весьма необходима, чтобъ очеловѣчить нѣмцевъ.

Удивительное развитіе; гдѣ и какъ прозябали зародыши, распустившіеся вдругъ, откуда столько силъ у Германіи, изнуренной войнами? Какъ просвѣщеніе коснулось массъ въ столь короткое время?

Августъ мѣсяцъ.

8.—На дняхъ исполнилъ давнишнее желаніе, ѣздилъ въ Васильевское. Послѣдній разъ я былъ тамъ 1830 года. По дорогѣ туда услышалъ вѣсть о іюльской революціи—итакъ, 13 лѣтъ. Васильевское тѣсно связано съ ребячествомъ и отрочествомъ; съ 1842 всякое лѣто или черезъ лѣто я проводилъ тамъ мѣсяцы. Въ Москвѣ ученье, товарищи, дѣтская суета; въ Васильевское я пріѣзжалъ будто бы для отдыха, для отчета, и потому память объ

этомъ мѣстѣ вплетена во всѣ воспоминанія. У меня пробѣжало какое-то странное чувство, когда я увидѣлъ и узналъ давно знакомыя мѣста, мнѣ хотѣлось и смѣяться, и заплакать. И помимо всего прелестное мѣсто. Жаль, что оно продано. Я понимаю аристократическое чувство привязанности къ обладанію мѣстомъ. Разныя фазы жизни живо промелькнули: вотъ дерево, гдѣ я снижвалъ ребенкомъ, вотъ дорога, по которой юношей я хаживалъ къ сельской красавицѣ и тратилъ на легкую интригу огромную энергію, не оцѣненную, разумѣется. Встрѣтилъ горбатую работницу священника, которая во время оно была уже лѣтъ семидесяти; одинъ мужикъ узналъ меня. Та же рѣка, гористые берега, обширные виды, мнѣ жаль было ѣхать: я только при этой рѣкѣ, при этихъ липовыхъ аллеяхъ могу ярко перенестись въ тѣ времена, когда вся жизнь лежала впереди и на душѣ все было пестро и зелено.

Omnia idola cons anti et solenni decreto sunt abneganda et renuntianda et Intelectus ab iis omnino liberandus est et expurgandus, ut non alius fere sit aditus ad regnum Hominis, quod fundatur in scientiis, quam ad regnum Coelorum, in quod nisi sub persona infantis intrare non datur.—Baco, ab Veritas.

Метода Бекона *вовсе не* эмпирія въ томъ смыслѣ, въ которомъ поняли ее нѣкоторые изъ французскихъ и англійскихъ естествоиспытателей. Онъ за истину вѣдѣнія и цѣль принималъ форму какъ всеобщее, какъ идею, но не абстрактную, а внутренно опредѣленную; онъ, возвышаясь къ всеобщности, искалъ единство.

16.—Былъ въ Москвѣ. Москва на меня наводитъ глубокое уныніе, я не могъ дождаться часа отъѣзда. Тоска отъ окружающаго и тоска отъ того, что былъ одинъ; я привыкъ, вжился въ мою маленькую семейную жизнъ, мнѣ необходимы и слова Наташи, и смѣхъ Саши. Потребность воротиться была мучительно сильна.

18.—Брошюра Фрауенштета о Шеллингѣ. Нѣтъ дѣла болѣе неблагодарнаго, какъ то, что дѣлаетъ Шеллингъ: подготовка и прилаживаніе философскаго мышленія къ данному неподвижному, прошедшему воззрѣнію. Это схоластика и съ тѣмъ вмѣстѣ ложь. Сколько поэтическаго дара и остроумія истощено на объясненіе миѳовъ, и между тѣмъ объясненія эти оставляютъ какое-то непріятное чувство; чувствуете, что все придумано послѣ. Положеніе Шеллинга понятно; понятно, какъ его платоническому духу болѣзненно видѣть негацію, одну негацію; но какъ понять, что онъ удовлетворился жалкими мистико-философскими, натянутыми и худо склеенными воззрѣніями. Онъ начинаетъ съ пантеизма и приходитъ къ іудаизму, и этотъ іудаизмъ называетъ положительной философіей. По мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ свою положительную науку, становится тягостнѣе и неловче; чувствуешь,

что его рѣшеніе не разрѣшаетъ, что все покрыто туманомъ, несвободно. Мало-по-малу онъ совершенно оставляетъ наукообразный путь и теряется въ самомъ эксцентрическомъ мистицизмѣ, объясняетъ сатану, чудеса, воскресеніе, сошествіе духа au pied de la lettre. Не вѣришь, что это писано въ XIX вѣкѣ; кажется, это слова схоластика XIV вѣка или теолога первыхъ лѣтъ реформаціи. Языкъ и воззрѣніе Бекона понятнѣе для насъ и современнѣе. Новое доказательство, какъ германскій умъ всегда готовъ свихнуться въ область туманныхъ фантазій и тратить талантъ и геній на пустую работу, лишь бы внѣ практическихъ сферъ, лишь бы внѣ тѣхъ сферъ, въ которыя человѣкъ призванъ. А послѣ Канта могли бы идти путемъ трезвымъ. Впрочемъ Шеллингъ нанесъ ударъ страшный христіанству, его философія обличила, наконецъ, всю нелѣпость христіанской философіи, онъ своимъ именемъ, своей ссорой съ Гегелемъ заставилъ обернуться на себя всю ученую Германію и подумать о своемъ бредѣ. Есть вещи, для которыхъ гласность, обличеніе, обслѣдованіе—смерть.

Шеллингъ сдѣлался вверхъ ногами поставленный Яковъ Бемъ. Тотъ, полный мистическаго созерцанія во всѣ стороны, восходилъ къ глубокому философскому воззрѣнію; Шеллингъ изъ глубокаго философскаго воззрѣнія опустился въ дѣтскій мистицизмъ. Бемъ, заключенный въ мистическую терминологію, живши въ началѣ XVII столѣтія, нашелъ твердость не останавливаться на буквѣ, имѣлъ мужество принимать страшныя консеквенціи для боязливой совѣсти того вѣка; онъ дѣйствовалъ разумомъ, и мистицизмъ окрылялъ его разумъ. У Шеллинга вездѣ видна покорность разума и устремленіе всѣхъ силъ подчиниться тезизму и преданію, безъ истинно наивной вѣры. Простая вѣра не станетъ употреблять его Spitzfindigkeiten.

25.—Завтра утромъ ѣдемъ въ Москву. Меня душитъ тоска, ужъ не предчувствіе ли? Съ какимъ-то отвращеніемъ ѣду я, мнѣ ужасно хотѣлось бы еще пожить въ Покровскомъ. Здѣсь тихо, вдали отъ людей, отъ сплетенъ, отъ гнусностей. Да и этотъ простой, добрый народъ, я любилъ его, и славный народъ,—сколько надежды на эти умныя, развязныя, бойкія физіономіи.

Сентябрь мѣсяцъ.

9.—Съ 26 въ Москвѣ. Время суетъ, внѣшнихъ занятій, почти потерянное, если бы не было *занимательныхъ* эпизодовъ; наконецъ, все успокоивается, и я могу надѣяться на покой и мою обычную жизнь. Эпизодъ свадьбы страшенъ. И что за уродливое и вмѣстѣ высоко благородное, поражающее лицо несчастнаго Е. И. Въ ту минуту, когда вѣнчали, онъ убитый и оскорбленный читалъ

молитвы объ нихъ. Онъ прислалъ образъ благословить ихъ. И откуда эта дѣвушка взяла столько коварной хитрости, чтобы обманывать всѣхъ, и, уличенная, она не раскаялась, и пошла къ вѣнцу легко и свободно, осыпаемая горькими упреками. L'une vaut l'autre. Но мнѣ ихъ стало жаль, когда они стояли подъ вѣнцомъ и священникъ клалъ страшныя чары, изъ которыхъ имъ не выпутаться. А они думали, кажется, о постороннемъ, не зная, что и зачѣмъ, а между тѣмъ все придумали и устроили сами, во имя любви. То была обоюдная афера, и оба ошиблись.

18.—Беконъ и Декартъ представляютъ генезисъ философіи, какъ науки, безъ метода того и другого она никогда не развилась бы въ наукообразной формѣ. Яковъ Бемъ, болѣе глубокій и мощный силой, геніальной интуиціей поднялся до величайшихъ истинъ, но это путь генія, путь индивидуальной мощи. Но генезисъ не есть еще сама философія. Ни признаніе факта Бекона не покорило ему вполнѣ природу, ни идеализмъ Декарта не покорилъ ему духа. Сѣмя, брошенное Декартомъ, возросло въ Спинозѣ. Спиноза истинный и всесторонній отецъ новой философіи. «Ego, говоритъ онъ, non presumo, me optimum invenisse Philos., sed verum me intelligere scio». Это сознаніе почерпнуто изъ глубокаго созерцанія и оно истинно. Высота Спинозы поразительна. И какое полное жизни мышленіе. Онъ далъ основу, изъ которой могла развиться германская философія, одна сторона была имъ исчерпнута (духъ какъ субстанція) и онъ первый не взялъ ничего внѣшняго, не прибѣгнулъ къ религіознымъ или традиціознымъ средствамъ. Спиноза былъ врагъ формализма, несмотря на схоластическія формы, въ которыхъ излагаетъ свое ученіе,—это недостатокъ вѣка. Напримѣръ, требованіе доказательствъ искусственныхъ, не ясное само по себѣ, ему противно.

И немудрено, онъ мышленіе почиталъ высшимъ актомъ любви, цѣлью духа, его жизнью. Не говоря о цѣломъ ученіи его, замѣчу, какія молніи генія безпрестанно прорываются у него, напр.: «Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitæ meditatio est... Beatitudo non est virtutis premium, sed ipse virtus». Его взглядъ на временное sub specie eternitatis, всецѣлость разнообразія вѣчно живетъ въ его разумѣ, оставляетъ далеко за нимъ его предшественниковъ. Для него мышленіе было дѣломъ высоко религіознымъ и чисто нравственнымъ. А какъ его принялъ вѣкъ? и должно ли дивиться этому намъ,—онъ умеръ въ 1677 году.

22.—Споръ о дуэли. Что значитъ отсутствіе всеобъемлющихъ религіозныхъ убѣжденій: каждый человѣкъ по своему принимаетъ за путеводную нравственность остатки старыхъ убѣжденій, начатіе новыхъ, и все это существуетъ въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Старый міръ имѣетъ сильные корни въ нашей душѣ, и, несмотря на то, что его характеръ во всемъ аристократиченъ, монашествен, противуестественъ, бездна его самыхъ существенныхъ мнѣній перешла въ нашъ вѣкъ, развивающійся подъ знаменемъ демократіи, реальности и самозаконности разума.

Кто осмѣлится говорить противъ дуэли, противъ щепетильной дворянской чести и point d'honeur, а между тѣмъ нелѣпость дуэли очевидна. Человѣкъ смѣлѣе дотронулся рукою до Бога, до всего общаго, но до частнаго, личнаго не смѣетъ коснуться. Честь, честь,—и никогда не дать себѣ отчета, что именно честно и что оскорбительно и какое удовлетвореніе какимъ образомъ исправляетъ. Дуэль есть смертная казнь сопряженная съ опасностью палача, дуэль есть актъ дикой, кровавой мести, на которую не токмо отдѣльное лицо, но и общество не имѣетъ никакого права. Феодальные вѣка доказали всю случайность содержанія чести, но тогда личность должна была требовать безконечнаго признанія, иначе не развилось бы понятіе о достоинствѣ человѣка. А теперь!..

25.—Новость о покушеніи въ Польшѣ и другая въ Journal de Débats объ арестованіи 3000 человѣкъ. Грустно, тяжело грустно. Конечно, пройдутъ вѣка... стара пѣсня, разумѣется такъ, но видѣть около, возлѣ и всю жизнь быть только страдальнымъ зрителемъ... Какую грудь, какія плечи надобно имѣть!

30.—XVIII вѣкъ имѣлъ что-то революціонное въ костяхъ и мясѣ. Во имя абсолютизма такіе люди, какъ Помбаль, Аранда, пріобщали цѣлыя страны къ новому порядку идей. Или Струэнзе въ Даніи. Когда наступаетъ время, духъ находитъ себѣ мѣсто въ самомъ вражескомъ станѣ. Теорія открытаго эгоизма и себякорыстія дали послѣдній ударъ христіано-феодальной нравственности. Отсутствіе нравственности—отличительный характеръ тогдашней политики. Фридрихъ и Екатерина равно не гнушались всѣми средствами.

Не говоря уже о раздѣленіи Польши, достаточно вспомнить все оскорбительное тиранство косвенныхъ налоговъ, перенятыхъ Фридрихомъ II у Франціи, но развитыхъ въ какой-то грязно гнусной формѣ, до которой они никогда не достигали во Франціи (напримѣръ, акцизъ на жженный кофе и пр.).

Октябрь мѣсяцъ.

6. — Schlosser приводитъ мѣсто, въ которомъ Рейнгольдъ, будучи юношей и ученикомъ іезуитовъ, писалъ къ отцу: «Ein so eifriger Christ, wie du, mein bester Papa, weiss beinahe so gut als ein Geistlicher, dass es heiligere Brüder giebt, als jene der sündhaf-

ten Natur, und dass ein Mensch, der dem Fleische abgestorben ist, eigentlich keinen andern Vater mehr haben könne, als den himmlischen, keine andere Mutter, als seinen Orden, keine andere Verwandte, als seine Brüder in Christo, und kein anderes Vaterland, als den Himmel. Die Anhänglichkeit an Fleisch und Blut ist eine von den stärksten Ketten, mit denen uns Satan fest an die Erde schmieden will». Писано 13 сентября, 1773 г. Но за что же Шлоссеръ такъ негодуетъ на іезуитовъ при томъ и выставляетъ это мѣсто, какъ документъ превратнаго ученія. Да это просто логическая консеквенція христіанскаго ученія, начало этого воззрѣнія въ самомъ Евангеліи. Да они, сверхъ того, не истинны только по супранатуральному устремленію духа къ jenseits, воззрѣніе это широко и глубоко человѣчественно. Безъ сомнѣнія, естественныя связи ниже духовныхъ.

9. — 3 сентября въ Аѳинахъ и движеніе въ Италіи. Итакъ, югъ Европы не спитъ. Въ Италіи будутъ казни, въ Греціи—Богъ знаетъ что. Правительство Людовика Филиппа противъ, — оно не хочетъ понять своего призванія въ борьбѣ двухъ началъ и укрѣпляетъ Парижъ. Безъ крови не развяжутъ эти узлы. Отходящее начало судорожно выдерживаетъ свое мѣсто и, лишенное всякихъ чувствъ, готово всѣми человѣческими средствами отстаивать себя. А намъ, славянамъ, предстоитъ молчаніе или слово внѣ отечества, какъ сказалъ Мицкевичъ, начиная нынѣшній курсъ свой. Но и вездѣ несовершеннолѣтіе поразительное; въ Англіи, напр., радикалы хотятъ требовать, чтобъ неплатящіе земледѣльцы владѣльцу земли наемной суммы были судимы и наказывались на общихъ установленіяхъ о долгахъ. Это они догадались въ 1843 году.

24. — Вчера проводили Кетчера въ Петербургъ; ему болѣе, нежели кому-либо, нужны друзья и симпатическій кругъ, онъ только въ немъ и живетъ; въ Петербургѣ у него нѣтъ ни друзей, ни близкихъ. Такая жизнь ему будетъ тяжела; но собственно для его развитія петербургская жизнь для него важная фаза. Москва располагаетъ къ квіетическому и мечтательному взгляду, онъ въ Москвѣ начиналъ принимать свой pli и состарился бы въ немъ; тамъ взойдутъ новые элементы въ жизнь.

26.—Разговоръ съ П. В. Кирѣевскимъ. Ихъ воззрѣніе странно до поразительности, оно, безъ сомнѣнія, не изъято поэзіи, хотя односторонность очевидна. Религіозное воззрѣніе имѣетъ необходимо долю ложную, но ихъ воззрѣніе есть еще частно религіозное, именно греко-россійское христіанство: они отвергаютъ все западное христіанство; исторія, какъ движеніе человѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію, для нихъ не существуетъ; ихъ взглядъ на исторію приближается къ взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся

жизнь человѣчества—болѣзненное, абнормальное явленіе. Въ этомъ есть сумасшедшая консеквенція, принять грѣхопаденіе, т. е., осуществленіе развитія передъ ними должно ввести страшный безпорядокъ и перекувыркнуть смыслъ исторіи. Они принимаютъ за истинную церковь, за единую дверь къ благодати, остальное все нечистиво, сбилось съ дороги etc. И съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ, что и греческая церковь подавлена, никуда негодна у насъ. Что же остается? И для кого искупленіе рода человѣческаго? Неужели христіанство, въ началѣ имѣвшее 12 апостоловъ, черезъ 1800 лѣтъ оканчивается двумя или тремя лицами, знающими какую-то подъ спудомъ хранящуюся истину въ церкви, живущей по ихъ сознанію во лжи? Дѣятельность и стремительное движеніе европейское они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ квіетическое спокойствіе какой-то созерцательной жизни на индійскій манеръ. Внутренній страхъ, что ихъ мысль не признана, дѣлаетъ ихъ фанатически нетерпимыми, въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ, недостаетъ любви. Они на западъ смотрятъ съ ненавистью. Это такъ же пошло и нелѣпо, какъ воображать, что все наше національное гнусно и отвратительно. Оттого что Руси общечеловѣческое начало начали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность. Въ одномъ французскомъ водевилѣ кто-то кричитъ: «Ma voiture, ma voiture, 50 fr. pour ma voiture!» Въ переложеніи на русскіе нравы того же водевиля, актеръ кричитъ: карету, карету или 50 палокъ! Виноватъ ли европеизмъ! Да, какъ тяжело отъ этого искусственнаго періода. А за чѣмъ же мы представляли нѣсколько вѣковъ стоячее болото? Да въ этой-то стоячести вся прелесть созерцательной жизни. Противъ этого говорить нечего, разные критеріумы,—надобно идти врозь или замолчать... Петръ Кирѣевскій выражаетъ собою, въ числѣ самыхъ отчаянныхъ славянофиловъ, ультраславяниста; разумѣется, что, при всемъ уродливомъ взглядѣ, онъ—человѣкъ талантливый, восторженный и благородный, онъ можетъ, во многомъ долженъ будетъ, уступить брату, но далеко оставляетъ за собой многихъ одномышленниковъ. Съ своей точки зрѣнія они очень консеквентны. А опору точки зрѣнія не подвергаютъ анализу, даже минуютъ ее высказать. Это вѣрованіе и, какъ вѣрованіе, имѣетъ корень въ субъективномъ чувствѣ. Кирѣевскіе послѣдовательнѣе Аксакова и Самарина; тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе славяно-византійское, они по Гегелю доходятъ до православія и по западной наукѣ до отверженія западной исторіи; они принимаютъ прогрессъ, смотрятъ нашими глазами на будущность человѣчества,

оттого у нихъ потеряна необходимая консеквентность. П. В. обращенъ на одно прошедшее Руси, онъ смотритъ на будущее безъ вѣры; народъ, какъ индивидуальность, какъ случайная личность, носитъ въ груди возможность гибели, но прожитое имъ—его руно, которое онъ стремится возстановить для Руси.

Пробѣжалъ IV томъ Кюстина. Безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокій взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ образчикамъ догадаться о массѣ. Всего лучше онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвастовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности: «un empire de façades... la Russie est policée non civelisée...» и др.; онъ глубоко подловилъ характеръ общества, описывая иронію и грусть его, подавленность и своеволіе, онъ оцѣнилъ національный характеръ,—это большое достоинство. Онъ успѣлъ въ грубой, дикой и рабствомъ искаженной физіономіи разглядѣть черты высокихъ свойствъ, прекрасныхъ надеждъ и намековъ. Горько улыбаешься, читая, какъ на француза дѣйствовала безпредѣльная власть и ничтожность личности передъ нею; какъ онъ пряталъ свои бумаги, боялся фельдъегеря и т. д. Онъ, проѣзжій, чужой, чуть не ускакалъ отъ удушья, — у насъ грудь крѣпче организована. Мы привыкаемъ жить, какъ поселяне возлѣ огнедышащаго кратера. Ложь, притворство, связанность рѣчи въ обществѣ также не могли не броситься въ глаза французу. Теплое начало его души и добросовѣстность сдѣлали особенно важной эту книгу; она вовсе не враждебна Россіи, напротивъ, онъ болѣе съ любовью изучалъ насъ и, любя, не могъ не бичевать многаго, что насъ бичуетъ. На Петра онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія славянофиловъ: судитъ слишкомъ рѣзко, во многомъ справедливо, но безъ глубокаго историческаго смысла; такія событія, какъ Петровскій переворотъ, должно брать шире и обще. Царствованіе Екатерины онъ назвалъ длинной комедіей, которой она обманывала Европу. Ловко и къ мѣсту припомнилъ онъ слово Александра M-me de Staël: «je ne suis qu'un heureux accident pour la Russie».

Арестъ и беззаконное взятіе француза Pernet сильно подѣйствовали на Кюстина, они наполнили его знакомымъ чувствомъ негодованія; но онъ не по-русски, не затаилъ въ душѣ и слово, и слезу, онъ далъ волю своей рѣчи и къ концу онъ одушевляется и сильной рѣчью отбрасываетъ всю отвѣтственность народныхъ бѣдствій страны, населенной прекраснымъ племенемъ, правительству. Слова его язвятъ и попадаютъ мѣтко. Полный грусти летитъ онъ за границу, и въ Тильзитѣ грудь его вздохнула свободно,

гора свалилась съ плечъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ arrière-pensée враждебной европейскому либерализму, а уѣхалъ примирившись. Онъ совѣтуетъ недовольнаго француза прислать посмотрѣть Россію для излеченія. Тягостно вліяніе этой книги на русскаго, голова склоняется на грудь и руки опускаются; и тягостно отъ того, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста, и миришься съ нимъ за многое и болѣе всего за любовь къ народу.

29.—Вчера Fenella, которую видѣлъ и прежде, увлекла меня сильнѣе обыкновеннаго. Голандъ очень хорошій актеръ; не имѣя голоса, онъ игрой выкупаетъ многое. Бельгійцы съ представленія «Фенеллы» пошли на площадь. Парижане бѣсновались и съ колѣнопреклоненіемъ заставляли пѣть марсельезу.

Что ни говори записные музыканты, а libretto, а сама драма, развиваемая въ оперѣ, очень важное дѣло; тогда музыка дѣйствуетъ не отвлеченно, а захватываетъ вмѣстѣ съ драмой всего человѣка и дѣйствіе ея не ослаблено, а увеличено. Libretto «Жидовки»; «Вильгельма Телля», «Фенеллы» — наши, современные. Есть мѣста въ «Вильгельмѣ Теллѣ», при которыхъ кровь кипитъ, слезы на рѣсницахъ, и между тѣмъ музыкой все это обнимается какою-то примиряющей средой.

Ноябрь мѣсяцъ.

3. — Письмо изъ Ганау, и еще нѣсколько писемъ теплыхъ, симпатичныхъ, воскрешающихъ много хорошаго изъ былого. Я всегда и вездѣ встрѣчалъ людей готовыхъ любить.

4. — Die Kommunisten in der Schweiz. Wörtlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что̀ удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не токмо въ числѣ коммунистовъ, но упомянутый какъ одинъ — изъ «venin». Они были захвачены, слѣдовательно, и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elysard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ? Коммунистское движеніе въ Швейцаріи имѣло представителемъ своимъ Вейтлинга, прежде портного, потомъ энергическаго писателя и пропагандиста. Мѣста изъ его писаній, приведенныя комиссіей, краснорѣчивы и сильны. Распространеніе коммунизма шло очень быстро между работниками швейцарскими и германскими. Начала ихъ извѣстны: Eine vollkommene Gesellschaft hat keine Regierung, sondern eine Verwaltung—организація работъ, равенство in facto, война собственности etc., etc. Много одушевленія; слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди; прекрасно опредѣляютъ

они свое отношеніе къ либераламъ. Есть нелѣпости (напримѣръ, теорія воровства), но есть зато рѣзкая истина.

Болтовня де-Санглена имѣетъ свой интересъ, какъ живая хроника за 50 послѣднихъ лѣтъ. Поверхностный и малообъемлющій умъ, но большая живость, своего рода острота и бездна фактовъ интересныхъ. Нѣкоторыя подробности о смерти Павла, множество анекдотовъ объ александровскихъ временахъ, которые онъ имѣлъ случай хорошо знать en qualitè начальника тайной полиціи, о Барклаѣ (онъ былъ генералъ-полицмейстеромъ первой арміи 1802). Конечно, незавидное время было тогда, но какая разница! Что-то гуманное, кроткое, хранившее благопристойность было въ правительствѣ. Нынче маска не считается нужной.

Недавно сѣкли инженерныхъ юнкеровъ, и потомъ на 6 лѣтъ въ солдаты за какую-то дѣтскую шалость. Боже мой!

10. — Кетчерово письмо, проникнутое любовью и нѣжностью. Какъ въ немъ странно спаялись его демократическая угловатость, грубость внѣшняя съ дѣтской нѣжностью и свѣжестью души... Онъ долго въ Петербургѣ не проживетъ.

Длинный и презанимательный разговоръ съ Самаринымъ. Онъ согласенъ, что ясно не можетъ развить логически свою мысль о имманентномъ сосуществованіи религіи съ наукой, что das Aufheben наукой оставляетъ церковь во всей ея дѣйствительности. Онъ согласенъ, что расторжимость человѣка, который мышленіемъ разрушаетъ то, что принимаетъ фантазіей и сердцемъ, съ другой стороны, усыпляя мышленіе, снова даетъ мѣсто представленію, непримирима. Но они требуютъ этого, хотятъ, etc.

Требованіе это вмѣстѣ съ славянизмомъ дѣлается религіей. Они говорятъ, что плодъ европейской жизни созрѣетъ въ славянскомъ мірѣ, что Европа, достигнувъ науки, негаціи существующаго, наконецъ, провидѣнія будущаго въ вопросахъ соціализма и коммунизма, совершила свое, и что славянскій міръ—почва симпатическаго, органическаго развитія будущаго. Это мысль не токмо ихъ, но и западныхъ славянъ, напримѣръ Мицкевича; но у нашихъ важное различіе. У нихъ славянизмъ не раздѣленъ съ греческой религіей: церковь одна—это наша церковь; они ждутъ, что католицизмъ и протестантизмъ равно признаетъ истинность ея, и это самая отчаянная гипотеза изъ всѣхъ. Такое созерцаніе будущаго, безъ сомнѣнія, религія, и можетъ дойти до фанатизма.

Читалъ V томъ Кюстина. Книга эта дѣйствуетъ на меня, какъ пытка, какъ камень, привалленный къ груди; я не смотрю на его промахи, основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество, и эта страна — Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ. Какъ вѣрно сказалъ онъ: «la pensée inutile s'envenime dans l'âme qu'elle empoisonne faute d'autre emploi». Славянофилы, вѣря въ мечтаемую

будущность, хотя и понимаютъ настоящее, но, радуясь будущему, мирятся съ нимъ. Ихъ счастье!

16.—Замѣчательно, что византійская архитектура, иконопись, церковная музыка и ваяніе не имѣютъ въ смыслѣ художественномъ высокаго развитія. Съ одной стороны, это подтверждаетъ мысль славянофиловъ, что восточная церковь *чище* и вѣрнѣе христіанству, съ другой, свидѣтельствуетъ объ несовмѣстимости христіанства со всякой живой сферой, такъ и съ искусствомъ. Католическая церковь, имѣвшая сама въ себѣ негацію и, слѣдовательно, развитіе, не могла не найти стиля и высокаго развитія. Живопись была эмансипаціей изъ-подъ власти исключительности религіозной. И въ этомъ великое достоинство католицизма, не понимаемое православными. Они не понимаютъ, что абстрактное, не выходящее въ жизнь существованіе церкви, потому именно и *чисто* (употребляя ихъ выраженіе), что оно отдѣлено отъ жизни; да въ этомъ собственно опредѣленъ недостатокъ, а не достоинство. Вѣрность буквальная христіанству должна была привести къ квіетико-созерцательному покою и къ мертвой церкви съ пассивнымъ характеромъ. Католицизмъ есть само христіанство развивающееся; оно есть дѣйствительно христіанство. Восточная церковь, скажутъ теперь, когда католицизмъ изжилъ свои формы, явится какъ высшая религіозная форма и съ ней сочетаются идеи соціализма и коммунизма. Да на чемъ же это основано? Во-первыхъ, человѣчество не можетъ опредѣлиться въ религіозномъ отношеніи византизмомъ, потому что византизмъ не можетъ удовлетворить развитію самомышленія, возникшаго на развалинахъ католицизма; добросовѣстно никто не можетъ сказать, чтобы была адекватность между ученіемъ восточной церкви и требованіями духа времени. Мудрено ли послѣ этого, что вся ея жизнь выражаетъ недѣйствительность ея. Она не признаетъ государства, а государство тѣснитъ ее, она ограничивается жизнью монастырской, постомъ и молитвой, а жизнь развивается возлѣ, внѣ ея вліянія, она считаетъ искусство чуждымъ себѣ, науку—игнорируетъ, все временное—давитъ. И всю жизнь была давима всѣмъ временнымъ и попираема.

24. — Вчера Грановскій началъ свои публичныя лекціи. Превосходно. Какой благородный, прекрасный языкъ, потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи въ самомъ дѣлѣ событіе, какъ говоритъ Чаадаевъ; слыханое ли дѣло, чтобъ на лекціи, безъ опытовъ физики или химіи, сошлось множество людей, изъ которыхъ 50 заплатили за входъ по 50 рублей. И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ. Писалъ сегодня статейку объ нихъ для *Москов. Вѣдом.*, повезу ее завтра къ графу Строгонову,—кажется, не дурно. Множество дамъ; разумѣется, онѣ не слушать

ѣздятъ, а казать себя,—но все это хорошо и, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ есть желаніе интересовъ всеобщихъ.

А между тѣмъ дома опять тучи. Удивительная вещь, только что все успокоится, только покажется, что пришло время гармоніи, новый ударъ въ самую грудь напомнитъ всю наготу и ломкость. Саша очень боленъ. Страшные опыты меня сдѣлали почти трусомъ, и теперь именно, когда Наташа такъ ищетъ покоя. Я вѣрю, почти убѣжденъ, что безъ чего-нибудь новаго болѣзнь его минуетъ благополучно; но у меня, т. е., у мужчины, и притомъ вовсе не нервнаго, сердце надрывается видѣть страданія ребенка. А она... страшно! Для меня есть минуты еще больше горькія, нежели самые болѣзненные припадки коклюша, это когда въ промежуткѣ сильныхъ припадковъ онъ начинаетъ играть и говорить вздоръ; такъ видна тутъ слабость, какое-то невыразимо тяжкое состояніе вызываетъ болѣзненный видъ ребенка, безпечно играющаго, не зная, что съ нимъ дѣлается и какія страданія его ждутъ черезъ минуту.

Что тутъ придумаетъ человѣчество? Чѣмъ укрѣпитъ оно себя отъ страшныхъ ударовъ случайности,—тутъ страховыя общества не помогутъ; on a beau dire о мірѣ всеобщемъ; разумѣется, человѣку, имѣющему широкіе интересы, нѣсколько легче, нежели сосредоточенному на одномъ личномъ и семейномъ, но легче не значитъ легко. Легко однимъ эгоистамъ, тѣ истинные цари жизни.

26.—Вчера возилъ графу Строгонову первую статью о лекціяхъ Грановскаго. Онъ согласился. чтобъ она была напечатана въ *Московск. Вѣд.*, но чтобъ имя Гегеля не было произнесено. Откуда эта гегелефобія? Потомъ длинный разговоръ объ *Отеч. Зап.*, Бѣлинскомъ, Боткинѣ, etc.; онъ знаетъ множество подробностей. Странно, какое вниманіе обращено на меня и на всѣхъ. Предостереженія, совѣты. Въ графѣ Строгоновѣ бездна рыцарски-благороднаго. Длинный, замѣчательный разговоръ.

28.—Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна. Какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты, въ которыхъ его рѣчь подымалась до вдохновенія. Рѣчь шла о философіи исторіи; есть нѣкоторыя неясности, отъ которыхъ люди отдѣлываются словами, которымъ придаютъ какое-то страшное по содержанію значеніе, или себя увѣряютъ, что вопросъ уясненъ, а онъ только переведенъ на другой языкъ. Читая Гегеля и находясь весь еще подъ его самодержавной властью, я самъ во многихъ случаяхъ разрѣшалъ логическими штуками или логической поэзіей не такъ-то легко разрѣшимое. Съ такими вещами я встрѣтился и у Грановскаго; онъ, не имѣя твердости сдѣлаться свирѣпымъ имманентомъ (какъ выражается Хомяковъ) и удерживая своего рода идеализмъ, необходимо наталкивается на антиномію, которую приходится разрѣшать поэзіей, антропоморфизмомъ все-

общаго etc. Онъ прекрасно защитилъ философію въ обвиненіи, что она всегда за сильнаго, и объяснилъ намъ... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена. Статья моя объ его лекціяхъ напечатана вчера. Сюрпризъ удался вполнѣ, онъ и не подозрѣвалъ. Утромъ Коршъ ему прислалъ №. Грановскій былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу все прочесть. Когда кончилась лекція, все порядочное въ аудиторіи съ восторгомъ изъявляло свою благодарность профессору. Это одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Грановскаго. И какъ счастлива, съ горящимъ лицомъ и со слезами на глазахъ, сидѣла его жена. Публичныя чтенія удивительно заманчивы, кабы позволили... Статья сдѣлала эффектъ, всѣ довольны, славянофилы и яростные тоже довольны. Пора приниматься за вторую статью.

Декабрь мѣсяцъ.

1.—Вчера Грановскаго встрѣтили страшными рукоплесканіями, онъ не ждалъ и смѣшался. Долго не могъ прійти въ себя. Лекціи его дѣлаютъ фуроръ; мода ли, скука ли,—чтобъ ни вело большинство въ аудиторію, польза очевидна: эти люди пріучаются слушать. Публичныя чтенія пойдутъ въ ходъ, sui generis публичность.

6.—Анненковъ и письмо изъ Петербурга. Бѣлинскій женился; кажется, въ мірѣ нѣтъ человѣка менѣе способнаго къ семейной жизни, несмотря на то, что въ груди его гигантская способность любви и даже самоотверженія. Кетчеръ предлагаетъ пріѣхать; удивительный человѣкъ, сколько высокой любви помѣщается въ немъ и притомъ любви дѣятельной, готовой на пожертвованія; меня глубоко трогаетъ его дружба. Не скверно ли, что мы все доброе и благородное считаемъ жертвой, какою-то абнормальной натяжкой.

Перечиталъ введеніе въ Гегелеву философію исторіи. Чѣмъ болѣе мы зрѣемъ, тѣмъ замѣтнѣе рѣшительный идеализмъ великаго замыкателя христіанства и Колумба для философіи и человѣчественность; что за странные два концентрическіе круга, которыми онъ опредѣляетъ духъ человѣчества: исторія—это поприще духа, одѣйствовареніе его, его истина, его полное бытіе. Потомъ духъ самъ по себѣ, въ своей области; эти круги то имѣютъ одинакій радіусъ и тогда одинъ кругъ, то радіусъ духа самого по себѣ получаетъ какую-то безконечную величину,—и тогда опять кругъ одинъ, а онъ въ обоихъ случаяхъ считаетъ два круга. Человѣчество знаетъ духъ такъ, какъ духъ себя знаетъ; во всемъ этомъ есть таутологическая бифуркація, затрудняющая смыслъ истины для того, чтобъ ее высказать глоссологіей вѣка.

11. — Неблагородство славянофиловъ *Москвитянина* велико;

они добровольные помощники жандармовъ. Они негодуютъ на Грановскаго за то, что онъ не читаетъ о Руси (читая о среднихъ вѣкахъ въ Европѣ), не толкуетъ о православіи, негодуютъ, что онъ стоитъ со стороны западной науки (когда восточной вовсе нѣтъ) и что будто бы мало говоритъ о христіанствѣ вообще. Все это было бы ихъ дѣло; но они кричатъ объ этомъ, такъ что и Филаретъ началъ толковать, хотятъ печатать въ *Москвитянинѣ*, что онъ читаетъ по Гегелю etc. Публика, дамы за него. Живое участіе къ его чтеніямъ растетъ, все это придаетъ хоть нѣсколько жизненности обществу; а между тѣмъ, того и смотри закроютъ лекціи. Главный характеръ нашего періода у насъ это хаосъ, анархія, толку не найдешь ни въ чемъ. Въ *Отеч. Зап.* напечатана моя IV статья почти вся. Я со всякимъ днемъ нахожу вѣроятнымъ, что надъ всѣми нами опять разразится громъ, а между тѣмъ истинно никто ничего не дѣлаетъ такого, чтобъ выходило изъ предѣловъ: полуслова, абстракціи. Что за жизнь!

17.—Вторую статью о лекціяхъ Грановскаго графъ Строгоновъ отказалъ помѣстить въ *Моск. Вѣдом.*,—можетъ, онъ правъ: боязнь крика, поповъ, доносовъ справедлива. Я долго былъ у него, разстались, кажется, довольные другъ другомъ; странный онъ человѣкъ, но я уважаю многое изъ его качествъ, и, безъ сомнѣнія, онъ очень важенъ для Московскаго университета a partant de là и для просвѣщенія всей Россіи. *Москвитянина* нѣтъ еще.

Доселѣ въ Петербургѣ говорятъ и говорятъ о страшномъ беззаконіи наказанія инженерныхъ юнкеровъ. Даже Петербургъ ужаснулся и смѣлъ показать негодованіе на К. Подробности этой исторіи поразительны: ни покрывала, ни стыда. Да не сказка ли это изъ 1743 года. Вѣрить ли, что въ 1843 г. она была?

21.—Вчера Грановскій публично съ каѳедры оправдывался въ гнусныхъ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Шевыревымъ и Погодинымъ и, наконецъ, напечатанныхъ въ *Москвитянинѣ* Окончивъ чтеніе, онъ сказалъ: «Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ пóтомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Если-бъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія; да, я ихъ имѣю, и только во имя ихъ я явился на этой каѳедрѣ; разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью. Проникнуть ихъ мыслью»... и тутъ еще нѣсколько словъ, которыя я не разобралъ. Громъ

рукоплесканій и неистовое bravo, bravo окончило его рѣчь; съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодисментъ, проводившій Грановскаго до самыхъ дверей аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ! Такія проявленія, сколько они ни бѣдны, какъ они ни рѣдки,—радуютъ. Глядя на гамъ и шумъ, у меня сердце билось и кровь стучала въ голову: есть таки симпатіи. Можетъ, послѣ этого, власть наложитъ свою лапу, закроютъ курсъ, — но дѣло сдѣлано, указанъ новый образъ дѣйствія университета на публику, указана возможность открыто, благородно защищаться передъ публикой въ обвиненіяхъ щекотливыхъ, и подтверждена возможность единодушной оцѣнки такого подвига, возможность возбудить симпатію.

Что за великое дѣло публичность! Именно какъ Proudhon говоритъ, что работникамъ платятъ каждому отдѣльно, а не цѣнятъ новую силу, происходящую изъ совокупности ихъ. Да, множество людей представляетъ не ариѳметическую сумму силъ ихъ, а несравненно сильнѣйшую мощь, происходящую отъ поглощенія ихъ въ едино, каждый сильнѣе всею мощью всѣхъ.

Читаю IV томъ L. Blanc. Какъ подлъ и отвратителенъ Людовикъ Филиппъ и его правительство въ исторіи съ герцогиней Беррійской. Вотъ что значитъ отсутствіе того голоса въ сердцѣ, который громко вопіетъ противъ всего нечистаго, сальнаго. Не говоря о томъ, что воспользоваться беременностью женщины, чтобъ опозорить ее, — подло, особенно когда (по ихъ же понятіямъ) эта женщина свое пятно бросаетъ и на идею королевской власти и на свою семью, которая есть семья Людовика Филиппа, но и это можно бы простить; страшны средства, употребленныя для доказательства. Ей, женщинѣ, послать сказать, чтобъ она встала и прошла по комнатѣ для того, чтобъ ея животъ былъ виденъ, подписка, допросы въ самое время родовъ, восемнадцать свидѣтелей, пушечные выстрѣлы. Низко и грязно, къ тому же и несправедливо. Это только наше варварское понятіе о женщинѣ могло поставить въ важное обвиненіе женщинѣ, что она, будучи нѣсколько лѣтъ вдовою, нашла себѣ друга, любовника, мужа. Вообще исторію этого времени читать грустно, все такъ мелко, пошло .. разумѣется прорываются громадныя дѣянія и громадные характеры, но это исключеніе. Таковъ книгопродавецъ и типографъ Ботъ, въ первыхъ дняхъ іюльской революціи, отдѣльныя сцены въ исторіи Cloitre de St-Mery, Rodde, идущій продавать афишку, рыцарь-демократъ Ар. Каррель, итальянецъ Буонаротти, старецъ карбонаризма. великая, святая личность и огненная натура Маццини, и... и вся безполезность ихъ усилій. Это опять отбрасываетъ во всѣ ужасы скептицизма. На дняхъ пробѣжалъ я 1-й № *Европейца*. Статьи

Ив. Кирѣевскаго удивительныя, онѣ предупредили современное направленіе въ самой Европѣ; какая здоровая, сильная голова, какой талантъ, слогъ... и что вышло изъ него. Сломился какъ благородная натура, онъ не измѣнилъ своему направленію, а бросился въ самый темный лѣсъ мистицизма,—тамъ ищетъ спасенья. Бѣдныя жертвы и великія жертвы, приносимыя молоху!

24. — Пріѣзжалъ Бѣляевъ изъ Вятки. Удивительно, до чего безуміе и опьяненіе власти доходитъ; въ Вятской губерніи, въ Нолинскомъ уѣздѣ крестьяне за ослушаніе чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ были усмиряемы губернаторомъ вооруженной рукой; они стояли въ толпѣ и не дѣлали никакихъ насилій, ждали объясненія, въ нихъ стрѣляли картечью и 60 человѣкъ убито. Они бросились на колѣни и ихъ передрали плетьми. Губернаторъ этотъ — знаменитый шпіонъ М., управлявшій нѣсколько лѣтъ Ш отдѣленіемъ; были мѣрами толь отеческими недовольны,—и его повысили въ директоры одного изъ департаментовъ министерства финансовъ. Вторая исторія въ 1842 году въ Казани, гдѣ, отнявши у мужиковъ картофель, велѣли его сѣять, потомъ освободили ихъ за деньги, потомъ опять велѣли сѣять. Выведенные изъ себя крестьяне взбунтовались и были усмиряемы пулями и тесаками; цѣлыя семьи бѣжали въ лѣса и мѣсяцы не смѣли возвратиться. Кто-нибудь долженъ проснуться, или правительство, или народъ. О первомъ такъ-же трудно повѣрить, какъ о другомъ; впрочемъ, министръ Киселевъ проѣзжалъ по Костромскому, гдѣ была военно-судная комиссія по этому дѣлу, и даже не озаботился спросить о немъ. И этотъ господинъ хочетъ быть Umwälzungsmann! Misère, misère! Разумѣется, они могутъ быть стимулусомъ, тѣми толчками въ лицо спящаго, отъ котораго тотъ вскочитъ; но быть великими дѣятелями,—для этого надобна любовь къ идеѣ, любовь къ народу.

На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ,
Онъ очень милъ,—о томъ ни слова!

сказалъ Пушкинъ.

Съ 29 на 30, ночь .. Ни вѣры нѣтъ, ни надежды... я себя какъ то ненавижу... хотѣлось бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино хотѣлъ бы пить... этого не должно бы быть. Время тащится тихо, можетъ, вопросъ нѣсколькихъ существованій рѣшается теперь. Тупая сила, глупая сила... Ну, что же, смертный приговоръ или милость?—случай.

30. — Вечеръ. Въ часъ безъ 10 минутъ родился мальчикъ; доселѣ все счастливо, но я еще не смѣю, боюсь надѣяться. Страшные опыты проучили.

31. — Вечеръ. Полтора сутокъ прошло и rien d'alarmant, дитя малъ и не изъ крѣпкихъ; но доселѣ болѣзненнаго ничего не видать и грудь беретъ. Для Наташи неистощимое благо, если это дитя будетъ живо; это ее морально и физически успокоитъ.

Дружба, любовь окружаетъ насъ прекраснымъ вѣнкомъ, сколько симпатіи горячей, полной, благородной. Это наше великое благо въ жизни, награда и пр. Грановскій, получивши записку, не могъ ее читать отъ волненія и передалъ другому. Утромъ, когда еще ожидали, онъ молился. Я не могу этого дѣлать. Въ рѣшительныхъ минутахъ, я, наконецъ, нахожу силу и стою будто на барьерѣ во время дуэли, жду, что пуля мимо или въ грудь... Жду мрачно, собравши всю твердость. Середь ожиданія является рефлексія, и я иду и на гору и подъ гору съ дикой, свирѣпой послѣдовательностью, не отклоняя страшнаго, а всматриваясь въ него. Всякій по своему.

Черезъ часъ наступитъ и новый годъ. Въ прошломъ не было страшныхъ внѣшнихъ толчковъ, но страшныя внутреннія событія. Я съ содроганіемъ вспоминаю весну, — да покроетъ могила 1843 многое слышанное и сказанное тогда! Но рубцы остались неизгладимы, но *выжитое* всѣмъ этимъ осталось.

1844.

Январь мѣсяцъ.

2.—Трое сутокъ прошло,—и все идетъ хорошо. Я начинаю убѣждаться, хотя и съ робостью, со страхомъ, что на этотъ разъ не предвидится такой катастрофы, какъ въ прошлый.

7.—Вчера Грановскій окрестилъ новорожденнаго; все было весело и торжественно, напомнило рожденіе Саши. Огаревъ считаетъ себя крестнымъ отцомъ Саши; Сатинъ и Кетчеръ крестили несчастныхъ малютокъ умершихъ, и Грановскій вновь начинаетъ съ перелома. Сегодня девятый день и все исправно.

Былъ на дняхъ у графа Строгонова, интриганы изъ профессоровъ сбиваютъ его видимо; онъ любитъ и желаетъ просвѣщенія, онъ любитъ Европу и все благородное, но боится рѣзко и рѣшительно объявить себя противъ дикихъ славянофиловъ, а они, пользуясь его шаткостью, пугаютъ, лгутъ и получаютъ мѣсто въ его убѣжденіяхъ. «Я, говорилъ онъ, всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность. два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіей: религія въ основѣ». На это я сказалъ ему, что очень хорошо не принимать людей, толкующихъ о соглашеніи и примиреніи, потому что они лжецы и трусы. Примиренія нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, и наука не имѣетъ нужды ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Въ заключеніе графъ сказалъ, что если онъ не успѣетъ другимъ образомъ. то готовъ или оставить свое управленіе, или закрыть нѣсколько каѳедръ: «вы, вѣроятно, съ другими, назовете тогда меня варваромъ, вандаломъ». Я опустилъ глаза и промолчалъ. Разговоръ сталъ слабѣть и скоро кончился. Не жаль ли, что эта доблестно-рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностью?

И какъ будто есть двѣ науки въ самомъ дѣлѣ. Останавливать современную науку, значитъ убивать вообще развитіе науки и сводить преподаваніе на сухія, историческія, филологическія, естествознательныя, математическія свѣдѣнія, не связанныя ни единою мыслью.

8.—Какъ шатко, страшно шатко все въ жизни, кромѣ мысли, которая собственно уже и есть снятіе жизни индивидуальной, единственно полной. Какъ спокойны мы были, а сегодня опять страшный день. и едва теперь я нѣсколько сталъ спокойнѣе, а днемъ намучился и настрадался, особенно вечеромъ. Наташа сильно занемогла; вчера немного неосторожно понадѣялась она на свои силы и, можетъ, дорого еще заплатитъ за это; я боялся, что разовьется воспаленіе; но, кажется, еще нѣтъ и не будетъ, сильныя спазмы, боли нестерпимыя... воспаленіе поставитъ на край гроба. Отъ этой мысли дѣлается какая-то лихорадка. Теперь два часа, она спитъ, что-то будетъ завтра. А мы послѣдніе дни были спустя рукава. Случай этотъ разразился такъ нежданно, колѣна мои подгибались. Хорошо, что Елизавета Богдановна у насъ, она облегчила меня; безъ близкаго человѣка страшно въ такія минуты, убійственно. Къ тому же я такъ неловокъ, когда ухаживаю за больными. Да мимо идетъ чаша сія!

11.—И прошла. А душа какъ корабль: что ни побѣжденная буря, то ближе къ разрушенію. Матросы становятся лучше, а дерево хуже.

Странная вещь: въ Börsenhalle—новость объ опредѣленіи бывшаго дерптскаго профессора Мадай къ Нассаускому герцогу, по рекомендаціи великой княгини Елены Павловны. Мадай это тотъ благородный профессоръ, который, послѣ дикой и отвратительной исторіи съ Ульманомъ и Бунге, напечаталъ спустя нѣкоторое время статью въ Allgemeine Zeitung обо всемъ дѣлѣ, изложилъ всю закулисную исторію драмы, грубое и несправедливое окончаніе ея отрѣшеніемъ Ульмана и Бунге за принятіе однимъ Ständchen и за то, что другой сказалъ, что нѣтъ закона, препятствующаго студентамъ такимъ образомъ изъявлять свою симпатію. Статью эту Мадай подписалъ. Ясное дѣло, что послѣ этого онъ долженъ былъ оставить Дерптъ; не знаю, какъ сошло ему съ рукъ такъ легко, у насъ не очень смотрятъ на права иностранцевъ Мадай всю гадкую часть интригующаго приписываетъ Уварову. Or donc, въ Börsenhalle написано, что Мадай опредѣленъ герцогомъ по рекомендаціи великой княгини, засвидѣтельствовавшей, что Мадай прекрасный человѣкъ и оставилъ службу по личнымъ отношеніямъ съ министромъ просвѣщенія. Кто въ состояніи что-нибудь понять въ этой галиматьѣ нашего управленія? Въ другихъ государствахъ какъ бы скверно правительство ни было, какіе бы раздоры внутри совѣта ни были, наружно министры держатся за-одно, идутъ подъ однимъ знаменемъ, съ одною мыслью, которая есть съ тѣмъ вмѣстѣ мысль правительства. Примѣры такіе, какъ недавно съ Олозагой или нѣкогда съ Фоксомъ, когда дѣло шло объ Индійской компаніи, и гдѣ король подкапывалъ министерство черезъ пэровъ, рѣдки и не-

нормальны. У насъ, напротивъ, министерство не связуется никакою мыслью, въ немъ нѣтъ даже формальнаго единства: Менщиковъ отпускаетъ злыя колкости надъ Канкринымъ, Клейнмихелемъ, etc., публично; Киселевъ идетъ своей дорогой, Перовскій—своей. Разумѣется, голосъ великой княгини въ этомъ дѣлѣ благородное дѣло, честь ей. Уваровъ пользовался прежде ея расположеніемъ. Можетъ, слетитъ, лучше ли это, хуже ли, какъ сказать? Онъ человѣкъ дрянный, мелкій и точный, а пользы надѣлалъ бездну. Строгоновъ благороденъ, рыцарь и тоже очень полезенъ округу, а сдѣлаютъ министромъ, не знаю, что будетъ, и трудно сказать, впередъ это или назадъ. Вотъ истинно вавилонское столпотвореніе!

14.—Крикъ и гамъ объ лекціяхъ Грановскаго. Онъ имѣлъ разговоръ съ гр. Строгоновымъ: и онъ боится, а сначала такимъ жаркимъ защитникомъ былъ. М. милый типъ важной глупости,—боится ѣздить. Страхъ замѣтно развивается.

18. —Наступилъ годъ мрачными днями, страшными страданіями, которыми я думалъ искупить все и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ искупилъ какую-нибудь долю. Вѣчно довѣрчивый, я думалъ, что все темное забыто; но достаточно было воскреснуть въ памяти по поводу числа миновавшимъ образамъ и мыслямъ, чтобъ снова повергнуть ее во всю безумную грусть. Какая доля слабымъ нервамъ и какая память оскорбленія! И что ей дѣлать, если нѣтъ силъ и средствъ забыть, примириться истинно, простить безслѣдно. Всякій разъ подобное нежданно и разомъ выталкиваетъ меня изъ той сферы жизни, которая мнѣ свойственна, и я себѣ кажусь какъ-то жалко гадокъ. Лишь бы не возвратились прошлогоднія сцены. Жизнь послѣдняго малютки, думалъ я, все уврачуетъ.

Самаринъ возвратился; онъ съ ужасомъ начинаетъ разглядывать невозможность удержаться на ихъ тонѣ ортодоксно-философскомъ. Благородное устройство его головы не дозволяетъ ему остановиться на формальномъ, внѣшнемъ сосуществованіи или, лучше, на юкстапозиціи. Его поразилъ въ Казани лама, увѣренный, спокойный въ своей ортодоксіи. Но онъ грустенъ, процессъ совершается круто, и я знаю по себѣ, какъ тяжело разставаться съ нѣкоторыми мечтами, хотя я въ нихъ и не такъ вжился, какъ онъ. Недавно «Allgemeine Zeitung» à propos de bottes цитировала удивительное мѣсто изъ Гёте объ Америкѣ (хотя оно и не вовсе къ ней идетъ):

Dich stört nicht im Innern,
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

Пора начать и человѣчеству забывать ненужное изъ былого, то есть, помнить о немъ, какъ о быломъ, а не какъ о сущемъ.

Филаретъ поручилъ Голубинскому опровергнуть Гегеля; Голу-

бинскій отвѣчалъ, что ему не совладать съ берлинскимъ великаномъ и что онъ не можетъ его безусловно отвергнуть. Филаретъ требовалъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, противъ тѣхъ сторонъ возсталъ, съ которыми не согласенъ. Но Голубинскій опять отвѣчалъ тѣмъ, что онъ такъ послѣдователенъ, что можно или все отвергать или все принять. Итакъ, кротъ прокапываетъ и въ духовную академію. Строгоновъ совсѣмъ растерялся, ему хочется и свободы преподаванія и чтобъ оно не выходило изъ границъ, имъ выдуманныхъ; онъ боится рѣзко принять ту или другую сторону и качается въ непріятномъ, ужасномъ положеніи. Имъ всѣмъ хотѣлось бы дать всѣ права наукѣ на условіи, чтобъ она не пользовалась ни однимъ. Въ родѣ томъ, какъ Екатерина II сзывала депутатовъ или какъ испанскіе гранды снимали шляпу передъ королемъ, но онъ долженъ былъ всякій разъ остановить.

24.—Безпрерывные споры и разговоры съ славянами много способствовали, съ прошлаго года, къ уясненію вопроса, и добросовѣстность съ обѣихъ сторонъ сдѣлала большія уступки, образовавшія мнѣніе болѣе основательное, чѣмъ чистая мечтательность славянъ и гордое презрѣніе ультра-оксидентныхъ.

Gottes ist der Orient,
Gottes ist der Occident.

Главная ошибка ихъ, что вѣря (и не безъ основанія) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью развитою и осуществившею свое призваніе. Впрочемъ, я собираюсь объ этомъ писать цѣлую статью. Движеніе умственное, безпокойное, ищущее разрѣшеній, говорящее въ Москвѣ, усиливается очевидно. Страшно думать: что когда эту дѣятельность хорошенько разглядятъ, развѣютъ опять по лицу Россіи всѣхъ порядочныхъ людей.

25.—Терроръ. Какая-то страшная туча собирается надъ головами людей, вышедшихъ изъ толпы. Страшно подумать; люди совершенно невинные, не имѣющіе ни практической прямой цѣли, не принадлежащіе ни къ какой ассоціаціи, могутъ быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образъ мыслей, котораго они не знаютъ, который имѣть или не имѣть не состоитъ въ воли человѣка и который остановить они не могутъ.

Противники мысли объ экспатріаціи совѣтуютъ ѣхать по добру да по здорову. Строгоновъ, испуганный, преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ требованіемъ иначе читать; они хотятъ бѣжать изъ

Москвы, искать слушателей въ другихъ университетахъ. Что то будетъ? Ударъ не минуетъ моей головы, меня знаютъ они давно. Впрочемъ, я на все готовъ. А, кажется, въ самомъ дѣлѣ лучше бы ѣхать, только не тогда, когда другіе ждутъ цѣпей—felonie!

Февраль мѣсяцъ.

Письмо отъ Кетчера. —Булгаринъ писалъ къ князю Волконскому, что со времени его попечительства въ литературѣ показывается вредная тенденція, что *Отеч. Зап.* подрываютъ православіе, самодержавіе и народность, что должно назначить комиссію для разбора этого журнала, что онъ туда явится присяжнымъ доносителемъ, и грозитъ Волконскому, буде онъ не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, довести все это до свѣдѣнія государя черезъ прусскаго короля. Волконскій ничего не могъ сдѣлать противъ подлаго шпіона, цензуру стѣснили, тѣмъ пока и кончилось. Итакъ, всего аристократическаго положенія Волконскому недостаточно было, чтобъ подавить доносъ. Еще шагъ и *Отеч. Зап.* рухнули бы со всѣми участниками. Чѣмъ болѣе мерзости, тѣмъ ближе къ концу, но въ данномъ случаѣ близкаго конца нигдѣ не видать. За ихъ покой, за ихъ жизнь въ будущемъ вѣкѣ, за ихъ праздность въ настоящемъ,—нѣтъ полной симпатіи къ славянамъ. А славянофилъ за надежды, за возможности смотритъ съ пренебреженіемъ на европейцевъ. съ гордостью. Дѣтское заблужденіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ, останутся рѣзкія преграды между нами.

3.—Чего и чего не случается въ жизни; за минуту нельзя предвидѣть, какая новая нелѣпость случайности хватитъ въ голову. Вчера мы преспокойно сидѣли, смѣялись; вдругъ Саша зацѣпился за ножку трюмо и объ противоположную разсѣкъ глубоко себѣ лобъ, кровь полилась рѣкою; что дѣлать, какія мѣры, какъ велико поврежденіе, цѣла ли кость? Къ тому же слабость Наташи, ея страшный испугъ. Положили компрессъ изъ холодной воды съ уксусомъ, явная недостаточность этихъ средствъ, страхъ употребить другія. Я послалъ за Альфонскимъ и за Варвинскимъ. Онъ ушибся во второмъ часу, Альфонскій пріѣхалъ въ три, склеилъ рану и, кажется, все сойдетъ съ рукъ. Но что же это за страшное бытіе наше,—безпрестанно и съ физической, и съ нравственной стороны ждешь ударовъ, или не ждешь, но поражаешься ими.

6.—Читаю письма Форстера, знаменитаго Майнцкаго депутата при конвентѣ 93 года. Удивительная натура, всесторонняя гуманность, пламенное желаніе практической дѣятельности, энергія его рѣзко отличаютъ отъ германцевъ того времени. Какъ въ его юношескихъ письмахъ все понятно и близко душѣ! Первый высокій человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Якоби; до того моло-

дой Форстеръ, чрезвычайно рано развитый, ѣздилъ вокругъ свѣта, потомъ жилъ въ Лондонѣ и между людьми, которые не могли сильно дѣйствовать на него. Истинно глубокой симпатіи не могло быть между Якоби и Форстеромъ,—но какъ юношески ринулся онъ къ нему, какъ любилъ его горячо, подчинялся ему, принималъ религіозныя фикціи; онъ по преимуществу реалистъ. Когда вспомню, какъ, переламывая тяжелую скуку, я заставлялъ себя читать переписку Гёте съ Шиллеромъ, гдѣ иногда проблескиваютъ мысли геніальныя, затерянныя въ филистерскія и гелертерскія подробности; [и сопоставлю] съ поглощающимъ интересомъ этихъ писемъ,—становится странно. Жизнь полная выше геніальной односторонности.

Форстеръ никакъ не могъ ужиться съ жалкой жизнью нѣмецкихъ ученыхъ, онъ истинную симпатію нашелъ въ одномъ Лихтенбергѣ. Они были прямые продолжатели Лессинга. Тяжело было имъ жить въ совершенно не сочувствующемъ обществѣ, но какая широкая, ученая дѣятельность, академическая, и съ какимъ уваженіемъ эта дѣятельность признана самимъ правительствомъ. Наше страшное состояніе имъ не было извѣстно; въ Европѣ всегда уважались лица у насъ именно лицо (какъ въ Азіи) и считается за ничтожность.

A propos. Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ донесъ на Рѣдкина *Юридическія Записки*, что въ нихъ была помѣщена статья о Литовскомъ статутѣ апологическая въ то время, какъ онъ замѣняется русскимъ законодательствомъ. Статья эта напечатана года два. Министръ, Бенкендорфъ тотчасъ начали переписку, запросы, вопросы и, если-бъ не хотѣлъ того Строгоновъ, дѣло кончилось бы хуже замѣчанія. Въ то же время и черезъ того же Бибикова Маркевичъ, сочинитель исторіи Малороссіи, съ нимъ 40 человѣкъ малороссовъ, подали доносъ на Сенковскаго, что онъ оскорбительно отзывался о Малороссіи въ *Библіотекѣ для чтенія*, что онъ называлъ ихъ бѣглыми холопами польскими, и для того чтобъ доказать, что они не холопы, а свободные люди, они подаютъ доносъ баринову управляющему нѣмцу, прося защитить народность. Истинно, черезъ десять лѣтъ закроютъ III отдѣленіе собственной канцеляріи, потому что оно, а равно и шпіоны будутъ ненужны, доносъ будетъ обыкновенное дѣло, знакъ преданности отечеству, acte de dévouement. Не правъ ли К. Козловскій, говорившій Кюстину, что въ Россіи есть des dilettanti de bassesse. Въ прежнее время они скрывались, теперь они, поднявши голову и вытянувши уши, ходятъ между нами—и, добрые, щадятъ насъ еще, ибо въ ихъ рукахъ судьба насъ и нашихъ семействъ.

9.—Продолжаю читать Форстера. Удивительно полная, реальная, ясно и глубоко видящая натура. Его переписка начинается

собственно съ 1778 года; вскорѣ знакомится онъ съ Якоби и подчиняется его вліянію, но долго онъ не могъ живую душу свою пеленать въ романтическую философію,—и съ 1783 года настаетъ рѣшительная реакція и полное развитіе силъ и самосознанія, и тутъ Форстеръ появляется лицомъ великимъ, достигающимъ колоссальности въ 1791, 92, 93 годахъ. Эпоха его переворота, отъ религіозныхъ мечтаній къ трезвому сознанію, безконечно занимательна. Чѣмъ болѣе онъ отходитъ отъ мечтаній, тѣмъ ярче начинаетъ онъ понимать соціальное положеніе человѣка, тѣмъ глубже разумѣетъ жизнь и природу; ему нѣсколько тяжелъ сначала разлагающій скептицизмъ, но истина ему дороже всего, и онъ тотчасъ мирится съ потерею, тотчасъ видитъ пользу и благо истины, хоть она не такъ пестра, какъ ложь. Конечно, по слову Пушкина:

Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Но истинно благородная душа не можетъ довольствоваться благомъ, основаннымъ на опьяненіи, купленномъ цѣною свободы. Для суетной гордости, для поверхностнаго примиренія, разумѣется, религія выше науки, разума. Это Форстеръ прекрасно оцѣнилъ; она удовлетворяетъ страшно самолюбіе, сближая человѣка съ Богомъ такъ, что садится торжественно въ центръ управленія міромъ и видитъ все сокровенное въ природѣ, и видитъ все подъ ногами своими. Съ другой стороны, всесторонне гуманная натура Форстера не скрываетъ ни великаго развивательнаго свойства этихъ мечтаній, ни глубоко человѣческаго смысла вообще. Глядя въ Вѣнѣ на толпу молельщиковъ, колѣнопреклоненныхъ на улицѣ передъ церковью, въ которой продаютъ индульгенціи, Форстеръ видитъ не одно слѣпое и глупое, напротивъ: «der Mensch ist ein weichherziges Thier, Versöhnung und Frieden sucht er so gern und ist so froh, wenn er sie erlangt zu haben glaubt!» Отступая отъ искусственной экзальтаціи, обыкновенно сопутствующей аскетизму религіозному, Форстеръ начинаетъ тотчасъ давать мѣсто чувство и самой чувственности; слово наслажденіе уже не равнозначительно для него со словомъ порокъ, паденіе и пр. Напротивъ, логическая натура его указываетъ ему на другое, на признаніе страсти, на такой гармоническій бытъ, въ которомъ и страсть будетъ имѣть мѣсто, но уже не разрушительное. Онъ пишетъ къ Зёмерингу: «... ich bin sinnlicher wie du, und bin es mehr als jemals, seitdem ich der Schwärmerei auf immer Adieu gesagt habe, dass es Thorheit sei um den ungewissen Zukünftigen Willen das sichere Gegenwärtige zu verscherzen... ich werde nicht wieder glauben, dass wir der Süssigkeit angenehmer Empfindungen empfänglich gemacht worden sind, blos um den Schmerz

zu fühlen, sie uns selbst verfasst zu haben... Empfinden war immer meine erste Wollust, Wissen nur die Zweite, und wie viel Überwindung es mich gekostet hat in der Zeiten der traurigen Schwärmerei und Bigotterie mein Gefühl zu kreuzigen, ist mir selbst in der Erinnerung entsetzlich».

Поразительнѣе всего у Форстера необыкновенный тактъ пониманія жизни и дѣйствительности; онъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ практическимъ натурамъ, которыя равно далеки отъ идеализма, какъ отъ животности. Нѣжнѣйшія движенія души понятны ему, но всѣ онѣ отражаются въ ясномъ, свѣтломъ взглядѣ. Этотъ ясный взглядъ и симпатія ко всему человѣческому, энергическому раскрылъ ему тайну французской революціи среди ужасовъ 93 года, которыхъ онъ былъ очевидецъ.

12.—Лекціи Мицкевича au Collège de France, 1840—1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и С°, со всею той разницей, которую ему даетъ то, что онъ полякъ, а не москаль, что онъ живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, что онъ толкуетъ не объ одной Руси, но о чехахъ, иллирійцахъ и пр., и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, въ славянизмѣ есть истинная и прекрасная сторона; эта прекрасная сторона вѣрованія въ будущее всего прекраснѣе у поляка, у поляковъ, носящихъ съ собою свою родину. Но съ этимъ прекраснымъ характеромъ надежды у славянъ всегда является какое-то самодовольство, jactance, которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ очевиднѣе ужасъ современнаго положенія. Славяне всегда рабы, вездѣ холопы—смирные, пассивные холопы. Демократическій элементъ, на который они опираются, утраченъ, крѣпостное состояніе — достаточное доказательство. И когда цвѣло это общинное устройство? Въ періодъ величайшей неразвитости. Бедуины—демократы, и патріархализмъ имѣетъ всегда своего рода семейно-общинное начало. Конечно, славяне имѣли болѣе внѣшнихъ препятствій къ развитію, нежели романо-германскіе народы; одни физическія препятствія очень важны (которыми никакъ не должно пренебрегать, какъ это дѣлаютъ идеалисты), климатъ большею частію сырой и холодный, перемѣнчивый и суровый, плоскость, недостатокъ водяныхъ сообщеній и ужасныя разстоянія. Тутъ, впрочемъ, и могла развиться *деревня*, но всякая централизація должна была встрѣтить большія препятствія, города не могли получить важнаго значенія, а деревни были впослѣдствіи подавлены. Демократическій элементъ не могъ выработаться; лучшее доказательство—псевдо-аристократія, крѣпостное состояніе и страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ большей части населенія шло, увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени.

17.—Мицкевичъ говоритъ, что разгадка судебъ міра славянскаго лежитъ сокрытая въ будущемъ. Это говорятъ всѣ славянофилы,

но они не имѣютъ геройства послѣдовательности, они все же хотятъ отыскать отгадки въ прошедшемъ. Прошедшее христіанство принадлежитъ Европѣ романо-германской, католицизму, феодализму и ихъ разложенію. Во всемъ этомъ славяне не участвовали. Разумѣется, и Византія, и Русь имѣли жизнь, и жизнь болѣе близкую къ Европѣ, нежели Китай etc.; но для нихъ, ихъ исторія не была полнымъ осуществленіемъ всей скрытой въ нихъ мысли. Византія замирала въ чиновничьей, мертвой централизаціи, мудрствовала о догматахъ и развивала ихъ въ теологическія тонкости. Русь по какому-то глубокому провидѣнію взяла, сложившись, гербомъ Византійскаго орла, двуглаваго, врозь смотрящаго. Истинно полнаго слитія государства съ народомъ никогда не было; народъ спокойно, покорно, но безучастно прозябалъ въ своихъ деревняхъ, будто ожидая чего то. Великій смыслъ былой исторіи государства, это тихое гигантское развитіе его, несмотря на всѣ препятствія. Еще менѣе вѣрно воззрѣніе, что Польша представила своимъ былымъ самую развитую фазу славянскаго міра. Конечно, самую развитую, но не славянскую; это было совершенно ложное направленіе для славянскаго народа, и тѣмъ хуже, что оно глубоко проникло въ высшіе классы. Мицкевичъ сравниваетъ поэмы и лѣтописи чеховъ, руссовъ, поляковъ и пр.; безучастіе и простота Нестора ему не понравились, а между тѣмъ Галлусъ—сколокъ съ западныхъ лѣтописцевъ; духъ, вѣющій въ немъ, не чисто славянскій, какъ, напр., въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* или какъ въ сербскихъ отрывкахъ, имъ приведенныхъ. Сербы были всего менѣе подъ вліяніемъ Запада. Образецъ высшаго развитія славянской общины—черногорцы. Русское правительство сдѣлало въ 1834 опытъ, надавало земли владыкѣ, посовѣтовало завести сенатъ,—все это не удалось, у нихъ полнѣйшая демократія, патріархально-дикая, но энергическая и сильная. Европа болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе свое на этотъ нѣмой міръ, который называетъ себя словенами. Много, много удивительнаго въ этомъ мірѣ, напр., у насъ, при управленіи не національномъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ виденъ шагъ впередъ. Оппозиціозность растетъ, всѣ боятся и всѣ говорятъ, мы менѣе всѣхъ, потому что мы сознаемъ себя оппозиціей, а другіе безсознательно; по счастію, они не умѣютъ слѣдить ни за литературой, ни за чѣмъ,—нѣтъ умно учрежденнаго шпіонства, оно болѣе устроено, нежели сообразно цѣли. Если бы теперь сколько-нибудь не такъ терзали всякую свободную мысль, доходящую до нихъ, мы вдругъ шагнули бы ужасно.

Запрещено въ московскихъ газетахъ печатать отрывки изъ отчета полиціймейстера о Петербургѣ,—c'est significatif, они боятся гласности, говорящихъ фактовъ объ безобразіи этого города, гдѣ все искусственно, гдѣ на четырехъ мужчинъ падаетъ одна женщина,

гдѣ число солдатъ страшно, гдѣ сотни умираютъ отъ венерической болѣзни и пр. Итакъ, они стыдятся его закулисной жизни. Вавилонъ, можетъ, необходимый нѣкогда, полезный даже теперь, но у котораго нѣтъ никакой будущности.

21.—По поводу книги Штура Untergang der Natur-Staaten, пришло опять въ голову о славянахъ и германцахъ или, лучше, объ европейцахъ. Азія не умѣла выйти въ сознательно дѣятельную жизнь изъ непосредственной, оттого ея государства или дробились внѣшнею силою, или замирали въ формализмѣ, въ стоячести внѣисторической жизни. Грецiя и Римъ уже имѣли потребность отрѣшиться отъ естественныхъ опредѣленій, но не могли вынести въ своей односторонности такого отрѣшенія. Противоборствующій плебей былъ олицетвореніемъ отрицанія патриціатскаго, гречески-аристократическаго государства, тяготѣвшаго во имя преданія. Римъ и Грецiя пали сами отъ себя и въ этой борьбѣ естественнаго, непосредственнаго порядка съ демократіей, религіи—съ философіей развились и ихъ смертныя болѣзни и ихъ высокое человѣческое значеніе для всемірной исторіи. Германецъ съ перваго появленія является съ характеромъ несравненно болѣе освобожденнымъ отъ всего непосредственнаго, отъ почвы, отъ поколѣнія, даже отъ семьи: личность—вотъ идея, которую онъ вноситъ въ міръ, и, исчерпавъ все необъятное содержаніе своей мысли, онъ, будто оканчивая свое призваніе, какъ завѣщаніе будущему, оставляетъ Déclaration des droits de l'homme. Но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ. Славяне ли, оплодотворяясь Европой, одѣйствоворятъ идеалъ ея и пріобщатъ къ своей жизни дряхлую Европу, или она насъ пріобщитъ къ поюнѣвшей жизни своей. Славянофилы разрѣшаютъ этого рода вопросы скоро, какъ будто дѣло давно рѣшеное. Есть указанія, но далеко нѣтъ полнаго рѣшенія. Въ германцахъ съ перваго шага ясна идея, которую они внесутъ въ міръ. Я недавно читалъ Тацита о германскомъ народѣ: они, говоритъ онъ, любятъ жить по-одиночкѣ, разсѣиваться на большомъ пространствѣ, но любятъ хлѣбопашество и пр. Законъ ихъ предоставляетъ местью вступаться за обиды, связь ихъ между собой свободна, дружба къ герцогу, вѣрность, преданность свободная, высокое понятіе о чести, особаго рода уваженіе къ женщинѣ, къ цѣломудрію,—все вмѣстѣ говоритъ и предсказываетъ монадную жизнь феодализма и развитіе личности. Католицизмъ является великою мощью освобожденія отъ національныхъ непосредственностей и единою связью разноплеменныхъ. Путь развитія славянскаго міра совсѣмъ не такъ ясенъ. Они говорятъ, что всякая односторонность ярче бросается въ глаза

и легче удоболовима, но гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи славянъ всесторонность? Она лежитъ только въ инстинктѣ и нигдѣ непроявляемой до нашего періода, который именно ими и отвергается. Они говорятъ, что судорожное движеніе замѣтнѣе органически нормальнаго развитія, но это фразы, не имѣющія смысла, ибо органическое развитіе всемірной исторіи, совершившееся внѣ славянскаго міра, очевидно такъ же, какъ каменная жизнь славянъ, ограничившаяся до Петра гигантской кристаллизаціей. Славянскій міръ, котораго мощный и полнѣйшій представитель Русь, изъ чисто непосредственной жизни въ Кіевскій періодъ переходитъ въ сознательно государственный періодъ съ перенесеніемъ столицы въ Москву; но силъ его хватило только на ростъ. Выросши, Русь начинала входить, несмотря на юность, въ маразмъ и ее ждало или разложеніе, или искупленіе извнѣ. Это искупленіе принесъ съ собою съ запада Петръ I и сунулъ его жесткой рукой бунтовщика, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царемъ. Народъ собственно мало участвовалъ въ исторіи. онъ пробуждался иногда, являлся съ энергіей какъ въ 1612, такъ и 1812, никогда не показывалъ ни малѣйшаго построяющаго, зиждущаго начала и удалялся пахать землю. Эта даль и безучастіе народа есть, можетъ, великое пророчество, но его прежде надобно признать какъ фактъ,—этого славянофилы не хотятъ. Съ другой стороны, ненадобно никакъ забывать, что какое бы двойство между народомъ и правительствомъ ни было, однако правительство принадлежитъ къ народу, а до Петра оно вмѣстѣ съ церковью было совершенно русское; между тѣмъ, чуждое всякаго развитія и прогресса, оно дошло до того, что первый геніальный царь, попавшійся на престолъ, отбросилъ ржавые рычаги патріархально-помѣщичьяго управленія огромной страной и, желая привить ей европеизмъ, началъ съ учрежденія страшнаго, высшаго деспотизма и инквизиціонно-канцелярскаго управленія. Эта расторженность спасла Россію; ей мы обязаны тѣмъ развитіемъ, которое теперь по частнымъ случаямъ даетъ намъ право дѣлать высокія заключенія о будущемъ призваніи. Въ сторону всѣ предразсудки, съ которыми по преданію смотрятъ самые философы. Напримѣръ, ставятъ въ первое достоинство воинственность народа, богатство городовъ и пр., въ то же время какъ проповѣдуютъ уничтоженіе войны и неестественность большихъ городовъ; количество земли занимаемой ставится до сихъ поръ въ достоинство, расширеніе границъ принимаютъ за успѣшное развитіе etc. Я не этихъ условій ищу у былой жизни славянъ (хотя надобно сознаться, что завоеваніе, богатство и проч. свидѣтельствуетъ въ пользу энергіи и богатства не пришедшей въ ясность мысли), а ищу того сочлененія, того намека на будущее, какъ у древняго германизма временъ Тацита; намеки эти едва видны въ

бытѣ, въ направленіи хлѣбопашескомъ, въ деревняхъ и равнодушной негаціи всего прочаго. Исторія же скучна, бѣдна, она не вовлекала всѣхъ силъ народа въ свою ткань, она оставляла его почвой и не болѣе.

24. — Мицкевичъ приводитъ, между прочими черногорскими пѣснями и легендами ихъ и сербовъ, одну прекрасную и исполненную граціи. Три брата строили крѣпость, но она все не строилась; наконецъ, какое-то видѣніе сказало имъ, что надобно закласть въ стѣну первую особу, которая на другой день принесетъ имъ завтракъ. Они согласились и дали другъ другу слово молчать. Но старшіе братья предупредили своихъ женъ. Меньшой смолчалъ. На другой день, жена его кормила грудью ребенка и мать ея предложила ей идти за нее нести завтракъ, но она остановила старуху, дала ей няньчить младенца и пошла. Мужъ обнялъ ее съ горькими слезами и отдалъ каменщикамъ; начали закладывать бѣдную женщину; она сначала думала, что съ нею шутятъ, потомъ испуганная начала молить, просить,— всѣ отъ нея бѣжали; тогда она стала молить каменщиковъ оставить два окошечка, одно для груди, чтобы покормить своего милаго ребенка, другое для глазъ, чтобы взглянуть на него. Такъ жила она годъ, потомъ окаменѣла и остались окошечки, и изъ обоихъ льются два вѣчныхъ ручья, одинъ изъ ея груди, другой ручей слезъ изъ глазъ. Чрезвычайно поэтическій образъ. Поэма о свадьбѣ Зерновича съ дочерью венеціанскаго дожа, вѣроятно, славянофиламъ не понравится, она вся сплетена изъ обмановъ, лжей, коварныхъ убійствъ и, наконецъ, ренегатства. Максимъ дѣлается Скандербегомъ. Замѣчательно удивленіе славянъ, когда Венеціанка заговорила о своихъ правахъ; они не привыкли, чтобы жены ихъ говорили противъ воли мужей. Сравнить съ этой поэмой, напр., Лонгобардскіе разсказы Павла діакона, въ которыхъ видна вся сентиментальность, чистота нравовъ и уваженіе къ женщинѣ германцевъ. И притомъ надобно вспомнить, что Павелъ жилъ въ VIII вѣкѣ, а славянская поэма писана не ранѣе XV.

Мартъ мѣсяцъ.

5. — Чаадаевъ превосходно замѣтилъ однажды, что одинъ изъ величайшихъ характеровъ христіанскаго воззрѣнія есть понятіе надежды въ добродѣтель и постановленіе ее съ вѣрою и любовью. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Эту сторону упованія въ горести, твердой надежды въ повидимому безвыходномъ положеніи, должны по преимуществу осуществить мы. Вѣра въ будущее своего народа есть одно изъ условій одѣйствовоpенія будущаго. Былое сердцу нашему говоритъ, что оно не напрасно; оно это доказы-

ваетъ тѣмъ глубоко трагическимъ характеромъ, которымъ дышетъ каждая страница нашей исторіи. Польша имѣла свои свѣтлые годы при Ягеллонахъ, свою блестящую жизнь при Сигизмундѣ-Августѣ, свои упоенія славой при Стефанѣ Баторіи, при Янѣ Собѣсскомъ. Она жила, жила аристократіей, какъ и вся Европа тогдашняя. Русь въ это время переходила отъ скорби къ скорби, и первые самобытные, государственные шаги ея дѣлаетъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, самое трагическое лицо въ исторіи человѣчества,— великій умъ, сердце гіены и иронія, почерпнутая изъ глубокаго презрѣнія людей и своего народа, развитая византійской-схоластической софистикой. И отъ него Русь унаслѣдовалась Петру. И съ положеніемъ перваго камня на Балтійскомъ берегу начался новый актъ трагедіи; его характеръ — открытое расторженіе народа на двѣ части: одну нѣмую, другую посторонною народу, безхарактерную. Безхарактерность высшихъ классовъ у насъ до того велика, что они принимаютъ весь характеръ царствующаго лица. Характеристика Екатерины, Павла и Александра — единственный ключъ къ пониманію русской исторіи новаго времени.

6. — Гречева защита государя противъ Кюстина фактъ поразительный,—она обвиняетъ правительство гораздо хуже Кюстина токомъ апологіи и тѣмъ, что она хвалитъ. Явная ложь, наглыя, презрительныя ссылки на дѣла всѣмъ извѣстныя и представленныя совсѣмъ иначе; рабскій, холопскій взглядъ и дерзкая фамиліарность, для того выставленная, чтобъ показать нашу удивительную патріархальность относительно государя. Онъ его трактуетъ comme un des ses amis. Есть страницы, поражающія цинизмомъ раба, потерявшаго всякое уваженіе къ человѣческому достоинству. Онъ полагаетъ, напримѣръ, что человѣкъ, не находящій правительство сообразнымъ съ своими понятіями о правѣ и недовольный имъ, *долженъ* ежеминутно трепетать, ибо онъ знаетъ, что достоенъ Сибири. Нигдѣ не защищаетъ онъ Россіи, онъ говоритъ только о лицѣ государя, оправдываетъ его и, говоря о секретныхъ дѣлахъ, всякій разъ увѣряетъ, что онъ знаетъ ихъ изъ достовѣрнаго источника. Такъ какъ Гречъ органъ правительства, то, по его брошюрѣ, разомъ измѣряется все разстояніе между народомъ и Петербургомъ. Если-бъ была симпатія, этимъ ли путемъ, этими ли устами защищалось бы правительство? Гречъ предалъ на позоръ дѣло, за которое поднялъ подлую рѣчь. Лабинскій показалъ болѣе такта,— онъ не смѣлъ съ презрѣніемъ говорить о Трубецкой и проч., что цензура учреждена не для правительства, а для народа, что благороднѣйшая часть народонаселенія фурнируетъ полицейскихъ чиновниковъ, что въ Петербургѣ можно такъ-же свободно говорить, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Наконецъ, отрицая факты всѣмъ

извѣстные, Гречъ усугубляетъ вдвое силу діатрибы. Такое оправданіе—кара, кара за неуваженіе къ національному перу, кара за боязнь замѣшать мысль въ оправданіе, кара за свою разобщенность.

7. — Умеръ Юшневскій, одинъ изъ главныхъ членовъ южнаго общества, нѣкогда генералъ-интендантъ II арміи, отправленный въ 26 году въ каторжную работу. Онъ умеръ на поселеніи. Другъ его, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, Вадковскій умеръ за три дня; Юшневскій несъ гробъ его и въ церкви, когда священникъ сталъ читать Евангеліе, колѣна его погнулись, голова опустилась,—подошли къ нему и нашли одинъ трупъ. Тутъ все колоссально и страшно И 19 прошедшихъ лѣтъ, и безвыходность, и смерть этихъ лицъ. Быстро идутъ они въ могилу, и ни одинъ радостный лучъ не посвѣтитъ имъ при переходѣ на тотъ свѣтъ—Væ victis!

Грановскій заключилъ послѣднюю лекцію превосходными словами; разсказавъ, какъ французскій король губилъ Тампліеровъ, онъ прибавилъ: «Необходимость гибели ихъ, ихъ виновность даже ясны, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю». И неужели эта аудиторія, принимающая его слова, особенно такія слова съ ужаснѣйшими рукоплесканіями, забудетъ ихъ? Забыть она ихъ, впрочемъ, имѣетъ право, но неужели они пройдутъ безслѣдно, не возбудивъ ни одной мысли, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія? Кто на это отвѣтитъ? Страшно сказать *нѣтъ*, и *да* страшно сказать.

10. — Перечиталъ рѣчь объ Уложеніи, Морошкина. Изъ всего, что я читалъ, писаннаго славянофилами, это, безъ сомнѣнія, и лучшее и талантливѣйшее сочиненіе. Онъ глубоко понялъ русскую юридическую жизнь. Уложеніе представляло возможность органическаго развитія, а не Петровскаго столпотворенія, помутившаго новыми началами старыя, старыми—новыя. Время приведетъ все въ порядокъ, но въ петровскій періодъ внесена бездна зла: аристократія, инквизиціонный процессъ, военный деспотизмъ, раздѣленіе сословій, произвольныя нововведенія, составлявшія иллогизмъ. Они имѣли поползновеніе внести аристократическій элементъ въ духовенство, они убили остатки славянскаго судопроизводства и сельское маклерство. Но что было дѣлать для вывода Россіи изъ коснаго положенія Кошихинскихъ временъ? Намъ хорошо теперь заднимъ умомъ разсуждать. Удивительная задача въ исторіи—развитіе Россіи.

14. — Петровскій періодъ важенъ именно какъ разрывъ, какъ критика и отрицаніе. Русь не выступала изъ узъ семейно-патріархальныхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ помѣщикъ. Петръ разрушилъ въ правительствѣ единство съ народомъ; онъ отвле-

ченныя понятія поставилъ вмѣсто косныхъ, непосредственныхъ понятій. Онъ вызвалъ полярность, противопоставилъ одинъ элементъ другимъ; родные братья, вовлеченные въ борьбу, не узнавали другъ друга, и тутъ ихъ вина болѣе, нежели переворота; они безсознательно были братья, и потому инстинктъ не устоялъ противъ революціи. Правительство заняло относительно народа совсѣмъ другое мѣсто, оно не его мысль выражало, а мысль европеизма и отвлеченной централизаціи, оно сочло себя, за одно желаніе образованія, образованнымъ и смотрѣло на народъ, какъ на стадо. Реформа мало касалась народа, реформированною толпою сдѣлалось дворянство,—его обрили, дали право не быть сѣченымъ и проч. Теперь реформа приближается къ деревнѣ. Все вмѣстѣ дало тѣ начатки движенія и жизни, которые мы видимъ своими глазами.

Перелистывалъ Баланша Palingénésie Sociale; умъ слоя Морошкинскаго, пластическій, чувственно логическій и неспособный къ діалектикѣ; но множество *предчувствій* истинныхъ, симпатій и предсказаній къ будущему. Его появленіе, вскорѣ послѣ начала реставраціи, должно было сдѣлать большое вліяніе, онъ гораздо далѣе смотрѣлъ, нежели Шатобріанъ или Местръ. Его языкъ теменъ, фантазія мѣшаетъ и помогаетъ ему, онъ объясняется миѳами, и, кажется, самъ чувствуетъ недостатокъ ясности; этотъ недостатокъ онъ думаетъ вознаградить повтореніями и многословностью. Но имя его не должно забывать ни въ развитіи философіи исторіи, ни въ исторіи соціализма.

17. — Дочиталъ Мицкевича лекціи. Много прекраснаго, много пророческаго, но онъ далекъ отъ отгадки; напротивъ, грустно видѣть, на чемъ онъ основываетъ надежду Польши и славянскаго міра. Въ его надеждѣ, если ее принять за надежду всѣхъ поляковъ, полный приговоръ Польшѣ. Нѣтъ, не католицизмъ спасетъ славянскій міръ и воззоветъ его къ жизни, и (истина заставляетъ признаться) не поляки поймутъ будущность. Мицкевичъ самъ цитовалъ стихи своего соотечественника, который говоритъ: «Геній, въ тысяча голосахъ его окружающихъ, умѣетъ понять истинный, вслушаться въ него и потомъ смѣло броситься въ колесницу и летѣть на совершеніе». Мицкевичъ не узналъ этого голоса. Онъ далекъ отъ ненависти къ Россіи, напротивъ, онъ хвалитъ ее, но не понимаетъ, до того не понимаетъ, что иной разъ лучшія ея стороны приводятъ его въ отчаяніе; такъ, въ Петрѣ онъ понялъ одну отрицательную сторону, равно и въ Пушкинѣ, а онъ былъ друженъ съ нимъ; и какъ-же его душѣ поэта было не понять Пушкина! Литературное движеніе послѣ Пушкина вовсе не существуетъ для него. Во всемъ вѣетъ трагическій духъ графа въ Comédie infernale; но Польша будетъ спасена помимо мессіанизма и панизма.

19 — Превосходные разсказы Михаила Семеновича [1]) о своихъ былыхъ годахъ и, между прочимъ, о мелкомъ чиновничествѣ, о протоколистѣ Котельниковѣ, имя котораго не должно изгладиться изъ исторіи бюрократіи. Во всѣхъ этихъ разсказахъ пробивается какая-то sui generis струя демократіи и ироніи. Люди эти, ненавидимые народомъ и презираемые властью, съ злою улыбкой смотрятъ внизъ и вверхъ и побѣждаютъ умомъ, безнравственной казуистикой, которая съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ развитіи юридической способности. Мелкіе чиновники не худшее сословіе въ Россіи; пора перестать исключительную стрѣльбу по маленькимъ взяточникамъ, довольно ругали титулярныхъ совѣтниковъ и канцелярскихъ, пора иронію возвести въ чинъ; правда, развратъ ихъ и цинизмъ глубоки, но сквозь гнусныя испаренія, мнѣ виднѣется важный элементъ, религіозно-гражданское чувство, консервативное; преданности у нихъ нѣтъ. Котельниковъ говорилъ, «что онъ ѣздилъ на двухъ исправникахъ, вѣдь, всякіе бываютъ, къ иному подойти страшно, точно бѣшенный жеребецъ и фыркаетъ, и бьетъ, а смотришь въ ѣздѣ куда хорошъ». И посмотришь на этого сальнаго протоколиста, который кланяется въ ноги исправнику, стоитъ дрожа передъ губернаторомъ,—вѣдь, это одна комедія, онъ равно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ, какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостью и они не имѣютъ средствъ миновать, онъ понимаетъ свое превосходство надъ ними, свою необходимость; вѣдь, для практическаго и истиннаго исполненія ни одинъ законъ, ни одно распоряженіе не минуетъ мелкаго чиновника, а онъ-то и обрѣжетъ крылья министерской фантазіи.

У насъ понятіе о винѣ и правотѣ подсудимаго для судьи лишнее: онъ знаетъ, что подсудимый подошелъ подъ такую-то статью, и судья всегда жалѣетъ о *неосторожности* и готовъ указать возможность миновать статью.

24. — Gfrörer, Geschichte der geistlichen Kirche, 1-ая ч. Поразительное сходство современнаго состоянія человѣчества съ предшествующими Христу годами придаетъ удвоенную важность исторіи развитія церкви и времени, предварившаго евангельское ученіе. Съ одной стороны, древній міръ былъ весь собранъ въ одинъ узелъ, въ одинъ царящій органъ; съ другой, въ самомъ этомъ средоточіи обличилась ярко необходимость возрожденія. Между тѣмъ, вдали отъ центра разработывались, бродили неустроенныя и приходили въ органическій порядокъ смутныя идеи новаго порядка дѣлъ, міра возникающаго. Окаменѣлое ученіе саддукеевъ, нѣсколько принявшее въ себя чуждыхъ началъ ученія фарисеевъ, дряхлѣетъ, терапевты и ессеніане выступаютъ изъ іудаическаго

[1]) Щепкина (актера).

міра въ иной, въ которомъ неоплатонизмъ, александрійская мистика даютъ совершенно новое направленіе. Главнѣйшія истины христіанской теодицеи и христіанская нравственность проявляются отрывочно въ новыхъ ученіяхъ. Ессеніане учреждаются точно такъ, какъ послѣ апостолы по свидѣтельству св. Луки. Іосифъ говоритъ, «что у нихъ каждый вступавшій въ орденъ приносилъ свое имущество, которымъ распоряжалось общество; бѣдныхъ не было, такъ, какъ и богатыхъ, собственность была слитная, братству принадлежащая». Чистота нравовъ, доведенная до монашескаго аскетизма и плотиумерщвленія, свидѣтельствуетъ ясно, что они такъ же, какъ Христосъ, принимаютъ плоть за зло и умерщвлять ее считаютъ святѣйшимъ дѣломъ. Они отрекаются отъ кровавыхъ жертвъ. Наконецъ, у нихъ, какъ у мистическихъ неоплатониковъ, слагается ученіе о единичной тройственности Бога; отъ основной нравственности берутъ смиреніе, вѣру и любовь,— все вѣетъ Евангеліемъ и во всемъ чего-то недостаетъ, того властнаго слова, той конкреціи, той молніи, которая единымъ ученіемъ, полнымъ и соотвѣтственнымъ, выразитъ, осуществитъ бродящія и несочлененныя части, предсуществующія ему. Неопредѣленное чувство этой неполноты выражается упованіемъ Мессіи. Въ наше время соціализмъ и коммунизмъ находятся совершенно въ томъ же положеніи; они предтечи новаго міра общественнаго, въ ихъ разсѣянно существуютъ membra disjecta будущей великой формулы, но ни въ одномъ опытѣ нѣтъ полнаго лозунга. Безъ всякаго сомнѣнія, у сенъ-симонистовъ и у фурьеристовъ высказаны величайшія пророчества будущаго, *но чего-то* не достаетъ. У Фурье убійственная прозаичность, жалкія мелочи и подробности, поставленныя на колоссальномъ основаніи; счастье, что ученики его задвинули его сочиненія своими. У сенъ-симонистовъ ученики погубили учителя. Народы будутъ холодны, пока проповѣдь пойдетъ этимъ путемъ; но ученія эти велики тѣмъ, что они возбудятъ, наконецъ, истинно народное слово—какъ Евангеліе. Доселѣ съ народомъ можно говорить только черезъ священное писаніе и, надобно замѣтить, соціальная сторона христіанства всего менѣе развита; Евангеліе должно взойти въ жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство. Коммунизмъ, конечно, ближе къ массамъ, но доселѣ онъ является болѣе какъ негація, какъ та громовая туча, которая чревата молніями, разобьющими существующій нелѣпый общественный бытъ, если люди не покаются, видя предъ собою судъ божій. «Искупленіе, примиреніе»—слова, произносимыя тогда и теперь. Обновленіе неминуемо. Принесется ли оно вдохновенной личностью одного, или вдохновеніемъ цѣлыхъ ассоціацій пропагандистовъ,—собственно все равно; разумѣется и то, что пути эти вовсе не противоположны. Христіанство не заклю-

чается въ Христѣ, а въ Христѣ и апостолахъ, въ апосталахъ и ихъ ученикахъ, въ живой средѣ ихъ оно развивалось и становилось тѣмъ, чѣмъ человѣчеству надобно было.

27.—Жизнь человѣка безпрерывная, злая борьба; лишь только, съ одной стороны, побѣждены препятствія, улаженъ миръ, съ другой, возстаютъ изъ-подъ земли, падаютъ съ неба враги, нарушающіе спокойное пользованіе жизнью, гармонію и развитіе. Настоящимъ надобно чрезвычайно дорожить, а мы съ нимъ поступаемъ неглижé и жертвуемъ его мечтамъ о будущемъ, которое никогда не устроится по нашимъ мыслямъ, а какъ придется, давая сверхъ ожиданія и попирая ногами справедливѣйшія надежды Только-было наша внутренняя жизнь пошла поспокойнѣе, страшная болѣзнь малютки повергла опять въ судорожное состояніе людей, ожидающихъ сентенцію царя... Снова слезы, разрушеніе едва возстановленныхъ силъ ея, и темная ночь. Безпрерывный стонъ младенца имѣетъ въ себѣ что-то уничтожающее для всякаго уха (человѣческаго). А для матери? И это безпрестанное присутствіе съ невозможностью помощи, съ ненужностью пособій. Кто главный виновникъ этихъ страданій, неразрывныхъ съ семейнымъ бытомъ? Устройство ли семейства? или при всякомъ сожитіи людей не отстранятся эти удары? Отвернуться отъ нихъ можно. Избытокъ эгоизма и сосредоточенности на себѣ или совершенная преданность всеобщимъ интересамъ облегчаетъ крестъ частной жизни. Но для всѣхъ ли? Фурье разрубилъ вопросъ, но не развязалъ узла кровныхъ сношеній; Фурье не понялъ женщины, не понялъ любви, ему безпрестанно мерещились развратные браки, негодныя женщины, скверные отцы и ложная наружность, у которой все это прикрыто лицемѣрной внѣшностью, и кто не согласится, что легальное, юридическое опредѣленіе брака, родства etc., сходное съ католическимъ и феодальнымъ воззрѣніемъ,—не состоятельно? Но внутреннее вѣнчаніе любовью, истинныя отношенія мужчины къ женщинѣ, обоихъ къ дѣтямъ, не улаживаются такъ легко словомъ: общественное воспитаніе. Напротивъ, при совершенной свободѣ отношеній, вся отвѣтственность падаетъ на самого человѣка. Брака не будетъ—любовь останется, наслѣдства не будетъ—дѣти будутъ. Отстранить мать отъ воспитанія дѣтей можно только тогда, когда она хочетъ этого. Но та мать, которая этого хочетъ, и въ теперешнемъ устройствѣ не много страдаетъ отъ дѣтей, — рѣчь не о ней, рѣчь о матери любящей. Силой отнять дѣтей — варварство и противорѣчіе съ системой, дающей всякой страсти развитіе. И жизнь снова утянута въ жизнь дѣтей, истощена ими, и она, исходя любовью, исходитъ силами. Но такое несчастное положеніе не лучше ли довольства? Но среди этихъ бореній не являются ли минуты, о свѣтѣ которыхъ другіе и понятія имѣть не могутъ?

28. — Конечно, любящая мать будетъ страдать отъ случайностей, которымъ подвержено существованіе дѣтей. Но въ общинной жизни, развитой на широкихъ основаніяхъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ, ее нравственно укрѣпитъ воспитаніе, она не будетъ такъ односторонне прикрѣплена къ семейству и тогда удары будутъ выносимѣе. Въ прошломъ бытѣ также было утѣшеніе въ отрываніи себя отъ частнаго, возношеніемъ къ Богу, въ молитвѣ. Личность Іисуса, лишенная своей сверхъестественной стороны, выступаетъ у Грёрера недосягаемо прекрасна, великое помазаніе всемірнаго призванія, самоотверженіе, безконечная любовь, наконецъ, самопожертвованіе для запечатлѣнія истины, для торжества идеи. Грёреръ очень хорошо разсматриваетъ отношеніе Іисуса къ Іоанну, къ положительной религіи и къ положительному праву. Враждебныя начала христіанству должны были привиться съ перваго шага апостольской пропаганды; конечно, Христосъ не хотѣлъ церкви съ окаменѣлыми институтами, цѣликомъ взятыми отъ левитъ, но какъ безъ наружной церкви могла возрасти внутренняя идея? Первая христіанская община была ессейски-іудаическая, она не оторвалась отъ преданія и отъ нравовъ израильскихъ, она дѣлила съ фарисеями вѣру второго для нея, перваго для нихъ, пришествія. Она мало сообщалась съ язычниками. Апостолъ Павелъ словомъ и разореніе Іерусалима событіемъ оторвали христіанъ отъ іудаизма. Іерусалимъ не могъ уже быть средоточіемъ новой религіи, и ученіе Христа приняло свой вселенскій характеръ; запутанное въ іудейскія формы, оно не могло бы быстро перейти въ другіе народы.

30.—Никто ранѣе 25 лѣтъ не можетъ ѣхать за границу, пошлины 700 рублей въ годъ, паспорты выдаются только въ Петербургѣ, жена безъ мужа не можетъ ѣхать. Я желаю прочесть этотъ указъ печатный.

Апрѣль мѣсяцъ.

3.—Пасторъ Reuter въ Гессенъ-Дармштадтѣ былъ взятъ подъ стражу за политическія мнѣнія и при допросѣ пытаемъ ужасными средствами: ему набивали кольцо цѣпи на кость руки, сѣкли его etc. Приведенный въ отчаяніе и бѣшенство, старикъ хотѣлъ перерѣзать себѣ горло стекломъ, и, какъ разумѣется, не могъ; однако его нашли мертвымъ. Доктора нашли, что смерть причинена не разрѣзомъ стекла, а другими острыми орудіями (которыхъ въ тюрьмѣ не было). Вотъ плодъ инквизиціоннаго процесса и прекрасный матеріалъ къ исторіи современныхъ германскихъ правительствъ. Судья, пьяница и дѣлатель фальшивыхъ документовъ, осыпанъ крестами etc.

Разные анекдоты о Петрѣ I. Странное сочетаніе геніальности съ натурой тигра. Страшенъ процессъ, которымъ страна могла дойти до необходимости появленія такого врача, до возможности его и до того, что она могла вынести такое царствованіе. Маратъ, Робеспьеръ и Фукье Тенвиль вмѣстѣ. Понять, оправдать, отдать не токмо справедливость, но склониться передъ грозными явленіями конвента и Петра — долгъ. Но не всѣхъ актеровъ 93 года можно любить, также и Петра.

5.—Итакъ, указъ о путешествіяхъ не пуфъ. Усовершаться въ художествахъ и ремеслахъ позволено, но не въ наукахъ! Страшное время—силы истощаются на безплодную борьбу, жизнь утекаетъ, и ни капли отрадной, ни близкой надежды—ничего.

14.—Замѣчательная статья въ 3 послѣднихъ № *Московскихъ Вѣдомостей* объ освобожденіи негровъ. Приложеніе прямое и въ официальной газетѣ

Читалъ Гегелеву философію природы (Encyclopedie II. Th.). Вездѣ гигантъ, многое едва набросано, очеркнуто, но ширина и объемъ колоссаленъ. Какой огромный шагъ въ освожденіи отъ абстрактныхъ силъ, во введеніи въ свои рамы категорію величины, которой подавляли все земное, и какой перевѣсъ качеству, конкреціи. Онъ освобождаетъ въ полномъ развитіи человѣка отъ его матеріальнаго опредѣленія, отъ его теллурической жизни, адекватностью его формы понятія (чѣмъ бѣднѣе его развитіе, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ природы). Духъ вѣченъ, матерія всегдашняя форма его инобытія. Лишь только форма способна, лишь только она можетъ выразить духъ, она и выражаетъ его: здѣсь, тамъ, вездѣ, гдѣ условія органическаго возстановленія собрались, одѣйствоворились. Какъ началась индивидуализація планеты, солнечной системы, что было прежде etc., etc.,—на все это очень трудно отвѣчать, главное всякій разъ попадешь въ ту ли, въ другую ли сторону in die schlechte Unendlichkeit. Инобытіе, чѣмъ полнѣе одна внѣшность, чѣмъ далѣе отъ адекватности съ понятіемъ, тѣмъ упрямѣе оно въ своей матеріальности, тѣмъ естественнѣе оно удерживается отъ разрѣшенія въ мысль и, схваченное въ односторонности, представляетъ именно die schlechte Unendlichkeit вещества. Разсудкомъ не выйдешь изъ этихъ логическихъ круговъ, такъ какъ разсудкомъ никогда не поймешь жизнь органическую, ибо жизнь сама въ себѣ, an sich, спекулятивна. Разсудочная истина формально до оконченности ясна, но плоска, и истиннаго примиренія въ ней нѣтъ Спекулятивная, повидимому, смутна, но она глубока.

19 — Конечно, Гегель въ отношеніи естествовѣдѣнія далъ болѣе огромную раму, нежели выполнилъ, но coup de grâce естественнымъ наукамъ въ ихъ настоящемъ положеніи окончательно нанесенъ. Признаютъ ли ученые это, или нѣтъ,—все равно, тупое

Vornehmthuerei des Ignoriren ничего не значитъ. Гегель ясно развилъ требованіе естественной науки и ясно показалъ всю жалкую путаницу физики и химіи, не отрицая, разумѣется, частныхъ заслугъ. Имъ сдѣланъ первый опытъ понять жизнь природы въ ея діалектическомъ развитіи отъ вещества самоопредѣляющагося, въ планетномъ отношеніи, до индивидуализаціи въ извѣстномъ тѣлѣ, до субъективности, не вводя никакой агенціи, кромѣ логическаго движенія понятія. Шеллингъ предупредилъ его, но Шеллингъ не удовлетворилъ наукообразности. Самъ Гегель не можетъ (въ чемъ его упрекаетъ Тренделенбургъ) держаться безпрестанно въ изрѣженной средѣ абстракціи, и дѣйствительность жизненно, со всѣмъ огнемъ, врывается представленіями, фантазіями, поэтическими образами (за что Гегель заслуживаетъ большую похвалу), но онъ вѣренъ и неумолимо строгъ въ общемъ развитіи; Шеллингъ провидѣлъ требованіе, но слишкомъ легкой дорогой удовлетворился имъ.

22. — Окончился курсъ Грановскаго. Этотъ курсъ событіе, событіе, имѣющее большое значеніе. Сверхъ внутренняго своего достоинства, онъ имѣетъ внѣшнюю важность тѣмъ, что теперь начнутся публичные курсы; публика узнала новое, сильное, волнующее наслажденіе всенародной, энергической рѣчи. Доценты увидѣли, какою аудиторіею можетъ Москва окружить ихъ.

Симпатія къ Грановскому далеко превосходитъ все, что можно себѣ представить: публика была удивлена, поражена благородствомъ, откровенностью и любовью; Грановскій прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ а вездѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить слушателей, — просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ... «Благодарю тѣхъ, такъ кончилъ онъ, которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!» Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку; я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ. Слава доценту и слава аудиторіи! Литераторы, товарищи, друзья приготовили обѣдъ; вліяніе послѣднихъ словъ было такъ сильно и такъ живо, что всѣ противоположныя воззрѣнія примирились

въ дружескомъ торжествѣ и самыя противоположныя натуры искали другъ друга, чтобъ заявить свое различіе и уваженіе. Весело, шумно и, наконецъ, пьяно окончился этотъ день. Его отмѣтятъ многіе, онъ многимъ вспомянется, какъ прекрасный праздникъ любви и симпатіи.

27.—Споръ университета и церкви развивается и далекъ отъ конца. Современное состояніе истинно удручаетъ неуловимостью своей, видомъ всесовершеннѣйшаго безпорядка. Въ былое время вопросъ современной жизни разрѣшался односторонне, ко всему его жали. Непримиримость элементовъ рѣзко кидается теперь въ глаза и не дозволяетъ трезво мыслящему удовлетворенія частнымъ рѣшеніемъ. Давно забытые элементы жизни, вызванные со дна моря невыносимой тоскою ожиданія, въ буйномъ броженіи смѣшались съ новымъ и младенчествующимъ, осадокъ и пѣна равно увлеклись броженіемъ. Это послѣднее явленіе; передъ новымъ пришествіемъ истины и мертвые подали свой голосъ и заявили свои права, чтобъ не быть забытыми при воскресеніи. Но какъ тяжело съ этими мертвецами, и тяжело потому, что, не будучи слѣпыми, мы не можемъ отрицать въ нихъ остатокъ жизненности, а въ противоположномъ зачатокъ смерти. Именно это-то и страшно, и давитъ. Человѣкъ 93 года зналъ знамя, къ которому стать и которое вполнѣ соотвѣтствовало ему. А тутъ, напротивъ, вамъ равно не хочется ни съ доктринерами защищать полицейскими мѣрами университетъ, ни съ іезуитами, усилившимися тѣмъ, что полиція ихъ толкаетъ. Такъ и наши ультра-славянофилы: чувствуешь все дѣлящее отъ нихъ и чувствуешь симпатію, и понимаешь, какъ они пришли къ своему воззрѣнію и какъ противоположное воззрѣніе при неосторожности переходитъ въ петербургскій взглядъ,—въ то время какъ западно-либеральныя головы считаютъ національнымъ подпорою правительства. Что тутъ дѣлать? Ждать ли, пока вырастетъ уже родившійся мессія, о которомъ проповѣдуютъ Товіанскій и Вронскій, или броситься à corps perdu въ односторонность и понять ихъ приготовленными буквами святого глагола, который раздастся? Или сложить руки и лечь спать?

Май мѣсяцъ.

4. — Нѣтъ ничего забавнѣе и досаднѣе, какъ juste milieu во всякомъ дѣлѣ; это безразличная точка въ магнитѣ, это статическая задача, употребляющая всѣ силы на поддержаніе равновѣсія и не имѣющая послѣ силъ въ остаткѣ для какого-нибудь дѣйствованія, это австрійская политика. Храбрость послѣдовательности великое дѣло. Вчера я душевно смѣялся на стараніе Рѣдкина вывести личнаго Бога и христіанство путемъ чистаго мышленія.

Логика доводитъ до идеи, до безличнаго духа, который личенъ въ человѣкѣ и черезъ человѣка себяпознающъ; далѣе не выведешь ничего, кромѣ непростительной таутологіи, которой угощали берлинскіе философы Германію. Разъ духъ—какъ всеобщій духъ человѣчества, которому оно необходимо, другой духъ — личный, экстрамундальный; но духъ безъ міра, an sich, есть логическая абстракція, стало, и тотъ духъ имѣетъ свою объективность, свое aussersich sein—и опять schlechte Unendlichkeit. Въ логикѣ слова: Gott, Geist, übergreifende Subjectivität, вовсе не значатъ eine bestimmte Persönlichkeit, eine Individualität; индивидуальность подчинена категоріи времени, она употребляетъ эти слова какъ persona moralis, какъ духъ такого-то народа, такой-то эпохи. А этимъ господамъ страшно, они имѣютъ голосъ въ груди, препятствующій идти до этихъ результатовъ. Хорошо, ну, такъ принять, что путь, который привелъ къ нелѣпости, ложенъ, и надобно отбросить науку; опять трусость и непослѣдовательность. Да мы примиримъ, уладимъ и науку, и религію. Религія приметъ ли такое примиреніе? Она отречется во имя церкви такъ, какъ наука отречется во имя логики. Бакунинъ горько выразился, говоря, что люди du juste milieu похожи на польскихъ жидовъ, которыхъ и Россія, и Польша вѣшали.

12. — Наши праздники 8 и 9 были хороши неожиданнымъ пріѣздомъ для нихъ стараго друга, участника на первомъ планѣ тогдашнихъ дней. Обстановка въ прошломъ году была страшнѣе; теперь фактически чернаго мало, но таковъ рубецъ, оставляемый отъ зажившихъ ранъ, такова его жизнь въ памяти, что того полнаго довѣрія, простосердечнаго, нѣтъ. Однажды обожженый молніей боится каждой грозы, онъ свои силы на противодѣйствіе истощилъ: напрасно думаютъ, что силы развиваются въ мукахъ.

Хомяковъ писалъ къ Ивану Васильевичу, предлагая *Москвитянина* и стращая его, что ихъ противники хотятъ купить голосъ его; все это продолжалось въ то время, какъ Хомяковъ торжественно мирилъ и примирялъ. Иванъ Васильевичъ отклонилъ предложеніе и спрашиваетъ, кто эти противники, не Грановскій ли съ друзьями, что въ такомъ случаѣ онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи, нежели ко всѣмъ славянофиламъ. Черта истинно московско-русская въ Хомяковѣ, это лукавство, прикрытое бономіей. Истиннаго сближенія между ихъ воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе, которое и есть между другими, напримѣръ между нами и Кирѣевскими. Съ полной гуманностью, подвергаясь упрекамъ со стороны всѣхъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнилъ хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на ко-

торыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду — Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше Москвафиліи.

17.—Огромное письмо, въ родѣ диссертаціи, отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу; энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренная и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»; онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы, я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ, и неправъ, онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаго вѣка*, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери. Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами человѣкъ востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся.

19.—Какой-то пилигримъ разсказывалъ о Соловецкомъ монастырѣ: монахи истязаютъ тамъ арестантовъ ужаснѣйшимъ образомъ, они ихъ сѣкутъ, вынуждая требовать денегъ, заставляя въ трескучіе морозы полуодѣтыхъ работать и пр. Этими сѣченіями предводительствуетъ настоятель, сѣкутъ въ трапезѣ, на техническомъ языкѣ это называется «лозами стирать гордыню!» Ну, въ этомъ я полагаю славянофиламъ не обвинить Петровскую реформу. Это такъ и вѣетъ Русью царя Ивана Васильевича и прежними нравами ея.

27.—У насъ до того всѣ элементы перепутаны, что никакъ нельзя указать, съ которой стороны враждебный станъ; быть можетъ, оно и хорошее начало, указующее, что всѣ стороны, отдѣльно взятыя въ европейскомъ бытѣ, отдѣльно взятыя не могутъ служить опредѣленіемъ, развѣ только отчасти. Конечно, подобное совершается теперь въ Европѣ; этому лучшее свидѣтельство упадокъ либерализма, конституціонной оппозиціи, вигизма; тамъ, напримѣръ, теперь возникаютъ вопросы въ парламентѣ (Эшлея предложеніе и др.), въ которыхъ голоса дѣлятся по другимъ началамъ и доля виговъ съ долею тори противъ такой же помѣси. Зато

тамъ правительство всегда понятно—съ какой стороны. У насъ и этого нѣтъ. Новыя постановленія объ экзаменахъ и полученіи степеней ученыхъ идутъ изъ совершенно иного источника, нежели законъ о паспортахъ. Никакой системы, никакой единой мысли,—это, чего нѣтъ другого, придаетъ интересъ сюрприза.

30.—Вчера проводили Кетчера. Время идетъ да идетъ. Мы разлучаемся, снова сталкиваемся, и все въ томъ же элементѣ бездѣйствія, пустоты и духоты. Иногда мнѣ кажется, что старость возлѣ носа, что она насъ застигнетъ и намъ останутся одни воспоминанія стремленій, надеждъ, и лѣнь еще болѣе западетъ въ душу... Право, отъ этого болѣе нежели близко, и что-то такъ тягостно, страшно начинаетъ дѣлаться. Писалъ къ Бѣлинскому, утѣшалъ его, а въ сущности я вовсе не такъ далекъ отъ многихъ воззрѣній его.

Іюнь мѣсяцъ.

2.—Дочиталъ вторую часть Гегелевой энциклопедіи. Конечно, это не такое оконченное и полное зданіе, какъ его эстетика, но великій мыслитель не измѣнилъ себѣ въ философіи природы; геніальныя мысли, заставляющія трепетать, поразительныя простотою, поэзіей и глубиной, разсѣяны вездѣ. Зоологическій отдѣлъ и органика вообще превосходны (не вступая въ мелочи и дробныя разсматриванія каждаго параграфа); я не знаю никого, кто бы такъ вполнѣ понялъ жизнь и такъ умѣлъ сказать понятое, развѣ Гёте. Въ деревнѣ перечитаю еще и составлю записки.

4.—Вчера Самаринъ защищалъ свою диссертацію. Непонятно сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этого человѣка съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ славянизмомъ; въ немъ противорѣчіе это бросается особенно въ глаза потому, что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ. Онъ, правда, и самъ видитъ шаткость своей фантастической основы, но не отступаетъ отъ нея. Можетъ, юность, всегда готовая предаваться отвлеченнымъ теоріямъ, виною этого направленія, недостатокъ фактическихъ свѣдѣній и неумѣнье покоряться историческому элементу. Вообще диссертація и защита ея произвела какое-то грустное чувство. Во всемъ этомъ есть что-то ретроградное, негуманное, узкое, какъ и во всей партіи національной. Какъ съ ними ни ладь въ нѣкоторыхъ вопросахъ,—остается страшный оврагъ, дѣлящій и непереходимый. Въ нихъ бездна дѣтской суетливости: такъ, вчера Хомяковъ восторгался фразами о православіи, на которыя никто не смѣлъ возражать. Католикъ могъ точно такъ же изъ своихъ началъ хвалить католицизмъ. Это былъ бы разговоръ двухъ поврежденныхъ.

Продолжалъ читать давно оставленнаго Gfrörer'a. Явленіе гно-

стическихъ школъ чрезвычайно важно, здѣсь всѣ фазы древняго міросозерцанія сдѣлали опытъ соединиться съ философіей новой религіи. Они проглядѣли главное—практическій характеръ и простоту христіанства; но требованія ихъ были справедливы, они хотѣли догматъ превратить по своему въ мысль, въ мысль ученую, *аристократическую*, но этимъ самымъ они и были еретиками, потому что христіанство имѣло именно значеніе какъ религія, какъ откровеніе. Гностицизмъ нѣкоторымъ образомъ привился къ греческой церкви, оттого она безпрерывно занималась теодицеей, а западная церковь жизнью; западная церковь осталась вѣрною апостолу Петру, а Петръ былъ весь въ преданіи іудаизма, іерархіи, храма Іерусалимскаго. Во II вѣкѣ является уже протестантъ, личность сильная, энергическая и геніальная, Марціонъ. Послѣдователь апостола Павла, отрѣшившійся отъ всего прошедшаго іудаизма, человѣкъ не буквы, а духа, онъ имѣлъ огромное вліяніе и его школа жила до VI столѣтія. Онъ понялъ то, что и до сихъ поръ христіане не поняли, что Христомъ снимается Іегова, такъ, какъ Юпитеръ и пр., что понятіе Бога, сопрягаемое съ Іеговою, противорѣчитъ Христу. Итакъ, во второмъ столѣтіи существуетъ зародышъ протестантизма, являвшійся безпрерывно въ разныхъ формахъ, мнимо подавленный, гнетомый и, наконецъ, восторжествовавшій въ Лютерѣ. Тертулліанъ западный католикъ, въ немъ пуническая кровь карѳагенца очистилась римскимъ законовѣдѣніемъ, но осталась африканская; пламенный и практическій, онъ нисколько не похожъ на трансцендентальныхъ отцовъ восточныхъ. Восточная церковь всегда глубже и шире занималась догматами и не переходила въ жизнь. Католицизмъ, болѣе односторонній, восполнялся жизнью, на которую имѣлъ сильнѣйшее вліяніе, и недостатокъ его отвлеченнаго принципа стирается полнотою историческаго развитія. Это два сына Евангельской притчи, изъ которыхъ одинъ зовущему отцу сказалъ: «не пойду», и пошелъ, а другой: «пойду», и не пошелъ въ виноградникъ. Надобно замѣтить, что въ первые три вѣка ученіе Евангельское и самыя основныя положенія были далеки отъ всякой твердой и ограниченной догматики. напротивъ, всѣ вопросы обсуживаются, рѣшаются разно, умъ борется съ догматомъ, ищетъ примиренія. Оригенъ, напротивъ, совершенно свободенъ въ своихъ философски-религіозныхъ писаніяхъ. Марціонъ принимаетъ Евангеліе за людьми записанныя преданія и не связывается буквой.

10.—Въ третьемъ вѣкѣ уже ярко обозначается характеръ римской церкви. Вмѣсто распущенности, спекулятивности востока, является энергическая односторонность, изъ духовной академіи выходитъ въ юридически развивающуюся церковь. Видны сильные корни и eine mächtige Thatkraft. Римскій первосвященникъ

безъ всякаго права, кромѣ высокой іерархической мысли и римской почвы, напитанной своимъ царственнымъ призваніемъ, втѣсняетъ свою власть братьямъ; они ее сносятъ, возражая, но покоряясь тому законному насилію, которое присуще внутренней силѣ, власти. Кипріянъ карѳагенскій—душою іудейскій аскетъ, все западное духовенство тянетъ къ жидовскому. Слѣпая вѣра въ догматы, казуистика въ соподчиненныхъ вопросахъ, фанатизмъ, дѣятельность неутомимая, страстная восторженность, вотъ характеръ западныхъ отцовъ; всѣ сочиненія ихъ исполнены практическаго христіанства, а не теологическихъ тонкостей; это люди буквы въ догматѣ, но люди живые въ жизни. Одинъ грекъ, Діонисій, завелся между латинскимъ духовенствомъ и тотъ написалъ теорію логоса, послужившую основаніемъ Никейскаго изложенія.

Въ спорѣ донатистовъ, въ началѣ III вѣка, впервые христіане отдаютъ временной власти на рѣшеніе свой спорный вопросъ. Константинъ сначала удивленъ, но, вѣрный царской натурѣ, тотчасъ берется за рѣшеніе.

Періодъ гоненій полонъ предметовъ для драмъ и сценъ, тѣмъ важнѣе это, что и у насъ разсказы о мученикахъ возможны, хотя они и столько же *возмутительны*, какъ отрывки изъ исторіи французской революціи. Великое одушевленіе, заставлявшее ихъ такъ смѣло становиться противъ власти, несмотря на то, что и они знали текстъ апостола Павла, служащій опорой всѣмъ незаконнымъ властямъ. Восточные отцы перенесли въ свою религію неоплатонизмъ и софистику эллинскую такъ, какъ западныя государственныя понятія о единствѣ и мощномъ устроеніи.

12.—La destinée terrestre de l'homme est la gestion de son globe... tous les procédés sociaux sortis de l'arsenal philosophique, lois et systémes, reposent sur des bases essentiellement fausses, puisqu'ils sont contradictoires entre eux, variables et flottans... L'organisation de la Commune est la pierre angulaire de l'edifice social, quelque vaste et quelque parfait qu'il soit. V. Considérant, Destinée sociale.

15.—Вчера письма отъ нашихъ изъ Берлина, ѣдутъ обратно къ концу августа, опять соберется старая семья друзей; давно не видались. Хотѣлось бы поскорѣе передать все пережитое и ихъ послушать

17.—La morale n'est qu'une science mensongère et pédante, qui affiche depuis 3000 ans la prétention de conduire les hommes à la vertu et aux bonnes mœurs avec ses dogmes absurdes de modération et de répression de passions, qu'il faut, au lieu de vouloir les comprimer—trouver les moyens d'utiliser et de satisfaire.

Nous attaquions la morale, précisément parce qu'elle est impuissante à conduire les hommes au bien etc. V. Considérant.

Его сочиненіе несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по кон-

ціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью.

Государь былъ въ Лондонѣ, видѣлъ свободный народъ и свободное God save the queen. Въ новомъ журналѣ, который началъ выходить со дня объявленія свободы книгопечатанія въ Саксоніи для книгъ свыше 20 листовъ (Wigand's Vierteljahresschrift), замѣчательная статья о войнѣ; тамъ для Германіи европейская война представлена якоремъ спасенія, и именно война съ Россіей. Можетъ, и для насъ война принесла бы что-нибудь. Объ эмансипаціи не говорятъ. На дняхъ въ *Москов. Вѣдом.* былъ указъ сенатскій по дѣлу о засѣченномъ крестьянинѣ; 42 пучка розогъ сломали объ него,—онъ умеръ. Курская уголовная палата не признала помѣщика виновнымъ и, между прочимъ, заключаетъ, «что люди однихъ лѣтъ съ умершимъ крестьяниномъ выносятъ несравненно сильнѣйшія наказанія». Каковъ цинизмъ? Но хорошъ и сенатъ, онъ очень основательно разобралъ всю гнусность дѣйствій уголовной палаты и велѣлъ ей сдѣлать выговоръ, въ то время какъ и здравый смыслъ, и законъ заставляютъ удалить отъ должностей чиновниковъ, явнымъ образомъ пристрастныхъ. Въ pendant къ этой ужасной исторіи, еще въ здѣшнемъ сенатѣ было дѣло о помѣщикѣ, сославшемъ своего дворового человѣка на поселеніе, для того, чтобы воспользоваться значительнымъ капиталомъ, принадлежащимъ дворовому человѣку; тотъ подалъ на него просьбу, и дѣло дошло до сената; оберъ-секретарь полагалъ, что помѣщикъ долженъ выдать сосланному деньги. Сенатъ и министръ юстиціи рѣшили напротивъ; но этого мало: оберъ-секретарю за его мнѣніе, съ закономъ несогласное, велѣно сдѣлать выговоръ. Случаи такого грабежа рѣдки въ прошедшемъ, не этимъ способомъ помѣщикъ эксплоатировалъ крестьянъ. Прежде существовала невыраженная въ законѣ связь между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Теперь изъ этой непосредственности одна часть выходитъ къ сознанію формальнаго права своего и къ желанію воспользоваться имъ; это превосходно, потому что другая половина не отстанетъ и пойметъ разомъ всю несообразную нелѣпость своего безправія. Доказательствомъ можетъ служить уже и то, что дворовый подалъ просьбу. Они до сихъ поръ не могутъ совершенно повѣрить въ свое безправіе и никакъ не понимаютъ, чтобы ихъ собственность была собственностью барина; они даже иногда думаютъ что правительство въ случаѣ неправаго съ ними поступка защитить ихъ! Побольше такихъ рѣшеній, и сенаторы, сходя въ могилу, могутъ сказать: и мы принесли свою лепту.

Въ Силезіи бунтуютъ работники, ломаютъ машины, бросаютъ

издѣлія etc., etc. Семья выработываетъ тамъ въ недѣлю 16 Gute Groschen, изъ которыхъ въ послѣднее время уменьшили еще 2! И послѣ этого фурьеристы неправы, что обличили меркантилизмъ и современную индустріальность, какъ сифилитическій шанкеръ, заражающій кровь и кость общества! Купецъ сказалъ просившимъ работникамъ прибавки: если хлѣбъ дорогъ, ѣшьте сѣно! Месть бунтовавшихъ очевидна, они жгли векселя, выбрасывали бумаги, деньги, портили товаръ и не крали.

26.—Опять въ *Покровскомъ*. Дождь, дурно, сѣро, — а кругомъ поля, лѣсъ и тишина. Я ужасно люблю тишину; я счастливѣе въ деревнѣ, — вѣроятно цѣлый годъ или годы надоѣло бы жить въ деревнѣ, но полгода я готовъ. Я устаю отъ шума, отъ людей, отъ слуховъ, отъ невозможности сосредоточиться, устаю отъ неестественности городской жизни, мнѣ становится невыносимымъ домъ противъ моихъ оконъ, улица, habitués этой улицы, которыхъ поневолѣ, наконецъ, замѣтишь. Дочитываю V. Considérant I томъ; хорошо, чрезвычайно хорошо, но не полное рѣшеніе задачи. Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато; это устройство одной стороны жизни, другимъ неловко.

29.— Въ Вигандовомъ журналѣ статья Іордана объ отношеніи всеобщей науки къ философіи весьма замѣчательна. Критика, снявшая религію, стоя на философской почвѣ, должна идти далѣе и обратиться противъ самой философіи. Философское воззрѣніе есть послѣднее теологическое воззрѣніе, подчиняющее во всемъ природу духу, полагающее мышленіе за prius, не уничтожающее въ сущности противоположность мышленія и бытія своимъ тождествомъ. Духъ, мысль — результаты матеріи и исторіи. Полагая началомъ чистое мышленіе, философія впадаетъ въ абстракціи, восполняемыя невозможностью держаться въ нихъ, конкретное представленіе безпрерывно присуще; намъ мучительно и тоскливо въ сферѣ абстракцій,—и срываемся безпрерывно въ другую. Философія хочетъ быть отдѣльной наукой, наукой мышленія und darum zugleich Wissenshaft der Welt, weil die Gesetze des Denkens dieselben seien mit den Weltgesetzen; dies muss zunächst umgekehrt werden: das Denken ist nichts anderes als die Welt selbst, wie sie von sich weiss, das Denken ist die Welt, die als Mensch sich selbst klar wird. А потому нельзя наукою мышленія начинать и изъ нея выводить природу. Философія не отдѣльная наука, на мѣсто ея должно быть соединеніе всѣхъ нынѣ разрозненныхъ наукъ.

Іюль мѣсяцъ.

1.—Der Muth der Wahrheit, Glauben an die Macht des Geistes ist die erste Bedingung des philosophischen Studiums; der Mensch

soll sich selbst ehren und sich des Höchsten würdig achten. Das verschlossene Wesen des Universums hat keine Kraft in sich, welche dem Muthe des Erkennens Widerstand leisten könnte, es muss sich vor ihm aufthun und seinen Reichthum und seine Tiefen ihm vor Augen legen und zum Genusse bringen. — Hegel's Anrede an seine Zuhörer. 1818. Berlin. Къ этому надобно только присовокупить, что такую же вѣру твердую и непоколебимую должно имѣть и къ природѣ, къ этой вселенной, которая не имѣетъ силы скрыть свою сущность передъ духомъ, потому что она стремится раскрыться ему. Потому еще, что, открываясь ему, она открывается себѣ.

4. — Писалъ статью для новаго журнала (который будетъ ли, Богъ и Уваровъ знаютъ) объ натурфилософіи. По этому поводу прочиталъ или, лучше, пробѣжалъ Шиллера исторію натурфилософіи отъ Бэкона до Лейбница; скучная книга, хотя и есть интересныя подробности. Какая необъятная разница съ Фейербаховой исторіей. Потомъ попалась извѣстная брошюра Фихте о назначеніи человѣка, я ее очень давно читалъ, лѣтъ двѣнадцать или больше тому назадъ. Не помню, въ которую эпоху онъ писалъ, но странно удовлетвориться этой profession de foi, какъ послѣднимъ словомъ. Отвлеченное умозрѣніе не спасаетъ его отъ скептицизма, знаніе не удовлетворяетъ, онъ хочетъ дѣянія и вѣры (непосредственнаго и созерцательнаго начала). Но вѣра его приводитъ не къ реальному, а идеалистическому міру; правда, этотъ духовный міръ у него и здѣсь и jenseits, т. е., сфера духа Гегеля и отчасти религіозная будущая жизнь, но въ основѣ ему лежитъ какое-то странное желаніе быть неземною; дань ли это времени, или требованіе стоической, строго нравственной натуры? Онъ волю ставитъ выше дѣянія.

8. — Преніе о правѣ вскрытія писемъ въ Лондонѣ. Тамъ жаловались Маццини и какой-то полякъ, что у нихъ министерство читаетъ письма. Возмутился гордый духъ законности у передовыхъ англичанъ, дебаты кончились ничѣмъ, но высказанное велико и прекрасно. Между прочимъ, оппозиція замѣтила, что подлѣйшее въ этомъ — запечатываніе письма; что если нужно, то правительство должно дѣлать открыто вскрытіе и отмѣчать на письмѣ, а иначе это подлое шпіонство и фальшивый поступокъ. А у насъ — Боже мой — лучше и не оборачиваться!

9. — L'Alcade de Zalamea Кальдерона. Характеръ Pedro Crespo превосходенъ, Don Lope и Etimelle также, мнѣ прекрасный и чрезвычайно драматическій, особенно въ третьемъ днѣ. Великъ испанскій плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности; вотъ онъ, элементъ, вовсе не развитой у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ какъ рабъ, или отомститъ какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь безпре-

рывно на низшій классъ, во всегдашнемъ соприкосновеніи съ нами; чего не достаетъ ему, чтобъ выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ, вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди; на нихъ много клевещутъ съ нравственной стороны; они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть, мы явно и законно грабимъ ихъ, сила не одинаковая. Но когда они убѣдятся въ человѣкѣ (и я имѣю гордость себя включать въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ на дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc. А видно,—какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ—чего-то недостаетъ въ головѣ, мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ!!

Memento mori! Разные memento стоятъ навсегда, какъ погребальные памятники въ воспоминаніяхъ. Иной разъ идешь гулять и невзначай забредешь на кладбище,—и сдѣлается тяжело. Правда ли это, что въ духѣ человѣческомъ, какъ въ морѣ, ничего не пропало, что кануло въ него, а хранится на днѣ и при первой бурѣ готово все выбросить, какъ упрекъ. Или только то хранитъ, что ядовито или жестко, а прекрасное, какъ эѳирное масло, улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе. Многое горькое вспомнилось; нѣтъ примиренія видно до гроба, а за гробомъ ни войны, ни мира, одна логика. Пусть тѣшатся другіе.

10.—Читаю Маржерета и только что кончилъ Бера. Беръ очень тупъ, Маржеретъ менѣе, какъ французъ и aventurier, притомъ много у него схвачено живо. И послѣ всего этого не видать необходимости Петровскаго переворота? Нѣчто сильное бродитъ неустроенно и дико середь давящей, гнетущей и узкой государственной формы; какъ было не разбить этотъ пошлый сосудъ народной жизни, какъ бы ни отречься, лишь бы отречься отъ этого міра мѣстничества, нелѣпаго патріархализма и совершеннаго невѣдѣнія достоинства человѣческаго. Годуновъ, геніальный человѣкъ, падетъ жертвою династической нелѣпости, а больше перемѣнчивости народнаго характера, бросающагося нелѣпо на все. Первый Димитрій—энергическій воинъ, образованный, благородный юноша, падетъ за то, что ѣлъ телятину. Плутъ, совершенно въ русскомъ характерѣ, староста-мошенникъ, Шуйскій падетъ за то, что избранъ одной Москвой и что теряетъ сраженія (тутъ есть хоть смыслъ),—и въ то же время полъ Россіи стоитъ за грязнаго тушинскаго вора,

представителя, пожалуй, не демократической, а кабацкой партіи. Потомъ дума думала, думала да и выбрала мальчика царемъ, и покорилась вся страна старику монаху, сдѣлавшемуся патріархомъ всероссійскимъ. Между прочимъ, Маржеретъ говоритъ о вѣротерпимости русскихъ; это почти была бы аномалія, если-бъ въ самомъ дѣлѣ религія такъ сильно была вкоренена въ народѣ. Правда, они строго уважали формы, а этотъ формализмъ всего склоннѣе къ нетерпимости, но у насъ и эта сторона жизни не имѣла глубокихъ корней.

15. — Wer gegen das Endliche zu ekel ist, der kommt zu gar keiner Wirklichkeit, sondern er verbleibt in Abstrakten und verglimmt in sich selbst.—Encycl. I. Th. § 92.

16.—По поводу статьи перечитывалъ первую часть Гегелевой энциклопедіи; всякій разъ подобное перечитываніе открываетъ цѣлую безконечность новаго, поправляетъ, дополняетъ, уясняетъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ показываетъ невѣдѣніе или неполноту знанія. Что сдѣлала наука съ обнародываніе Гегелемъ его философіи? а она была обработана въ 1818 году, т. е., 25 лѣтъ тому назадъ. Только научились его понимать, и кое въ чемъ поправили языкъ его, привыкнувшій слишкомъ къ школьной глоссологіи и, несмотря на всю мощь своего генія, къ представленіямъ,—болѣе ни шагу.

17. — Въ Allgemeine Zeitung статья о новыхъ открытіяхъ по части палеонтологіи. Важное расширеніе къ пониманію развитія органической жизни. Агассисъ доказалъ разборомъ ископаемыхъ рыбъ, что каждый геологическій періодъ имѣетъ цѣлое населеніе свое, несходное (кромѣ, разумѣется, общихъ характеристикъ) ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Еще болѣе онъ открылъ, что чѣмъ древнѣе періодъ, гдѣ найдены рыбы, тѣмъ болѣе неразвитому, фѣтальному состоянію соотвѣтствуютъ рыбы. Это напоминаетъ теорію Жофруа Сентъ-Илера о томъ, что высшіе млекопитающіе переходятъ въ утробѣ матери главныя фазы животнаго царства отъ инфузоріи до млекопитающаго.

Открытіе д'Орбиньи, разсматривавшаго наиболѣе ископаемые безпозвоночные, ведетъ къ тому же заключенію; но Эренбергъ съ своими инфузоріями еще ничего не открылъ, указывающаго на соотношеніе ихъ формъ къ періодамъ. Извѣстно, что Эренбергъ доказалъ, что цѣлые слои известняка и разныхъ горнокаменистыхъ слоевъ принадлежатъ чешуѣ инфузорій.

20. — Кончилъ первое письмо объ естествовѣдѣніи. Кажется хорошо, а впрочемъ сначала все написанное кажется хорошо. Надобно перечитать черезъ мѣсяцъ или два. Вотъ бѣда журналистовъ и ихъ сотрудниковъ: они все печатаютъ съ брызгу, и вѣроятно дорого иной бы разъ дали за право вырубить топоромъ закрѣпленное типографскимъ станкомъ.

Началъ вторую часть Грёрера, интересъ поглощающій. Древній міръ, умирая, утратилъ почти все человѣческое достоинство; то, что было посѣяно всѣми цезарями, развилось при Діоклетіанѣ. Діоклетіанъ дѣлается царемъ въ смыслѣ восточномъ, онъ отрѣзывается отъ всѣхъ, онъ является мистическимъ лицомъ, божествомъ. Въ Римѣ воздухъ былъ не хорошъ для такихъ затѣй; Діоклетіанъ, жившій въ Никомедіи, разъ пріѣхалъ въ Римъ, но и то ускакалъ въ Равенну. Римъ—это европейская почва! Новой, поглощающей всякую свободу, власти надобно было новой городъ. Константинъ нашелъ его. Діоклетіана монархія вполнѣ развилась при Константинѣ, гнусная, рабская, чиновничья, подлая; народъ былъ до того обремененъ налогами, что толпами бѣжалъ съ своихъ земель; пытка, которой не смѣлъ Неронъ и С^0 подвергать римскихъ гражданъ, распространилась на всѣхъ въ дѣлахъ оскорбленія величества. Восточные христіане и ихъ духовенство утратили тогда благородство первыхъ вѣковъ. Оно, какъ всѣ *высшія натуры*, до того пренебрегало дѣйствительностью и до того жило въ сферѣ теологическихъ тонкостей, что не замѣчало своего положенія относительно власти. Константинъ принялъ благословеніе новой церкви и имъ окончательно укрѣпилъ самодержавіе свое. Евсевій разсказываетъ, что онъ смѣлъ называть себя «епископомъ внѣ церкви», и самъ называетъ его всеобщимъ епископомъ. Его тронъ въ церкви стоялъ возлѣ епископскаго, онъ имѣлъ право входить въ алтарь. Амвросій *Медіоланскій*, возмущенный этимъ, велѣлъ первый тронъ Ѳеодосія поставить внѣ храма. Константинъ распоряжался съ церковью, какъ хотѣлъ. Она молчала, греческая святая церковь, и встрѣчала въ 448 году императора Ѳеодосія II словами: «да здравствуетъ императоръ и первосвященникъ». Никогда западное духовенство не падало до этой степени; римская почва осталась чиста; хорошо, что столица была перенесена. Зато византійскіе епископы богатѣли. Гнусному порядку азіатскаго деспотизма въ Римской имперіи принадлежитъ честь укрѣпленія мужиковъ (coloni) въ рабство. Бѣдные мужики кабалили себя богатымъ собственникамъ земли, потому что не могли платить подати.

Чему удивилась (или теперь удивляется, въ то время она и не думала ни о чемъ, кромѣ рабскаго повиновенія) церковь учрежденію синода и оберъ-прокурора,—это лежитъ глубоко въ самомъ принципѣ восточной церкви. Императоры при соборахъ назначали одного или многихъ чиновниковъ *для наблюденія за порядкомъ*. Это такъ было со временъ Константина. Я не удивляюсь Юліану Отступнику. Церковь представилась ему съ такой стороны, что онъ долженъ былъ отвернуться отъ нея. Евсевій совѣтовалъ его умертвить, понимая, что такой человѣкъ не ихъ. Споръ съ аріа-

низмомъ весьма важенъ, и Грёреръ его вовсе не понялъ. Если Христосъ не единодушенъ, не тождественъ Богу, не Богъ, то христіанство падаетъ въ одну изъ тѣхъ религій, гдѣ соподчиняется Богу его избранникъ, и монотеизмъ, ограниченный въ родѣ іудейскаго или магометанскаго, остается. Все дѣло христіанства именно въ томъ и состоитъ, что Христосъ-человѣкъ—Христосъ-Богъ, Богочеловѣкъ. Но въ самой борьбѣ сколько интригъ; какъ церковь стала искательна. Люди помнили еще мученическія гоненія, были епископы, сидѣвшіе въ тюрьмахъ при Діоклетіанѣ. И черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ они жалки, разумѣется, исключая римское духовенство, папу и съ нимъ Аѳанасія. Константинъ приказалъ объявить исправленный символъ и велѣлъ отрѣшить Аѳанасія,—толпа слушалась. Какъ величественны тутъ западные епископы. Пусть въ нихъ преобладала гордость, но въ нихъ мы видимъ людей.

Весьма можетъ быть, что въ теоретическомъ смыслѣ восточные были несравненно выше западныхъ; но ихъ уклончивый, лукавый характеръ, ихъ готовность унижаться передъ властью—покрываетъ ихъ пылью.

Лучшій изъ нихъ Григорій Назіанзинъ. Но и въ немъ нечего искать величія, колоссальности Аѳанасія; онъ одинъ носилъ въ себѣ идею православія, онъ осуществилъ ее, онъ исполнилъ Никейскій соборъ. Замѣчательно, что Юліанъ Отступникъ былъ полезнѣе своихъ предшественниковъ для ортодоксіи. Іоаннъ Златоустъ сдѣлалъ несчастный опытъ: греческую церковь поставить нѣсколько независимѣе отъ власти; онъ умеръ въ ссылкѣ. Никонъ забылъ его біографію. Конечно греческая церковь иногда становилась посамобытнѣе, напр., въ Египтѣ, при Теофилѣ и Кириллѣ (проклявшемъ Нестора въ Ефесѣ); но и тогда она прислонялась къ Римскому папѣ, и этотъ Кириллъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ православія. Во второмъ Ефескомъ соборѣ, собранномъ противъ Флавіана Константинопольскаго, Діоскоридъ Александрійскій ввелъ толпу вооруженныхъ монаховъ, въ шумѣ и дракѣ переколотили всѣхъ несогласныхъ ему архіереевъ, Флавіана онъ самъ топталъ ногами и избилъ его такъ, что онъ черезъ три дня умеръ. И все, что было положено этимъ соборомъ, утверждено императоромъ. Одинъ голосъ протестовалъ энергически, сильно и открыто,—голосъ римскаго папы Льва I; онъ назвалъ этотъ соборъ latrocinium, и имя это осталось въ народѣ Но восточная церковь не думала отстаивать своего собора: когда подулъ иной вѣтеръ, она въ Халкедонѣ прокляла недавно принятое.

Споръ о двойной натурѣ Спасителя самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; но не онъ вовсе занималъ благочестивыхъ архіереевъ, а мелкія личности, ненависть и властолюбіе безъ границъ или огра-

ниченное только страхомъ передъ временною властью. Замѣчательно, что Ѳедоръ Монсуестійскій, доказывая, что Христосъ былъ истинно человѣкъ, говоритъ: «Что за польза была бы намъ отъ страданій Христа, если онъ не имѣлъ человѣческую душу; это была бы комедія, а не истинная борьба жертвы, зрѣлище, въ которомъ побѣдоносный исходъ былъ приготовленъ и пр.». Въ этомъ замѣчаніи виденъ глубокій смыслъ истины Ѳедора; теологи доселѣ не понимаютъ, что не токмо Христовы страданія, но вся исторія съ ихъ точки зрѣнія выходитъ приготовленной комедіей, а если принять это, то надобно будетъ по совѣсти сказать прескверной, ибо какъ же обяснить милліоны милліоновъ страдавшихъ всю жизнь, умершихъ въ цѣпяхъ, казненныхъ etc., etc. Пусть бы подумали теологи о словахъ Ѳедора. Замѣчательно, что въ африканской церкви, и всего болѣе у донатистовъ, понятіе объ отношеніи государства къ церкви и независимости послѣдней было наиболѣе развито. Католицизмъ, отправляясь отъ великой мысли единства и поглощая государство, самъ сталъ церковью и государствомъ. Независимыми остались нѣкоторые расколы—эти вѣчные протесты противъ іерархіи и оцѣпенѣнія. Когда къ Донату пришли увѣщеватели отъ императора, онъ гордо отвѣчалъ: Quid est imperatoricum ecclesia? Можетъ, въ сирійской церкви и иныхъ отдѣльныхъ и дальнихъ епархіяхъ было болѣе независимости, нежели въ средоточіяхъ греческой церкви.

Споръ пелагіанъ точно такъ же былъ витальный вопросъ христіанства, какъ аріанизмъ. У нихъ христіанство превращалось въ ересь; безъ грѣхопаденія, безъ августиновскаго понятія о благодати нѣтъ церкви, нѣтъ католицизма. Въ Августинѣ и всемъ его ученіи виденъ уже сложившійся католикъ, принимая это слово въ его обширномъ смыслѣ; въ тѣсномъ смыслѣ, напротивъ, Августина католики отвергали, напримѣръ, іезуиты. Споръ пелагіанъ съ католиками потому не могъ кончиться, что истина рѣшительно между обоими.

Сегодня *девять* лѣтъ послѣ того, какъ я былъ взятъ, и началась сначала тюрьма, потомъ ссылка, потомъ гоненіе, продолжающееся поднесь!

23.—Ужасное лѣто, холодъ, дожди, дожди и дожди. И прошлое лѣто было скверно. Печальная полоса земного шара, какъ мало и скудно даетъ она человѣку! Пишутъ, что въ Германіи замѣтили астрономы пятно на дискѣ солнечномъ и что отъ этого пятна зависятъ разныя метеорологическія перемѣны. Такъ или нѣтъ, все равно. Возможность очевидная. Кто поручится за то, что какая-нибудь перемѣна въ солнцѣ вызоветъ катаклизмъ во всю поверхность земного шара, и тогда мы съ звѣрьми и растеніями погибнемъ и на наше мѣсто явится новое населеніе, прилаженное къ новой

землѣ. Страшная вещь, а отвѣчать нельзя. Одно настоящее наше, а его-то цѣнить не умѣемъ.

27.— Сегодня здѣшніе крестьяне, испуганные страшнымъ лѣтомъ, видя хлѣбъ и луга погибающими отъ дождей, служили молебенъ. Печально и съ какою-то торжественностью шли они въ церковь. Мнѣ стало ихъ вдвое жаль.

29.— Въ Прагѣ и около работники продолжаютъ войну съ машинами; въ Тюбингенѣ одинъ *честный* и *трудолюбивый* мастеровой, нѣсколько лѣтъ трудами своими кормившій пять человѣкъ дѣтей, и все едва вырабатывая хлѣбъ насущный, наконецъ, приведенный въ совершенное отчаяніе безвыходностью положенія и желая спасти отъ бѣдности дѣтей, зарѣзалъ ихъ!

Августъ мѣсяцъ.

5.— Вчера ужасная гроза застала насъ въ лѣсу. Страшные удары грома вслѣдъ за молніями, казалось, раздробятъ насъ, дождь и градъ лился и сыпался. Какъ безпомощенъ и жалокъ человѣкъ въ этихъ случаяхъ. Одинъ Саша радовался на то, что его мочитъ. Мы уныло и глупо смотрѣли, чѣмъ кончится. Какъ помириться съ этой зависимостью

6.— Вторая гроза еще ужаснѣйшая, потому что была почти ночью. И въ эту грозу бѣдный Коршъ съ женой и малюткой былъ на дорогѣ къ намъ. Мы дома жались всѣ въ одной комнатѣ. Я ему былъ ужасно радъ. Сегодня утромъ Natalie едва оправилась отъ грозы послѣ неспаной ночи; вдругъ опять сильное потрясеніе. Саша всталъ совсѣмъ здоровый и вдругъ упалъ безъ чувствъ, вскорѣ онъ пришелъ въ себя; не понимаю, что такое. Я не былъ тутъ въ комнатѣ, все это случилось при ней и на ея рукахъ. Что это за страшный омутъ случайностей, въ который вколочена жизнь человѣка? Я иногда сознаю себя безсильнымъ бороться съ тупой, но мощной силой, во власти которой личность и все индивидуальное. Я—здоровый и крѣпкій—что-то измученъ, какъ же ей слабой?

8.— Сашѣ нездоровится съ тѣхъ поръ, какъ его застала гроза. Дороги страшны, 50 верстъ отъ Москвы и нѣтъ средствъ въ большомъ экипажѣ проѣхать. Я лишенъ воспитаніемъ, а можетъ вслѣдствіе физическаго устройства, этой особой оборотливости въ практической жизни, ловкости умно и догадливо устраивать всѣ подробности du ménage. Меня потому все такое сильно безпокоитъ. На то, чтобы середь безпрерывныхъ ударовъ случайности имѣть всегда твердость и мудрость корабельнаго капитана въ бурю, надобно несравненно болѣе силы характера, нежели на подвигъ, которымъ обыкновенно удивляются, сдѣланный въ минуты увле-

ченія, вдохновенія. Человѣкъ живетъ минутами, свѣтлыми полосами, между которыми темные, сѣрые переходы, что-то мутное, если не совсѣмъ черное. Эти рѣдкія мгновенія исполняютъ то, что жизнь обѣщаетъ, чего требуетъ она, это ея истина, высшая дѣйствительность идеи, осуществляющейся всегда во всякой эпохѣ человѣческой исторіи. Для лицъ только. Оно много, если-бъ мы умѣли пользоваться. А то эти минуты летятъ не уваженныя, а за ними туманъ, изморозь, сырость, мелочи длятся, длятся.

К. разсказывалъ, что по дѣлу о книжкѣ *Кавказскія продѣлки* графъ Строгоновъ получилъ бумагу отъ графа Орлова съ повелѣніемъ прислать Крылова съ жандармомъ въ Петербургъ. Строгоновъ, не показывая Крылову предписанія, отвѣчалъ графу Орлову, что у него жена больна и что онъ не можетъ исполнить этого предписанія; буде-же государь прикажетъ, готовъ выйти въ отставку. Позволили Крылову пріѣхать безъ жандармовъ. Что за нерусская черта! Честь и слава графу. A propos къ графамъ и жандармамъ, дочитываю теперь Consuelo,—что за геніальное возстановленіе жизни высшаго общества въ половинѣ XVIII вѣка; какъ она постигнула дворъ Маріи Терезы, Фридриха. Что сказать объ эпизодѣ маркграфини съ ея дочерью? А вербовщики короля-философа, правленіе людей, какъ торгующіе неграми, безъ апелляціи и надежды. Подобнаго во Франціи не дѣлалось, ни въ Англіи, это только возможно съ нѣмцами и въ Германіи. Хорошъ анекдотъ, цитированный барономъ Тренкомъ, что, когда герцогъ Брауншвейгскій удивлялся страшнымъ эволюціямъ Фридрихова войска, тотъ ему сказалъ: «Подивитесь тому, что середи его мы съ вами безопасны». Да, этому можно дивиться Я далекъ, чтобы историческихъ дѣятелей судить съ сентиментальной точки зрѣнія, но нельзя-же и симпатіи имѣть къ прозаически-холодному ироническому безчеловѣчію.

9.— Читалъ Фейербаха о Лейбницѣ. Одна Германія, безпрестанно спящая, имѣетъ такія громадныя пробужденія—какъ Лейбницъ, Лессингъ, Гёте. Что за гигантская дѣятельность, что за многосторонность; всѣмъ занимается, со всѣми въ сношеніяхъ, обо всемъ хлопочетъ, всюду вноситъ свѣтъ своего генія, безпрестанно раскрытъ, готовъ писать, объяснять, обдумывать. Монадологія необходимо должна была быть изложена имъ. Спиноза, все пожертвовавшій философіи, видѣлъ только субстанцію, около которой кружится міръ акциденцій; его субстанція должна быть единою. У Лейбница субстанція биномонадна—начало дѣятельности, движенія, себя опредѣляющая въ различіе съ другими, живая именно въ расчлененіи и въ противоположности. Это переходъ въ логикѣ отъ единицы къ многоразличію, это репульсія отъ себя. Изъ картезіанскаго протяженія наука углубляется въ субстанцію Спинозы;

но эта субстанція опредѣляется *силою* Лейбница, силою живой, субстанціальной, но не единой, а душею атома, монады, которыхъ безчисленное множество. Монада есть идеальный атомъ предмета, сила матеріи, ея единство; истиннаго единства невозможно найти въ матеріи, какъ въ страдательномъ, ибо все въ ней куча частей, идущихъ въ безконечность; а такъ какъ множество получаетъ реальность только отъ инстинныхъ единствъ, то я и прибѣгъ къ атомамъ, понимая подъ ними силу, etc. Онъ очень близокъ къ понятію, — монада есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ понятіе. Смутность представленія матеріальности и матеріи, какъ необходимая связь монадъ, какъ ихъ среда, наконецъ живая связь всей вселенной, отражающейся, находящейся въ соотношеніи съ каждой монадой и наоборотъ, все это ставитъ Лейбница воззрѣніе на природу несравненно выше Декарта, Бэкона, Спинозы. У него въ каждой росинкѣ блеститъ то солнце, которое одно на небѣ Спинозы.

14. — Письмо отъ Бѣлинскаго съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ *невпротерпимъ*, что при малѣйшемъ разномысліи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскій не остался бы назади, и прекрасныя отношенія лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Аксакова симпатіи наконецъ не могъ имѣть; Аксаковъ свое москвобѣсіе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею; идея—общій элементъ сближенія, она можетъ дать товарища, единовѣрца, но дружба требуетъ признанія лица, а не всеобщей мысли его. Психологически занимательный вопросъ, отчего пріятель, любящій другого, любитъ непремѣнно укорить его, радуется, старается доказать, высказать его маленькій недостатокъ и готовъ, можетъ быть, въ то же время скрыть его пороки, пожертвовать собою, защищая его. Sonderbar!

22. — Дѣятельность должна имѣть ограниченіе, чтобъ не разсѣяться, вотъ призваніе матеріи у Лейбница; матерія ограничиваетъ чистую монаду, она раздѣляетъ монады между собой, она страдательный предѣлъ дѣятельности и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленность ея. Монада безпрерывно стремится освободиться отъ матеріи, т. е., отъ частности къ всеобщему. Дѣятельность, жизнь, душа и тѣло ея необходимые полюсы, это міровой идеализмъ и міровая эмпирія; всеобщность, родъ—единичность и частность. Теодицея неудачна, задача невозможна, какъ ни разрѣшай ее. Въ религіозномъ воззрѣніи доля произвола всегда возможна и велика,

«наука невозможна тамъ, гдѣ все возможно». Различіе разума и безумія стерто, гдѣ же опора науки? Воззрѣніе людей во время Лейбница было еще сильно пропитано антропоморфизмомъ, субъективной телеологіей; Лейбницъ не могъ отдѣлаться отъ вліянія среды, онъ для этого былъ слишкомъ живой и увлеченный современностью человѣкъ. Онъ продолжалъ трудъ Спинозы, но онъ не имѣлъ силы отрѣшиться, какъ Спиноза, и съ высоты напомнить христіанскому міру «забытую имъ категорію отношенія предмета къ самому себѣ» (а не къ человѣку); наконецъ, я полагаю, Лейбницъ, не хотѣлъ слишкомъ гертировать понятія своего вѣка, у него не доставало той *неподкупной честности,* которая была у Спинозы. Высшая честность языка не токмо бѣжитъ лжи, но тѣхъ неопредѣленныхъ, полузакрытыхъ выраженій, которыя какъ будто скрываютъ вовсе не то, что ими выражается. Напротивъ, она стремится впередъ высказать, какъ понимаетъ и предупреждаетъ неистинное толкованіе. Впрочемъ, въ тѣ времена умѣли религіи отводить скромный уголокъ, она жила тамъ сама въ себѣ, а наука занимала все остальное въ душѣ, — и онѣ не ссорились. Декартъ ходилъ пѣшкомъ къ Лоретской божьей матери просить ее на колѣняхъ помочь его скептицизму и никогда не подвергать религію разуму, т. е., не хотѣлъ думать объ ней. Даже матеріалисты, какъ Локкъ, были на свой манеръ религіозные, и все это въ неспѣтости и противорѣчіи, какъ у нашихъ Гегеле-православныхъ славянофиловъ; Лейбницъ, напротивъ, искалъ живого примиренія, и ничего не выходило, кромѣ запутанности, затемнившей его прекрасное ученіе ученикамъ.

28.— Нѣсколько дней, прекрасно проведенныхъ въ симпатическомъ кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда. Къ тому же и письма изъ Берлина. Семейныя дѣла Огарева никакъ не распутываются, что за фатумъ надъ нимъ! Нѣтъ, юность не прошла еще, и подчасъ кажется, что есть элементы юности, которые умѣютъ храниться не токмо при входѣ въ мужество, но и съ сѣдиною. Дружба всегда была для меня великимъ поэтическимъ вознагражденіемъ; не мечтательный, не сосредоточенный въ себѣ, я искалъ наслажденія на людяхъ, дѣлилъ мысль и печаль съ людьми. Дружба привела меня къ любви. Я не отъ любви перешелъ къ дружбѣ, а отъ дружбы къ любви. И эта потребность симпатіи, обмѣна, уваженія и признанія сохранились во всей силѣ. Юношески билось сердце, когда я видѣлъ подъѣзжающіе экипажи, какъ искренно хотѣлось мнѣ обнять добрыхъ друзей, какъ полно оцѣнилъ я ихъ жертву. О, страшно вздумать охолодѣть и перестать чувствовать въ груди своей эти минуты безотчетной радости! Никакіе опыты не даютъ права душѣ оттолкнуть все хорошее.

Кто изъ-за ошибки, изъ-за одного обмана плюнетъ на все, тотъ

гордъ и безмѣрно самолюбивъ; нельзя теперь, какъ нѣкогда, дѣтски довѣряться, дѣтски играть,—это уродливое Bettina will schlafen, сказанное сорокалѣтней m-me von Arnim. Но есть кое-что, не бросаемое ни въ какомъ случаѣ въ море, лучше утонуть самому.

А изъ Москвы пишутъ и говорятъ о мерзкихъ интригахъ и проискахъ. Богатство, деньги — самый лучшій оселокъ для человѣка. Патріотизмъ, смѣлая гордость, открытая рѣчь, храбрость на полѣ битвы, услужливая готовность одолжить, все это легко встрѣтить; но человѣка, который бы твердо сочеталъ свою честь съ практикой такъ, чтобы не качнуться на сторону 1000 душъ или полумилліона денегъ,—трудно. Собственность гнусная вещь; сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и, какъ тяжелая гиря, гнетъ человѣка внизъ, она развращаетъ человѣка, и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt. Оттого ни одна страсть не искажаетъ до того человѣка, какъ скупость, несмотря на все то, что Байронъ сказалъ въ ея защиту. Расточительность, мотовство не разумны, но не подлы, не гнусны. Оно потому дурно, что человѣкъ ставитъ высшимъ наслажденіемъ самую трату и нѣгу роскоши; но его неуваженіе къ деньгамъ скорѣе добродѣтель, нежели порокъ. Они недостойны уваженія такъ, какъ и вообще всѣ вещи; человѣкъ ихъ потребляетъ, употребляетъ и на это имѣетъ полное право, но любить ихъ страстно, т. е., поддаваться корыстолюбію—верхъ униженія. Христіанство не даромъ такъ враждебно смотритъ на собственность и на имущество, *точимое молью*. Въ роскошномъ уничтоженіи временное достигаетъ цѣли, оно гибнетъ, доставивши наслажденіе высшему существу. Въ скопленіи, совсѣмъ напротивъ, человѣкъ начинаетъ принадлежать вещи. Слово «недвижимое имущество» выражаетъ капканъ, въ которомъ пойманъ подвижной духъ. Звѣрь и тотъ уже освобожденъ отъ неподвижности,—человѣкъ возвращается къ ней черезъ гражданскій порядокъ. Гегель въ молодости своей занимался французской революціей, когда она догорала, и, разбирая политическое состояніе человѣка, указываетъ превосходно на жалкое положеніе, въ которое втолкнулись люди: «Es war eine Beschränkung auf eine ordnungsvolle Herrschaft über sein Eigenthum, ein Beschauen und Genuss seiner völlig unterthänigen kleinen Welt; und dann auch diese Beschränkung versöhnende Selbstvernichtung und Erhebung im Gedanken an den Himmel». Да, недвижимое имущество здѣсь и награда *тамъ*. Это двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесь водятъ людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ. Наши внуки увидятъ.

Зато какъ спокойно и съ какимъ благороднымъ сознаніемъ

смотритъ человѣкъ на эти злобныя, искажающія все хорошее въ мелкой душѣ страсти, и равно торжествуетъ: онъ ли побѣдитъ, или онѣ побѣдятъ. Нищеты я боюсь, такъ устроенъ міръ; особенно боюсь я въ Россіи, гдѣ одни деньги и даютъ право. Но далѣе того, что называется une position honnête, хлопотать не стану ни для себя, ни для дѣтей.

30.— Hegel's Leben—Розенкранца. Розенкранцъ—ограниченный человѣкъ и плохой мыслитель; слѣдственно, его разсказъ плохъ и взглядъ очень ограниченный, но книга важна выписками и приложеніями. Жизнь Гегеля была жизнь и развитіе его системы, она текла совершенно по-германски, по школамъ, гимназіямъ и университетамъ. Самое поэтическое отношеніе у него было съ Гёльдерлиномъ, близости съ Шеллингомъ я не вижу. Систему свою въ первый разъ Гегель набросалъ въ 1800 году, ему было 30 лѣтъ (родился 1770). Прекрасный подарокъ на зубокъ XIX вѣку; тогда уже онъ съ Шеллингомъ распался. Главный планъ и основное тогдашней системы не перемѣнилось, но только развилось. Мѣстами въ приводимыхъ отрывкахъ языкъ напоминаетъ мистическое вліяніе; пластичность выраженій и образы мѣткіе встрѣчаются вездѣ, возражая Рѣдкину, требующему, чтобъ предметы наукообразнаго содержанія излагались языкомъ чистаго мышленія и пр. Въ тогдашнемъ опытѣ философіи природы находится замѣчательное мѣсто о строеніи земного шара; расчлененіе онаго (надобно замѣтить, что Гегель отдѣлилъ земную планету, какъ всеобщій индивидуумъ ея элементарныхъ процессовъ и какъ распаденіе (auseinanderfallen) внѣшняго смѣшенія камней и земель) принималъ онъ за результатъ безусловнаго прошедшаго, котораго они нѣмымъ представителемъ и остались, они теперь равнодушно стоятъ рядомъ, потерявши отношеніе свое, пораженные будто параличемъ. Мысль чрезвычайно важная; отсюда нельзя ли ждать когда-нибудь отгадки, для чего и какъ явилось вещество планеты простыми тѣлами; что побудило сочетаться въ извѣстныя горнокаменныя породы, не былъ ли это опытъ жить всею планетой, такъ, какъ растенія— опытъ жить всею поверхностью?.. Въ отдѣлѣ Geist, Гегель тогда опредѣлилъ семейство индиферентностью рабства и свободы. «Въ естественномъ состояніи человѣкъ говоритъ женщинѣ: ты плоть отъ плоти моей; въ нравственномъ онъ говоритъ ближнему: ты духъ отъ духа моего»—водворяя такимъ образомъ равенство отношеній. Философія права того времени отвлеченна и полна схоластицизма, она не удовлетворяетъ широкимъ основаніямъ и стремится оправдать существующее. Философія религіи почти вполнѣ понимаема имъ была такъ, какъ впослѣдствіи. Абстрактность и формализмъ приводятъ его къ результатамъ страшнымъ; напримѣръ, онъ находитъ необходимость дворянства, какъ

противоборство въ формѣ повиновенія, необходимость всѣхъ сословій, трусости купцовъ и проч. Воинамъ не убитымъ онъ вмѣсто утѣшеній предлагаетъ спекуляціи, чтобъ вознаградить несчастіе остаться въ жизни и пр. Въ философіи религіи онъ ясно высказываетъ, что протестантизмъ временная форма, и что возможна новая религія, въ которой духъ на собственной своей почвѣ, въ величіи собственнаго образа явится религіей и философіей вмѣстѣ. Впослѣдствіи онъ этотъ результатъ такъ просто не высказывалъ. 2 ноября 1800 г. писалъ онъ къ Шеллингу о своей системѣ, гдѣ между прочимъ говоритъ: «Ich frage nicht jetzt, welche Rückkehr zum Eingreifen in das Leben der Menschen zu finden ist?» Въ 1805 году, Гегель, читая курсъ исторіи, опредѣлилъ себя относительно Шеллинга и Шеллинга относительно науки такъ, какъ послѣ они и остались. Замѣчательно, что вся Германія отстала отъ Гегеля и уже въ наше время смекнула, въ чемъ дѣло, да и то Шеллингъ своимъ мистическимъ дурачествомъ самъ привелъ къ критикѣ. Въ Іенѣ у Гегеля было очень мало слушателей,— его рѣшительно не понимали студенты. Тамъ въ 1806 окончилъ онъ свою феноменологію (Розенкранцъ очень хорошо ее назвалъ Пургаторіемъ), и когда французы взошли въ Іену, онъ положилъ въ карманъ рукопись и пошелъ искать пристанища у Габлера. Тутъ онъ видѣлъ Наполеона—diese Weltseele, какъ онъ говоритъ. «Странное чувство, продолжаетъ онъ, видѣть такое лицо, вотъ эта точка, сидящая на лошади, тутъ... царитъ міромъ».

И прибавить слѣдуетъ: въ толпѣ, едва замѣтная фигура, бѣдный профессоръ несетъ въ карманѣ исписанные листы, которые не меньше будутъ царить, какъ приказы Наполеона. Жизнь! Гегель женился въ 1811 году и писалъ въ честь своей невѣсты очень незвучные, но зато очень основательные стихи. Въ жизни былъ великій филистеръ.

Сентябрь мѣсяцъ.

3.—Не знаю, счастіе или нѣтъ великимъ людямъ, что передавать ихъ жизнь всего чаще случается людямъ ограниченнымъ. Лась-Казъ, Эккерманъ, Розенкранцъ приносятъ въ свое дѣло усердіе и честность, но ни понятія, ни таланта. Другой иначе бы воспользовался жизнью Гегеля, онъ представилъ бы этого человѣка демоническимъ явленіемъ, мыслью, поглотившею всю дѣятельность, но мыслью, носившею религію, науку, искусство, право будущаго. У Гегеля внѣшней жизни не было; одно существованіе: онъ жилъ въ логикѣ, въ наукѣ и довлѣлъ себѣ; у него не было друзей. Женившись 40 лѣтъ, онъ передъ свадьбой писалъ къ невѣстѣ диссертацію объ обязанностяхъ брака, онъ отталкивалъ

своими пріемами, его улыбка была добродушіе съ ироніей, онъ не умѣлъ говорить. И все это вмѣстѣ характеризуетъ его въ десять разъ болѣе, нежели натяжки Розенкранца представить его дѣятельнымъ ректоромъ, прекраснымъ пріятелемъ, мужемъ. Гегель былъ величайшій представитель переворота, долженствовавшаго отъ A до Z провести новое сознаніе человѣчества въ *наукѣ;* въ жизни онъ былъ ничтоженъ. Къ этому, само собой разумѣется, много способствовало время, въ которое онъ жилъ, и страна. Берлинъ, сверхъ того, имѣлъ на него вліяніе; въ практическомъ мірѣ Гегель былъ мѣщанинъ. Онъ не постыдился просить защиты прусскаго министерства противъ злой критики, помѣщенной въ прусскомъ журналѣ, по поводу неделикатной и почти подлой выходки противъ Фриза, онъ совѣтовалъ ограничить свободу печатанія журнала. Наконецъ, его преподаваніе философіи права, сколько принесло важной пользы и разсѣяло пустую и всеобщую теоретическую демагогію, столько же сдѣлала вреда, защищая съ энергіей существующее зло и ругаясь, какъ надъ величайшей пошлостью, надъ *прекрасной душой* юношескихъ порывовъ.

4.— Пора ѣхать въ Москву, а смерть не хочется. Здѣсь жизнь какъ-то чище и благороднѣе. Дѣйствительнаго дѣянія, на которое мы бы были призваны, нѣтъ; выдыхаться въ вѣчномъ плачѣ, въ сосредоточенной скорби не есть дѣло. Что-же мнѣ дѣлать въ Москвѣ? Быть тутъ— зачѣмъ? Два, три близкихъ человѣка и толпа глупая, гадкая. Когда я смотрю на бѣдныхъ крестьянъ, у меня сердце обливается кровью, я стыжусь своихъ правъ, стыжусь, что и я долей способствую заѣдать ихъ жизнь, и этотъ стыдъ поднимаетъ душу и не безплоденъ; тутъ на бѣдной, жалкой скалѣ я могу что-нибудь сдѣлать. А та толпа вселяетъ презрѣніе, она не голодна, она сыта и рада, что сыта. О, если-бъ гдѣ-нибудь въ тепломъ краю годъ-два пожить, пожить дѣятельно и мыслію и сердцемъ, но безъ толпы. Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны; этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ Русско-византійской церкви, дѣлающейся всемірной, повторяющій одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче-завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ знаетъ что... Даже И. В. Кирѣевскій страненъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того розными.

A propos, въ Allgemeine Zeitung выписка изъ статьи Бѣлинскаго о «Парижскихъ тайнахъ», и именно они напали на то, что меня остановило; у насъ нельзя такимъ образомъ хвалить сытость (тѣмъ болѣе, что и она очень апокрифна) и ругать революцію 30

года—impasse. Опять броситъ онъ на себя подозрѣніе въ сервильности.

Москва.

15.—Давно пріѣхалъ; но что-то не хотѣлось брать въ руки журналъ. Первая новость, которую я услышалъ, происшествіе на Лепешкинской фабрикѣ. Какіе-то помѣщики Дубровины отдали въ кабалу 700 человѣкъ крестьянъ, оторвавши ихъ отъ семействъ и заставляя оставшихся въ деревнѣ стариковъ и дѣтей обработывать барщину.

Пригонять крестьянъ на работу дѣло обыкновенное, на дорогу и въ разныя мѣста, преимущественно казенныя; нелѣпость и даже беззаконность поступка очевидны Крестьянинъ по закону работаетъ только три дня на господина, а тутъ онъ для себя не можетъ ничего сдѣлать. Но, благо, они терпятъ, правительство молчитъ. Дубровинскіе крестьяне оказались не такъ нравственными, оставили работу и пошли толпою жаловаться къ генералъ-губернатору; онъ собрался ѣхать въ деревню, откуда онъ управлялъ въ теплую погоду губерніей, и поѣхалъ, поручивъ разобрать какому-то адъютанту. Тотъ, желая отличиться усмиреніемъ революціи и найдя сопротивленіе, далъ залпъ по голодной толпѣ, перебилъ нѣсколько человѣкъ, и все взошло въ порядокъ. Теперь присланъ чиновникъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣлать слѣдствіе. Благородное россійское дворянство, нечего сказать! Въ Новгородѣ выборные чиновники до того напакостили, что государь велѣлъ новгородскому дворянству объявить и просилъ дать знать, что онъ «съ горестью видитъ, что дворянство не умѣетъ пользоваться правами, ему дарованными, и, буде впредь оно не исправится, онъ отмѣнитъ права».

Что за люди, а впрочемъ они потому и не умѣютъ пользоваться, что права дарованы и дарованы тогда, когда объ нихъ и въ голову не приходило. Въ pendant. А судъ парламента освободилъ О'Коннеля. Великая страна, благоговѣть надобно передъ этой высокой, святой правомѣрностью. Это событіе всемірное, важность его неисчислима. «О'Коннель противъ королевы». Англичане-враги, пэры, аристократы, все подчинили закону,—и великое, пластическое, плутарховское лицо агитатора снова явилось середь Дублина, съ тою же рѣчью, съ тѣмъ же видомъ. Истинно доблестная личность: его не удивила, не ошеломила свобода; онъ вышелъ изъ тюрьмы готовымъ на трудъ, вооруженнымъ, его первое слово было въ пользу репиля, онъ требуетъ, чтобъ судили пристрастныхъ судей и смѣется надъ юриспруденціей attorney general. Бѣдные, жалкіе славянофилы! Ну, что же Англія-то не проваливается, или въ Европѣ, въ запустѣвающемъ Западѣ остались двѣ, три жилы,

полныя здоровой кровью? И не эта ли кровь недавно въ монархической Пруссіи раздалась при закладѣ Кёнигсбергскаго университета почти надъ ухомъ самого короля, клавшаго первый камень. Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье!

Кончилъ Розенкранцеву книгу. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, что до сихъ поръ нѣмцы, а за ними и всякая всячина, считаютъ Гегеля сухимъ логикомъ, костянымъ діалектикомъ въ родѣ Вольфа, въ то время какъ каждое изъ его сочиненій проникнуто мощной поэзіей, въ то время какъ онъ, увлекаемый (часто противъ воли) своимъ геніемъ, облекаетъ спекулятивнѣйшія мысли въ образы поразительности, мѣткости удивительной. И что за сила раскрытія всякой оболочки мыслью, что за молніеносный взглядъ, который всюду проникаетъ и все видитъ, куда ни обернулъ бы взоръ. Взглянулъ ли на хитрость, онъ говоритъ: «хвала хитрости, она—женственность воли, иронія безумной силы. Она не плутовство—она совмѣстима съ чрезвычайной открытостью. Величіе поступковъ (das Betragen) состоитъ въ томъ, чтобъ своей открытостью заставить другихъ показаться такими, какими они есть, такая открытость перехитритъ безъ интриги». Стыдъ, что такое стыдъ? «Das Trennbare, so lange es vor der vollständigen Vereinigung noch ein Eigenes ist, macht den liebenden Verlegenheit. Es ist eine Art von Widerstreit zwischen der völligen Hingebung, der einzig möglichen Vernichtung, der Vernichtung des Entgegengesetzten in der Vereinigung und der noch vorhandenen Selbstständigkeit. Jene fühlt sich durch diese gehindert. Die Liebe ist unwillig über das noch Getrennte, über ein Eigenthum. Dieses Zürnen der Liebe über Individualität ist die Schaam. Sie ist nicht Zucken des Sterblichen, nicht Aeusserung der Freiheit, sich zu erhalten, zu bestehen. Bei einem Angriff ohne Liebe wird ein liebevolles Gemüth beleidigt. Seine Schaam wird zum Zorn, der jetzt nur das Eigenthum, das Recht vertheidigt. Wäre die Schaam nicht eine Wirkung der Liebe, die nur darüber, dass etwas Feindseliges ist, die Gestalt des Unwillens hat, sondern ihrer Natur nach selbst etwas Feindliches, das ein angreifbares Eigenthum behaupten wollte, so müsste man von den Tyrannen sagen, sie haben am meisten Schaam, so wie von Mädchen, die ohne Geld ihre Reize nicht preisgeben, oder von den Eiteln, die durch sie fesseln wollen. Beide lieben nicht. Ihre Vertheidigung des Sterblichen ist das Gegentheil des Unwillens über dasselbe. Sie legen ihm in sich einen Werth bei, sie sind Schaamlos. Ein reines Gemüth schämt sich der Liebe nicht, es schämt sich aber, das diese noch nicht vollkommen ist, sie wirft es sich vor, dass noch eine Macht, ein Feindliches ist, welches der Vollendung hinderlich, и проч. Такихъ мѣстъ чрезвычайно много. Я читаю теперь его исторію философіи. Что за изложеніе! Софисты, Сократъ, Аристотель, да это такія, высоко художественныя,

оконченныя возстановленія, передъ которыми долго останавливаешься, пораженный свѣтомъ. И все это сухой логикъ!

17.—Оттого, что мы глубоко, непримиримо распались съ существующимъ, оттого ни у кого нѣтъ собственно практическаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, вовлекающее въ себя всѣ силы души. Отсюда небрежность, nonchalence, долею эгоизмъ, лѣнь и бездѣйствіе. Вотъ среда благопріятная для развитія! Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ, благороднѣйшихъ людей, тѣмъ яснѣе видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнію ведетъ къ идіосинкразіямъ, къ всякимъ субъективнымъ блажнямъ. Beatus ille, qui procul negotiis можетъ съ головою погрузиться въ частную жизнь или въ теорію. Не всякій можетъ. И эти-то немогущіе вянутъ въ монотонной, длинной агоніи, плачевной и главное убійственно скучной. Въ юности все еще кажется, что будущее принесетъ удовлетвореніе всему, лишь бы добраться поскорѣе до него, но nel mezzo del camin di nostra vita нельзя себя тѣшить,—будущее намъ лично ничего не предвѣщаетъ, развѣ гоненія усугубленныя и опять скуку бездѣйствія. Будутъ ли наши дѣти счастливѣе? Всякій разъ, какъ я вижу Чаадаева, напримѣръ, я содрогаюсь. Какая благородная, чистая личность, и что же? въ этой жизни тяжелая атмосфера сѣверная сгибаетъ въ ничтожную жизнь маленькихъ преній, пустой траты себя словами о ненужномъ, ложной замѣной истиннаго дѣла и слова. Хорошо, кому это по натурѣ, какъ Хомякову: онъ родился для византійско-петербургскаго порядка дѣлъ.

Жизнь безъ сильныхъ искушеній, несчастій такъ же неполна, какъ безпрестанно подавляемая несчастіемъ. Вѣчное горе дѣлаетъ скрытнымъ, недовѣрчивымъ, наконецъ, повергаетъ въ совершенное безучастіе къ себѣ и къ окружающему, и въ этомъ оно похоже на счастіе, никогда не возмущавшееся; благородная натура не потеряетъ симпатій своихъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, но онѣ остаются въ какой-то непроявляемой Innerlichkeit. Вообще жизнь для полнаго развитія требуетъ событій; въ иномъ хранится бездна возможностей, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ и которыя никогда не дойдутъ до одѣйствованія, не будучи вызваны внѣшними условіями; наоборотъ, теоретически можно увѣриться въ такихъ силахъ своихъ, которыхъ вовсе нѣтъ. Бѣда нашего вѣка въ расторженіи теоретической жизни и практической, исключая впрочемъ Англію. У грековъ было не такъ; отъ того жизнь ихъ (въ своихъ предѣлахъ, разумѣется) была виртуознѣе и лучше. Между прочимъ, мы себя раздражаемъ безпрерывно мечтами, этимъ суррогатомъ дѣйствительныхъ страстей. Одинъ никого не любитъ, а влюбленъ, теоретически хочетъ жениться во что бы ни стало; другой выдумываетъ другую мнимую муку и носится съ нею: все это

одинакимъ образомъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ недостаткѣ истинныхъ, все поглощающихъ занятій; дѣятельность теоретическая недостаточна.

23.—Объясненіе съ Д. П.—omni casu его поступокъ благороденъ: ничѣмъ не понуждаемый, онъ самъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ подробно и, какъ кажется, открыто изложить причину своего образа дѣйствій относительно наслѣдства. Гордость, аристократическія понятія на первомъ планѣ. Старику это достойное наказаніе за цѣлую жизнь эгоизма и непослѣдовательности убѣжденіямъ, когда только замѣшивалась корысть, за его неуваженіе къ человѣку, за его скрытную двуличность. Мы разстались не безъ уваженія другъ къ другу; я совершенно прямо говорилъ о моихъ отношеніяхъ, мнѣ нечего прятать, все, что я дѣлаю, я могу дѣлать всенародно, особенно въ этомъ, т. е., въ финансовомъ отношеніи. А между тѣмъ, онъ одному Д. П. вѣрилъ, насколько могъ. И въ этомъ продолженіе казни. Au reste qui vivra verra. Рано или поздно придется и окончательно высказаться.

Все время штудировалъ Аристотеля въ Гегелевой исторіи философіи. Господи, вотъ талантъ-то. Я его считаю замыкателемъ греческой философіи. Нео-платонизмъ не имѣетъ того огромнаго сціентифическаго значенія, кажется мнѣ, которое ему придаютъ теперь и Гегель.

А впрочемъ, кто гигантъ—Аристотель или Греція? Гераклитъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова положилъ въ основу πάντα ῥεῖ. А софисты, это—бретеры діалектики.

30.—Armance возвратилась. Что за странная, уродливая исторія! Я не обвиняю, не хочу обвинять; но не могу не видать безумія во всемъ и въ нихъ обоихъ. Конечно, Б. болѣе виноватъ, нежели 18-ти лѣтняя не развитая, пылкая парижанка; ему 35 лѣтъ да и нравъ не такъ порывистъ. Для чего же онъ женился? Для чего она шла за него, видя его рефлекцію и пр. Черезъ 7 дней—въ ссорѣ, черезъ мѣсяцъ въ разлукѣ и навсегда. Она оскорблена, страдаетъ.

Неразвитость ея не резонъ, онъ долженъ былъ развить ее. Эгоизма бездна виднѣется въ этомъ пренебреженіи къ ближнему, что-то Горасовское. И зачѣмъ она пріѣхала? Ей-ей, все безуміе и одно безуміе.

Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать,—знай нашихъ; одинъ испанскій exaltado говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ—въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали.

Октябрь мѣсяцъ.

3.—Постоянно занимаюсь чтеніемъ Гегелевой исторіи философіи и статьей. Началъ ходить къ Глѣбову на лекціи, читаетъ прекрасно сравнительную анатомію и анатомію человѣческаго тѣла.

8.—Продолжаю заниматься и оттого рѣдко добираюсь до журнала. Надобно обратить побольше вниманія на естественныя науки, ими многое усняется въ вѣчныхъ вопросахъ. Я отсталъ десять лѣтъ почти вовсе не занимался ими.

15.—На дняхъ получилъ прекрасное письмо отъ Огарева; несмотря на всѣ странности, на всѣ слабыя стороны его характера, я рѣшительно не знаю человѣка, который бы такъ поэтически, такъ глубоко и вѣрно отзывался на все человѣческое. Я совершенно примирился съ нимъ, а то были минуты, въ которыя я негодовалъ и очень. Женщина эта мучитъ его, преслѣдуетъ и не выпускаетъ изъ рукъ добычи. Онъ ея не любитъ и между тѣмъ не можетъ отвязаться отъ нея,—психическая задача. Долго ни онъ, ни Сатинъ не пріѣдутъ, и прекрасно для нихъ, пусть надышатся европейскимъ воздухомъ. А у насъ подтвержденіе ѣздить по чинамъ, какъ Петръ и Павелъ учреждали. Говорятъ еще, что право носить бобровые воротники предоставится только оберъ-офицерамъ. Чиновничество и византійскій китаизмъ. Женѣ Юшневскаго не позволяютъ возвратиться черезъ 19 лѣтъ.

Я чрезвычайно радъ, что попалъ опять на естественныя науки: надобно чѣмъ-нибудь заглушить все, что остается отъ энергіи; кругомъ туманъ, и конца ему не видать. Итакъ, кажется, мы начинаемъ дѣлаться прошедшимъ! Вотъ и упованія. Здѣсь особенно скучны эти славянофилы, опять сдѣлались мнѣ противны; они, сверхъ тупости, хитры, коварны, исключая, разумѣется, двухъ, трехъ. Ихъ представитель «Маякъ», напечатавшій нагло свое позорное и невѣжественное profession de foi...

Разрѣшенія на журналъ нѣтъ; это, кажется, послѣдняя мечта, и та не сбудется! Стыдная жизнь; иногда бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, что апатія овладѣваетъ всѣмъ существомъ и хотѣлъ бы только ѣсть и пить.

21.—Переговоры о наслѣдствѣ etc. Удивительную мощь даетъ человѣку неуваженіе денегъ или, по крайней мѣрѣ, когда въ немъ есть извѣстныя убѣжденія, которыя онъ ставитъ выше денегъ. Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда это неуваженіе происходитъ не отъ Ноздревской безчестности, а, напротивъ, соединено съ полнымъ сознаніемъ важности денежныхъ средствъ. Я отказался отъ Покровскаго, чтобъ не быть причиной ссоръ и дальнѣйшей запутанности. Отказъ съ моей стороны выкажетъвсѣхъ. Дм. Пав. странно судитъ, исполненъ предразсудковъ, но прямо обвинить его еще не могу, напротивъ, много дѣльнаго и *шляхетно* благороднаго. Но что дѣлаетъ старикъ, Боже мой! Боже мой! Какъ страшно правъ Гоголь, говоря: забирайте теплыя и святыя чувства съ собою изъ юности, безъ нихъ старость страшитъ хуже могилы; на могилѣ хоть есть надпись, а въ безувственныхъ чертахъ ста-

рости ничего не прочтешь. Эгоизмъ все вытравляетъ съ лѣтами, если только неэгоистическія, человѣческія стороны такъ слабы, что могутъ вытравиться. Нѣтъ, такой старости не желаю, лучше умереть въ разгарѣ жизни, нежели живому пережить себя.

29.—Анатомія со всякимъ днемъ открываетъ мнѣ бездну новыхъ фактовъ, а съ ними мыслей, взглядовъ etc. на природу. Много знаютъ натуралисты, а во всемъ есть *нѣчто*, чего они не знаютъ, и это нѣчто важнѣе всего, что они знаютъ. Объ этомъ именно я много писалъ въ своей статьѣ. A propos, я увѣренъ, что зоогностическая классификація Кювье и новѣйшихъ зоологовъ не удержится. Почему инфузоріи помѣщены ниже полиповъ? Потому что малы... Вообще безпозвоночные худо размѣщены у Кювье: моллюски вслѣдъ за позвоночными, но есть моллюски чрезвычайно бѣдно организованные, всѣ безголовые; articulata не ниже высшихъ моллюсковъ. Дѣло въ томъ, что прямолинейно нельзя расположить никакого царства природы, она разбрасывается и по множеству направленій достигаетъ высшихъ типовъ. Декандоль давно предлагалъ классификацію представлять въ томъ видѣ, какъ географическія карты. Читалъ Либиха органическую химію; много хорошаго, но и много гипотетическаго.

Ноябрь мѣсяцъ.

2.—Вчера въ плохомъ французскомъ спектаклѣ я былъ взволнованъ плохою пьесой и всего болѣе плохою публикою. Пьеса очень не важная, изъ нынѣшнихъ сентиментальныхъ и моральныхъ французскихъ пьесъ, гдѣ музыка играетъ въ мѣстахъ лирическихъ, а человѣкъ бредитъ на яву въ мѣстахъ патетическихъ. Но не въ этомъ дѣло. На сценѣ былъ представленъ старикъ музыкантъ, не ѣвшій, бѣдный, котораго хозяинъ дома выгоняетъ на улицу, у котораго отнимаютъ послѣднюю утѣху, старое фортепіано; старикъ проситъ, умоляетъ оставить ему инструментъ; строго исполняющій законъ и защищаемый имъ propriétaire не слушаетъ. Сцена страшная, вопіющая противъ современной общественности. Сцена, производящая тупую боль, щемленіе, и до отвратительной степени вѣрная, ежедневная, ну, возмутительная, наконецъ. Я посмотрѣлъ на кресла, я поднялъ глаза на ложи. По сытому выраженію лица видно было, что они голоднаго не разумѣютъ. Что съ ними надобно сдѣлать, чтобъ они начали понимать, чтобъ у нихъ сердце, сверхъ приливовъ и отливовъ крови, еще имѣло бы какое-нибудь содержаніе?

Гагаринъ католикъ сдѣлался іезуитомъ, онъ хочетъ натурализироваться во Франціи и потомъ, сдѣлавшись священникомъ, возвратиться въ Россію. Всякое убѣжденіе, заставляющее чело-

вѣка пренебрегать всѣмъ временнымъ, особенно русскаго, почтенно не само въ себѣ, а въ человѣкѣ. Au reste все это невозможно, его на границѣ схватятъ, или не пустятъ въ Россію, или онъ безъ вѣсти исчезнетъ. И за что идетъ онъ, понукается на мученичество? Изъ-за идеи мертвой, погибшей. Русскій, развивающійся до всеобщихъ интересовъ, готовъ схватиться за всякій вздоръ, чтобъ заглушить только страшную пустоту.

9—Читалъ Гётевскія сочиненія по части естествовѣдѣнія; что за исполинъ,—намъ слѣдить невозможно за всѣмъ тѣмъ, что имъ сдѣлано и какъ! Поэтъ не потерялся въ натуралистѣ, его наука точно также поэзія жизни, реализма, съ такимъ же пантеистическимъ характеромъ и съ тою же глубиною. Теоретическимъ мыслителемъ, діалектикомъ онъ не былъ. Между прочимъ, онъ въ предисловіи къ Metamorphosen der Pflanzen говоритъ о незамѣтномъ переломѣ, какъ человѣкъ сначала съ юными силами безпрерывно расширяетъ область своего вѣдѣнія и мало-по-малу переходитъ къ храненію нажитаго, и уже нѣтъ того стремленія къ новому. И мы скоро перейдемъ въ эту фазу, да только что хранить? Мы пали подъ бременемъ вѣка и страны, у насъ будущности нѣтъ, изъ прошлаго вынесли любовь къ людямъ и скептицизмъ. Ученыя убѣжденія слабы, бѣдны, набирать ихъ поздно. Жизнь, если не пересѣчется нелѣпой случайностью, представитъ монотонную и однообразную іереміаду негодованій на окружающее, повтореній; та же невозможность писать то, что хочешь, и неспособность писать то, что можно. «Это наказаніе людей, выходящихъ изъ современности своей страны». Такія сентенціи хороши въ философіи, а на дѣлѣ скверны; а кто насъ вывелъ изъ современности?... Развѣ можно было найтиться въ подобныхъ странныхъ обстоятельствахъ, не потерявъ человѣческаго достоинства?

Грановскій написалъ диссертацію о Винетѣ и Волинѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что Винета славянскихъ преданій никогда не существовала и пр. Такова дикая нетерпимость славянофиловъ, что они хотятъ возвратить диссертацію, что вѣроятно примѣра не имѣетъ, и готовы преслѣдовать Грановскаго, какъ лицо. Преслѣдовать за Винету — это дѣлаетъ маленькое указаніе: если-бъ эти люди получили власть въ руки, что бы они сдѣлали со всѣми непокоряющимися ихъ варварскимъ мнѣніямъ; они показали бы, что такое цензура великаго народа и что такое кроткая сила слова православной церкви. Теперь они ликуютъ и не нарадуются вѣсти, что *Отеч. Зап.* запрещены, и черезъ кого, какъ не черезъ Погодина и Шевырева. И Грановскаго журналъ отчего не позволяютъ; я увѣренъ, что по ихъ гадкимъ доносцамъ и проискамъ.

9.—Толки и переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ насчетъ участвованія нашего въ *Москвитянинѣ*. Я сначала сказалъ, что

такъ какъ опредѣленная и весьма большая разница въ нашихъ убѣжденіяхъ очевидна, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать личныхъ симпатій, искренняго уваженія къ его лицу, то я полагаю лучше подождать книжку, другую журнала и потомъ посмотрѣть, возможно ли намъ участвовать. Безпристрастіе есть своего рода неопредѣленность и апатія; личное уваженіе есть тоже личность вредная дѣлу. Сверхъ того, Иванъ Васильевичъ не дошелъ до послѣдней точки москвизма, но вся его партія щеголяетъ дикими и исключительными анти-гуманными мыслями. Хомяковъ согласился со мною и присовокупилъ, что онъ не далъ бы статьи Грановскому. Я замѣтилъ ему, что, проводя ту же консеквентность, Грановскій не взялъ бы и не помѣстилъ бы ея. Многосторонность симпатій nous éparpillent; надобно рѣзко и опредѣленно обозначить, въ чемъ наша мысль, и прямо высказать дѣломъ и словомъ невозможность общенія съ противоположнымъ мнѣніемъ.

Жалкія и парадоксальныя мнѣнія отчаянныхъ славянофиловъ не такъ бы бѣсили, если-бъ они были только нелѣпы, а то они нечеловѣчественны и противны. На похоронахъ Погодиной въ лютеранской церкви они держали себя неблагопристойно; я просилъ Хомякова вспомнить, какъ онъ рекомендовалъ поступить съ иностранцемъ, который бы не снялъ шляпы въ проходѣ сквозь Спасскія ворота.

Потомъ толкъ о Гагаринѣ. Хомяковъ находитъ наглымъ и дерзкимъ до невѣроятности намѣреніе его возвратиться сюда проповѣдывать католическимъ пасторомъ, натурализовавшись французомъ.—Ну, да если онъ убѣжденъ чисто и благородно, что католицизмъ есть единая дверь ко спасенію. «Да какъ же онъ отказался отъ отечества?» — Не отъ отечества, а для своего спасенія отъ каторги принялъ онъ видъ француза. Этого онъ понять не могъ. «Если-бъ, говоритъ онъ, англичанинъ сдѣлалъ подобный поступокъ»? Ну, что же, былъ бы кругомъ виноватъ, потому что въ Англіи его защищалъ законъ его и проч.

20.—Болѣе и болѣе расхожусь съ славянами; кажется, ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербѣева. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ, какъ было, что было, главное, какъ я рѣшился сказать поэту-лауреату береговъ Неглинной, «что и не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ».

И Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ за недѣлю тому назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они дозволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славянофиловъ видно, что если бы матеріальная власть была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣнибудь на лобномъ мѣстѣ.

29.—Нѣтъ человѣка, который былъ бы менѣе меня подверженъ всякаго рода Grübeleien; но подъ часъ душа вдругъ стѣсняется какимъ-то ужасомъ, трепещетъ передъ грозными возможностями, и за этими минутами слѣдуетъ печальная полоса, отъ которой долго не отдѣлываешься: черныя грёзы съ какою-то подробностью втѣсняются одна хуже другой. Шаткость всего святѣйшаго и лучшаго въ жизни можетъ свести съ ума. А то, чего утратить нельзя, —не сытить вполнѣ.

Встрѣтилъ, въ числѣ слушателей Глѣбова, одного замѣчательно умнаго молодого человѣка и съ горестью наглазно измѣрилъ, сколько свободнаго и благороднаго задавили въ насъ опытъ и гоненія. Этотъ молодой человѣкъ открыто, прямо говоритъ свои убѣжденія, не кастрируя каждую мысль, не оглядываясь воровски. Я перенесся въ тѣ времена, когда я, студентъ, отдавался также увлеченію свободной, смѣлой рѣчи. И теперь бываютъ такія минуты, но потомъ спохватишься, вотъ что скверно. Хитрить, искажать мысль, заставить догадываться.... конечно «это иронія der brutalen Macht», но громкая, открытая рѣчь одна можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Упрекаютъ мои статьи въ темнотѣ; несправедливо, они намѣренно затемнены.—Грустно!

Декабрь мѣсяцъ.

3.—Наконецъ, я дочиталъ брошюру Прудона *О собственности*. Прекрасное произведеніе, не токмо не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется, для думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными соціальными вопросами главный тезисъ его не новъ; но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ. Онъ совершенно отрицаетъ собственность и признаетъ владѣніе индивидуальное. Очень кстати къ этой брошюрѣ заключеніе отчета министра Киселева, помѣщенное въ газетахъ. Это министерство тоже не признаетъ собственности, ни даже владѣнія; въ то время какъ стонъ со всѣхъ сторонъ Россіи поднимается до Москвы и до Петербурга, этотъ человѣкъ имѣетъ мѣдный лобъ говорить, что ропотъ крестьянъ происходитъ отъ ихъ непривычки къ правильному управленію и порядку, что ихъ благосостояніе растетъ, что учрежденія не требуютъ коренныхъ измѣненій, что стоитъ имъ развиваться въ томъ же духѣ, и заключаетъ, наконецъ, тѣмъ, что встрѣчаемыя имъ неудовольствія—необходимыя слѣдствія переворота, въ родѣ испытанія людямъ, идущимъ на исполненіе святой воли Господа. Съ какимъ негодованіемъ лѣтъ черезъ 50 будутъ читать такую колоссальную ложь и такое безстыдство; и никто не смѣетъ уличить, отвѣтить, по крайней мѣрѣ раскрыть глаза.

4.—Писалъ къ Самарину. Не могъ, да и не хотѣлъ удержаться, чтобъ не написать ему вполнѣ мое мнѣніе о славянахъ, объ этой пустотѣ, болтовнѣ, узкомъ взглядѣ, стоячести и пр. Ему изъ Петербурга по воспоминанію, издали, долго не отдѣлаться отъ нихъ; я не полагаю, чтобъ мое письмо на него подѣйствовало, но пусть же онъ услышитъ и другую сторону. Онъ одинъ изъ нихъ можетъ, кажется, еще спастись. Исторія съ диссертаціей Грановскаго послужила на пользу, всѣ сняли перчатки и показали настоящій цвѣтъ кожи. Грановскій отказался отъ всякаго участія въ *Москвитянинѣ*.

10.—Славянофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой исторіи западной литературы. Появленіе національно-романтической тенденціи въ Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ, тенденціи, которая находила слишкомъ всеобщею и космополитическою науку и мысль, шедшуя отъ Лейбница, Лессинга до Гердера, Гёте, Шиллера. Какъ ни естественно было появленіе неоромантизма, но оно было не болѣе какъ литературное, научное явленіе безъ симпатіи массъ, безъ истинной дѣйствительности; не трудно было угадать, что черезъ десять лѣтъ объ нихъ забудутъ. Точно такое же положеніе занимаютъ славянофилы. Они никакихъ корней не имѣютъ въ народѣ, они западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій; это болѣзнь литературная и больше никакого значенія не имѣющая. Они вспоминаютъ то, что народъ забываетъ, и даже о настоящемъ имѣютъ вовсе несходное мнѣніе съ народнымъ. Недавно я слышалъ, какъ они говорятъ о нравственной и кротко семейной жизни сельскаго духовенства, о вліяніи этихъ добрыхъ отцовъ семейства на крестьянъ; or donc, кто когда-нибудь живалъ въ деревняхъ или говорилъ съ крестьянами хоть на большой дорогѣ, тотъ знаетъ истину такой идилліи.

«Зачѣмъ иностранцы насъ не понимаютъ, зачѣмъ смотрятъ враждебно, зачѣмъ мало занимаются нами etc.» Да зачѣмъ мы сами не болѣе 15 лѣтъ стали заниматься собою, какъ самобытными; заниматься кѣмъ-нибудь тогда только можно, когда онъ стоитъ этого. Европа очень занимается нашей силой, потому что она въ ней видитъ мощнаго раба подъ вліяніемъ розги и бича, который готовъ на время разрушить великіе плоды вѣковъ; Европа tacitement стоитъ подъ однимъ знаменемъ отъ Кенигсберга до Дублина, разногласіе ихъ частные вопросы, но есть лабарумъ, около котораго всѣ народы готовы были бы соединиться (исключая, можетъ, части Австріи).

11.—Когда при возрожденіи наукъ явилась древняя гуманная цивилизація, весь средневѣковый міръ испыталъ то, что русское государство испытало при принятіи западной цивилизаціи. Иная, вполнѣ развитая, мысль внѣдрялась въ Европу католическую и сочеталась съ нею; къ намъ такъ явилась мысль европейская.

14.—Вчера въ десять минутъ двѣнадцатаго родилась малютка. Страданія были велики, но вѣры больше, нежели тѣ роды. Рожденіе малютки—потрясающій религіозно-физическій актъ; люди со слабыми нервами не могутъ присутствовать при страданіяхъ женщины. Очень вѣроятно, я вовсе не подверженъ нервнымъ припадкамъ, но и то чувствую, что еще немного, и волненіе сдѣлается не по груди, то есть, сильнѣе сознанія. Особенно минута рожденія, перваго крика: какъ будто что-нибудь обрывается въ груди, можетъ, это магнетическое соотношеніе съ родильницей. Итакъ, дочь! Мнѣ хотѣлось дочери: если наша семья не уменьшится, останется такъ, какъ есть, пожалуй, и не увеличится,—она какъ-то теперь цѣла, замкнута. Надобна была дѣвочка, чтобъ въ ней повторилась мать, чтобъ былъ элементъ des Weiblichen, мягкости, кротости. Если-бъ я могъ быть счастливъ въ одномъ домашнемъ счастіи, если-бъ я имѣлъ эгоизмъ людей, называемыхъ добрыми отцами семействъ, я былъ бы вполнѣ счастливъ. И теперь, когда черныя мысли о безвыходности, о бездѣйственности, объ утратѣ всѣхъ упованій найдутъ на душу, одно утѣшеніе семья и двое, трое друзей. Оно врачуетъ, это правда, но врачеваніе есть само по себѣ актъ скорбный и пр.

16.—Давно, а можетъ и никогда, я не испытывалъ такого кроткаго чувства спокойнаго обладанія счастьемъ очага своего, какъ нынѣ. Правда, торжественна была минута рожденія Саши, но наша неопытность повергала насъ въ безпрерывный страхъ. Этотъ страхъ только развился отъ несчастныхъ случаевъ, и когда родился Николенька, я ничего не надѣялся, я былъ увѣренъ, что онъ не останется живъ... Совсѣмъ напротивъ теперь, я твердо вѣрилъ, и вѣра сбылась. Вся обстановка теперь какъ-то тихо, прекрасно покойна. Такими днями, полосами въ жизни человѣкъ долженъ дорожить; проклятое невниманіе наше къ настоящему дѣлаетъ то, что мы только умѣемъ воспоминать утраченное. Конечно, мудрено оттолкнуть страшную мысль возможностей, случайностей; зачѣмъ смотрѣть впередъ, предвидѣть, чего нѣтъ, что можетъ не быть, это своего рода Grübeleien, отъ которыхъ я не такъ свободенъ, какъ отъ романтическихъ. Идеализмъ выводитъ изъ этой шаткости благъ необходимость пренебреженія ими; конечно, сфера идей не зависитъ отъ случайности и исключительное погруженіе въ частности гибельно, но нельзя же опять выйти изъ своей кожи для того, чтобъ существовать только какъ мысль. Не токмо блага жизни шатки, но сама жизнь шатка: малѣйшее неравновѣсіе въ этомъ сложномъ химизмѣ, въ этой отчаянной борьбѣ организма съ своими составными частями,—и жизнь потухла; однако изъ этого не слѣдуетъ, что лучше не родиться или, родившись, зарѣзаться, чтобъ не подвергнуться случайностямъ. Все прекрасное нѣжно, это цвѣты, ко-

торые мрутъ отъ каждаго холоднаго вѣтра, въ то время какъ суровый стебель крѣпнетъ, но зато онъ и не благоухаетъ и не имѣетъ яркихъ лепестковъ. Жизнь въ высшемъ проявленіи слаба, потому что вся сила матеріальная была потрачена, чтобы достигнуть этой высоты; мускулы можно рѣзать, члены отнимать, а до мозга нельзя грубо прикоснуться. Таковы блага любви, ими надобно упиваться, отдаваться имъ, жизнь въ нихъ ловить, цѣнить каждое мгновеніе. Nur wenn er glühet, labet der Quell. Августинъ говоритъ, что человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка, страшные удары смерти ежедневно доказываютъ это; тотъ, кто все положилъ на одну голову, для кого нѣтъ Бога, кромѣ этого лица, подвергается грозной случайности, безумію, самоубійству. Но что это *все*, какъ оно принято, въ какихъ предѣлахъ? Мать, стенающая у гроба единственнаго сына и молящаяся о душѣ его, этимъ актомъ показываетъ, что не все для нея было въ сынѣ. Но кое-что, и кое-что многое, должно лежать на людяхъ, должно имѣть цѣлью ихъ, иначе холодъ и запустѣніе посѣтятъ душу, эгоизмъ или монашество—одинъ выходъ. Что за стертое и дерзко-скупое лицо, которое оттого заморитъ въ своей душѣ потребность любви, что предметъ его любви можетъ умереть, измѣнить и пр. Конечно, могутъ быть выродки, т. е., люди, не чувствовавшіе вовсе этой потребности; другое дѣло, глухимъ никто не рекомендуетъ слушать Salvi. Ловить настоящее, одѣйствоворить въ себѣ всѣ возможности на блаженство—подъ нимъ я разумѣю и общую дѣятельность, и блаженство знанія такъ же, какъ блаженство дружбы, любви, семейныхъ чувствъ—а тамъ, что будетъ, то будетъ; на мнѣ отвѣтственность не лежитъ; тотъ отвѣтитъ, кто скрылъ талантъ въ землю, чтобъ его не украли. Талантъ, мы беремъ его со стороны его развитія, какъ великую возможность дѣятельности для другихъ; но зарыть талантъ не токмо можно для другихъ, но то же преступленіе человѣкъ можетъ сдѣлать относительно себя.

Развѣ не глупый поступокъ сдѣлаетъ тотъ, который, страстно любя музыку, не пойдетъ ее слушать, имѣя на то возможность. Мнѣ всегда казались противны и смѣшны люди, изъ какой-то экономіи ощущеній отказывающіеся отъ лучшихъ даровъ жизни; на это имѣютъ право одни безумные религіозники; для нихъ самоотверженіе, ненужное и подавляющее самыя естественныя потребности,—потѣха. Такое прекрасное лицо, какъ Григорій Назіанзинъ, писалъ къ Василію Великому: «Помнишь ли, какъ мы тогда роскошествовали лишеніями». Стало—всѣ страсти, развратъ, обжорство имѣютъ полное право... Нѣтъ, не стало. У низкаго человѣка низкія желанія; но человѣкъ долженъ быть высокъ, поднимаясь, онъ подниметъ свою страсть, а поднимаясь, она проходитъ великое чистилище. Страсти низкія большею частью сильны потому, что

хорошія сгнетены, или, лучше, онѣ сами по себѣ хороши, но низки отъ сгнетенія. Отчего многіе изъ людей развитыхъ охотно выпьютъ стаканъ благороднаго вина и, можетъ, одинъ на тысячу пьетъ мертвую чашу, а въ несчастныхъ классахъ, на которыхъ груди стоитъ безобразное зданіе нашей общественности, наоборотъ? Отчего во всѣхъ слояхъ общественныхъ есть женщины увлекавшіяся, падавшія, какъ говорятъ, а публичные дома снабжаются только низшими классами? Неужели эти бѣдныя жертвы гнусной несправедливости такъ легко попали бы въ свое ремесло, если-бъ онѣ имѣли воспитаніе? Чѣмъ больше разовьется человѣкъ, тѣмъ чище сдѣлается грудь и тѣмъ труднѣе будетъ его увѣрить, что бѣлое—черно, что все естественное—преступно, что все доставляющее истинное наслажденіе должно быть избѣгаемо. Есть несчастная распущенность, которая, какъ и вообще слабость характера, унижаетъ человѣка; такой человѣкъ слѣдуетъ уже не разуму, не сознанію, а однимъ естественнымъ влеченіямъ, и тогда онъ становится ниже человѣческаго достоинства. Опять та же статика. Всѣ стороны, составляющія живой духъ человѣка, должны слитно, гармонически участвовать въ его дѣяніи [1]), иначе выйдетъ односторонность. Физически это очень понятно, потому что въ физическомъ мірѣ царятъ драконовы законы, жесткіе и кровавые; пусть въ крови недостанетъ одной изъ существенныхъ составныхъ частей—смерть за эту неполноту; то негодно, что неполно. Но на эту тему можно написать цѣлую тетрадь. Возвращаюсь. Это чувство d'une béatitude tranquille давно мною не чувствовалось такъ; святые, прекрасные мѣсяцы моей Владимірской жизни были ярче, потому что мы были юнѣе, но есть и поэзія возмужалости, такъ какъ есть юное въ совершеннолѣтіи; теперь отчетливѣе, реальнѣе то, что было тогда лучезарнѣе и мечтательнѣе. За день до рожденія Наташи я какъ-то превосходно настроился, съ какимъ-то Sehnsucht хотѣлъ видѣть Грановскаго и Корша, т. е., всѣхъ, по комъ у меня здѣсь можетъ быть Sehnsucht; на душѣ было легко, юное вспомянулось. Итакъ, да благословится же на жизнь этотъ младенецъ, пусть она будетъ какъ ея братья, а главное какъ ея мать. Въ Николенькѣ есть что-то женское, что за безконечная кротость въ его дѣтскихъ чертахъ, что за мило-доброе и вѣчно смѣющееся лицо.

---

[1] Вспомнилъ мысль, рѣзко высказанную Павловымъ (студентомъ). Онъ называетъ всемірный процессъ химизмомъ: двуначальный химизмъ неорудной природы и многоначальный—орудной; такъ что послѣдній результатъ—мышленіе и человѣкъ. Человѣкъ высшее равновѣсіе и взаимодѣйствіе составныхъ радикаловъ, малѣйшее неравновѣсіе—онъ животное, рядъ неравновѣсій—рядъ животныхъ; прочность покупается степенью пониженія, напр., амфибіи, устраненіе слабости даетъ крѣпость, приближающую къ минералу и пр.

17.—Языковъ написалъ какіе-то ругательные стихи на Чаадаева, Грановскаго и Герцена! От donc, Грановскаго онъ никогда не видалъ, меня разъ. Я не читалъ это произведеніе славянофильскихъ наущеній Хомякова и оскорбленнаго самолюбія поэта, нѣкогда нравившагося, теперь выжившаго изъ ума, отсталаго. Мы не курили ему фиміамъ, не считали за счастіе раздѣлять его томящую бесѣду. Наконецъ, *Отеч. Зап.* недавно въ прекрасной и ловкой статьѣ оцѣнили его по заслугамъ.

Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы прочесть для того, чтобъ убѣдиться еще въ одной чертѣ этой котеріи; я почти увѣренъ, что тутъ есть невольный доносецъ. А Аксаковъ написалъ премилые стихи, отказываясь отъ Дмитрія Коптева и Вигеля. Это свой кругъ стариковъ, изжившихъ все бѣдное умственное достояніе, непризнанныхъ, отсталыхъ, съ ненавистью встрѣчающихъ каждую мысль, піэтисты, доносчики, злыя самолюбія, оскорбленныя притязательности: тутъ Глинка, Лихотинъ, Сушковъ и юный лѣтами, но старый подлостью, Коптевъ. Эта замкнутая котерія бездарности, догнивающіе остатки чего-то загнившаго прежде зрѣлости. О, милая Москва, да еще Вельтмановская котерія съ Нееловымъ Рабугомъ!

Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно окончеппѣе Петра Васильевича,—это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль,но именно за его консеквенціею исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность. Онъ—жертва, на которую палъ громъ за его народъ, за ту національность, которая бичуется теперь. Но Иванъ Васильевичъ хочетъ какъ-то и съ Западомъ поладить, вообще онъ и фанатикъ, и эклектикъ. Фанатикъ, чтобъ быть полнымъ, именно долженъ не быть эклектикомъ; иначе то, что придаетъ ему силу, рѣзкость, какъ паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, эмусируется, и выходитъ нѣчто неопредѣленное. Бездушному Хомякову все идетъ: и эта многосторонность публичныхъ женщинъ, и это лукавство, предательски соглашающееся, и этотъ смѣхъ, которымъ онъ встрѣчаетъ негодованіе. Но Кирѣевскій долженъ бы быть оконченнѣе.

18.—Наши личныя отношенія много вредятъ характерности и прямотѣ мнѣній. Мы, уважая прекрасныя качества лицъ, жертвуемъ для нихъ рѣзкостью мысли. Много надобно имѣть силы, чтобъ плакать и все-таки умѣть подписать приговоръ Камиля Демулена!

27.—«Государь не соизволилъ разрѣшить господину Грановскому издавать журналъ». Вотъ вамъ и дѣятельность! можетъ ли профессоръ быть терпимъ на каѳедрѣ, если онъ подозрителенъ какъ журналистъ? И на что у нихъ цензура, если и она не гарантія, что

ничего прямого, яснаго не проскочитъ; а для косвеннаго, скрытаго всегда есть пути. Министръ внутреннихъ дѣлъ, искореняя сифилитическую болѣзнь, велѣлъ свидѣтельствовать всѣхъ дѣвушекъ, опредѣляющихся въ услугу, берущихъ адресные билеты и пр. Это уже нивелировка позора: между публичной дѣвкой и скромно ведущей себя мѣщанкой въ чемъ же разница? тѣ же руки безстыдно и, вѣроятно, съ приправою остротъ, грубо, нагло будутъ свидѣтельствовать тѣхъ и другихъ. Каждый сифилитическій, явившись въ больницу, обязанъ сказать, отъ кого онъ занемогъ, и тотчасъ полиція обязана освидѣтельствовать указанную особу; итакъ, послѣдній мерзавецъ можетъ доставить позоръ свидѣтельства всякой дѣвушкѣ, на которую онъ золъ. Да послѣ откроется истина; положимъ, но развѣ у насъ общественное мнѣніе такъ образовано, что оно сумѣетъ понять, что̀ тутъ гнусно собственно и кто гнусенъ? Нѣтъ, оно ошельмуетъ бѣдную жертву.

Толкуютъ о новомъ указѣ объ эмансипаціи. Толки основаны на пропущенной статьѣ въ Journal de Francfort. Хоть бы это! И чего они боятся, если хотятъ; кого — ужъ не помѣщиковъ ли? Дворцовую аристократію? ее деньгами, звѣздами можно утѣшить.

30. — Языковъ написалъ еще два стихотворенія: одно противъ насъ же, другое противъ Чаадаева, болѣе оскорбительное и подлое, нежели первое. Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковью и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова и Кирѣевскихъ, не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснялъ на чистую воду Хомякова изъ-за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь, и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями.

1845.

Январь мѣсяцъ.

3. — Кажется, въ частномъ отношеніи, жизнь моя, наконецъ, потекла поспокойнѣе. Прошлый годъ былъ тихъ. А какая пестрая и богатая эффектными положеніями жизнь, какъ много для воспоминанія, — едва теперь я начинаю объективно смотрѣть на это былое. Десять лѣтъ тому назадъ, я новый 1835 годъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ. Только десять лѣтъ, и что съ тѣхъ поръ событій. Уже десять лѣтъ, а кажется вчера только или очень недавно!

Въ самый новый годъ длинное письмо Огарева; онъ развивается и притомъ одинаково со мной, съ нами. Впрочемъ, сверхъ близости души, одна атмосфера современной мысли обнимаетъ насъ.

8. — Казнь Чеха какъ-то тупа; король плакалъ, а велѣлъ казнить. Министры умоляли казнить его тайкомъ утромъ. Въ Шпандау отрубили ему голову и объявили афишами. Чехъ выдержалъ характеръ до послѣдней минуты и, слѣдовательно, остался побѣдителемъ. Не понимаю, какъ такія простыя вещи, какъ ненужность казней, вредъ ихъ не бросаются въ глаза правительствамъ. Еще въ Испаніи, гдѣ все мечется въ какомъ-то опьяненіи, понятно, что Нарваэцъ казнитъ своихъ враговъ, такъ какъ его самого, очень можетъ быть, казнятъ завтра. Но тутъ спокойно, gemüthlich und romantisch, отрубить голову при современныхъ понятіяхъ глупо, безрасчетно даже, потому что человѣкъ твердый реабилитируется казнію и обращаетъ къ себѣ симпатіи. Еще глупѣе, ежели прусскіе министры доктринеры, Эйхгорнъ историкъ напримѣръ, думаютъ остановить будущихъ охотниковъ до стрѣльбы этимъ средствомъ. Неужели вся исторія на всякой страницѣ не говоритъ имъ, что не токмо ни одного фанатика никогда не останавливала казнь, но даже людей увлеченныхъ случайной страстью. Тутъ проглядываетъ совсѣмъ иное, месть, просто месть, жажда крови дерзкаго, который даже не раскаялся, не далъ случая показать милосердія на себѣ, потому что не просилъ его.

Два наказанія только могутъ остановить человѣка, это—угрызеніе совѣсти и общественное мнѣніе. Безъ уваженія къ себѣ, отъ

самого себя и отъ близкихъ, человѣкъ жить не можетъ; никакія казни не могутъ сравниться съ постояннымъ сознаніемъ своей гнусности и справедливости презрѣнія отъ другихъ. Человѣкъ готовъ на всякую эпитемію, онъ будетъ на лобномъ мѣстѣ просить прощеніе, пойдетъ въ иное мѣсто (т. е., самъ сошлетъ себя), только чтобъ примириться съ собою, ибо въ раздорѣ этомъ онъ задохнется.

Разумѣется, и власть, и общественное мнѣніе въ неразвитомъ народѣ сливаются въ религіозной нравственности. въ велѣніяхъ свыше; критеріумъ, внѣшній законъ замѣняетъ недостатокъ сознанія о добрѣ и злѣ, о человѣчественномъ и нечеловѣчественномъ. Отчего русскій крестьянинъ одинъ на дорогѣ не ѣстъ скоромнаго, въ то время, какъ за нарушеніе поста онъ наказанъ не будетъ, а березу на большой дорогѣ срубитъ, хотя самъ знаетъ, что за это его накажутъ розгами, плетьми. Есть переходныя полосы государственной жизни, гдѣ религіозная и всякая идея нравственности теряется, какъ напримѣръ, въ современной Россіи; но и тутъ, если совѣсть нѣкоторыхъ молчитъ, общественное мнѣніе слабое, неразвитое — все же отталкиваетъ безусловно гнусное. Отчего нигдѣ, никогда въ обществѣ не бываетъ полицейскихъ чиновниковъ? Если переодѣтые шпіоны, пользуясь анонимностью, и являются, то явныхъ нѣтъ. Наказаніе — современная нелѣпость; въ развитомъ государствѣ и въ будущемъ будутъ удивляться, какъ правительство вступало въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ и дѣлало такую же мерзость надъ нимъ, которую онъ сдѣлалъ, съ тѣмъ различіемъ, что онъ былъ болѣе или менѣе вынужденъ обстоятельствами, а правительство такъ, безъ всякой нужды. Но гдѣ же истинное, непогрѣшающее мѣрило того, что хорошо, и того, что дурно для человѣка? Въ самомъ понятіи человѣка, развивающагося въ исторіи, въ историческомъ моментѣ, въ средѣ, въ которой онъ выросъ. Хорошо все то, что развиваетъ слитно родовое и индивидуальное значеніе человѣка; дурно—если индивидуальное, феноменальное совершенно поглощаетъ общечеловѣческое, дурно—если тѣло совершенно задавитъ духъ, но наказывать (scilicet въ развитомъ государствѣ) и за это нельзя; такіе люди будутъ презираемы, а дѣло положительныхъ законодательствъ, чтобъ эти отрицательные люди не могли положительно вредить, какъ безумные, какъ дураки, какъ животныя. Критеріумъ добра и зла всегда есть въ человѣкѣ, какъ бы онъ ни выражался, подъ вліяніемъ исторической эпохи; человѣкъ, который отрицаетъ его, дурачится, лжетъ. Стоитъ слушать формальныя фразы говорящаго, и ясно увидишь, какъ онъ понимаетъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ или кастой добро и зло. Слово «честь» развѣ не было на устахъ Цезаря Борджіа, ненарушимость обѣта развѣ и имъ не принималась въ основу договора и пр., но онъ нарушалъ ихъ. Въ этомъ-то и

доказательство, что онъ индивидуальную волю свою, удовлетвореніе страсти ставилъ выше всеобщаго понятія о нравственности своего времени. Ну, какъ же не наказать его? Во-первыхъ, онъ не былъ наказанъ — il était trop haut placé, чтобъ быть наказаннымъ,—а если-бъ онъ былъ менѣе высоко поставленъ, то онъ не могъ бы сдѣлать всего того, что онъ сдѣлалъ, и тогда судъ былъ бы иной надъ нимъ. Зачѣмъ же гражданское общество было еще на той жалкой степени развитія, что не могло провести своихъ же понятій о чести, о христіанскихъ обязанностяхъ и пр., а во всѣхъ проявленіяхъ жизни было непослѣдовательно, путалось въ противорѣчіяхъ, зачѣмъ оно имѣло такихъ преступниковъ, которыхъ не достигалъ законъ, и такой законъ, который разилъ чаще всего не по преступникамъ? Въ наше время, на западѣ Европы можно себѣ представить плантатора, злодѣя работниковъ, мужа варвара, развратника, убійцу, вора,—но не Цезаря Борджіа. Ну, что сдѣлалъ бы такой Цезарь? Купилъ бы журналъ, ругалъ бы противниковъ въ фельетонѣ, подкупалъ бы голоса и, можетъ, вышелъ бы фродюлезно на дуэль. Вотъ насколько современная Франція и Англія стоятъ выше тогдашней Италіи. Если представить себѣ будущую общественную форму, когда вопросъ о голодѣ и обжорствѣ, о наготѣ и пышности приведется въ порядокъ, когда невозможно будетъ оставаться безъ воспитанія никому, ни сыну богача, ни сыну нищаго, когда самое значеніе слова *богачъ* будетъ безсмысленно по ненужности, сколько измѣнится въ нравственномъ быту того класса, который теперь фурнируетъ maximum преступниковъ—плебса Тогда образцовые кнуты будутъ ненужны, я думаю. Кстати о наказаніяхъ; вотъ случай, разсказанный Тучковымъ, въ Пензенской губерніи. Какой-то помѣщикъ, великій злодѣй, страшно тяжелъ пришелся крестьянамъ; молодой крестьянинъ сказалъ односельцамъ, что онъ намѣренъ избавить ихъ отъ «отца общины»; тѣ перепугались суда, послѣдствій и пр. Молодой человѣкъ сказалъ, что все возьметъ на себя, что лишь бы они о немъ молились Богу, что никому не достанется. Такимъ образомъ, онъ отправился на плотину, черезъ которую помѣщикъ долженъ былъ идти, и à la G. Tell сталъ его ждать; когда тотъ пошелъ, онъ побѣжалъ ему навстрѣчу, схватилъ его въ перехватъ и вмѣстѣ въ омутъ. Оба утонули. Это античный геропзмъ. Полагаю, что такого человѣка смертная казнь in spe не очень остановила бы. При всей неразвитости русскаго, его останавливаетъ: «на міру будетъ стыдно»; онъ уважаетъ мнѣніе своей общины: боится онъ помѣщика — это другое, это рабство; онъ ему повинуется, оскорбляясь, а тамъ онъ признаетъ.

10. — Славянофилы, наконецъ, болѣе и болѣе являются узенькими людьми раскола. Стихи Языкова съ доносомъ на всѣхъ насъ

привели къ объясненіямъ, которыя, съ своей стороны, чуть не привели къ дуэли Грановскаго и Петра Кирѣевскаго. Я въ душѣ ненавижу не принципъ дуэлей, а нелѣпость смертной казни за оскорбленія этого принципа, однако дѣлать было бы нечего. Послѣ всего этого, наконецъ, личное отдаленіе сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ торжественно разстался съ Грановскимъ и мною; видно было, что ему жаль: онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали другъ другу, что служили инымъ богамъ и что потому должны разойтиться одинъ направо, другой налѣво, въ уваженіи ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ и, можетъ, оба Кирѣевскіе уносятъ личное уваженіе, а остальные—чортъ съ ними. Самаринъ не думаю, чтобъ ихъ былъ.

Странная Русь, изъ нея высшими плодами являются или люди, опередившіе свое время до того, что, задавленные существующимъ, они безплодно умираютъ по ссылкамъ, или люди, опертые на прошедшее, никакой симпатіи не имѣющіе въ настоящемъ и такъ же безплодно влачащіе жизнь.

13.—Иванъ Васильевичъ Павловъ разсказывалъ, какъ были приняты студентами мои статьи въ *Отеч. Зап.* Признаюсь, мнѣ было очень весело слышать; большой награды за трудъ не можетъ быть. Юноши тотчасъ оцѣнили, въ чемъ дѣло, и гурьбою ходили въ кондитерскія читать. Грановскій пользуется между студентами чрезвычайнымъ авторитетомъ, для нихъ мѣра, къ которой прикидываютъ другихъ профессоровъ.

17.—Исторія химіи Дюма чрезвычайно замѣчательная книга. Химія настоящая опора эмпиріи, важность ея теперь только начинаютъ чувствовать. Безъ химіи нѣтъ физіологіи, нѣтъ, слѣдовательно, и естественныхъ наукъ. Естественныя науки доселѣ имѣли чрезвычайно шаткую основу, потому что они занимались одной морфологіей, а не тѣмъ, *что* измѣняется въ ней. Самъ гигантскій геній Гёте не постигнулъ этой важности химизма, и его метаморфоза растеній — одна морфологія. Новая химія идетъ не далѣе конца XVIII столѣтія, т. е. не далѣе Лавуазье. Онъ сказалъ: матерія вѣчная, утратиться ничего не можетъ, все видоизмѣняется, ничего не пропадаетъ,—и пошелъ, съ вѣсами въ рукахъ, слѣдить за химическими процессами. Эта мысль, руководившая имъ, конечно, не менѣе важна, какъ открытіе кислорода; онъ посадилъ химію на ту базу, съ которой стоило ей органически развиваться, по крайней мѣрѣ расти фактами и наблюденіями, ожидая возможности перейти отъ грубой эмпиріи къ эмпиріи спекулятивной.

27.—Отправляю письмо къ графу Орлову о разрѣшеніи въѣзда въ Петербургъ. Это проба, какъ они смотрятъ на меня; если пустятъ, можно будетъ проситься въ чужіе края.

Февраль мѣсяцъ.

8.—Два первыхъ письма объ естествовѣдѣніи отправилъ Краевскому. Занимался третьимъ; кажется, изложеніе греческихъ философовъ удачно, особенно софистовъ и Сократа. Послалъ діатрибу на *Москвитянина*, дѣлать нечего, пусть ихъ сердятся.

Говорятъ, что въ Пруссіи скоро издастся конституція; вотъ тамъ своя эмансипація, а объ нашей и говорить перестали—фактъ важный. Адресы, которые готовятся послать изъ Рейнскихъ провинцій, дышатъ силой и рѣшительнымъ радикализмомъ, они требуютъ народнаго представительства, свободы книгопечатанія и эмансипаціи жидовъ. Къ языку этихъ адресовъ почтенный прусскій король не привыкъ.

12.—Бареръ говоритъ, что Мирабо сказалъ однажды Барнаву: «Barnave, tu as les yeux froids et fixes, il n'y a pas de divinité en toi...» Въ этомъ выраженіи, какъ и во многихъ того времени, ярко отозвалось то время энергіи въ словахъ и дѣлахъ, которое имѣло свой языкъ, свой романтизмъ, свою поэзію. Въ наше время никто не скажетъ подобнаго замѣчанія и такъ сильно.

14. — Сегодня Глѣбовъ вскрывалъ живую собаку. Въ первыя минуты зрѣлище страшное, отвратительное; но потомъ интересъ поглощаетъ все другое: вотъ она пульсація артеріи, вотъ нервы, производящіе судороги при прикосновеніи и, наконецъ, сердце еще горячее, еще бьющееся. Я положилъ на него руку — есть что-то торжественное въ этомъ святотатственномъ прикосновеніи къ тайнику жизни. Она жила полчаса, послѣднее время, кажется, уже была въ онѣмѣніи, но легкая пульсація и перистальтическія движенія кишекъ продолжались. При вскрытіи груди, когда воздухъ коснулся легкихъ, собака стала кашлять. Великая мистерія жизни, это таинство не падетъ, оно болѣе и болѣе вселяетъ благочестиваго уваженія къ себѣ.

A propos къ сравнительной анатоміи и къ зоологіи, славянофилы жестоко освирѣпѣли, *Отеч. Зап.* имъ пришлись солоны.

20. — Странное, нелѣпое предчувствіе мучитъ меня. Темный фатумъ царитъ надъ нами и дѣлаетъ чортъ знаетъ что, изъ безразличнаго поступка развиваетъ чудовищный результатъ; человѣкъ спокойно спитъ, а онъ путаетъ, путаетъ нити, и онъ прежде нежели что-нибудь почувствуетъ, сознаетъ, вовлеченъ въ безвыходное положеніе.

Гдѣ свобода?—Не знаю отчего, а что-то тяжело на душѣ.

23. — Третьяго дня Грановскій защищалъ свою диссертацію о Іомсбургѣ и Винетѣ. Это было публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной оваціей Грановскаго. Нападки были дѣланы съ невѣроятной дерзостью, съ цинизмомъ

грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканіемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не подумалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзѣньемъ. Когда кончился диспутъ, и графъ Строгоновъ поздравилъ Грановскаго, раздались: Vivat! vivat! продолжавшіеся съ четверть часа. На лѣстницѣ потомъ увидѣли какъ-то Грановскаго,— и новыя рукоплесканія; даже передъ университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись. Этотъ день торжества Грановскаго да вмѣстѣ съ тѣмъ торжества всего университета. Университетъ доказалъ, что онъ имѣетъ и мнѣніе, и голосъ. Намъ доказалъ онъ, что его симпатіи далеки отъ славянофильства. Хвала студентамъ. Вчера за обѣдомъ я предложилъ первый тостъ за здоровье студентовъ Московскаго университета. Славяне огорчились и какъ-то не находятся; au reste благородные изъ нихъ были противъ всѣхъ продѣлокъ, а подлые выдумаютъ въ свое оправданіе несбыточныя мерзости, что это интрига и пр., и по своимъ котеріямъ будутъ насъ вдвое ругать. Сегодня видѣлъ Петра Васильевича — чудный человѣкъ. Славянофилы постоянно набрасываютъ на насъ смѣшной и жалкій упрекъ, что мы ненавидимъ Россію; да изъ которой же стороны нашихъ словъ, дѣлъ, мнѣній это видно? Неужели изъ того, что мы страдали, а они нѣтъ, что мы становились въ оппозицію, которая только могла насъ вести въ ссылку, а они нѣтъ. Дѣло, кажется, просто, и одна узкая нетерпимость ихъ могла взвести на насъ пошлое обвиненіе. Мы розно поняли вопросъ о современности, мы разнаго ждемъ, желаемъ; развѣ это мѣшаетъ намъ быть столько же патріотическими. Да, въ нашъ патріотизмъ входитъ общечеловѣческое, и не токмо входитъ, но занимаетъ первое мѣсто; а у нихъ развѣ христіанство какое-нибудь суздальское явленіе? Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы протянули другъ другу руки,— нѣтъ; но не слѣдуетъ и того, чтобы вся монополь любви къ отечеству принадлежала имъ и они имѣли бы право насъ упрекать въ ненависти къ Россіи. У больного два врача: одинъ думаетъ его лечить отъ геморроя, другой отъ чахотки; быть можетъ, что они оба правы; однако гдѣ же достаточная причина считать того или другого отравителемъ? Они могутъ ни въ чемъ не соглашаться, но цѣль ихъ остается та же: желаніе излечить больного. Имъ нужно былое, преданіе, прошедшее, намъ хочется оторвать

отъ него Россію; словомъ, мы не хотимъ той Руси, которой и нѣтъ, т. е., до-петровской, а той новой Руси они совершенно не знаютъ, они отрицаютъ ее такъ, какъ мы отрицаемъ древнюю.

26.—На дняхъ получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный, какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, къ квіетизму, толкуетъ о связи съ преданіемъ. Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня писалъ ему отвѣтъ, въ немъ я сказалъ ему: «Encore une étoile qui file et disparait! Прощайте, идите иной дорогой: какъ попутчики, мы не встрѣтимся, это навѣрное». Да какъ это ему не стыдно принадлежать къ такимъ запакощеннымъ славянофиламъ!

28.—Студенты приготовили было новый аплодисментъ Грановскому при первой лекціи. Инспекторъ просилъ его какъ-нибудь предупредить; онъ предупредилъ по своему. Взошедши на каѳедру, онъ сказалъ, стоя, à peu prés такъ: «Милостивые государи! Позвольте мнѣ благодарить васъ за 21 февраля; этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывными узами, я получилъ отъ васъ самую прекрасную, самую благородную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ,—вполнѣ чувствую ее и еще съ большей ревностью посвящу жизнь мою Московскому университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой; я осмѣливаюсь просить васъ, милостивые государи, не изъявлять болѣе наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ къ другу, чтобъ нужны были такія доказательства. Не потому я прошу васъ объ этомъ, что считаю опасными для васъ или для себя такія изъявленія,—я знаю, что это не остановило бы васъ,—а потому, что они излишни послѣ того изъявленія вашей симпатіи, которое останется на всю жизнь мою лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію, мы имѣемъ общее, прекрасное дѣло посвятить занятія наши серьезно изученію, служенію Россіи,—Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, равно удаляясь отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и отъ старческаго, дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности».

Студенты, разумѣется, не аплодировали; съ благоговѣніемъ и молчаніемъ выслушали они превосходныя слова. Во всемъ, что дѣлаетъ Грановскій, есть какая-то стройная грація: какое удивительное благородство и умѣнье притомъ остановиться въ необходимыхъ предѣлахъ.

Шевырева готовятся принять свистками или ошикать, если онъ будетъ говорить, т. е., выговаривать студентамъ. Это было бы хорошо, но за это можно уѣхать бѣднымъ юношамъ на Кавказъ,

а потому лучше было бы имъ, т. е., всѣмъ студентамъ, рѣшительно не ходить на его публичныя лекціи.

Бѣдный Крюковъ умираетъ. Еще однимъ свѣтлымъ, прекраснымъ человѣкомъ меньше въ нашемъ кругѣ.

De la création de l'ordre dans l'humanité того Прудона, который писалъ о собственности. Книга эта, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ, чрезвычайно замѣчательное явленіе. Во-первыхъ, надобно, читая Прудона, какъ П. Леру и другихъ французовъ-философствующихъ, безпрерывно помнить, что у нихъ есть свои странныя мысли и пріемы, des niaiseries, иллогизмы и пр. Сквозь это надобно пробиться, надобно это принять за дурную привычку, которую мы терпимъ въ талантливомъ человѣкѣ, и идти далѣе; поверхностныхъ читателей того и гляди стращаютъ такія выраженія. Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе, онъ рѣзко и смѣло отдѣлался отъ разсудочныхъ категорій, прекрасно выводитъ недостатокъ каузальности, субстанціальности и снимаетъ ихъ своими серіями, т. е., понятіемъ расчленяющагося на всѣ свои моменты и снятаго разумѣніемъ, какъ тотальность.

Бездна яркихъ мыслей. Напр., говоря о Кантовыхъ необходимыхъ координатахъ мышленія, о времени и пространствѣ, онъ ставитъ рядомъ съ ними необходимость человѣческаго воззрѣнія видѣть каждый предметъ не единичностью, а звеномъ ряда, а принадлежащимъ, отнесеннымъ къ цѣлому порядку явленій. Для него чувственная достовѣрность сама въ себѣ носитъ очевидное свидѣтельство своей истины etc. Выходя вездѣ къ конкретнымъ приложеніямъ, онъ превосходенъ въ иныхъ мѣстахъ; самая лучшая часть, это его доказательства невозможности религіи въ грядущемъ; выводъ его силенъ, энергиченъ и смѣлъ, онъ заключаетъ словами прекрасно благородными. Религія—откровеніе причины, философія — наука причины... (явнымъ образомъ несправедливо). Метафизика — наука о серіальныхъ отношеніяхъ — одна остается съ частными науками. Да почему же это метафизика? Если онъ подъ философіей разумѣетъ исключительный идеализмъ, дѣло другое, но гдѣ же право? развѣ онъ въ Спинозѣ и въ Гегелѣ и въ самомъ Кантѣ (котораго онъ изучалъ, кажется) не видѣлъ больше своего опредѣленія?

Мартъ мѣсяцъ.

2.—Большое письмо изъ Берлина, вѣсти о Парижѣ, письма изъ Петербурга etc., etc. Между прочимъ, статья Бакунина въ La Réforme; вотъ языкъ свободнаго человѣка, онъ дикъ намъ, мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову

intra muros, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго, такъ, какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной конурѣ. Огаревъ пишетъ о томъ, что нельзя жить дома; да, мы знаемъ это получше его. Слабость что ли, надежда ли, а что-то да держитъ. Будемъ думать да думать, да почти ничего не дѣлать, а жизнь будетъ идти да идти.

5.—Вчера въ 9 часовъ утра умеръ Крюковъ. Еще одно свѣтлое существованіе кануло въ прошедшее, прежде нежели что-нибудь успѣло совершить. Я видѣлся съ нимъ наканунѣ, онъ былъ въ полномъ сознаніи, держалъ мою руку, говорилъ, что любитъ насъ всѣхъ... смерти, кажется, не предвидѣлъ; онъ былъ страшно худъ, однако выраженіе лица было прекрасно, взглядъ свѣтелъ, покоенъ и кротокъ. Вчера сняли маску съ него. Охъ, что-то тяжелое въ воздухѣ нынѣшняго года, какая-то плита на груди.

7.—И схоронили его. Студенты несли до кладбища. Въ церкви было видно, сколько цѣнили его; величаво и благородно быть такъ отпѣту не попами, а толпою друзей и почитателей. Я усталъ отъ этихъ дней, какъ-то горечь переполнила душу. А, впрочемъ, надобно свыкнуться со смертью, надобно настолько уморить въ себѣ личность, чтобъ не бояться смерти; хорошо, — но какъ примириться со смертью друга?... мыслью, что всѣ люди смертны, а такъ какъ Н. человѣкъ, то и онъ смертенъ? Піэтисты кричатъ теперь, что Крюковъ обратился, но, по несчастію, онъ послѣднее время былъ только короткія минуты въ сознаніи, а остальныя въ полупомѣшательствѣ. То ли дѣло кружокъ друзей, горестныхъ, убитыхъ, молча опускающихъ въ могилу тѣло товарища.

12.—Geb ihm ein Gott zu sagen, was er leidet. Сказанное слово устремляетъ ядъ вонъ изъ души. Та эпоха страшна въ горести, въ опасеніи, когда нѣтъ слова, нѣтъ силы сказать, когда человѣкъ боится себѣ сказать, признаться. А между тѣмъ, высказанное слово — полуисполненное опасеніе, начало его осуществленія внѣ насъ. Я истерзанъ здоровьемъ Наташи, и я, я снова способствовалъ ея болѣзни; а если болѣе, нежели болѣзни? Что за проклятая ничтожность характера, что за преступная распущенность.

14.—Мнѣ бываетъ тягостно смотрѣть на близкихъ мнѣ друзей; я чувствую, что я хуже ихъ нравственно, что я слабъ, готовъ всегда увлечься всякими побужденіями. Могутъ ли, должны ли они любить меня? Любовь, впрочемъ, къ человѣку есть личность, предупрежденіе, несправедливость, пристрастіе. Справедливость мнѣ обязанъ оказать квартальный, если онъ исполнитъ свой долгъ; дружба не судъ, дружба любитъ всего человѣка, а не одинъ какой-нибудь элементъ его. Любовь къ одному элементу далеко не дружба; я могу съ восторгомъ слушать Листа, поклоняться его

способности, но не быть съ нимъ другомъ; уважать въ человѣкѣ однѣ умственныя способности можно, но тогда лицо его дѣлается лишнимъ; такъ съ нами симпатизируетъ и книга; дружба не осуждаетъ, но оплакиваетъ. Но въ этомъ-то и вся страшная карательная сила ея. Человѣкъ можетъ только наказывать самъ себя и безпощаднѣе инквизитора нѣтъ, какъ совѣсть; не нравственные должны корить падшаго, а падшій долженъ сознавать свою ничтожность передъ ними. Это страшное чувство; мнѣ бываетъ до того тяжело смотрѣть на Грановскаго, что слезы навертываются на глазахъ.

17.—Майкова поэма: «Двѣ судьбы». Много прекрасныхъ мѣстъ много разъ онъ умѣлъ коснуться до тѣхъ струнъ, которыя и въ нашей душѣ вибрируютъ болѣзненно Хорошо отразилась въ немъ тоска по дѣятельности, наша чуждость всѣмъ интересамъ Европы, наша апатія дома etc., etc.

Цензура Петербурга гораздо снисходительнѣе. Да, что ни дѣлай правительство, а однажды привитая мысль зажглась и обращается по жиламъ,—чуть маленькое отверстіе, огонь выбиваетъ; цензоры устаютъ, дѣятельная мысль сотенъ головъ ни на минуту не устаетъ.

25. — Три года тому назадъ начать этотъ журналъ въ этотъ день. Три года жизни схоронены тутъ, или не то что схоронены, а прикрѣплены во всей мимолетности; перечитывая, все оживаетъ какъ было, а воспоминаніе, одно воспоминаніе не возстановляетъ былого, какъ оно было; оно стираетъ всѣ углы, всю рѣзкость и ставитъ туманную среду.

Ну, Аминь.

Октябрь мѣсяцъ.

3.—Болѣе 6 мѣсяцевъ прошло и я не заглядывалъ въ журналъ, и не писалъ въ него, и не завелъ другого. Не отъ внутренней пустоты, а такъ, жизнь шла довольно тихо. Все болѣе и болѣе уравновѣшивается, но есть и печальныя стороны, и я удерживался иной разъ писать, чтобъ подъ вліяніемъ первыхъ минутъ не записать съ тою рѣзкостью, которая послѣ сдѣлается противною.

На первомъ планѣ скитанье Огарева и всѣ вѣсти, приходящія объ этомъ скитаньѣ, ибо онъ самъ не пишетъ. Вѣра въ способность его ко всему прекрасному и высокому не можетъ потрясена быть во мнѣ, но что же въ одной возможности, когда же наступитъ пора дѣла; что за противорѣчіе между жизнью rentier, безцѣльной, безъ занятій, и этими *слезами* симпатіи всему прекрас-

ному. Я не токмо не противъ заграничной жизни, но допускаю въ извѣстныхъ случаяхъ экспатріацію, но не для того, чтобъ жить тамъ праздному и проживать все свое состояніе пошло; такое употребленіе богатства въ наше время преступно. Да и такая жизнь за границей — безнравственное бѣгство. Видно, пора перестать слишкомъ много класть на голову индивидуальностей. Охъ, —Спиноза правъ!

29.—И на послѣднемъ листѣ повторится то же, что было сказано на первомъ. Страшная эпоха для Россіи, въ которой мы живемъ, и не видать никакого выхода. И, какъ эти три года, пройдутъ годы еще и еще, и мы состаримся и яснѣе увидимъ, что жизнь потеряна...

СТАТЬИ ИЗЪ „КОЛОКОЛА“.

Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей.

Правительство учредило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Нѣсколько проектовъ было представлено, на которые комитетъ не далъ никакого отвѣта, и, наконецъ, самъ комитетъ закрылся, ничего не сдѣлавъ. Результатомъ его безплодныхъ засѣданій были кое-какія цензурныя преслѣдованія.

Вотъ слухи, еще требующіе подтвержденія. Но что выше вѣроятія, что не подвержено никакому сомнѣнію,—это то, что съ вступленія на престолъ Александра II, несмотря не всѣ ожиданія и надежды, правительство ничего не сдѣлало для освобожденія крѣпостного сословія и не подвинуло ни на шагъ рѣшеніе этого вопроса.

Что же оно дѣлаетъ? Некогда ему, что ли? Или важное занятіе формою военныхъ и штатскихъ мундировъ до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дѣло не хватаетъ времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиленія, и далѣе ничего не хочетъ дѣлать? Или сквозь шумъ праздниковъ и охотничьихъ трубъ псарей, оно не умѣетъ разслушать кликъ народный?

× Приходится звонить въ «Колоколъ» и сказать этому правительству: Пора проснуться! Теперь еще время. Ты можешь мирнымъ путемъ рѣшить вопросъ освобожденія крѣпостныхъ.

Vivos voco! Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудитъ? Или оно думало, что Россію можно спасти безъ государственной мысли, а только маленькимъ добродушіемъ, доходящимъ до потачки государственнымъ ворамъ? Въ такомъ случаѣ оно только позорится передъ свѣтомъ.

Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ; мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются,—и кто будетъ виноватъ въ этомъ?

Проснись! Работай—не надъ мертвечиной формалистики, а надъ живымъ государственнымъ вопросомъ. Работай, пока время не ушло.

Vivos voco!

(1857, № 1).

Революція въ Россіи.

«Господа! лучше чтобъ эти перемѣны
сдѣлались сверху — нежели снизу.»
(Александръ II—Рѣчь къ московскому дворянству).

Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него. Необходимость и общественное мнѣніе увлекло правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы. Эта возбужденность мысли, это безпокойство ея и стремленіе вновь разрѣшить главныя задачи государственной жизни, подвергнуть разбору историческія формы, въ которыхъ она движется,—составляетъ необходимую почву всякаго коренного переворота.

Но гдѣ-же знаменія, обыкновенно предшествующія революціямъ?—все въ Россіи такъ тихо, такъ подавлено и еще больше съ такимъ добродушнымъ довѣріемъ смотритъ на новое правительство, ждетъ отъ него помощи, что скорѣе можно думать, что вѣка пройдутъ прежде, нежели Россія вступитъ въ новую жизнь.

Да на что же эти знаменія? Въ Россіи все шло инымъ порядкомъ, у нея былъ разъ коренной переворотъ, его сдѣлалъ одинъ человѣкъ—Петръ I. Мы такъ привыкли съ 1789 г., что всѣ перевороты дѣлаются взрывами, возстаніями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шагъ впередъ берется съ боя,—что невольно ищемъ, когда рѣчь идетъ о переворотѣ: площадь, баррикады, кровь, топоръ палача. Безъ сомнѣнія, возстаніе, открытая борьба, одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ революціи, но отнюдь не единственное. Въ то время, какъ Франція съ 1789 г. шла огнедышащимъ путемъ катаклизмовъ и потрясеній, двигаясь впередъ, отступая назадъ, метаясь въ судорожныхъ кризисахъ и кровавыхъ реакціяхъ, Англія совершала свои огромныя перемѣны и дома, и въ Ирландіи, и въ колоніяхъ, съ обычнымъ флегматическимъ покоемъ и въ совершенной тишинѣ. Весь правительственный тактъ торіевъ и виговъ состоитъ въ умѣньи упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Такъ, какъ Робертъ Пиль переходомъ своимъ на сторону свободной торговли одержалъ экономическое Ватерлоо для правительства, такъ одно изъ будущихъ министерствъ вступитъ въ сдѣлку съ чартистами и дастъ интересамъ работниковъ—голосъ и представительство.

На нашихъ глазахъ переродился Піемонтъ. Въ концѣ 1847 года управленіе его было іезуитское и инквизиторское, безъ всякой гласности, но съ тайной полиціей, съ страшной свѣтской и духовной цензурой, убивавшей всякую умственную дѣятельность. Про-

шло десять лѣтъ и Піемонтъ нельзя узнать, физіономія городовъ, народонаселенія измѣнилась, вездѣ новая, удвоенная жизнь, открытый видъ, дѣятельность; а, вѣдь, эта революція была безъ малѣйшихъ толчковъ, для этой перемѣны достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступокъ общественному мнѣнію* со стороны правительства.

Артисты-революціонеры не любятъ этого пути, мы это знаемъ; но намъ до этого дѣла нѣтъ, мы просто люди глубоко убѣжденные, что нынѣшнія государственныя формы Россіи никуда негодны,— и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго, человѣческаго развитія пути развитія кроваваго; но съ тѣмъ вмѣстѣ также искренно предпочитаемъ самое бурное и необузданное развитіе—застою николаевскаго statu quo.

Государь хочетъ перемѣнъ, хочетъ улучшеній, пусть же онъ вмѣсто безполезнаго отпора, прислушается къ голосу мыслящихъ людей въ Россіи, людей прогресса и науки, людей практическихъ и жившихъ съ народомъ. Они сумѣютъ не только ясно понять и формулировать, чего они хотятъ, но сверхъ того сумѣютъ понять за народъ его желанія и стремленія. Вмѣсто того, чтобъ малодушно обрѣзывать ихъ рѣчь,—правительство само должно приняться съ ними за работу общественнаго пересозданія, за развитіе новыхъ формъ, новыхъ органовъ жизни. Ихъ теперь ни мы не знаемъ, ни правительство не знаетъ, мы идемъ къ ихъ отрытію, и въ этомъ состоитъ потрясающій интересъ нашей будущности.

Петръ I носилъ въ себѣ одномъ ту непредвидѣнную, новую Россію, которую онъ осуществилъ сурово и грозно противъ воли народа, опертой на самодержавную власть и личную силу. Нынѣшнему правительству не нужно прибѣгать ни къ какому прогрессивному террору. Есть цѣлая среда, зрѣлая мыслію, готовая идти съ правительствомъ за народъ и съ народомъ. Среда эта можетъ не велика, но мы рѣшительно не принимаемъ, чтобъ она была ниже сознаніемъ и развитіемъ какой бы то ни было среды на Западѣ. Если она у насъ непривычна къ обсуживанію общественныхъ вопросовъ, зато она гораздо свободнѣе отъ всего традиціоннаго, она новѣе, проще, юнѣе западнаго общества. Страданія, неудачи, опыты европейской жизни, она также пережила, но пережила воспитаніемъ, мыслію, сердцемъ, не истощивъ всѣхъ силъ своихъ, а нося въ памяти грозный урокъ послѣднихъ событій. Такъ юноша, пораженный какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, совершившимся передъ его глазами, быстро зрѣетъ и смотритъ совершеннолѣтнимъ взглядомъ на жизнь, сквозь печальный примѣръ.

Но для этого общаго труда правительству необходимо перешагнуть за частоколы и заборы табели о рангахъ, мѣшающей ему видѣть, и прислушаться къ совершеннолѣтней рѣчи, которая

робко и полутайкомъ высказывается въ литературѣ и въ образованныхъ кружкахъ.

Неужели мысль о возможности двинуть впередъ цѣлую часть свѣта, соединить двѣ Россіи, между которыми прошла петровская бритва, въ общемъ дѣлѣ очищенія, освобожденія, развитія, касаясь по дорогѣ тѣхъ страшныхъ и колоссальныхъ вопросовъ: о поземельномъ владѣніи, о трудѣ и его вознагражденьи, объ общинѣ и пролетаріатѣ, передъ которыми трепещутъ всѣ правительства европейскія,—неужели это громадное историческое призваніе, само собою дающееся, меньше льстить Александру II, нежели одинокая высота императорскаго самовластья, опертаго на крѣпостное состояніе, винные откупы, невѣжество и побои, царящіе среди всеобщаго молчанія и подавленныхъ стоновъ?

Мы не думаемъ. Да если-бъ и было такъ, врядъ возможно ли теперь продолженіе николаевскаго царствованія? Правительство само это чувствуетъ, но ему такъ ново и неловко въ мірѣ реформъ, улучшеній, человѣческаго слова, что оно дичится, упирается, не вѣритъ въ свои силы и теряется передъ трудностію и сложностію задачи. Это мертвящее мнѣніе о собственномъ безсиліи, о томъ, что трудъ намъ не по плечамъ, существуетъ у насъ, по несчастію, не только въ правительствѣ, но и въ насъ самихъ.

Это не скромность, а начало отчаянія, подавленность, мы такъ долго были забиты, загнаны, такъ привыкли краснѣть передъ другими народами и считать неисправимыми всѣ гадости русской жизни, отъ взятокъ до розогъ, что дѣйствительно почти потеряли довѣріе къ себѣ. Это несчастное чувство непремѣнно должно пройти. Гёте совершенно справедливо говоритъ:

Muth verloren—alles verloren,
Da wäre es besser nicht geboren.

Конечно, послѣднее тридцатилѣтіе было тяжко и все историческое развитіе наше шло труднымъ и мудренымъ путемъ, но развѣ оно не дало своихъ залоговъ, развѣ мы остановились, устали, развѣ Русь раздробилась на части, подпала чужому владычеству? Нѣтъ, мы стоимъ цѣлы и невредимы, полные силъ, связанные единствомъ передъ новымъ путемъ.

Насъ пугаетъ отсталое и ужасное состояніе народа, его привычка къ безправію, бѣдность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняетъ развитіе, но, въ противуположность Бюргеровой баллады, мы скажемъ: *живые ходятъ быстро*,—и шагъ народныхъ массъ, когда онѣ принимаются двигаться, необычайно великъ. У насъ же не къ новой жизни надобно ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ.

Мы обыкновенно смотримъ на другіе народы или въ ихъ современномъ состояніи, или середь ихъ революціоннаго разгара, и намъ становится больно и страшно за народъ русскій. Но для сравненія вѣрнѣе было бы брать состояніе другихъ народовъ до ихъ переворотовъ. Взгляните, напримѣръ, на жизнь Франціи наканунѣ революціи 1789, и подумайте, что она за шагъ сдѣлала въ пятьдесятъ лѣтъ времени.

Позвольте намъ напомнить событія извѣстныя, но на которыя, можетъ, у насъ съ этой точки не смотрѣли.

Смерть Людовика XIV. Вся страна свободнѣе вздохнула. Восхваленное царствованіе его оставило Францію раззоренной ненужными войнами, съ побитой арміей, съ европейской коалиціей на шеѣ. Денегъ не было; король подъ конецъ сдѣлался главнымъ взяточникомъ въ государствѣ, онъ все продавалъ — крупныя и мелкія должности, военныя и статскія мѣста, раззоряя въ конецъ откупами, акцизами и монополіями торговлю, промышленность и ремесла. Народъ умиралъ съ голоду, сотни тысячъ людей питались въ разныхъ концахъ Франціи древесной корой [1]).

До министерства Тюрго ничего не поправилось, — дефициты росли, военная слава замѣнилась позорными мирами, заключенными въ Парижѣ въ 1756 г., государственное хозяйство свелось на ажіотажъ, на него бросились всѣ, попы и министры, члены парламента и принцы крови. Общественное вниманіе было занято междоусобными бранями парламента съ правительствомъ, янсенистовъ съ моленистами; идеи энциклопедистовъ бродили и Вольтеръ хохоталъ, печатая внѣ Франціи свой смѣхъ, такъ, какъ это дѣлалъ Бэль. Амстердамъ не трогалъ французскаго вольнаго станка, такъ, какъ Лондонъ не трогаетъ русскаго.

Это сверху, а что было внизу?

Мужики страдали подъ невыносимымъ гнетомъ землевладѣльцевъ; если-бъ ихъ помѣщики сѣкли и земская полиція била, то положеніе ихъ было бы ничемъ не лучше нашего. Деньги помѣщикамъ были крайне нужны для того, чтобъ бросать ихъ горстями въ Парижѣ и Версалѣ. Промотавшись, они ѣхали въ свои замки, на годъ или на нѣсколько мѣсяцевъ, выжимали кровь и потъ изъ мужиковъ, шлялись на охоту, грязно и скупо жили въ запустѣлыхъ замкахъ, мечтая о томъ, какъ скорѣе наколотить денегъ и снова ринуться въ вихрь и блескъ придворной жизни. Сношенія съ сосѣдями были рѣдки, отчасти отъ бережливости, отчасти отъ непроѣзжаемыхъ дорогъ. Объ умственныхъ занятіяхъ, объ улучшеніяхъ хозяйства не было и рѣчи.

---

[1]) Подробности взяты, сверхъ всѣмъ извѣстныхъ исторій, изъ «Geschichte der Revolutionszeit» Siebel'я, изъ новой книги Токвиля и пр.

Поля, разбитыя на участки отъ 10 до 15 гектаровъ, отдавались половникамъ. Помѣщики, не смыслившіе ничего въ управленіи, продавали, сверхъ того, права сбора произведеній и податей нотаріусамъ. Нотаріусы, въ родѣ польскихъ жидовъ-арендаторовъ, раззоряли мужиковъ въ конецъ, запускали хлѣбопашество, брали быковъ отъ плуга подъ подводы, кормили своихъ гусей въ пшеничныхъ поляхъ крестьянъ и проч. Такъ какъ все это хозяйство шло безпорядочно, безъ знанія, безъ капитала, то и не удивительно, что французскія поля давали вполовину меньше, нежели англійскія, а платили вдвое больше (въ Англіи брали помѣщики одну четвертую произведеній, да еще несли разныя общественныя тяги, въ то время, какъ во Франціи они ничего не платили, взимая половину произведеній). Крестьяне едва не умирали съ голоду, о запасѣ, о барышѣ нечего было и думать. Отчаянно борясь изъза куска хлѣба, не видя ничего впередъ какъ ту же нужду, тотъ же подавляющій трудъ, у крестьянина падали руки и онъ обработывалъ меньше и меньше земли. Въ 1790 г., Артуръ Юнгъ считалъ, что число заброшенной пахотной земли возросло до 9.000.000 гектаровъ.

Мужики жили въ бѣдныхъ лачугахъ, часто объ одномъ отверстіи, такъ что у иныхъ дверь служила окномъ, у другихъ окно дверью; сами ткали они себѣ на одежду толстое, но не плотное сукно, цѣлыя провинціи ходили босикомъ, другія носили деревянные башмаки, кожанные составляли, какъ у насъ, рѣдкую роскошь. Грамотѣ они не знали. Вся умственная жизнь сосредоточилась въ лицѣ пролетарія церкви, сельскаго священника, онъ поучалъ ихъ ненависти къ протестантамъ и прибавлялъ католическое изувѣрство къ кельтическимъ предразсудкамъ, которыми была полна ихъ голова.

О томъ, что происходило внѣ деревни, никто не зналъ, и не интересовался знать. Сношенія были чрезвычайно затруднительны. Правда нѣсколько пышныхъ «королевскихъ» дорогъ въ 60 футовъ шириной, перерѣзывали Францію, но на нихъ до 1776 г. ходили только двѣ почтовыхъ кареты и по цѣлымъ днямъ путешественникъ не встрѣчалъ никакого экипажа. Извѣстно, что отправляясь въ Ліонъ, тѣмъ паче въ Марсель изъ Парижа, путникъ прощался съ родными и дѣлалъ завѣщаніе. Боковыхъ дорогъ было мало, содержаны онѣ были скверно, несмотря на то, что дорожная повинность вмѣстѣ съ работой въ господскомъ домѣ была еще дополнительной тяжестью, падавшей на долю бѣднаго поселянина. Такъ тянулось печальное существованіе двадцати милліоновъ, т. е., огромнаго большинства французовъ, «безъ отдыха, безъ надежды, безъ другой радости, кромѣ пестраго наряда, въ которомъ они ходили къ обѣднѣ въ праздникъ; безъ перемѣны, развѣ кого-нибудь

голодъ загонялъ въ городъ поденщикомъ или въ полкъ солдатомъ, въ послѣднемъ случаѣ ушедшій рѣдко возвращался въ родительскій домъ». А надъ этими паріями жила стая хищнаго дворянства, смотрѣвшаго на нихъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и грабившаго ихъ съ безпощадной жестокостью. «Зато и мужикъ поглядывалъ съ затаенной ненавистью на башни замка, мечтая о томъ времени, когда онъ подожжетъ и его, и въ немъ книгу недоимокъ» (Зибель).

Небольшое число оброчныхъ крестьянъ въ сѣверной Франціи, да 2—3 уголка съ патріархальнымъ дворянствомъ, безвыѣздно жившимъ въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ-нибудь въ Вандеѣ, въ нижней Британіи, жили лучше.

Не много лучше было и въ городахъ для работниковъ и мастеровыхъ. Руководствуясь средневѣковымъ правиломъ, что «только король даетъ человѣку право на работу», правительство продавало всѣ занятія и промыслы: прачкѣ — право стирать, швеѣ — право шить, мостовщику — право мостить. Когда Тюрго хотѣлъ уничтожить цехи, вся Франція испугалась, и правительство, уступивъ было, снова ихъ ввело.

Взятки и наглое казнокрадство не было во Франціи такъ національно и всеобще, какъ у насъ, но они отчасти восполнялись аѳіотажами и продажей мѣстъ; покупщики, какъ собственники мѣстъ, грабили народъ по праву, стремились вмѣстѣ съ аристократіей праздно, безъ труда жить доходами и наслаждаться на чужой счетъ, на счетъ какого-то *неизвѣстнаго*, не имѣющаго имени, котораго не стоило знать и который, истощая силы мышцъ и силы мозга, долженъ былъ работать—для нихъ.

Этотъ анонимъ былъ—народъ французскій!

Но при всемъ этомъ ни энциклопедисты съ Вольтеромъ, ни то общество молодыхъ адвокатовъ и литераторовъ, которое впослѣдствіи явилось членами грознаго конвента, ни молодое дворянство съ Мирабо и Лафайэтомъ, ни армейскіе сержанты, эти будущіе Гоши и Марсо, — никто не отчаивался и Франція въ пять лѣтъ вышла изъ этого положенія,

Теперь для насъ не въ томъ вопросъ,—исполнился ли идеалъ революціи или нѣтъ, былъ-ли онъ осуществленъ или нѣтъ и почему Франція черезъ полъ вѣка сломилась и пала подъ бременемъ гражданской симоніи и мѣщанскаго разврата. Мы не обязаны дѣлать ту же революцію, у насъ и задача иная и силы къ ея разрѣшенію иныя. Для насъ важно то, что въ сорокъ лѣтъ самаго судорожнаго развитія, несмотря на грозныя войны революціи, на преступную трату цѣлыхъ поколѣній Наполеономъ, на вторженіе непріятельскихъ войскъ, на конскрипціи и контрибуціи, народъ французскій перешелъ отъ состоянія, въ которомъ былъ при министерствѣ

Тюрго и Неккера, до того состоянія, въ которомъ, напримѣръ, засталъ его Людовикъ Филиппъ.

Сверхъ того, ненадо забывать, что историческій бытъ Франціи сложился вѣками и учрежденія имѣли глубокіе корни въ нравахъ и жизни народной. Гдѣ у насъ эти us et coutumes, связывающіе каждый шагъ, тяжелая парламентская жизнь, роды родовъ судейскихъ фамилій, которыя словно по наслѣдству судили и рядили народъ, наконецъ, гдѣ у насъ древній, сѣдой институтъ королевской власти, связанной со всѣми воспоминаніями исторіи, и съ феодализмомъ, и съ городскою жизнію, и съ католицизмомъ, и съ славою «великаго вѣка»,—институтъ, послѣдовательно разработавшійся въ цѣлую систему аристократической монархіи? Народы вживаются до того въ вѣковыя формы и обряды, что не понимаютъ жизни въ другихъ формахъ, хотя бы онѣ были лучше. Консерватизмъ Англіи основанъ на этомъ, но для того, чтобы имѣть эти обязательныя воспоминанія, надобно много прожить, надобно что-нибудь имѣть для храненія.

У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Что у насъ преемственное, древнее, неискоренимо-прочное? Табель о рангахъ, дворянская грамота, городовыя положенія, сенатъ, синодъ, крѣпостное право, чиновники, лейбъ-гвардія? Или не въ самомъ ли дѣлѣ иностранная шутка — the old Moscovit party, the old boyards? По счастію, это old — самое *новое* въ русской жизни, мы воротились школой и книгой къ нашему православному Геркулануму и къ нашей славянофильской Помпеѣ; оно очень интересно, но мертвый живому не товарищъ.

Мы сто пятьдесятъ лѣтъ живемъ въ ломкѣ стараго; цѣлаго ничего не осталось, да и жалѣть не о чемъ. У насъ есть сельскій бытъ, всякаго рода учрежденія, попытки, начинанія, да мысль, больше и больше оживающая, не привязанная ни къ какой кастѣ, ни къ какому изъ существующихъ порядковъ. Мы съ Петра I въ перестройкѣ, ищемъ формъ, подражаемъ, списываемъ, и черезъ годъ пробуемъ новое. Достаточно перемѣнить министра, чтобы вдругъ изъ государственныхъ крестьянъ сдѣлать удѣльныхъ или наоборотъ. У насъ только не мѣняется почва, грунтъ, т. е., опять село, но крестьянскій бытъ скорѣе физіологическій характеръ, догосударственное statu quo, состояніе, посылка, которой силлогизмъ будетъ въ будущемъ, — нежели продолженіе московскаго царства; оно было и при немъ, вотъ все, что мы можемъ сказать. Измѣнить его было бы очень трудно, да это и ненужно, совсѣмъ напротивъ, на немъ-то и созиждется будущая Русь!

Конечно, не легко перейти отъ нѣмецкой бюрократіи, къ болѣе простымъ и народнымъ началамъ государственнаго строенія. Но гдѣ же эти непреодолимыя препятствія? Разумѣется, мудрено ви-

дѣть истину, если однимъ не позволяютъ говорить, а другіе заинтересованы, чтобъ скрывать. Государь ничего не видитъ изъ-за стропилъ и лѣсовъ канцеляріи и бюрократіи, и поэтому правительство, вступивъ въ эпоху реформъ, идетъ ощупью, хочетъ и не хочетъ; а тѣ, которые могли бы дать совѣтъ, тѣ бьются какъ рыба объ ледъ, не имѣя голоса.

Для того, чтобъ продолжать петровское дѣло, надобно государю такъ же откровенно отречься отъ петербургскаго періода, какъ Петръ отрекся отъ московскаго. Весь этотъ искусственный снарядъ императорскаго управленія устарѣлъ. Имѣя власть въ рукахъ и опираясь, съ одной стороны, на народъ, съ другой, на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство могло бы сдѣлать чудеса, безъ малѣйшей опасности для себя.

Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ,—но кому много дается, съ того много и спросится.

(1857 г., № 2).

Лобное мѣсто.

До насъ дошли слухи, что славянофилы «Русской Бесѣды» недовольны отзывомъ «Полярной Звѣзды» объ ихъ «Сборникѣ».

Почему же намъ было иначе отзываться? Пусть сами славяне скажутъ, могли ли мы равнодушно говорить о «Сборникѣ», въ которомъ бывшіе Липрандьевскіе чиновники [1]), клевещутъ на дорогихъ намъ покойниковъ подъ предлогомъ дружбы, въ которомъ нагло проповѣдуютъ цареградскую философію рабства?

---

[1]) «Послѣ 1848 года была учреждена въ Петербургѣ тайная комиссія для надзора надъ литературой и журналами. Душой этой комиссіи считался Липранди. Онъ и нѣкогда профессоръ московскаго университета И. Давыдовъ, «вѣрноподданный»

«По сердцу и изъ видовъ»,

довели усердіе до того, что первый предлагалъ не перепечатывать цѣликомъ ни Библію, ни Новый Завѣтъ, а другой—исключеніе двѣнадцати басенъ Крылова. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Липранди былъ Григорьевъ, авторъ статьи о Грановскомъ въ «Русской Бесѣдѣ». Онъ особенно прославился порученіемъ въ остзейскія губерніи, имѣвшемъ цѣлью осмотръ книжныхъ лавокъ и частныхъ библіотекъ въ случаѣ нужды. Ему содѣйствовали два жандармскихъ офицера при отборѣ и запечатываніи книгъ. По окончаніи этого порученія, Григорьевъ былъ назначенъ въ Оренбургъ. Проѣздомъ черезъ Москву ему вздумалось навѣстить Грановскаго, можетъ, и затѣмъ, чтобъ заглянуть въ его библіотеку. Грановскій, знавшій про подвиги Григорьева, велѣлъ своему слугѣ не впускать его на дворъ».—Отсюда говорятъ гнѣвъ! Эта *молва* не въ пользу Григорьева! (Изъ совершенно достовѣрнаго письма изъ Москвы).

Мы знаемъ, какъ многимъ изъ нихъ противны эти ученія. — Зачѣмъ же они допускаютъ такія статьи, зачѣмъ защищаютъ ихъ?

Казалось, что есть почва, на которой мы могли бы понимать другъ друга, мы чуяли родственное біеніе сердца, когда шла рѣчь о народѣ русскомъ. Но у насъ, сверхъ любви къ родинѣ, есть свои глубокія, незыблемыя убѣжденія; имъ мы были вѣрны во всю жизнь, они составляютъ наше нравственное достояніе, наше *человѣческое* православіе. Они-то оскорблены въ каждой книгѣ славянскаго «Сборника». Этого мы не можемъ, не должны пропустить молча.

Наше положеніе обязываетъ насъ обличать то, чего скованная рѣчь въ Россіи не смѣетъ еще высказать дома. Есть ученья, есть люди, для которыхъ нашъ станокъ превратится въ *лобное мѣсто*, мы ихъ выведемъ и покажемъ всему честному народу.

Вотъ вамъ на первый случай профессоръ Крыловъ и его статья. Слушайте и судите, мы отдаемся на судъ всѣхъ не служащихъ съ Липранди... славянъ и не славянъ.

«Величайшій, чистѣйшій, христіанскій апотеозъ совершился надъ ликомъ византійскаго, номоканоническаго императора. Но государственное тѣло было ветхое, старое, *невлажное* (?), а потому благодатный элементъ не укрѣпилъ свѣтскаго государства; зато какимъ избраннѣйшимъ сосудомъ былъ византійскій міръ для христіанской благодати,—здѣсь, *только здѣсь* образовалась святая вселенская церковь, хранящая свой завѣтъ въ неприкосновенномъ священнѣйшемъ кивотѣ—іерусалимскомъ храмѣ».

Сквозь этотъ дымъ ладона — не мудрено ужъ разглядѣть въ перспективѣ другое племя, новое, *моченое*, которому благодатный элементъ пришелся какъ разъ.

Нѣтъ, этимъ языкомъ у насъ русская литература не говорила никогда: это de Sade—раболѣпія!

Въ это циническое безстыдство мысли, въ это теоретическое холопство міръ падалъ только два раза, оба раза легистами: разъ въ мертвой Византіи, да разъ въ австрійской мертвящей казуистикѣ имперскаго права. И намъ теперь при возрожденіи Россіи, послѣ тридцатилѣтняго несчастія, пришлось видѣть то же направленіе, также идущее отъ легистовъ и римскаго права, — и притомъ не въ XV томѣ, а въ «Сборникѣ», выдающемъ себя представителемъ народной Россіи.

На минуту самъ авторъ испугался, — слабый лучъ совѣсти скользнулъ по душѣ падшаго легиста. «Дѣло наше, говоритъ онъ, получаетъ какъ будто характеръ личной обиды и, слѣдовательно, подлежитъ суду; впрочемъ, не бойтесь *этого суда*, онъ не имѣетъ ни уголовнаго, ни полицейскаго, ни даже гражданскаго искового

характера, а есть чисто литературная тяжба». Ну, а если-бъ кн. Долгорукій былъ не вашего мнѣнія, да сдѣлалъ бы не чистую, да и не литературную тяжбу, чѣмъ пришлось бы тогда приложить вамъ римскій lex talionis?

Знаете что, я обращаюсь къ вамъ потому, что вы не любите говорить съ мнѣніями, вамъ надобенъ «живой человѣкъ»; къ тому же мы старые знакомые, вѣдь, у васъ не *всегда* была византійская болѣзнь; ну, такъ по прежнему-то знакомству знаете, какой я вамъ дамъ совѣтъ. Подайте-ка въ отставку,—вѣдь, вамъ послѣ этой полемики нельзя больше явиться на каѳедрѣ. Спрячьте отъ студентовъ печальное зрѣлище вашего умственнаго разврата.

Хотя зрѣлище это, съ другой стороны, и очень поучительно!

Вотъ они, продавцы даровъ духа святого! отступники ума!—какая неумолимая логика! Вотъ какъ оканчиваютъ люди, безъ вѣры и чистоты подошедшіе къ наукѣ, люди, безъ убѣжденія и любви вышедшіе на ея амвонъ поучать юношество. Крыловъ не новый человѣкъ, и свихнулся онъ не въ «Русской Бесѣдѣ»; больше десяти лѣтъ тому назадъ—люди полные снисходительности и гуманности, какъ Грановскій, отвернулись отъ него. Но смѣтливость русскаго ума, оригинальность, бросившаяся въ глаза молодыхъ людей, два-три смѣлыхъ замѣчанія, полныхъ демократіи-зависти, поддерживали его въ мнѣніи студентовъ. Забытый публикой, обойденный ею,—молчалъ бы онъ себѣ въ своемъ углу; лѣта шли, съ ними чины, экзамены и другія не столько громкія, сколько пріятныя удовольствія,—такъ нѣтъ, бѣсъ самолюбія толкнулъ его на арену съ молодыми бойцами.

И что-же оказалось, что онъ и своей науки не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не силенъ въ чтеніи ея на ея языкѣ. Сшибленный противникомъ, осмѣянный зрителями, этотъ молчащій сфинксъ римскаго права съ досадой и ожесточеніемъ бросился защищаться, чѣмъ попало — доносами, кронеберговымъ лексикономъ, апелляціями къ профессору латинскаго языка,—что же вышло?

Посмотрите на его философское воззрѣніе: точно встрѣчаешь какого-нибудь провинціальнаго чиновника, выползающаго откуда то во фракѣ 1830 года; у него не наука того времени, а ея манеры, ея искусственная риторика... Тутъ есть и разглагольствованія о вѣчной борьбѣ двухъ элементовъ въ человѣкѣ, одного идущаго *горѣ* и другого припирающагося въ землю, и безсмысленная нелѣпость о *непримиримой* враждѣ «подвластной природы» и «человѣка властителя». И съ чего онъ воображаетъ, что его воззрѣніе *народное* въ противоположность воззрѣнію его противника? Это очень извѣстное, школьно-нѣмецкое воззрѣніе средней руки и прошлаго поколѣнія, обросшее (или намѣренно прикрытое) дикимъ русскимъ мясомъ.

А эта противная адвокатская манера *заговаривать*, употреблять тяжелыя и ненужныя сравненія, останавливаться на нихъ, филологически разлагать и вывертывать слова, иногда приходить въ горячность, иногда смѣнить гнѣвъ на милость и пр. Онъ не говоритъ,—il plaide, какъ Бомарше отвѣчаетъ въ Фигаро.

Загляните подальше, за всю эту стряпческую элоквенцію, за всѣ нѣмецкія стропилы, за всѣ эти латинскія слова въ скобкахъ (и въ ошибкахъ),—какая пустота! Такъ и вѣетъ затхлымъ схоластицизмомъ, пустой семинарской контроверзой — безъ вѣры, безъ живой мысли. Неужели эту пустоту можно выкупить смѣлыми оборотами, въ которыхъ намѣренно смѣшаны ученые термины римскаго права съ терминами торговой бани?

Если есть что-нибудь живое въ этой полемикѣ, то это полузатаенный, полувысказываемый дрожащими губами—доносъ!

Въ отставку, Никита Ивановичъ, въ отставку, не бось, вѣдь, дѣйствительнаго статскаго дадутъ, чего же больше? А не то въ другое вѣдомство переходите!

(1857, № 3).

Западныя книги.

Многіе изъ писавшихъ къ намъ изъявили желаніе, чтобъ мы указывали въ «Колоколѣ» на важнѣйшія литературныя произведенія на Западѣ и въ особенности на книги о Россіи.

Съ удовольствіемъ исполнимъ мы ихъ желаніе, и именно будемъ указывать на книги,—но не больше; разборы ихъ отвлекли бы насъ отъ нашихъ занятій, которыя всѣ въ Россіи, въ русскихъ дѣлахъ и книгахъ, а не въ западныхъ людяхъ и интересахъ.

Наше время не богато особенно замѣчательными книгами. Мы больше перечитываемъ, нежели читаемъ и пишемъ вновь; и это чрезвычайно важно. Обрывъ, къ которому пришло человѣческое разумѣніе и который обличился послѣ 1848 г., сбилъ съ толку умы слабые и обратилъ сильные умы на внутреннюю работу. Мыслію и сознаніемъ было много прожито въ послѣднее десятилѣтіе, горькіе опыты, потрясающія сомнѣнія подкосили легкую рѣчь и старая школа риторовъ на манеръ Ламартина умолкла, или болтаетъ свой вздоръ, не возбуждая никакого участія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было послѣ такихъ потрясеній «свистать одно и то же».

Ненадобно забывать, что только Англія, одна Англія тихо продолжала свое нравственное развитіе и невозмущаемый трудъ. Другимъ было не до продолженія и не до писанія. Съ внѣшней

стороны—своеволіе власти, конкордаты, казни [1]). Съ внутренней—раздумье человѣка, который, прошедши полдороги, начинаетъ догадываться, что онъ ошибся, и вслѣдствіе того перебираетъ свое прошедшее, близкое и далекое, припоминаетъ былое и сличаетъ его съ настоящимъ.

Въ литературѣ дѣйствительно все поглощено исторіей и соціальнымъ романомъ. Жизнь отдѣльныхъ эпохъ, государствъ, лицъ, съ одной стороны, и, съ другой, какъ бы для сличенія съ былымъ—исповѣдь современнаго человѣка подъ прозрачной маской романа или просто въ формѣ воспоминаній, переписки.

Развѣнчанный Ричардъ II говоритъ своей женѣ (въ трагедіи Шекспира), разставаясь съ нею передъ ссылкой, куда его отправлялъ Боленбрукъ: «Скучными, зимними вечерами собирай стариковъ и заставь ихъ разсказывать о давноминувшихъ скорбяхъ ихъ. Но прежде, нежели ты простишься съ ними, разскажи, чтобъ ихъ утѣшить, о нашемъ печальномъ паденіи». Слова эти идутъ къ Европѣ и къ тому литературному направленію, о которомъ мы говорили.

Критическое положеніе Запада все еще у насъ кажется преувеличеннымъ. Насъ сильно увлекаетъ наружность. Извѣстная гладкость формъ, отсутствіе наглаго населенія правительственной грубости, отсутствіе всякаго рода побоевъ, результаты длинной цивилизаціи—скрываютъ, несмотря на всѣ событія, отъ глазъ нашихъ соотечественниковъ, серьезный характеръ нравственной болѣзни Франціи и Германіи, увлекающихъ за собою меньшія государства материка.

Сколько мы ни говорили объ этомъ предметѣ, но по повторяющимся возраженіямъ видимъ, что мысль наша не ясна, по крайней мѣрѣ, не находитъ сочувствія. Здѣсь не мѣсто ее доказывать; сверхъ того, намъ придется еще разъ коснуться ея [2]), — мы напомнимъ только нашимъ противникамъ, что люди, которые посѣщали Римъ и Галлію [3]) въ IV или V столѣтіи, также мало могли видѣть смерть за плечами Имперіи, какъ русскіе не видятъ разрушительную лихорадку въ усиленномъ и неестественномъ біеніи парижскаго пульса. Тѣмъ болѣе, что французы съ искрен-

---

[1]) Недавно вѣнскій архіерей въ силу конкордата запретилъ давать въ анатомическій театръ трупы умершихъ католиковъ; такимъ образомъ, Ракитанскіе, Шкоды и др., если не найдется какого-нибудь несчастнаго грека или протестанта, должны будутъ читать по кукламъ. Въ одномъ императоръ Николай былъ правъ, это что Янъ-Собѣскій и онъ сдѣлали огромную глупость, спасая Австрію.

[2]) Въ предисловіи ко второму трюбнеровскому изданію «Письма изъ Франціи и Италіи».

[3]) У васъ подъ руками «Аполлинарій Сидоній» Ешевскаго.

ней (и обдающей насъ холодомъ) надеждой ждутъ завтра исправленія всѣхъ золъ и считаютъ настоящую эпоху за временную остановку, за небольшой отдыхъ между двумя рощами лавровъ.

Государственныя формы европейскія несовмѣстны съ идеаломъ общественности, который выработался цивилизаціей; вотъ главная причина. То, что можно было сдѣлать взаимными ограниченіями, соглашеніями, уступками, то сдѣлано; новый бытъ стремился съ XVIII столѣтія установиться, мѣшая въ разныхъ пропорціяхъ преемственный бытъ, историческое начало власти—съ выводами науки и началами революціонными.

Борьба, которая необходимо должна была выйти отсюда, продолжалась больше полувѣка; она-то и привела къ той внутренней работѣ, о которой мы сказали, и къ тому новому глубокомысленному пониманію, которое мы находимъ въ передовыхъ мыслителяхъ, какъ Прудонъ, въ соціальныхъ и положительныхъ стремленіяхъ современныхъ умовъ.

Но практически, въ послѣдней борьбѣ погибли всѣ прежнія упованія. Она открыла ясно, что, какъ бы идеалъ ни былъ вѣренъ, онъ принадлежитъ одному образованному меньшинству, а массѣ до него дѣла нѣтъ, или она разумѣетъ подъ нимъ совсѣмъ иное. Отсюда замѣчательный логическій кругъ въ жизни: экономическія условія историческаго быта должны измѣниться для того, чтобъ массы поняли вопросъ, и измѣниться въ явную невыгоду тѣхъ, которые понимаютъ его теперь!

Въ этомъ тяжеломъ противорѣчіи, при матеріальной побѣдѣ власти, незанятыя силы, уже зараженныя исключительною страстью стяжанія, отклонились совсѣмъ отъ общаго развитія и ударились въ судорожную спекуляцію, въ болѣзненный ажіотажъ, въ продажу всего.

Доведетъ ли деспотическое своеволіе правительствъ до государственнаго банкротства, до экономическаго переворота, и выйдетъ ли изъ этого переворота Европа не только цѣлой, невредимой, но и обновленной, въ этомъ весь вопросъ,—именно онъ-то и не рѣшенъ; а не рѣшенный вопросъ имѣетъ, разумѣется, и противъ себя шансы. Но во всякомъ случаѣ этотъ-то переходъ черезъ экономическій катаклизмъ и будетъ тѣмъ разрушеніемъ старыхъ формъ, который необходимъ или для новаго порядка вещей, или для того, чтобы исторія приняла окончательно другое русло.

Разсматривая литературныя произведенія этого времени недоумѣнья и борьбы, мы видимъ явный слѣдъ ихъ въ каждой замѣчательной книгѣ. Съ одной стороны, потребность отдѣлить чище и прямѣе науку отъ случайностей и судебъ рушащагося міра политическаго; съ другой, это себя ощупываніе, это тревожное состояніе тяжело-больного, который хочетъ позднимъ изученіемъ

уяснить себѣ свое положеніе, раздумье купца, который, видя неминуемое раззореніе, старается спасти что-нибудь.

Реализмъ естествознанія захватываетъ больше и больше всю ученую дѣятельность, отвлекая ее отъ юридическихъ и гражданскихъ предметовъ. Школы Конта, Стюарта Милля, нѣмецкихъ натуралистовъ и медиковъ, пріобрѣли большую смѣлость откровеннаго языка, совершеннолѣтнюю возмужалость мысли, и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайную даль отъ общепринятыхъ понятій. Возстановляя сбившуюся съ дороги традицію ясныхъ и геніальныхъ умовъ, какъ Кантъ, Биша, Кабанисъ, Лапласъ, наука дѣлается прямо и открыто анти-идеализмомъ, сводя на естественное и историческое все богословское и таинственное. А народы въ то же время, словно испуганные безплодностью переворотовъ, снова отступаютъ въ подогрѣтый католицизмъ или теряются въ холодномъ изувѣрствѣ протестантизма. Общественное мнѣніе снова безъ всякой терпимости требуетъ рѣшительнаго лицемѣрія, и Агассисъ или Либихъ, въ Филадельфіи и Мюнхенѣ, все равно—принуждены слабодушно отрекаться отъ истинъ науки и искажать ихъ для того, чтобъ не распугать толпу и имѣть полную аудиторію; а, такъ называемые, политическіе революціонеры, республиканцы, демократы—проповѣдуютъ риторическій деизмъ, идеализмъ въ политикѣ, всѣ предразсудки военно-теократическаго государства, такъ что ихъ свобода очень похожа на заспанную фигуру Людовика XVI, которому въ Версалѣ нахлобучили на голову—фригійскую шапку.

Рядомъ съ отчуждающейся наукой, входящей въ жизнь только приложеніями, идетъ другая внутренняя работа, мы ее можемъ назвать соціальной патологіей. Къ ней равно принадлежатъ Прудонъ и Диккенсъ. Новая вивисекція Прудона кажется намъ самымъ замѣчательнымъ явленіемъ послѣднихъ двухъ лѣтъ,—дальше скальпель еще не шелъ. Если вы не читали его «Manuel d'un speculateur á la bourse», котораго четыре изданія расхватали въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, то мы не только рекомендуемъ, но настоятельно просимъ изучить это сочиненіе. Врачемъ, наблюдателемъ сидитъ Прудонъ у изголовья разлагающагося организма и слѣдитъ шагъ въ шагъ (копейка въ копейку) за успѣхомъ болѣзни, считая пульсъ по биржевому курсу, по приливу и отливу, «hausse» и «baisse», и спокойно приписывая на счетахъ увеличивающій debit смерти.

Не имѣя права говорить словами, онъ говоритъ цифрами, сложеніемъ и вычитаніемъ: онъ держитъ приходо-расходную книгу общества, несущагося къ банкротству. Его «Manuel» ариѳметическое de profundis и съ тѣмъ вмѣстѣ сторожевой крикъ съ высоты биржи.

Несмотря на большой расходъ книги Прудона, французы мало понимаютъ его, напротивъ, его обвиняютъ въ безнравственномъ

вліяніи, въ томъ, что онъ приводитъ въ отчаяніе въ то время, какъ надобно ободрять, — вѣроятно, велерѣчиво толкуя о величіи de la grande nation и о скоромъ водвореніи братства народовъ и всемірной республики...

«Вмѣсто того, говоритъ одинъ путешественникъ о юго-испанскихъ республикахъ въ центральной Америкѣ, чтобъ изученіемъ собственныхъ ошибокъ подняться, вырваться изъ своего жалкаго положенія, испано-американцы стараются высокомѣрнымъ хвастовствомъ обмануть себя. Опьяняющія средства эти отводятъ имъ глаза отъ предстоящихъ судебъ».

Слова эти, по несчастію, относятся и не къ одной Коста-Рикѣ. Оттого-то мнѣ современное состояніе европейскаго материка и кажется такъ печальнымъ. Несчастіе бываетъ въ двухъ случаяхъ очень опасно: когда сознаніе сопровождается съ совершенной прострацією, т. е., когда ровное отчаяніе и преданность судьбѣ заставляютъ покойно сложить руки и понурить голову, или когда человѣкъ безсмысленно идетъ, не замѣчая рва, пропасти и считая ихъ неглубокими. Кто не видалъ съ содроганіемъ самонадѣянность больного, спокойно разсуждающаго съ вами о будущемъ, не зная, сколько его умерло?

Франція такъ увѣрена въ своемъ передовомъ мѣстѣ, что какъ Далай-Лама и не считаетъ нужнымъ доказывать это; но любопытно видѣть притязанія Германіи (именно теперь) на всемірно-историческое первенство. Ихъ исключительный національнизмъ, окруженный космополитическими фразами, ихъ ревнивая ненависть старой женщины къ Россіи и злопамятная зависть къ Франціи, вмѣстѣ съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ,—доходитъ до комизма.

Года три тому назадъ, двѣ книги, изданныя Дицелемъ, обратили сильное вниманіе публики. Одна трактовала о германской цивилизаціи, другая о Франціи и ея элементахъ развитія. Вслѣдъ затѣмъ Дицель издалъ брошюру «Russland, Deutschland und die östliche Frage». Брошюра эта, написанная съ тою же заднею мыслью, дополнила и округлила его воззрѣніе, которое вовсе не принадлежитъ ему лично, а есть въ сущности воззрѣніе всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ-философовъ и людей движенія.

Основная мысль Дицеля состоитъ въ томъ, что романскіе народы, нося въ себѣ элементы міра древняго, по той мѣрѣ принадлежатъ новому міру, по которой взошелъ въ нихъ германскій элементъ, побѣждая и вытѣсняя элементъ романскій. Во Франціи гальское начало беретъ верхъ надъ франкскимъ—цезаризмомъ, подавляющей идеей государства, поглощеніемъ личности, вслѣдствіе чего Дицель осуждаетъ Францію на испанское старчество и вмѣстѣ съ нею считаетъ огуломъ весь романскій міръ отжившимъ, прошедшимъ.

Отвертываясь отъ маститаго романскаго старца, классически согбеннаго надъ клюкой, Дицель обращается къ славянамъ. Если тому пора умирать, то славяне врядъ родились ли еще. Это дикія орды, сформированныя въ колоссальное *военное поселеніе нѣмецкимъ* деспотизмомъ. Дицель отказываетъ народу русскому во всѣхъ политическихъ способностяхъ, считаетъ ихъ только годными на коммунистическое житье. и досадуетъ на нѣмцевъ, сдѣлавшихъ изъ этихъ людскихъ табуновъ—регулярные полки и усовершившихъ ихъ благосостояніе (вѣроятно, канцелярскимъ устройствомъ и письменнымъ инквизиторіальнымъ процессомъ)!

Изъ этого ясно, что современность и ближайшая будущность принадлежатъ той странѣ, которая находится, между дряхлымъ старцемъ и лѣнтяемъ мальчишкой, представительницей всего возмужалаго и энергическаго—*Германія*. Когда ему пришлось это сказать, онъ самъ испугался великаго призванія Германіи и скромной роли, которую она играетъ съ своими 36 суставами, «съ прусскимъ отечествомъ, австрійскимъ отчествомъ, и проч.» («А, кажись, не подобаетъ Дундуку такая честь?» Пушкинъ). Дицель не могъ не остановиться передъ этой горькой ироніей—и тотчасъ прибѣгнулъ къ средству не новому съ нѣкоторыхъ поръ, именно къ тому, чтобъ находить истиннаго представителя германизма—въ Англіи.

Это на томъ основаніи, на которомъ извѣстный добрякъ, котораго хотѣли пригласить аккомпанировать, отвѣчалъ на вопросъ: играете ли вы на скрипкѣ?—Нѣтъ, но мой двоюродный братъ, который въ Парижѣ, играетъ и очень хорошо!

Признавъ Англію за Германію, нечего церемониться и съ Сѣверо-Американскими Штатами.

На легкое замѣчаніе мое въ одномъ журналѣ одинъ изъ патріарховъ нѣмецкой *космополитической* и исключительной національности отвѣчалъ, что не только это справедливо, что Америка нѣмецкая, но что собственно и Россія—Германія, что въ ней русскаго *только народъ*. Этимъ мы обязаны Сарептѣ, памятной книжкѣ, нѣмецкимъ чинамъ и городамъ, оканчивающимся на несчастное *бургъ*.

Но середь этихъ философскихъ преній, въ продолженіе которыхъ «Эдгаръ Бауеръ» *построилъ* свою Россію á priori, нѣмцамъ въ острастку, да такую византійскую и православную, что сами славянофилы бы отказались отъ нея; а Дицель снялъ ее на основаніяхъ всемірно-историческаго развитія и причислилъ къ *будущимъ*,—явилась книга Вагнера о Коста-Рикѣ (Costa Rica und das Central America), изъ которой сейчасъ мы сдѣлали выписку. Извѣстный путешественникъ, жившій болѣе на Кордельерахъ и въ Пампахъ, нежели въ аудиторіяхъ и кабинетахъ, самъ былъ въ Россіи и, вглядываясь въ нее, пришелъ къ иному результату. Его

поразило сходство роста и духа между Америкой и Россіей, и онъ, совсѣмъ напротивъ, утѣшаетъ утомленную Европу, указывая ей на Америку и Россію, какъ на страны будущаго, могучаго, историческаго развитія.

Само собой разумѣется, что его введеніе (которое мы рекомендуемъ прочесть) возбудило большое негодованіе.

И чтобъ и намъ не впасть въ израильскій грѣхъ и не считать себя народомъ божіимъ, какъ это дѣлаютъ наши (двоюродные) братья славянофилы, мы замѣтимъ мимоходомъ, что исторія не такъ просто и легко двигается, чтобъ ѣздить въ одиночку; она скорѣй похожа на тяжелый дилижансъ, котораго тащатъ въ гору разныя кляченки,—одна посильнѣе, другая послабѣе, одна моложе, другая старше, но каждая тащитъ постромку. Въ числѣ лошадей, употребляемыхъ на историческую гоньбу, есть добрые кони, но ни одного, который бы не имѣлъ своихъ пороковъ, ни одного, который бы въ одиночку стащилъ старый рыдванъ. Русская лѣнь да сонъ, пріобрѣли ей до сихъ поръ только отрицательную силу; ничего не дѣлая, нельзя ни затянуться, ни истощить силъ; надеждъ у насъ не мало, притязаній тоже, но надобно посмотрѣть на дѣлѣ.

Мы бы нѣмецкимъ космо-патріотамъ стали возражать на другое. Куда имъ знать славянскій міръ, который самъ себя едва знаетъ, и который знать только можно *съ той точки зрѣнія*, съ которой естественный коммунизмъ нашъ считается не слѣдствіемъ дикаго, стаднаго состоянія, а условіемъ будущаго соціальнаго развитія. Но съ чего они воображаютъ, что Англія и Америка органическое продолженіе Германіи? Неужели Байронъ похожъ на нѣмца? Англія, совсѣмъ напротивъ, доказала, что́ можно сдѣлать изъ германской породы, когда она перемѣшается съ другою кровью, т. е., перестаетъ быть нѣмецкой. Въ основѣ англійской жизни лежатъ циклопическіе фундаменты саксонскаго понятія о правѣ, съ нимъ много германскихъ элементовъ перешло въ британскій характеръ; но на этихъ основаніяхъ Англія развила свою собственную народность, рѣзко отдѣленную, какъ ея островъ, отъ всѣхъ другихъ народностей. Отыскивать въ англичанахъ—нѣмцевъ, такъ смѣшно, какъ въ Ефраимѣ Лессингѣ—славянина Ефрема Лѣсника.

Сводя отдѣльныя національности къ соплеменнымъ народамъ и возводя ихъ далѣе и далѣе къ источникамъ и началамъ, мы всѣ потеряемся въ жидовской семьѣ Адама; или, по крайней мѣрѣ, должны считать нѣмцевъ за персіанъ, по пранскому происхожденію.

Ritter Бунзенъ—имъ это доказалъ своимъ «Ипполитомъ».

Переходя къ книгамъ, собственно вышедшимъ въ 1857 г., я упомяну, во-первыхъ, о IV томѣ поэтической, художественной «Исто-

ріи XVI столѣтія» Мишле. Генрихъ IV, Габріель, Ришелье — все лица знакомыя, но такъ живо, близко, sans gêne, съ такимъ свѣжимъ колоритомъ и освѣщеніемъ мы ихъ не видали. Можетъ, есть частности, въ которыхъ историкъ увлекся воображеніемъ, но вообще эта книга, какъ мы имѣли случай замѣтить въ «Полярной Звѣздѣ», 1855, говоря о первомъ томѣ ея, произведеніе мастерское, исторія тутъ становится искусствомъ, эпопеей въ прозѣ. Лѣта не имѣютъ никакой власти надъ сѣдымъ Мишле,—онъ юнѣетъ.

Луи Бланъ напечаталъ IX томъ своей «Исторіи Французской Революціи», еще начатой до февральской революціи. Онъ остановился на началѣ процесса гебертистовъ; само собой разумѣется, что этотъ кровавый эпизодъ кроваваго террора разсказанъ у него съ точки зрѣнія комитета общественнаго спасенія, т. е., Робеспьера.

О новомъ томѣ Тьеровой «Исторіи Консульства и Имперіи» вы знаете. Интересно, бойко, поверхностно-быстро плыветъ онъ, по плоскодонному устройству, во всякой водѣ.

Изъ «Записокъ» особенно замѣчательны послѣдніе томы «Мемуаровъ» маршала Мармонъ, испортившіе много корсиканской крови въ бонапартовской семьѣ. Иначе и быть не могло, пучки лавровыхъ вѣнковъ развязалъ герцогъ Рагузскій, чтобъ надѣлать изъ нихъ простыя розги. Съ каждымъ годомъ исчезаетъ больше и больше prestige солдатской имперіи и отяжелѣвшій Наполеонъ, замѣняющій упорными капризами тухнущій геній, окруженный своими кондотьерами въ герцогскихъ мантіяхъ, готовыми предать его, какъ предали ему республику, являются совсѣмъ иными въ запискахъ Мармона, нежели въ пѣсняхъ Беранже и литографіяхъ временъ Карла X. Книгѣ *полковника Шараса*—человѣка высокаго нравственнаго достоинства и большого знатока военныхъ наукъ—*О кампаніи 1815 года*—суждено, кажется, еще тяжеле обрушиться на гробовую крышку въ домѣ Инвалидовъ.

Записки и письма *Чарльза Непира*, изданныя послѣ его смерти, сдѣлали нѣкоторую сенсацію въ Англіи. Личность Непира въ самомъ дѣлѣ ярко и поэтически отдѣляется на тяжеломъ и туманномъ фонѣ бездарной англійской high life. Человѣкъ этотъ во всемъ далекъ отъ толпы, во всемъ поэтъ и мыслитель, много передумалъ, много и понялъ, и подъ конецъ управляя цѣлыми арміями и провинціями, печально, прямо смотрѣлъ на людей и дѣла. Въ его гордомъ, своеобразно рѣзкомъ, самостоятельномъ умѣ, въ его независимости отъ положенія, намъ такъ и бросается въ глаза различіе англійскаго и французскаго духа. Главнокомандующимъ войсками въ 1848 году, во время чартистскаго движенія О. Брайна, Митчеля и пр., онъ, далекій отъ того, чтобы восхищаться рѣзней, которая могла бы ему доставить Кавеньяковскіе и Ламорисьеровскіе лавры, отмоченные въ англійской крови,—съ грустью пишетъ

въ своемъ журналѣ о томъ, что вопросы, волнующіе умы и являющіеся въ чартизмѣ,—на череду; что, что ни дѣлай, ихъ не обойдешь, и что народы, какъ будто влекомые провидѣніемъ, идутъ къ ихъ разрѣшеніямъ; а потому будущность все же ихъ... Къ современнымъ политическимъ дѣятелямъ онъ имѣлъ мало сочувствія; къ партіямъ, поперемѣнно стоящимъ у руля Англіи, онъ тоже не могъ принадлежать, думаемъ мы, по его рѣзкой характеристикѣ ихъ: «Тори, говоритъ онъ, это грабители на большихъ дорогахъ, *разбойники*; а виги—*воришки* въ маленькихъ переулкахъ,—pick-pockets».

О жизнеописаніи Толя, изданномъ Бернгарди (вѣроятно по собственнымъ запискамъ или рукописямъ Толя) и запискахъ Сиверса, мы поговоримъ особо, въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Колокола». У Толя есть мастерскіе портреты и чрезвычайно интересныя страницы. Писать военную исторію такъ, чтобъ она занимала и не военныхъ, дѣло не легкое. Мы читали только первый томъ (ихъ вышло три, но сочиненіе не окончено, третій томъ останавливается на кампаніи 1813 года). Итальянскій походъ—и Суворовъ выходятъ очень рельефно и необычайно занимательны... Предоставляя русскимъ журналамъ помѣстить его очеркъ Суворова, мы скромно ограничимся—штатскимъ и мирнымъ генераломъ отъ розогъ, графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ.

Записки Сиверса мы еще не получили; что же касается до брошюры Чичагова, напечатанной въ Берлинѣ, она мало имѣетъ общаго интереса, или можетъ только возбудить его тѣмъ чувствомъ уваженія, которое имѣютъ всѣ къ памяти даровитаго адмирала.

Изъ разныхъ компиляцій о Россіи мы можемъ назвать, какъ нѣсколько интересную: «Menschen und Dinge in Russland». Шницлеръ продолжаетъ свою: «Empire des Tzars». Къ исторіи «Русскаго двора со временъ Петра I», Магнуса Крузенштольпе,—Гоффманъ и Кампе прибавили исторію императора Николая, для насъ сведенныхъ на Устрялова и Корфа, и эта книга не безъ интереса. Мы рекомендуемъ, впрочемъ, и остальные томы, въ нихъ русскій читатель много найдетъ любопытнаго, особенно о временахъ Елизаветы, Екатерины II, и о совершенно неизвѣстномъ у насъ царствованіи Павла I.

Книга Балейдье, о которой мы упоминали въ предпрошломъ листѣ «Колокола»: «Тридцать лѣтъ царствованія Николая», не принадлежитъ къ числу произведеній, о которыхъ можно серьезно говорить. Это самая смѣшная и самая жалкая лесть, она даже жалка и смѣшна послѣ плюгавой книги г. Зотова, подъ тѣмъ же названіемъ. У Балейдье Николай представленъ однимъ изъ величайшихъ людей нашего времени, и притомъ какимъ-то сентиментальнымъ, сбивающимся на Векфильдскаго священника и на До-

миціана... Предоставляемъ самому статсъ-секретарю Модесту быть Парисомъ и наградить почетнымъ яблокомъ достойнѣйшаго изъ двухъ состязателей отечественнаго Рафаила, или вчуже преданнаго Альфонса.

P. S. Отчего въ нашихъ обозрѣніяхъ не переводятъ отрывковъ изъ чудесныхъ и поэтическихъ брошюръ Грегоровіуса, о Корсикѣ, Италіи, Римѣ?

(1857, № 6).

Что значитъ судъ безъ гласности.

Торжественнѣе думали мы начать нашъ звонъ на 1858 г., видно нашему «Колоколу» не суждено еще издавать полные радостные звуки, звать на праздники и ликованія, возвѣщать благія вѣсти. Видно, еще надолго онъ будетъ обреченъ на долю тюремнаго звонка, печально возвѣщающаго всякій разъ, что преступленіе, что несчастье взошло или вышло, что явился палачъ, заплаканная мать переступила порогъ или процессія двинулась къ лобному мѣсту.

А какъ искренно, какъ горячо хотѣлось намъ, чтобъ было иначе, съ какимъ сердечнымъ упованіемъ смотримъ мы на усилія Александра II вырвать у упорно-своекорыстнаго дворянства—веревку, на которой оно держитъ крестьянъ въ кабалѣ. «Опора престола» стала бревномъ на дорогѣ, когда государь захотѣлъ сдѣлать доброе дѣло!

Еще хуже съ гласностью въ судѣ. Панины и компанія умѣли остановить проекты, заставили молчать объ этихъ жизненныхъ вопросахъ. Съ этими гирями на ногахъ недалеко уйдетъ Александръ Николаевичъ, спутанный формализмомъ, этикетомъ, ограниченный табелью о рангахъ, окруженный политическими старообрядцами.

Государь, очевидно, стремится вырваться изъ заколдованнаго круга, но, не слыша свободнаго голоса, не имѣя средствъ узнать истины, теряется.

Князь Долгорукій, послѣ заграничнаго путешествія государя, поднесъ ему полную «Хрестоматію», составленную Прянишниковымъ изъ подпечатанныхъ писемъ, свидѣтельствующихъ о крамольныхъ мысляхъ и крайнемъ неудовольствіи благороднаго россійскаго дворянства, при слухѣ объ освобожденіи крестьянъ. Отчего же онъ ему не доставляетъ «Колоколу»? Ужъ коли доносить, такъ все доносить, что тутъ за выборъ!

Государь не услышитъ отъ насъ ничего оскорбительнаго.

Мы ему скажемъ: будьте мужественны, человѣчество глядитъ на васъ, исторія записываетъ ваши дѣла, бѣдная Россія ждетъ; но что же исторія запишетъ, если Россія ничего не дождется, если вы ее оставите на произволъ новымъ Аракчеевымъ.

У него было доброе сердце и слабая воля! Неужели ваше самолюбіе не идетъ дальше?

Вамъ, такъ благородно поступившему въ дѣлѣ Липранди, предлагавшаго академію шпіонства, очень легко узнавать людей и дѣлить ихъ ошую и одесную, шиболетъ вашъ совсѣмъ готовъ. Кто противъ гласности, кто противъ освобожденія крестьянъ, тотъ врагъ народа, тотъ вашъ врагъ...

Отчего вы не боитесь гласности, а П. и В боятся?

Отчего вы хотите искоренить взятки, а Л. призывалъ двухъ литераторовъ и запретилъ имъ касаться этого предмета, освященнаго вѣками?

Постараемся показать на дѣлѣ—отчего.

Къ новому году намъ прислали выписку изъ одного дѣла—нисколько нечрезвычайнаго, но очень характеристическаго для объясненія, почему запертыя двери необходимы вертепамъ, называемымъ у насъ *судами*.

(1858 г., № 7).

---

* * *

На дняхъ мы получили письмо, строго критикующее «Колоколъ».

Письмо это проникнуто такимъ теплымъ чувствомъ любви къ *дѣлу* и желаніемъ добра отъ нашихъ изданій, что намъ остается искренно поблагодарить анонимнаго критика и воспользоваться тѣми изъ его совѣтовъ, съ которыми согласна наша совѣсть.

Намъ очень жаль, что въ письмѣ именно сказано, чтобъ мы его не печатали, намъ хотѣлось бы сообщить его нашимъ читателямъ.

Одно замѣчаніе мы позволимъ себѣ Авторъ письма могъ видѣть съ перваго листа «Колокола» до послѣдняго, какъ усердно мы просимъ всѣхъ, сообщающихъ намъ вѣсти, подвергать ихъ прежде строгой критикѣ. Какія же мы можемъ имѣть средства повѣрки? Если и въ нашихъ листахъ, какъ во всѣхъ журналъ, прокрадываются ошибки, мы готовы ихъ поправить, но не всегда можемъ предупредить.

Мы въ VI листѣ сказали, что московскій оберъ-полицмейстеръ *Берингъ*—остался, а онъ подалъ въ отставку. «Le Nord», имѣющій полуофиціальныя корреспонденціи, говоря объ окончаніи студентской исторіи въ Москвѣ, сообщилъ только объ отставкѣ

частнаго пристава. Вслѣдъ за тѣмъ получили мы письмо, въ которомъ обращается вниманіе на то, «что Закревскій отстоялъ Беринга». Дней десять спустя, мы увидѣли, что Берингъ замѣненъ Кропоткинымъ. Намъ остается повиниться въ ошибкѣ, поблагодарить и посовѣтовать Закревскому сдѣлать намъ такой же милый сюрпризъ.

Что касается до смѣшнаго, мы не совсѣмъ согласны съ нашимъ критикомъ. Смѣхъ—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило и еще держится, Богъ знаетъ на чемъ, важной развалиной, мѣшая расти свѣжей жизни и пугая слабыхъ. Повторяю, «что предметъ, о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнуться, не впадая въ кощунство, не боясь угрызеній совѣсти,—фетишъ, и человѣкъ подавленъ имъ, онъ боится его смѣшать съ рядовыми предметами».

Смѣхъ вовсе дѣло не шуточное и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ, слушая Аристофана и его комедіи, хохотали до самаго Лукіана. Съ IV столѣтія человѣчество перестало смѣяться,—оно все плакало, и тяжелыя цѣпи пали на умъ середь стенаній и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства стала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха было бы чрезвычайно интересно. Въ церкви, во дворцѣ, во фрунтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частнымъ приставомъ, передъ нѣмцемъ управляющимъ никто не смѣется. Крѣпостные слуги лишены права улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собой.

Если низшимъ позволить смѣяться при высшихъ, или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чинопочитаніе. Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ значитъ разстричь его изъ священнаго сана въ простые быки. Снимите рясу съ монаха, мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста, и они не будутъ страшны ни для малыхъ, ни для большихъ. Смѣхъ нивелируетъ, а этого-то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ. Аристократы всегда такъ думали, и жена *графскаго дворецкаго* Фигаро, жалуясь въ «La mére coupable» на горькіе слѣды 1789 года, говоритъ, что теперь всѣ сдѣлались *какъ всѣ*, comme tout le monde!

Въ русскомъ характерѣ вообще есть азіатская склонность къ вычурному подобострастію, съ одной стороны, и къ надменному чванству, съ другой. Объясните иностранцу и въ особенности не нѣмцу, что простой смертный носитъ *рубашку*, а баринъ *сорочку*, что одинъ—*спитъ*, а другой *почиваетъ*, одинъ *пьетъ* чай, а другой пзволитъ его *кушать*; все это пришло изъ золотой Орды и изъ томпаковой Германіи.

И отчего это мы такъ обидчивы, когда дѣло идетъ о шуткѣ, и такъ выносливы, когда насъ бранятъ сверху? Это уже лѣтъ пятнадцать тому спрашивалъ Бѣлинскій. Перелистуйте лондонскій «Пуншъ», посмотрите на политическія карикатуры его, въ которыхъ всего меньше пощаженъ мужъ королевы; что дѣлаетъ Викторія, что дѣлаетъ Альбертъ, — глядятъ «Пуншъ» и смѣются съ другими. Вотъ лучшее доказательство, какъ совершеннолѣтня Англія. Съ другой стороны, посмотрите это изступленіе, эту тревогу, съ которой преслѣдуютъ каждый свистокъ, каждую улыбку во Франціи... и подумайте о причинахъ.

Другой корреспондентъ пишетъ, что въ исторіи о слѣдствіи, дѣланномъ Эльстонъ-Сумароковымъ, фамилія помѣщика, продавшаго имѣніе, не вѣрно выставлена. Въ «Теймсѣ» была только фамилія П.; въ письмахъ, нами полученныхъ, *три разныя фамиліи*, но обстоятельства разсказаны одинакимъ образомъ, а въ этомъ-то и сущность. Мы совершенно убѣждены, что каждый изъ благороднаго сословія помѣщиковъ, мѣшающихъ государю освободить крестьянъ, способенъ такъ же поступить. Тѣмъ не менѣе мы благодаримъ за поправку и готовы впредь и всегда печатать *всякое опроверженіе, основанное на фактахъ*.

(1858 г., № 8).

Черезъ три года.

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! и намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ дѣла,—кто его сдѣлалъ, тому и честь.

Середь общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣсновавшихся реакціонеровъ и солдатъ пьяныхъ отъ крови, середь нелѣпой войны и глубокаго паденія всего западнаго материка,— мы, со страхомъ гадая, обращали взглядъ нашъ на молодаго человѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ.

«Отъ васъ ждутъ кротости», говорили мы ему, «отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца, — вы необыкновенно счастливы!» И робко, мучимые сомнѣніемъ, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову! Смойте съ Россіи позорное пятно *крѣпостного состоянія*».

И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ, надѣясь, негодуя, прислушиваясь къ движенію, къ вѣстямъ. Послѣ тридцатилѣтняго ожиданія—нетерпѣніе простительно.

Книга Корфа оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ безпощадно напоминала намъ свинцовое время, въ которое мы столько страдали.

...А тамъ это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мѣшающіе ему идти впередъ... Надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся во мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи. Онъ работаетъ съ нами—для великаго будущаго.

Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если-бъ его царствованіе завтра окончилось, если-бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ, — все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ!

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое, — пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противудѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противупоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе.

И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣриться... И тутъ, какъ во всемъ, по неволѣ бьешься въ другое *великое искомое* современной Россіи — *въ гласность*. Гласность ихъ казнитъ прежде, нежели дойдетъ дѣло до правительственнаго бича.

Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами! Выходите же на арену, дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ, вы поумнѣли, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши? Знаете, что—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской? Это мужика-то и не посѣчь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряемтесь!

Вамъ можно было отпустить грѣхъ неправаго наслѣдства, преемственнаго стяжанія, преступленія вашихъ злодѣевъ-отцовъ, вашихъ изверговъ-матерей, за раскаяніе, за молчаніе. за умѣнье понести потерю, за угрызенія совѣсти. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю отвѣтственность. Вы никогда не осмѣливались даже поворчать, когда вашихъ дѣтей ссылали въ Сибирь, когда съ самими вами обращались, какъ съ холопами, и вы осмѣливаетесь теперь показывать зубы. Исторія васъ разсудитъ съ императоромъ Александромъ II и съ народомъ русскимъ,—смотрите только, какъ бы она для васъ не настала слишкомъ скоро. Подумайте объ этомъ!

Что касается до насъ, — нашъ путь впередъ назначенъ: мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ *живой голосъ*, и какъ бы нашъ *Колоколъ* ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II неравнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, «которымъ ненужно его бояться и которые для себя лично *ничего не ждутъ, ничего не просятъ*».

Но ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость,—*но не враговъ*! Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе *освободителя крестьянъ*.

«*Ты побѣдилъ, Галилеянинъ*!

(1858 г., № 9).

Розги и розги!

Газеты сообщаютъ изъ Россіи вѣсти о мѣстныхъ крестьянскихъ бунтахъ. Это надо было ожидать, потому что вопросъ освобожденія крестьянъ не былъ разрѣшенъ общей государственной мѣрой.

Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нужны во главѣ правительства люди твердыхъ убѣжденій, которые шли бы впередъ, не пугаясь ни своекорыстнаго ропота помѣщиковъ, ни мѣстныхъ волненій и не обращаясь изъ эмансипаторовъ въ истязатели.

Пора приступить къ общей государственной мѣрѣ выкупа крестьянъ съ землею. Или мы пойдемъ навстрѣчу страшныхъ несчастій. Они начались,—и сердце обливается кровью при мысли, что теперь дѣлается!

Злодѣйства совершатся, людей засѣкутъ, какъ это было въ Кіевской губ. годъ тому назадъ! Злодѣйства эти скроются, благодаря второму бичу русской жизни,—*безгласности*, народъ будетъ оклеветанъ. Ужасъ! ужасъ!

Нельзя служить двумъ господамъ, нельзя разомъ освобождать крестьянъ и сѣчь ихъ!

(1858 г., № 15).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА

Авраамія Сергіевича Норова.

Что городъ—то Норовъ,
что столица—то Закревскій.

Авраамій Сергіевичъ почилъ отъ министерства, и для него, какъ для Наполеона на островѣ св. Елены, «уже потомство настаетъ». Отставной министръ просвѣщенія, Гизо, самъ пишетъ свою біографію; келарь Авраамій Палицынъ тоже о себѣ писалъ самъ! но Авраамій Сергіевичъ, подобно родоначальнику всѣхъ Авраамовъ (доведшему свое историческое подобострастіе и вѣрноподданническія чувства до того, что чуть не прирѣзалъ роднаго сына Ісаака)—ждетъ новаго Моисея.

Для этого-то будущаго Моисея хотимъ и мы передать нѣсколько подробностей о добросовѣстныхъ трудахъ Авраамія Сергіевича и о неусыпныхъ попеченіяхъ его, сдѣланныхъ съ просвѣщенной цѣлью помѣшать распространенію нашихъ книгъ.

Лѣтомъ 1857 г. Авраамій Сергіевичъ проживалъ въ Берлинѣ, лихорадочно поджидая государя (какъ будто онъ не могъ наговориться съ нимъ до сыта и до ленты въ Петербургѣ?). Вдругъ... въ его замкѣ народнаго просвѣщенія in partibus раздается рожокъ, гремятъ цѣпи подъемнаго моста и въѣзжаетъ оруженосецъ *Марковскій*, посланный отъ маркиза Паулуччи, начальника тайной полиціи въ Варшавѣ. Паулуччи поручалъ министру просвѣщенія, черезъ Марковскаго, имѣть неослабное наблюденіе въ Германіи за русскими книгами, печатаемыми въ Лондонѣ. Просвѣщенный министръ, желая оправдать довѣріе Паулуччи, тотчасъ принялся за дѣло и самъ поѣхалъ съ пакетомъ въ Дрезденъ. Въ Германіи, надо вамъ сказать, есть два, три отдѣленія третьяго отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Еще при незабвенныхъ Леонтіи Васильевичѣ и Николаѣ Павловичѣ онѣ были очень хорошо устроены: Берлинскимъ отдѣленіемъ III отдѣленія собственной канцеляріи завѣдывалъ Мантейфель, Саксонскимъ — Бейстъ. Къ нему-то первому и обратился старецъ Авраамій, поддерживаемый

старцемъ Шредеромъ (изъ русскихъ), человѣкомъ, котораго учтивость была до того велика, что почти выходила изъ предѣловъ приличія.

Бейстъ, видя жандармское рвеніе министра народнаго просвѣщенія, поддержанное учтивѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ Шредеровъ, не исключая Шредера Девріен', далъ слово (и сдержалъ его) запретить въ Саксоніи русскія книги, печатаемыя въ Лондонѣ, признаваясь откровенно и всенародно этимъ фактомъ, что Саксонія находится на положеніи Грузіи, и что ея царь Ираклій —гражданскій губернаторъ саксонской и военный генералъ-губернаторъ города Дрездена.

Авраамій Сергіевичъ, довольный успѣхомъ, снова возвратился въ Берлинскую область. Въ уѣздномъ городѣ Потсдамѣ онъ встрѣтилъ г. Адлерберга, к. Горчакова и самаго государя; съ ужасомъ жаловался онъ имъ всѣмъ на распространеніе русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ духѣ свободы и независимости, дерзающихъ касаться не только до предметовъ священныхъ, но и до первыхъ трехъ классовъ, не щадящихъ ничего, ни даже графа Панина. Онъ удивлялся преступному равнодушію Брунова, который терпитъ въ Берлинѣ продажу ихъ. (Онъ не разсудилъ, что Бруновъ, проживши въ Англіи такъ долго, утратилъ рабскую книгобоязнь). Горчаковъ обѣщался принять мѣры, попросить, убѣдить, склонить кого надобно; у короля намѣстника мозгъ уже размягчался тогда не по днямъ, а по часамъ, Мантейфель свой человѣкъ, Герлахъ *покойниковъ* человѣкъ,—успѣхъ былъ несомнѣненъ. Но что довольно для успѣха,—того не довольно для усердія, и потому состоящій при маркизѣ Паулуччи министръ народнаго просвѣщенія отправился самъ къ Мантейфелю. — «Кейзеръ, говоритъ, нихтъ воленъ... Зи мусенъ махенъ,—Прусишъ, Русишъ—камрадъ!»

Мантейфель запретилъ наши книги во всей ввѣренной ему губерніи.

И намъ пришлось печатать послѣ всѣхъ этихъ рекламовъ, переписокъ, совѣщаній, Бейстовъ, маркизовъ отъ инквизиціи, министровъ отъ просвѣщенія, Марковскаго, Мантейфеля,—ровно *вдвое больше* нашихъ книгъ!

А надобно признаться, оригинально понималъ отецъ Авраамій министерство просвѣщенія: онъ вѣрно думалъ, что оно, какъ пожарное депо, назначено не для увеличенія просвѣщенія, а для предупрежденія и прекращенія его, гдѣ оно (чего Боже сохрани), нечаянно случится. Зато по-еврейски знаетъ онъ, по свидѣтельству Аугсбургской газеты, лучше всякаго равина и талмудъ толкуетъ, какъ будто не выходилъ всю жизнь изъ синагоги.

(1858 г., № 15).

Дворянство Сумскаго уѣзда.

Намъ пишутъ:

«Помѣщики Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, собрались къ своему предводителю дворянства, г. Савичу, и единодушно изъявили желаніе: немедленно освободить крестьянъ, надѣливъ ихъ не только землей усадебною, но и пахатною, въ личное вѣчное и потомственное владѣніе, за которую землю они должны уплатить помѣщику деньги (отъ 45 до 50 за десятину) въ продолженіи 12 лѣтъ. Ежели же кто въ продолженіи этого срока, по разнымъ несчастнымъ причинамъ, какъ то: голода, падежа скота, пожара, и т. п. не будетъ въ состояніи выплатить, то таковымъ разсрочить платить на дольшее время, только положить 5% на остающую неуплаченную сумму, до окончательной уплаты.

«Такъ какъ мы ничего не можемъ сдѣлать безъ соглашенія, позволенія, разрѣшенія высшаго начальства, то предводитель дворянства и депутатъ отправились къ 15 (27) марту въ Харьковъ бить челомъ. Къ тому же времени должны были съѣхаться предводители и депутаты другихъ уѣздовъ, для обсужденія въ депутатскомъ собраніи подобнаго вопроса. Когда въ этомъ собраніи дошла очередь до Сумскаго уѣзда, предводитель представилъ желаніе дворянъ своего уѣзда. Всѣ возстали противъ предложенія, сдѣланнаго Савичемъ.

«Какъ ни было ему трудно, однако онъ не согласился съ мнѣніями другихъ предводителей, и потому послѣ долгихъ толковъ и пересудовъ составили протоколъ, въ которомъ губернія проситъ разрѣшеніе составить въ каждомъ уѣздѣ комитеты для обсужденія главныхъ потребностей, согласно мѣстности и характеру народной промышленности, и дозволить поставить правила для освобожденія крестьянъ въ каждомъ уѣздѣ особо».

Нельзя не поблагодарить помѣщиковъ Сумскаго уѣзда и ихъ предводителя за благородный вызовъ и не пожелать имъ успѣха въ добромъ намѣреніи ихъ освободить въ наискорѣйшее время крестьянъ съ землею.

(1858 г., № 16).

Тамбовское дворянство.

Мы получили на дняхъ письмо, въ которомъ какой-то другъ тамбовскаго дворянства упрекаетъ насъ въ поспѣшности, съ которой мы «предали это дворянство анаѳемѣ», повѣривъ статьѣ «Норда». Хотя авторъ письма и сознается, что онъ «мало знаетъ

расположеніе тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ», тѣмъ не менѣе желаетъ защитить его. И мы ничего лучше не просимъ, какъ исполнить его доброе желаніе и «снять анаѳему»; мы сдѣлаемъ это тотчасъ, какъ только почтенный корреспондентъ нашъ *много узнаетъ* о хорошемъ расположеніи тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ. Мы до сихъ поръ, сверхъ статьи «Норда», читали рѣчь какого-то Бланка, передъ которой іезуитское сочиненіе Безобразова зажигательная статья, и циркуляръ министра Ланскаго такое же якобинское произведеніе, какъ бюллетень Ледрю-Роллена. Въ концѣ этого отвратительнаго диѳирамба въ пользу крѣпостнаго состоянія и рабства сказано въ скобкахъ: «Рѣчь сія была принята собравшимся дворянствомъ съ восторгомъ и рукоплесканіемъ».

Что касается до князя Голицына и до г. Ліона, намъ до нихъ нѣтъ дѣла; мы охотно вѣримъ корреспонденту, что кн. Голицынъ виноватъ, и безъ малѣйшаго труда примемъ, что г. Ліонъ неправъ. Мы знаемъ, что̀ такое россійское благородное дворянство.

Мы искренно будемъ рады, если тамбовское дворянство, да и всѣ прочія поймутъ, что оппозиція правительству и народу въ дѣлѣ освобожденія не только безнравственна и гнусна, но чрезвычайно опасна и можетъ навлечь на нихъ вещи несравненно болѣе чувствительныя, чѣмъ нѣсколько строкъ «Колокола».

(1858 г., № 16).

---

1 іюля 1858 г.

Годъ тому назадъ вышелъ *первый листъ Колокола*. Невольно останавливаемся мы, смотримъ на пройденный путь... и на душѣ становится грустно и тяжело.

А между тѣмъ въ продолженіи этого года сбылось одно изъ нашихъ пламеннѣйшихъ упованій, начался одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ Россіи, тотъ, который мы предсказывали, жаждали, звали съ дѣтскихъ лѣтъ, — началось освобожденіе крестьянъ.

Но на душѣ не легче и чуть ли мы въ этотъ годъ не сдѣлали шагъ назадъ.

Причина очевидна, мы ее скажемъ прямо и мужественно: *Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи.* Въ прошломъ іюнѣ онъ еще стоялъ, какъ богатырь нашихъ сказокъ, на перекресткѣ, — пойдетъ ли онъ направо, пойдетъ ли онъ налѣво, нельзя было знать, казалось, что онъ непремѣнно пойдетъ по пути развитія, освобожденія, устройства... вотъ шагъ и еще шагъ,—но вдругъ онъ одумался и повернулъ:

Слѣва да направо.

Можетъ, еще есть время... но его мчатъ дворцовые кучера, пользуясь тѣмъ, что онъ дороги не знаетъ. И нашъ «Колоколъ» напрасно звонитъ ему, что онъ сбился съ дороги, звонитъ ему бѣдствія Россіи и собственную опасность.

Но въ томъ-то и бѣда, что сильные міра сего не умѣютъ ни слушать, ни даже вспоминать. Исторія передъ ними, но не для нихъ она передаетъ горькій опытъ народовъ и строгій судъ царей потомствомъ.

Выбрать, имѣя въ своей волѣ выборъ, изъ двухъ ролей Петра I и Пія IX, — роль Пія IX, это высшій примѣръ христіанскаго смиренія.

Но скажутъ намъ: Петръ I былъ геній, геніи родятся вѣками, не всякій царь, который захочетъ быть Петромъ, будетъ имъ.

Въ томъ-то и дѣло, чтобъ быть для Россіи вторымъ Петромъ въ наше время, ненужно быть геніемъ, для этого достаточно любить Россію, уважить, понять человѣческое достоинство въ русскомъ, и вслушаться въ его мысль, въ его стремленія. Можетъ, геній повредилъ бы многому, какъ самъ Петръ I, онъ втѣснилъ бы свою личную волю вмѣсто развитія зародышей, которые взошли и которыхъ только ненадо ни полоть, ни топтать, ни насиловать,—предоставляя имъ самимъ ростъ и устраняя препятствія. Петру I приходилось создавать и казнить, въ одной рукѣ у него былъ заступъ, въ другой топоръ. Онъ дѣлалъ просѣку въ дичи и, разумѣется, зря порубилъ хорошее рядомъ съ дурнымъ. Мы перестали любить терроръ, въ чемъ бы онъ ни былъ, и какая бы цѣль его ни была.

Терроръ столько же ненуженъ, какъ и геній, въ наше время. Дѣятельная, мыслящая часть Россіи идетъ быстро впередъ, знаетъ, чего хочетъ, заявляетъ это общественнымъ мнѣніемъ. Въ концѣ прошлаго царствованія, несмотря на опасность, на гоненія, мысли, бродившія въ умахъ, были до того сильны, что создали подземную рукописную литературу, ходившую изъ рукъ въ руки. Въ послѣдствіи тотъ же порядокъ мыслей выражался восторгомъ, съ которымъ были приняты всѣ хорошія начинанія новаго правительства. Половина петровскаго дѣла, и самая трудная, дѣлается теперь хоромъ. Около Петра все молчало, онъ, проснувшись раньше другихъ, долженъ былъ будить, догадываться, выдумывать. Теперь проснулись многіе, теперь многіе опередили и ждутъ, когда ихъ позовутъ на совѣтъ. Реформамъ Петра противился весь народъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ; реформамъ Александра II весь народъ готовъ содѣйствовать, кромѣ гнилой части дворянства и стариковъ, выжившихъ изъ ума. Что касается до поддѣльной. служилой олигархіи, до всѣхъ parvenus изъ казармъ и изъ чернильницъ, до этого смирительнаго дома, до этихъ арестантскихъ

ротъ николаевскихъ питомцевъ,—они никакого мнѣнія не имѣютъ. Сегодня они будутъ засѣкать крестьянъ за то, что они хотятъ освободиться, — завтра разстрѣливать дворянъ за то, что они не хотятъ освобождать.

Но, можетъ быть, реформы, о которыхъ говорилъ Александръ II въ рѣчахъ, въ манифестахъ, указахъ, приказахъ и официальныхъ журналахъ, не совпадаютъ съ тѣми желаніями мыслящей Россіи, которыя проявляются въ литературѣ, въ общественномъ мнѣніи.

Совсѣмъ нѣтъ, онѣ однѣ и тѣ же.

Въ этомъ-то и состоитъ безпредѣльная, раздирающая сердце иронія, трагическій комизмъ нашего положенія. Правительство никогда не бываетъ такъ мощно, какъ въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Легисты Англіи, страны строжайшей законности, много разъ выражали мысль, что «исполнительная власть сильнѣе закона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она встрѣчается съ народнымъ желаніемъ». Какова же у насъ должна быть самодержавная власть, когда она за одно съ народомъ?

Царь силится подать руку народу, народъ силится взять ее и не можетъ достать черезъ П. и компанію. Это аристофановская сцена! Только что государь совсѣмъ готовъ, приподнявшись на цыпочкахъ, коснуться протянутой къ нему руки, какъ кто-нибудь изъ этихъ сѣдыхъ шалуновъ — Орловъ, Закревскій, закричитъ: «Ваше величество, Боже мой!...»

Ну, что бы попробовать, кажется? Былъ же, вѣдь, государь на Кавказѣ въ дѣлѣ съ горцами, любитъ охотиться по медвѣдямъ. Да и что черкесы и медвѣди? Развѣ государь не подвергается ежедневно опасности быть съ этими столпами отечества, которые заслоняютъ ему Россію.

У насъ ничего нѣтъ за душой, мы все говоримъ. Пусть же каждый читатель, положа руку на сердце, скажетъ, гдѣ были въ «Колоколѣ» несбыточныя требованія, политическія утопіи, призывы къ возстанію?

Въ существованіи «Колокола» есть черта, переломъ. Съ обнародованія рескрипта объ освобожденіи крестьянъ, нашъ путь долженъ былъ измѣниться, не въ существенномъ, но въ образѣ дѣйствія. Мы пожертвовали частью полемики и стѣснили еще больше кругъ нашихъ вопросовъ. Мы сдѣлались ближе къ правительству, потому что правительство сдѣлалось ближе къ намъ. Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія, мы всѣ ихъ видѣли на дѣлѣ и видѣли, что всѣ онѣ никуда негодятся, если онѣ реакціонны, и всѣ хороши, если онѣ современны и прогрессивны. Намъ искренно и откровенно казалось, что Александръ II замѣнитъ кровавую эру революціи и будетъ мирнымъ, кроткимъ переходомъ къ человѣчески-свободному состоянію Россіи.

Ошибались ли мы, нѣтъ ли, но, думая такимъ образомъ, мы совершенно послѣдовательно въ продолженіи шести мѣсяцевъ послѣ изданія рескрипта занимались почти исключительно осуществленіемъ его [1]).

Чего требовали мы, о чемъ писали?

Мы требовали, чтобъ помѣщики не украли у крестьянъ освобожденіе, чтобъ желаніе, выраженное робко правительствомъ относительно усадебъ и земли, не было объяснено въ пользу собственниковъ. Были ли мы правы? Это доказываютъ — краснорѣчіе Безобразова и Бланка, центральный комитетъ, усиленная цензура, дворянская оппозиція и *насильственныя переселенія* крестьянъ на неудобную землю.

Мы говорили, сверхъ того, что освобожденіе крестьянъ само по себѣ недостаточно, что рядомъ съ помѣщикомъ стоитъ второй бичъ русскаго народа—чиновникъ, т. е., полиція и судъ. Мы говорили, что пока не падетъ японская табель о рангахъ, пока судъ будетъ инквизиціонный съ запертыми дверями, съ канцелярской тайной, пока полиція будетъ увѣщевать розгами, допрашивать кулаками, наказывать палками *безъ суда*,—до тѣхъ поръ освобожденіе крестьянъ не принесетъ настоящей пользы.

Но развѣ самъ государь, испуганный тѣмъ, что вся гражданская служба—одно огромное faux dans les papiers publics, не заявлялъ того же мнѣнія и, если-бъ Панинъ утвердилъ или принялъ бы бла-

---

[1]) Многіе упрекаютъ «Колоколъ», и въ томъ числѣ прусская *Крестовая* газета, въ непочтительномъ тонѣ и фамильярномъ обращеніи съ лицами, которыя хотя и стали костью во всякомъ улучшеніи, но все же принадлежатъ къ первымъ двумъ классамъ. На этой выси высотъ сановники уже становятся матронами, до коихъ не должны касаться не смягченныя слова. Вѣроятно, въ Пруссіи запрещенъ «Пуншъ», и въ Берлинѣ не знаютъ, какъ свободные люди свищутъ дурнымъ скоморохамъ. Къ этому замѣчанію прибавляютъ: «Да хорошо ли издали, съ недоступнаго острова, бросать печеныя яблоки въ нихъ?» — *Очень*, потому что вблизи они сами защищены моремъ полицій, цензуръ. Да къ тому же у насъ есть своя очистка. Мы не *издали* въ началѣ Крымской войны писали наши статьи о Россіи (Le vieux monde et la Russie) и не пріостановились нынѣшней весной, во время пущаго разгара боязни передъ сосѣдомъ, напечатать—«La France ou l'Angleterre». — Да лицато, на которыя нападаетъ «Колоколъ», растутъ отъ этого въ силѣ. Если это правда, остается жалѣть объ темной водѣ, мѣшающей государю видѣть истину. Но намъ и до этого дѣла нѣтъ, наша отмѣтка не для герольдіи, наша отмѣтка для всего честнаго люда русскаго.—«Все это такъ, да въ тонѣ нѣкоторыхъ статей *ненужныя* выраженія». — «Крикъ мучимаго не можетъ быть приведенъ въ хроматическую гамму», говорилъ мнѣ одинъ старый знакомый, понимавшій, что въ звонъ нашего «Колокола» входитъ именно вопль, поднимающійся изъ съѣзжихъ, изъ казармъ, съ помѣщичьихъ конюшенъ, съ барщинныхъ полей, съ цензурной бойни.—«Колоколъ» рѣшительно принадлежитъ дурному обществу, оттого у него и нѣтъ ни канцелярской вѣжливости, ни секретарской учтивости.

госклонно его предложеніе, то, можетъ, у насъ явились бы и защитники подсудимыхъ, и присяжные, и судъ производился бы при дневномъ свѣтѣ.

Государь хотѣлъ бы измѣнить, но бродитъ въ потьмахъ, не знаетъ, съ чего начать; отъ подканцеляриста до канцлера, всѣ его обманываютъ; а голосъ неслужащихъ до него не доходитъ. Общественное положеніе всей неслужащей Россіи или невыслужившейся таково, что она только можетъ въ присутствіи монарха танцовать на балѣ,—если изъ дворянъ, и по всякому поводу, счастію и несчастію, носить на золотомъ блюдѣ хлѣбъ и соль,—если она изъ купечества.

Это также логически приводитъ къ нашему третьему требованію, къ—*гласности.*

Не смѣшно ли, что сами поставили плотину, заперли ее, да и удивляются, что воды нѣтъ. Поднимите цензурный шлюзъ, и тогда узнаете, что думаетъ народъ, отъ чего ему больно, что его жметъ, мучитъ, раззоряетъ... Можетъ, сначала пойдетъ по поверхности всякая всплывшая дрянь,—что за важность, лишь бы этой водой унесло всѣхъ этихъ полумертвыхъ кошекъ и зайцевъ.

Требовали ли мы чего-нибудь больше?

Какія бы ни были наши теоретическія мнѣнія, какъ бы мы ни были въ нихъ «неисправимы», мы ихъ не высказывали, мы стирались и охотно это дѣлали, пока государственный рыдванъ плелся такъ себѣ впередъ; но когда онъ рѣшительно начинаетъ пятиться, давить своими тяжелыми колесами ноги, тогда мы пойдемъ другой дорогой.

И вотъ третья фаза, въ которую входитъ «Колоколъ».

Мы поставили эпиграфомъ—Vivos voco! Гдѣ же живые въ Россіи? Намъ показалось, что живые есть въ самомъ дворцѣ, мы обращали нашу рѣчь къ нимъ, мы не раскаиваемся въ этомъ. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положившій начало освобожденію крестьянъ, заслужилъ великое имя въ исторіи и благодарность наша останется неизмѣнной. *Живые,*— это тѣ разсѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мущины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволіи полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувствіемъ читаютъ насъ.

«Колоколъ» ихъ органъ, ихъ голосъ,—на безплодныхъ, каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздасться сильнѣе въ долинѣ!

(1858, № 18).

Опять надежды!

Государь отпустилъ удѣльныхъ крестьянъ на волю и съ землею! Это великій поступокъ, это дѣйствительный примѣръ дворянству: главный помѣщикъ русскій оказывается лучшимъ; неужели же остальнымъ помѣщикамъ не будетъ стыдно и они не послѣдуютъ благородному примѣру? А Богъ ихъ знаетъ,—безуміе и корысть людскія безграничны; тутъ ничего не предугадаешь. Но пусть государь идетъ по этой стезѣ, пусть для него будетъ всего дороже сочувствіе русскаго народа; эта награда стоитъ того, чтобы о ней похлопотать. Останавливаться на отпускѣ на волю удѣльныхъ крестьянъ нельзя. Надо отпустить на волю и государственныхъ крестьянъ, т. е., надо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ со всѣми его палатами и окружными. Не бойтесь за подати. Недоимка существуетъ теперь, потому что государственные крестьяне платятъ окружнымъ взятки втрое болѣе, чѣмъ законная подать. Уничтожьте министерство государственныхъ имуществъ, дайте крестьянамъ выбрать своихъ сборщиковъ и платить подать въ сроки, ими самими назначенные,—и недоимки не будетъ, и ненужно будетъ выдумывать винные откупа для пополненія недостающихъ казнѣ денегъ. Отпустите же дѣйствительно на волю и удѣльныхъ, и помѣщичьихъ, и казенныхъ крестьянъ; дайте имъ самимъ устроиться; повѣрьте, они лучше устроятся сами, чѣмъ если ихъ станутъ устраивать. Намъ нечего заводить или продолжать усиленныхъ бюрократій; въ западной Европѣ бюрократіи развились отъ того, что тамъ главное—города, а села имъ подчинены; городъ стремится къ бюрократіи. А у насъ городовъ нѣтъ, наши города только по названію города, а въ дѣйствительности не существуютъ. У насъ главное—села. Дайте селамъ устроиться своимъ умомъ,—и Россія останется спокойною, и правительству будетъ легче, и народу будетъ легче.

(1858 г., № 21).

А. Ивановъ.

Еще разъ коса смерти прошлась по нашему бѣдному полю и еще одинъ изъ лучшихъ дѣятелей палъ — странно, безвременно. Дворовые косари помогли его подкосить въ то самое время, какъ онъ усталой рукой касался, послѣ цѣлой жизни труда и лишеній, лавроваго вѣнка. Больной, измученный нуждой, Ивановъ не вынесъ грубаго прикосновенія и—умеръ!

Да и зачѣмъ намъ художники и поэты, зачѣмъ эти нѣжныя, нервныя организаціи, которыя не могутъ выносить воздуха перед-

ней, дерзости дворецкихъ, образованности фельдфебелей? Теперь намъ надобны бойцы, теперь намъ надобны люди, которые за обиду платятъ не своимъ здоровьемъ, а двойной обидой, за пренебреженіе невѣждъ—презрѣніемъ и ненавистію!

Жизнь Иванова была анахронизмомъ; такое благочестіе къ искусству, религіозное служеніе ему съ недовѣріемъ къ себѣ, со страхомъ и вѣрою, мы только встрѣчаемъ въ разсказахъ о средневѣковыхъ отшельникахъ, молившихся кистью, для которыхъ искусство было нравственнымъ подвигомъ жизни, священнодѣйствіемъ, наукой.

Молодымъ человѣкомъ принялся Ивановъ за свою картину «Іоанна Предтечи» и состарѣлся съ нею; кисть, взятая юношеской рукой, ослабѣла на томъ же полотнѣ; цѣлая жизнь была употреблена на созерцаніе, обдумываніе, изученіе своего предмета, и при какихъ условіяхъ. «Нищета его, пишетъ мнѣ одинъ изъ друзей его, была такова, что онъ по суткамъ довольствовался стаканомъ кофея и черствой булкой или чашкой чечевицы, сваренной изъ экономіи имъ самимъ, въ той студіи, гдѣ работалъ, и на водѣ, за которой нашъ художникъ ходилъ самъ къ ближайшему фонтану». И въ этой борьбѣ шли годы и годы. Въ продолженіи двадцати лѣтъ онъ получилъ *десять тысячъ руб.* изъ кассы цесаревича Александра Николаевича, который, будучи въ Римѣ, сказалъ Иванову, что онъ его картину считаетъ своей.

Въ прошедшемъ году онъ выставилъ свою картину въ Римѣ; общество художниковъ всѣхъ странъ осыпало ее похвалами,—это были единственныя сладкія минуты Иванова, но и онѣ не были безъ примѣси горькаго элемента внутренней борьбы. Объ ней мы скажемъ послѣ.

Его звали въ Россію; два мѣсяца передъ кончиной пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Полный надеждъ и думъ, онъ мечталъ, что для него легко откроется новая дѣятельность. Онъ мечталъ о своихъ давно задуманныхъ эскизахъ изъ жизни Христа, думалъ съѣздить въ Іерусалимъ и потомъ ему хотѣлось распространять больше и больше великую художественную традицію живописи—молодому поколѣнію. Какъ дѣйствительный художникъ, онъ съ грустью смотрѣлъ, съ одной стороны, на легкую, эффектную манеру, съ другой, на растлѣніе вкуса иконописью,—этимъ лицемѣріемъ въ живописи, этой ложью въ искусствѣ.

Петербургскую жизнь Ивановъ совсѣмъ не зналъ или зналъ смутно, по слухамъ. Простой, отвыкшій отъ людей, онъ какимъ-то чуждымъ явился съ своей картиной — передъ толпой цеховыхъ интригановъ, равнодушныхъ невѣждъ, казарменныхъ эстетиковъ.

Начались маленькія avanies, которыхъ онъ не умѣлъ переносить,—все огорчало его, мучило. Ему дали во дворцѣ бѣлую залу

со сквернымъ освѣщеніемъ для картины. Государь взглянулъ на нее, оглушенный громомъ и звономъ, разсѣянный торжествомъ освященія Исакіевскаго собора.

Второй и третьей гильдіи живописныхъ дѣлъ мастера пожимали плечами, придворнымъ было не до Иванова...

Ему бы къ Минѣ Ивановнѣ,—не догадался.

Денегъ у него не было, онъ жилъ у одного пріятеля, не понимая, что ему надобно было снискать покровителей, пріобрѣсти хадатаевъ.

Наконецъ, 29 іюня президентъ академіи художествъ, т. е., графиня Строгонова, потребовала Иванова и объявила ему, что ему опредѣляется 10.000 рублей вознагражденія и назначается 2.000 рублей пенсіи, и желала знать, доволенъ ли онъ. Несмотря на свою застѣнчивость, Ивановъ не спѣшилъ принять предложенія и просилъ его обдумать.

На другой день, 31 іюня, курьеръ снова требуетъ Иванова. Его заставляютъ ждать въ передней *три часа*, послѣ которыхъ выходитъ графъ Строгоновъ и объявляетъ ему, чтобъ онъ за окончательнымъ отвѣтомъ обратился къ Адлербергу.

Чего же церемониться съ живописцемъ, что такое живописецъ? Вѣдь, мы не папы римскіе, чтобы дружески принимать какого-нибудь Бенвенуто-Челлини, или съ уваженіемъ какого-нибудь Буонаротти. Графъ Строгоновъ, помнится, бывши въ Женевѣ, находилъ, что Александръ Николаевичъ красный революціонеръ и что пора его остановить на этой скользкой стезѣ... Столбовые-съ!

Ивановъ, пораженный этимъ пріемомъ, не пошелъ къ Адлербергу, ему довольно было одной передней. Разстроенный, огорченный, побрелъ онъ къ одному знакомому; вечеромъ онъ почувствовалъ себя дурно, къ полуночи явились первые признаки холеры и ночью съ 2/14 на 3/15 іюля его не стало

На утро явился курьеръ съ пакетомъ, возвѣщавшимъ трупу художника, что ему жалуется 15.000 руб. и *владимірскій крестъ* въ петлицу.

Мы не думаемъ, чтобы Иванова намѣренно тѣснили, но, вѣдь, это тѣмъ хуже. Тутъ одна небрежность, разсѣянность вздоромъ, чиновничье неуваженіе къ искусству и къ художнику. Имъ въ голову не приходитъ, что нельзя одинакимъ образомъ обращаться съ Ивановымъ и съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ; что на художникѣ есть свое помазаніе, что художникъ тоже власть, что это ровный—pares; что генераловъ, оберъ-форъ-шнейдеровъ, нидеръ-нахъ-шустеровъ можно дѣлать десятками, стадами, а художники родятся, и что если владимірскій крестъ можетъ иной разъ предохранить лице станціоннаго смотрителя отъ генеральскаго кулака, то онъ смѣшенъ въ петлицѣ такого артиста.

Картину свою Ивановъ завѣщалъ своему брату—зодчему; интересно узнать, какъ съ нимъ будутъ торговаться...

Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ. Я познакомился съ нимъ въ Римѣ, въ 1847 году. При первомъ свиданіи мы чуть не поссорились. Разговоръ зашелъ о «Перепискѣ» Гоголя. Ивановъ страстно любилъ автора, я считалъ эту книгу преступленіемъ. Вліяніе этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его. Насталъ громовый 1848 г., я жилъ на площади, Ивановъ плотнѣе запирался въ своей студіи, сердился на шумъ исторіи, не понималъ его, я сердился на него за это. Къ тому же онъ былъ тогда подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма и своего рода эстетическаго христіанства. Тѣмъ не менѣе иногда вечеромъ Ивановъ приходилъ ко мнѣ изъ своей студіи и всякій разъ, наивно улыбаясь, заводилъ рѣчь именно о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ мы совершенно расходились.

Въ Парижѣ была провозглашена республика, престолъ папы покачнулся, вся Европа приподымалась, я забылъ Иванова и поскакалъ въ Парижъ.

Десять лѣтъ миновали, и между нами не было никакихъ сношеній.

Вдругъ получаю въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Интерлакена письмо отъ Иванова. Каждое слово его дышетъ инымъ вѣяніемъ, сильной борьбой; запертая дверь студіи не помѣшала, мысль вѣка прошла сквозь замокъ, страданія побитыхъ разбудили его...

«Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что и живопись должна получить новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ не могу разъяснить мыслей моихъ, какъ въ разговорахъ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ, отъ 3 до 10 сентября...

...«Въ итальянскихъ художникахъ не слышно ни малѣйшаго стремленія къ новымъ идеямъ въ искусствѣ; не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они и въ 1848 и 49 годахъ, когда церковь рушилась до основанія, думали, *какъ бы получить для церквей новые заказы*».

Въ заключеніе онъ писалъ мнѣ, что ему было бы пріятно встрѣтиться у меня съ Маццини. (Это ему не удалось, Маццини былъ тогда на континентѣ, но я познакомилъ Иванова съ Саффи).

Письмо Иванова удивило меня, съ нетерпѣніемъ ждалъ я его. Наконецъ, онъ пріѣхалъ; много состарился онъ въ эти десять лѣтъ, поседѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе; простота, добродушіе ребенка во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать; Ивановъ былъ задумчивъ,

тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и, наконецъ, сказалъ: —«Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить,—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминалъ я наши разговоры, вы правы,—да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусству. Миръ души разстроился,—сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы?...

«Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться; годы цѣлые занимали онѣ меня, и когда онѣ начали становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ, прибавилъ онъ съ жаромъ. — Писать безъ вѣры религіозныя картины, это безнравственно, это грѣшно, я не надивлюсь на французовъ и итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они наперехватъ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу, нѣтъ, никогда — никогда! Мнѣ предлагали главное завѣдываніе живописныхъ работъ въ новомъ соборѣ. Мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и отказался: что же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ,— лучше остаться бѣднякомъ и не брать кисти въ руки!»

— Хвала русскому художнику, безконечная хвала, сказалъ я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова.—Не знаю, сыщете ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую, вопреки всему дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность!

Сими словами и заключимъ надгробную скорбь нашу объ истинномъ художникѣ русскомъ [1]).

(1858 г., № 22).

Насъ упрекаютъ.

Насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

Насъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы

[1]) Выѣзжая изъ Рима, Ивановъ послалъ мнѣ фотографію съ своей картины; она залежалась въ Парижѣ и пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ вѣстью о его кончинѣ.

мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

Насъ упрекаютъ славянофилы въ западномъ направленіи.

Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомыслiи и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ—на жаръ.

На сей разъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему упреку.

Онъ вызванъ двумя или тремя признаніями, что мы *ошиблись*, что мы были *увлечены;* не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошибались и увлекались со всей Россіей, мы не отклоняемъ отвѣтственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть послѣдовательны, *единство*—необходимое условіе всякой пропаганды, съ насъ въ правѣ его требовать. Но, принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

Идти по одной линіи легко, когда имѣешь дѣло съ спѣтымъ порядкомъ дѣлъ, съ послѣдовательнымъ образомъ дѣйствія,—что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно ли было быть послѣдовательнымъ во время прошлаго царствованія?

Но мы этого *единства* не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II; онъ то является освободителемъ крестьянъ, реформаторомъ, то грозитъ растоптать едва всходящіе ростки.

Какъ согласить рѣчь его къ московскому дворянству и генералъ-губернаторство Закревскаго?

Какъ согласить облегченіе цензурныхъ путъ и запрещеніе писать объ освобожденіи крестьянъ съ землею?

Какъ согласить амнистіи, желанія публичности съ проектомъ Ростовцева, съ силой Панина?

Фридрихъ II говорилъ, что онъ не боялся ни одного генерала такъ, какъ Салтыкова, потому что никогда не могъ догадаться за минуту впередъ, какое движеніе онъ сдѣлаетъ: Салтыковъ всѣ ихъ дѣлалъ зря.

Шаткость въ правительствѣ отразилась въ нашихъ статьяхъ. Мы, слѣдуя за нимъ, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по перемѣнному вѣтру, дующему съ Невы.

Конечно, тотъ, кто, останавливая надежду и страхъ, молча выждетъ результата, тотъ не ошибется. Надгробное слово исторіи—гораздо больше предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, люди, производящіе слѣдствія, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ положительной наукѣ, люди обдуманные, точные — доживаютъ до старости лѣтъ, не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ ни орѳографическихъ, ни иныхъ ошибокъ; а люди, брошенные въ борьбу, исходятъ страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ,—много разъ споткнувшись.

Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи, все отталкивающаго, мы имѣемъ незыблемыя основы, страстныя сочувствія, проводившія насъ отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ, въ нихъ у насъ нѣтъ *легкомыслія*, нѣтъ *колебанія*, нѣтъ *уступокъ!* Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія безконечно различны, которое изберется... въ этомъ поэтическій капризъ исторіи,—мѣшать ему неучтиво.

Освобожденіе крестьянъ съ землею—одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ ли это освобожденіе «сверху или снизу»,—мы будемъ за него! Освободятъ ли ихъ крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклятыхъ враговъ освобожденія,—мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ ли крестьяне себя отъ комитетовъ, во первыхъ, а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты,—мы первые поздравимъ ихъ братски и также отъ души. Прикажетъ ли, наконецъ, государь отобрать имѣнья у аристократіи, а ее выслать... ну, хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву, мы столько же отъ души скажемъ: «Быть по сему».

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, совсѣмъ нѣтъ,—наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобъ крестьяне были освобождены съ землею, то изъ-за средствъ спора мы не поднимемъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя, такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать, и сочувствуя каждому шагу, согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться; всегда будемъ очень рады, когда «ученые друзья наши», спокойно сидящіе въ сторожкахъ на берегу, прокричатъ намъ «правѣе или лѣвѣе» держаться; но мы желали бы, чтобъ и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью пловцовъ, нежели намъ плыть... и притомъ такъ далеко отъ берега.

Изъ-за стѣнъ доктрины, какъ изъ-за монастырскихъ стѣнъ,

сполугоря смотрѣть на треволненіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекаютъ другихъ*.

(1858 г., № 27).

О бородѣ А. А. Иванова.

Когда мы писали наши печальныя строки о кончинѣ Иванова («Колоколъ», листъ 22), мы не знали еще одной гнусной подробности его пріема въ Петербургѣ. Одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ нагрубилъ ему за то, что онъ носилъ бороду.

Ради имени Христова, подайте намъ фамилію этого осла!

Теряемся, теряемся въ этомъ омутѣ глупости, преступленій и грубости.

(1858 г., № 26).

Иванова борода и Г. лобъ.—Въ 26 листѣ «Колокола» мы спрашивали имя того образованнаго придворнаго, который осмѣлился нагрубить Иванову за то, что онъ не брилъ бороды. Мы получили въ отвѣтъ на нашу просьбу слѣдующее письмо.

«Наканунѣ освященія Исакіевскаго собора въ Петербургѣ, Ивановъ представлялся в. к. Маріѣ Николаевнѣ. Она, между прочимъ, спросила его,— будетъ ли онъ завтра въ соборѣ на освященіи храма. «Я не могу быть, в. в., отвѣчалъ художникъ, тамъ будутъ только особы первыхъ пяти классовъ». Она, какъ образованная и умная женщина, возразила: «Что за пустяки, вы художникъ перваго класса, вамъ слѣдуетъ быть», и написала записку къ графу Г., члену государственнаго совѣта, президенту всѣхъ возможныхъ веселыхъ и грустныхъ церемоній въ Петербургѣ о дозволеніи Иванову присутствовать при освященіи храма.

«Ивановъ отъ в. княгини отправился прямо къ г. Г. и передалъ записку. Графъ, прочтя ее и оглядѣвъ Иванова съ головы до ногъ, преважно спрашиваетъ: «Вы нѣмецъ, или французъ?»— «Вы можете судить, графъ, по фамиліи, я русскій, Ивановъ». «А борода, говоритъ онъ грубо,—вы знаете, что въ церкви будетъ государь, вся царская фамилія, васъ съ бородой не пустятъ, обрейтесь». Ивановъ скромно замѣтилъ, что онъ имѣлъ честь представляться такъ государю императору и царской фамиліи, и брить бороды не намѣренъ.—«Я поставленъ вашимъ рѣшеніемъ въ необходимость, прибавилъ онъ, явиться снова къ ея высочеству и доложить, что я не могу исполнить ея приказанія».—«Ну, постойте, постойте,—сказалъ недовольный графъ, видя, что художникъ хотѣлъ удалиться,—вотъ вамъ билетъ».

И эти герои мыла, гребенки и бритвы, гонители сигаръ на улицахъ, фанатики форменныхъ пуговицъ и голыхъ подбородковъ,—

все еще существуютъ на святой Руси? Говорятъ, что гдѣ заведется въ грядахъ хрѣнъ, такъ его не выведешь... Хрѣнъ по крайности съ говядиной можно ѣсть,—ну, а что прикажете дѣлать съ эдакими Г.?—Нельзя ли выдумать, въ pendant къ оберъ-форшнейдеру, чинъ генералъ-фельдшеръ-мейстера,—а потомъ... ну, потомъ сдать ихъ въ сумасшедшій домъ...

(1858 г., № 28).

Америка и Сибирь.

«Когда окончится желѣзная дорога къ Тихому океану и Россія съ своей стороны будетъ имѣть открытый берегъ на немъ, тогда русскіе и американцы могутъ, спокойно обращаясь спиной къ Европѣ, протянуть другъ другу руку черезъ него, и да будетъ самое имя океана (Pacific) добрымъ знаменіемъ будущаго союза!

... «Нашъ вѣкъ—вѣкъ быстросовершающихся событій; новыя государства возникаютъ на берегахъ невѣдомыхъ морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся въ исполненіе, Россія и Америка далеко оставляютъ за собой другія государства въ выполненіи ихъ. Если управленіе русской колоніей на Амурѣ еще лѣтъ десять пойдетъ тѣмъ быстрымъ шагомъ къ развитію, какъ въ прошломъ году, то мы двинемся на полстолѣтія впередъ. Трактатъ, заключенный Муравьевымъ, со временемъ будетъ имѣть міровое значеніе».

Вотъ что говоритъ филадельфской Daily Evening Bulletin отъ 8 октября, 1858 года въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Our western neighbor».—«Трактату этому, прибавляетъ авторъ статьи,—мы имѣемъ столько же причинъ радоваться, какъ жители Иркутска и всей Сибири».

Мы не избалованы сочувствіемъ другихъ народовъ, не избалованы также и ихъ *пониманіемъ*. Причинъ на это было много и на главномъ планѣ вся петербургская политика съ 1825 г. Но Россія изъ этого періода выходитъ, отчего же одна Америка догадывается объ этомъ и первая привѣтствуетъ?

Оттого, что Россія съ Америкой встрѣчаются *по ту сторону*. Оттого, что между ними цѣлый океанъ соленой воды, но нѣтъ цѣлаго міра застарѣлыхъ предразсудковъ, остановившихся понятій, завистливаго мѣстничества и остановившейся цивилизаціи.

Скоро будетъ *десять* лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы высказали нашу мысль о взаимномъ отношеніи этихъ *будущихъ* въ подорожной современной исторіи. Мы говорили, что у Россіи въ грядущемъ только и есть одинъ товарищъ, одинъ попутчикъ—Сѣверные Штаты, мы повторяли это много разъ и еще нѣсколько мѣ-

сяцевъ тому назадъ [1]) имѣли случай сказать: «Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе и притомъ нѣмецкое, заставляетъ Россію мѣшаться во всѣ западныя дѣла. Въ предстоящей борьбѣ, къ которой невольно влечется Европа, Россіи вовсе ненужно принимать дѣятельнаго участія. Намъ тутъ нѣтъ наслѣдства, и мы равно не связаны ни воспоминаніями, ни надеждами съ судьбами этого міра. Если Россія *освободится* отъ *петербургской* традиціи, у ней есть одинъ союзникъ—*Сѣверо-Американскіе Штаты*».

Умнѣйшіе люди нашего времени, люди смѣлаго прогресса, какъ Маццини, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слушали, слегка улыбаясь, наши сужденія; они въ нихъ видѣли несчастный патріотизмъ, утѣшающійся несбыточными мечтами, и не отнимали у насъ изъ состраданія этой «мыши колодника». Россія съ запертыми воротами, занесенными снѣгомъ, передъ которыми шагалъ грозный часовой въ мѣдной каскѣ и ботфортахъ, пугала издали, оставаясь какимъ-то непонятнымъ, зловѣщимъ зданіемъ изъ-за едва вырѣзывающагося полуночнаго мрака.

До Крымской войны никто не подозрѣвалъ внутренней работы Россіи, за нѣмыми устами предполагали нѣмой умъ и нѣмое сердце, а между тѣмъ мысли—зрѣли, разъѣдали грудь и подтачивали незамѣтно дубовыя ворота острога. Прежде чѣмъ кончилась эта работа, стѣны его треснули. Ихъ пробили ядра союзниковъ. Скрытое, спертое броженіе вырвалось наружу, неправильно забѣгая, отставая, отклоняясь, но со всею мощью сгнетенной силы.

Все, о чемъ мы свидѣтельствовали, поднимая рѣчь на свой страхъ въ непріязненномъ Западѣ, все что мы предсказывали—отъ тайно бродящихъ силъ, отъ неминуемаго освобожденія крестьянъ съ землею, до избирательнаго сродства съ Сѣверо-Американскими Штатами—все совершается очью.

Это хронологическое *право давности* намъ слишкомъ дорого, чтобъ мы его уступили, именно въ то время, какъ листъ исторіи перевертывается, и съ новой страницей забудутся работники, пришедшіе на трудъ, предваривши утро.

Впрочемъ, особеннаго дара пророчества ненадобно было имѣть, чтобъ догадаться; для этого только надобно было освободиться отъ домашнихъ предразсудковъ и отъ чужихъ, отъ свинцовой петербургской атмосферы и отъ забитыхъ понятій старой цивилизаціи. Для этого достаточно было независимо взглянуть на міръ. Чередъ былъ явнымъ образомъ за Америкой и Россіей. Обѣ страны преизбыточествуютъ силами, пластицизмомъ, духомъ организаціи, настойчивостію, не знающей препятствія, обѣ бѣдны прошедшимъ,

[1]) Въ предисловіи къ русскому переводу: «Франція или Англія?»

обѣ начинаютъ вполнѣ разрывомъ съ традиціей, обѣ расплываются на безконечныхъ долинахъ, отыскивая свои границы, обѣ съ разныхъ сторонъ доходятъ черезъ страшныя пространства, помѣчая вездѣ свой путь городами, селами, колоніями—до береговъ Тихаго океана, этого «Средиземнаго моря будущаго» (какъ мы разъ назвали его и потомъ съ радостью видѣли, что американскіе журналы много разъ повторяли это).

Если вы обратите вниманіе на особенность американской мысли (она собственно не оригинальна, а та же мысль англо-саксонскаго племени и философіи XVIII столѣтія,—одну вы видите въ Вашингтонѣ, другую въ Франклинѣ и Джефферсонѣ) и именно на ту особенность, которая заявила себя въ послѣднее время, то васъ поразятъ двѣ вещи: первое, что федеральная демократія съ самозаконностію каждаго мѣстечка, каждаго избирателя—есть форма гражданскаго быта, совершенно соотвѣтствующая заатлантическому колонисту Соединеннаго королевства (мы нарочно такъ выражаемся, чтобъ напомнить ирландцевъ). Вторая вещь—это свѣжесть и простота, которую вноситъ въ схоластическій хламъ политическихъ вопросовъ американскій умъ [1]). Точно изъ тунеля или изъ Позилипова подземелья снова выходишь на утренній свѣтъ, на освѣжительный вѣтеръ, читая американскую брошюру или газеты,—послѣ прусско-королевской философіи права Штара, феодальныхъ требованій Герлаха, споровъ о династіяхъ, о централизаціи и пр. Это простое, жизненное, здоровое отношеніе американскаго ума къ вопросамъ государственнымъ и экономическимъ совершенно соотвѣтствуетъ понятію демократической республики.

Можно ли по совѣсти сказать также, что въ Россіи—окончательная форма гражданскаго устройства, вполнѣ соотвѣтствующая ея генію?

Будь мы какое-нибудь несчастное племя, безъ будущности, кельты, финны,—если-бъ мы и пережили татарское иго,—то, вѣроятно, сломились бы подъ игомъ крѣпостного состоянія, чиновничьяго растлѣнія и не вынесли бы напора непріятельскаго. Но событія обличаютъ зародышъ сильный и мощный. Не въ Петербургѣ—тамъ умирала старая Россія, маловѣрная, потерявшая голову при первой неудачѣ—нѣтъ, онъ двигался и заявилъ себя въ блиндажахъ Севастополя, на его стѣнахъ. Развѣ слабые народы дерутся такъ?—Николай умеръ, и наступило утро ожиданій и пробужденія. Вопросы эти вообще рѣшаются самими событіями, а не теоріями. Является кризисъ, одинъ больной умираетъ, другой обновляется имъ. Россія, уступившая въ неравномъ бою съ четырмя союзни-

[1]) Для примѣра очень рекомендуемъ The science of Society — Carey, Philadelphia, 1858.

ками, почувствовала себя вдвое здоровѣе, а Турціи тѣ же союзники такъ хорошо помогли, что она на ладонъ дышетъ.

Война застала русскій умъ за крѣпкой думой. Событія европейскія, несмотря на всѣ уродливыя мѣры съ 1825 года, сильно отражалися на черномъ фонѣ русской жизни. Іюльская революція и паденіе Бурбоновъ во Франціи, девяти-мѣсячная борьба съ возставшей Польшей, наконецъ, новое движеніе соціальной и философской литературы во Франціи и Германіи, эти послѣдніе энергическіе звуки западнаго разумѣнія,—все это очень не даромъ проходило по той закраинѣ Россіи, которая была освѣщена.

Но какая же живая, самобытная мысль во всей этой подземной работѣ? Какое-то сумасшествіе овладѣваетъ людьми: вмѣсто того, чтобы придти въ отчаяніе за себя, за Россію, русская мысль осмѣливается *сомнѣваться* въ Европѣ, ищетъ въ грубыхъ началахъ своей жизни элементы для будущаго, и когда, наконецъ, событія, слѣдовавшія за 1848 г., такъ ясно доказали, что европейскіе народы несостоятельны осуществить ту мысль экономическаго и государственнаго устройства, до котораго дошла наука,—русская мысль начала нравственно освобождаться отъ авторитета.

Замѣтимъ, что середь этого внутренняго развитія ударила Крымская война, которая доказала въ свою очередь всю несостоятельность Россіи бороться противъ Европы. Ничего не могло быть больше на мѣстѣ. Нравственное освобожденіе отъ Европы было началомъ освобожденія отъ петербургской традиціи, основанной на подчиненіи всего русскаго всему иностранному и на мысли превосходства русскаго войска надъ всѣми въ мірѣ, сокрушенной неудачной войной. Начать вѣрить въ свою нравственную самобытность и перестать вѣрить въ грубую силу и превосходство своего кулака,—въ самомъ дѣлѣ начало премудрости.

Пока мы только подражали Западу, мы не знали своей почвы подъ ногами. Такъ, еще теперь найдутся помѣщики, съ завистью думающіе о каменистомъ грунтѣ Италіи, стоя на черноземѣ. Какъ только мы обратились къ своей почвѣ, такъ встрѣтились съ послѣднимъ вопросомъ всей западной жизни, съ вопросомъ поземельнаго владѣнія, владѣнія общиннаго, общиннаго устройства.

Изъ сказаннаго никакъ не слѣдуетъ, чтобъ намъ перестать учиться западной наукѣ или выдумывать свою; во первыхъ, наука по той мѣрѣ и наука, по которой она не принадлежитъ никакой странѣ, а во вторыхъ, учится человѣкъ собственно цѣлую жизнь, но въ извѣстный возрастъ людямъ ненужны учители, уроки. При выходѣ изъ школы человѣкъ вступаетъ въ дѣятельный обмѣнъ, въ рядъ дѣловыхъ отношеній; тутъ онъ прикладываетъ, повѣряетъ свои теоріи, заимствуетъ новыя и, дѣйствуя, расширяетъ кругъ своего вѣдѣнія. Выходя изъ подъ гувернерства

Запада, мы вовсе не дальше отъ него становимся, а скорѣе ближе всѣмъ разстояніемъ, которое дѣлитъ позирующій оригиналъ отъ уничиженнаго подражателя.

Дома у насъ бездна дѣла, не оберешься. Наука Запада столько же наша, сколько его. Но теперь спрашивается,—гдѣ у насъ *общее дѣло* съ Европой? Вѣчный вопросъ о «больной Турціи», или о «смердящей Австріи», или, хуже, борьба французской солдатчины съ англійскими учрежденіями,—и все опять война, война и кровь, налоги и голодъ...

О выборѣ тутъ не можетъ быть рѣчи, на Западѣ нѣтъ другаго дѣла... «Да это у него пройдетъ, это болѣзнь»,—ну, тогда поговоримъ объ этомъ, а до сихъ поръ она не проходила. И въ то же время дѣло само набивается, стучится въ ворота, дѣло *творческое, живое* и которое нисколько не мѣшаетъ намъ рубить свою новую избу и продолжать нашу коренную великую работу внутренняго пересозданія, починъ котораго начался съ освобожденіемъ крестьянъ.

Имя Муравьева, Путятина и ихъ сотоварищей внесено въ исторію, они вбили сваи для длиннаго моста... черезъ цѣлый океанъ. Во время мрачныхъ европейскихъ похоронъ, гдѣ каждый что-нибудь оплакивалъ, они съ одной стороны, американцы съ другой—сколачивали *колыбель!*

(1858 г., № 29).

Обвинительный актъ.

Я являюсь передъ нашими читателями съ *обвинительнымъ актомъ* въ рукѣ.

На этотъ разъ обвиняемый не Панинъ, не Закревскій—обвиняемый *я самъ*.

Обвиненіе это, высказанное отъ имени «значительнаго числа мыслящихъ людей въ Россіи», для меня имѣетъ большую важность. Его послѣднее слово состоитъ въ томъ, что вся дѣятельность моя, т. е., дѣло моей жизни—приноситъ *вредъ Россіи*.

Если-бъ я повѣрилъ этому, я нашелъ бы самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ-нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнію. Но я не судья въ своемъ дѣлѣ, мало ли есть маньяковъ, увѣренныхъ, что они дѣлаютъ дѣло,—тутъ ни горячей любовью, ни чистотой желанья, ни всѣмъ существованіемъ ничего не докажешь. И потому я безъ комментарій передаю обвиненіе на судъ общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока оно не станетъ громко со стороны обвиненія,—я упорно пойду тѣмъ путемъ, которымъ шелъ.

До тѣхъ поръ, пока на одно такое письмо я буду получать десятки самыхъ пламенныхъ выраженій сочувствія,—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока число читателей будетъ возрастать, какъ оно теперь возрастаетъ,—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока Бутеневъ въ Константинополѣ, Киселевъ въ Римѣ, не знаю кто въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ,—будутъ выбиваться изъ силъ, метаться къ визирямъ и трехъ-бунчужнымъ пашамъ, къ министерскимъ секретарямъ и кардинальскимъ послушникамъ, прося и вымаливая запрещеніе «Колокола» и «Полярной Звѣзды», до тѣхъ поръ, пока Аугсбургская газета и герлаховская Kreuz-Zeitung не перестанутъ оплакивать гибельное вліяніе «Колокола» на нервы петербургскихъ сановниковъ,—я буду упорствовать.

Я стою передъ вами въ моей «неисправимой закоснѣлости»,—такъ меня характеризовалъ въ 1835 г., когда я былъ подъ судомъ слѣдственной комиссіи, Г. junior. Будьте строги, жестоки, несправедливы, но объ одномъ я прошу: будемъ-те на англійскій манеръ говорить о дѣлѣ, не прибавляя личностей.

Я готовъ все печатать, что *качественно и количественно* возможно.

«Обвинительное письмо»,—напечатанное нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ «Колокола». Въ тѣхъ былъ дружескій упрекъ и тотъ дружескій гнѣвъ, въ негодованіи котораго звучала знакомо и привѣтливо родная струна.

Ничего подобнаго въ этомъ письмѣ.

Тѣ были писаны съ *нашей стороны*, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно *противной* точки зрѣнія, т. е., съ точки зрѣнія административнаго прогресса, гувернементальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительнаго, что мы не ея путями и шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обличителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабящихъ народъ, мы ихъ тащили на лобное мѣсто, мы ихъ дѣлали смѣшными, мы хотѣли быть не только местью русскаго человѣка, но его проніей,—не больше. Какіе мы Блудовы и Панины,—мы книгопечатальщики «*значительной части людей, страдающихъ въ Россіи*».

Но и тутъ я долженъ прибавить, мы совсѣмъ не находимся въ томъ исключительномъ положеніи, которое намъ часто даютъ, которое даетъ авторъ письма, и противъ котораго я протестую всѣми силами моими. Что въ самомъ дѣлѣ за монополь русскаго

печатанія у насъ, точно мы взяли русскую рѣчь въ чужихъ краяхъ на откупъ?

Если мы, какъ говоритъ авторъ письма, «*сила и власть въ Россіи*», то причина этого вовсе не въ томъ, что у насъ у однихъ есть органъ.

Съ нашей легкой руки теперь можно печатать по-русски въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, въ самомъ Лондонѣ [1]). И если по совѣсти нельзя рекомендовать какъ русскій журналъ, для помѣщенія статей, брюссельскій Le Nord, то что же препятствуетъ помѣщать ихъ въ «Заграничномъ Сборникѣ»?

Намъ принадлежитъ *честь почина и честь успѣха*, а вовсе не монополь.

(1858 г., № 29).

* * *

— Графъ Гуровскій въ письмѣ къ редактору нью-іоркскаго журнала Evening Post говоритъ, между прочимъ, что я пріобрѣлъ богатство *продажею крестьянъ* въ Россіи, и, взявъ вырученныя деньги съ собою за границу, проповѣдую освобожденіе крестьянъ; на эту *гнусную клевету* я отвѣчалъ письмомъ, посланнымъ мною въ американскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы. Наши русскіе читатели, быть можетъ, вспомнятъ, что въ I книжкѣ «Полярной Звѣзды», стр. 214, я объяснялъ одному «анониму», что я никогда во всю мою жизнь ни продалъ, ни заложилъ ни одного крестьянина, ни одного крѣпостнаго человѣка, и что мое *костромское имѣніе находится подъ секвестромъ*, вслѣдствіе чего я и не могу имъ распоряжаться. Прилагая при нынѣшнемъ листѣ «Колокола» мое объясненіе по этому дѣлу, я не счелъ нужнымъ переводить его. Самые противники мои въ Россіи знаютъ, что это *клевета*.

(1858 г., № 29).

Россія и Польша.

Отвѣтъ автору статьи о русской типографіи въ Лондонѣ.

(Письмо первое).

Милостивый Государь!

Я прочиталъ вашу статью обо мнѣ и о вольной русской типографіи въ Лондонѣ съ вниманіемъ, съ благодарностью. Въ васъ бьется славянское, родное сердце, оттого и рѣчь моя такъ понятна вамъ, оттого и мнѣ такъ хочется вамъ отвѣчать.

Само собою разумѣется, что я обратилъ особенное вниманіе

[1]) Сверхъ нашей типографіи, въ Лондонѣ, какъ, вѣроятно, наши читатели знаютъ, существуетъ типографія З. Свентославскаго.

на тѣ мѣста, въ которыхъ вы выражаете ваше несогласіе или недоумѣніе. Замѣчанія и самыя обвиненія противниковъ и враговъ можно иной разъ перешагнуть, но замѣчанія, дѣлаемыя друзьями, должны влечь за собой объясненіе или сознаніе въ ихъ правдѣ.

Я радъ, что ваша статья даетъ мнѣ поводъ коснуться главныхъ основъ моихъ убѣжденій и дать отчетъ, почему я поступаю такъ, а не иначе, съ увѣренностью, что поступаю совершенно сообразно съ ними. Я былъ до того занятъ частными русскими вопросами, что всѣ общія мѣста, professions de foi, отступили на второй планъ.

Ваши замѣчанія напомнили мнѣ, что это умалчиваніе или подразумѣваніе можетъ быть иначе истолковано и дурно понято.

Я не говорилъ объ общихъ теоріяхъ просто потому, что не считалъ этого своевременнымъ. Общія мѣста, планы, теоріи, утопіи должны предшествовать работѣ исполненія, общественной перестройкѣ. Идеи, воплощаясь, скрываются, какъ зерно въ землѣ, въ своихъ приложеніяхъ, существуютъ какъ развитіе, какъ жизнь въ организмѣ, какъ законы природы,— обнаруживающіеся только въ самихъ явленіяхъ.

Къ тому же злоупотребленіе громкихъ словъ, шедшихъ рядомъ съ черезъ чуръ скромными дѣлами, утомившее въ послѣднее время и самихъ французовъ, противно русскому характеру, чрезвычайно реальному и мало привыкшему къ риторикѣ.

Русскихъ дѣйствительно поражаетъ безплодное, театрально-натянутое повтореніе возгласовъ и битыхъ мѣстъ въ революціонной литературѣ, въ рѣчахъ и статьяхъ, на сходкахъ изгнанниковъ и въ ихъ журналахъ. Но оно поражаетъ не однихъ русскихъ. Вы сѣтуете сами на то, что изданія польскихъ изгнанниковъ мало расходятся въ сравненіи съ «Колоколомъ»; не слѣдуетъ ли искать одну изъ причинъ въ томъ, что ихъ публикаціи больше занимаются *общими*, нежели *настоящими*, вопросами своего края.

Въ Жерсеѣ выходилъ французскій демократическій журналъ, редакторъ его былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, а между тѣмъ, несмотря на пожертвованія, журналъ не могъ идти при всемъ благородствѣ своего направленія, при всей чистотѣ своихъ намѣреній. Разобщенный съ живой почвой, безъ истинныхъ корреспонденцій, онъ былъ сведенъ на вѣчное повтореніе въ прозѣ того, что ужъ высказалъ В. Гюго въ стихахъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ реакціи, начавшейся съ іюньскихъ дней, наступилъ переломъ. Люди увидѣли, что *общія мѣста и частныя событія* совершенно расходятся и что словами ихъ не примиришь. Громкія фразы и громовыя слова съ каждымъ днемъ

теряютъ больше и больше своего значенія. Онѣ не дѣйствуютъ на насъ.

Бывало, я это очень помню, при одномъ словѣ *республика* билось сердце, а теперь, послѣ 1849, 50, 51 г., слово это возбуждаетъ столько же надежды, сколько сомнѣній. Развѣ мы не видали, что республика съ правительственной иниціативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ иниціативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская *демократія*, т. е., равенство въ рабствѣ, самая близкая форма къ самовластью?

Мы съ какимъ-то сыновнимъ уваженіемъ боялись до сихъ поръ признаться въ этихъ горькихъ истинахъ, скрывали ихъ отъ себя изъ понятнаго чувства благочестія. Но и оно не должно заслонять истину, мѣшать откровенному, добросовѣстному разбору. Я смѣло скажу, переиначивая извѣстную латинскую пословицу: «Я другъ республики, я другъ демократіи, но гораздо больше другъ *свободы, независимости и развитія*».

Если мнѣ возразятъ, да можетъ ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи,—я отвѣчу, что и *съ ними* онѣ не могутъ быть, если народъ *не дорось* до нихъ.

Всякая церковь оканчивается выходомъ изъ нея и всякая монархія идетъ къ высшему соціальному устройству, т. е., къ разумному и свободному экономическому быту,—если она не идетъ къ разрушенію и смерти. Тамъ, гдѣ республика и демократія сообразны развитію народному, тамъ, гдѣ онѣ не только *слово*, но и *дѣло*, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, наибольшая личная независимость и наибольшая свобода. Совсѣмъ иные результаты показываютъ намъ страны, которымъ эти формы общественныя слишкомъ широки или несоотвѣтственны ихъ развитію. Возьмите въ примѣръ народъ невѣжественный, солдатскій внизу, вверху растлѣнный и преданный одному стяжанію,—республика у него превратится черезъ четыре мѣсяца въ Кавеньяка, а черезъ девять въ Наполеона. Всеобщая подача голосовъ сдѣлала изъ Франціи смирительный домъ.

Слѣдуетъ ли изъ сказаннаго, что я предпочитаю представительную монархію—республикѣ и электоральную таксу—всеобщей подачѣ голосовъ?—Нисколько.

Я констатирую фактъ и больше ничего. Видя его, я не могу сказать по совѣсти: «Такъ какъ всеобщая подача голосовъ гораздо справедливѣе ценза, стало быть, Франція слѣдующій разъ, т. е., пройдя еще новой эпохой рабства и растлѣнія, сдѣлаетъ лучше свои выборы всеобщей подачей голосовъ, чѣмъ ограниченной». Я не вѣрю этому, такъ какъ не вѣрю, чтобъ турки, оставаясь маго-

метанами, съ фаталистическимъ ученіемъ Алкорана, много выиграли провозглашеніемъ республики османлинской и гяурской.

Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи,—это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли.

Людямъ дальняго идеала, пророкамъ разума и прорицателямъ будущаго мало дѣла до прикладныхъ затрудненій; они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество стремится, его законы, общую формулу его движенія, предоставляя грядущимъ поколѣніямъ посильно осуществлять ихъ въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся выгодъ и партій.

Одного изъ этихъ людей, мѣсяца полтора тому назадъ, опустила въ шотландскую землю скромная кучка друзей, и я очень благодаренъ судьбѣ, что успѣлъ еще застать его въ живыхъ и пожать почтенную и много трудившуюся руку Роберта Оуэна. Оуэнъ былъ правъ, и Англія пойметъ его, но, конечно, не въ XIX столѣтіи. Такіе люди, возстановители правъ разума въ капризной и фантастической сказкѣ исторіи, велики и необходимы, и всѣ эти предтечи новаго міра, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, займутъ огромное мѣсто въ сознательномъ развитіи человѣчества, въ самопознаніи общественнаго быта, но имъ почти нѣтъ прямого участія въ текущихъ дѣлахъ, это—доля насъ, будничныхъ работниковъ.

Чѣмъ тяжелѣе и мертвѣе настоящее, тѣмъ сильнѣе стремленіе отрѣшиться отъ него и подняться на алгебраическую высоту теоріи. Германія въ своей гражданской ничтожности шла дальше всѣхъ странъ въ философіи права и, сама не имѣя исторіи, являлась, какъ пробужденная совѣсть другихъ народовъ. Таково было для двухъ поколѣній Россіи царствованіе Николая.

Государственная фура, управляемая имъ, заѣхала по ступицу въ снѣгъ, обледенѣвшія колеса перестали вертѣться; сколько онъ ни билъ своихъ клячъ, фура не шла. Онъ думалъ, что поможетъ дѣлу. Писать было запрещено, путешествовать запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская, въ эту темную годину, страшно развилась, и если вы сравните тайное вѣяніе ея, ея безстрашную логику, не блѣднѣющую ни передъ какимъ послѣдствіемъ, съ юнымъ, благороднымъ и чисто французскимъ направленіемъ литературы за двадцать пять лѣтъ, вы увидите это ясно.

Отголосокъ новаго направленія вы могли замѣтить и въ моихъ книгахъ. Я ссылаюсь на нихъ только потому, что въ нихъ проще высказано то, что у насъ печаталось намеками и полусловами.

Но вотъ фура съ нѣсколько обитыми сторонами снова двинулась, явнымъ образомъ наступило другое время, потянуло инымъ воздухомъ. Задача человѣка, желающаго участвовать въ новомъ

движеніи, становится другая, она становится *спеціальнѣе*. Мало знать станцію, къ которой ѣдемъ, надо опредѣлить, *которую* версту по пути къ ней мы продѣлываемъ, и какіе ритвины и мосты именно на этой верстѣ.

Наше положеніе измѣнилось, иные вопросы насъ занимаютъ и занимаютъ исключительно. Вмѣсто «предисловій, программъ и эпиграфовъ», мы вошли въ *текстъ*... «Есть время камни собирати, говоритъ Соломонъ, и есть время камни метати». А, вѣдь, для того, кто хочетъ воевать пращей, это не два дѣла, а *два момента одного и того же дѣла*.

Я *убѣжденъ*, что съ Крымской войны Россія входитъ въ новую эпоху развитія, что, разставаясь съ трудными путями своего жестокаго воспитанія, *она вступаетъ теперь въ широкое русло совершеннолѣтней жизни*.

Я знаю, что я разнюсь со многими и съ вами самими во внутренней оцѣнкѣ русскаго народа. Всѣ тѣ, которые не умѣютъ отдѣлить русскаго правительства отъ русскаго народа, ничего не понимаютъ. Всѣ тѣ, которые хотятъ Русь мѣрить на ярды и метры, не знаютъ ея. Нормы, сложившіяся въ нашей головѣ отъ изученія западной цивилизаціи, не обнимаютъ собой, не улавливаютъ отклоненій и особенностей русскаго народнаго быта, а опредѣляютъ его только отрицательно. Обманчивое сходство правительственныхъ формъ съ западными окончательно мѣшаетъ пониманію. За петербургскими декораціями—народа было не видать и не слыхать, а слышался барабанъ и официальный говоръ, видѣлись штыки и писаря. Были люди, которые стали догадываться, что за знакомыми формами проглядываетъ какое-то незнакомое содержаніе; стали догадываться, что формы набиты насильственно какъ колодки, но они не стали изучать характера бѣднаго колодника, а отвернулись отъ него, сказавши: «Коли терпитъ, видно, лучшаго не стоитъ!»

Чтобъ понять русскій народъ, не будучи русскимъ (и притомъ русскимъ, не запуганнымъ съ малыхъ лѣтъ своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада), надобно быть или соціалистомъ въ Европѣ, или гражданиномъ Сѣверной Америки. Можетъ, вамъ это покажется странно, другимъ смѣшно, но оно такъ!

Условія, свойства русской жизни, русскаго быта—иныя, оригинальныя, *свои*. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто не хочетъ; особенность же его ставится ему въ преступленіе на томъ основаніи, на которомъ французъ не можетъ простить англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а англичанинъ французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостью и остается при одномъ негодованіи.

Все то, что ставится такъ дорого другимъ народамъ, Россіи не

было зачтено ни во что, или, хуже, послужило ей же въ обвиненіе: ни то, что она уцѣлѣла подъ татарскимъ игомъ, ни то, что втихомолку выросла и сложилась въ огромное государство, отбившееся отъ всѣхъ сосѣдей и сохранившее свою самостоятельность; ни ея 1612, ни ея 1812 годъ. О пожарѣ Москвы говорятъ только потому, что слишкомъ много иноплеменниковъ видѣли зарево. Избавила ли Россія Европу отъ грубаго солдатскаго гнета или замѣнила его другимъ,—объ этомъ можетъ быть вопросъ; но что Россія спасла Германію отъ французскаго ига, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса. Разверните Штейна, Арндта и другихъ современниковъ, и посмотрите, какъ, въ черную годину для Германіи, лучшіе люди ея глядѣли на Александра I и на Россію. Что же вышло изъ этого? Полнѣйшая ненависть не къ русскому правительству, не къ русскому вмѣшательству, а къ русскому народу, ко всякому нашему успѣху, ко всякому нашему человѣческому порыву. Такъ и узнаешь въ современныхъ публицистахъ Германіи измѣщанившихся братій ливонскихъ рыцарей, не пропускавшихъ въ XVI столѣтіи докторовъ въ Россію. Не странно ли все это?

Вотъ вамъ еще примѣръ: Англія, ломящаяся отъ тучности и избытка силъ, выступаетъ за берега, переплываетъ за океаны и создаетъ новые міры. Ей удивляются, и она заслуживаетъ это удивленіе. Но такъ ли смотрятъ на подвиги колонизаціи Сибири, на ея почти безкровное завоеваніе? Горсть казаковъ и нѣсколько сотъ бездомныхъ мужиковъ перешли на свой страхъ океаны льда и снѣга, и вездѣ, гдѣ осѣдали усталыя кучки въ мерзлыхъ степяхъ, забытыхъ природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это отъ Перми до Тихаго океана... И такія колоссальныя событія едва помѣчены исторіей, или помѣчены для того, чтобы поразить воображеніе дантовскимъ образомъ ледяного острога въ нѣсколько тысячъ верстъ...

Наконецъ, является новый оселокъ. Европа, послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на грудахъ труповъ, по колѣна въ крови передъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ—поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства, ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губитъ пахаря, капиталъ работника, и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій припѣвъ: «свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу!»

Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣкмаи уцѣлѣвшіе разные виды коммунистическаго

владѣнія землею—отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками до полной собственности; правда ли, нѣтъ ли, но согласитесь, что, при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса, нельзя не изслѣдовать такого важнаго факта. Изученіе его можетъ же дать столько же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты фаланги и икарійцевъ?

Что же вы думаете, обратились ли люди на эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтвердили? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили; такъ, какъ до сихъ поръ они хохочутъ тому, что я сказалъ во время войны, что Украйна была казацкая республика, въ основаніи которой лежали демократическія и соціальныя начала, что Запорожская Сѣчь представляла удивительное явленіе плебеевъ-витязей, рыцарей-мужиковъ. Вы, какъ полякъ, слишкомъ хорошо знаете свою исторію, чтобъ *я* счелъ нужнымъ настаивать на всей наглости невѣжества, которое не только не знаетъ, но и смѣется.

Поверхностная привычка смотрѣть исключительно на жизнь государственную и политическую, не обращая никакого вниманія на жизнь народную, на экономическій бытъ, разумѣется вела къ однимъ ошибочнымъ сужденіямъ о Россіи, потому что въ Россіи политической жизнью жило одно правительство. Въ самой Польшѣ народную русскую жизнь такъ же мало знаютъ, какъ во всей Европѣ. Я скажу безъ преувеличенія, что изъ вашихъ соотчичей понимаютъ и знаютъ внутренній бытъ Руси только тѣ, которые были сосланы въ Сибирь или въ дальнія сѣверо-восточныя губерніи. Все это удивительно! Неужели вамъ не приходило въ голову, глядя на великороссійскаго крестьянина, на его умный, развязный видъ, на его мужественныя красивыя черты, на его крѣпкое сложеніе, что въ немъ таится какая-нибудь *иная сила*, чѣмъ одно долготерпѣніе и безотвѣтная выносливость? Неужели вамъ не приходило на мысль, читая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, что, кромѣ офиціальной Россіи, есть другая. Подумайте, если-бъ не было *иной силы и иной Руси* кромѣ правительственной, неужели въ самомъ дѣлѣ достаточно бы было нѣсколько неудачъ въ Крыму и смерти Николая, чтобъ цѣлое огромное царство обнять той дѣятельностью, тѣмъ *кипѣніемъ впередъ*, которое совершается передъ нашими глазами? Да, сѣверный Левіоѳанъ прошелъ черезъ доки, покачнулся, справился и плыветъ; доказывать этого я не стану, такъ, какъ не стану и пророчить,—можетъ, онъ завтра сядетъ на мель, это зависитъ отъ лоцмановъ. Допустивъ это, чрезвычайно важно узнать, какимъ вопросомъ начинается это новое плаванье, какими воротами входитъ корабль въ море, что на его флагѣ: конституція, республика, парламентъ, муниципальная свобода, война съ Австріей, завоеваніе Турціи?—Нѣтъ, у него на знамени *осво-*

божденіе крестьянъ съ землею, т. е., опять соціальный вопросъ передъ политическимъ.

Увидавъ это, мы бросили все и прилѣпились къ этому жизненному вопросу для Россіи. И вотъ вамъ причина нашего успѣха. Тотъ только *Колоколъ* и слушаютъ люди, который зоветъ ихъ *туда, куда имъ идти надобно*.

Представьте себѣ, что середь распрей и споровъ въ самомъ дворянствѣ, середь зачатой борьбы двухъ бойцовъ, до того времени гладившихъ другъ друга по головкѣ и въ первый разъ поглядѣвшихъ съ ненавистью другъ на друга, — представьте, что середь этой борьбы, совершающейся передъ необозримымъ количествомъ народа, мрачно ждущаго, кто кого сломитъ, но который нисколько не намѣренъ уступить ни вершка земли, нашъ «Колоколъ» сталъ бы звонить всемірной республикѣ и солидарности народовъ?

Какъ вы думаете, эти люди, дерущіеся не на животъ, а на смерть, которые теперь съ любовью или ненавистью читаютъ наши слова, стали бы читать наши диѳирамбы и разглагольствованія? Ихъ отвѣтъ можно предвидѣть: «Что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и въ газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину, ну,—гдѣ же намъ читать ваши декламаціи!»

«Колоколу» пришлось бы прикусить свой желѣзный языкъ.

Вы видите, что нашъ макіавеллизмъ, наша политика очень просты. Мы говоримъ о тѣхъ *вопросахъ*, которые *теперь выдвинуты жизнію*, и безъ разрѣшенія которыхъ Левіоѳанъ сядетъ на мель.

Не отвлекаясь нисколько отъ дѣла, мы предоставили другую часть журнала обличеніямъ, особенно лицъ, поставленныхъ выше закона въ Россіи. Трудно себѣ представить, какой сильный оттолосокъ находятъ эти обличенія и какой ужасъ наводятъ не только на обличенныхъ, но и на тѣхъ, которые еще не обличены строками «Колокола». До сихъ поръ эти дѣйствительные тайные газели прыгали по вершинамъ правительственныхъ Альпъ, съ презрѣніемъ посматривая внизъ на облака, изъ которыхъ сыпались уголовные и литературные громы на становыхъ и секретарей, оставляя ихъ въ покоѣ, и вдругъ ихъ дѣла напечатаны русскими буквами съ именемъ и этотъ ужасъ, эта безнравственность ходитъ изъ рукъ въ руки, можетъ попасть въ тайную канцелярію, быть прочтена въ передней...

Вотъ почему для насъ исторія о томъ, какъ П., министръ юстиціи, хотѣлъ отжилить чужой домъ, важнѣе теоріи о «непосред-

ственномъ правительствѣ», занимавшей лѣтъ пять тому назадъ западныхъ публицистовъ.

Остается одно слово, прежде чѣмъ я перейду ко второму вопросу нашей статьи.

Вы, мнѣ кажется, съ нѣкоторымъ упрекомъ говорите, что я нахожусь въ другомъ отношеніи къ Александру II, чѣмъ былъ къ Николаю. Вы думаете, что я перемѣнился; нѣтъ, не я перемѣнился. Какъ же я могу относиться къ Александру II, который никого не казнилъ, никого не ссылалъ въ каторжную работу за мнѣнія, не губилъ русскіе университеты и русскую литературу, такъ, какъ относился къ Николаю? Такой упорной неподвижности вы не можете предположить въ живомъ человѣкѣ, у котораго мозгъ не пораженъ мономаніей.

И это не все. Александръ II, и никто иной, поднялъ крикъ «освобожденія крестьянъ», и я еще разъ повторяю, если онъ ничего не сдѣлаетъ, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнутъ изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнценосцами-реформаторами.

Откровенно ли онъ хочетъ освобожденія?—Я не знаю, и еще больше, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Это интересно какъ психическій студіумъ его личности—не больше. Рѣчи Александра II, особенно рѣчь къ московскому дворянству, показываютъ, что онъ понимаетъ неотлагаемую необходимость этой мѣры, и если Александръ *нехотя* освободитъ крестьянъ, такъ, какъ Николай всю жизнь *хотѣлъ* (какъ нынче стали увѣрять) ихъ освободить и не освободилъ, то я предпочитаю такую неоткровенность. Понимать необходимость реформы и не противиться ей, это все, что можно требовать отъ правительства; остальное мы должны сами слѣлать, если хотимъ, чтобъ было *хорошо сдѣлано*.

Но Александръ II по своему чину долженъ быть отлученъ нами... Неужели это не такъ же смѣшно, какъ считать, по легитимистскимъ и іезуитскимъ учебникамъ, революцію 1789 за мятежъ, Робеспьера за разбойника съ большой дороги, якобинцевъ за шайку воровъ?

Я знаю, что съ *религіей демократіи* не совмѣстно говорить что-нибудь о вѣнценосцахъ, кромѣ зла; признаюсь вамъ, что мнѣ *религія* демократіи такъ же не по сердцу, какъ религія пана Фіалковскаго и какъ религія «возсоединеннаго» Симашки. Демократическое православіе такъ же не даетъ воли уму и жметъ его, какъ кіево-печерское. Тотъ кто истину — какая бы она ни была — не ставитъ выше всего, тотъ кто не въ ней и не въ своей совѣсти ищетъ норму поведенія, *тотъ не свободный человѣкъ*.

(1859 г., № 32).

Генералы отъ цензуры и Викторъ Гюго на батареѣ Сальванди.

Генералъ-адъютантъ Ржевускій и генералъ-редакторъ «Сѣверной Пчелы» Н. И. Гречъ начинаютъ плачъ двухъ Рогнѣдъ на гробѣ николаевской цензуры. Соотечественникъ Костюшки не могъ удержать своего патріотическаго негодованія, видя, что страданія русскаго солдата, этого мученика, обкрадываемаго генералами, коммиссаріатомъ, полковникомъ, ротнымъ командиромъ, вахмистромъ, фельдфебелемъ, битаго всѣми штабъ и оберъ-офицерами,—выходятъ на бѣлый свѣтъ изъ-за стѣнъ казармы и возбуждаютъ участіе къ этимъ невиннымъ, осужденнымъ почти на пожизненную каторжную работу.

Ржевускій возсталъ противъ этой болтовни; онъ думаетъ, что это касается до гонора, разрушаетъ уваженіе къ священному сану генераловъ... ...Такъ повѣствуетъ намъ «Аугсбургская газета». Ужъ эти Ржевускіе, которые хотятъ заглушить крикъ голода изнуреннаго солдата и прикрыть виноградымъ листомъ гонора избитую спину его! Въ самомъ дѣлѣ, Голицынъ въ «Печатной Правдѣ» дѣльно замѣтилъ, что въ этой звѣриной пещерѣ «не сдобровать бушкѣ барану».

Отчего же всѣ военные, которыхъ мы видали, прекраснѣйшіе, исполненные силы и энергіи молодые люди, проросшіе на свѣтъ, несмотря на то, что они служили лѣстницей, по которой всходилъ Іаковъ, несмотря на кадетскую стрижку мыслей подъ гребенку,—всѣ они совсѣмъ не обижаются, что воровъ называютъ ворами, они сами говорятъ съ омерзѣніемъ объ этихъ злоупотребленіяхъ. Они даже не обидѣлись бы, если-бъ, напр., Л. отдали вмѣсто очищенія минеральной водой очищенію судомъ и промыли бы ему не только желудокъ, но и совѣсть. Они не обидѣлись бы, если бъ надъ пятымъ союзникомъ, ограбившимъ не только Керчь, а всю армію въ Крыму,—З., велѣли произвести въ самомъ дѣлѣ судъ, вмѣсто маневровъ, представляющихъ судъ.

Отчего же это нашъ ясновельможный Ржевускій такъ расходился за гоноръ, и съ чего Гречъ, выросшій на голландской сажѣ, имѣетъ такую же ржевускую ненависть къ свободному слову? Мы думаемъ, это врожденное отвращеніе. Намъ недавно попалась «Сѣверна Пчела» отъ 27 октября прошлаго года; тамъ Гречъ помѣстилъ свою задушевную profession de foi, приправивши ее разными доносцами, нашпиговавши намеками. Въ статьѣ этой онъ разсказываетъ, какъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ «на непрія-

тельской батареѣ» защищалъ русскую цензуру и оплакивалъ вредъ свободной рѣчи. Причемъ Гречъ сказалъ «напрямки», что «только тотъ литераторъ достоинъ уваженія, который возвышаетъ достоинство человѣка». Вы видите, что если Гречъ пойдетъ рѣзать правду, его не остановишь и онъ напрямки, стоя на батареѣ, скажетъ, что дважды два четыре.

Опасности большой не было; эта легкая батарея, на которой нашъ артиллеристъ защищалъ николаевскую цензуру, была просто batterie de cuisine Сальванди.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, прислушивавшійся къ разговору, сказалъ Гречу: «Я совершенно съ вами согласенъ». Этотъ неизвѣстный господинъ оказался ужасно извѣстнымъ поэтомъ и ратоборцемъ свободы книгопечатанія—В. Гюго ni plus, ni moins; вслѣдствіе такого согласія, «мы съ нимъ познакомились и, могу сказать, подружились».

Съ чѣмъ же былъ согласенъ Гюго?—Вѣдь, не съ пошлой же мыслью, что нравственность лучше безнравственности; онъ былъ согласенъ, стало, съ пользой цензуры à la russe и на этомъ по дружился съ Н. И. Гречемъ.

Каковъ у насъ Николай Ивановичъ! Уѣздныя барышни, проливавшія столько слезъ надъ его грамматикой, которую онѣ принимали за черную женщину, помирились съ Гречемъ. Ah, que c'est interresant, ma Nastinka; M'sieur Gretch c'est un ami de V. Hugo... Mais c'est charmant! Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть В. Гюго,—у него такой большой лобъ! Maman, il faut nécessairement podpisatsa à la Ptchéla.

Не торопитесь, барышня. Если Николай Ивановичъ имѣетъ летучія воспоминанія о словахъ В. Гюго, то мы имѣемъ остающіяся письма того же В. Гюго, который обѣдалъ на батареѣ у Сальванди и подружился съ Гречемъ, сойдясь въ сочувствіи къ русской цензурѣ. Лучше ужъ подпишитесь на «Колоколъ».

Прикажите образчикъ? Вотъ вамъ и образчикъ:

Говиль-гоузъ, Островъ Гернсей.

17 января, 1859 г.

...«Кто прочелъ хоть одну страницу моихъ сочиненій, тотъ не осмѣлится сказать, чтобъ я когда-нибудь становился за цензуру. Всегда, даже во время моей роялистской юности, я былъ безграничнымъ противникомъ цензуры, въ какой бы формѣ она ни являлась. А потому нашъ другъ Герценъ имѣетъ полное право сказать, что все это неправда. Помнится, я этого Греча раза два

видѣлъ у себя, и, если не ошибаюсь, его привозилъ маркизъ де-Кюстинъ». «В. Гюго».

Н. Полевой (и да не возмутитъ это воспоминаніе греческой дружбы Ксенофонта съ Булгаринымъ) давно замѣтилъ, что Ѳаддей Венедиктовичъ, разсказывая геройскія событія своей юности, очень ловко подбираетъ понятыхъ и свидѣтелей.

«Покойный императоръ Наполеонъ, напр., подъѣзжая ко мнѣ съ покойными маршалами—Неемъ и Даву, остановилъ свою бѣлую лошадь (которая, вѣроятно, тоже почила отъ земного галопа)»... Ну, чтобъ Гречу сослаться на покойнаго Казимира Перье или Людовика-Филиппа и концы бы въ воду.

1859 г., № 35.

Отвѣтъ русской дамѣ.

Милостивая государыня!

Вы мнѣ писали съ доброй цѣлью, я этому вѣрю, я это вижу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вашего письма. Напрасно вы извиняетесь въ концѣ его и избавляете меня отъ отвѣта, думая, что я не буду и не могу отвѣчать искренно. Совсѣмъ напротивъ, я самъ хочу вамъ отвѣчать и притомъ очень откровенно. Я вообще не скрытенъ, а тутъ и нѣтъ причины.

Въ вашемъ письмѣ, признаюсь вамъ, въ самомъ началѣ два замѣчанія странно подѣйствовали на меня, потому ли, что оба нисколько не заслужены мною, или потому, что оба касаются до предметовъ очень дорогихъ мнѣ.

Вы говорите, что я *все* браню въ Россіи,—полно, все ли? Вы, мнѣ кажется, думаете, что я имѣю какой-то зубъ на Россію, что я полонъ нелюбви ко всему русскому. Увѣрять въ противномъ я не стану, а скажу только, что вся моя жизнь, всѣ мои слова, все, что я дѣлалъ и дѣлаю, лучшее возраженіе на ваше замѣчаніе. Вы были предупреждены, читая «Полярную Звѣзду».

А потому, что вы были предупреждены, вы увидали какой-то холодной, чуть не саркастическій смыслъ въ строкахъ, писанныхъ трепетной рукой, въ строкахъ, писанныхъ съ бьющимся сердцемъ, гдѣ я говорилъ: «о тяжелыхъ вѣнцахъ, которыми вѣнчали ямщиковъ, и дьячкѣ, подававшемъ дрожащей рукой ковшъ единенія». Я васъ не понимаю; сдѣлайте одолженіе, перечитайте это мѣсто [1]).

---

[1]) «Полярная Звѣзда», III кн., стр. 134—135.

Мнѣ хотѣлось въ самомъ началѣ покончить эти личные вопросы. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ главному предмету вашего письма.

Цѣль его—обращеніе меня въ христіанскую религію.

Вы видите во мнѣ что-то «неспокойное», какую-то разорванность, подозрѣваете какую-то тайну, чуть ли не угрызеніе совѣсти, и хотите меня спасти, или, лучше, не самого меня, а мою душу. Вы предполагаете, что я хочу успокоиться во что бы ни стало, и, жалѣя меня, вы подаете мнѣ потиръ.

Но вы ошибаетесь въ моемъ духовномъ настроеніи. Тайнъ у меня нѣтъ. Въ прошедшемъ меня посѣтили страшныя несчастія, но угрызеній совѣсти они не оставили. Отъ этого не легче; есть случаи, въ которыхъ угрызенія совѣсти примиряютъ съ несчастіями, вводя какой-то мстительный разумъ въ противное безсмысліе, въ хаотическую нелѣпость случайностей.

Но при всемъ этомъ гдѣ же вы видѣли во всемъ писанномъ мною эту усталую потребность *одного* покоя, въ которомъ терзающіе меня диссонансы разрѣшились бы не *въ самомъ дѣлѣ*, а въ моемъ слухѣ...

Я не ищу страданій и не бѣгу отъ нихъ.

Но представьте, что вы были бы правы, что измученный, обезсиленный, усталый, я жаждалъ бы успокоенія и вѣры... Неужели вы думаете, что стоитъ захотѣть и повѣришь?

Я уже не разъ повторялъ отвѣтъ Байрона дамѣ, которая ему писала въ Грецію письмо въ томъ же родѣ, какъ вы написали ко мнѣ въ Лондонъ. Байронъ оцѣнилъ ея участіе и, отвѣчая ей съ грустной кротостью, спросилъ ее: «Съ чего же начать, чтобъ *повѣрить*, когда не вѣришь,—какъ это сдѣлать?» Вѣдь, это въ самомъ дѣлѣ задача невозможная!

Вѣра—страсть; но и любовь къ истинѣ—страсть; вѣра требуетъ жертвъ, и любовь къ истинѣ требуетъ жертвъ, и притомъ вѣра беретъ взаймы съ лихвою, а любовь къ истинѣ безъ всякаго вознагражденія, такъ она самодѣянна и сильна. На которую изъ двухъ дорогъ попадетъ человѣкъ, выборъ почти не зависитъ отъ него.

Вы знаете, что внутренняя жизнь наша опредѣляется вовсе не по обдуманной программѣ; въ раннемъ отрочествѣ, иногда въ ребячествѣ—инстинктъ, окружающая среда безъ преднамѣренія, безъ полнаго сознанія, безъ участія воли съ той и другой стороны даютъ направленіе. Когда молодой человѣкъ впервые пріостанавливается въ раздумьи и начинаетъ разборъ себя,—его мысли уже подтасованы, движеніе по извѣстному направленію уже дано. Остальное зависитъ отъ силы логики, отъ силы характера, отъ

послѣдовательности. Большей частію умственная жизнь у людей такъ поверхностна, и ихъ интересы въ ней такъ несерьезны, что изъ нихъ равно можно сдѣлать мистиковъ и матеріалистовъ, и даже то и другое вмѣстѣ; у однихъ будетъ немного мистицизма въ ихъ матеріализмѣ, а у другихъ небольшая толика матеріализма въ ихъ мистицизмѣ. Но если для человѣка мысль и сознаніе не шутка, если истина въ самомъ дѣлѣ составляетъ для него существенную потребность, если онъ далъ въ своей груди мѣсто ея труду, если онъ развилъ въ себѣ тоску, боль по ней,—тогда ему будетъ трудно отказаться отъ самобытнаго разума, отъ независимаго анализа въ пользу какого бы то ни было авторитета; мысль его будетъ въ тиши подтачивать на вѣру взятое, взвѣшивать слова и класть пальцы во всѣ раны, хотя отъ этого и сдѣлается въ сто разъ больнѣе.

Многіе (и вы въ томъ числѣ) думаютъ, что это гордость мѣшаетъ вѣрить. Но отчего гордость не мѣшаетъ учиться? Что можетъ быть смиреннѣе работы мыслителя, наблюдающаго природу? Онъ исчезаетъ, какъ личность, и дѣлается однимъ страдательнымъ сосудомъ для обличенія, для приведенія къ сознанію какого-нибудь закона. Онъ знаетъ, какъ онъ далекъ отъ полнаго вѣдѣнія, и говоритъ это. Сознаніе о томъ, чего мы не знаемъ, своего рода начало премудрости.

До сихъ поръ религіозное воззрѣніе безнаказанно злоупотребляло словами, не отдавая себѣ отчета,—по привычкѣ, традиціи.

Передъ высокомѣрнымъ уничиженіемъ вѣрующаго не только гордость труженика науки ничего не значитъ, но гордость царей и полководцевъ теряется и исчезаетъ. Да и какъ же ему не гордиться,—онъ знаетъ безусловную, несомнѣнную истину о Богѣ и о мірѣ; онъ знаетъ не только этотъ, но и *тотъ* свѣтъ... онъ смиренъ, даже застѣнчивъ отъ избытка богатства, отъ увѣренности.

Посмотрите, какъ безпощадно, строго вы у меня отнимаете право рѣчи, которое мнѣ дала природа, какъ гордо и рѣзко вы меня спрашиваете,— кто мнѣ поручилъ проповѣдывать? гдѣ мое помазаніе? То, что я самъ себѣ это поручилъ въ вашихъ глазахъ ничего не значитъ, — что такое я? Помазаніе любви, помазаніе труда, все это не спасаетъ меня, я самозванецъ и долженъ замолчать. Съ другой стороны, какое спокойствіе, какая увѣренность въ васъ самихъ! Въ вашемъ помазаніи *вы не сомнѣваетесь*, вы увѣрены, что Богъ вамъ поручилъ меня спасти; вамъ легко, потому что вы дѣйствуете съ нимъ заодно. Не думайте, что я хочу этими строками сдѣлать вамъ личный упрекъ, — нисколько. Папа римскій, «царь царей», всегда называетъ себя *рабомъ рабовъ*.

Вы говорите, что «я могъ бы многое сдѣлать для Россіи, если-бъ любилъ ее *безкорыстно*». Какая же корысть у меня? Видѣть развитіе Россіи, участвовать въ немъ, какъ одинъ изъ сотенъ тысячъ, видѣть ея освобожденіе, освобожденіе крестьянъ,— неужели это корысть? Неужели вы не шутя говорите, что я «живу для одной славы»? Помилуйте, вѣдь, я не шестнадцатилѣтній студентъ, не Карлъ Моръ, не маркизъ Поза. Въ нашъ вѣкъ волокитство за славою вообще миновало, и милый Камиллъ Демуленъ съ милыми жирондистами и грознымъ Дантономъ, говорившими о славѣ на ступеняхъ эшафота,—были послѣдніе люди, которые несмѣшно о ней говорили.

Въ нашъ вѣкъ люди скорѣе живутъ для власти, для денегъ, чѣмъ для славы.

Если-бъ я только хотѣлъ шуму, неужели вы думаете, что я бы не нашелъ дѣла въ Англіи, во Франціи, въ Америкѣ, наконецъ, въ Швейцаріи, которая такъ дружески усыновила меня? Или, можетъ, я ищу власти въ Россіи? Нечего сказать, хорошъ путь выбралъ я въ первыя страницы адресъ-календаря? Не денегъ ли?.. Этого ужъ никто не думаетъ.

Такъ *изъ чего же* я хлопочу?

Вы говорите мнѣ: «Напрасно вы заботитесь о Россіи, она могучая, здоровая, *сама справится*». Что такое *сама*? Да развѣ вы, я, всѣ проснувшіеся, всѣ говорящіе, всѣ недовольные, западники, славянофилы... не принадлежатъ къ этой самости, не составляютъ ея свободной личности? Развѣ она не нами развивается, развѣ мы не ею развиты? Не съ неба же свалились мои мысли, мое направленіе. Я «забочусь о Россіи», потому что *не могу* не заботиться объ ней, потому что утромъ, просыпаясь, и ночью, засыпая, невольно думается о Россіи, потому что каждая вѣсть оттуда заставляетъ биться сердце двойнымъ негодованіемъ или двойной радостью. Что же удивительнаго, что я «забочусь о Россіи». Вѣдь, можетъ, и я, какъ Россія, «самъ справлюсь», а вы заботитесь однако о спасеніи моей души, и я въ этомъ нахожу очень человѣческое чувство и душевно васъ благодарю.

Перехожу къ послѣднему. Вы говорите, что я браню все на Западѣ, браню все въ Россіи — безъ различія *сана и лѣтъ*, и спрашиваете, да гдѣ же мой рецептъ на спасеніе людское... Вы говорите, что я только сѣю раздражительное неудовольствіе и сомнѣніе, что я только развиваю жажду, не поднося питья.

Что касается до «сана и лѣтъ»,—это мы отложимъ въ сторону: лѣта только тогда достойны уваженія, когда они служатъ доказательствомъ не только крѣпости мышцъ и пищеваренія, но и человѣчески прожитой жизни; и кто же не склоняется передъ стар-

цемъ Гумбольдтомъ, кто не склонялся передъ старцемъ Оуэномъ,— бывали и на Руси старцы, которыхъ всѣ уважали, какъ Н. С. Мордвиновъ. Но уважать эти сѣдыя піявки, сосущія русскую кровь, этихъ николаевскихъ писцовъ, ординарцевъ оттого, что они живутъ до аредовыхъ лѣтъ, оттого что ихъ и смерть не беретъ, и они, пользуясь этимъ, сдѣлались какими-то мозолями, мѣшающими ступить Россіи шагъ впередъ? Нѣтъ, они не заслуживаютъ даже снисхожденія.

Если взять табель о рангахъ и прочность желудка за мѣру уваженія, гдѣ же мы поставимъ границы ему? Эдакъ мы дойдемъ черезъ пять лѣтъ до уваженія Д., а черезъ пятнадцать до І. Энтузіаста. Тутъ вы меня извините, я не только не могу вамъ уступить главныхъ въ родѣ П., но даже ихъ подмастерій въ родѣ З. Да вотъ скажите кстати сами, что же, вы уважаете его за его санъ и за его безъ малаго сто лѣтъ?...

Итакъ, вы говорите, что я *только* вношу сомнѣніе въ сердца молодого поколѣнія и пробуждаю въ немъ жажду. Это *только* само по себѣ кое-что. Человѣкъ сомнѣвающійся будетъ безпокоенъ, станетъ искать выхода изъ сомнѣнія; человѣкъ, у котораго жажда возбуждена, пойдетъ отыскивать утоленіе ея. Послѣ нравственной косности прошлаго тридцатилѣтія, послѣ старческаго маразма, внесеннаго въ самую юность искаженнымъ воспитаніемъ, всякое возбужденіе къ жизни, всякій голосъ, бросающій вопросъ, разрушающій разсѣянное равнодушіе, останавливающій молодого человѣка между университетскимъ дипломомъ и дипломомъ на чинъ титулярнаго совѣтника, между кадетскимъ корпусомъ и полкомъ, и зовущій на раздумье—спасительный голосъ.

Тѣхъ рѣшеній, о которыхъ вы говорите, я не могу дать, я ихъ не имѣю, я самъ ихъ ищу, я не учитель, я попутчикъ. Мы вмѣстѣ доискиваемся, оттого, можетъ быть, у насъ есть сочувствіе. Я не берусь имъ говорить, *что надобно*, но, кажется, довольно вѣрно указываю, *чего не надобно*.

Вы хотите отъ меня доктрины. Вы правы. Доктрина дѣйствительно стоитъ между церковью и свободнымъ мышленіемъ, въ родѣ растриженнаго монаха, не привыкнувшаго еще къ свѣтскому платью. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мнѣ, конечно, нѣтъ у доктринеровъ, какъ вообще нѣтъ у религіозныхъ людей. Доктрина — религія, изъ которой Богъ выѣхалъ, а церковная утварь осталась; отъ этого она вамъ знакомѣе, въ ней еще ладономъ пахнетъ. Церковь замѣняется государствомъ, монастырь—присутственнымъ мѣстомъ, чины небесные—служебными чинами, поглощеніе лица въ Богѣ—поглощеніемъ его въ государствѣ; священники стали квартальными. Народъ по прежнему остается паствой, пастухи бюрократы знаютъ,

куда пасутъ его. Такой доктрины, опредѣленной, ограниченной, умѣренной и воздержной у меня такъ же нѣтъ, какъ вѣры.

Но если я не имѣю доктрины, не пишу заповѣдей гдѣ-нибудь на горѣ, ни приказовъ гдѣ-нибудь въ канцеляріи, — неужели же я не могу кричать о рабствѣ и передней всякій разъ, какъ увижу галунъ, на какой бы ливреѣ онъ ни былъ... Неужели я не могу проповѣдывать освобожденіе мысли и совѣсти отъ всего хлама, не проведеннаго сквозь очистительный огонь сознанія; звать на борьбу со всѣми остающимися узами на независимости мышленія, со всѣмъ ограничивающимъ самозаконность личности, этой высшей, дѣйствительной цѣли церкви и государства. Неужели я не имѣю права покачать діалектическими мышцами всѣ эти почтенные идолы, пугающіе слабыхъ — во имя логической свободы, во имя безпрепятственнаго мышленія, разбирающаго все, посягающаго на все... Или неужели вы не дадите права русскому сдѣлать гласнымъ біеніе сердца, слезы, надежды и сомнѣнія... во всемъ, касающемся до русскаго народа въ современныхъ вопросахъ нашихъ, который можетъ меня упрекнуть во всемъ, кромѣ недостатка сочувствія и любви.

И къ тому же зачѣмъ меня лишать права рѣчи? Если мои слова безъ мистическаго вѣрованія, безъ школьной доктрины будутъ пусты, будутъ нелѣпы, ихъ прочтутъ, забудутъ и, наконецъ, совсѣмъ не будутъ читать. Зачѣмъ же отнимать у человѣка такое естественное право, какъ участіе рѣчью въ современномъ дѣлѣ своей родины? Довольно въ Россіи всякихъ цензуръ, всякихъ стѣсненій, всякихъ монополій, научимтесь выносить свободу!

Въ заключеніе моего письма я попрошу васъ не сомнѣваться ни на одну минуту, что, несмотря на различіе нашихъ воззрѣній, я вполнѣ цѣню и теплоту душевную, съ которой вы писали, и ваше доброе, человѣческое желаніе свести миръ въ мою душу, и потому искренно и откровенно благодарю васъ.

(1858 г., № 36).

Война.

(Статья первая).

... Je suis outré de l'appui que prête l'Allemagne à cette honteuse Autrich, à cette «Capua der Geister», concordée. Je prêche l'exlusion de toute province non-allemande; l'union plus étroite nationale, l'abandon de l'Autriche — pour rendre la main libre, non seulement à l'Italie, mais aussi à la Hongrie et aux provinces slaves. Cher ami, vous avez dit avec raison, que le bonapartisme c'est la mort; mais souvenez vous que l'Autriche c'est la d a m n a t i o n e t e r n e l l e, et que ce n'est qu'en détruisant cette derniere que vous enlevez à la mort sa terreur en la réduisant au rang d'un simple accident [1]).

C h a r l e s V o g t.

(Письмо къ издателямъ «Колокола», 3 апрѣля, 1859 г.).

.. Австрія не народъ, Австрія полицейская мѣра, сводная администрація, она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себя; безъ частей ея нѣтъ, это величайшій историческій призракъ, который когда-либо существовалъ. Тутъ все ложь. Римская имперія—въ Германіи. Германская имперія—состоящая преимущественно изъ славянъ, итальянцевъ, мадьяръ. Избирательное правительство—переходящее по наслѣдству. Связь нѣсколькихъ народностей—основанная на перекрестномъ отвращеніи другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго: отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо Валахію—и такъ хорошо. Отнимите Галицію и прибавьте Сербію — и это не дурно, die Staatts Kanzley пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее *отмѣнятъ*, тогда только люди настоящимъ образомъ удивятся, какъ могла существовать такая нелѣпость, сшитая изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями. Имперія, необходимая—*никогда*, чтобъ перетягивать папу, *теперь*, чтобъ папу не перетянули. Оплотъ Европы противъ исламизма, спасающій Турцію отъ Россіи. Мнимая представительница германскаго единства, ненавидимая всей Германіей и защищающая Рейнъ «на По и на Адижѣ» славянской и венгерской кровью противъ Италіи. Это какой-то сонъ больного горячкой!

«Колоколъ», № 34.

I.

Мы не рады войнѣ, намъ противны всякаго рода убійства—оптомъ и въ разбивку; тѣ, за которыя вѣшаютъ, и тѣ, за кото-

[1]) ... «Меня возмущаетъ опора, которую Германія даетъ этой постыдной, *конкордированной* Австріи «этой Капуѣ умовъ». Я проповѣдую исключеніе всякой не-нѣмецкой области изъ нѣмецкой конфедераціи, болѣе тѣсное національное соединеніе и предоставленіе Австріи своимъ судьбамъ, чтобъ не только Италія, но и Венгрія и славянскія провинціи могли освободиться. Любезный другъ, вы справедливо сказали, что Бонапартизмъ—*смерть*... но вспомните, что Австрія—*вѣчная мука*... и что только уничтожая ее, вы отнимите у смерти ея ужасъ, и сведете ее на степень простаго случая».

рыя дают кресты; намъ жаль всякую кровь, потому что крови веселѣе течь въ жилахъ, чѣмъ по травѣ и по песку; намъ всего больше жаль австрійскую кровь, которая будетъ литься за неправое дѣло, и, сверхъ того, изъ подъ палки. Дики еще образованные народы и недалеко ушли отъ временъ Нимврода и Сезостриса, если не могутъ иначе рѣшать дѣла, какъ дубиной и пращею.

Сверхъ того, мы не рады войнѣ какъ русскіе, война остановитъ внутреннюю работу, усилитъ снова управленіе шпорами, и снова истощитъ силы бѣднаго народа, не давъ ему взамѣнъ ничего, кромѣ множества калѣкъ и нѣсколькихъ лубочныхъ картинъ, представляющихъ генераловъ, лошадей, трупы и дымъ:

Но вѣрные нашему реализму, *мы принимаемъ войну за фактъ* и нисколько не намѣрены терять время чувствительно и безполезно, разглагольствуя о всеобщемъ мирѣ, тоскуя о вселенскомъ братствѣ—въ виду двухъ армій, которыя, быть можетъ, теперь рѣжутся.

Еще меньше будемъ мы отыскивать, — справедливы ли причины войны, достаточны онѣ или нѣтъ, кто виноватъ и кто правъ. Вѣроятно, никто не смѣшиваетъ *предлоги* войны, les à propos, съ ея настоящими причинами. Развѣ кто-нибудь вѣрилъ, что Крымская война дѣлалась въ пользу Турціи, или развѣ есть люди настолько нищіе пониманіемъ, что и взаправду думаютъ, что Наполеонъ ночи не спитъ, а все кручинится о томъ, что Италія не свободна?

Кто юридически правъ въ этой войнѣ, можетъ, и можно бы доискаться по Гроцію и по другимъ, но это очень неинтересно и совершенно безполезно.

Теперешняя война, послѣ десятилѣтняго натянутаго состоянія, въ продолженіи котораго зло входило внутрь и подтачивало организмъ европейскій, имѣетъ ту же причину, по которой когда-то Везувій затопилъ расплавленнымъ камнемъ цѣлые города, т. е., излишнее накопленіе горючихъ веществъ, праздныхъ силъ. Наполеонъ — случайная искра, она должна или потухнуть, или сжечь что-нибудь; сколько загорится и сколько сгоритъ,—онъ не отвѣчаетъ; въ Крымскую войну пожаръ былъ невеликъ, искра стала тухнуть, но вотъ она подожгла Италію...

Для того, чтобъ предвидѣть, что выгоритъ и что останется, надобно знать, *насколько* грудь здорова, насколько кровь жива у европейскихъ народовъ. «Здоровому все здорово!» говорятъ русскіе; дѣйствительно, въ хорошей крови многое переработается, въ дурной—оно разовьется въ ракъ, въ туберкулы...

Крымская война имѣла цѣлью повредить Россіи, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по

рукамъ и по ногамъ, ослабли, перетерлись во время войны. Осадой Севастополя началось освобожденіе крестьянъ, призывъ къ оружію былъ призывомъ къ мысли, и Россія съ тѣхъ поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, несмотря на всѣ черепки и битыя бутылки, оставленныя у ней подъ ногами упрямствомъ и небрежностью шоссейнаго смотрителя, несмотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложные маяки доктринеровъ.

Если война завяжется, то мы можемъ смѣло сказать: Европа не возвратится на ту *мель*, съ которой война ее стащитъ, и на которой она застряла съ 1849 года. Это уже само по себѣ чрезвычайно важно, и вотъ гдѣ причина, по которой Англія, единственная страна раціональнаго консерватизма, готова сдѣлать все, чтобы отвратить эту войну. Ей, какъ она сложилась, всякое быстрое движеніе вредно.

Но куда пойдутъ эти міры, снятые съ якоря? Мы думаемъ, что романскій міръ одолѣетъ сводную, разношерстную Австрію... что же будетъ съ побѣжденнымъ, что будетъ съ побѣдителемъ?

Во-первыхъ, для побѣдителя будутъ предстоять тѣ же два пути на другой день послѣ побѣды, какъ наканунѣ войны.

Побѣдоносный и обнищалый, покрытый славою и солдатами, романскій міръ можетъ послѣ войны замереть подъ сѣнью всепоглощающаго самодержавія, личность человѣческая и ея права пропадутъ окончательно, государство сдѣлается цѣлью всего; римское, античное начало это, вооруженное телеграфами, желѣзными дорогами, опертое на страшныя средства бюрократіи, полиціи и безчисленнаго постояннаго войска, — сосредоточитъ всю жизнь, всю энергію въ правительствѣ, въ цезарѣ и однообразное существованіе галло-романской державы съ своими сестрами и родными обезпечится на вѣка и вѣка.

Можетъ, случится и другое, можетъ, франкское начало, разбуженное войною, также подниметъ голову; можетъ Италія, ненавидящая централизацію, однообразность формъ, гуртовой гнетъ, иначе пойметъ свое освобожденіе. Она теперь, при самомъ началѣ, перевела *войну* на революцію. Гарибальди начальствуетъ легіонерами, тосканскій герцогъ въ бѣгахъ, Уллоя чуть не на его мѣстѣ. Если Италія увлечетъ Францію, если Франція послѣ войны хоть одинъ годъ будетъ въ состояніи вытерпѣть свободныя учрежденія, не дѣлая генерала Макъ-Магона или генерала Бурбаки императоромъ, тогда, можетъ быть, начнется на древней почвѣ великихъ воспоминаній, между Средиземнымъ моремъ и Атлантикой—третья эпоха событій, и исторія не сдѣлаетъ географической измѣны.

То ли будетъ, или другое, намъ кажется, что не въ этомъ бли-

жайшая задача теперешняго положенія дѣлъ, и не въ этомъ главный результатъ войны.

Первую роль, по неволѣ, надо уступить Австріи. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: вгонится-ли, наконецъ, эта *германская* имперія въ границы *нѣмецкаго* государства, или нѣтъ? Растворятся-ли, наконецъ, двѣри этой полуразсѣвшей и покачнувшейся *бастиліи народовъ*, готовыхъ ринуться впередъ, или старая дипломатія оставитъ подшибленнаго коршуна, изгнаннаго изъ Ломбардіи, заѣдать чудныя земли отъ Адріатики до Дуная?

Если послѣднее будетъ,—кровь лилась напрасно и Европа снова, какъ въ 1848 году, дастъ доказательство своей неспособности вполнѣ совершить что-нибудь.

Если же Австрія уничтожится какъ *сводное* государство, то тогда какія бы судьбы романскаго міра ни были,—*мы всѣми парусами входимъ въ новую эпоху*. И если въ самомъ дѣлѣ міръ великаго прошедшаго, послѣ двухъ-тысячелѣтнихъ дѣятельностей, усталъ, то чѣмъ можетъ онъ доблестнѣе завершить свою длинную жизнь, какъ не открывая для исторіи новыя, непочатыя пажити, оттертыя отъ свѣта и всякаго развитія игомъ безплоднымъ и иноплеменнымъ.

II.

Нѣмецкіе публицисты выдумали для австрійской имперіи всемірно-историческое *призваніе*: оно, видите, именно состоитъ въ *образованіи полу-дикаго юго-востока Европы*. Но какое значеніе имѣетъ австрійская цивилизація, и что она сдѣлала кромѣ того, что ввела ту же полицію и тѣ же наказанія во всѣ страны? Ну, если не въ политическомъ, то въ торговомъ, въ экономическомъ отношеніи?... Королевско-имперская цивилизація состоитъ въ постоянномъ гнетѣ всего народнаго и въ *онѣмечиваніи*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотятъ вовсе образоваться въ нѣмцевъ. Между ними и нѣмцами лежитъ та incompatibilité d'humeur, по которой разводятъ мужа съ женою. Мы знаемъ, что значитъ насильно образовывать, это одна изъ гибельнѣйшихъ идей, въ силу которой бездушной дрессировкѣ и фельдфебельской выправкѣ дается видъ благодѣянія. Маленькихъ дѣтей не гоняютъ больше въ школу розгой.

Замѣчательная вещь, что вообще германскій міръ, школьный и ученый по преимуществу, очень плохой образователь подавленныхъ имъ народовъ. Стоитъ взглянуть на эстовъ и леттовъ въ остзейскихъ провинціяхъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ; особенно если ихъ сравнить съ финнами, бывшими въ соприкосновеніи не съ нѣмцами, а со шведами.

Какъ Австрія спеціально образовывала, мы знаемъ по Богеміи. Она употребила два столѣтія на систематическое забиваніе всего независимаго и національнаго въ этомъ народѣ; она совершала тамъ злодѣйства, передъ которыми блѣднѣютъ дѣла протестантской Англіи въ Ирландіи,—казни, конфискаціи, гоненія продолжались поколѣнія подъ руководствомъ іезуитовъ и бюрократовъ, въ распоряженіи которыхъ состояла развратная, наемная, скотски-свирѣпая солдатеска, хранившая въ памяти преданіе Валленштейновскихъ временъ и тридцатилѣтняго разбоя. Вѣшали, сѣкли, морили въ тюрьмѣ, жгли людей, жгли книги, грабили, выселяли, и дошли до того, что аристократическая помѣсь и часть мѣщанъ сдѣлались нѣмцами, а народъ остался чешскимъ; и въ первую минуту, какъ потерявшійся палачъ приподнялъ свою руку и далъ жертвѣ немного вздохнуть, въ началѣ нашего вѣка, явилась цѣлая чешская литература.

Про Италію говорить нечего. Сами нѣмцы согласны, что Ломбардія образованнѣе нѣмецкой Австріи. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ даже, что Ломбардія имѣетъ право отказаться отъ отеческаго воспитанія Австріи. Они все нашего брата варвара-славянина, мадьяра наровятъ Австріей выдѣлать въ вѣнцевъ.

Но что же приняли, напримѣръ, отъ австрійцевъ мадьяры? Я въ мірѣ не знаю ничего противуположнѣе нѣмцамъ, какъ мадьяровъ съ ихъ полудикой разметистой волей, къ которой такъ идетъ ихъ отвага, съ этой жизнію въ лѣсахъ, съ ихъ бурными и независимыми комитатами. Это какое-то кованное племя, до того упругое, что самъ Меттернихъ не могъ никогда его сломить. И когда Венгрія возстала, Австрія дышала на ладонъ.

Или не въ Галиціи-ли, можетъ въ Иллиріи, въ Далмаціи особенно, успѣшно привился германизмъ?...

Ничего подобнаго, напротивъ,—международныя распри, напримѣръ, между мадьярами и славянами, стали съ 1848 года стираться передъ ненавистью къ *общему отечеству*. Пока Австрія льстила ограниченнымъ сторонамъ народностей и раздувала ихъ непріязнь, ссоры оставались; но когда она принялась послѣ революціи подводить всѣхъ подъ одинъ знаменатель, убѣдившись, что иной разъ не сладишь съ національностями, и что не всегда народное пробужденіе ограничится филологическими изслѣдованіями,—тогда народы поняли, гдѣ ихъ настоящій врагъ.

Печальная судьба пала на долю Австріи: она послѣ Гогенштауфеновъ не имѣла ни красныхъ дней, ни благородныхъ воспоминаній, а при Гогенштауфенахъ она не была тѣмъ, чѣмъ теперь. Зловѣщая династія Габсбурговъ является какой-то карой людямъ за ихъ стремленіе къ независимости, она постоянно противудѣйствуетъ всему человѣческому — старымъ вольностямъ и новой

свободѣ, постоянно усмиряетъ, подавляетъ, моритъ. Въ имперскомъ устройствѣ ея соединяется все мрачно-инквизиторское, ядовитое и злое испанскаго католицизма, съ скупою алчностію, съ кастратскимъ безстрастіемъ клерикальнаго управленія, съ наглой дерзостію нѣмецкаго риттера и съ холоднымъ капральствомъ казарменной дисциплины. Умственное движеніе никогда не было настолько сильно въ этой странѣ, чтобъ получить себѣ права; у ней нѣтъ литературы. Вѣна только извѣстна своей кухней и обжорствомъ, нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ или славяне или иностранцы, во всемъ чисто австрійскомъ что-то бездарное, лишенное поэзіи. Гдѣ свѣтлыя воспоминанія этого края? Годы его пущей силы—годы плача и стенаній для народовъ, какъ въ царствованіе Карла V, этого бревна, брошеннаго на дорогѣ человѣчества, отъ котораго мрутъ живые остатки прежней Европы и блекнутъ новые всходы.

Или эти свѣтлые дни были при Іосифѣ II? Но онъ былъ окруженъ одной ненавистію разбуженныхъ имъ галокъ и летучихъ мышей. Или въ дни *побѣды* надъ Наполеономъ, когда, избитая и окровавленная съ обѣихъ сторонъ, Австрія входила въ видѣ длинной фигуры своего Франца въ Парижъ, и на другой день послѣ побѣды принялась за полицейскія слѣдствія, которыми и занималась тихо до 1848 года и отъ 1848? Военные суды, тайные суды, палки, цѣпи, двадцать лѣтъ, пятнадцать лѣтъ, десять лѣтъ carcere duro... И они находятъ, что это цивилизація?

Быть можетъ, въ тѣ отдаленныя времена, когда турки были опасны, когда весь юго-востокъ Европы бродилъ въ неустроенномъ состояніи, открытый нападеніямъ и не имѣлъ опоры, можетъ, тогда и была какая-нибудь польза отъ этого желѣзнаго обруча, набитаго на нѣсколько народовъ; хотя и тутъ надобно замѣтить, что Польша и Венгрія спасли Вѣну отъ турокъ, а не *Вѣна ихъ*. Но время это *прошло*, а въ исторіи самое *смертное* преступленіе—быть несовременнымъ. Главная вина Австріи не въ вѣковыхъ злодѣяніяхъ ея—мало-ли что было въ прошедшей жизни каждаго народа—главная вина ея въ томъ, что *она мѣшаетъ*. Уголовный судъ исторіи не совпадаетъ съ нашимъ, это не морально справедливый судъ, а *физіологически вѣрный*. Скорлупа, насильственно удерживающая части отъ распаденія, становится *ненужной*, потомъ вредной, она можетъ задушить зародышъ, а потому ее слѣдуетъ разбить клювомъ изнутри или ударомъ снаружи.

Австрія заживаетъ чужой вѣкъ, за это въ исторіи смерть, если то, чему она мѣшаетъ, достойно жить и имѣетъ силы.

Исторія не убиваетъ, какъ нѣкогда камчадалы за одну старость, она оставляетъ и Китай, и Японію. Но если-бъ внутри не-

бесной имперіи бились живыя силы, которымъ бы было тѣсно и которыя сами по себѣ были бы здоровы и мощны, онѣ давнымъ давно подорвали бы мандаринскую табель о рангахъ, несмотря на то, что китайское устройство гораздо умнѣе и сообразнѣе нравамъ своей страны, чѣмъ австрійское *иностранцамъ*, составляющимъ это *отечество по неволѣ!*

Неспособность мадьяръ и славянъ онѣмечиться, ихъ неспособность къ извѣстнымъ государственнымъ формамъ, къ извѣстному канцелярскому порядку, вовсе не доказываетъ ни ихъ дикость, ни дѣйствительную неспособность ихъ. Это одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ; они думаютъ, что имѣютъ монополь историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ или крамольнымъ, все новое обижаетъ ихъ какъ нелѣпость; къ тому же они до такой степени привыкли думать и разсуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего не подходящаго подъ нихъ. Въ той *неспособности* славянъ, въ которой нѣмцы видятъ низшую, неразвившуюся *до нихъ* натуру, мы видимъ залогъ нашего *будущаго развитія*!

Ни славяне, ни мадьяры не составляютъ ни сателлитовъ, ни даже попутчиковъ германскому міру. Славяне—это *грядущая* часть человѣчества, вступающая въ исторію. Мадьяры составляютъ какую-то самобытную случайность, они имѣютъ столько же правъ на независимость, сколько Швейцарія, сколько Греція, сколько Молдо-Валахія.

Разноплеменность въ вольномъ союзѣ, въ конфедераціи, ничего не значитъ; тессинецъ, гризонъ считаютъ себя гражданами единой и кантональной республики, точно такъ, какъ житель Апенцеля или Лозанны.

Стоитъ взглянуть на карту, чтобъ понять, что отъ Балканъ до Адріатики готовы звенья обширной конфедераціи съ славными берегами, съ естественными границами и съ плодоноснѣйшей почвой. Австрійскій кордонъ стоитъ плотиной между ними и Европой, не давая ни имъ *ринуться* впередъ, ни свѣту проникать къ нимъ.

III.

...Но рннувшись изъ старой Бастиліи, какъ бы народы не попались въ *новый острогъ*. Въ Европѣ не одинъ двуглавый орелъ, а два, и перемѣна австрійскаго самовластья—не находка.

Объ этомъ-то мы и хотимъ поговорить.

Россія находится теперь въ одномъ изъ тѣхъ кризисовъ развитія, изъ котораго организмъ выходитъ разомъ сложившись, или доказавъ свою неспособность. Я наше время для Россіи считаю

столько-же важнымъ, какъ эпоху Петра I. Если слѣпые и глупые не хотятъ понять, что́ за вопросъ поднять теперь въ Россіи, и смѣшиваютъ признаніе *права человѣка на землю* съ личнымъ освобожденіемъ отъ помѣщичьей власти,—пусть остаются при своей темной водѣ въ глазахъ.

Съ того дня, какъ Александръ II призналъ основой освобожденія крестьянъ ихъ право на землю, онъ еще разъ переломилъ исторію и пошелъ новымъ путемъ. Если онъ и Россія пойдутъ имъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, ей будетъ принадлежать первое мѣсто въ союзѣ славянскихъ народовъ. Но для того, чтобъ занять это мѣсто, ей окончательно надобно понять себя *русской* не въ противуположность общечеловѣческому, а въ различіе съ старо-европейскимъ.

Если Россія, продолжая свою иностранную политику, вздумаетъ воспользоваться паденіемъ Австріи и пріобрѣсть себѣ какіе-нибудь новые улусы, она усугубитъ ненависть другихъ странъ новымъ землекрадствомъ, и народы ничего не выиграютъ, перемѣнивъ ошейникъ. Конечно, не отъ насъ они услышатъ приглашеніе; намъ не легче будетъ, если отъ Панина и сквернаго управленія Муравьева будутъ страдать другіе.

Но мы имѣемъ залогъ, что правительство *чуетъ* необходимость переродиться, подождемъ, чѣмъ кончатся его начинанія.

Первый актъ возмущенія противъ западно-историческаго ига сдѣланъ *образомъ постановленія* вопроса объ освобожденіи крестьянъ; тутъ правительство сорвалось съ битой западной колеи, взявъ въ основу *нелѣпость* общиннаго владѣнія и *предразсудокъ* освобожденія *съ землей*. Надобно, чтобъ правительство нашло мужество независимости передъ порицаніемъ *мудрыхъ міра сего*, такъ, какъ его имѣлъ апостолъ Павелъ, сознаваясь, что его *истина*—сумасбродство для эллиновъ.

Пусть же Александръ II найдетъ въ себѣ силы невозвратнымъ актомъ разорваться съ петровскимъ преданіемъ, такъ, какъ Петръ съ московскимъ, и заявитъ передъ всѣмъ свѣтомъ, что Россія кончила свою военную службу, что она не хочетъ быть *завоевывающей* имперіей, съ нѣмецкимъ устройствомъ, а славянскимъ государствомъ и *мирной главой* новаго союза.

Для этого надобно перешагнуть черезъ многіе и многіе предразсудки, надобно умѣть принести на жертву будущему настоящую выгоду, и общую пользу славянскаго міра поставить выше интереса прусскихъ сродниковъ.

Судьба, совѣсть указываютъ, что надобно сдѣлать.

... Разумъ не *одинъ*, ихъ *два*. Разумъ міра *садящагося, вечерняго* —не совпадаетъ съ разумомъ міра *восходящаго, утренняго!*

(1859 г., № 44).

Very dangerous!!!

Въ послѣднее время въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлѣтворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли; мы ихъ вовсе не принимаемъ за выраженіе общественнаго мнѣнія, а за наитіе *направительнаго* и *назидательнаго* цензурнаго тріумвирата.

Чистымъ литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало *Обломовыхъ* и антологическихъ стихотвореній. Если-бъ только единственный Обломовъ не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ нескладно, говорить объ немъ, но все-таки говоритъ. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили млѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

Но вотъ шагъ дальше.

Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими, катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобъ случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

Когда товарищи Поэріо, встрѣченные тысячами и тысячами англичанъ при въѣздѣ въ Лондонъ, не знали, что имъ сказать, и, наконецъ, просили простить ихъ нескладную благодарность, говоря, что они отвыкли вообще отъ человѣческой рѣчи въ десятилѣтнихъ оковахъ, народъ не хохоталъ имъ въ отвѣтъ и «Пуншъ», смѣющійся надо всѣмъ на свѣтѣ, надъ королевой и парламентомъ, не сдѣлалъ карикатуры.

Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ, и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ-три отвратительныя шутки надъ умершимъ Бёрне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него, и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

Безъ сомнѣнія, смѣхъ одно изъ самыхъ мощныхъ орудій разрушенія; смѣхъ Вольтера билъ и жогъ какъ молнія. Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки. Съ этой революціонной, нивелирующей силой, смѣхъ страшно популяренъ и прилипчивъ; начавшись въ скромномъ кабинетѣ, онъ идетъ расширяющимися кругами до предѣловъ грамотности.

Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь. Они еще больше молчали объ этомъ!

Давно ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ, которыя, во первыхъ, во всемъ мірѣ похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а, во вторыхъ, имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить объ нихъ совершенно нечего.

«Да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно разсказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на дѣло?» Это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Тотъ, кто дурно и скучно передаетъ слезы крестьянина, неистовство помѣщика и воровство полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже разскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувши воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокой юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

Въ «обличительной литературѣ» были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе, такъ и можно теперь гуломъ бросить съ Обломовымъ на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ запрещали писать. Столичныя растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь «Перевоза» съ телѣгами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій,—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной (лишь бы не съ паталогической цѣлью, это противно чистотѣ искусства, искусство должно быть безполезно, иногда можетъ быть немного вредно, но подлая утилитарность его убиваетъ),—это возбуждаетъ вамъ нервы. Мы, совсѣмъ напротивъ,

безъ зѣвоты и отвращенія, не можемъ слѣдить за физіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ—были Онѣгины и Печорины.

И, сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потеряннаго человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтателями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтиться въ той средѣ, въ которой жили. Жаль, что они не договариваютъ,—я самъ думаю, если-бъ Онѣгинъ и Печоринъ могли, какъ многіе, приладиться къ николаевской эпохѣ, Онѣгинъ былъ бы Викторъ Никитичъ Панинъ, а Печоринъ не пропалъ бы по пути въ Персію, а самъ управлялъ бы, какъ Клейнмихель, путями сообщенія и мѣшалъ бы строить желѣзныя дороги.

Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ лишнихъ людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого очень естественно Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ потому, что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, *доказывая, что у насъ гласность не нужна*, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ *буржуазіи!*

У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во времена общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ*, отъ разсказовъ *Охотника*, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И, съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора.

Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала—

ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу,— посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка.

Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго, — того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему не доставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которой все поставлено,—страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнитическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ... становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями...

Но мы далеки отъ того, чтобъ и Сенковскаго осуждать безусловно, онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasé, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ—точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя, сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ...

Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда нельзя было ничего дѣлать. Теперь все, вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ, ни Александръ II, ни его цензурный терцетъ, ни квартальный вашего квартала, ни другіе сильные міра сего,—виной будетъ ваша слабость, пѣняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!...

Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики къ тройкѣ, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ — можетъ иной разъ оступаясь—нашу телѣгу изъ грязи.

Не лучше ли въ сто разъ, господа, вмѣсто освистываній, неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу,—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

Мало ли на что вамъ есть точить желчь,—отъ цензурной тройцы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличи-

тельную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего Боже сохрани) и до *Станислава на шею!*

Можетъ, они объ этомъ и не думали, — пусть подумаютъ теперь.

(1859 г., № 44).

На углу.

— Постойте, постойте,—очень радъ, что васъ встрѣтилъ, неужели и вы за Францію?

— Нѣтъ.

— Стало, вы за Англію, — я такъ и думалъ, а то мнѣ говорили, что вы...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не за Англію, въ этомъ случаѣ.

— Такъ за кого же вы?

— Я противъ Австріи.

— Позвольте, стало быть, вы все-таки за Францію? Помплуйте! Бонапартизмъ!

— Нисколько.

— Ну, такъ вы противъ всѣхъ?

— Отчасти.

— Это невозможно... Если вы противъ Австріи, вы должны быть за Францію.

— Вы забыли вашу математику и аналитическую геометрію. Я здѣсь стою по ту сторону координатъ, у меня все отрицательныя величины, я могу быть *противъе* одному, чѣмъ другому,— вотъ и все. Какъ вы думаете, можно не въ примѣръ будущимъ случаямъ употребить слово *противъе?*

— Развѣ in uso et obuso Austriae.

— Иногда грамматическія ошибки очень важны. Въ Вяткѣ былъ у меня одинъ пріятель, имѣвшій слабость пить запоемъ и притомъ тайкомъ отъ жены (ему было лѣтъ 50). Такъ какъ у него отбирали ключи, вино и деньги, то онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ освѣжиться тенерифомъ и бранить своего свекра. Разъ онъ мнѣ сказалъ: «Если бъ вы знали, что это за шельма— нѣтъ,— онъ остановился въ раздумьи и потомъ прибавилъ:—нѣтъ, онъ не шельма, шельмой можетъ быть всякій, а онъ — онъ не *шельма*, онъ *щельма*.» Этимъ ненужнымъ хвостикомъ къ ш, онъ мнѣ совершенно объяснилъ свою мысль.

— Вы все смѣетесь, это никуда не годится, особенно когда идетъ рѣчь о такихъ важныхъ предметахъ, о предметахъ, такъ сказать, всемірно-историческаго значенія.

— Извольте, я постараюсь тоже сказать, но очень скучно. Если-бъ вы были первый адресовавшійся ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, я съ самаго начала сталъ бы съ вами скучно говорить. Но, наконецъ, надоѣло, мочи нѣтъ. Дамы въ застарѣлой итальянской болѣзни, нѣмцы въ складной патріотической, англичане въ неизлечимой англійской и французы въ хронической военной, постоянно спрашиваютъ то же самое, — проходу нѣтъ; я обхожу переулками Режентъ-стритъ, на нихъ можно задохнуться и заразиться, да никто не спрашиваетъ.

— Отчего же не спрашивать, этотъ вопросъ теперь такъ естественно приходитъ каждому въ голову.

— Мало чего нѣтъ. А я вопроса-то вовсе не понимаю... Отчего-же это быть *противъ* Австріи значитъ быть *противъ* Англіи? Развѣ союзы дѣлаются по азбучному порядку?... тогда придется прибавить Абиссинію, Аркадію и Аравію.

— А, вѣдь, обѣщались не острить.

— Извините, повѣрьте, я буду невѣроятно тупъ, но разсудите сами. Въ мірѣ нѣтъ ничего противуположнѣе Англіи и Австріи. Страна ультра-протестантская, съ одной стороны; страна краснаго католицизма, съ другой. Въ Австріи одна военно-судная расправа и законъ—рабъ произвола; въ Англіи всѣ люди, не исключая королевы—рабы закона. Тутъ вся сила, все могущество—въ торговлѣ, въ богатствѣ, въ корабляхъ; тамъ — въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, штыкахъ и пѣхотѣ. Въ Англіи запрещаютъ жестоко обращаться съ кошками и собаками; въ Австріи дерутъ розгами женщинъ и платятъ 20 цванцигеровъ дамамъ, которыя принимаютъ на себя государственную обязанность сѣчь ихъ.

—Да, вѣдь, вамъ никто не говоритъ, что Англія *сочувствуетъ* Австріи, она, оберегая свои собственные интересы, хочетъ ее поддерживать.

— Ненавидя ее?

— Можетъ быть, но для *сохраненія* равновѣсія...

— Ученый другъ мой, придите въ мои объятія! На самомъ этомъ основаніи, я желаю побѣды французскому войску,—Англія готова зарѣзать Италію и на вѣкъ еще отбросить въ варварство весь югъ Европы, поддерживая ненавистный ей порядокъ—для *сохраненія мнимаго* равновѣсія; я желаю побѣды противуположному стану — для *разрушенія* слишкомъ дѣйствительнаго самовластья въ Европѣ. Тутъ вся разница въ томъ, что я желаю *дѣла*, а Англія *вздора*... Если только Англія этого желаетъ?

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, читали ли вы сегодня leading-article въ Тэймсѣ?

— Я знаю очень хорошо, что думаютъ — Тэймсъ, банкиры, мѣнялы, биржевые клерки и другіе патріоты. Но такъ ли ду-

маетъ Англія, не знаю. Большая часть ея совсѣмъ не заявила своего голоса. Подождемте осуждать до суда. Помните Conspiracy Bill и Бернаровъ процессъ. Пальмерстонъ и Дерби, Кларендонъ и Дизраэли, ни въ чемъ несогласные, — были братски душа въ душу согласны въ желаніи прислужить сосѣднему барину и повѣсить Бернара; все было сдѣлано для этого: Наполеонъ прислалъ обозъ свидѣтелей, женщинъ, дѣтей, преклонныхъ старцевъ, свинченныхъ и развинченныхъ гранатъ, легіонъ шпіоновъ съ всевозможнѣйшими усами, отъ красно-эльзаскихъ, до смольпиренейскихъ, съ тяжелыми золотыми цѣпочками и поддѣльными брильянтовыми булавками; 30.000 фунтовъ стерлинговъ стоилъ этотъ процессъ; за эту сумму какъ, кажется, не повѣсить всякаго человѣка,—а небогатый портной изъ Сити, отъ имени двѣнадцати плебеевъ, положилъ свое Veto—и Кембель въ шубѣ и оперномъ парикѣ, и Фицрой-Келли...

— Вотъ опять,—а уговоръ?

— Я хотѣлъ сказать и Фицрой-Келли безъ шубы въ парикѣ—согласитесь, что это было бы очень глупо.

— Да, не особенно умно.

— Оченъ радъ, что успѣлъ угодить. Однакоже прощайте, а а то опять скажешь что-нибудь...

— Что же заключеніе, стало, вы думаете?...

— Подождите же, что скажетъ *портной изъ Сити.*

(1859 г., № 45).

Выговоръ по службѣ.

Разсказываютъ, что въ тѣ патріархальныя времена, когда «еще намъ новы были» всѣ канцелярскіе порядки, и нѣмецкая бюрократія чуть-чуть пускала солотковые корешки свои въ едва распаханную русскую землю, — въ какую-то дикастерію сошла или лучше наслалась бумага изъ Петербурга, въ которой велѣно было сдѣлать одному чиновнику *строжайшій выговоръ* при отворенныхъ дверяхъ присутствія. Презусъ потеръ лобъ, поморщился, да и давай его въ дверяхъ пушить, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ахъ, говоритъ, ты такой-сякой, чего не идешь въ отставку, коли службы не знаешь.

Тотъ слушалъ, слушалъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе, объявилъ, что онъ будетъ жаловаться высшему начальству *за афронтъ чести.*

Презусъ, видя, что чиновникъ хочетъ идти, велѣлъ его задержать въ канцеляріи, вышелъ изъ присутствія, снялъ мун-

диръ, надѣлъ сюртукъ и, протягивая обѣ руки, сказалъ разсерженному чиновнику:

— Другъ ты мой сердечный, вѣдь, мнѣ-то каково было, вѣдь, я тебя люблю душевно, вѣдь, хлѣбъ-соль двадцать лѣтъ водилъ, не каменный я какой. Пожалуйста, прости!

— Съ чего же вы взъѣлись на меня? — спросилъ титулярный и обиженный совѣтникъ.

— Служба, служба, вотъ видите предписаніе изъ Петербурга—написано: «Сдѣлать *строжайшій* выговоръ».

— Такъ это вы изъ-за этого меня и въ хвостъ, и въ гриву.

— Какъ же, батюшка, *строжайше*.

— Ну, Богъ васъ проститъ!

Этотъ анекдотъ пришелъ намъ въ голову вслѣдствіе письма, недавно полученнаго нами, *ставящаго намъ на видъ* наши упущенія и недостатки.

Странный pli принялъ русскій умъ. Наклонность къ насмѣшкѣ, къ ироніи—совершенно національныя и прекрасныя свойства въ нашемъ характерѣ—превратились подъ канцелярскимъ вліяніемъ петровской эпохи въ страсть къ *начальническимъ выговорамъ*.

Мы получали ихъ не одинъ разъ. Вотъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему, писанному отъ имени «Легіона» нашихъ доброжелателей.

«Не довольно, говоритъ авторъ, въ *прекрасномъ далеко* изготовлять бомбы, надобно ихъ умѣть бросать и чѣмъ больше и чаще, тѣмъ лучше; никто не требуетъ отъ васъ, чтобъ вы были въ одно и то же время писателемъ и книгопродавцемъ. Никто также не потребуетъ, чтобъ вы раззорились на общую пользу, но объявивъ, что труды ваши въ настоящее время вознаграждаются матеріально, вы *дали публикъ право контролировать ваши изданія*... [1])

«Если, продолжаетъ авторъ, вашихъ собственныхъ силъ не достаточно, пригласите печатно сотрудниковъ. *Многіе* поѣхали бы даже въ корректоры, но не зная, *какой* accueil вы имъ сдѣлаете, не рѣшатся ѣхать на авось. Кстати, корректура въ вашихъ изданіяхъ все хуже и хуже, и есть строки, которыхъ смыслъ совершенно не понятенъ, *непростительная небрежность—за огромныя деньги*. Если въ Лондонѣ дорого издавать, то перенесите

[1]) Вотъ какъ дѣлается этотъ контроль. Авторъ обвиняетъ г. Трюбнера въ томъ, что въ V книжкѣ «Полярной Звѣзды» много *бѣлой бумаги*, что есть страницы, на которыхъ только 5 строчекъ и что стихи можно бы было напечатать на меньшемъ пространствѣ. Объемъ «Полярной Звѣзды» и число строчекъ *совершенно независимы* отъ г. Трюбнера; цѣна «Пол. Зв.» нисколько не измѣнилась бы отъ того, что листомъ было бы больше или меньше,—мы не думали продавать ее ни на вѣсъ, ни на ярды. *Ред.*

изданіе, т. е., *печатаніе въ Германію*. Вѣдь, печатаютъ-же Schneider и Frank вещи не менѣе *кричащія*».

«Жалательно, чтобы *Колоколъ* выходилъ чаще, обратился бы въ газету: всѣ указы, приказы и т. п. должны тотчасъ обсуживаться въ *Колоколѣ*. Иные N. N. *Колокола*, извините, чрезвычайно бѣдны по содержанію. *Повторяю, если вы не признаете въ себѣ редакторскаго таланта, то вызовите, стоитъ только кличъ кликнуть*».

Мы увѣрены, что авторъ безъ умысла употребилъ *этотъ тонъ*, который *никогда* не придетъ въ голову ни одному англійскому журналисту, потому что въ Англіи есть борьбы, нетерпимости, доходящія до грубости, — но нѣтъ *внушеній*, нѣтъ служебныхъ распеканій, нѣтъ начальническихъ *повторяю*, пора отучиться и намъ.

Что касается до разсылки книгъ, это дѣло г. Трюбнера, и нельзя не отдать ему полной справедливости, что онъ дѣйствовалъ съ большимъ умомъ и съ большимъ успѣхомъ, доказательствомъ этому—расходъ вторыхъ изданій и продажа *Колокола* [1]).

Ненадобно забывать, какія препятствія дѣлаютъ циркуляціи нашихъ книгъ. Когда Норовъ вымолилъ у Мантейфеля и у Бейста запрещеніе *Колокола*, цѣлыя посылки его пропадали или отсылались назадъ съ такимъ *порто*, что лучше было отказываться отъ нихъ. Мѣсяцъ тому назадъ Тимашевъ исходатайствовалъ новое гоненіе въ Парижѣ и 5-я книжка «Полярной Звѣзды» и три послѣднихъ листа *Колокола* нашли свою преждевременную кончину въ закормахъ французскихъ таможенъ.

Этими мѣрами полиціи ничего не сдѣлаютъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но желающій *контролировать* не долженъ забывать, что періодическія потери эти падаютъ на Трюбнера, въ силу этого онъ назначаетъ цѣны слишкомъ дорогія; мы съ этимъ согласны, и будущія изданія онъ очень понизитъ по нашему совѣту.

Что касается до цѣнъ, по которымъ продаются русскія книги въ Берлинѣ, Парижѣ и пр., — мы совсѣмъ не отвѣчаемъ, *эта надбавка совершенно противузаконна.*

Вы видите, что сдѣлалъ г. Трюбнеръ для распространенія русскихъ книгъ, и что полиція—для уничтоженія ихъ. Но что сдѣлали русскіе для того, чтобъ способствовать циркуляціи? — *Ничего!*

---

[1]) Въ іюнѣ мѣсяцѣ, напр., сверхъ 3 листовъ вновь напечатанныхъ, г. Трюбнеръ получилъ заказъ на 4,800 разныхъ листовъ «Колокола» и на 25 полныхъ экземпляровъ. Типографія не могла ихъ выставить и отправила только 4,300.

Мы двадцать разъ предлагали посылать куда угодно наши книги и *Колоколъ*, за *полцѣны и доставку*, мы не получили заказу *ни на одну гинею*. На что намъ кликать кличъ, на что намъ commis-voyageur,—кто мѣшаетъ вамъ съ той стороны протянуть руку, когда съ этой подаютъ книгу?

Открывая русскую типографію, въ 1853 году, мы говорили вамъ: «Дверь открыта, хотите вы ей воспользоваться или нѣтъ,— останется на вашей совѣсти».

Считаемъ ли мы себя способными издавать журналъ или нѣтъ, это къ дѣлу не идетъ. Можно себя считать очень способнымъ и не имѣть никакого таланта. Самый вопросъ показываетъ, что наша способность очень сомнительна, но *кличи* и въ этомъ случаѣ мы не будемъ *кликать*. Неужели почтенный авторъ думаетъ, что въ изданіи, основанномъ на безусловной тайнѣ корреспонденціи, можетъ участвовать каждый *незнакомецъ*, умѣющій писать по русски, и не имѣющій другаго занятія? Если же есть близкіе намъ люди, способные и желающіе работать съ нами, они насъ найдутъ безъ клича и мы имъ будемъ очень рады.

Полярная Звѣзда и *Колоколъ* доказали возможность и своевременность русскихъ изданій за границей. Первые ручьи всегда бываютъ бѣднѣе послѣдующихъ рѣкъ. Міръ не клиномъ сошелся,— развѣ кто-нибудь говоритъ, что внѣ Россіи можетъ быть только одинъ русскій журналъ, да и то въ Лондонѣ. Вы довольны русскими изданіями въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, вы вѣрите *возможности* свободнаго слова въ настоящей Германіи, — издавайте тамъ новый журналъ.

Мы, съ своей стороны, готовы братски помогать всякому свободному органу русской мысли.

(1859, № 48).

Миръ.

(Вторая статья о войнѣ).

Какъ-то въ 1851 году, будучи на нѣсколько дней въ Парижѣ, я рано утромъ сидѣлъ и читалъ Le spectre rouge Ромье. Брошюра эта, нынче забытая и занесенная разными слоями политическихъ памфлетовъ и реакціонныхъ брошюръ, сдѣлала нѣкоторый шумъ при своемъ появленіи. Ее хвалили немногіе, ее ругали почти всѣ,—ея portée не поняли ни тѣ, ни другіе. Я ее читалъ съ какимъ-то нервнымъ раздраженіемъ, удивляясь преступной откровенности, безстыдству выраженій и дерзости тѣхъ истинъ, которыя высказывались въ ней съ наивнымъ цинизмомъ.

Кто-то постучался въ дверь.

— Взойдите, сказалъ я почти съ досадой. Но взошелъ человѣкъ, котораго я искренно уважалъ, и я съ радостью протянулъ ему руку.

— Вы меня застаете, сказалъ я, подъ магнитическимъ вліяніемъ ядовитой книги; я часа полтора испытываю удовольствіе американскихъ птицъ, когда онѣ находятся подъ чарами гремучей змѣи.

— И эта змѣя? спросилъ И. Мишле.

— Ромье.

— Ромье? повторилъ Мишле съ удивленіемъ.

— Вы, вѣрно, читали его «Красный призракъ»?

— И да, и нѣтъ... Я имѣлъ эту книженку въ рукахъ, взглянулъ тамъ, сямъ... Вы знаете очень хорошо, кто такой и что такое Ромье; его статьи о цезаризмѣ, его брошюра, какъ тысячи другихъ, принадлежатъ къ массѣ печатной грязи, которую сегодня пишутъ по заказу, а завтра, по прошествіи надобности, сметаютъ въ канаву.

— Я вижу, что вы ее не читали. Мнѣ кажется, что этотъ памфлетъ имѣетъ гораздо большее значеніе.

— Главную мысль его я знаю очень хорошо, что же въ ней новаго?

— Какъ, что новаго? Да кто же смѣлъ съ такимъ цинизмомъ распоряжаться будущностью Франціи,—развѣ одинъ Донозо Кортезъ? Книжка Ромье грозное пророчество.

— Хорошъ Исаія, нечего сказать.

— Что дѣлать, Богъ иногда не брезгаетъ и ослицами; вы лучше подумайте, какова эпоха, въ которой Фалстафы становятся пророками и проповѣдуютъ, вмѣсто Синайской горы и острова Патмоса, у провансальскихъ братій и въ rue Joubert.

Мишле я не убѣдилъ, брошюра забыта, старый гуляка Ромье умеръ,—а предсказанія его сбылись до послѣдняго слова.

Лѣтъ черезъ семь, въ другой странѣ, не гуляка, не пустой шутъ, а человѣкъ науки и мысли — показалъ своему отечеству вмѣсто *краснаго призрака китайскую куклу*, кивающую пальцемъ и головою съ правильностью часовъ и съ ихъ безмозглостью, куклу безъ личности, безъ особности, безъ отчета въ движеніяхъ, и замѣтилъ, что со всѣми желѣзными дорогами и телеграфами, свободой книгопечатанія и религіозной неволей — Англія идетъ въ Китай [1]).

И его книга прошла, не насторожив никого, не поднявши даже пыли за собой, только литературные сторожа, въ двухъ-

[1]) On Liberty, J. S. Mill [См. выше ст. о Милѣ].

трехъ журналахъ, приподняли голову, пробормотали какой-то вздоръ со сна объ книжкѣ Милля, и она канула въ воду, какъ «Красный призракъ».

«Насильно спасать людей нельзя!» замѣтилъ взбѣшенный маршалъ Бюжо, когда Людовикъ Филиппъ не позволилъ ему то, что законодательное собраніе не только позволило Кавеньяку, но вмѣнило ему въ обязанность — бомбардировать предмѣстье св. Антонія.

При всемъ этомъ нельзя сердиться на западнаго человѣка за его упорное непониманіе. Ветхія стѣны общественнаго зданія — *свои* ему, родныя, наслѣдственныя, *его все* — въ нихъ кровная связь, память усилій, страданій, казней, память побѣдъ; оно узко, давитъ, понагнулось, но ему жаль ломать.

Наши добровольные, *нарѣченные* западники гораздо менѣе понятны для меня. Ихъ жизнь не связана съ падающей храминой, имъ не будетъ лучше, если она поддержится контрфорсами, имъ не будетъ хуже, если она совсѣмъ развалится. У нихъ только архитектурные чертежи и картонныя модели. Иной разъ кажется, что они прикидываются ограниченными для того, чтобъ выдать себя за принадлежащихъ къ столбовой европейской семьѣ.

Такъ или иначе, но намъ періодически приходится повторять *одно и то же* и дѣлать тѣ же анатомико-паталогическія объясненія; по счастью, они дѣлаются все легче и легче—*трупа больше.*

Въ печальное время горячечной трусости Цезаря, послѣ трагическаго героизма Орсини, когда необузданное раболѣпіе Франціи выступало изъ береговъ и Пальмерстонъ посягалъ на краеугольныя основы англійской свободы, — мы говорили, глядя на новыя разсѣлины ветхаго зданія, еще больше осунувшагося и покачнувшагося: «Міръ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, старые къ могилѣ, юные къ возмужалости». Умники наши кричали о необузданности рѣчи, о пессимизмѣ; а между тѣмъ и на этотъ разъ все подтвердилось, кромѣ одного—*юные не возмужали!*

«*Наполеонъ III*, писали мы тогда, *представитель смерти.* Бонапарты, какъ Цезари, не причина, но послѣдствіе, признакъ. Это туберкулы на легкихъ отходящаго Рима. Это болѣзнь старости, это сила судорогъ, безумная энергія горячки.

«Бонапартизмъ идетъ рука въ руку съ смертью. Его слава—кровавая, она вся изъ труповъ. Въ немъ нѣтъ силы зиждительной, нѣтъ производительной дѣятельности; онъ—совершенно безплоденъ, все созданное имъ—обманъ, мечта: *кажется будто что-то есть*, а въ сущности нѣтъ *ничего*,—все это призраки, тѣни... имперіи, королевства, династіи, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... подождите четверть часа, — все исчезло, все это не въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительность его—это Испанія, утучненная трупами

французовъ, это египетскіе пески, усыпанные французскими костями, это снѣга Россіи, обагренные французскою кровью.

«Бонапартизмъ, какъ бредъ, не имѣетъ ни цѣли, ни основанія; это постоянное противурѣчіе и маскарадъ. Когда онъ поетъ, онъ поетъ безсмыслицу: Partant pour la Syrie!

«Чего хотѣлъ Наполеонъ? На вопросы наивнаго Ласъ-Каза онъ никогда не могъ дать основательнаго отвѣта. Зачѣмъ было предпринимать египетскую кампанію? Востокъ—это прекрасный пьедесталъ, великолѣпный фонъ картины. Жестокая испанская война—потому, что Имперія—вѣнчанная революція, освобожденіе народовъ.

Les nations reines par nos conquetes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats,

«Люди, силящіеся разумно объяснить оргіи убійства, которыя составили славу Франціи во время имперіи, не находятъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что Наполеонъ велъ войну, чтобы занять умы во Франціи. Слыхали ли вы что-нибудь болѣе цинически-безнравственное, что-нибудь болѣе уродливое, какъ это объясненіе? Убивать людей съ цѣлью развлечь другихъ; уничтожать поколѣнія для того, чтобы у тѣхъ, которые останутся, замѣнить идеи общественнаго прогресса—какимъ-то бредомъ кровавой славы, апотеозой убійства и безконечной любовью къ ордену почетнаго легіона?

«Да, это деспотизмъ конца, онъ только разрушаетъ, убивая вмѣстѣ и революцію, и традицію; революцію церковью, а церковь революціей; убивая, наконецъ, suffrage universel самимъ избранникомъ. Онъ все убиваетъ. Онъ чуть не погубилъ Англію своимъ прикосновеніемъ: нѣтъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови».

Но если ему не удалось погубить Англію *дружбой*, то Италію онъ погубилъ *помощью*, утопилъ ее въ французской крови, пролитой *за нее*.

Неужели и тутъ кто-нибудь еще не узнаетъ тлетворный характеръ смерти, отъ дыханія которой гибнетъ виноватое и невинное, враждебное и дружеское, — лишь бы попасть на дорогѣ. Неужели ученые друзья не замѣчаютъ, что *все* пало, *все* понизилось — побѣдитель и побѣжденный, Наполеонъ, его противникъ, его союзникъ, Кавуръ и Гарибальди, Кошутъ и Жеромовъ сынъ. Это та разрушающая сила, которая бьетъ всѣ живые всходы, обращая ихъ въ неорганическія кучи—и называется *смертью*.

Изъ затворяющихся дверей Янусова храма бредутъ какіе-то печальные калѣки, состарѣвшіеся, съ бритой головой, исхудалые,

не вылечившіеся, а только не умершіе. Никого узнать нельзя, ни даже папу—*титулярнаго* президента Италіи.

Насъ обвиняютъ въ пессимизмѣ. Помилуйте, если насъ въ чемъ-нибудь можно обвинять, такъ это въ оптимизмѣ.

При началѣ войны намъ казалось, что Наполеонъ хочетъ, исполняя программу Ромье, революціонный вопросъ *понизить* въ вопросъ народностей и распустить его въ немъ. Мы думали, что онъ выгонитъ австрійцевъ изъ Италіи и задавитъ ее потомъ своимъ деспотическимъ покровительствомъ. Такой ударъ — чего нѣтъ другаго, оканчивалъ чужеядную австрійскую имперію, призывалъ къ жизни славянъ и мадьяръ. Но *смерть* рука въ руку съ «вѣчной карой» [1]). Наполеонъ только унизилъ, опозорилъ Австрію,—потомъ спасъ ее!

Нѣмецкія газеты говорятъ, что къ этому союзу приступитъ и Александръ,—это невозможно, мы *не вѣримъ*! Союзъ съ Австріей, у просыпающейся Россіи... Нѣтъ... нѣтъ... Александръ II можетъ ошибаться, быть обманутъ лакеями стараго барина, своимъ собственнымъ хоромъ, но этого онъ не можетъ, — *вѣдь, онъ любитъ Россію!*

(1859 г., № 50).

Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе [2]).

Отрывокъ первый.

Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе.

Историки дѣлаются, поэты родятся,—говоритъ латинская сентенція. Наши правительствующіе нѣмцы имѣютъ ту выгоду противъ историковъ и поэтовъ, что они и *дѣлаются*, и *родятся*. Родятся они отъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, дѣлаются изъ онѣмечившихся русскихъ. Плодородіе это—спору нѣтъ—дѣло хорошее, но чтобъ они не очень гордились этимъ богатствомъ путей нарожденія, мы имъ напомнимъ, что только низшія животныя разводятся на два, на три манера, а высшія имѣютъ одну методу, зато хорошую.

Изъ всѣхъ правительственныхъ нѣмцевъ, само собою разумѣется, русскіе нѣмцы самые худшіе. Нѣмецкій нѣмецъ въ правительствѣ бываетъ наивенъ, бываетъ глупъ, снисходитъ иногда къ варварамъ, которыхъ онъ долженъ очеловѣчить. Русскій нѣ-

---

[1]) См. эпиграфъ статьи «Война» въ № 44 «Колокола». Фохтъ говоритъ: «Le bonapartisme c'est la mort, mais l'Autriche c'est la damnation éternelle».

[2]) Статьи, здѣсь соединенныя, помѣщены въ №№ 53, 54, 56, 57/58 и 59 «Колокола», 1859.

мецъ ограниченно уменъ и смотритъ съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ. И тотъ и другой чувствуетъ свое безконечное превосходство надъ нимъ, и тотъ и другой глубоко презираютъ все русское, увѣрены, что съ нашимъ братомъ ничего безъ палки не сдѣлаешь. Но нѣмецъ не всегда показываетъ это, хотя и всегда бьетъ; а русскій и бьетъ, и хвастается.

Собственно *нѣмецкая* часть правительствующей у насъ Германіи имѣетъ чрезвычайное единство во всѣхъ семнадцати или восемнадцати степеняхъ нѣмецкой табели о рангахъ. Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, гезеллями, аптекарями, нѣмцами *при дѣтяхъ*, она быстро всползаетъ по отлогой для ней лѣстницѣ — до нѣмцевъ *при Россіи*. Выше этихъ *горъ* и *орловъ* ничего нѣтъ, т. е., ничего земнаго...

Всѣ они, отъ юнѣйшаго нѣмца подмастерья до старѣйшаго дѣдушки изъ снѣговержцевъ Олимпа, отъ рабочей сапожника, гдѣ ученикъ заколачиваетъ смиренно гвозди въ подошву, до экзерциргауза, гдѣ нѣмецъ, корпусный командиръ, заколачиваетъ въ гробъ солдата,—всѣ они имѣютъ одинакіе зоологическіе признаки, такъ что въ нѣмцѣ-сапожникѣ бездна генеральскаго и въ нѣмцѣ-генералѣ пропасть сапожническаго; во всѣхъ нихъ есть что-то ремесленническое, чрезвычайно аккуратное, цеховое, педантское, всѣ они любятъ стяжаніе, но хотятъ достигнуть денегъ честнымъ образомъ, т. е., скупостью и усердіемъ; это даетъ имъ ихъ черствый, холодный, осторожный и безстрастный характеръ. Воруя на службѣ, можно еще быть добродушнымъ плутомъ; наживать честнымъ образомъ—все же будешь плутомъ,—но злымъ и безпощаднымъ, напр., исполняя съ точностью безумные приказы.

Сверхъ этихъ общихъ признаковъ, всѣ правительствующіе нѣмцы относятся одинакимъ образомъ къ Россіи, съ полнымъ презрѣніемъ и таковымъ же непониманіемъ.

Не знаю, каковы были шведскіе нѣмцы, приходившіе за тысячу лѣтъ тому назадъ въ Новгородъ. Но новые нѣмцы, особенно идущіе изъ остзейскихъ провинцій, послѣ того, какъ Шереметьевъ «изрядно повоевалъ Лифлянды», похожи другъ на друга, какъ родные братья. Самый полный типъ ихъ, это конюхъ-регентъ, герцогъ на содержаніи, *Эрнстъ-Іоганнъ Бирономъ*.

Въ мою молодость въ Москвѣ я имѣлъ случай изучить, по крайней мѣрѣ, человѣкъ пять Бироновъ, только они не были на содержаніи, а жили на свой счетъ. Отецъ мой охотно отдавалъ дворовыхъ мальчиковъ къ нѣмцамъ *въ науку*. Всѣ хозяева были неумолимые, систематическіе злодѣи и при томъ какіе-то *безъ-злобные*, что еще больше дѣлало невыносимымъ ихъ тиранство. Я помню очень живо щеточника въ Леонтьевскомъ переулкѣ,

бѣлобрысаго нѣмца, съ испорченными зубами, лѣтъ 35, чисто одѣвавшагося, говорившаго тихо и скромно державшаго себя внѣ мастерской. Дома при немъ постоянно лежалъ ремень, и онъ, какъ американскій плантаторъ или какъ пьяный кучеръ, стегалъ то и дѣло — то того, то другого мальчика, и стегалъ два раза, если тотъ отвѣчалъ. Я даже не думаю, чтобъ этотъ человѣкъ былъ особенно свирѣпъ, онъ съ тупымъ убѣжденіемъ продолжалъ дѣло Петра I и вколачивалъ ремнемъ европейскую цивилизацію. „Es ist ein Vieh—man muss der Bestie den Russen herausschlagen“, думалъ онъ съ спокойной совѣстью.

Я увѣренъ, что Бирономъ, ужиная en petit comité съ своими Левенвольденами, Менгденами, точно также относился о своей Россіи, и Остерманъ ему поддакивалъ, если не было никого изъ русскихъ, и жаловался на глухоту, если кто-нибудь былъ налицо. И добрые нѣмцы, какъ добрый щеточникъ, безъ устали употребляли ремни, въ родѣ Ушаковыхъ, Бестужевыхъ, которые подымали Россію на дыбу, ломали ей руки и ноги и были вдвое мерзѣе своихъ нѣмецкихъ хозяевъ.

Объ нихъ-то именно мы и хотимъ поговорить.

Типъ Бирона здѣсь блѣднѣетъ, русскій *на манеръ нѣмца* далеко превзошелъ его; мы имѣемъ въ этомъ отношеніи предѣлъ, геркулесовъ столбъ, далѣе котораго «отъ жены рожденный» не можетъ идти, это графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Въ немъ совмѣстились всѣ роды бичей, которыми Русь воспитывалась, это былъ раболѣпный татарскій баскакъ, наушникъ дворецкій изъ крѣпостныхъ и прусскій вахмистръ временъ курфюрста Фридриха Вильгельма. Но что же было въ немъ русскаго? Какое-то національное ensemble, какое-то національное сочетаніе нагайки, розогъ и шпицрутена.

Аракчеевъ совсѣмъ не нѣмецъ, онъ и по-нѣмецки не зналъ, онъ хвастался своимъ руссопетствомъ, онъ былъ, такъ сказать, *по службѣ* нѣмецъ и, не отдавая себѣ никогда отчета, выбивалъ изъ солдата и мужика не только русскаго, но и человѣка.

Такъ, какъ въ Саксоніи есть своя небольшая Швейцарія, такъ у насъ своя и притомъ очень большая Германія. Средоточіе ея въ Петербургѣ, но точки окружности вездѣ, гдѣ есть стоячій воротникъ, секретарь и канцелярія, во всѣхъ администраціяхъ: сухопутныхъ, горныхъ, соляныхъ, военно-статскихъ и статски-военныхъ. Настоящіе нѣмцы составляютъ только ядро или закваску, но большинство состоитъ изъ всевозможныхъ русскихъ — православныхъ, столбовыхъ, съ нашимъ жирнымъ носомъ и монгольскими скулами, ученыхъ, невѣждъ, эскадронныхъ командировъ, журналистовъ и начальниковъ отдѣленія. Они-то и занимаютъ всѣ первыя мѣста, когда нѣтъ подъ рукой настоя-

щаго нѣмца, и всѣ вторыя, когда есть, или вѣрнѣе, всѣ остальныя, кромѣ поповскихъ, и это оттого, что нѣмецъ ex officio долженъ ходить по нѣмецки, т. е., брить бороду, а попъ изъ религіозныхъ причинъ долженъ быть женатъ и съ бородой.

Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуетъ весь петербургскій періодъ; какой-то нервъ портится, какой-то уголъ отшибается, и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское, по крайней мѣрѣ, то русское, что составляетъ народную особность.

Дѣло-то въ томъ, что жизнь русскую, не установившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ *нѣмецкомъ переводѣ*, а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того отстоявшагося полнаго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во всѣ стороны на Западѣ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ... вотъ и все. Есть признаки, *примѣты*, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простаго ума, т. е., не предупрежденнаго, для простого сердца, для кровной связи; это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.

Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городскаго жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?... Ни будочника, чтобъ спросить дорогу, ни номеровъ, ни фонарей; а крестьянскій мальчикъ попѣваетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.

Той ясности, той легкости, къ которой насъ пріучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ, мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру.

Это метода Петра, перваго императора и перваго русскаго нѣмца. Петръ былъ совершенно правъ въ стремленіи выйти изъ неловкихъ, тяжелыхъ государственныхъ формъ московскаго царства, но разорвавшійся съ народомъ и равно лишенный геніальнаго чутья и геніальнаго творчества, онъ поступилъ проще. Возлѣ, рядомъ иныя формы прочной нѣмецкой работы, въ нихъ такъ могуче развилась западная жизнь, чего же лучше: Herr Nachbar, eine kleine Copie... Въ самомъ дѣлѣ, коли эти формы были хороши для такихъ аристократовъ, какъ французы, шведы, нѣмцы,

какъ же имъ не быть хорошими для русскихъ мужиковъ, стоитъ сначала приневолить, обрить, посѣчь, и все пойдетъ какъ по маслу.

Такъ оно и пошло; ясно, что для вколачиванія русскихъ въ нѣмецкія формы слѣдовало взять нѣмцевъ: въ Германіи была бездна праздношатающихся пасторскихъ дѣтей, егерей, офицеровъ, берейторовъ, форейторовъ; имъ открываютъ дворцы, имъ вручаютъ казну, ихъ обвѣшиваютъ крестами; такъ, какъ Кортесъ завоевывалъ Америку испанскому королю, такъ нѣмцы завоевывали шпицрутенами Россію нѣмецкой *идеѣ*.

Если Биронъ ссылалъ сотнями, сѣкъ тысячами, это значитъ, что русскіе дурно учились.

Вѣдь, за то-то и Аракчеевъ билъ всю жизнь русскаго человѣка, чтобъ лучше его пригнать въ солдатскую мѣру, а ее Аракчеевъ унаслѣдовалъ изъ чистѣйшаго голштинскаго источника, преданіе котораго хранилось свято и исправно. Идеалъ вахтпараднаго солдата, до котораго Аракчеевъ доколачивалъ, былъ хорошъ, а скотина мужикъ этого не понималъ... 1000 шпицрутеновъ, 2000, 3000,—да чего жалѣть прутьевъ, нашъ край дубравенъ—10.000.

Нѣмцы изъ настоящихъ и изъ поддѣльныхъ приняли русскаго человѣка за tabula rasa, за листъ бѣлой бумаги... и такъ какъ они не знали, что писать, то они положили на немъ свое тавро, и сдѣлали изъ простой бумаги гербовый листъ и исписали его потомъ нелѣпыми формами, титулами, а главное крѣпостными актами, которыми закабаляли больше и больше это *живое тѣсто*, которое они были призваны выцивилизовать.

За работу они принялись усердно: что помѣщикъ—то Петръ I, что нѣмецъ—то Биронъ. Помѣщикъ высѣкалъ изъ крестьянина лакея, Аракчеевъ—солдата. Добросовѣстные изъ нихъ были увѣрены, что они образуютъ ихъ. «Посмотрите, говоритъ помѣщикъ, на Гришку, три года тому назадъ за сохой ходилъ, а вотъ теперь служитъ въ англійскомъ клубѣ не хуже всякаго офиціанта, у меня есть секретъ ихъ учить. Тяжело было, нечего дѣлать, не одну березовую припарку вынесъ, зато теперь самъ чувствуетъ мои благодѣянія».

И дѣйствительно, Гришка чувствовалъ это и Богу молилъ за барина, и отца съ матерью въ деревнѣ презиралъ какъ сиволапыхъ мужиковъ.

Такъ у насъ шло тихо да келейно, посѣкая да постегивая, и долго бы прошло, да вдругъ русская жизнь натолкнулась на *русскій* вопросъ, а по-нѣмецки его разрѣшить нельзя.

Вопросъ этотъ въ освобожденіи крестьянъ съ землею... и во всякихъ чудесахъ—въ правѣ на землю, въ общинномъ владѣніи.

(1859 г., № 53).

Отрывокъ второй.

Доктринерствующіе нѣмцы.

То, что дѣлалось грубо, хирургически, въ передней и казармѣ, повторялось, съ разными утонченными и нервными видоизмѣненіями, во всѣхъ другихъ сферахъ.

Разрывъ, которымъ для насъ началась *нѣмецкая наука*, невольно ставилъ все, отторгаемое отъ прежняго единства, въ враждебное отношеніе ко всему, остававшемуся по старинѣ. Освобождаясь отъ цѣлаго міра нелѣпыхъ предразсудковъ и тяжелыхъ формъ, *новая* Россія не дѣлалась свободной, на это она еще не имѣла достаточной самостоятельности, а подчинялась другому нелѣпому порядку и принимала его предразсудки,—второй степени, такъ сказать.

Допетровская жизнь была виновата въ разрывѣ, она обусловила и вызвала его; въ ея сонномъ прозябаніи нельзя было дольше оставаться, не покрывшись плѣсенью, не расползаясь, не впадая въ восточную летаргію. А на все на это не доставало азіатской лѣни и старческаго покоя. Совсѣмъ напротивъ, въ русской жизни бродила бездна силъ неустоявшихся, съ одной стороны, казачество, расколы, неосѣдлость крестьянъ, ихъ бродяжничество, съ другой, государственная пластичность, сильно обнаруживавшаяся въ стремленіяхъ раздаться, не теряя единства.

Какимъ путемъ эта стихійная жизнь, равнодушная къ развитію своихъ собственныхъ силъ и даже къ сознанію ихъ, должна была выйти къ совершеннолѣтію и измѣниться,—это зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ, но *необходимость* выхода вовсе не была случайностью. Оторвавшаяся часть нѣмой и спящей горы, представляла именно тотъ революціонный ферментъ, то дѣятельное меньшинство, которое должно было волею или неволею увлечь за собою всю массу. Что меньшинство это было само увлечено подражаніемъ чужеземному,—и это естественно. Русская жизнь, таившая въ себѣ зародыши будущаго развитія, вовсе не подозрѣвая того, держалась за старину по капризу, не умѣя объяснить почему, а революція, напротивъ, указывала на блестящіе идеалы, на широкую будущность и, наконецъ, на существующую Европу съ ея наукой и искусствомъ, съ ея государственнымъ строемъ и общежитіемъ.

Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперешнихъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ, догнали ли мы Западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ-ли его догонять по длинному

шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги, и вмѣсто того, чтобъ твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги,—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ-ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязанія на общественное устройство, несравненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ.

Представьте себѣ, что какимъ-нибудь колдовствомъ, кто-нибудь вдругъ развилъ бы изъ куринаго яйца ящерицу или лягушку. Безъ всякаго сомнѣнія, состояніе ящерицы было бы для яйца прогрессомъ, но въ сущности зародышъ цыпленка могъ имѣть высшія притязанія, именно сдѣлаться птицей. Если бы мы теперь остановили развитіе цыпленка, основываясь на томъ, что ящерица или лягушка, выведенная изъ птичьяго яйца, потому не можетъ еще сдѣлаться птицей, что она не достигла всѣхъ лягушечьихъ совершенствъ, и, основываясь на этомъ, будемъ его заставлять прыгать на брюхѣ, подтянувши ноги, въ то время какъ онъ могъ-бы летать,—то мы все-же сдѣлаемъ avortement птицы и дальше лягушки ее не разовьемъ.

Наука, которую мы прошли, была трудна, помѣчена слезами, кровью и костьми. Она пошла въ прокъ, наша здоровая организація все вынесла. Сначала мы были у нѣмца въ ученіи, потомъ у француза въ школѣ,—пора брать дипломъ.

А страшное было воспитаніе!

При Петрѣ I дрессировка началась нѣмецкая, т. е., наиболѣе противуположная славянскому характеру. Военный артикулъ и канцелярскій стиль были первыми плодами нѣмецкой науки. Тяжелые и неповоротливые бояре и князья наперерывъ старались походить на капраловъ и берейторовъ, германскій бюрократизмъ обогащался византійскимъ раболѣпіемъ, а татарская нагайка служила превосходнымъ пополненіемъ шпицрутеновъ. Около трона—нѣмцы, полководцами—нѣмцы, министрами иностранныхъ дѣлъ—нѣмцы, булочниками—нѣмцы, аптекарями—нѣмцы, вездѣ нѣмцы, до противности. Нѣмки занимали почти исключительно мѣста повивальныхъ бабокъ.

Затѣмъ нѣмцы уступаютъ французамъ, но если французы господствуютъ въ гостиной и на кухнѣ, то передняя и правительство остается за нѣмцами.

Et par diverses raisons
Gardons ses amis de la maison.

Они любятъ правительство, правительство ихъ любитъ, да и какъ не любить людей, которыхъ отечество въ канцеляріи и казармѣ.

И не только правительство, мы сами такъ привыкли, что нельзя хорошо управлять Россіей безъ нѣмцевъ, что намъ кажется просто страннымъ, какъ быть русскому министерству, русской арміи безъ Нессельроде, Канкрина, Дибича,—нельзя! Ну, хоть какой-нибудь Балтазаръ Балтазаровичъ, или Фабіанъ Вильгельмовичъ, а все нужно.

Пока нѣмцы владѣли Русью, какъ справедливой наградой за аккуратность и умѣренность, общество продолжало спрягать французскіе глаголы и обогащать русскій языкъ галлицизмами. Кафтаны и танцы, книги и прически—все шло изъ Франціи, и это былъ большой шагъ впередъ. Въ концѣ XVIII столѣтія Франція дѣйствительно была страною великой пропаганды, духъ будущаго носился надъ Парижемъ и наше молодое поколѣніе незамѣтно переходило отъ французской грамматики къ французскимъ идеямъ... Одно правительство дальше языка не пошло и, щегольски говоря по-французски, руководствовалось чисто нѣмецкими мѣрами, ограждая себя по прежнему остзейскими опричниками отъ французскихъ идей и русскихъ притязаній. Но несмотря ни на это, ни на Аракчеева, ни на военныя поселенія, ни на винные откупа, александровская эпоха была великимъ временемъ. Это была эпоха университетовъ и лицеевъ, Пушкина и 1812 года, эпоха гражданственнаго сознанія и государственной мощи. Она служитъ лучшимъ отвѣтомъ слѣпымъ порицателямъ петровскаго разрыва, ею онъ оправданъ и заключенъ.

Юныя, гордыя силы были уже готовы выступить за гранитные берега. Грубый отпоръ осадилъ ихъ, тяжелый гидравлическій прессъ налегъ на все, сгущая, сосредоточивая, и все выросло въ молчаніи. Юношеская, самонадѣянная мысль александровскаго времени—смирилась, стала угрюмѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ серьезнѣе. Боясь свѣтить ярко, свѣтить вверхъ, она, таясь, жгла внутри и иной разъ свѣтила внизъ. Громкія рѣчи замѣняются тихимъ шопотомъ, подземная работа идетъ въ аудиторіяхъ, идетъ въ военныхъ училищахъ, идетъ подъ благословеніемъ митрополитовъ въ семинаріяхъ. Живая мысль облекается въ схоластическія одежды, чтобъ ускользнуть отъ наушниковъ, и надѣваетъ рабскую маску, чтобъ дать знакъ глазами, и каждый намекъ, каждое слово прорвавшееся—понято, становится силой. Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія; настоящая исторія этого времени въ двухъ-трехъ бѣдныхъ профессорахъ, въ нѣсколькихъ студентахъ, въ кучкѣ журналистовъ.

Мысль растетъ, смѣхъ Пушкина замѣняется смѣхомъ Гоголя. Скептическая потерянность Лермонтова составляетъ лиризмъ этой эпохи.

Печальны, но изящны были люди, вышедшіе тогда на сцену, съ сознаніемъ правоты и безсилія, съ сознаніемъ разрыва съ народомъ и обществомъ, безъ вѣрной почвы подъ ногами, чуждые всему окружающему, не знавшіе будущаго, они не сложили рукъ, они проповѣдовали цѣлую жизнь, какъ Грановскій, какъ Бѣлинскій, оба сошедшіе въ могилу, рано изношенные въ суровой и безотрадной борьбѣ.

Они по духу, по общему образованію, принадлежали Западу; ихъ идеалы были въ немъ... Русская жизнь ихъ оскорбляла на всякомъ шагу, и между тѣмъ съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣялись на ея будущее... И если когда въ минуты безконечной боли они проклинали неблагодарный, суровый родительскій домъ, то, вѣдь, это одни крѣпкіе на умъ не слыхали въ ихъ проклятіяхъ—*благословенія*.

Грановскій и Бѣлинскій стоятъ на рубежѣ, далѣе въ ихъ направленіи нельзя было идти. Послѣдніе благородные представители западной идеи, они не оставили ни учениковъ, ни школы. Молодое поколѣніе *выслушало* результаты, до которыхъ они домучились и, предостереженное ихъ примѣромъ, не впадало въ ихъ непослѣдовательность: спокойное и разсудительное, оно или примирилось съ «разумной дѣйствительностью» русской гражданской жизни, или, какъ подсолнечникъ, склонило свой тяжелый цвѣтокъ къ садящемуся на западѣ солнцу. Изъ нихъ-то составились наши *доктринеры-бюрократы* и *западные доктринеры*,— послѣдняя фаланга Петровскаго войска, лучшіе нѣмцы изъ русскихъ, умные, образованные, но не русскіе, и именно потому способные съ наилучшими намѣреніями надѣлать бездну вреда.

Въ первое десятилѣтіе, слѣдовавшее за 1825, поднялось рядомъ съ тѣмъ движеніемъ, о которомъ мы говорили, совсѣмъ иное направленіе. Нѣсколько дѣятельныхъ умовъ, отворачиваясь отъ луннаго, холоднаго просвѣщенія, которымъ вѣяло изъ Петербурга, стали проситься домой изъ «нѣмецкой науки» и, попавъ на мысль, что Русь русскую не уразумѣешь изъ однѣхъ иностранныхъ книгъ, отправились ее искать, *ее живую*, въ лѣтописяхъ такъ, какъ Марія Магдалина искала Іисуса въ гробѣ, въ которомъ его не было.

Надъ ними смѣялись, и они дѣйствительно были смѣшны, юродствовали, переѣзжали за два вѣка назадъ, наряжались по старо-русски, такъ, какъ ихъ предки наряжались по нѣмецки, отращивали бороду, которую полиція имъ брила, натягивали подогрѣтое православіе, сомнѣвались, слѣдуетъ ли ѣсть телятину, и не сомнѣвались, что иконопись выше живописи. Мы смотрѣли на нихъ съ негодованіемъ и были правы: мы искали свободы совѣсти,—они, исполненные раскольнической нетерпимости, про-

повѣдывали православное рабство. Мы не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами, бился живой зародышъ, что они, повидимому, защищая одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливо-церковной формѣ—вѣру въ *народную жизнь!*

Пока продолжалась борьба свободной совѣсти противъ рабской, и партіи не могли другъ друга понять, грянула февральская гроза и перемѣшала всѣ карты въ Европѣ. Когда она улеглась, полюсы шара земнаго были перемѣнены.

Западники, безземельные дома, теряли теперь шагъ за шагомъ свои владѣнія въ обѣтованной землѣ. Славянофилы, думая отрывать трупы на кладбищѣ, по дорогѣ пахали поле. Западная партія была разбита на Западѣ: кирпичное, въ одинъ камень, зданіе политической экономіи покривилось и осѣлось, теорія общественнаго прогресса падала въ безплодую риторику, Франція, какъ покорное стадо единаго пастыря, и Германія, какъ покорное стадо множества пастырей, утратили, разъ за разъ, свободныя учрежденія, личную безопасность, право рѣчи, утратили талантъ, серьезность; общее паденіе, какъ неотразимый рокъ, влекло всю Европу въ хаосъ разложенія; явились трогательныя, печальныя личности, упорно остающіяся вѣрными всякому паденію, надѣющіяся, что храмъ западный, какъ храмъ Соломоновъ, скоро воскреснетъ во всей славѣ и силѣ, лишь бы только отдѣлаться отъ соціализма и деспотизма, отъ католицизма и *невѣжества массъ*...

И наши западные доктринеры вслѣдъ за ними не измѣнили своей вѣрѣ, не уступили стѣнъ своей ученой крѣпости, они печально, но твердо ждутъ, когда уляжется дикое славянофильство, варварство соціальныхъ идей, и французская централизація, на основаніяхъ нѣмецкой Schul-Wissenschaft, будетъ царить отъ Таурогена до Амура.

Чѣмъ больше западная партія удалялась отъ реальной почвы и переносила шатры свои въ абстрактную науку, тѣмъ тверже становились славяне на практическій грунтъ. Вопросъ объ общинномъ владѣніи, по счастью, вывелъ ихъ изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню.

И вотъ какъ роковымъ колебаніемъ историческихъ волнъ *люди прогресса* стали въ свою очередь консерваторами, старообрядцами реформы, стрѣльцами западной цивилизаціи, хвастающимися неподвижностью своихъ мнѣній!

Старая шутка софистовъ рѣшилась обратно: черепаха опередила Ахилла... Ахиллъ забѣжалъ далеко, а путь переломился.

Какъ это дѣлается, приведу одинъ примѣръ: споръ, длившійся въ русскихъ журналахъ о народности въ наукѣ. Западники были

совершенно правы въ томъ, что объективная истина не можетъ зависѣть ни отъ градуса широты, ни отъ градуса лицевого угла; но говоря это, у нихъ есть задняя мысль, что *западная наука*, какъ единая сущая, и есть эта объективная, католическая, безусловная наука. Конечно, другой науки нѣтъ, но развѣ быть *одной*, значитъ быть безусловной [1]). Западная наука, съ своимъ схоластическимъ языкомъ и дуализмомъ въ понятіяхъ, въ тысячи случаяхъ не умѣетъ не только разрѣшить, но поставить вопросъ. Она слишкомъ завалена грубымъ матеріаломъ, слишкомъ избалована своими старыми пріемами, чтобъ просто относиться къ предмету; она слишкомъ облегчила себѣ трудъ—рубриками, словами, трафаретками и шаблонами, чтобъ искать новыхъ мѣховъ для новаго вина.

Славянофилы поняли, что ихъ истина плохо выражается западной номенклатурой; они пытались науку сдѣлать русской, православной, остриженной въ скобку, такъ, какъ пытались архитектуру и живопись свести на византизмъ, а въ сущности они достигаютъ совсѣмъ другого—высвобожденія мысли и истины отъ обязательныхъ колодокъ нѣмецкой работы, набитыхъ на нашъ умъ западнымъ воззрѣніемъ.

Вотъ почему мы, не хвастающіеся достоинствомъ Симеона Столпника, стоявшаго шесть, десять лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ,—оставаясь совершенно вѣрными нравственнымъ убѣжденіямъ нашимъ... *живые*, т. е., измѣняющіеся

теченіемъ времени,

стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ и къ русскимъ нѣмцамъ, во всѣхъ родахъ различныхъ.

(1859 г., № 54).

Отрывокъ третій.

Варіаціи.

I.

Намъ кажется, что западный мозгъ, такъ, какъ онъ выработался своей исторіей, своей односторонней цивилизаціей, своей школьной наукой, не въ состояніи уловить *новыя явленія жизни ни у себя, ни въ чужъ*.

---

[1]) Развѣ по той логикѣ, по которой, шутя, доказываютъ, что человѣкъ, сидящій одинъ въ лучшей комнатѣ всего Парижа, есть лучшій человѣкъ во всемъ мірѣ.

Наука (исключая естествовѣденіе) измѣнила прогрессивному характеру своему и перешла въ доктринаризмъ, который расходится съ живой средой такъ, какъ нѣкогда разошлась съ нею церковь католическая, а потомъ и протестантская... Академическая каѳедра и церковный налой остаются какими-то venerabilia, которымъ изъ уваженія позволяютъ поучать, мѣшаться въ жизнь, но которымъ жизнь не позволяетъ управлять собой.

Западное міросозерцаніе, съ его гражданскимъ идеаломъ и философіей права, съ его политической экономіей и дуализмомъ въ понятіяхъ, принадлежитъ къ извѣстному порядку историческихъ явленій и внѣ ихъ несостоятельно.

Идеалъ его, какъ всегда бываетъ съ идеалами, тотъ же существующій историческій бытъ, но преображенный на горѣ Ѳаворѣ. Къ этимъ идеаламъ шли, увлекая поколѣнія, великіе мыслители XVIII вѣка, радостные люди 1789 и мрачные 1793, мѣщане 1830 и ихъ сыновья 1848; къ нимъ не идутъ народы нашего времени, потому что они отслужили свою службу, они обойдены чуткимъ инстинктомъ... и на этомъ растетъ разрывъ.

Пока западный міръ въ мученіяхъ и трудѣ строилъ изъ своей дѣйствительности свои теоріи и стремился потомъ изъ теорій вывести свою дѣйствительность, — *истины его пережили свою истинность*. Онъ не хочетъ этого знать... Тутъ предѣлъ, и настоящая Европа представляетъ намъ удивительное зрѣлище политическаго и научнаго консерватизма, соединенныхъ не на взаимномъ довѣріи, а на страхѣ чего-то отрицающаго ихъ авторитетъ.

Страхъ не совмѣстенъ ни съ свободой, ни съ прогрессомъ. Противузаконный союзъ науки съ властью сдѣлалъ изъ нея схоластическій доктринаризмъ во всемъ относящемся къ жизни.

Старая цивилизація истощила свои средства, она становится все больше и больше *книжной*, способность прямо, безъ письменныхъ документовъ относиться къ предмету—теряется; заучившійся человѣкъ меньше наблюдаетъ, чѣмъ вспоминаетъ; привычка все узнавать изъ книгъ дѣлаетъ его больше способнымъ для чтенія и меньше способнымъ для смотрѣнія. Ученый авторитетъ, сѣдѣя, теряетъ терпимость, становится обязательнымъ и принимаетъ отрицаніе за обиду и крамолу. У него есть прочный запасъ давно рѣшенныхъ истинъ, началъ, законовъ, къ нимъ онъ не возвращается, оно и не было нужно, пока дѣло шло о продолженіи, о приложеніи, о развитіи прежняго, словомъ о продолженіи. Но тутъ, какъ нарочно, міръ не можетъ идти по старому, а догматики не вѣрятъ, чтобы міръ могъ шагъ сдѣлать внѣ формъ и категорій, впередъ ими признанныхъ.

Я съ ужасомъ слышу грозное негодованіе моихъ ученыхъ друзей.

Да онъ властей не признаетъ!

говорятъ они. Что же это, наконецъ, кощунство въ дѣвичьей спальнѣ Минервы, этого мы не потерпимъ. Дѣло теперь не о русскихъ нѣмцахъ и не о нѣмецкихъ русскихъ, дѣло о достоинствѣ науки, за нее мы заступимся: Moriamur pro regina nostra.

— Равви, если-бъ вы выслушали меня...

— Да что вы можете сказать, вы софистъ, вы скептикъ, вы любите парадоксы!

— Во-первыхъ, я бы васъ успокоилъ насчетъ науки, она assez grand garçon, чтобъ не нуждаться въ защитѣ дядекъ отъ нападокъ какого-нибудь поврежденнаго. Наука такой же сущій непреложный фактъ, какъ воздухъ, какъ луна; можно сказать, что воздухъ сегодня не чистъ и луна тамъ-то не свѣтитъ, но начать бранить воздухъ или луну можетъ только сумасшедшій. Представьте себѣ человѣка, который бы сталъ говорить, что воздухъ глупъ, и другого, который съ негодованіемъ сталъ бы ему возражать, защищая благородный, хотя и нѣсколько вѣтреный характеръ его.

— Все это такъ, но вредъ отъ нападокъ вашихъ унижаетъ цивилизацію и науку въ глазахъ невѣждъ и лѣнтяевъ, а намъ надобно учиться, много учиться.

— И будемте, какъ же не учиться и гдѣ же лучше учиться, какъ не у старшихъ братьевъ. Но скажите мнѣ на милость, ваши похвалы наукамъ и искусствамъ подняли-ли ихъ, напр., въ глазахъ первыхъ трехъ классовъ въ Россіи? Не проймешь ихъ превосходительства велерѣчіемъ; они могутъ только уважать по волѣ высшаго начальства. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, уважая науку всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ и отдавая ей все, что ей принадлежитъ, я не хочу создавать себѣ изъ нея кумира; а совсѣмъ напротивъ, призвавъ ея логическое благословеніе, скажу, что безусловной науки нѣтъ (какъ вообще нѣтъ ничего безусловнаго). Наука въ дѣйствительности всегда обусловлена; отражаемый міръ явленій въ *человѣческомъ* сознаніи, она дѣлитъ его судьбы, съ нимъ движется, растетъ и отступаетъ, постоянно находясь въ взаимодѣйствіи съ исторіей. Оттого въ развитіи ея тотъ же поглощающій, страстный интересъ, та же поэзія и драма, тѣ же страданія и увлеченія, какъ въ исторіи. Ея *относительная* истина всегда отклонена отъ прямой линіи мозговымъ преломленіемъ и подкрашена средой — и тѣмъ больше, чѣмъ предметъ ближе къ намъ.

Западный міръ, и это совершенно естественно, считалъ и считаетъ свою науку абсолютной, свой путь — единымъ, ведущимъ

къ спасенію. Но такъ какъ магнитная стрѣлка его сильно отклонилась отъ прямого направленія, въ продолженіи долгаго историческаго плаванія, то онъ, наконецъ, хватился объ утесъ и, боясь потонуть, бросился на мель. Теперь всѣ усилія, весь трудъ употребляется, чтобъ неподвижному сидѣнію на мели придать видъ прогрессивнаго движенія.

Для того, чтобъ въ самомъ дѣлѣ плыть дальше, надобно весь грузъ бросить въ море, а его много и жаль. Жаль ученымъ не меньше банкировъ, и они переходятъ на консервативную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ какому-нибудь юристу легко признаться, что все уголовное право — нелѣпая теорія мести; что лучшій уголовный судъ—очищенная инквизиція; и что въ лучшемъ кодексѣ нѣтъ ни логики, ни психологіи, ни даже здраваго смысла?

Къ тому же теоретическія убѣжденія упорнѣе всѣхъ на свѣтѣ, упорнѣе религіозныхъ вѣрованій, именно потому, что они имѣютъ свое одностороннее логическое оправданіе, свое діалектическое доказательство, основанное не на патологическомъ состояніи мозга, а на относительной истинности. Средствъ переубѣдить человѣка теоретически убѣжденнаго никакихъ нѣтъ, это совершеннѣйшій предразсудокъ. Логика не имѣетъ такой силы надъ привычнымъ складомъ ума, надъ застарѣлыми пріемами его. Убѣдить вообще можно только того, кто или никакого мнѣнія не имѣетъ или чувствуетъ, что его мнѣніе шатко. А западный умъ, совсѣмъ напротивъ, убѣжденъ въ непогрѣшительности своей методы и въ *истинѣ своихъ истинъ*.

Но будто нѣтъ исключенія?

Есть. Но эти люди такіе же иностранцы на Западѣ, какъ и мы. Старая Европа — ученая, юридическая, этико-политическая и политико-экономическая, филологическая и либеральная, относится къ нимъ съ такимъ же непониманіемъ, какъ къ намъ, и съ двойной ненавистью.

Къ тому же они побѣждены!

II.

Съ того дня, когда невозможность величайшей утопіи, когда-либо волновавшей духъ человѣческій, обличилась, когда усталый народъ и откипѣвшія партіи поняли, что изъ монархической Франціи не легко создать, даже съ помощью гильотины, демократическую республику, основанную на разумѣ, равенствѣ и братствѣ, и все стремилось взойти въ покойное русло, т. е., найти себѣ господина, который бы снялъ на свои плечи бремя самоуправленія; съ того самого дня поднялся голосъ *протеста*, говорившій, что революція не удалась, не потому что она сбилась

съ своихъ началъ, а что она сбилась съ нихъ потому, что изъ ея началъ не выведешь новаго общественнаго устройства, сообразнаго съ потребностями разума.

Революція отвѣчала на дерзкій протестъ ржавымъ топоромъ, уже выходившимъ изъ употребленія. Человѣкъ былъ убитъ, голосъ остался, и иной разъ его слышали издали, даже во времена нравственной прострації всеобщей бойни «періода славы», потомъ погромче во времена Лазарева воскресенія Бурбоновъ и, наконецъ, очень громко, когда за прилавокъ Франціи сѣлъ смышленый хозяинъ, Людовикъ Филиппъ.

Въ процессѣ улицы Menilmontant люди увидѣли въ первый разъ, послѣ Плинія и Тертуліана, небольшую кучку сектаторовъ, отвергавшихъ не то или другое учрежденіе, не ту или другую форму правительства, но все современное общественное устройство, и притомъ не одно австрійское, не одно папское, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все либерально-конституціонное короля-гражданина и хартіи, «сдѣлавшейся правдой».

Государство должно было ихъ преслѣдовать, это былъ вопросъ на жизнь и смерть, и не одно государство опрокинулось на нихъ, но и общественное мнѣніе, руководимое либеральной буржуазіей. Тутъ не было мѣста для взаимныхъ уступокъ, не на чѣмъ было примириться; между католикомъ и кальвинистомъ, между легитимистомъ и якобинцемъ, при всей ихъ противуположности были общія данныя, общія истины, были идолы, которымъ поклонялись тѣ и другіе, святыни, чтимыя ими обоими. Между судьями и с.-симонистами ничего не было общаго. Они отвергали весь существующій порядокъ. «Да какъ-же это, говорили не только судьи, но и либералы,—развѣ наша цивилизація рядомъ съ своими недостатками ничего не выработала прочнаго, дѣльнаго, кромѣ воротъ, которыми изъ нея выходятъ... Что же станется со всѣмъ этимъ міромъ богатства, просвѣщенія, искусствъ, промышленности, свободныхъ учрежденій?» И борьба ассизовъ сдѣлалась общественной борьбой. Либерализмъ, ополчаясь противъ соціализма, съ самаго начала громко возвѣстилъ міру, что онъ идетъ на защиту *цивилизаціи*, противъ новыхъ варваровъ.

Чего же такъ испугалось государство — этихъ блудныхъ сыновъ образованія, осмѣлившихся слабыми руками покачнуть столпы вѣковаго зданія? Того, что всѣ столпы и своды, дворцы и академіи были построены на корабельной палубѣ, отдѣленные досками отъ бездонной, дремлющей пропасти, отъ пропасти пролетаріата и голода, изнуряющей работы и недостаточнаго вознагражденія за нее.

Борьба продолжалась бы, вѣроятно, долго. Но послѣ пятнадцатилѣтняго застоя дѣла пошли быстро. Прогнали *возможнаго* Людо-

вика Филиппа, провозгласили невозможную республику и невозможный suffrage universel. Груша была зрѣла для гніенія. Споръ перешелъ изъ книгъ и журналовъ на площадь. «Варвары» были побѣждены, цивилизація была спасена, Сенаръ отъ ея имени благодарилъ Кавеньяка. Свобода, равенство и братство были обезпечены!

Но вотъ что странно, съ этой побѣдой что-то убыло, какой-то нервъ былъ перерѣзанъ. Республика стала безсмысленна, народъ равнодушенъ къ ней, и отъ паденія до паденія Франція упала по горло въ Наполеона и успокоилась въ немъ. Что же случилось? Варвары были побѣждены, цивилизація торжествовала, а между тѣмъ... то будто Франціи было стыдно, то будто на совѣсти что-то неловко. Соціальныя идеи скрылись, взошли внутрь, и рядомъ съ тѣмъ, какъ на смѣхъ, нелѣпость республики обличилась до того, что одной темной ночью президентъ ея послалъ квартальнаго взять ее за шиворотъ и выбросить вонъ. Онъ ее и выбросилъ, при хохотѣ работниковъ, которые думали, что выбрасываютъ Шангарнье и квесторовъ.

Съ тѣхъ поръ умъ, пониманье отступили на столѣтіе во всей Европѣ. Одичалыя правительства безпрепятственно давили и гнали, заключали конкордаты, преслѣдовали мысль, что-то кровожадное снова развилось въ европейскихъ нравахъ, начались ненужныя войны. И въ третій разъ подогрѣтыя мнѣнія либерализма, снова гонимыя, стали подымать голову въ репейниковомъ вѣнцѣ и дѣлать дальніе намеки о парламентской трибунѣ, о свободномъ книгопечатаніи.

Зачѣмъ было выгонять Людовика Филиппа, онъ отлично уравновѣшивалъ своимъ безмѣномъ свободу и рабство, революцію и консерватизмъ. Я не говорю, чтобъ формы іюльской монархіи были особенно хороши, но онѣ были лучшія формы, до которыхъ Франція доросла. Людовикъ Филиппъ служилъ фонтанелью, оттягивающей въ себя четверную ненависть легитимистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ и соціалистовъ. Какъ только мартингалъ королевской власти былъ снятъ, партіи вцѣпились другъ другу въ волосы.

Ну, къ какому же самоуправленію, къ какой же подачѣ всеобщихъ голосовъ была готова Франція? Она была готова къ деспотизму, онъ и явился подъ фирмой Бонапарта.

Но какъ бы то ни было, одна изъ главныхъ побѣдъ—*побѣда надъ соціализмомъ*, была сдѣлана, объ немъ перестали говорить.

«Не далѣе!» сказалъ западный умъ и остановился, такъ, какъ нѣкогда онъ уже останавливался по приказу Лютера и Кальвина. Можетъ, предѣлъ былъ практически необходимъ, но онъ необыкновенно кастрировалъ вольный полетъ мысли, сузилъ

взглядъ и лишилъ способности понимать все, выходящее изъ предѣловъ стараго порядка вещей. Одинъ страхъ попасть въ соціальныя идеи самъ по себѣ заставляетъ теперь осматриваться, сжиматься, оговариваться и это тѣмъ труднѣе, что соціальныя идеи, какъ неминуемый силлогизмъ либеральныхъ посылокъ, стоятъ на каждомъ логическомъ шагу впередъ.

Середь этого застоя, вызваннаго противудѣйствіемъ естественному развитію, середь конфузіи, происходящей отъ постоянно поднимающихся выше и выше волнъ неотразимой реакціи, вдругъ представляется русскій вопросъ *объ освобожденіи крестьянъ съ землею, объ общинномъ владѣніи*. Страна, которую знали за кнутъ и взятки, за ея штыки, направленные противъ всякаго прогресса, за ея сѣкущее дворянство и мужиковъ, продаваемыхъ чуть не на вѣсъ,—эта страна является съ какимъ-то вопросомъ, сильно пахнущимъ соціализмомъ.—Что за вздоръ!

— Явное дѣло, что все это нелѣпость! — говорятъ западные западники [1]).

— Явное! — отвѣчаютъ имъ восточные.

... Что касается до старой цивилизаціи, которая возвела свой бытъ въ науку, обобщила его въ законъ и все на свѣтѣ разрѣшаетъ по аналогіи съ собой, мы очень хорошо понимаемъ не только ея непонятливость, но и ея озлобленіе... Два полюса всѣхъ ея ненавистей, два пугала, употребляемыя то властью, то народами, чтобъ стращать другъ друга—*Россія и соціализмъ* являются въ одномъ вопросѣ.

Не раздѣляя этой ограниченности, мы можемъ себѣ объяснить ее; но возвращаясь, какъ французы говорятъ, á nos moutons, мы совершенно перестаемъ понимать непониманіе русскихъ нѣмцевъ.

У насъ что засорило умъ?.. Какое великое воспоминаніе отклонило его?.. Этотъ почтенный вѣковой мохъ, эта сѣдая плѣсень на нашихъ мысляхъ, что-то подозрительно и сильно сбивается на сженную хлопчатую бумагу, которой для новичковъ обертываютъ бутылку молодаго вина... Мы *прикидываемся* тѣмъ, чѣмъ европейцы стали на старости лѣтъ и—страстные актеры—оканчиваемъ добросовѣстно, но каррикатурно сживаясь съ маской.

---

[1]) Изъ европейцевъ стараго толка Гакстгаузенъ понялъ русскую сельскую общину. Но самъ Гакстгаузенъ находится въ какомъ-то исключительномъ положеніи, въ семейной ссорѣ съ современностію. Іезуитъ и патріархальный Freiherr, онъ изъ рыцарскихъ видовъ ненавидитъ бюрократію и централизацію, за то изъ католическихъ—монархистъ. Онъ плѣнился въ славянской общинѣ возможностью seif-governement, допускающаго деспотизмъ.

На берегахъ Средиземнаго моря есть раковины, въ которыхъ живутъ крустаціи; это вещь очень смѣшная: креветка маленькая, находя пустую раковину, помѣщается въ ней; комнатка, отдѣланная перламутромъ, ей нравится, она растетъ себѣ въ ней, выпуская клещи и ноги, и растетъ до того, что вылѣзть не можетъ, и тогда креветка таскаетъ на себѣ всю раковину, едва передвигая ноги... Наши русскіе западники ужасно похожи на этихъ креветокъ въ маскарадномъ платьѣ, они даже, какъ раки вообще, пятятся назадъ, думая идти впередъ!

(1859 г., № 56).

Отрывокъ четвертый.

(Продолженіе).

III.

Бытъ европейскій—послѣднее слово тысячелѣтней исторической жизни, это ея результатъ, ея предѣлъ, до *этого* она выработалась. Россія, напротивъ, еще складывается и ищетъ своего устройства; у насъ все, кромѣ сельскаго быта, носитъ характеръ внѣшней необходимости, временной мѣры, чего-то переходнаго—стропилъ, лѣсовъ, карантина.

Это различіе возрастовъ и положеній поражаетъ русскаго, переѣзжающаго западную границу. Мы видимъ на каждомъ шагу слѣды старой, глубоко вкоренившейся цивилизаціи,—личность независимѣе, образованіе шире, потребности развитѣе, намъ становится завидно и стыдно, вспоминая страну помѣщичьихъ и полицейскихъ розогъ, наглаго произвола и безотвѣтнаго молчанія.

Многіе изъ русскихъ, и между прочимъ Чаадаевъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ, сѣтуютъ на отсутствіе у насъ того элементарнаго гражданскаго катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находимъ съ разными измѣненіями у всѣхъ западныхъ народовъ. Это правда, и если смотрѣть только на настоящее, то вредъ отъ этихъ неустоявшихся понятій объ отношеніяхъ, обязанностяхъ и правахъ дѣлаетъ изъ Россіи то печальное царство беззаконія, которое ставитъ ее во многихъ отношеніяхъ ниже восточныхъ государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, идея права у насъ вовсе не существуетъ или очень смутно, она смѣшивается съ признаніемъ силы или совершившагося факта. Законъ не имѣетъ для насъ другого смысла, кромѣ запрета, сдѣланнаго власть имущимъ, мы не его

уважаемъ, а квартальнаго боимся... Нѣтъ у насъ тѣхъ завершенныхъ понятій, тѣхъ гражданскихъ истинъ, которыми, какъ щитомъ, западный міръ защищался отъ феодальной власти, отъ королевской, а теперь защищается отъ соціальныхъ идей; или онѣ до того у насъ спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерваторъ отъ нихъ шарахнется назадъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сказать въ пользу неприкосновенной собственности своей русскій *помѣщикъ-людоѣдъ*, смѣшивающій въ своемъ понятіи собственности—огородъ, бабу, сапоги, старосту?

Все это такъ. Но тутъ-то мы сейчасъ и разойдемся. Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легкостью. Нѣтъ гражданскаго катехизиса, — взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть, вотъ и будетъ катехизисъ. Такъ думаютъ девять десятыхъ изъ нашихъ просвѣтителей in spe. Такъ поступали англичане съ индѣйцами; находя у нихъ какіе-то неразвившіеся зачатки партріархально-общиннаго управленія, они его замѣнили англійскимъ. Которое изъ двухъ законодательствъ—индѣйскаго или англійскаго—выше, кажется нельзя спрашивать. Посмотрите, что въ приложеніи къ индѣйскимъ земледѣльцамъ сдѣлало это повышеніе къ юдическомъ чинѣ. Оно кретинизировало народъ, мѣстами убило его, мѣстами развило ту ненависть къ Англіи, которую мы видѣли годъ тому назадъ.

Князь Козловскій, встрѣтивъ на пароходѣ маркиза Кюстина, замѣтилъ ему, что въ нашемъ обществѣ большой пробѣлъ отъ недостатка рыцарскихъ понятій, съ которыми связано уваженіе къ себѣ и признаніе личнаго достоинства въ другихъ. Князь Козловскій совершенно правъ... Только подумайте, что было-бы au jour d'aujourdhui, если-бъ у насъ вмѣсто выслужившихся писарей и вахмистровъ, вмѣсто разныхъ Собакевичей и Ноздревыхъ, была бы, напримѣръ, аристократія въ родѣ польской? Для дворянъ это было бы лучше,—нѣтъ сомнѣнія; они были бы свободнѣе, они шире бы двигались, противъ этого спорить нельзя. Но какъ бы пошелъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею?... А потому врядъ не лучше ли, что наши тамбовскіе Роганы и калужскіе Ноайльи не прошли рыцарскимъ закаломъ, а одѣлись только въ рыцарскіе доспѣхи... въ родѣ дикихъ на Маркизскихъ островахъ, приходившихъ къ Дюмонъ Дюрвиллю на корабль въ европейскихъ мундирахъ съ эполетами, но безъ штановъ.

То же самое придется сказать объ отсутствіи уваженія къ законности съ обѣихъ сторонъ, со стороны народа и со стороны правительства.

На первый взглядъ совершенно ясно, что уваженіе къ закону и его формамъ ограничило бы произволъ, остановило бы всеобщій грабежъ, утерло-бы много слезъ и тысячи вздохнули бы свободнѣе... Но представьте себѣ *то великое и то тупое* уваженіе, которое англичане имѣютъ къ своей законности, обращенное на нашъ сводъ. Представьте, что чиновники не берутъ больше взятокъ и исполняютъ буквально законы, представьте, что народъ *вѣритъ*, что это *въ самомъ дѣлѣ* законы,—изъ Россіи надо было бы бѣжать безъ оглядки.

Стало быть, серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше — европейское, сложившееся, уравновѣшенное, правильное, или наше хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то сколочены, а содержаніе вяло бродитъ или дремлетъ въ какомъ-то допотопномъ растворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ,—это тоже ясно; но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть-ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ-бы онъ ни жилъ, какіе бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, срастаніемъ черепныхъ костей и пр.? Или оно само частный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ. И въ такомъ случаѣ не странно-ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ* le secret de la comédie, т. е., что со всѣмъ этимъ развитіемъ рано или поздно насъ также причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребетъ назадъ...

Я могу понять русскихъ помѣщиковъ тридцатыхъ годовъ, возвращавшихся изъ чужихъ краевъ, корча буржуа и фабрикантовъ, съ умиленіемъ смотрѣвшихъ на французскій либерализмъ; я еще больше пониманію поклоненіе Германіи русскихъ ученыхъ, которые изъ Берлина привозили намъ въ сороковыхъ годахъ живое слово науки и тайкомъ передавали его намъ. Это было время Людовика Филиппа, конституціонной свободы, свободы мысли и преподаванія. Это было при Николаѣ, Западъ становился намъ дорогъ, какъ запрещенный плодъ, какъ средство оппозиціи... То ли время теперь?

Мы столѣтіемъ отдѣлены отъ него.

И мы, и Европа совсѣмъ не тѣ, и мы, и Европа стоимъ у какого-то предѣла, и мы, и она коснулись черты, которой оканчивается томъ исторіи.

Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой бытъ высокомѣрно принимали за идеалъ всѣхъ народовъ, они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался. Гегель видѣлъ въ монархіи на манеръ Прусской, съ ея потсдамской религіей, *абсолютную политическую и религіозную форму* государства. А если съ нимъ не были согласны Барбесъ и Годефруа Кавеньякъ, то это потому, что они навѣрное знали, что абсолютная форма государственная—это французская республика на манеръ 1793 года, avec un pouvoir fort!

Тогда, униженные, забитые, и мы вѣрили въ западный бытъ, и мы тянулись къ нему.

Теперь—Западъ пошатнулся, мы вышли изъ оцѣпенѣнія; мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значитъ, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ выходить изъ Петровской школы, становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ,—мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ.

Европа перешла отъ скверныхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. У насъ и теперь прескверные пути сообщенія,—что же намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги? Эта педагогія напоминаетъ мнѣ Гейне, онъ находитъ очень хорошимъ, что въ нѣмецкихъ школахъ преподаютъ Римскую исторію такъ, какъ ее преподавали до Нибура. Иначе, замѣчаетъ онъ, трудно было бы молодому поколѣнію оцѣнить всю заслугу великаго историка, доказавшаго, что все то, что ихъ заставляли учить,—сущій вздоръ.

IV.

Наши отношенія къ Западу до сихъ поръ были очень похожи на отношенія деревенскаго мальчика къ городской ярмаркѣ. Глаза мальчика разбѣгаются, онъ всѣмъ удивленъ, всему завидуетъ, всего хочетъ отъ сбитня и пряничной лошадки съ золотымъ пятномъ на гривѣ, до отвратительнаго нѣмецкаго картуза и подлой гармоники, замѣнившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота,—качели вертятся, разносчики кричатъ, паяцы кричатъ, а выставокъ-то винныхъ, кабаковъ... и мальчикъ почти съ ненавистью вспоминаетъ бѣдныя избушки своей деревни, тишину ея луговъ и скуку темнаго, шумящаго бора.

Вслушиваясь въ толки нашихъ «ученыхъ друзей», мнѣ часто приходило въ голову это сравненіе. Одинъ тоскуетъ, отчего у насъ не развилась такая муниципальная жизнь, какъ въ Европѣ, отчего у насъ нѣтъ средневѣковыхъ городовъ, съ узкими улицами, по которымъ ѣздить нельзя, съ уродливыми домами, въ которыхъ жить скверно, съ переулками, копотью и памятниками XIII, XIV столѣтія... Другой не можетъ утѣшиться, что у насъ нѣтъ средняго состоянія въ западномъ смыслѣ,—той настойчивой, трудолюбивой буржуазіи, которая такъ упорно боролась съ рыцарями и королями, такъ ловко защищала свои права, и пр.

Мы не имѣемъ ничего въ защиту нашихъ уѣздныхъ селъ, называемыхъ городами, и сами жалѣемъ, что Николай Павловичъ, который все могъ, не велѣлъ въ нихъ построить древнихъ памятниковъ и узкихъ улицъ. Мы также ничего не имѣемъ въ защиту нашихъ мѣщанъ, отданныхъ въ крѣпость квартальнымъ, и нашихъ купцовъ, пожалованныхъ губернаторамъ. Тѣмъ не меньше остановимся на этомъ примѣрѣ. Неужели «ученые друзья» наши, восхищаясь средневѣковыми зданіями, не замѣчаютъ, что односторонне развитая муниципальная жизнь Европы сдѣлала страшный разрывъ между сельскими и городскими жителями, и что этотъ антагонизмъ двухъ населеній составляетъ теперь вмѣстѣ съ постояннымъ войскомъ и настойчивой, трудолюбивой буржуазіей—твердѣйшій оплотъ реакціи? Между селомъ и городомъ—вѣка: иныя понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ. Сельскія народонаселенія Запада намъ кажутся его резервомъ, народомъ *будущей* Европы, *по ту сторону* городской цивилизаціи и городской черни, по ту сторону правительствующей буржуазіи и по ту сторону утягивающихъ всѣ силы страны столицъ.

Бѣдныя массы городовъ, безотраднѣйшія жертвы разработыванія лучшей жизни для другихъ, врядъ имѣютъ ли будущность: онѣ изнурены, онѣ нервны, въ ихъ жилахъ больная кровь, унаслѣдованная отъ поколѣній, выросшихъ и умершихъ въ нуждѣ, духотѣ, сырости; у нихъ развивается иногда звѣриная хитрость, но не умъ, міръ ихъ узокъ, не идетъ далѣе прибыли нѣсколькихъ копеекъ; они пдутъ въ лаццарони. Люди полей смѣнятъ ихъ. Въ этомъ отсталомъ, но крѣпкомъ мышцами кряжѣ осталась бездна родоначальныхъ силъ; оно въ своей бѣдности и ограниченности не такъ истощало, не такъ обносилось, не такъ покрылось пылью, какъ городской пролетаріатъ и мелкое мѣщанство; оно работало на чистомъ воздухѣ, на солнцѣ и дождѣ. Гордая цивилизація пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюковъ своихъ; но минуя сельскаго жителя, она спасла его отъ пошлаго полуобразованія и оставила при своей самобытной и про-

стой поэзіи въ жизни и одеждѣ, въ рѣчи и пляскѣ, въ то время какъ бѣдный горожанинъ утратилъ все, вытягиваясь для карикатурнаго подражанія аристократамъ.

Житель полей былъ всѣмъ обойденъ: не для него строились театры и академіи, не для него писались книги на языкѣ, почти незнакомомъ ему, не для него издавались журналы, — ему была оставлена поэзія церкви, и, вмѣсто училища, каѳедры, литературы, онъ былъ покинутымъ на попа-невѣжду. И, дѣйствительно, сельское населеніе словно замерло на тяжелой работѣ, около убогихъ очаговъ своихъ. Оно не брало страстнаго участія въ политическихъ партіяхъ, раздиравшихъ города: оно платило подать, давало солдатъ и вовсе не понимало вопросовъ, которые *нѣкогда* казались такъ просты и въ которыхъ теперь всѣ перестаютъ что-нибудь понимать.

Той необходимости, которая вызвала города и обусловила ихъ необходимость, больше нѣтъ; ту пользу, которую они могли принести, они принесли. Гдѣ теперь та трудность сообщеній, которая заставляла людей не разъѣзжаться, найдя выгодное мѣсто, гдѣ опасность феодальныхъ набѣговъ, противъ которыхъ люди лѣпились какъ можно тѣснѣе, окружали свои домы оградами, строили заставы и крѣпости? Обстоятельства измѣнились, послѣдній врагъ—пространство—побѣжденъ. Города продолжаютъ расти на томъ основаніи, на которомъ все живое растетъ, но все живое имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ смерть или страданіе.

Мы живемъ въ *городѣ городовъ*—въ Лондонѣ. Неужели вы думаете, что такая нелѣпость имѣетъ какую-нибудь будущность?

Одна волна населенія за другой прибивалась къ этимъ докамъ вселенной и осѣдала, какъ саранча на падающія крупицы... И вотъ скипѣлась трехмилліонная толпа, заражающая воздухъ, заражающая воду, тѣснящаяся, мѣшающая другъ другу и сросшаяся въ какіе-то плотные колтуны своими самыми больными частями... Взгляните на темные, сырые переулки, на населеніе, вросшее на сажень въ землю, отнимающее другъ у друга свѣтъ и землю, кусокъ хлѣба и грязное логовище; посмотрите на эту рѣку, текущую гноемъ и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только городъ, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимыя условія цивилизаціи?

Сначала эта безконечность улицъ, эта огромность движенія, эти пять тысячъ омнибусовъ, снующихъ взадъ и впередъ, эта давка, этотъ оглушающій шумъ поражаетъ насъ удивленіемъ, и мы, краснѣя, признаемся, что въ Москвѣ съ небольшимъ триста тысячъ жителей... Но нельзя же остановиться на точкѣ зрѣнія нашего мальчика на ярмаркѣ. Простой человѣческій инстинктъ шепчетъ вамъ: «Тутъ быть бѣдѣ!»

Богатый Лондонъ, какъ будто чуя это, расползается, выходитъ самъ изъ себя по всѣмъ подгороднымъ окрестностямъ, и, замѣтьте, онъ не продолжаетъ пристраиваться, какъ дѣлалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, а кладетъ между собой и этимъ гнилымъ моремъ двѣ нитки желѣзной дороги.

Ну, а бѣдный Лондонъ, что сдѣлаетъ? Что сдѣлаетъ это выгорѣлое топливо цивилизаціи, этотъ слой мокрицъ, кишащихъ въ Бетналь-Гринѣ и въ Вайтъ-Чапелѣ, въ ирландскихъ кварталахъ и въ Ламбетѣ? Энергію искать другой судьбы—они давно потеряли; силы пробовать новое счастье—утрачены; они *пошли назадъ*, запуганные не людьми, а гнетущимъ рокомъ, безжалостнымъ и нелицепріятнымъ; они не вѣрятъ въ себя, не вѣрятъ въ лучшую судьбу; у нихъ явилось, если не христіанское смиреніе, то смиреніе и покорность отчаянія, иногда только нарушаемое такимъ дикимъ взрывомъ страстей, такимъ страшнымъ преступленіемъ, что волосъ дыбомъ становится... Куда же они дѣнутся,—развѣ Темза поможетъ смести ихъ холерой и тифомъ...

Я останавливаюсь на этомъ, моя цѣль не изслѣдовать, что будетъ съ Лондономъ, мнѣ хотѣлось только насторожить нашихъ правовѣрныхъ западниковъ и заставить ихъ остановиться передъ вопросомъ.

— Стало быть, въ Россіи все очень хорошо и лучше, чѣмъ въ Европѣ?

— Нѣтъ, не стало.

Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите, въ чемъ дѣло? Историческія формы западной жизни—въ одно и то же время будучи *несравненно выше* политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманье развилось на Западѣ, но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носитъ въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все, чтобъ произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ,—мать ли, ребенокъ ли, или какъ они примирятся, этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ и народный бытъ неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ такъ же мало можетъ идти, какъ Европа въ своей кожѣ. Что же ему дѣлать? Слѣдуетъ ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣки крови — до того же выхода,

до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И притомъ зная впередъ, что все это не въ *самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искуса. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную войну, зачѣмъ же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?

А потому существенный вопросъ въ томъ, — *какъ* относится нашъ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головой Медузы!

(1859 г., № 57 и 58).

Отрывокъ пятый.

(Окончаніе).

V.

Въ исторіи бываютъ чудеса мудренѣе всѣхъ сказочныхъ чудесъ, въ ней иногда спятъ крѣпче двѣнадцати спящихъ дѣвъ, въ ней точно такъ-же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія.

Не чудо ли въ самомъ дѣлѣ, что въ продолженіи полутора вѣковъ мы не имѣли никакого понятія о русскомъ народѣ. Все время, пока насъ вытягивали въ колоссальную имперію, пока намъ прививали цивилизацію и мы съ успѣхомъ учились тому и другому, у насъ не было никакого сознанія о нашемъ народѣ; были люди, знавшіе русскую исторію, но современнаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ.

Возлѣ, около, со всѣхъ сторонъ, на необозримомъ пространствѣ жило населеніе, считаемое десятками милліоновъ, единоплеменное съ нами, говорящее съ нами однимъ языкомъ, находившееся въ безпрерывномъ и самомъ тѣсномъ сношеніи съ нами, уже по тому самому, что оно намъ было отдано на кормленіе,—и мы объ немъ не больше знали, какъ въ Англіи знаютъ объ индѣйцахъ, т. е., что его легко обирать.

Употребляя его въ снѣдь, тучнѣя отъ него, мы такъ же мало думали о немъ, какъ о гречневой кашѣ или буженинѣ — питательно и хорошо. Народъ, съ своей стороны, не напоминалъ о себѣ, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заѣденномъ поколѣніи помѣщиками и чиновниками, приговаривая: «Дай Богъ на здоровье, мы на то ваши дѣти, вы на то наши отцы, чтобъ насъ кушать».

Ну, въ какой же сказкѣ, въ какомъ Бовѣ-королевичѣ, въ какомъ Еруслапѣ Лазаревичѣ вы найдете что-нибудь удивительнѣе?

Между тѣмъ западное образованіе прививалось не даромъ; мы въ немъ дочитались до того, что ни антропофагія, ни раболѣпіе не составляютъ высокихъ качествъ человѣка, что человѣкъ, который сѣчетъ и насильничаетъ, очень легко получаетъ самъ пинки; и мало-по-малу началось у насъ складываться *либеральное мнѣніе*, сначала въ небольшомъ кругѣ образованныхъ.

Какъ только у насъ явилась мысль объ обузданіи произвола, рядомъ съ нею явилась, какъ дополненіе, мысль объ освобожденіи народа. Но долгій разрывъ высказался тутъ всего яснѣе тѣмъ, что развитое меньшинство, имѣя благородныя, общечеловѣческія стремленія, не знало быта народнаго и, слѣдственно, его истинныхъ потребностей.

Надо правду сказать, что либерализмъ нигдѣ не отличался глубокимъ знаніемъ народа, особенно сельскаго. Либерализмъ вообще явленіе переходное, развившееся въ городской цивилизаціи, необходимая расчистка мѣста между старой и новой постройкой. Онъ всегда довольствовался отвлеченнымъ понятіемъ о народѣ, риторическимъ образомъ его, въ которомъ были совмѣщены—простота геснеровыхъ патріарховъ, нравы дезульеровскихъ пастушекъ и свирѣпыя добродѣтели римскаго плебея допуническихъ временъ.

У насъ разстояніе между народомъ и либеральнымъ дворянствомъ казалось тѣмъ страшнѣе, что между ними ничего не было, какая-то безконечная пустота, въ которой едва замѣтно плетутся купцы, плетутся мѣщане, фельдъ-егери скачутъ взадъ и впередъ, помѣщики мелькаютъ, чиновники мчатся на слѣдствія,— нисколько не сближая двухъ Россій, остающихся двумя враждебными станами.

И при всемъ томъ разрывъ этотъ въ нашей жизни вовсе не былъ слѣдствіемъ всей исторической жизни, какъ распаденіе горожанъ съ крестьянами, простолюдиновъ съ феодалами въ Европѣ. Разрывъ былъ сдѣланъ у насъ по указу, насильственно, съ педагогической цѣлью, и былъ до того сначала чуждъ, ненатураленъ, что въ предупрежденіе новаго сближенія — правительство выдумало ставить тавро на лица, своего рода обрѣзаніе, и стало мѣтить своихъ бритвой и ножницами, чтобъ они не мѣшались съ прочими. Однажды разрѣзанныя части цѣлаго, намѣренно поставленныя во враждебное положеніе, по свойственной тѣламъ упругости, удалились другъ отъ друга съ какимъ-то отвращеніемъ. «Мужикъ!» говорила съ высокомѣріемъ обритая и одѣтая въ ливрею Русь объ народѣ. «Нѣмцы!» бормоталъ себѣ въ бороду съ затаенной злобой народъ, глядя на дворянъ.

Такъ и устроились мы. Съ одной стороны, народъ въ угрюмомъ a parte, задавленный работой, полиціей, помѣщиками, живущій никому неизвѣстной жизнію расколовъ и не имѣющій ничего общаго съ просвѣщающимъ правительствомъ; съ другой стороны, дворянство нераздѣльное съ правительствомъ, и потому само представляющее правительство. Русское повѣріе, что дворянинъ долженъ служить, иначе онъ теряетъ свое званіе, самое слово «недоросль» доказываетъ, что у насъ дворянство принято народомъ за коронную службу.

Съ развитіемъ просвѣщенія возникаетъ удивительное зрѣлище. Правительственная Россія дѣлится сама въ себѣ на правительство и оппозицію, такъ что одни чиновники представляютъ протестъ, либеральное начало, другіе консерватизмъ, начало авторитета,—и оба остаются на службѣ, получая чины и отличія. Это одна изъ причинъ, отчего не только русскій народъ ничего не понимаетъ во всемъ этомъ, но и всѣ европейскіе.

«У насъ все дѣлается наизнанку, сказалъ умирающій Ростопчинъ, услышавъ вѣсть о 14 декабря,—въ 1789 году французская roture хотѣла стать въ ровень съ дворянствомъ и боролась изъ за этого, это я понимаю. А у насъ дворяне вышли на площадь, чтобы потерять свои привилегіи,—тутъ смысла нѣтъ».

Ѳедоръ Васильевичъ былъ умный человѣкъ, умѣвшій не хуже фанъ-Амбурга обходиться съ Павломъ, не обжигаясь, и сжечь во-время Москву, но и онъ не понялъ этого страннаго явленія съ своей философіей XVШ столѣтія. Можетъ, въ раздвоеніи дворянскаго стана въ противность собственной выгодѣ лежитъ лучшее доказательство, что порча его не глубока, и единственный путь искупленія.

Не имѣя за собой балласта народнаго населенія, разорвавшееся съ нимъ образованное меньшинство понеслось, какъ порожняя телѣга, быстро догоняя западное движеніе, подпрыгивая на тѣхъ кочкахъ, на которыхъ предшественники ломали себѣ шею.

Но сравниваясь съ Европой, мы оставались въ петровскомъ отношеніи къ народу, т. е., смотрѣли на него какъ на грубую массу, которую намъ надобно очеловѣчить. Нѣмецкаго презрѣнія Бирона съ компаніей у меньшинства, разумѣется, не было, оно замѣнилось чувствомъ болѣе мягкимъ сострадательнаго покровительства къ неразумнымъ дѣтямъ.

На этомъ насъ застаютъ два событія. Паденіе Европы передъ соціальнымъ вопросомъ. Соціальный вопросъ, поставленный Александромъ II, какъ призывъ Россіи къ жизни.

Западные публицисты съ тѣмъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое имъ даетъ ненависть къ Россіи и невѣжество, смѣются, когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значеніи нашего

освобожденія крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленіе его ставитъ насъ совсѣмъ на другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени.

Передъ *соціальнымъ* вопросомъ начинается наше равенство съ Европой, или, лучше, это дѣйствительная точка пересѣченія двухъ путей; встрѣтившись, каждый пойдетъ своей дорогой.

Западный міръ, дойдя до своего предѣла, самъ указалъ, что ему мѣшаетъ, и отрицательно опредѣлилъ свое искомое. Случайное распредѣленіе силъ, богатствъ, орудій работы, оставленное ему въ наслѣдство, окаменѣло давностью и, укрѣпленное всѣми новыми средствами, ставитъ стѣну, которую до сихъ поръ нельзя взять никакимъ приступомъ. Трудъ съ одной стороны, капиталъ съ другой, работа съ одной стороны, машина съ другой... Сколько соціализмъ ни ходитъ около своего вопроса, у него нѣтъ другаго разрѣшенія, кромѣ лома и ружья. Vivre en travaillant ou mourir en combattant—кричатъ работники. Qui a du plomb a du pain—отвѣчаетъ имъ Бланки.

Мирное рѣшеніе у нихъ было одно, но зато оно не было рѣшеніе. Соціальное меньшинство требовало у законодательнаго собранія *признаніе права на работу*. Подъ нимъ крылось министерство работъ, т. е., разрѣшеніе правительствомъ борьбы между капиталомъ и работой, доходомъ и трудомъ, завѣдываніе государствомъ всѣми производительными силами, иначе—промышленный деспотизмъ, прибавленный ко всѣмъ остальнымъ.

Сверхъ всего, такое рѣшеніе могло только водвориться на полномъ устраненіи стараго порядка вещей, на полномъ отреченіи его отъ всѣхъ правъ своихъ. Но онъ вовсе непохожъ на качающійся зубъ, который стоитъ тронуть, чтобъ онъ выпалъ, а скорѣе на слоновый клыкъ, почернѣлый, испорченный, но глубоко вросшій въ челюсть.

Единственная органическая попытка и была сдѣлана — работничьими артелями и товариществами. При томъ общественномъ устройствѣ, въ которомъ капиталъ, сверхъ своей силы, гнететъ всею силой правительства, они не могли выдержать ни конкуренціи, ни полицейскаго преслѣдованія, — стало, и тутъ не было выхода.

Либералы стараго толка, политическіе экономы стараго исповѣданія рѣшили, не безъ внутренняго удовольствія, что задача невозможная, что надобно все предоставить снова знаменитому laissez faire и, улучшая вообще существующія формы, ждать благодѣтельныхъ послѣдствій отъ увеличенія школъ и уменьшенія браковъ, отъ свободы торговли и техническихъ усовершен-

ствованій. Пока они этого ждутъ, девять десятыхъ континента сломились подъ грубымъ солдатскимъ деспотизмомъ, народы раззорены содержаніемъ арміи, тѣнь политическихъ правъ исчезла и послѣдній остатокъ ихъ Франція употребила на то, чтобы противудѣйствовать Наполеону въ его замыслахъ свободной торговли.

Зато въ Американскихъ Штатахъ осуществилось все, о чемъ либералы мечтали, да, сверхъ того, такое развитіе невольническаго труда, его признанія, его оправданія, о которомъ они и не мечтали. Съ двадцатыхъ годовъ, когда американцы, еще краснѣя, говорили объ этомъ наслѣдственномъ злѣ, когда они проводили на своей картѣ рѣзкую черту, чтобъ отдѣлить себя отъ рабовладѣтелей, до нашего времени, понятія такъ измѣнились въ пользу рабства, что оно теперь возводится въ одно изъ краеугольныхъ основаній союза, въ одно изъ неотъемлемыхъ правъ республики; и сынъ американца Сѣверныхъ Штатовъ, котораго отецъ убилъ бы всякаго осмѣлившагося охотиться на его землѣ по чернымъ, спокойно вяжетъ ихъ теперь и отдаетъ хозяевамъ на казнь. Рабство, только терпимое прежде, сдѣлалось закономъ, основой, на которой покоится американская демократія. Въ то время, какъ мы это пишемъ, можетъ быть, палачъ вѣшаетъ героевъ Герперсъ-Ферри.

Итакъ, вотъ къ чему пришелъ весь образованный міръ!...

Представьте же себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяніемъ взглядъ свой середь этого кораблекрушенія, въ эту темную ночь, и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-то тусклый свѣтъ, и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика!

...Этотъ дикій, этотъ пьяный въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчитъ,—будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди??

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи: мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*, но *право на землю?...*

А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше, чѣмъ право, оно фактъ; оно больше, чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣрить десятинами и для него его право на землю естественное послѣдствіе *рожденія* и *работы*. Оно такъ же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось, повидимому, безсмысленной поговоркой: *Мы господскіе, а земля наша.*

Само собою разумѣется, что Русь дворянская, согласно съ западнымъ понятіемъ права собственности, смотрѣла совсѣмъ иначе на вопросъ о крестьянахъ и землѣ. Наиболѣе образованные, допуская, что рано или поздно крестьяне, когда они окончатъ ихъ воспитаніе (барщиной и оброкомъ), выйдутъ на волю, были увѣрены, что *земля* останется неприкосновенной собственностью воспитателей. Но Александръ Николаевичъ не того мнѣнія, онъ не любитъ слишкомъ дорого платить за воспитаніе, онъ и Зиновьева отблагодарилъ табакеркой во время совершеннолѣтія наслѣдника,—а тутъ дай полъ-Россіи.

Счастіе, что мужикъ остался при своей нелѣпой поговоркѣ. Она перешла въ правительственную программу, или, лучше сказать, въ программу одного человѣка въ правительствѣ, искренно желающаго освобожденія крестьянъ, т. е., государя. Это обстоятельство дало, такъ сказать, законную скрѣпу, государственную санкцію народному понятію.

И это не все. Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ *никому лично и потомственно.*

Далѣе, *право на землю* и *общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиться на этихъ началахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подъ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти, такъ, какъ въ Мореѣ уцѣлѣли коммунальныя и городскія права подъ владычествомъ Османлисовъ. Этотъ характеръ мірского управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Кери, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ ны-

нѣшнемъ году, «что въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія».

Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. *Права каждаго на землю,*
2. *Общиннаго владѣнія ею,*
3. *Мірскаго управленія.*

На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь.

VI.

Не допетровская Русь должна быть воскрешенной, оставимъ ее въ ея иконописномъ склепѣ. Не петербургскій періодъ долженъ продолжаться въ своемъ нѣмецкомъ мундирѣ; онъ не можетъ идти далѣе, не измѣнивъ себѣ, его граница обозначена тѣмъ же заборомъ, передъ которымъ остановилась Европа. Онъ намъ далъ широкое поле, сильное государство, онъ привилъ намъ внѣшнюю форму западнаго образованія, какъ прививаютъ оспу, а съ формою перешла само собою и внутренняя мысль его и стремленіе къ личной свободѣ, не выработавшееся въ общинной жизни нашего народа, ни въ служиломъ дворянствѣ нашемъ. Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоитъ въ томъ, чтобъ на основаніяхъ науки, сознательно развить элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада. Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобъ у свободной личности *земля осталась подъ ногами*, чтобы общинникъ былъ совершенно *свободное лицо.*

Лучшаго времени для внутренняго переворота нельзя найти. Въ началѣ нашего вѣка мы были слишкомъ подъ вліяніемъ западно-либеральныхъ идей буржуазнаго гарантизма; ни мы, ни правительство не знали народа. Навѣрное тогда были бы сдѣланы страшныя ошибки, которыхъ не поправили бы вѣка; въ то время какъ теперь, настороженные опытомъ сосѣдей, мы должны иначе смотрѣть на свое и на чужое; самъ Западъ повернулъ угасающій фонарь свой на нашъ народный бытъ и бросилъ лучъ на кладъ, лежавшій подъ ногами нашими. Не доставало счастливой случайности. Пришла и она.

Съ небольшимъ пять лѣтъ тому назадъ, Яковъ Ростовцевъ спрашивалъ въ Петропавловской крѣпости у Петрашевскаго и его друзей,—не было ли у нихъ *преступныхъ* разговоровъ объ

освобожденіи крестьянъ. Теперь царь сталъ во главѣ освобожденія и Іаковъ Ростовцевъ—предсѣдатель въ комитетѣ освобожденія.

Не воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ тихо, *безкровно* взойти въ новый возрастъ, или сбиться съ дороги, когда она такъ ясна,—было бы великое несчастіе и великое преступленіе. Но что же мѣшаетъ?

Сверхъ невѣжества, окружающаго государя, и чиновничества, основаннаго на плутовствѣ, одинъ врагъ всего опаснѣе.

— Кто?—Войско?

— Нѣтъ. Войско безсмысленно какъ ножъ, въ чьи руки онъ попадаетъ, тотъ имъ и рѣжетъ; войско имѣетъ одинъ постоянный характеръ—оно никогда не разсуждаетъ. Наше войско, я думаю, скорѣе ближе къ народу, чѣмъ другія.

— Итакъ, барство?

— У насъ барство не имѣетъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ. Оно по своему положенію слишкомъ зависимо отъ трона, оно все служилое и выслужившееся, богатства его жалованныя. У насъ нѣтъ торизма, который бы самъ въ себѣ представлялъ и охраняющую партію и реформу, упрямаго лорда Дерби и роднаго сына его лорда Стенли. Большая часть нашихъ аристократовъ люди совершенно недѣловые и неполитическіе, они вносятъ въ общество свое чванство, свои деньги, но никакой идеи. Тѣ же изъ нихъ, которые развились, тѣ оставили за собой многихъ западныхъ аристократовъ, но они не принадлежатъ больше ни къ своей кастѣ и ни къ какой другой, они стали просто людьми. Сверхъ того, *гдѣ* почва гражданской дѣятельности нашего барства—въ англійскомъ клубѣ, въ московскихъ гостиныхъ?... даже домовая церковь князя Сергія Михайловича Голицына закрылась. Наши аристократы не умѣли никогда воспользоваться ни дворянскими собраніями, ни дворянскими выборами. Послѣднее политическое право, которымъ они пользовались con amore, *право съѣсть себѣ подобныхъ*, и съ нимъ они, бѣдные, разстаются теперь!

— Но тогда кто же мѣшаетъ ринуться Россіи впередъ?

— Прислушайтесь...

Entendez vous dans les campagnes,
Mugir ces feroces Allemands,
Ils viennent...

Вотъ кого мы боимся, опять-таки *русскихъ нѣмцевъ* и *нѣмецкихъ русскихъ*; ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣденія и пр., централизаторовъ по-французски и бюрократовъ по-прусски. Они дѣльнѣе барства, они честнѣе чиновни-

чества, оттого-то мы и боимся ихъ; они собьютъ съ толку императора, который стоитъ безпомощно, и шаткое, едва складывающееся общественное мнѣніе. Они могутъ ихъ сбить, потому что ихъ воззрѣніе выше общаго уровня нашего образованія и очень доступно среднему пониманію. Ихъ мнѣнія либеральны, они въ пользу разумной свободы и умѣреннаго прогресса, они говорятъ противъ взятокъ, противъ произвола, они хотятъ улучшить *скверное само по себѣ*, и, пожалуй, заставятъ насъ уважать приказныхъ, полицію, земскій судъ, сдѣлавши квартальнаго—Козьмой безсребрянникомъ и оберъ-секретаря—неподкупнымъ Робеспьеромъ. Они примирятъ насъ со всѣмъ тѣмъ, что мы презираемъ и ненавидимъ, и, улучшивши, упрочатъ все, что слѣдовало выбросить за окно, что, оставленное въ своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русскаго.

Къ тому же, завися, какъ католическое духовенство, отъ чужой власти, они должны по стопамъ своихъ учителей питать зубъ противъ всего соціальнаго, а тутъ какъ нарочно на самомъ порогѣ «право на землю, общинное владѣніе». Вотъ почему мы думаемъ, что если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто народнаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобъ урожай былъ хорошъ; а улучшенія, которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться, вѣка черезъ полтора, дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти...

Знаемъ мы, что попы и монахи никогда не бываютъ свирѣпѣе, какъ наканунѣ паденія церкви. Іезуиты, эти зуавы св. Петра, и всѣ, жарившіе, вытягивавшіе у гугенотовъ жилы, инквизиторы явились послѣ Лютера и Кальвина. Но тѣмъ не меньше они упрочили и утвердили еще на цѣлые вѣка католическій порядокъ. Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги, онъ упрется, ляжетъ на ней, врастетъ въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ. Петровская эпоха лучшее доказательство; но та же эпоха доказываетъ, какъ надолго можно пріостановить его жизнь и какія страданія можно заставить его вынести однимъ матеріальнымъ гнетомъ,—зачѣмъ же подвергать его имъ à propos délibéré.

Петръ I, конвентъ 1793 не несутъ на себѣ той отвѣтственности за всѣ ужасы, сдѣланные ими, которую хотятъ на нихъ опрокинуть ихъ враги. Они оба были увлечены, хотѣли великаго, хотѣли добра, ломали, что имъ мѣшало, и, сверхъ того, вѣрили, что это единственный путь. Но не такая отвѣтственность падетъ на наше поколѣніе, искушенное мыслію, когда оно примется ломать, искажать народный бытъ, зная впередъ, что за всякимъ насиліемъ такого рода слѣдуетъ ожесточенное противудѣйствіе,

страшные взрывы, страшныя усмиренія, казни, раззореніе, кровь, голодъ.

Мы не западные люди, мы не вѣримъ, что народы не могутъ идти впередъ иначе, какъ по колѣна въ крови, мы преклоняемся съ благоговѣніемъ передъ мучениками, но отъ всего сердца желаемъ, чтобъ ихъ не было.

Если-бъ только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопросъ, отрѣшаясь отъ магистрскаго диплома, безъ самолюбія, безъ той самонадѣянной гордости, которую даетъ сознаніе, что они хорошо учились, если бы они, какъ Фаустъ, который тоже хорошо учился и много и назывался не только «магистромъ, но даже докторомъ», умѣли бы останавливаться въ добросовѣстномъ раздумьи и отъ книги снова бы обращались къ непосредственной жизни,—они сейчасъ поняли бы, въ чемъ дѣло.

Отчего у естествоиспытателя нѣтъ ничего завѣтнаго передъ природой, къ ней онъ постоянно обращается съ сыновнимъ повиновеніемъ, безъ лукавства, въ ней онъ ищетъ повѣрки, ей онъ жертвуетъ вѣковой теоріей своихъ предшественниковъ и собственной системой, какъ только она требуетъ этого? Неужели смиренное самоотверженіе натуралиста основано единственно на томъ, что у него подъ руками—то камень, то трава, то звѣрь, и потому съ ними не можетъ быть личностей? Природа въ своей фактической безсознательности и безотвѣтственности такъ явно независима отъ человѣка, что онъ съ ней не пикируется; въ то время, какъ міръ людской ему кажется собственнымъ домомъ и его самостоятельную волю онъ принимаетъ за оппозицію и выходитъ изъ себя, особенно когда за него наука вѣковъ, ученая традиція.

Это помѣщичье чувство строптивости особенно развилось у насъ въ петербургскій періодъ, въ эту классическую эпоху насильственныхъ образователей и безпощадныхъ цивилизаторовъ. И тутъ странная смѣсь жалкаго и возмутительнаго. Цивилизаторы очень часто откровенно и благородно стремились къ добру, лелѣяли мысль, напримѣръ, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, готовы были жертвовать частью достоянія, говорили объ этомъ въ то время, когда это было опасно, изучали западное сельское устройство... И вдругъ, когда освобожденіе очью совершается, у крестьянъ открывается готовый бытъ, который они вовсе не хотятъ мѣнять. Имъ кажется это неблагодарной дерзостью, и натура русскаго нѣмца беретъ верхъ... Та натура, въ которой такъ и вѣетъ сквозь австрійскаго писаря, прусскаго капрала—татарскимъ баскакомъ; которая, щуря безжизненные глаза и блѣднѣя отъ бѣшенства, говоритъ безъ звука: «Да вы, кажется, разсуждаете, знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите?» Или кричитъ раздавленнымъ голосомъ, какъ псковскій городничій, *молчать*!

путешественнику только за то, что онъ въ *крестьянскомъ* армякѣ. Вѣдь, и русскій-то нѣмецъ цивилизаторъ за то и сердится на нашъ крестьянскій бытъ, что онъ въ своемъ мужицкомъ кафтанѣ не слушается его, одѣтаго по-нѣмецки.

Псковскій частный приставъ обиженъ тѣмъ, что человѣкъ, одѣтый по-русски, т. е., состоящій внѣ закона, не подавленъ его величіемъ, властью, которую онъ представляетъ, воротникомъ, который онъ носитъ. Доктринеръ скандализованъ тѣмъ, что его экономическая наука, наука Робертовъ Пилей и Госкиссоновъ не находитъ безпрекословнаго повиновенія, что ее, разработанную столѣтними усиліями, *хотятъ обратить вспять* къ общинному владѣнію, къ коммунизму въ лаптяхъ. «Помилуйте, говоритъ онъ, что вы суетесь съ вашимъ общиннымъ устройствомъ, какъ съ послѣдней новостью, оно было у германовъ временъ Тацита, общинное владѣніе *соотвѣтствуетъ* младенческому возрасту гражданскихъ обществъ и «разсѣвается отъ лица просвѣщенія, какъ тучи разсѣваются отъ лица солнца», уступая *высшимъ* гражданскимъ формамъ. «Народы дикіе любятъ общинное владѣніе, народы образованные—порядокъ» и голодъ, добавимъ мы, видя, какъ девять десятыхъ населенія не наѣдаются досыта, для того, чтобъ собственность развивалась правильно.

«Что же дѣлать, таковъ законъ общественнаго роста, *народы должны* пройти его фазами, каждая имѣетъ свое неудобство но зато и свой прогрессъ. Сначала дикіе люди владѣютъ сообща, посемейно, родами, потомъ развивается сильнѣе и сильнѣе право личной и наслѣдственной собственности... Конечно, было бы хорошо, если-бъ каждому можно было дать клочекъ земли, но такъ какъ на *право собственности* не всѣ приглашены природой, то...»

Вотъ тутъ-то въ самомъ дѣлѣ намъ становятся пути провидѣнія *неисповѣдимы*; для того, чтобъ нѣсколько государствъ имѣли правильно развитую собственность, огромное большинство должно остаться безъ кола и двора! Библейскимъ языкомъ эдакой законъ прогресса, по крайней мѣрѣ, называется *проклятіемъ* въ родъ и родъ. Тогда уже знаешь à quoi s'en tenir и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божья — за какого нибудь Еноха или Іафета, что-нибудь напакостившаго шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ... А тутъ признай я разумомъ, своимъ собственнымъ разумомъ, что есть такой нелѣпый законъ!

Откуда экономическая наука вывела этотъ законъ? Она порядкомъ знаетъ только одно экономическое развитіе германо-романскихъ народовъ. Нельзя же по біографіи одного человѣка составлять антропологію, хотя въ ней непремѣнно есть общечеловѣческія стороны, но рядомъ и въ связи съ совершенно частными.

Къ тому же развѣ гражданственность, развѣ собственность въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ развивались нормально, или, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно? Развѣ общинное владѣніе и весь прежній порядокъ уступили внутреннему развитію, а не огню и мечу завоевателей? Или, можетъ, феодальная система была крутой экономической мѣрой, эдакимъ цезаревымъ сѣченіемъ, хирургически облегчившимъ нарожденіе правильной собственности?..

Но, вѣдь, и цезарево сѣченіе не дѣлается изъ подражанія надъ здоровой женщиной, а только по необходимости. Зачѣмъ же народъ, который никогда не былъ побѣжденъ, у котораго не враги отняли землю, а свои какъ-то *отписали ее*, долженъ непремѣнно пройти тѣми же фазами? Если же подражать, то давайте строить крѣпости въ городахъ, на которыя никто кромѣ полиціи не нападаетъ, будемте на ночь улицы запирать цѣпями и рогатками, пусть городской голова не спитъ, а ходитъ рундомъ, гласному бердышъ въ руки,—это будетъ, по крайней мѣрѣ, забавнѣе; а коли кто спроситъ, что мы дѣлаемъ, — мы скажемъ, что проходимъ феодальную фазу развитія городской жизни...

Лѣтъ тридцать тому назадъ, Н. А. Полевой заботился же о раскрытіи въ русской исторіи той борьбы двухъ началъ, которая такъ ясно представлена Август. Тьери въ письмѣ его о французской исторіи.

Пора же перестать ребячиться.

Не то важно, что у кельтовъ, германовъ, пожалуй, у кафровъ и готтентотовъ *было* общинное владѣніе въ дикомъ состояніи, а то, что у насъ *сохранилось* оно въ государственный періодъ.

А потому въ настоящемъ положеніи дѣлъ серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть ли личное, наслѣдственное, неограниченное владѣніе землею—*единственно возможное* для развитія личной свободы,—и въ такомъ случаѣ, какъ спасти большинство населенія, не имѣющаго собственности,—отъ рабства собственниковъ и капиталистовъ?

Есть ли, съ другой стороны, поглощеніе лица въ общинѣ—*необходимое, неминуемое* послѣдствіе общиннаго землевладѣнія, или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще,—и въ такомъ случаѣ какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?

Объ этихъ вопросахъ мы просимъ нашихъ читателей подумать.

(1859 г., № 59).

Россія и Польша.

Второе письмо къ автору статей:

Postępova mysl rossyjska w obec zadan polskich.

«Если Польша хочетъ *другого* рѣшенія, *да будетъ на то воля ея*, но пусть она короче узнаетъ Русь...»

«Колоколъ», 1 марта 1859.

Милостивый государь,

Матеріалъ, собранный петровской эпохой, огроменъ. Средства, которыми Петербургъ ихъ накопилъ и берегъ, не имѣютъ прямаго вліянія на ихъ будущее употребленіе.

Общую атмосферу, обстановку, въ которой мы развиваемся, вы превосходно характеризовали; вотъ ваши слова:

«Въ сущности русскій не виноватъ, что, отъ пеленокъ привыкнувъ къ чрезвычайнымъ и обширнымъ размѣрамъ и цѣлямъ, онъ и въ мечтахъ своихъ невольно стремится за наружнымъ величіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, все вокругъ его гигантское—пространство, народонаселеніе, однообразіе даже въ языкѣ, жестокое невольничество и страшное упрямство, варварскій мракъ и дикая дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ! Оттого вся мысль его обращена къ обширнымъ видамъ, къ наружной колоссальности, и онъ невольно въ полетахъ думы своей теряется въ этой колоссальности. Такъ, напримѣръ, его будущая Россія должна быть демократической и соціальной, если же федеративной, — то въ такихъ размѣрахъ, которыхъ свѣтъ не видалъ и передъ которыми онъ бы содрогнулся отъ страха. Воспитанный въ виду гигантскаго міра, при свѣжихъ силахъ соображенія, съ умомъ еще не возмужалымъ, онъ развиваетъ всякую мысль въ громадные размѣры, не предчувствуя другого *внутренняго величія*. Это младенческій восторгъ, а не мужская обдуманность».

Согласитесь, что родиться съ такимъ небосклономъ дѣло не шуточное; я не знаю, что вы разумѣете подъ словомъ «внутреннее величіе», но замѣчу вамъ, что желаніе, чтобъ «будущая Россія была *демократической и соціальной*», можетъ, и подтверждаетъ «дикую дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ», но, конечно, не можетъ быть названо «внѣшнимъ». Что касается до самой «дерзости замысловъ и надеждъ»,—это своего рода огромная сила, нисколько не похожая на квіетическое себяобоготвореніе восточныхъ народовъ, думающихъ, что они достигли высшаго состоянія, а, напротивъ, источникъ движенія впередъ. Тѣ только дости-

гаютъ великаго, которые имѣютъ въ виду еще большее и инстинктивно вѣрятъ въ возможность его. Вы знаете поговорку: man will was man kann, man kann was man will. Смѣлость замысловъ и обширность видовъ идетъ *юному возрасту*, а, вѣдь, онъ обыкновенно лежитъ между «младенческимъ восторгомъ и мужеской обдуманностью».

Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ, дающій огромную свободу мысли, именно нашу привычку, тоже «отъ самыхъ пеленокъ», вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности; мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir; она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забываемъ ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца.

У насъ эта государственная самоувѣренность развита такъ, какъ у англичанъ и французовъ; это необычайно помогаетъ въ внутренней работѣ, въ счастьи и въ горѣ. Не имѣй англичанинъ ея, онъ не достигъ бы своихъ свободныхъ учрежденій; не имѣй ея французъ, онъ сломился бы подъ игомъ рабства.

Но я тороплюсь сказать, что тѣмъ и оканчивается сходство. У старыхъ западныхъ народовъ преданіе такъ же живо, какъ современность, они владѣютъ маіоратами, данными съ условіемъ сохранной передачи. У нихъ столько же *отечества* въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ, у англичанъ можетъ больше. Совсѣмъ напротивъ, мы такъ же *независимы во времени*, какъ въ пространствѣ. У насъ нѣтъ связующихъ воспоминаній, обязывающихъ наслѣдствъ. Мы забыли наше давнопрошедшее и стараемся отпихнуться отъ вчерашняго; наша исторія впереди.

Мы всѣ родились на наносной почвѣ и только объ петербургской, полуиностранной эпохѣ слышали отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Одна сельская Русь продолжала не московскую исторію, а старую бытовую, общинную жизнь. До московскаго управленія сей дѣла не было, она же еще до Петра распалась съ нимъ расколами. Связь съ Москвой была исключительно основана на томъ чувствѣ государственнаго единства и независимости, о которомъ мы сказали. Эта связь отдѣльныхъ частей съ земской цѣлостью осталась и въ петербургскую эпоху — 1812 соотвѣтствуетъ 1612 году.

Московская Русь, казненная въ видѣ стрѣльцовъ, запертая въ монастырь съ Евдокіей, исключилась безслѣдно, и натянутый, старческій ропотъ кн. Щербатова (который мы передали гласности) замолкъ безъ всякаго отзыва.

Имѣй Москва такое живое, соотвѣтствующее духу народному значеніе, какъ Рѣчь Посполитая—польскому народу, неужели бы

Петръ I—бритвой, топоромъ и переѣздомъ въ финское болото—снялъ ее какъ мозоль.

Какъ ни бились Кромвель и конвентъ, — но прошедшаго, вросшаго въ сердце, кровно связаннаго съ настоящимъ, не одолѣли.

Новгородъ, Псковъ—надобно было подавить, сослать на поселенье, испугать кровью и пожаромъ, чтобъ довести до народнаго забвенія. Въ Украйнѣ — ни польская шляхта, ни Петръ I, ни Екатерина II не зашибли памяти. А московскій періодъ разсѣялся какъ тѣнь и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства.

Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что народъ сочувствовалъ петровской реформѣ или принялъ ее потомъ; онъ въ ней видѣлъ какое-то чужое насиліе, правительство въ немъ видѣло государственную барщину. Петровская Русь съ самаго начала является съ своимъ дуализмомъ. Это двѣ Россіи, изъ которыхъ одна не народъ, а только правительство; а другая народъ, но вытолкнутый внѣ закона и отданный въ работу. Государство оканчивалось на канцеляристѣ, прапорщикѣ и недорослѣ изъ дворянъ; по другую сторону были уже не люди, а матеріалъ, ревизскія души, продажныя, купленныя, пожалованныя, приписанныя къ фабрикѣ, экономическія, податныя,—но не признанныя человѣческими.

И эта *табель о рангахъ*, опираясь на несчастныя жертвы рекрутскихъ наборовъ, осужденныя на двадцатипятилѣтній голодъ и палки, и наполняя возы бумаги безграмотной канцелярской болтовней и ябедой, произвела чудеса, заселила цѣлыя страны, колонизировала Сибирь, просочилась до Тихаго океана, до Персіи, до Швеціи. Она подходила къ Берлину, переходила Балканы, устраиваясь внутри въ какомъ-то хаосѣ серальныхъ переворотовъ, крови и разврата, и притомъ безъ всякаго сочувствія въ отрѣзанномъ и подавленномъ народѣ. Не доказываетъ ли это чрезвычайную пластическую силу?

Да, зато какой цѣной все это куплено?

Это правда, безчеловѣчно тяжелъ былъ путь русскаго развитія, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, дорого заплатилъ народъ за безпечный сонъ въ селахъ и деревняхъ! Татарское варварство и нѣмецкая цивилизація чудовищно наказали его. Татары съ тѣхъ поръ усмирились и тихо продаютъ красные сапоги въ Казани; нѣмцы сильны еще, тѣмъ больше, что большая часть изъ нихъ русскіе, но и ихъ иго идетъ быстро къ концу; а циклопическія работы и выведенные фундаменты остаются. Повѣрьте, что о жертвахъ, падшихъ при этихъ постройкахъ, о поколѣніяхъ, безотрадно умершихъ на тяжелой работѣ, мы не меньше скорбимъ, чѣмъ кто-либо. Но желая выйти изъ этихъ мрачныхъ путей, мы

стараемся понять ихъ смыслъ, для того, чтобъ отыскать выходъ, для того, чтобъ воспользоваться выработаннымъ кровавыми слезами, и благословеніемъ грядущихъ поколѣній загладить прошедшія страданія.

Осудивъ оптомъ звѣрскіе пути петровскаго періода, отрекаясь отъ нихъ, мы отказываемся отъ процесса этапныхъ офицеровъ, тѣмъ больше, что они перемерли на дорогѣ, и точно также отказываемся отъ ретроспективной филантропіи,—она опоздала.

Можетъ, Турнеръ и вѣрно представилъ, въ своей картинѣ Ватерлооской битвы, на первомъ планѣ какой-то въ ужасъ приводящій ворохъ труповъ, раненыхъ, плачущихъ женщинъ, — но смысла битвы нѣтъ, и извѣстный Наполеонъ со слезою на глазахъ, и блѣдный, мраморный Веллингтонъ въ шинели, не спускающій глазъ съ отступающихъ французовъ, объясняютъ во сто разъ больше, что тутъ было. А что и то было, что Турнеръ нарисовалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; да это было во всякой рѣзнѣ отъ битвъ Немврода до Сольферино. Податная Русь страдала много, конечно, не меньше крѣпостной Польши; всего хуже, что она и теперь страдаетъ, но одной чувствительностью не поможемъ. Врачъ, призванный къ больному, смотритъ, сколько силъ, что̀ цѣло и что̀ повреждено; и если онъ распрашиваетъ, какъ больной дошелъ до настоящаго положенія и чѣмъ были больны его отецъ и мать, то совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ читать ему мораль; болѣзнь такая краснорѣчивая мораль, что если и она не поможетъ, то что сдѣлаютъ фразы?

Тѣ народы пусть отвѣчаютъ за свое прошедшее, которыхъ пуповина съ исторіей не разрѣзана, которые горды своимъ прошедшимъ. Мы, напротивъ, только разрываясь съ нимъ, идемъ впередъ. Мы скорѣе похожи на двуутробку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося съ собой свое будущее поколѣніе,—чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивотъ съ старымъ завѣтомъ.

То, что было съ московскимъ періодомъ, то будутъ неминуемо съ петербургскимъ. И такъ, какъ реформа Петра убила московскій порядокъ, такъ предстоящая реформа убьетъ Петербургскій. Первая *органическая*, народная мысль, которая пробилась въ этихъ снѣговыхъ вершинахъ, носитъ въ себѣ зародышъ *освобожденія отъ нѣмецкаго ига.*

До сихъ поръ все шло иначе.

Работа петербургская была чисто внѣшняя, алчная, все захватывавшая, все жавшая. И если петербургское правительство дивило дерзкой отвагой объемовъ, то всѣ его созданія представляли какія-то огромныя, пустыя формы безъ содержанія, чего-то ждущія и покамѣстъ наполненныя всякой казарменной рухлядью и канцелярской дрянью, которыя такъ мало шли къ жизни, что

онѣ постоянно уродовали ее; а она постоянно искажала ихъ, прорывала, расширяла трещины, ускользала.

Къ чему копились силы, что выжималъ Петербургъ своимъ прессомъ изъ шестой части земнаго шара, зачѣмъ расширялъ онъ предѣлы, зачѣмъ ковалъ народъ въ цѣпи? На это онъ такъ мало могъ бы вамъ отвѣчать, какъ какой-нибудь китъ, на что онъ поглащалъ тысячи рыбъ въ день, для того чтобъ вырастить свое тѣло,—его голодъ и органическая пластика того требовали.

Наконецъ, петербургскій періодъ дошелъ до своего предѣла, стукнулся объ Западъ и увидѣлъ, что ему его не сломить; внутри онъ заправился до такой нелѣпости, что сталъ, по нѣмецкому выраженію, какъ волъ у горы, ему некуда было больше идти въ его ботфортахъ. И очень хорошо,—онъ все сдѣлалъ, что могъ, оцѣпилъ огромную арену, приготовилъ эстраду, учредивъ въ ней полицейскій порядокъ. Когда его зданіе было готово не только стоять, но и рухнуться, ему пришлось сложить руки. Вышелъ Александръ II и объявилъ: «*Освобожденіе крестьянъ съ землею*».

Это requiem петербургской эпохи.

Еще ничего не сдѣлано, а Россія вся перемѣнилась... Вы, вѣрно, слыхали гулъ внутренняго содроганія силы въ котлѣ парохода, когда колесо еще стоитъ, паръ вырывается, сжатый, опасный, бѣлый, въ небольшую трубку, и пароходъ, стоя на одномъ мѣстѣ, уже повинуется не одному качанью волнъ, а своему сдержанному пульсу.

Вотъ что мы слышимъ теперь, вотъ что можете слышать вы, только для этого надобно не только прислушаться и прекратить частные разговоры, но бросить западный стетоскопъ.

Слово «освобожденіе крестьянъ» раздалось, какъ труба на зарѣ. Крестьянинъ, раскольникъ, чиновникъ-либералъ и чиновникъ-чиновникъ, образованный дворянинъ и дворянинъ сѣкущій, все это проснулось отъ тяжелаго сна въ какомъ-то нервномъ раздраженіи и бросилось укладываться и собираться въ путь. Берутъ мѣры, боясь какой-то грозящей невзгоды; правительство чувствуетъ себя слабѣе... у всѣхъ сдѣлалось больше крови въ жилахъ, у него одного меньше, а между тѣмъ колодки не измѣнились.

Вдругъ всѣ открыли, точно какую-нибудь новость, удивительную нелѣпость и чрезвычайный безпорядокъ петербургскаго государственнаго устройства. Ни законовъ, ни суда, ни охраняющихъ формъ, ни честности, ни въ самомъ дѣлѣ повиновенія, ничего.

Ни одной ясной, послѣдовательно проведенной идеи юридической, административной нѣтъ во всей Россіи. Нелѣпость въ

одну сторону приводится къ нѣкоторому равновѣсію нелѣпостью въ другую.

Крѣпостное право, напримѣръ, никогда не утвержденное закономъ въ той силѣ, въ которой оно существуетъ, вовсе не укрѣпило, а спутало понятіе о собственности. Какъ себя помѣщикъ ни увѣрялъ въ правомѣрности имѣть крѣпостныхъ, и какъ правительство ни усердно сѣкло съ нимъ мужиковъ въ доказательство, что они собственность, на днѣ души оставалось сомнѣніе, почти угрызеніе совѣсти, которое мало-по-малу перенеслось и на понятіе поземельной собственности,—и въ то же время обратнымъ путемъ и крестьянинъ дошелъ до того, что *онъ* барскій, а земля *его*.

Иностранцы, пораженные этимъ неустройствомъ, и даже многіе изъ русскихъ смотрятъ съ ужасомъ на него, не думая о томъ, что если-бъ петербургское управленіе могло быть возведено въ порядокъ и принято народомъ, то мы бы погибли. Человѣкъ, схваченный врасплохъ за горло, отдаетъ разбойнику свой кошелекъ, но нравственно онъ отъ него свободенъ; а несчастный, который кошелекъ отдаетъ папѣ за индульгенцію, рабъ въ душѣ, хотя папа и не держитъ его за горло.

Каждый русскій долженъ благословить, что временныя смирительныя учрежденія вызвали только одни нелѣпѣйшія безобразія, а не стараться *какъ-нибудь* привести ихъ въ *порядокъ* на основаніяхъ нѣмецкой бюрократіи. Наше неустройство, это великій протестъ народный, это наша magna charta, нашъ вексель на будущее. Ненадобно ошибаться въ его характерѣ, это не распаденіе на части ветхаго тѣла, а безпокойное ломанье живого организма, отдѣлывающагося отъ постороннихъ путъ; не гнилое броженіе, а броженіе около бьющагося зародыша.

Да гдѣ же онъ?

Конечно, не въ правительствующемъ сенатѣ и не въ главномъ штабѣ, не въ министерствахъ и ихъ канцеляріяхъ...

Говорить еще разъ о томъ, что такое *право на землю* и *общинное устройство* русской деревни, я не стану; я такъ недавно сдѣлалъ опытъ объяснить, насколько понимаю эти вопросы (58 и 59 №№ «Колокола»), что не имѣю почти ничего прибавить къ сказанному.

Напомню вамъ только сказанное въ прошломъ письмѣ объ иномъ отношеніи нашемъ къ Западу; *мы ближе и дальше* отъ него, чѣмъ прежде. Утомленная долгой борьбой за личную свободу, Европа, снова скованная, выбиваясь изъ силъ, сѣла на камень возлѣ границы, къ которой съ другой стороны и насъ пригнали съ цѣпями на рукахъ и ногахъ. Это нашъ первый этапъ; но ужъ по прежней западной дорогѣ, если насъ раскуютъ, мы не пойдемъ,—примѣръ передъ глазами.

Не величайшее ли счастье, что мы такъ поздно сблизились? Весьма можетъ быть, что при иной встрѣчѣ съ западной цивилизаціей, когда она сама была полна вѣры въ себя, энергіи и силъ,— мы продолжали бы внутри петровскую работу и, вѣроятно, разбили бы неказистые крестьянскіе ларцы, единственное наслѣдіе наше, для того, чтобъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ плохой Пруссіи.

Едва ли не придется намъ также благословить чудскіе и туранскіе элементы, попризадержавшіе наше старо-славянское развитіе, какъ мы благословляемъ теперь петербургское неустройство. Можетъ, безъ нихъ мы имѣли бы въ исторіи нѣсколько страницъ болѣе блестящихъ, мы вспоминали бы, можетъ, вмѣсто дани, платимой Золотой ордѣ, какое-нибудь спасеніе à la Jean Sobieski *вѣнской* орды; вѣроятно, католицизмъ и римское право прикрѣпили бы и насъ къ кораблю, который теперь тонетъ, и все свое тащитъ съ собой въ пропасть; общинное владѣніе, міръ, все это было бы разрушено панами, какъ въ Польшѣ, и *дикое право каждаго на землю* замѣнилось бы образованнымъ, но *невозможнымъ*— *правомъ на работу*.

Случилось иначе,—и теперь позвольте вамъ сдѣлать вопросъ: Вѣрите вы или нѣтъ, что казненный соціализмъ «умеръ и похороненъ»? Мнѣ все кажется, что ему забыли перебить голени и что онъ также какъ-нибудь, «предваривши утро», сброситъ съ себя саванъ и пойдетъ бродить по ученикамъ. Кажется мнѣ это оттого, что соціализмъ *необходимое послѣдствіе*; пока существуютъ посылки, а они такъ глубоко вросли въ современную жизнь или выросли изъ такой глубины ея, что ихъ съ корнемъ вырвать нельзя,—соціализмъ будетъ ставиться ихъ живымъ силлогизмомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мозгъ будетъ дѣйствовать нормально.

Силлогизмъ этотъ, послѣдній логическій выводъ западнаго сознанія, является у насъ какъ естественная непосредственность. Мы общинный бытъ, право на землю нашли какъ наши руки, т. е., онѣ были тутъ, когда мы пришли въ себя и въ первый разъ подумали объ нихъ. Такъ дикое, но рѣзкое начало личныхъ правъ лежало въ непосредственности доисторической натуры германскихъ племенъ.

Петръ I задержалъ своимъ хлороформомъ народную жизнь на время операцій и перевязокъ, но онъ не разрушилъ ея элементовъ не только въ податной Руси, но и въ неподатной. По мѣрѣ того, какъ геній русскій выходилъ изъ оцѣпенѣнія и развивался наукой, онъ догналъ теоретическую мысль Запада; но, догнавши, онъ разошелся съ его практическимъ приложеніемъ, потому что былъ послѣдователенъ; онъ въ своей народной совѣсти не нахо-

дилъ тѣхъ граней и препятствій, о которыя спотыкалась Европа. Безправный рабъ помѣщика не мечталъ объ освобожденіи безъ земли, безправный рабъ царя пересталъ восхищаться феодально-буржуазнымъ представительствомъ [1]). Дерзость замысловъ наша дошла, напримѣръ, до того, что правительство, дворянство и народъ, споря о выкупѣ и переходномъ времени, толкуя о количествѣ земли и ея оцѣнкѣ, согласны въ одномъ, что безъ земли нельзя освободить русскаго мужика, признавая такимъ образомъ безусловно его *право на землю*.

Подумайте теперь о результатѣ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми своими туранскими и чудскими примѣсями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ, и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.

Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и всѣ борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что онѣ будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи, ужъ она то fara da se, не для составленія съ ней чудовищной имперіи, мы ничего не знаемъ нелѣпѣе этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ двигаться тяжело отъ роста, а для того, чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону *прошедшаго* или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы. Но, можетъ, Польша дѣйствительно больше принадлежитъ къ старо-западному міру и хочетъ рыцарски дѣлить его послѣднія судьбы, лить за него кровь, какъ герой Понятовскій, и увидѣть, какъ самъ Понятовскій, въ пѣсни Беранже, какъ Западъ руки не подастъ тонущему за него? Да будетъ ея святая воля!

Мы требовали одного и теперь требуемъ, чтобъ, разрываясь съ Россіею, она глубже узнала, что за всходы прозябаютъ въ ней... Позвольте мнѣ этимъ заключить письмо мое.

(1860 г., № 67).

---

[1]) Есть въ Россіи каста отупѣвшихъ отъ школьной политики педантовъ и доктринеровъ, которая съ комическимъ suffisance репетируетъ идеи Пилевской реформы и либерализма временъ Казиміра Перье. Тяжелая ученость, схоластическія занятія выѣли ихъ слабыя способности; а совершенное безучастіе къ живой жизни не вызвало ихъ сойти съ каѳедры на рынокъ. Испуганные дикими, неустроенными элементами русскаго развитія, они попадаютъ то во французскую болѣзнь — централизаціи, то въ англійскую— буржуазнаго selfgovernement'а. Но это ничего не значитъ, люди эти и съ цѣлымъ мозгомъ не сдѣлали бы ничего; а скорѣе только доказываетъ крѣпость народнаго духа, который не переваривается «нѣмецкими, гладенькими» умками.

„Библіотека“ дочь Сенковскаго.

Сенковскій также принадлежитъ николаевскому времени, какъ шефъ корпуса жандармовъ, подслушивавшій Дуббельтомъ, какъ Клейнмихель, исправлявшій пути сообщенія, какъ прихотливая «Пчела», какъ коммиссаріатъ, постоянно побѣдоносный надъ русской арміей, какъ и пр. и пр. Положеніе Сенковскаго было поэтичнѣе и независимѣе квартальныхъ, онъ не былъ въ самомъ дѣлѣ на службѣ, а съ горя и по влеченію создалъ себѣ мѣсто въ родѣ Мефистофеля. Именно въ этомъ качествѣ онъ и затѣялъ журналъ, который было вредно читать, и—Geist des Wiederspruchs—назвалъ его «Библіотекой для чтенія». Основная программа его была проста—она была цѣликомъ взята изъ разговора Мефистофеля съ студентомъ.

Николай умеръ.

Сенковскій умеръ.

Россія и «Библіотека для чтенія» остались въ разстроенномъ состояніи,—но живы.

Объ наслѣдникѣ Николая и объ Россіи мы довольно говорили, о «Библіотекѣ для чтенія» и о мефистофелидахъ очень мало. Это было вовсе не отъ невниманія, а оттого, что мы минуемъ говорить о русской литературѣ изъ разныхъ гигіеническихъ соображеній.

Великіе злые духи, точно такъ же какъ великіе люди, рѣдко оставляютъ достойныхъ наслѣдниковъ. Сынъ Кромвеля, сынъ Богдана Хмѣльницкаго и «Библіотека», урожденная Сенковская, показываютъ, что это случается не только въ Великобританіи и Малороссіи, но и въ Петербургѣ.

Главное намѣреніе быть злымъ духомъ осталось у новой редакціи, — но безъ остроты въ крови, а съ одной золотушной хилостью, съ дурными привычками эстетическаго жеманства, старонѣмецкаго бѣгства отъ общественныхъ вопросовъ, выражавшагося неприличной радостью при встрѣчѣ разсказа, гдѣ они обойдены, стиховъ, въ которыхъ безплодно испаряется млѣніе души чуждой суетъ мірскихъ.

Хотя и досадно было, однако мы молчали, предупредивши разъ, что это дѣло опасное.

Но на-дняхъ мы прочли и то не въ «Библіотекѣ для чтенія», а въ «Отечественныхъ Запискахъ», за декабрь, которыя благодаря компаніи du roulage Adlerberg-Prianischnikoff пришли въ Лондонъ въ половинѣ апрѣля, отвѣтъ (слабый и бѣдный) на статью противъ Марка Вовчка, помѣщенную въ ноябрской «Библіотекѣ для чтенія», вовсе не приходившей.

По опилкамъ можно судить о достоинствѣ металла. Это чистое желѣзо съ крестьянскихъ колодокъ... Halte là, господа!—Есть предѣлы, далѣе которыхъ «Колоколъ» не выдерживаетъ, и долженъ треснуть или звонить. Мы не на откупу у Панина и Муръева съ К°, мы звонимъ не по чинамъ.

Задача Мефистофеля совсѣмъ не въ томъ, чтобъ говорить безнравственныя вещи съ серьезнымъ доктринаризмомъ, да и принимать это tout de bon за истину. Сбивающія съ сердца сентенціи и бездушныя остроты гётевскаго Мефистофеля не покрываютъ своимъ мерцаніемъ внутренняго сознанія ихъ пустоты и призрачности,—и иное воззрѣніе просвѣчиваетъ во всей поэмѣ, примиряя съ преднамѣренными диссонансами.

Желчевая, закусившая удила, насмѣшка Сенковскаго, была месть, была досада, отраженіе обстоятельствъ, отрицательное раскаяніе въ своей слабости, была маской, — но никогда не была убѣжденіемъ; почтительная дочь его, принимая за «въ самомъ дѣлѣ» эту лихорадку мысли и словъ, начала проповѣдывать воздержаніе отъ сердца, дѣйствительное статское равнодушіе къ людскимъ дѣламъ и легкій эстетическій эпикуреизмъ. Это уже не иронія, а доктрина.

Много смѣшнаго, нелѣпаго, уродливаго является въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ, мы никогда не затрогиваемъ этихъ сторонъ.

Что за бѣда, если люди, не смѣвшіе громко сказать слово при трехъ свидѣтеляхъ, теперь рѣшаютъ публичными спорами ариѳметическіе и этнографическіе вопросы. Что за бѣда, если они даютъ обѣды со спичами какому-нибудь «знаменитому иностранцу», удивленному своею знаменитостью, о которой онъ не подозрѣвалъ. Что за бѣда, если и онъ, оправившись, начинаетъ чувствовать свое величіе и, какъ графъ Нулинъ, радоваться, что у насъ «умы уже развиваться начинаютъ», и желать, чтобъ мы просвѣтились наконецъ. Да и въ томъ нѣтъ бѣды, если на показъ передъ «знаменитымъ путешественникомъ» двое или трое учениковъ выйдутъ на диспутъ, и одинъ какъ Утѣшительный говоритъ, что человѣкъ весь принадлежитъ обществу, а другой какъ практическій Швохневъ увѣряетъ, что человѣкъ принадлежитъ обществу, но не весь.

Все это смѣшно, но все же лучше публично рѣшать ученые вопросы и дѣлать знаменитыхъ людей для обѣдовъ, чѣмъ бояться произнесть слово при постороннихъ и дѣлать обѣды для «ихъ высокопревосходительства, глубоко уважаемаго и сердечно-чтимаго начальника, начальника и отца».

Но когда редакція журнала беретъ перо для того, чтобъ въ торжественную минуту государственнаго покаянія, въ минуту

борьбы между отстаиваніемъ неправаго стяжанія и отреченіемъ отъ застарѣлаго преступленія, своими софизмами—ослабить тотъ ужасъ, который овладѣваетъ нами по той мѣрѣ, по которой мы вглядываемся въ домашнюю контору, въ застѣнокъ передней и сераль дѣвичьей, когда она разглагольствуетъ для того, чтобъ прикрыть изсѣченныя спины, изнасилованныхъ женщинъ высокомѣрной улыбкой, отводя глаза нищихъ умомъ къ другой сторонѣ вопроса,—тогда мы зовемъ ее на лобное мѣсто!

Извольте видѣть,—слабые нервы петербургскіе не выносятъ такихъ ужастей, такихъ отвратительныхъ картинъ... Да, вѣдь, и распятіе, когда на него смотрѣть безъ вѣры и безъ любви, возмутительная картина, и этотъ мясникъ Рубенсъ, и этотъ палачъ Рембрандтъ—чему обрадовались, представляя смердящихъ Лазарей, да карачащихся въ агоніи разбойниковъ на крестѣ?... Имъ бы нарисовать всѣ части Гиббоновой книги о паденіи Рима, тогда было бы понятно, что и римлянинъ могъ иной разъ повѣсить невиннаго, но что это рѣдкій исключительный случай, не сообразный съ «благодушіемъ» римскихъ начальниковъ когортъ и департаментовъ.

...Пожалуй, можно указать на Гуда, подслушавшаго, не «выходя изъ кабинета», страшное рыданіе бѣдной needle woman, вмѣсто того, чтобъ положить на куплеты теорію уничтоженія пауперизма, или на Диккенса съ его Оливеромъ Твистомъ и героями, сорвавшимися съ висѣлицы, о которыхъ онъ разсказываетъ подробности shocking... И что тутъ разсказывать,—стоитъ «усилить» полицію, а главное веревки и палачей, ихъ какъ рукой сниметъ... Но вѣдь Гудъ и Диккенсъ для своихъ героевъ не унижались до русскихъ «псарей» и «крѣпостныхъ нимфъ», отдаваемыхъ насильно замужъ, а брали хоть и плебеевъ, но все англійскихъ.

Для полной бережи нервъ, редакція успокаиваетъ насъ и себя тѣмъ, что въ повѣстяхъ «писакъ» противъ помѣщичьяго права все преувеличено, что жестокости рѣдкость, что наши помѣщики, точно пеликаны, готовы своихъ мужиковъ кормить грудью!

Такъ-съ!

Да развѣ «Библіотека» не читаетъ «Колокола?» Листа, вѣдь, нѣтъ, гдѣ бы не было какой-нибудь каннибальской исторіи, или Гутцейта, насилующаго дѣтей, или усмиренія вродѣ Эльстона-Сумарокова? Генералъ Кандыба, штабсъ-капитанша Баранова, помѣщица Клопотовская и сотни другихъ, это не миѳы.—«Но много ли они засѣкли въ сравненіи со всѣми рождающимися въ Россіи?» Это правда, и зачѣмъ это вся Европа хлопотала, когда папа укралъ мальчика Мортару? Вѣдь, не всякой же день св. отецъ крадетъ по нѣскольку дѣтей.

Насъ вотъ что удивляетъ,—когда эти разсказанные стоны нашихъ крестьянъ и дворовыхъ успѣли до того раздражить опустившіеся нервы «Библіотеки», что она называетъ ихъ «мерзостно-отвратительными картинками», какъ будто это извѣстныя ободрительныя изображенія, тоже сильно дѣйствующія на нервы?.. Помилуйте, пять лѣтъ тому назадъ людей ссылали въ Сибирь, если они не раздѣляли мнѣнія «Библіотеки» о благодушіи помѣщиковъ.

— «Мнѣ тебя-то, матушка, стало жаль,—говоритъ Недоросль, что ты очень устанешь (колотивши отца).»

Въ самомъ дѣлѣ, что вы такъ разстопались, барыню обезпокоите, барыня антологію въ книжкѣ изволитъ читать.

...Итакъ, горемычные, пропадайте безъ вѣсти. За ваши предсмертныя муки на конюшнѣ, за ваши слезы дѣвичьи, слезы матери о поруганномъ ребенкѣ, за ваши мученическія существованія отъ колыбели до могилы — васъ ждетъ свирѣпое забвеніе. Вопль вашъ исключится изъ пѣсни, изнуренный образъ вашъ вытолкаютъ взашеи изъ сказки. Кто поминаетъ о прошлогодней травѣ, о разоренномъ муравейникѣ?

...Жизнь ваша, заѣденная хищнымъ помѣщичествомъ, не отзовется ни угрызеніемъ совѣсти, ни примиряющей слезой; даже въ книгѣ, въ этой общей родительской субботѣ всего схороненнаго, не помянется она. Отъ вашихъ грусть наводящихъ тѣней отвернется насоконосный потомокъ вашихъ господъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за бѣда, что такого-то «псаря» отодрали, а такую-то «дѣвчонку» выдали замужъ поневолѣ. Изъ-за этого, если-бъ освобождать крестьянъ, «игра не стоила бы свѣчъ.» Дѣло не въ томъ, а въ глубокихъ экономическихъ соображеніяхъ [1]).

Но этого не будетъ!

И лучшее доказательство, что не будетъ, это появленіе такихъ изящныхъ въ своей сельской свѣжести разсказовъ, какъ тѣ, которые навели «Библіотеку» на ея безобразную выходку.

Разсказы эти, попавшіеся намъ въ руки съ другими книгами, вовсе намъ неизвѣстными, остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ И. Тургеневъ перевелъ ихъ.

Въ петербургскихъ болотахъ, въ московской пыли не растутъ такіе дубравные цвѣты; тутъ все чисто и здорово, неистощенная земля, непочатое сердце; тутъ вѣетъ полемъ послѣ весенняго

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы согласны въ мнѣніи о нелѣпомъ экономическомъ устройствѣ оброка, но какъ же это выходитъ, что знаменитая школа «l'art pour l'art» переходитъ въ «comptabilité en partie double pour l'art»...

дождя, вѣетъ и проклятьемъ русскаго поля—господскимъ домомъ; шумъ листьевъ, лепетъ, жужжаніе не заглушаютъ ни плачъ «дѣвченки», оторванной на вѣки-вѣковъ грубымъ насиліемъ у матери, ни вопль «псаря», стегаемаго zu unesthätish... Украинецъ-разсказчикъ не брезгливъ—вѣдь, и природа не брезглива — онъ не прячетъ своего кровнаго родства съ «дѣвченкой» и не стыдится, что слезы его льются на грязный посконный холстъ, а не на мягкое «пате» (непремѣнно Гамбсовой работы).

А сказать вамъ, отчего онъ не стыдится? Оттого, что въ этихъ дѣвченкахъ, въ этихъ псаряхъ онъ почуялъ именно сердцемъ, которое вытравляютъ столичные доктринеры,—заморенную силу, близкую, понятную, кровную намъ. Отъ того-то и слезы его не наполняютъ душу однимъ безвыходнымъ, поѣдающимъ горемъ, а дрожатъ какъ утренняя роса на сломанныхъ и истоптанныхъ цвѣтахъ; ихъ не воскресятъ онѣ, но другимъ возвѣщаютъ зарю!

(1860 г., № 71.)

Розги долой!

Мы хотимъ сдѣлать очень простое и очень возможное предложеніе образованному меньшинству дворянства, предложеніе, не влекущее за собой ни отвѣтственности, ни опасности. Мы предлагаемъ ему составить:

Союзъ воздержанія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Степень образованія этого меньшинства, его поведеніе въ губернскихъ комитетахъ, его совершеннолѣтіе, выразившееся въ желаніи самоуправленія,—все это несовмѣстно съ дикимъ битьемъ и сѣченіемъ крѣпостныхъ. Во времена неразвитости и патріархальнаго звѣрства совѣсть наказывающаго была, да нѣкоторой степени, чиста, онъ вѣрилъ, что это не только его право, но думалъ, что это его долгъ. Теперь этому никто не вѣритъ, всякій знаетъ теперь, что наказаніе безъ суда, изъ личныхъ видовъ, есть своекорыстное употребленіе права сильнаго,—такая же пытка, какъ стеганье лошади. Крестьянъ и дворовыхъ бьютъ исключительно и единственно изъ денежныхъ выгодъ и мелкихъ удобствъ.

Правительство не можетъ препятствовать и не будетъ такому *отрицательному* союзу... Правительство не вмѣняетъ дворянству въ обязанность *сѣчь крѣпостныхъ*. Оно только дозволяетъ.

Пусть помѣщики подумаютъ, что сѣчь и такъ остается недолго: вслѣдъ за нелѣпостью переходнаго состоянія придется

поневолѣ разстаться съ розгой, — не лучше ли же добровольно отказаться отъ нея? Бросить розгу такъ, какъ французское дворянство 4 августа бросило въ огонь свои феодальныя грамоты.

Отказаться отъ права сѣчь въ виду Черкасской партіи, въ виду Самарина и Милютина, возсоединенныхъ съ Черкасскимъ,— благородно. За кого въ самомъ дѣлѣ васъ принимаетъ правительство, думая, что вы требуете для себя правъ человѣческихъ и хотите сѣчь безъ суда, — и это въ то время, когда само правительство начинаетъ ограничивать въ военной службѣ побои?

Пусть въ каждой губерніи три-четыре помѣщика дадутъ между собою *честное слово никогда* не прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, никогда не допускать себя до побоевъ, — этого довольно для начала. Само собою разумѣется, что дѣло надобно дѣлать не въ половину, мало не бить людей изъ собственныхъ рукъ и не посылать ихъ сѣчь,—надобно запретить управляющимъ, старостамъ, дворецкимъ и запретить такъ, чтобъ крестьяне знали, чтобъ дворовые знали!

Не первый разъ приходится намъ стыдиться бѣдности нашихъ требованій... Да, многое надобно укротить въ себѣ, многое заставить молчать, чтобъ протянуть руку, прося какъ милостыню... чего?.. признанія въ себѣ и ближнемъ человѣческаго достоинства!

Но лишь бы голосъ нашъ не остался тщетнымъ, лишь бы напомнить однимъ, надоумить другихъ, что пришло время оставить палачество; лишь бы удалось на первый случай избавить нѣсколько мужиковъ отъ истязаній и нѣсколько помѣщиковъ отъ пятна.

Что помѣщики дѣлали прежде, мы знать не хотимъ. На прошедшее мы закрываемъ глаза, многое дѣлалось по невѣдѣнію, по привычкѣ, по скверному воспитанію, по безобразному примѣру родительскаго дома... Амнистія, забвеніе и тутъ необходимы. Но три года тому назадъ положеніе измѣнилось; и съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ объ освобожденіи былъ поднятъ правительствомъ, обсуживался въ журналахъ, въ гостиныхъ и передняхъ, въ столицѣ и провинціяхъ, *съ тѣхъ поръ нельзя быть честнымъ и образованнымъ человѣкомъ и бить своихъ людей.* (Разумѣется, мы исключаемъ теоретическихъ фанатиковъ розги, это поврежденные, они могутъ врать вздоръ и быть честнѣйшими людьми, какъ всякій сумасшедшій).

Давайте же другъ другу честное слово не сѣчь вашихъ мужиковъ, составляйте не одинъ союзъ, а сотни, въ разныхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ. Не бойтесь пуще всего вашей малочисленности, два дѣятельныхъ человѣка, твердо идущихъ къ своей цѣли, сильнѣе цѣлой толпы, никакой цѣли не имѣющей. Развѣ Уилберфорсъ, развѣ Кобденъ не начинали съ трехъ-четы-

рехъ человѣкъ, столковавшихся въ клубѣ или въ тавернѣ?.. Человѣкъ—и слабъ какъ *искра*, и силенъ какъ *искра*, если вѣритъ въ свою силу и *во-время* попадаетъ въ приготовленную среду.

Бросайте же подлую розгу и давайте другъ другу ваши руки на *Союзъ противъ тѣлесныхъ наказаній!*

(1860 г., № 75).

Записки И. В. Лопухина.

Всякое правдивое сказаніе, всякое живое слово, всякое современное свидѣтельство, относящееся къ нашей исторіи за послѣднія сто лѣтъ, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинаетъ быть извѣстнымъ. Времена татарскаго ига и московскихъ царей намъ несравненно знакомѣе царствованія Екатерины, Павла. Исторія императоровъ—канцелярская тайна, она была сведена на дифирамбъ побѣдъ и на риторику подобострастья.

Не думаемъ, чтобъ въ самой Австріи употреблялись когда-либо такія многостороннія мѣры, какъ у насъ, чтобъ скрывать и искажать историческія событія.

Казалось, что въ нашу эпоху *ожиданій и упованій* можно было уповать и на то, что мы, наконецъ, узнаемъ исторію послѣдняго времени не по канцелярскимъ Титъ-Ливіямъ, а по документамъ, и дѣйствительно показались превосходныя монографіи, чрезвычайно интересныя письма, записки. Половина матеріаловъ, присланныхъ намъ для нашего историческаго сборника, явилась на свѣтъ въ Россіи. Словомъ сказать, дѣла и люди настолько усовершились, что Устряловъ, писавшій свою исторію Россіи по трафаретамъ министра Уварова, сталъ издавать исторію Петра по источникамъ. VI томъ его исторіи испугалъ. Цензорамъ не велѣли ничего пропускать непохвальнаго о лицахъ, родственныхъ къ императорской фамиліи и умершихъ послѣ кончины Петра I.

Нечего дѣлать, мы снова должны приняться за печатаніе въ Лондонѣ историческаго сборника. Документовъ, записокъ, писемъ у насъ набралось довольно.

На первый случай мы издаемъ записки Лопухина.

Лопухинъ представляетъ явленіе рѣдкое. Тихій, честный, чистый, твердый и спокойный, онъ съ своимъ мистицизмомъ и мартинизмомъ идетъ такъ не похоже, такъ противоположно окружающему морю интригъ, исканій, раболѣпія, что это бросается въ глаза не только генералъ-губернатору Брюсу, но даже самой Екатеринѣ, которая велитъ сослать его покаявшагося товарища, а его не велитъ; Павлу, который вынесъ отъ него два

раза возраженія; Александру, благодарившему его за превосходную записку о духоборцахъ. Совѣтникомъ московской уголовной палаты Лопухинъ начинаетъ свою карьеру тѣмъ, что склоняетъ суроваго генералъ-губернатора по мѣрѣ возможности уменьшать число ударовъ кнутомъ, а черезъ двадцать лѣтъ съ энергіей отстаиваетъ сперва духоборцевъ, сенаторомъ, ревизующимъ Слободско-Украинскую губернію, и убѣждаетъ государя остановить разбойничьи набѣги на нихъ хищной полиціи и хищныхъ поповъ; потомъ, возвратившись изъ Крыма, съ такой же ревностью защищаетъ Джантимира-Мурзу и его товарищей-татаръ, которыхъ невинно хотѣли отодрать кнутомъ и послать въ каторжную работу. Своей горячностью въ этомъ дѣлѣ Лопухинъ заслужилъ *насмѣшки* сенаторовъ. «Еще вотъ что странно, говоритъ онъ, оправданіе мертваго Калласа читаютъ съ восторгами, а что свои безпокровные бѣдняки, живые, сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны,— это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что-нибудь развѣ потому, что уже нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали!.. Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Калласъ и Франція, а здѣсь Джантимиръ-Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и Русская Таврида?» (стр. 163).

Во всей жизни И. В. Лопухина удивительное единство, онъ нигдѣ не измѣняетъ своего нравственнаго склада. Молодымъ совѣтникомъ онъ возстаетъ противъ дикаго гоненія нищихъ Прозоровскимъ и говоритъ по этому поводу:

«Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

«Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако, такими средствами устройства, чтобъ, во-первыхъ, не было ихъ, если то можно и, наконецъ, чтобъ ихъ, переводя, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, т. е., чтобъ лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

«Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи, какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копеекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу; то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

«И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ;

однако, признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: — Что, развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее вышить.

«Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью».

Старикомъ сенаторомъ онъ отвѣчаетъ своимъ товарищамъ, говорившимъ ему *часто* по поводу голосовъ, которые онъ подавалъ: «Вѣдь, не будетъ же по твоему».—«Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе грабятъ и рѣжутъ?»

Странно встрѣтить, при столько хорошемъ развитіи и гуманномъ, закоснѣлое упорство Лопухина въ поддерживаніи помѣщичьей власти. Онъ не имѣлъ права на этотъ предразсудокъ въ началѣ царствованія Александра и тутъ онъ невольно противурѣчитъ самъ себѣ, и отъ этого впадаетъ въ фразы. Онъ пишетъ, напр., къ императору, что стыдится слова холопъ, что желалъ бы, чтобъ всѣ русскіе были свободны, и съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что вторженіе непріятеля было бы менѣе гибельно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти [1]).

Распространяться о «Запискахъ» Лопухина нечего, книга у читателя въ рукахъ; но въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на одинъ вопросъ: откуда у Лопухина — это единство, этотъ сознательный, вѣрный себѣ шагъ по дорогѣ, однажды имъ избранной? Его странно видѣть середь хаоса случайныхъ, безцѣльныхъ существованій, его окружавшихъ; онъ идетъ куда-то, а возлѣ, рядомъ цѣлыя поколѣнія живутъ ощупью, въ просонкахъ, составленныя изъ согласныхъ буквъ, ждущихъ звука, который опредѣлитъ ихъ смыслъ; изъ людей слабыхъ, безъ отпора, людей азартныхъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ такъ называютъ безкозырныя игры; въ ихъ жизни есть внѣшняя необходимость, связь оглавленія, табель о рангахъ и послужной списокъ, но единства высшаго порядка, связующей мысли, общаго стремленія—никакого.

---

[1]) Какъ въ немъ боролся помѣщикъ съ человѣкомъ и мистикомъ, ясно видно въ случаѣ, который онъ разсказываетъ въ первой части записокъ. Во время говѣнія онъ разбранилъ и разобидѣлъ своего камердинера и вдругъ, опомнившись, бросился къ нему въ ноги и сталъ просить прощенія.

Изъ пѣнящагося броженія столбовыхъ атомовъ, тянущихся разными кривыми линіями и завитками къ трону и власти, Лопухинъ былъ выхваченъ своею встрѣчею съ Новиковымъ, своимъ вступленіемъ въ мартинисты. Ими пустое броженіе, покорное стихійнымъ силамъ, старалось вынырнуть, схватить въ свои руки свою судьбу. Удачно ли, или нѣтъ,—все равно. Присутствіе стремленія и силы было неотразимо. Между мартинистами была человѣческая связь, опора, круговая порука, обмѣнъ силъ, и какъ бы они мистически ни понимали и какими бы іероглифами ни замѣняли ее, они стояли гораздо выше шаткой и безцѣльной толпы образованныхъ русскихъ. Они жили задней мыслью, у нихъ было сознаніе совокупнаго труда. Членъ союза чувствуетъ себя не одинокимъ сиротой, а живою частью живого организма.

И вотъ откуда нравственная сила Лопухина.

(1860 г., № 79).

Духу не достало!

Отложили!.. Зачѣмъ?.. Неужели въ самомъ дѣлѣ по случаю масленицы?—Что за пансіонскія затѣи! Развѣ они не знаютъ, что между кубкомъ и губами есть всегда мѣсто бѣдѣ.

Эта отсрочка, это ожиданіе—сверхъ силъ человѣческихъ; тоска, тоска и страхъ! Если-бъ было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ! потерянный вдали ведетъ, мы не можемъ безъ смѣны оставить нами самими избранный постъ и желали бы только, чтобъ помянулъ насъ кто-нибудь въ день великаго народнаго воскресенія.

Зачѣмъ русскіе, которые могутъ ѣхать и живутъ безъ дѣла, скучая и зѣвая въ Парижѣ, въ Италіи, въ Лондонѣ... не ѣдутъ? Что за умѣренность и воздержность! Англичане ѣздили ватагами взглянуть на Гарибальди, на свободный Неаполь; а наши туристы—тянутъ канитель за границей, какъ будто обыкновенное, будничное время! Что это—эгоизмъ, неразвитіе общихъ интересовъ, разобщенность съ народомъ, недостатокъ сочувствія?

Мы, разумѣется, не говоримъ о дикихъ крѣпостникахъ, кричащихъ въ парижскихъ кабакахъ и лупанарахъ противъ освобожденія—съ остервенѣніемъ, возбуждающимъ отвращеніе гарсоновъ. Этимъ чужеяднымъ татарамъ надобны деньги, и какими бы злодѣйствами они ихъ ни получали, имъ все равно. Насъ удивляютъ люди образованные, люди скорбящіе о народѣ, вздыхающіе о его несчастіяхъ,—но не настолько, чтобъ побезпокоить себя, бросить

привычную жизнь и явиться на лицо въ дни великаго историческаго событія.

(1861 г., № 94).

Манифестъ!

Первый шагъ сдѣланъ!— Говорятъ, что онъ труднѣе прочихъ: будемъ ждать *второго* — съ упованіемъ, хотѣли бы ждать его съ полной увѣренностью; но все дѣлается такъ шатко, такъ половинно и тяжело!

Освобожденіе крестьянъ только *началось* съ провозглашенія манифеста. Не отдыхъ, не торжество ждетъ государя,—а упорный трудъ; не отдыхъ, не воля ждетъ народъ,—а новый страшный искусъ.

Скорѣе,—скорѣе *второй* шагъ!

Александръ II сдѣлалъ много, очень много: его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ — и сломилъ ихъ? Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *освободителя!*

Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ, онъ только ошеломленъ! Теперь, пока стоглавая гидра не совсѣмъ опомнилась, надобно покончить ее и освободить вмѣстѣ съ русскимъ крестьяниномъ новую русскую государственную мысль—и отъ нѣмецкихъ колодокъ, и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ.

Слово *освобожденія* сказано. Государь признался. Это дѣло великое, но не все,—слово должно стать дѣломъ, освобожденіе быть истиной!

Выборъ в. кн. Константина Николаевича, кажется, удаченъ. Онъ необыкновенно выросъ, явившись опорой своего брата въ дѣлѣ освобожденія, и когда Александръ его обнялъ въ первомъ засѣданіи, его обняла вся Россія.

Какая огромная полоса славы передъ обоими. Вы оба, какъ говорятъ русскіе, родились въ сорочкѣ.

Борьба ваша, Константинъ Николаевичъ, легка; съ вашей стороны не только справедливость, но все думающее и все страдающее, меньшинство образованныхъ людей и большинство массы. А противъ васъ кто? Горсть пустыхъ стариковъ, алчныхъ не-

вѣждъ, мощенныхъ звѣздами и переплетенныхъ лентами; вѣдь, они только сильны вами; у нихъ опоры нѣтъ, кромѣ дворовыхъ людей, которыхъ рабство они зажилили еще на два года. Ихъ бояться нечего. Затѣмъ остается дикій, лѣсной помѣщикъ, еще менѣе опасный, — на такихъ ли медвѣдей ходитъ вашъ братъ. Лѣсной, степной помѣщикъ былъ своеволенъ и неукротимъ подъ материнскимъ крыломъ полиціи, онъ буйствовалъ на основаніи царскихъ льготъ; отнимите отъ него руку и вы увидите, какъ онъ присмирѣетъ...

Но врядъ ли можно успѣть во многомъ однимъ канцелярскимъ порядкомъ, одной бюрократіей. Окружите себя свѣжими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми, понимающими, любящими Россію, и, главное, не бойтесь гласности, какъ бы она ни была рѣзка!

Вспомните одинъ примѣръ.

Вольнѣе нашего никогда не раздавалась русская рѣчь. Что же говорила она, что распространяла, что поставила на своемъ знамени?

Нѣсколько дней послѣ 3-го марта (19 февраля) 1855 года мы писали, что Россія ждетъ отъ новаго государя: *освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и гласности въ судѣ и печати.*

Прошло шесть лѣтъ, и нѣсколько дней спустя послѣ 3 марта (19 февраля) 1861 всенародно возвѣщено уничтоженіе крѣпостнаго права. Вы сами стараетесь вывести во флотѣ тѣлесныя наказанія.

Чередъ за гласностью!

(1861 г., № 95).

Repetitio est mater studiorum.

Въ послѣднее время съ особеннымъ озлобленіемъ нападаютъ на нѣкоторыя мнѣнія, защищаемыя нами. Можетъ, мы и ошибаемся во многомъ, но хотѣли бы отвѣчать только за *свое*, а не за намѣренно искаженныя мысли наши враждебной или желчевой критикой. Это заставило насъ помѣстить предлагаемый *отрывокъ* (изъ статьи, назначенной въ «Полярную Звѣзду») въ «Колоколѣ», несмотря на то, что мы избѣгаемъ въ немъ всѣми средствами общихъ взглядовъ, professions de foi и пр. Мы печатаемъ его не какъ *отвѣтъ*, а какъ *предѣлъ*, или межу, для опредѣленія границъ, за которыми мы не отвѣчаемъ за нелѣпости, которыя ставятъ на нашъ счетъ.

Torquay (Devonshire), 30 августа, 1861.

... Прежде всего слѣдуетъ вспомнить опредѣлительно, что я говорилъ.

Я говорилъ и теперь утверждаю, что современный государственный бытъ дошелъ въ Европѣ до того предѣла измѣняемости, далѣе котораго онъ не можетъ развиваться сообразно новымъ потребностямъ людскимъ, не *измѣняя* своихъ основаній, т. е., не переставая быть самимъ собою. Сознаніе этого явилось въ немъ самомъ. Соціальныя ученія, какъ бы они ни были формулированы, далеко перехватываютъ за возможность улучшеній существующаго порядка. Они стремятся водворить иное отношеніе людей къ собственности, къ обществу и между собой. При измѣненіи этихъ основныхъ отношеній, прежніе институты, формы, могутъ остаться, но они *иначе* взойдутъ въ общественную формулу, т. е., иною функціей, и тогда, между новымъ обществомъ и старымъ государствомъ, останется столько же общаго, какъ между Римомъ императоровъ и Римомъ папъ. Какъ внутренній историческій химизмъ разлагаетъ одно тѣло, одинъ организмъ, и соединяетъ его составныя части въ иныя ткани другого организма, намъ еще недавно показалъ, по трупу, страшной силы анатомъ на величайшемъ кладбищѣ міра. Читая книгу Грегоровіуса, можно наглядно прослѣдить, какъ съ каждымъ поколѣніемъ, алчный Римъ слабѣетъ, вывѣтривается, а христіанскій крѣпнетъ и растетъ. Подъ конецъ не было и борьбы, а неотразимо совершающееся превращеніе. Случайный элементъ, прорвавшійся изъ германскихъ лѣсовъ, доломалъ силой старую весь; было ли это счастье или несчастье, — я не знаю и никогда не говорилъ объ этомъ.... Пути исторіи, пути природы оттого намъ и кажутся такъ неисповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаютъ безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры.

Что было бы съ Римомъ безъ нашествія варваровъ и какъ бы онъ справился съ новыми идеями, или какъ бы ихъ побѣдилъ своей философіей, сказать тоже нелегко. Мы имѣемъ одинъ рѣзкій примѣръ античнаго порядка и христіанскаго вліянія—въ Византіи. Она не жила, а тянулась до своего паденія, она была очень стара, несмотря на то, что дѣти родились не сѣдыя и не плѣшивыя. Турки дали ей честную кончину.

Жизнь западнаго міра гораздо сложнѣе римской, у ней нѣтъ одной головы, которую искалъ Калигула, а потому и судьбы его не такъ просты. Сильно поврежденный бурями, онъ, какъ корабль, накренился на одну сторону, отлилъ часть себя за океанъ, оправился и поплылъ на всѣхъ парусахъ; но вмѣсто гавани, которая постоянно виднѣлась и которая врядъ существуетъ ли, онъ доплылъ до новаго водоворота, — обогнуть его, уплыть отъ

него трудно. Какъ разрѣшитъ онъ вопросъ, стоящій передъ нимъ и требующій неотложнаго отвѣта, и разрѣшитъ ли его? Сказать положительно *да* или *нѣтъ*, такъ или *эдакъ*, можетъ поврежденный или пророкъ. Но дѣлать предположенія мы имѣемъ полное право, не будучи ни безумными, ни преступниками.

Предположенія могутъ быть розны уже потому, что трудно себѣ представить одно рѣшеніе и одинакій результатъ. Неужели общественное пересозданіе пойдетъ одинакимъ образомъ въ странѣ тихаго, настойчиваго, поступательнаго развитія, въ странѣ, гдѣ митингъ покоенъ, свобода книгопечатанія не вводитъ въ грѣхъ, и Бокль такъ флегматически спокойно проповѣдуетъ прогрессъ исподволь, — и въ странѣ вулканическихъ взрывовъ, рабства и своеволья, гдѣ Прудонъ мечется и прыгаетъ на своей цѣпи, какъ пойманный вепрь? Гдѣ начнется разгромъ,—въ потухнувшемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури не слышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?

Да и вообще въ Англіи ли и во Франціи начнется онъ? То, что онѣ царятъ въ настоящемъ, что онѣ мощны—не резонъ? Въ полномъ, могучемъ разгарѣ вѣковаго развитія, въ богатомъ урожаѣ его, трудно пробиться, прорасти чему-нибудь новому, особенно отрицающему существующее. Все занято, все ринуто, увлечено, все дѣйствуетъ въ очерченномъ кругу, все бережетъ свое состояніе и не хочетъ рисковать имъ въ пользу неизвѣстнаго.

Что же нелѣпаго въ предположеніи, что новыя общественныя формы, новыя экономическія основы прозябнутъ и разовьются въ другихъ странахъ, мало имущихъ, съ бродячими и неустроенными силами, съ несложившимися складками, — пока пышный цвѣтъ прежней жизни будетъ доцвѣтать до утраты послѣдняго благоуханія, послѣдняго яркаго лепестка? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, это общій путь жизни съ ея вѣчнымъ нарожденіемъ молодаго, безъ ущерба старому. Чѣмъ дольше общество жило исторической, государственной жизнью, чѣмъ богаче былымъ, тѣмъ прочнѣе, тѣмъ больше сложились формы, въ которыхъ движется его жизнь, тѣмъ онѣ глаже, удобнѣе, тѣмъ больше крѣпость ихъ покоится на внутреннемъ признаніи, на самой народной совѣсти, выработавшей ихъ; онѣ дѣйствительно многому соотвѣтствуютъ и съ тѣмъ вмѣстѣ многому препятствуютъ. Новому порядку вещей приходится вступать въ борьбу со всей совокупностью этихъ признанныхъ и дѣйствующихъ институтовъ. Борьба почти никогда въ исторіи не оканчивается безусловной побѣдой той или другой стороны,—хоть камни и колонны какого-нибудь Юпитерова храма взойдутъ въ постройку новой церкви. Развитіе вообще идетъ разными сочетаніями двухъ взаимнодѣйствующихъ

силъ *традиціи и идеала*. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ богаче преданіе, тѣмъ упорнѣе оно себя отстаиваетъ, тѣмъ больше проникаетъ въ идеалъ, стягивая его въ свою сторону. То, что стоитъ за себя, то имѣетъ *неоспоримое право жить*,—какъ вамъ это ни досадно [1]).

Нѣкогда передъ подобными твердынями разбивалась мысль и разбивался человѣкъ. Кругъ былъ очерченъ — для Катона Утическаго городскимъ валомъ, для Дантона французской границей. Теперь человѣкъ удободвижимѣе, онъ можетъ легко «нести на своихъ подошвахъ отечество» и во многихъ странахъ понялъ это. Не естественно ли ему оглядѣться направо и налѣво, посмотрѣть нѣтъ ли менѣе заваленной почвы, менѣе защищаемыхъ бойницъ. Развѣ многое, чего нельзя было достигнуть въ Англіи, не достигнуто въ Канадѣ, въ Австраліи?

Къ тому же, чего нельзя было взять съ собой — «на подошвахъ», то не лучшее; важнѣйшее достояніе западной жизни—*движимое*, отрѣшенное отъ земли, отъ города, отъ церкви, отъ суда, отъ государства, отъ всего недвижимаго маіората среднихъ вѣковъ и вѣковъ религіозной и политической борьбы, благопріобрѣтенное и принадлежащее всѣмъ имущество, это—*наука*.

Развилась она въ этомъ мірѣ, въ немъ рѣзались ея зубы, въ немъ чахла она отъ золотухи и выздоровѣла, въ немъ поумнѣла и потому сдѣлалась чужая въ семьѣ. Она можетъ сказать своей матери: «Женщина, что тебѣ до меня? я проповѣдую разумъ, я ищу,—ты вѣришь». Что общаго у академіи и церкви, что общаго у астронома, вычисляющаго будущія явленія, и попа, молящагося о дождѣ?

Если западному человѣку, у котораго голова устроена логически и есть достаточно храбрости, чтобъ оторваться отъ привычки, представляется вопросъ о иныхъ невоздѣланныхъ почвахъ и онъ вглядывается въ Австралію, Америку, во всякую дичь, ничего не дающую положительнаго, кромѣ физическихъ условій и отсутствія традиціи,—то, безъ сомнѣнія, русскому, связанному съ Западомъ одной наукой и больше ничѣмъ, еще легче освободиться отъ чужой традиціи и совершенно естественно взглянуть на то, что дѣлается около него, на своей собственной почвѣ.

---

[1]) Въ настоящемъ сопротивленіе консерватизма насъ бѣситъ. Благодушный покой и умѣренность въ борьбѣ невозможны. Оскорбительное сознаніе своего безсилія идетъ рядомъ съ досадой на несостоятельность разума, на простодушное непониманье массъ и на корыстный эгоизмъ понимающихъ. Вотъ отчего иной разъ вырывается горькое слово проклятья міру тупого самодовольства и призывъ на его узкій черепъ грома и молніи. Это дѣло страсти; со стороны его можно не оправдывать, но нельзя не понимать.

О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много разъ. Мысль Запада легко усвоивается нами,—у насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ не обязателенъ, для насъ все это одинъ костюмъ; сверхъ того, на Западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *незападный бытъ* былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Между тѣмъ Западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзался. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что, подъ внѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка *къ землѣ* и *къ ближнему*.

Труды славянофиловъ приготовили матеріалъ для пониманія,—имъ принадлежитъ честь и слава почина.

Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго, въ разъединеніи народа съ государствомъ, въ тѣсныхъ формахъ, сдѣланныхъ не по мѣркѣ, въ которыя попалась русская жизнь, больше, чѣмъ tabula rasa,—задатокъ самобытнаго будущаго развитія.

Что же тутъ удивительнаго, что, видя народъ общинный, артельный, съ *своимъ* понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, живущій въ какомъ-то чужестранномъ государственномъ неустройствѣ, которое ничему не удовлетворяетъ, ни, наконецъ, даже защитѣ границъ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ ближе къ осуществленію экономическаго, т. е., соціальнаго переворота, чѣмъ римско-феодальная, мѣщанскиндустріальная Европа? Сказалъ же Христосъ, что богатому Никодиму труднѣе совлечь съ себя стараго Адама, чѣмъ нищему. То, что на Западѣ можетъ только совершиться рядомъ катастрофъ, потрясеній, то можетъ развиться въ Россіи на основаніи существующаго. Одинъ фактъ *общиннаго владѣнія землей*...

Дошли таки, наконецъ, до вашего больного мѣста, ха! ха! ха!.. Я такъ и слышу это возраженіе.

Что дѣлать! дошелъ! и какъ Эзопъ, разскажу вамъ притчу по этому поводу. Въ концѣ 1848 года Пьеръ Леру особенно усердно старался передать французамъ свою Тріаду и свой Circulus; когда онъ произносилъ одно изъ этихъ словъ, а онъ непремѣнно произносилъ ихъ нѣсколько разъ въ каждой рѣчи, въ народномъ собраніи поднимался гвалтъ смѣха; въ журналахъ его дразнили ежедневно, какъ мономана, Шариварп пускалъ карикатуру за карикатурой насчетъ знаменитаго Circulus'a и пресловутой Triad'ы. Около этого времени, я случайно шелъ мимо

«клуба революціи», осиротѣвшаго послѣ взятія Барбеса, Бланки и пр. Я взошелъ въ залу. Вслѣдъ за какимъ-то дюжиннымъ болтуномъ, явился на трибунѣ, въ широкомъ, нечистомъ пальто, съ нечесаннымъ шалашомъ волосъ Пьеръ Леру. Его доброе лицо вообще не безъ лукавства; онъ, переступая съ ноги на ногу и насмѣшливо посматривая, началъ такъ: «Граждане! Я очень хорошо знаю, какъ надо мной издѣваются за повтореніе одного великаго закона; но что же мнѣ дѣлать, вотъ, напримѣръ, нынѣче мнѣ необходимо вамъ сказать о Тріадѣ...» Публика разразилась хохотомъ. Пьеръ Леру переждалъ,—ну, молъ, теперь слово сказано, — уймутся и будутъ слушать. Такъ и было.

И я бы, какъ Пьеръ Леру, пріостановился и переждалъ хохотъ. Но у моихъ ученыхъ обвинителей и желчевыхъ критиковъ смѣху нѣтъ.

Тѣмъ не меньше я смѣло повторяю, что одинъ фактъ общиннаго владѣнія землею и передѣлежа полей, самъ по себѣ, оправдываетъ предположеніе, что наша невоздѣланная почва, нашъ черноземъ способнѣе для посѣва зерна, собраннаго съ западныхъ полей. Способнѣе по стихіямъ, изъ которыхъ она состоитъ, способнѣе потому, что на ней меньше мусора и всякаго рода развалинъ, чѣмъ на западныхъ поляхъ.

— Стало-быть, Россія все-таки отъ Запада возьметъ это оплодотворяющее зерно? [1]).

— Стало-быть.

— Ну, гдѣ же тутъ новый элементъ, который она вноситъ въ жизнь устарѣлаго Запада, долженствующій пересоздать его?

— На это пусть отвѣчаютъ тѣ, которые это говорятъ. Я этого никогда не говорилъ [2]).

(1861 г., № 107).

---

[1]) «Одна могучая мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ нашемъ патріархальномъ быту. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой,—все это краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни, все же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ». («Полярная Звѣзда» на 1856 г., стр. 168 и 169).

[2]) Во французскихъ статьяхъ я много разъ употреблялъ слово, еще болѣе выражающее мою мысль,—l'aptitude. Aptitude не значитъ, что что-нибудь сдѣлано, что кладъ найденъ, оно даже не обусловливаетъ развитіе, а показываетъ большую способность къ нему.

Mortuos plango.

Поминать, такъ поминать!
Пушкинъ.

I.

Новый годъ, какъ верстовой столбъ, всякій разъ заставляетъ подумать, скоро ли доѣдешь, и вспомнить, какова была дорога... Плоха и очень плоха была, а вотъ и доѣхали до 1862 года, и на русской душѣ нашей словно легче и свѣтлѣе...

Когда я сравню теперешнее время съ тѣмъ, что было десять лѣтъ тому назадъ, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, — нѣтъ, не все, что прошло, будетъ мило... Тогда было такъ тяжело, такъ тяжело, что одно желаніе и оставалось: «Бѣжать, уйти куда-нибудь, уничтожиться безслѣдно, безсознательно, лишь бы отдохнуть, лишь бы не видать, что дѣлается вокругъ»; [1]) такъ тяжело, что, когда разразился *послѣдній ударъ*, невольно вырвался изъ груди радостный крикъ: vive la mort!

Съ этимъ крикомъ вступили мы въ новый 1852 годъ.

Слишкомъ много было страданій, стоновъ вокругъ, какая-то духота. Похороны все лучше.

Что было потомъ,—трудно сказать. Какая-то нравственная холера, нервы опустились, мысли потускли, тамъ-сямъ спасались люди, кто въ Англію, кто въ Америку; впрочемъ, свирѣпыхъ гоненій, ужасныхъ казней и отвагъ, этой послѣдней поэзіи мрачныхъ эпохъ, не было. Люди изнашивались, затомлялись какъ-то исподволь пошлыми непріятностями, мелкими лишеніями, они старѣли, не вынося съ собой — выкупомъ за страданія,— тѣхъ страшныхъ образовъ бурь и урагановъ, которыми тѣшится морякъ, сидя на берегу. Объ этомъ времени *нѣтъ воспоминаній.*

...Хоронили Веллингтона.

...Прусскій король сошелъ съ ума...

...А возлѣ хоронили цѣлый міръ идей и стремленій, не замѣчая того, и цѣлый міръ, если не сходилъ съ ума, то суживался въ умѣ. Легкомысленное непониманіе того, что совершалось, надменное самодовольство передовыхъ людей, передовыхъ журналовъ, общественнаго мнѣнія наводило тоску и ужасъ. На откровенныя слова, указывавшія грядущія бѣды, отвѣчали свистомъ и насмѣшками. У насъ въ Россіи разные доктринеры тоже натягивали на себя западную тупость; это явленіе, вызванное негодо-

[1]) «Письма изъ Франціи», пис. XIV, 31 дек. 1851 и «Съ того берега», Эпилогъ, 1849 года.

ваніемъ, оппозиціей, у насъ не имѣло корней; но видѣть на мѣстѣ, дома, обтерханныхъ людей, которые съ надменностью Донъ-Сезаръ де Базан'а величественно завертываются въ грязный, продырявленный плащъ, съ полной увѣренностью, что ихъ дѣла завтра пойдутъ блестящимъ образомъ, и знать, что они завтра пойдутъ еще хуже и все хуже,—это ужасно!

Годы шли и шли... все больше дрогъ, распущенныхъ шляпъ, факеловъ... Мало-по-малу мы стали догадываться, что это все хоронятъ *чужихъ* или дальнихъ родственниковъ, отъ которыхъ мы получаемъ въ наслѣдство все, за исключеніемъ горести объ умершемъ, *мы* — осмѣлившіеся надѣяться, когда ночь кругомъ становилась темнѣе, мы — вѣровавшіе въ Россію тогда, когда вѣра въ нее была безуміемъ.

II.

А не пощадила Донъ-Сезаръ де Базан'а судьба, не обошла его ни одной каплей горечи, ни однимъ униженіемъ, ни однимъ ударомъ.

Была у гордаго старика одна мечта, одна надежда... казалось въ самомъ дѣлѣ сбыточная. Онъ утѣшался, какъ король Лиръ, мыслью, что у него вдали есть дочь—богатая и вольная, которой онъ при жизни завѣщалъ свое лучшее достояніе; она-то, думалъ онъ, исполнитъ его послѣднюю волю. И въ тѣ минуты, когда старику дома становилось тяжко, онъ мечталъ объ ней и собирался къ ней перебраться.

Мы сами были увлечены и вѣрили въ нее.

Но не Корделіей оказалась и эта дочь.

...Разверните лѣтописи міра, отъ потопа, отъ Мельхиседека до вчерашняго дня, и найдите на Югѣ, на Востокѣ, гдѣ хотите, знамя гнуснѣе того, на которомъ написано: *Рабство или Смерть!* Было ли что-нибудь чудовищнѣе въ библейскихъ бойняхъ, въ уничтоженіи альбигойцевъ, во времена инквизиціи, исламизма... Что передъ этимъ сумасшедшій бредъ *умнаго* прусскаго короля въ Кенигсбергѣ, отбросившаго Германію за вестфальскій миръ?

Война за рабство! «За наше *святое дѣло!*» Какъ выразился южный президентъ въ рѣчи своей.

До Сѣверо и Юго-Американскихъ Штатовъ было рабство и крѣпостное состояніе, неправая война и неправое стяжаніе, но этотъ цинизмъ, эта наглость, эта преступная простота, это безстыдное обнаженіе—это ново и принадлежитъ Америкѣ.

Та ли эта Америка? Та ли Франція? Какъ онѣ могли такъ измѣниться?

Онѣ не измѣнились, только мы ихъ не знали прежде. Мы смотрѣли картинки, читали вывѣски... Революція проѣхала какъ

императрица, картонныя избы упали, декораціи сельскаго благосостоянія сняты, новые кафтаны обобраны. Что же осталось?— Истина.

Страна Уильберфорса снащаетъ корабли, нехотя становясь за рабство; рѣками, можетъ, польется кровь въ Атлантическій океанъ, корабли погрузнутъ на его дно, «святая основа» южныхъ республикъ будетъ принята всей Европой.

А въ это время развѣ *онъ* будетъ сидѣть сложа руки?

...Римъ, Рейнъ, Бельгія, Востокъ—Ave Cæsar!

Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ это пятое дѣйствіе—трагедіи, начавшейся въ 1789?

Если же такъ, куда послѣ театра?

Не знаемъ, куда актеры, а мы ко дворамъ.

III.

У насъ въ стары годы все перекладывали французскіе водевили на русскіе нравы. Какъ бы не случилось теперь того же съ европейской трагедіей.

Она выйдетъ у насъ грубѣе, но гораздо проще. У насъ *старое* то *ново* и не пустило корнѣй; у насъ морщины на кожѣ, но кровь молода.

Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ прочно основана на всемъ быломъ ея. Ея многосложный бытъ сложился самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей естествененъ, у ней есть другіе *идеалы*, но другого *быта* нѣтъ. Къ тому-жъ, въ обветшалыхъ и узкихъ формахъ ея захвачено бездна изящнаго и хорошаго. Оно-то и утратилось при *переложеніи на наши нравы*, удивляться этому нельзя.

Европейскій бытъ и цивилизація были надѣты на насъ въ томъ родѣ, какъ въ Лондонѣ мальчишки зашиваютъ для продажи плебейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократической собаченки; щенокъ, вымытый и расчесанный, бѣгаетъ въ своемъ *болонскомъ* кафтанѣ по гостинымъ, спитъ на диванахъ,— но увы, онъ растетъ, и чужая шубенка лопается по швамъ.

Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западную фасаду и формы безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется — разбить ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

То, что въ Европѣ есть общечеловѣческаго — т. е., наука, и больше ничего,—само собой принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту, или мы разовьемъ какіе-нибудь иные историческіе элементы?

Конечно, было бы лучше воспользоваться тѣмъ и другимъ. Человѣкъ скупъ, стяжателенъ, ему жаль терять, онъ завистливъ, ему хотѣлось бы всего—всего. Но силъ нѣтъ на обладаніе, нельзя же въ самомъ дѣлѣ быть разомъ средневѣковымъ монахомъ и Алкивіадомъ, кастильянскимъ грандомъ въ шляпѣ и якобинцемъ въ красной шапкѣ; такъ, какъ нельзя, переѣзжая изъ города въ деревню, захватить съ собой всѣ городскія удобства, — довольно того, что въ городѣ вмѣстѣ съ ними останется и зараженный воздухъ, и пыль, и противная толкотня.

Не все юное и свѣтлое изъ жизни Эллады перешло въ Римъ, не все изящное античнаго міра осталось въ христіанствѣ и не все граціозное аристократической Европы сохранилось въ мѣщанской. И въ этомъ лежитъ великая печать личной самобытности каждой эпохи и ея художественная замкнутость.

Природа постоянно идетъ этими путями,—развиваясь въ разныя стороны лучами, діагоналями, кривыми. Молча благоухаетъ роза, славно поетъ соловей, но совсѣмъ не пахнетъ. Не смѣйтесь надъ этимъ примѣромъ. Дѣло въ томъ, что все, *удавшееся* въ природѣ, сохраняетъ свои особенности съ упорнымъ консерватизмомъ побѣдителя, поддерживая свои династическіе интересы и предоставляя новымъ parvenus доискиваться иныхъ завоеваній и формъ. На этомъ-то и основано страшное множество видовъ и родовъ. Въ природѣ нѣтъ табели о рангахъ, ни перевода изъ класса въ классъ, иначе давнымъ давно всѣ животныя дослужились бы до человѣческихъ чиновъ, и на островѣ Цейлонѣ или на берегахъ Евфрата цвѣла бы демократическая и соціальная Атлантида.

Иными словами — переходъ отъ менѣе совершенныхъ видовъ къ болѣе совершеннымъ вообще не дѣлается развитіемъ *наименѣе несовершеннаго* вида въ болѣе развитой. *Онъ и такъ хорошъ*, и такъ дорого стоилъ, пусть же онъ и остается самъ по себѣ, въ то время, какъ ряды другихъ попытокъ направо, налѣво, со всѣхъ сторонъ тянутся, гибнутъ, отстаютъ, *обходятъ*, *забѣгаютъ* существующій видъ.

Каждый видъ представляетъ поступательное развитіе, съ одной стороны, и, съ другой, предѣлъ, т. е., препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ *стремленіемъ ихъ перейти*. Это безсиліе нисколько не мѣшаетъ другому виду, можетъ, бѣднѣе организованному въ чемъ-нибудь иномъ, перешагнуть именно *это* препятствіе.

Мы понимаемъ, но гдѣ же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія, за которыя оно запнулось?

Во первыхъ, въ сознаніи необходимости коренного переворота, въ сознаніи нелѣпости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной.

Во вторыхъ, *въ немогутъ не только совершить этотъ соціальный переворотъ, но даже формулировать его.*

Вотъ на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи, вотъ порогъ, за который запнулся смѣлый бѣгъ Запада и, смутившись, бросился въ цезаризмъ, націонализмъ и въ тупой смѣхъ надъ соціальными вопросами, напоминающій намъ тупой смѣхъ римскихъ патриціевъ и доктринеровъ надъ назареями. Плакать надобно, а не смѣяться. Мы ждали четырнадцать лѣтъ. Слово, если и было сковано, мысль не была скована, да и есть слова и мысли, которыхъ не скуешь. Гдѣ это слово? Гдѣ эта мысль? Что прибавилось къ торжественному протесту противъ общественной лжи и неправды, сдѣланному сенъ-симонистами и ихъ товарищами, что къ грозному обличенію, раздавшемуся середь кровавой бури іюньскихъ дней?

Соціализмъ стоитъ тѣмъ же гнѣвнымъ Даніиломъ, указывая страшныя, огненныя буквы, которыхъ полнаго смысла мы не знаемъ, которыя пророчатъ бѣду и молчатъ объ искупленіи...

Вотъ предѣлъ...

IV.

Но предѣлъ ли это для насъ, пріемышей, пасынковъ западной цивилизаціи?

Прошедшее Запада обязываетъ *его,—не насъ.* Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, съ тѣнями дорогими ему, не намъ. Свѣтлыя, человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись съ старыми доспѣхами, рясами и жильями, расчитанными совсѣмъ для другого быта,— рознять ихъ опасно, тѣ же артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ, въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ, уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, но камни эти памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты.

У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ известь не обсохла, наши развалины—состарѣлись не отъ лѣтъ, а отъ того, что фундамента нѣтъ. *Мы* еще не обстраивались, и это превосходно. Военныя поселенія ужасно легко переходятъ опять въ деревню.

Въ самомъ дѣлѣ, какой камень, какую улицу намъ жалѣть? Царицынъ лугъ—гдѣ полтораста лѣтъ ежедневно били палками солдатъ, или Старую Руссу — гдѣ ихъ засѣкали десятками? Не съѣзжіе ли господскіе домы—эти омуты, эти паутины, въ которыхъ выбились изъ силъ, зачахли цѣлыя поколѣнія, гдѣ засѣ-

кали старцевъ и насиловали дѣтей годъ тому назадъ, а можетъ и ближе?

Нѣтъ, уже объ *нашу-то* Европу мы не запнемся; мы слишкомъ дорого заплатили за науку, чтобъ такъ малымъ довольствоваться.

Полтораста лѣтъ безчеловѣчнѣйшихъ истязаній, униженій, неслыханныхъ въ лѣтописяхъ міра, полтораста лѣтъ пытки, застѣнка, — и все это только для того, чтобъ стать на краю пропасти, на которой стоятъ всѣ западныя государства и дѣлить ихъ судьбу, не имѣя взамѣнъ ни логическаго оправданія въ прошедшемъ, ни удобствъ настоящаго... Нѣтъ, или сѣченіе не стоило шпицрутеновъ!

— И будто вамъ не жаль?

— Жаль? Кому и что?

Насъ двое, розно взрощенныхъ. По воспитанію можно судить о степени нашей чувствительности.

Мы, напримѣръ, внуки людей, издѣвавшихся надъ своими отцами, когда ихъ насильно брили, людей, собственными руками пытавшихъ по застѣнкамъ, казнившихъ стрѣльцовъ, людей, представлявшихъ разомъ гаеровъ, холоповъ, вельможъ и доносчиковъ, — мы выросли возлѣ конюшень, гдѣ наши отцы и дѣды сѣкли дворовыхъ, и возлѣ дѣвичьихъ, гдѣ они *отдыхали* отъ трудовъ. Они тоже въ свое время были палачами солдатъ, грабили цѣлыя губерніи и безропотно ссылали на каторгу своихъ дѣтей и чужихъ. У дѣтей, у которыхъ съ первымъ пробужденіемъ человѣческаго, святого чувства любви къ ближнему и слабому, сочеталась ненависть къ отцу, матери и ко всей семьѣ, не ищите сожалѣнія въ *эту сторону*, они слишкомъ желѣли *въ другую*.

... А *другой*—тотъ, котораго дѣда и отца сѣкли, которому брили лобъ, котораго брали во дворъ, котораго жена, сестра, дочь были обезчещены,—какъ вы думаете—пожалѣетъ?

... Оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ... Ихъ не воскресите... ихъ можно только *оплакивать;* звать надобно живыхъ, мы и зовемъ... Откликайтесь же—есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?

Vivos voco!

(1862 г., № 118).

М. А. Бакунинъ.

Бакунинъ въ Лондонѣ!.. Бакунинъ, погребенный въ казематахъ, потерянный въ восточной Сибири,—является бодрый и свѣжій среди насъ—Redivivus et Ultor, сказали бы мы въ подражаніе Емельяну Пугачеву... Но ни Бакунину, ни намъ не до мести, слишкомъ много дѣла. Бакунинъ приходитъ къ намъ съ удвоенной любовью къ народу русскому, съ несокрушимой энергіей надеждъ и силъ, закаленныхъ здоровымъ, свѣжимъ, молодымъ воздухомъ Сибири.

Видно скоро весна, коли старые знакомые прилетаютъ изъ-за Тихаго океана!

Съ Бакунинымъ невольно оживаютъ стаи тѣней и образовъ *бурнаго года*... И мы съ вновь разбуженнымъ ожиданіемъ смотримъ на соплеменный намъ Востокъ Европы, и снова будто слышится, какъ разсѣдаетъ и трещитъ штучная вѣнская имперія, какъ двигается и закипаетъ славянскій міръ.

Мечты 1848 года! Да, мечты... но «еще одно сказанье»... и мечты 1848 года, обогнувъ трехъ гордыхъ стариковъ цивилизаціи, осуществятся отъ Мессинскаго пролива до Дуная и Вислы—до Волги и Урала... 1848 годъ не умеръ, онъ переѣхалъ на другую квартиру.

Дѣятельность Бакунина до Кенигштейнской цитадели была сначала отвлеченно-философская, потомъ вообще соціально-революціонная, теперь она будетъ, надѣемся мы, исключительно славяно-русская. Объ этомъ мы поговоримъ въ другое время, теперь напомнимъ самымъ сжатымъ образомъ прохожденіе его службы, его *формулярный списокъ*.

Бакунинъ оставилъ Россію въ 1841 году; въ 1845 онъ попалъ въ швейцарскій процессъ соціалистовъ; Блунчли указалъ на него русскому правительству. Ему велѣли немедленно возвратиться,—онъ не поѣхалъ. Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Тамъ въ 1847 году, 29 ноября, Бакунинъ произнесъ свою извѣстную рѣчь на польской трибунѣ въ день годовщины варшавскаго возстанія. Вліяніе его рѣчи было огромно. Гизо его выслалъ изъ Парижа, но едва Бакунинъ осмотрѣлся въ Брюсселѣ, Парижъ въ свое очередь выслалъ Гизо и Людовика Филиппа изъ Франціи. Бакунинъ возвратился въ Парижъ и бросился съ увлеченіемъ въ раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартино-Марастовское правительство косо смотрѣло на людей, принявшихъ республику за слишкомъ серьезную правду,

и охотно сплавляло ихъ направо и налѣво, лишь бы вонъ изъ Франціи. Оно обрадовалось, что Бакунинъ уѣхалъ. Въ затишьи славянскаго міра закипала тогда новая жизнь, въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ. На немъ и еще болѣе на прагскомъ конгрессѣ Бакунинъ уже является сильнымъ дѣятелемъ; тамъ написалъ онъ свою соціально-славянскую программу, которую до сихъ поръ чехи не забыли, и дѣйствовалъ за одно съ славянами [1]) до тѣхъ поръ, пока Виндишгрецъ не разогналъ конгресса австрійскими пушками. Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ въ противность Палацкому соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ графъ Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которую никогда не отрицали его враги; послѣ взятія Дрездена пруссаками, Бакунинъ отступилъ. Въ Хемницѣ онъ былъ предательски схваченъ съ двумя изъ своихъ товарищей и отправленъ въ Кенигштейнъ. Отсюда начинается его длинный мортирологъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что Бакунинъ такъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Кур-Эстъ и Лифляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ Австрія.

Въ то самое время, какъ саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобъ подписать смертный приговоръ Бакунину, Гейбнеру и Реккелю, нѣмецкіе публицисты писали въ журналахъ, что Бакунинъ русскій агентъ, т. е., агентъ русскаго правительства. Король пріостановился и измѣнилъ плаху на вѣчную тюрьму; Umwalzungsmänner'ы не остановились и года черезъ два - три повторяли свои обвиненія.

Въ маѣ 1850 Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго *на вѣчную тюрьму* узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать, его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спра-

[1]) На конгрессѣ въ Прагѣ Бакунинъ не былъ одинъ русскій, съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ немъ одинъ единовѣрческій инокъ.

шивая. Въ мартѣ 1851, испугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевели въ Ольмюцъ, тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, *прикованный къ стѣнѣ*. Затѣмъ австрійское правительство выдало его русскому. Носился слухъ, что Бакунина, привезеннаго скованнымъ по рукамъ и ногамъ на русскую границу, расковали. Такихъ нѣжностей не дѣлали. Австрійскія цѣпи были сняты съ него, какъ имперская собственность, и замѣнены отечественными, вдвое тяжелѣйшими желѣзами.

Три томныхъ года просидѣлъ Бакунинъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и вышелъ изъ него въ 1854 году для того, чтобъ ѣхать въ Шлиссельбургъ.

Воцарился Александръ II, разныя амнистіи были обнародованы. О Бакунинѣ ни слова. Въ 1857 году Бакунинъ былъ отправленъ на житье въ восточную Сибирь.

Въ 1860 былъ сдѣланъ еще разъ опытъ выпросить Бакунину разрѣшеніе переѣхать въ Россію; государь снова отказалъ, прибавивъ, указывая на его письмо, *писанное* къ Николаю *въ 1851*: «я не вижу въ немъ раскаянія!». Но не разрѣшая ему возвратиться, государь даровалъ ему право *вступить въ службу канцелярскимъ чиновникомъ 4-го разряда*. Это какая-то особенная категорія писцовъ, выдуманная для нѣжинскихъ грековъ и цыганъ. Бакунинъ не нашелъ себя способнымъ воспользоваться этой милостью.

Ему, послѣ восьмилѣтнихъ казематъ и четырехлѣтней ссылки, предстояла послѣ отказа мрачная анфилада лѣтъ въ Сибири.

Трепетъ новой жизни пробѣгалъ по Россіи; разбитая Австрія отступила, итальянское знамя развѣвалось въ Миланѣ. Бакунинъ разсказывалъ намъ жадность, съ которой онъ въ Иркутскѣ слѣдилъ за Гарибальди, за полуостровомъ, выступавшимъ ярче и ярче на свѣтъ свободы. Обречь себя на эту роль страдательнаго зрителя въ дальней ссылкѣ, въ 47 лѣтъ отроду и чувствуя полный пульсъ, было тяжко. Довольно заплатилъ онъ за молодыя увлеченья, за вѣру въ возможность союза съ нѣмецкими демократами... Онъ рѣшился тайно оставить Сибирь.

Подъ предлогомъ торговаго дѣла, онъ пробрался на Амуръ, сѣлъ на американскій клиперъ и приплылъ въ Іокогаму въ Японіи. Чуть ли онъ не первый соціалистъ, первый политическій изгнанникъ, искавшій убѣжища у японцевъ.

Изъ Японіи онъ приплылъ въ С.-Франциско и перебрался черезъ панамскій перешеекъ въ Сѣверные Штаты. Изъ Нью-Іорка онъ 26 декабря приплылъ въ Ливерпуль и 27 былъ встрѣченъ нами въ Лондонѣ.

Но чтобъ ничего не недоставало, человѣкъ этотъ, выходя послѣ 14 лѣтъ страданій, со знаками отъ цѣпей, которые не прошли

еще, утомленный путемъ кругъ свѣта, не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной нѣмецкой газеты, напоминавшей, что онъ ein verdächtiger Character.

А впрочемъ, пожалуй, нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы агенты *русскаго народа*, мы работаемъ для него, ему принадлежатъ наши силы, наша вѣра, и никакому народу развѣ его.

(1862, № 119 и 120).

Мясо освобожденія.

Отъ русскихъ доктринеровъ и прогрессивныхъ консерваторовъ, отъ очень молодыхъ людей, ищущихъ для скорости авторитетовъ, и отъ очень лѣнивыхъ людей, любящихъ готовый хлѣбъ, слыхали мы много разъ упрекъ, зачѣмъ, вмѣсто разбора существующаго, у насъ нѣтъ программы будущаго, зачѣмъ мы порицаемъ то, что есть, а не поучаемъ тому, что должно быть. Словомъ, зачѣмъ мы рушимъ, не созидая... Косвенно мы отвѣчали нѣсколько разъ на эти нападки и вовсе не готовились говорить объ нихъ теперь. Но упреки переѣхали за границу. Аугсбургская, подслѣпая, сѣдая старушенка, съ качающейся головой и вѣнскимъ бѣльмомъ на глазу, начала ворчать о томъ же; за ней близорукій листъ, скроенный нѣмецкими работниками по французскимъ выкройкамъ, зеленѣющій близъ лабораторіи, въ которой Iohann Maria Farina троитъ для вселенной свою воду, сталъ намъ читать выговоры; а тутъ, черезъ *естественную границу* Франціи, вѣсти дошли до Парижа, и тамъ подхватили кёльнскую воду съ аугсбургскимъ букетомъ и давай насъ кропить да поливать, поливать да присказывать, что «мы, нравственно ломая старыя учрежденія и нападая на нихъ, не предлагаемъ никакихъ новыхъ порядковъ, которымъ бы народъ повиновался и уважалъ бы и пр.» [1]).

Особеннаго вниманія мы и на это не обратили бы не потому, чтобъ мы не дорожили мнѣніемъ на Западѣ, но потому, что мы убѣдились, что журналисты не знаютъ ничего о Россіи и не хотятъ серьезно знать [2]); къ тому-жъ у насъ есть интересы гораздо ближе, роднѣе намъ, чѣмъ желаніе оправдываться передъ ними.

---

[1]) Siecle, 8 Janv., 1862.

[2]) Мы говоримъ всего больше о журналахъ псевдо-республиканской декламаціи, правительственныхъ демократій, нѣмецкой руссобоязни... Въ серьезныхъ періодическихъ изданіяхъ бываютъ замѣчательныя статьи о Россіи. Не далѣе какъ во 2-й январьской книжкѣ Revue des deux Mondes

Когда еще намъ были новы
Парижъ и Кёльнъ и шумъ дубровы,

въ которой общественное мнѣніе шелеститъ печатными листами,— отвѣчали и мы, воображая, что наше призваніе поучать Россію.

Helas, ce temps n'est plus,
Il reviendra, peut être,
En attendent...

мы будемъ говорить съ своими, и для нихъ теперь начинаемъ рѣчь. Путешествующій упрекъ скоро воротится изъ Парижа домой, удесятеренной силой верженія. Мы видали, какъ гордо возвращается домой изъ Англіи отправляемая туда изъ Архангельска русская щетина, — и продается уже вчетверо дороже. Въ отклоненіе такого усиленнаго рикошетнаго удара, мы рѣшились сказать нѣсколько словъ.

Упрекъ этотъ, во-первыхъ, несправедливъ: передъ вами два тома «*За Пять Лѣтъ*», передъ вами «*Колоколъ*» за прошлый годъ; въ нихъ нѣтъ законодательныхъ диссертацій, нѣтъ доктринерской схоластики; но вы найдете въ нихъ наше мнѣніе о томъ, что нужно народу, войску, помѣщикамъ и пр.

— Да нѣтъ, это все не то. Отчего вы *просто* не предлагаете проектъ цѣлаго уложенія, ну, по крайней мѣрѣ, Code penal, уголовный сводъ.

— Душей бы рады, да не знаемъ ни того, ни другого.

— Ну, а не знаете, такъ и не критикуйте существующаго; нельзя же шестидесяти милліонамъ жить безъ учрежденій, безъ суда, въ ожиданіи будущихъ благъ.

— И то... вотъ поляки въ XVIII столѣтіи дѣйствительно хорошо догадались: дома неурядица, согласиться не могутъ, они взяли да и пошли къ Жанъ Жаку Руссо,—потрудитесь, молъ, написать намъ конституцію. Ну, Жанъ Жакъ и написалъ.

— И что же?

— То же, что поляки *прочитали*, т. е., не всѣ поляки, а тѣ, которые знали по-французски.

...Нѣтъ, господа, полно намъ изъ себя представлять громовержцевъ и Моисеевъ, возвѣщающихъ молніей волю Божью, полно представлять пастырей мудрыхъ стадъ людскихъ! Метода *просвѣщеній* и *освобожденій*, придуманныхъ за спиною народа и втѣсняющихъ ему *его неотъемлемыя* права и *его* благосостояніе то-

---

помѣщена очень интересная статья Charles de Mazade: La Russie sous le regne d'Alexandre II. Мы поговоримъ объ ней въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ.

поромъ и кнутомъ, исчерпана Петромъ I и французскимъ терроромъ.

Манна не падаетъ съ неба,—она вырастаетъ изъ почвы, вызывайте ее, умѣйте слушать, какъ растетъ трава и не учите ее *колосу*, а помогите ему развиться, отстраните препятствія, вотъ все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, и это заглаза довольно. Скромнѣе надо быть, полно воспитывать цѣлые народы, полно кичиться *просвѣщеннымъ* умомъ и абстрактнымъ пониманіемъ. Много сдѣлала Франція своими указами равенства и свободы, много Германія апріоричнымъ построеніемъ государства и доктринерской догматикой права?

Намъ досталось печальное богатство, но богатство; горькимъ, чужимъ опытомъ—мы богаты, тяжело нажитой мудростью старшихъ, ихъ бѣдами—мы богаты. Это юбилейная выгода бѣдныхъ народовъ, вступающихъ послѣ жнитва на историческую ниву. Въ этомъ вся сущность преемственно-кругового поученія народовъ, называемаго совершенствованіемъ. Не спасетъ никакой опытъ и никакая мудрость вступающіе въ полную жизнь народы отъ увлеченій, отъ отклоненій, отъ всякихъ глупостей,—но пусть же глупости эти будутъ *не тѣ же самыя;* если намъ суждено разбиться объ утесъ, такъ не о тотъ же, о который разбился цѣлый рядъ шкунъ, барокъ, линейныхъ кораблей.

Общественный договоръ, объявленіе человѣческихъ правъ, уложеніе III года, VII года, опыты всеобщаго гражданскаго устройства и проч. имѣютъ совсѣмъ иное историческое значеніе, чѣмъ отвлеченная схоластика нѣмцевъ. Но вовсе не въ практическомъ примѣненіи. Сознаніе людское отрѣшалось ими отъ религіозно-обязательной, несвободной традиціи, отъ рокового, безапелляціоннаго государственнаго быта. Значеніе Contrat social только и было важно, какъ великій фактъ освобожденія мысли, совѣсти въ сознаніи человѣческомъ, какъ утренняя заря, освѣтившая вершины... Человѣку, видящему свѣтъ, страшно тяжело оставить другихъ во тьмѣ. Проповѣдь тиха, изученіе медленно, а власть быстра, и передовые люди, съ полной любовью и вѣрой, *приказали* другимъ видѣть въ темнотѣ, утѣшаясь, какъ наши предки, тѣмъ, что «поживутъ вмѣстѣ — слюбятся». Великая основная мысль революціи, несмотря ни на философскія опредѣленія, ни на римско-спартанскіе орнаменты своихъ декретовъ, быстро перегнула въ полицію, инквизицію, терроръ; желая *возстановить* свободу народа и признать его совершеннолѣтіе, для скорости обращались съ нимъ какъ съ матеріаломъ благосостоянія, какъ съ *мясомъ освобожденія*, chair au bonheur public, въ родѣ наполеоновскаго пушечнаго мяса.

А тутъ, по несчастію, оказалось, что у народа именно мяса-то на костяхъ мало, да, до того мало, что онъ на всѣ реформы, революціи, объявленія правъ отвѣчалъ:

Голодно, странничекъ, голодно!
Холодно, родименькій, холодно!

А, вѣдь, законодатели не только ломали, но и строили, не только обличали, но и поучали, да мало, что поучали, заставляли учиться, и что, можетъ, всего печальнѣе въ бо́льшихъ случаяхъ, они были правы...

За собственнымъ шумомъ и собственными рѣчами, добрые квартальные правъ человѣческихъ и Петры I свободы, равенства и братства долго не слыхали, что говоритъ *государь-народъ*; потомъ разсердились за навуходоносоровскій матеріализмъ его... Однако и тутъ не спросили его, въ чемъ дѣло.

Они были убѣждены, что лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него, что лучше строить, чѣмъ ломать, что лучше писать у себя въ кабинетѣ счетъ безъ хозяина, чѣмъ его спрашивать у него... Не только Сіесъ и Сперанскій писали всякаго рода блѣдныя конституціи, но нѣмцы-то, нѣмцы что ихъ написали и что̀ возвели въ науку!? А пропасть между ними и народомъ не только не уменьшалась, но увеличивалась, и это вслѣдствіе трагической, неотвратимой необходимости. Всякой успѣхъ, всякой шагъ впередъ увлекаетъ свѣтлый берегъ, онъ двигается быстрѣе, быстрѣе и становится дальше и дальше отъ темнаго берега и темнаго люда. Чѣмъ тутъ наполнишь пропасть, какимъ доктринерскимъ схоластицизмомъ тутъ поможешь, какая догматическая регламентація, какое академическое упражненіе хватитъ черезъ нее? Сдѣланъ былъ опытъ, не удался и опять-таки потому, что соціалисты учили прежде, чѣмъ знали, устраивали фаланстеры, не отыскавъ нигдѣ такой породы людей, которая хотѣла бы жить въ рабочихъ домахъ.

И вотъ изъ этой-то пропасти выходятъ, выплываютъ гильотины, красныя шапки на пикахъ, Наполеоны, арміи, арміи, легитимисты, орлеанисты, другая республика и, наконецъ, *Іюньскіе дни*, дни, ничего не создавшіе, ничего не уложившіе, дни, въ которые самые лучшіе и самые несчастные изъ народа, гонимые нуждой и отчаяніемъ, вышли безумно, безъ плана, безъ цѣли, отъ отчаянія и сказали своимъ опекунамъ-законодателямъ и воспитателямъ: *Мы васъ не знаемъ!* Мы были голодны, — вы намъ дали парламентскую болтовню; мы были наги,—вы насъ послали на границу убивать другихъ голодныхъ и нагихъ; мы просили совѣта, мы просили научить насъ, какъ выйти изъ нашего положенія,—вы научили насъ риторикѣ; мы возвращаемся въ тьму

сырыхъ подвалось нашихъ, часть насъ ляжетъ въ неравномъ бою,—но прежде мы *вамъ*, книжники революціи, скажемъ громко и ясно:

Народъ не съ вами!

(1862 г., № 121).

Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма.

Studiate la matematica, et lasciate le donne!
Совѣтъ, данный Ж. Ж. Руссо
маленькою итальянкой.

Вы, господа, не призваны къ *живой жизни*, вамъ не понятенъ ея странный, нестройный голосъ; вы слишкомъ хорошо знаете генералъ-басъ, чтобы вынести ея диссонансы, и умно дѣлаете, что не бросаетесь въ море, закипающее около васъ; но зачѣмъ же вы другихъ смущаете? Книжники почти всегда, вездѣ держатся въ сторонѣ отъ треволненій житейскихъ; не они дѣлаютъ исторію, они ее только пишутъ и являются послѣ битвы съ своимъ фонаремъ осмотрѣть раны падшихъ, сдѣлать опись покинутаго имущества и мудро разсудить, — отчего побитые побиты, а побѣдители взяли верхъ, будущимъ поколѣніямъ въ наученіе, современнымъ въ назиданіе. Исторія, это—Мольеровъ мѣщанинъ, говорящій живо, краснорѣчиво иногда, но не знающій, что онъ говоритъ прозой; ученые историки не говорятъ въ этомъ шумѣ и гамѣ, похожемъ на извѣстную рыночную сцену въ «Севильскомъ Цирульникѣ», но знаютъ, что Журденъ говорилъ прозой. Все это въ порядкѣ вещей, но надобно честь знать. Нельзя же позволить книжникамъ, какими бы сановниками они ни были, сбивать съ толку своей школьной контраверзой общественное мнѣніе; нельзя имъ позволить праздно таскаться по лагерю валленштейновымъ капуциномъ, нагоняя схоластической дичью тоску и недовѣріе на ратниковъ. Подъ руку человѣку, сосредоточенному на одномъ дѣйствіи, можетъ говорить или личный врагъ его, или врагъ дѣла, или человѣкъ до того занятый собой, что не въ состояніи думать о другомъ. Крикните Блондену, когда онъ середь каната, крикните ему изъ чистѣйшаго желанія показать, что вы знаете лучше его статику, а Блонденъ-то все-таки упадетъ.

Такой силы наши тузы журнализма не имѣютъ, но вредъ, приносимый ими, значителенъ. Въ личной жизни человѣка и въ извѣстныя эпохи народной жизни есть кризисы и переломы, есть торжественныя минуты усилій и увлеченій, въ которыя нервы до того подняты и натянуты, что неумѣстно сказанное слово

разстроиваетъ гармонію, разрушаетъ строй, бросаетъ подъ ноги полѣно.

— Но такое ли время теперь для Россіи?

— Нѣтъ... этого вопроса не сдѣлаетъ, не можетъ сдѣлать *ни одинъ русскій* въ самомъ дѣлѣ! Каждый внутри своей груди, въ своей крови, въ волненіи, въ которомъ онъ живетъ, въ мучительномъ ожиданіи чувствуетъ, знаетъ—мыслью, любовью, ненавистью знаетъ. Неужели же найдутся не нѣмцы, а литераторы журналисты, публицисты до того *выучившіеся вонъ* изъ всякаго сочувствія съ поднимающей ихъ волной, что они не могутъ, изъза случайностей, брызговъ, шероховатостей, безпорядка морскихъ зыбей, разглядѣть величавый потокъ, захватившій и влекущій все: волостное правленіе, расколъ, университетъ, крестьянъ, дворянъ, суды, дворцы, царя?

Нѣтъ, это невозможно, до этого они не забыли родину.

Зачѣмъ же берутъ на себя люди скучную до безконечности роль: резонеровъ старыхъ комедій, trouble fête, мухъ въ бокалѣ съ виномъ, тяжелыхъ гостей въ дружеской бесѣдѣ?

Зачѣмъ эта натянутая брюзгливость, эта начальническая раздражительность? Зачѣмъ они такъ распускаются—наши почетные попечители общественнаго мнѣнія, наши Гизо Леонтіевскаго переулка и Гнейстущіе Кузени? Зачѣмъ это важничаніе нѣмецкихъ гувернеровъ, свысока смотрящихъ на молодежь въ пансіонахъ, потому что она молода и потому что она состоитъ изъ русскихъ?

Добрѣйшіе педели нашего просвѣщенія, оберъ-нахъ-шнейдеры нѣмецкой науки, подумайте, нельзя же вносить всѣхъ привычекъ и всѣхъ пріемовъ школьнаго учителя въ окружающую васъ жизнь. Знаемъ мы, что каѳедральныя занятія невольно передаютъ человѣку что-то дидактическое и назидательное, поучающее съ властью и внушающее со строгостью въ формахъ и рѣчахъ. Купаясь въ рѣкѣ, можно узнать учительствующаго ученаго такъ же легко, какъ военнаго фрунтовика, статскаго чиновника и соединяющаго въ себѣ обѣ службы—военнаго и партикулярнаго портного.

Учитель по должности, потому, что онъ сидитъ на каѳедрѣ, потому, что ему платятъ за это, долженъ не говорить, *а поучать*, долженъ больше знать, чѣмъ ученики, и не только не скрывать, что больше знаетъ ихъ, но застращивать своимъ непогрѣшительнымъ вѣдѣніемъ и безапелляціоннымъ авторитетомъ.

Внѣ школы этого тона вынести нельзя, особенно когда къ нему примѣшивается снисходительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сладострастное сознаніе своего превосходства. Этотъ тонъ рѣшительно больше возбуждаетъ отпора и озлобленія, чѣмъ всякая желчевая выходка и всякая злая пронія. Тамъ предполагается, что человѣкъ сердится, что онъ раздраженъ, можетъ быть, страдаетъ,

можетъ, ему больно,—это примиряетъ. А тутъ, совсѣмъ напротивъ, въ каждомъ словѣ сквозитъ спокойное, олимпическое чувство самодовольства, готовое даже перегнуться въ скромность схимника, считающаго себя ниже червя и выше фельдмаршала. Это какое-то платоническое наслажденіе самимъ собою, эпикурейское душеиистовство, глядящее съ сожалѣніемъ на насъ смертныхъ, съ аттическою солью шпыняющее надъ милліонами мелюзги, готовое и жалѣть ее, и журить, и поплакать объ ней, какъ плакалъ умирающій Неронъ, думая,—какого тенора лишится въ немъ Римская имперія.

Къ этому fond присоединяется еще берлинское нѣмцо-поклонство тридцатыхъ годовъ, вердеревскихъ временъ и фатство графа Нулина, *патріотически* радующагося, «что умы у насъ ужъ развиваться начинаютъ», и душевно желающаго, чтобъ à la fin des fins и мы «просвѣтились».

«Если со временемъ» — внушаютъ сенаторы — «разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи», тогда мы съ вами поговоримъ. До тѣхъ поръ извините, великъ инструментъ, не по вашему мозгу.

«У насъ ничего нѣтъ похожаго на политическую жизнь. У насъ есть слова и нѣтъ дѣла... Наши кружки, наши партіи, ихъ борьба и ихъ сдѣлки, ихъ статьи и ихъ журналы,—все это явленія воздушныя, все это чистѣйшій обманъ, призракъ, пустота».

«Что пріятнѣе нашей жизни? Постоянная вѣчная игра! *Прежде* (вѣроятно, во времена Станкевича, Ѣлинскаго, Бакунина) *играли* въ философскія партіи, теперь *играютъ* въ политическія партіи» (Михайловъ? Обручевъ? высланные студенты? Убитый Лебедевъ? 13 мировыхъ посредниковъ въ казематахъ?.. Впрочемъ, и прежде были шалуны).

«Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ *нашихъ* партій, не только къ этимъ *шутовскимъ* партіямъ, но и къ партіямъ *серьезнымъ, если бы онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть*».

И это было сказано въ 1862, когда дворянство нѣсколькихъ губерній порывается сбросить съ себя сословныя привилегіи, когда весь народъ русскій заявилъ еще разъ, спокойно и твердо, свое право на землю, когда московскіе профессора подали свой благородный протестъ противъ ссылки Павлова—т. е., я ошибся, московскіе профессора послали доносъ Путятину, это петербургскіе профессора,—когда вся Русь поднимается отъ тяжелаго сна и идетъ на совершеніе судебъ, которыхъ главныя черты начинаютъ прорѣзываться изъ-за несущихся тучъ, стѣсняющихся облаковъ.

Господа, Studiate la matematica e lasciate le donne!

Ни микроскопъ, ни телескопъ вамъ не помогутъ, тутъ надобно имѣть *простые* глаза, а вы ихъ-то и испортили сѣрой нѣмецкой печатью. Лучше ужъ и не выходить изъ аула, да изъ кабинета, а то какъ бы вамъ не пришлось опростоволоситься, какъ это случилось съ вашими предшественниками, іерусалимскими профессорами богословскаго факультета,— и не услышать грозный упрекъ:

«Я былъ среди васъ, и вы меня не узнали!»

— Да гдѣ? когда? Помилуйте!

Въ томъ-то и дѣло, что не узнали. Вы еще ждете Мессію по *писаніямъ*, въ церковномъ облаченіи, въ сіяніи и торжествѣ, въ сопровожденіи самого Молинари... а онъ родился опять въ *овчарнѣ*. Мы согласны съ вами, что за мѣсто для потомка царя Давида—въ ясляхъ?

— Да что-жъ дѣлать!

(1862 г., № 130).

Личное объясненіе.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 6 декабря 1837, въ Вяткѣ, я произнесъ плохую рѣчь, исполненную уступокъ, и очень дурно сдѣлалъ.

Двадцать пять лѣтъ спустя первое слово мое, вышедшее изъ гроба, въ которомъ было схоронено четырнадцать лѣтъ все мною писанное, первая статья, всплывшая гласно въ Россіи,—та самая *вятская рѣчь*.

Съ какою цѣлью «Сѣверная Пчела» (9/21 мая 1862) напечатала ничтожную рѣчь *6 декабря 1837 г.?*—Я не знаю, могу догадываться, но не мнѣ судить объ этомъ. Она имѣла на это право и воспользовалась имъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сказана была вятская рѣчь. На мѣстѣ губернатора Тюфяева былъ Корниловъ; объ немъ у меня осталось хорошее воспоминаніе; я полагаю, что онъ былъ благородный человѣкъ и очень не глупый, хотя большой педантъ въ мелочахъ. Онъ пристадъ ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь при открытіи библіотеки,—просьба губернатора для человѣка, состоящаго подъ надзоромъ, всегда убѣдительна.—Сначала я отказывался, потомъ написалъ черновую. Корниловъ расхвалилъ ее, но тутъ же *собственной рукой* вписалъ *два-три* выраженія, говоря, что этого требуетъ haute convenance и что это не больше имѣетъ смысла, какъ слова «вашъ покорнѣйшій слуга» въ концѣ письма,—я спорилъ. Наконецъ, мы раздѣлили грѣхъ пополамъ.

Рѣчь была сказана, при чемъ пермскій архіепископъ Нилъ, шеллингистъ и страшный гонитель раскольниковъ (такъ, какъ бываютъ у насъ страшные гонители раскольниковъ—и либералы) меня благословилъ. Казалось бы тѣмъ и кончено. Но этой рѣчи было на роду написано имѣть странную судьбу. Когда ее въ корректурныхъ листахъ показали Корнилову, онъ переправилъ нѣсколько выраженій, потомъ опять переправилъ, у меня осталось въ памяти, что онъ вымаралъ нѣсколько словъ, сказанныхъ въ похвалу Н. С. Мордвинову. Это было передъ самымъ моимъ отъѣздомъ во Владиміръ, бумага о моемъ переводѣ была получена. Жуковскій и Арсеньевъ писали, что они больше сдѣлать не могли, но обѣщались хлопотать впослѣдствіи. Я уже предчувствовалъ Москву и волю. А. Корниловъ опять поправлялъ несчастную рѣчь. Она мнѣ опротивѣла, я махнулъ рукой, забылъ объ ней и уѣхалъ.

Все вмѣстѣ было дурно.

И вотъ черезъ *двадцать пять лѣтъ* пожелтѣлые корректурные листы моей рѣчи поднимаются, какъ тѣнь Банко, жужжатъ на пчелиныхъ крыльяхъ, цивически упрекаютъ и зовутъ меня къ отвѣту [1]).

(1862 г., № 135).

Дурныя оружія.

Hamlet One!
Laertes No!
Hamlet . . . . Judgement.

Вотъ какія времена пришли: нашъ *монологъ* становится мало-по-малу *діалогомъ*, продолжая говорить и говорить безъ отвѣта, мы договорились таки до того, что начальство разрѣшило насъ упоминать, намъ отвѣчать, насъ бранить. Спасибо и на томъ.

«Современная Лѣтопись» (№ 20) ударила насъ своей учительской линейкой, но сгоряча чуть ли не повредила себѣ больше, чѣмъ намъ. Говорятъ, что если хочешь узнать характеръ знако-

---

[1]) Рѣчи этой у меня не было и я ее перечиталъ только теперь въ «Сѣверной Пчелѣ», но объ ней я помнилъ, да и трудно было забыть—и по корректурамъ, и по Нильскому благословенію. Но въ прошедшемъ году я получилъ мою статью изъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (начала 1838 г.) объ открытіи публичной библіотеки во Владимірѣ. Та же рѣчь, но перефразированная. Сколько я ни ломалъ себѣ голову, этой статьи совсѣмъ не помню. А знаю навѣрное, что при открытіи библіотеки во Владимірѣ я не былъ. Очень вѣроятно, что я подписалъ статью, писанную моимъ товарищемъ по редакціи — кандидатомъ Небабой (см. «Былое и Думы»). Можетъ, даже онъ составилъ ее по моей рѣчи.

маго, то надобно посмотрѣть на него, когда онъ проигрываетъ въ карты. Не всѣ игроки, да еще поди жди проигрыша; а сердятся всѣ, стоитъ посмотрѣть на человѣка, *какъ* онъ сердится, *какъ* онъ даетъ отместку, *какими* оружіями нападаетъ, мститъ, и сейчасъ узнаешь,—левъ ли это, заносящій лапу и готовый разорвать, оселъ ли, отвѣчающій копытомъ, да и то повернувшись задомъ, или звѣрь, который обороняется вонью... Примѣръ животныхъ, впрочемъ, не идетъ, средства ихъ очень ограничены, судьба ихъ лишила мощныхъ человѣческихъ орудій,—доноса и клеветы. Животное царство не имѣетъ третьяго отдѣленія скотнаго двора.

Статья наша «Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма» попала въ цѣль. Сенаторы разсердились, и разсердились, какъ слѣдуетъ сенаторамъ, не римскимъ, а московскихъ департаментовъ, т. е., до потери сознанія *о добрѣ и злѣ* средствъ, ими употребляемыхъ. Что избалованные люди, привыкшіе себя считать неприкосновенными—статсъ-дамами общественнаго мнѣнія, разсердились за нашъ совѣтъ заниматься *математикой* и не тормозить мертвящей схоластикой юные порывы просыпающейся страны,—это понятно; что ученый гнѣвъ ихъ разразился тяжко и тупо,—и это въ порядкѣ вещей. Но что насъ удивило,—это отсутствіе того такта, того декорума, того нравственнаго чутья, по которому человѣкъ никогда не берется за нѣкоторыя оружія. Какъ могли они подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія наклониться до полицейской лужи и съ ея дна брать каменья для своего праща, какъ будто они не знаютъ, что оттуда никуда не добросишь, а камень падаетъ назадъ? Какъ могли они подогрѣть обвиненія Елагина и повторить остроумныя замѣчанія III отдѣленія?

Насъ этимъ они не оскорбили, но пусть посмотрятъ на свои руки,—чисты ли онѣ.

«Неужели суждено (говоритъ лѣтописецъ) еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженныя и разлаженныя общественныя силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать кому вздумается, какому-нибудь *свободному артисту* [1]), который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній, и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ русскаго царства, и самъ, сидя въ безопасности, за спиною лондонскаго полисмена, для своего развлеченія высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые конча-

[1]) Должно быть, это какое-нибудь новое ругательное слово, можетъ, это значитъ воръ, доктринеръ или шулеръ? Ей Богу, не знаемъ.

ются казематами или Сибирью, да еще не велитъ «сбивать ихъ съ толку» и «не говорить ему подъ руку?» Къ этому острослову, «*выболтавшемуся вонъ*» (sit venia verbo) изъ всякаго смысла,— кто даетъ ему эту силу и этотъ призракъ власти? Не даромъ же воображаетъ онъ себя Цезаремъ, презрительно ожидающимъ своихъ Брутовъ и Кассіевъ, и, наконецъ, «мессіей въ ясляхъ». Легко смѣяться надъ безобразіемъ и безуміемъ; но явленіе, котораго мы коснулись, не смѣшно, а прискорбно. Въ этомъ цезарѣ и въ этомъ мессіи читаемъ мы ясно свое собственное безобразіе. Можетъ быть, намъ удастся поговорить нѣсколько подробнѣе объ этомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что должно же быть въ настоящемъ порядкѣ вещей что-нибудь радикально неправильное, если оно дѣлаетъ возможными подобныя явленія»...

Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей «Современной Лѣтописи» и спрашиваемъ ихъ. *Кого же это, когда*, при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь? Намъ достаточно одного имени. Если издатели не могутъ назвать его (*по обстоятельствамъ отъ редакціи не зависящимъ*), пусть назовутъ его самимъ себѣ... для насъ и этого довольно. Если рѣчь идетъ о Михайловѣ, то неужели вы, публицисты, журналисты, остались при первыхъ выдумкахъ, при *голубыхъ* уткахъ и московскихъ сплетняхъ? Его исторія теперь извѣстна, она не тайна съ тѣхъ поръ, какъ несчастный Михайловъ на каторгѣ... Да, можетъ, вы такъ сказали для тѣни...

Далѣе, чему вы обрадовались чужой остротѣ, что я считаю себя Цезаремъ? Какъ же вы-то сами, Цицероны, не поняли всю нелѣпость этой уловки, надъ которой въ первый разъ можно было улыбнуться, а во второй нельзя даже зѣвнуть. Нѣтъ, господа, вы дурно сердитесь... И мы вамъ совѣтуемъ всего прежде успокоиться, дать улечься дурнымъ сокамъ, поднимающимся съ кровью въ вашу голову, и потомъ отвѣчать. А то посмотрите, вы въ азартѣ не понимаете простого смысла фразъ; скажите на милость, можно ли человѣку, *сохранившему* здравый смыслъ, прибавить къ чужому Цезарю свою чужь объ ясляхъ [1]). Нѣтъ, господа, вы не умно сердитесь!

По словамъ вашего предшественника, Елагина, вы толкуете съ упрекомъ о томъ, что мы сидимъ *безопасно въ Лондонѣ за*

---

[1]) Дѣйствительно, намъ приходится сомнѣваться въ добросовѣстности или въ здравомъ смыслѣ ученыхъ редакторовъ «Лѣтописи»; въ заключеніи моей статьи сказано: «Вы еще ждете Мессію по *писаніямъ*, въ церковномъ облаченіи, въ сіяніи и торжествѣ, въ сопровожденіи самого Молинари... а онъ родился опять въ *овчарнѣ*. Мы согласны съ вами, что́ за мѣсто для потомка царя Давида—въ ясляхъ?»

И это будто они приняли за то, что я говорю о себѣ.

спиною полисмена. Почему же полисмена, ученики Елагина, но и ученики Гнейста? Почему же не за спиной свободной англійской конституціи? Отчего это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни?

Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ за границей,—отчего же вы сами не печатаете? если мы ошибались, — отчего вы не возражали намъ? если мы сбивались съ пути,— отчего вы намъ не указывали его?.. Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ чистый воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ *важнымъ* не высказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... «Отворите мнѣ темницу, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите, что за гималайская манна словъ посыплется на васъ...» Ну, какъ вы въ самомъ дѣлѣ, господа, накличете свободу книгопечанія... вѣдь, бѣда!

На первый случай довольно; впрочемъ, еще одно слово, и я не буду больше отнимать ваше драгоцѣнное для *математики* время. Вы, кажется, полагаете, что я изъ фанфаронства выдумалъ, или изъ безумнаго самолюбія повѣрилъ шуткѣ, и въ силу того передалъ общественному позору угрозы полицейскихъ Брутовъ и Кассіевъ; если вы *думаете такъ* (знать навѣрное вамъ нельзя), то не хотите ли убѣдиться въ противномъ? *Именно теперь* я могу указать вамъ *одинъ изъ путей*, по которому я получилъ извѣщеніе, и лицо, *въ высокомъ нравственномъ достоинствѣ котораго вы не сомнѣваетесь*, можетъ вамъ сказать, — была ли это шутка или нѣтъ.

Хотите?

(1862 г., № 137).

Письмо гг. Каткову и Леонтьеву.

Милостивые государи и ученые редакторы!

Если-бъ вы, въ вашей полемикѣ противъ насъ, держались въ общихъ сферахъ и въ общихъ грубостяхъ, я не позволилъ бы себѣ утруждать васъ письмомъ, съ одной стороны, очень уважая многосложность вашихъ занятій, а съ другой, вовсе не уважая ни васъ, ни вашихъ мнѣній.

Но вы позволили себѣ публично сдѣлать намекъ чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни нашей, и тѣмъ дали намъ—и въ особенности мнѣ, какъ несчастному виновнику статьи, раздражившей васъ—право требовать отъ васъ поясненія. Публичные намеки и клеветы имѣютъ большое неудобство передъ келейнымъ злословіемъ и служебными доносами, до поры, до времени покрываемыми канцелярской тайной.

Вотъ ваши слова: «*наши заграничные* réfugiés *(мы хорошо знаемъ, что это за люди...»* (*Совр. Лѣт.*).

Вѣроятно, вы не станете отрекаться, что подъ словомъ *заграничные* réfugiés (и при этомъ я долженъ признаться, что я до сихъ поръ думалъ, что всѣ réfugiés и эмигранты болѣе или менѣе заграничные)—вы разумѣли насъ, *издателей* «Колокола», и потому позвольте васъ спросить:

Какіе же мы люди, г. Катковъ?

Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ?

Вы, вѣдь, *хорошо* знаете, какіе мы люди,—ну, какіе же?

Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлый намекъ*, имѣя въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики.

Говорите все... Въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толкѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченья, *но нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого бы то ни было.

Если вы тоже можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леонтьевъ... Хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете.

Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... кто кого пересмотритъ?

Можетъ, вы слыхали, какъ въ 1849 году, въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся на ту минуту въ страшный судъ: «Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности; я могу это принять за личность и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой: здѣсь, съ этой трибуны я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть разскажетъ мой противникъ свою жизнь*».

Затѣмъ позвольте надѣяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрѣшеніе напечатать это письмо въ многоуважаемой «Лѣтописи» вашей. Вы слишкомъ любите гласность и англійскую ширь оправданія, чтобъ намъ можно было сомнѣваться въ этомъ.

Желаю въ заключеніе, чтобъ письмо это застало васъ въ добромъ здоровьи.

(1862 г., № 139).

Изъ заведенія А. А. Краевскаго.

... «Таково... (каково было поведеніе французскихъ эмигрантовъ первой революціи) свойство всѣхъ выходцевъ, неумѣющихъ дѣйствовать въ трудныя минуты отечества, котораго они не знаютъ и не любятъ, а принимающихъ на себя разныя красивыя позы агитаторовъ *издали, съ того берега.*

«Съ нашими эмигрантами та же исторія. Именно въ то время, когда Россія приготовлялась къ обновленію и наболѣе нуждалась въ людяхъ талантливыхъ, честныхъ, дѣльныхъ и знающихъ; когда готовилась уже крестьянская реформа, поднявшая народный духъ и оживившая весь организмъ государства; когда мы напрягали всѣ силы, чтобъ вступить на путь новой гражданской жизни,—эти господа почли за благо *распродать* свои имѣнія съ своими *крѣпостными*, собрать деньги и уѣхать изъ родной земли, чтобы тамъ, на другомъ берегу, спокойно наслаждаться зрѣлищемъ болѣзней, переносимыхъ обновляющейся Россіей, и утѣшать себя тѣмъ, что вотъ они, эмигранты, такъ высоко поставлены натурою и такъ великодушны, что не могутъ перенести русскихъ порядковъ, предоставляя намъ, чернорабочимъ, трудиться на самомъ дѣлѣ; они же будутъ только издали писать намъ наставленія, похваливать изрѣдка за прилежаніе, или пускать въ насъ каламбурами, если что не по нихъ сдѣлается... Гаже этой роли—трудно что-нибудь придумать!..» (*Голосъ, № 195*).

Если-бъ ученый авторъ этихъ достопримѣчательныхъ строкъ спросилъ у своего принципала, онъ увидалъ бы, что очень легко не только придумать, но вспомнить роли гораздо гаже. Андрей Александровичъ Краевскій, занимаясь двадцать пять лѣтъ пристанодержательствомъ въ русской литературѣ, много видѣлъ и много помнитъ.

Дѣйствительно, судьба этого замѣчательнаго содержателя литературныхъ притоновъ сама по себѣ очень интересна и можетъ служить примѣромъ несправедливости и безапелляціонности нашего суда. Краевскій состоитъ четверть столѣтія въ подозрѣніи *грамотности и образа мыслей*, обнаруженнаго въ рядѣ статей, писанныхъ другими, но подшитыхъ листъ къ листу имъ самимъ. Напрасно люди, принимавшіе участіе въ немъ, оправдывали его, говорили, что грамота грамотѣ рознь, что есть три грамоты: одна читаетъ, одна пишетъ, одна счеты сводитъ, и что Краевскій только дошелъ до первой и отличился въ послѣдней. Мало ли, говорили они, примѣровъ у насъ: читать человѣкъ читаетъ, а писать не пишетъ, другой не пишетъ и не читаетъ, а на счетахъ пощелкиваетъ, словно орѣхи грызетъ. Но противники Краевскаго и

тутъ нашлись; они говорятъ, это не доказываетъ, что у него нѣтъ образа мыслей, онъ не писалъ, но онъ диктовалъ,—одному Бѣлинскому томовъ десять продиктовалъ, а Бѣлинскій-то, сами знаете, что такое за человѣкъ. Такъ и остался Краевскій въ подозрѣніи имѣнія образа мыслей. Двадцать пять лѣтъ не шутка,—кабы мнѣніе его было безпорочное, можно было бы его представить къ пряжкѣ, вмѣсто которой онъ исходатайствовалъ бы у Головина денежное вознагражденіе. Это, впрочемъ, одно предположеніе. Безпорочнаго образа мыслей у насъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, онъ не называется *образомъ мыслей*.

Открывая свои притоны приходящимъ, Краевскій не могъ отвѣчать за нравственность и умъ посѣтителей. Радикалы и полицейскіе, натуралисты и богословы, кто не завертывалъ въ горькую минуту къ нему. Дѣло Краевскаго было торговое, теткинское, онъ искалъ сбить цѣну товара, покупалъ иногда гнилой; но прежде у него была сметка, чутье, а съ лѣтами и богатствомъ—все это притупилось. Мы ему совѣтуемъ, по старому знакомству, возбудить свою бдительную осторожность; она можетъ съ успѣхомъ замѣнить благородство.

Статья, изъ которой мы выписали нѣсколько строкъ, направлена противъ кн. П. В. Долгорукова, и онъ въ долгу не остался, но по дорогѣ задѣты и мы.

О правѣ и значеніи эмиграціи, о томъ, полезна или нѣтъ была наша десятилѣтняя дѣятельность, мы съ Краевскимъ и его лаборантами разсуждать не будемъ. Этого дѣла не разрѣшишь въ коммерческомъ судѣ, на это есть инстанціи повыше. Мы возьмемъ предметъ, больше доступный практическому взгляду негоціанта, а именно: *продажу имѣнія съ крѣпостными людьми*. Положимъ, честнѣйшій Андрей Александровичъ, что вашъ фельетонщикъ не знаетъ продавалъ я или нѣтъ *Крещеную Собственность, но вы-то знаете*, что я не продавалъ никогда никакого имѣнія, никакихъ людей; я смѣло говорю, *что вы это знаете*. Не отговаривайтесь тѣмъ, что я не названъ по имени,—это только *гаже*, говоря языкомъ вашего фельетонщика; за прямое обвиненіе есть отвѣтственность, а въ прозрачномъ намекѣ всегда остается возможность ее отклонить. «Съ того, молъ, берега, это не значитъ съ вашего».

Итакъ, вы, безсребреннѣйшій Андрей Александровичъ, помѣстили *эту клевету совершенно сознательно*, чтобъ подслужиться Головнину, угодить Валуеву, подладиться Долгорукову и вы воображаете, что поступили разсчетливо. Гдѣ ваше чутье? Великій... (*далѣе цензура не пропустила*).

(1863 г., № 170).

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Пустѣетъ Москва... и патріархальное лицо Щепкина исчезло... а оно было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга. Четверть столѣтія старше насъ, онъ былъ съ нами на короткой, дружеской ногѣ родного дяди или старшаго брата. Его всѣ любили безъ ума, дамы и студенты, пожилые люди и дѣвочки. Его появленіе вносило покой, его добродушный упрекъ останавливалъ злые споры, его кроткая улыбка любящаго старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающія причины—была школой гуманности.

И при томъ онъ былъ великій артистъ. Артистъ по призванію и по труду. Онъ создалъ *правду* на русской сценѣ, онъ первый сталъ *нетеатраленъ* на театрѣ, его воспроизведенія были безъ малѣйшей фразы, безъ аффектаціи, безъ шаржи; лица, имъ созданныя, были Теньеровскіе, Остадовскіе.

Щепкинъ и Мочаловъ, безъ сомнѣнія, два лучшихъ артиста изо всѣхъ видѣнныхъ мною въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ и на протяженіи всей Европы [1]). Оба принадлежатъ къ тѣмъ *намекамъ* на сокровенныя силы и возможности русской натуры, которыя дѣлаютъ незыблемой нашу вѣру въ будущность Россіи.

Въ разборъ таланта и сценическаго значенія Щепкина мы не взойдемъ; замѣтимъ только, что онъ былъ вовсе не похожъ на Мочалова. Мочаловъ былъ человѣкъ порыва, не приведеннаго въ покорность и строй вдохновенія: средства его не были ему послушны, скорѣе онъ имъ. Мочаловъ не работалъ, онъ зналъ, что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращавшій его въ Гамлета, Лира или Карла Мора, и поджидалъ его... а духъ не при-

---

[1]) Въ 1847 я еще успѣлъ видѣть два, три превосходныя созданія Фредерика Леметра, и его я охотно поставилъ бы въ сторонѣ отъ больше или меньше талантливаго гаерства парижскихъ театровъ; но, по мѣрѣ старости и потери настоящихъ силъ, Фредерикъ Леметръ замѣнялъ ихъ преувеличеніемъ и впадалъ въ такое неделикатное ставленіе точекъ на і, что я на него смотрѣлъ какъ на развалину, ярко раскрашенную пестрыми красками, въ томъ родѣ, какъ наше художественное правительство, бывало, бѣлитъ и размазываетъ памятники. Въ историческихъ воспроизведеніяхъ и въ необыкновенной спѣтости игры – Théatre Français сдѣлалъ много; великихъ артистовъ онъ не развилъ, но развилъ необыкновенно умныхъ артистовъ и превосходную труппу, играющую прескверныя пьесы. Мы преимущественно говоримъ о мужчинахъ; женщинами европейская сцена богаче. Несмотря на всѣ нѣмецкіе возгласы русскихъ цѣновщиковъ, Рашель была великая художница; а Франція реставраціи, Франція Беранже, послѣдняя веселая Франція, имѣла своимъ живымъ, веселымъ, геніальнымъ представителемъ—Дежазе.

ходилъ и оставался актеръ, дурно знающій роль. Одаренный необыкновенной чуткостію и тонкимъ пониманіемъ всѣхъ оттѣнковъ роли, Щепкинъ, напротивъ, страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволъ минутнаго вдохновенія. Но роль его не была результатомъ одного изученія. Онъ также мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, далеко не безталаннаго, но у котораго все было до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршъ отчаянія и, правильно убивши кого надобно, мастерски дѣлалъ на погребеніе. Каратыгинъ удивительно шелъ николаевскому времени и военной столицѣ его. Игра Щепкина вся отъ доски до доски была проникнута теплотой, наивностью, изученіе роли не стѣсняло ни одного звука, ни одного движенія, а давало имъ твердую опору и твердый грунтъ.

Но, вѣроятно, о талантѣ Щепкина и о его значеніи будетъ у насъ довольно писано. Мнѣ хочется разсказать мою послѣднюю встрѣчу съ нимъ.

Осенью 1853 г. я получилъ письмо отъ М. К. изъ Парижа, что такого-то числа Щепкинъ ѣдетъ въ Лондонъ черезъ Булонь. Я испугался отъ радости... Въ образѣ свѣтлаго старика выходила молодая жизнь изъ-за гробовъ: весь московскій періодъ... и въ какое время... десять разъ говорилъ я о страшныхъ годахъ между 1850 — 1855, объ этомъ пятилѣтнемъ безотрадномъ искусѣ въ многолюдной пустынѣ. Я былъ совершенно одинокъ въ толпѣ чужихъ и полузнакомыхъ лицъ... Русскіе въ это время всего меньше ѣздили за границу и всего больше боялись меня. Горячешный терроръ, продолжавшійся до конца венгерской войны, перешелъ въ равномѣрный гнетъ, передъ которымъ понизилось все въ безвыходномъ и безпомощномъ отчаяніи. И первый русскій, ѣхавшій въ Лондонъ, не боявшійся по старому протянуть мнѣ руку, былъ Михаилъ Семеновичъ.

Ждать я не могъ, и утромъ въ день его пріѣзда отправился съ экспресомъ въ Фокстонъ.

Что-то онъ мнѣ разскажетъ, какія вѣсти привезетъ, какой поклонъ, какія подробности, чьи шутки... рѣчи. *Тогда* я еще такъ многихъ любилъ въ Москвѣ!

Когда пароходъ подошелъ къ берегу, толстая фигура Щепкина въ сѣрой шляпѣ, съ дубиной въ рукахъ, такъ и вырѣзалась; я махнулъ ему платкомъ и бросился внизъ. Полицейскій меня не пускалъ, я оттолкнулъ его и такъ весело посмотрѣлъ, что онъ улыбнулся и кивнулъ головой, а я сбѣжалъ на палубу и бросился на шею старика. Онъ былъ тотъ-же, какъ я его оставилъ, съ тѣмъ же добродушнымъ видомъ, жилетъ и лацканы на пальто

такъ-же въ пятнахъ, точно будто сейчасъ шелъ изъ Троицкаго трактира къ Сергѣю Тимоѳѣевичу Аксакову.

— Экъ куда его принесло, это ты пріѣхалъ эдакую даль встрѣчать! — сказалъ онъ мнѣ сквозь слезы.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ; я разспрашивалъ его подробности, мелочи о друзьяхъ, мелочи, безъ которыхъ лица перестаютъ быть живыми и остаются въ памяти крупными очерками, профилями. Онъ разсказывалъ вздоръ, мы хохотали со слезами въ голосѣ.

Когда улеглось нервное раздраженіе, я мало-по-малу замѣтилъ что-то печальное, будто какая-то затаенная мысль мучила честное выраженіе его лица. И дѣйствительно, на другой день мало-по-малу разговоръ склонился на типографію, и Щепкинъ сталъ мнѣ говорить о тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ въ Москвѣ была принята сначала моя эмиграція, потомъ моя брошюра «Du Developpement des idées révolutionaires» и, наконецъ, лондонская типографія.

Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія? Однимъ или двумя листами, которые проскользнутъ, вы ничего не сдѣлаете, а Ш-е отдѣленіе будетъ все читать да помѣчать, вы сгубите бездну народа, сгубите вашихъ друзей...

— Однакожъ, М. С., до сихъ поръ Богъ миловалъ, и изъ-за меня никто не попался.

— А знаете ли вы, что послѣ вашихъ похвалъ Бѣлинскому объ немъ запрещено говорить въ печати.

— Какъ и обо всемъ остальномъ. Впрочемъ, я и тутъ сомнѣваюсь въ моемъ участіи. Вы знаете, какую роль играло знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю въ дѣлѣ Петрашевскаго. Смерть спасла Бѣлинскаго, — мертвыхъ я не боялся компрометировать.

— А Кавелинъ-то, кажется, не мертвый?

— Что же съ нимъ было?

— Да то, что послѣ выхода вашей книги, гдѣ говорится объ его статьѣ о родовомъ началѣ и о спорѣ съ Самаринымъ, его призывали къ Ростовцеву.

— Ну!

— Да что же вы хотите? Ну, ему и сказалъ Ростовцевъ, чтобъ *онъ впередъ былъ осторожнѣе.*

— Михаилъ Семеновичъ, неужели вы уже и это считаете мученичествомъ—пострадать совѣтомъ быть осторожнѣе?

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ; я видѣлъ ясно, что это *не только* личное мнѣніе Щепкина; если-бъ оно было такъ,— въ его словахъ не было бы того императивнаго тона.

Разговоръ этотъ для меня очень замѣчателенъ; въ немъ слышны первые звуки *московскаго консерватизма*, не въ кругѣ кн. Сергія Михайловича Голицына, праздныхъ помѣщиковъ, праздныхъ чиновниковъ, а въ кругѣ образованныхъ людей, литераторовъ, артистовъ, профессоровъ. Я слышалъ въ первый разъ это мнѣніе, выраженное такимъ яснымъ образомъ; оно меня поразило, хотя я тогда былъ очень далекъ, чтобъ понять, что изъ него впослѣдствіи разовьется то упрямо-консервативное направленіе, которое изъ Москвы сдѣлало въ самомъ дѣлѣ Китай-городъ.

Тогда это еще была *усталь*, *загнанность*, теперь сознаніе своего безсилія и материнская боязнь за дѣтей.

— А. И.,—сказалъ Щепкинъ, вставая и прохаживаясь съ волненіемъ по комнатѣ,—вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ всѣ наши васъ любятъ... Я вотъ на старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски, пріѣхалъ посмотрѣть на васъ въ Лондонъ; я сталъ бы на свои старыя колѣна передъ тобой, сталъ бы просить тебя остановиться, пока есть время.

— Что же вы, Михаилъ Семеновичъ, и ваши друзья хотите отъ меня?

— Я говорю за одного себя и прямо скажу: по моему, поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года черезъ два, три мы начнемъ работать, чтобъ тебѣ разрѣшили въѣздъ въ Россію.

Мнѣ было безконечно грустно, я старался скрыть боль, которую производили на меня эти слова, жалѣя старика, у котораго были слезы на глазахъ. Онъ продолжалъ развивать заманчивую картину счастья — снова жить подъ умилостивленнымъ скипетромъ Николая, но видя, что я не отвѣчаю, спросилъ:

— Не такъ ли, А. И.?

— Не такъ, Михаилъ Семеновичъ. Я знаю, что вы меня любите и желаете мнѣ добра. Мнѣ больно васъ огорчить, но обманывать я васъ не могу: пусть говорятъ наши друзья, что хотятъ, *я типографію не закрою*; придетъ время, они иначе взглянутъ на рычагъ, утвержденный мною въ англійской землѣ. Я буду печатать, безпрестанно печатать... Если наши друзья не оцѣнятъ моего дѣла, мнѣ будетъ очень больно, но это меня не остановитъ, оцѣнятъ другіе, молодое поколѣніе, будущее поколѣніе.

— Итакъ, ни любовь друзей, ни судьба вашихъ дѣтей?

Я взялъ его за руку и сказалъ ему:

— Михаилъ Семеновичъ, зачѣмъ вы хотите мнѣ испортить праздникъ свиданья? Я въ Америку не поѣду, я въ Россію при этомъ порядкѣ дѣлъ тоже не поѣду, печатать я буду, это единственное средство сдѣлать что-нибудь для Россіи, единственное

средство поддержать съ ней живую связь; если же то, что я печатаю, дурно, скажите друзьямъ, чтобъ они присылали рукописи,— не можетъ быть, чтобъ у нихъ не было тоски по вольномъ словѣ.

— Никто ничего не пришлетъ, говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ; мои слова его сильно огорчили, онъ почувствовалъ приливъ въ головѣ и хотѣлъ послать за докторомъ и піявками.

На разговоръ этотъ мы не возвращались. Только передъ отъѣздомъ въ амбаркадерѣ онъ грустно сказалъ, качая головой:

— Много, много радости вы у меня отняли вашимъ упрямствомъ.

— М. С., оставьте каждаго идти своей дорогой, тогда, можетъ, иной и придетъ куда-нибудь.

Онъ уѣхалъ; но неудачное посольство его все еще бродило въ немъ, и онъ, любя сильно, сильно сердился и, выѣзжая изъ Парижа, прислалъ мнѣ грозное письмо. Я прочиталъ его съ той же любовью, съ которой бросился ему на шею въ Фокстонѣ, и — *пошелъ своей дорогой.*

Прошло пять лѣтъ послѣ моего свиданья съ Михаиломъ Семеновичемъ, и русскій станокъ въ Лондонѣ снова попался ему на дорогѣ. Дирекція московскихъ театровъ задерживала какія-то экономическія деньги, которыя слѣдовали въ награду артистамъ. Тогда было время *рекламаціи* и артисты избрали Щепкина своимъ ходатаемъ въ Петербургѣ. Директоромъ тогда былъ извѣстный Гедеоновъ. Гедеоновъ началъ съ того, что отказалъ наотрѣзъ въ выдачѣ денегъ за прошлое время, говоря, что книги были контролированы и возвращаться на сдѣланныя распоряженія было невозможно.

Разговоръ сталъ упорнѣе со стороны Щепкина и, какъ разумѣется, дерзче со стороны директора.

— Я долженъ буду безпокоить министра, замѣтилъ артистъ.

— Хорошо, что вы сказали, я ему доложу о дѣлѣ, и вамъ будетъ отказъ.

— Въ такомъ случаѣ я подамъ просьбу государю.

— Что вы это,—съ такими дрязгами соваться къ его императорскому величеству? Я, какъ начальникъ, запрещаю, вамъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ, откланиваясь, Щепкинъ, деньги эти принадлежатъ, въ этомъ и вы согласны, бѣднымъ артистамъ, они мнѣ поручили ходатайствовать объ ихъ полученіи; вы мнѣ отказали и обѣщаете отказъ министра. Я хочу просить государя, вы мнѣ запрещаете, какъ начальникъ... Мнѣ остается одно средство, я передамъ все дѣло въ «Колоколъ».

— Вы съ ума сошли, закричалъ Гедеоновъ,—вы понимаете ли, что вы говорите, я васъ велю арестовать. Послушайте, я васъ

извиняю только тѣмъ, что вы сгоряча это сказали. Изъ эдакихъ пустяковъ дѣлать кутерьму, какъ вамъ нестыдно. Приходите завтра въ контору, я посмотрю.

На другой день сумма была назначена артистамъ, и Щепкинъ поѣхалъ домой [1]).

... А какъ-то потухала его жизнь?.. Декораціи, актеры и самая пьеса еще разъ измѣнились... Что дѣлалъ старикъ, дожившій съ одной стороны до осуществленія своей вѣчной мечты объ освобожденіи крестьянъ,—въ средѣ пресыщеннаго либерализма, патріотизма кровожаднаго по службѣ, въ средѣ доносовъ университетскихъ, литературныхъ, окруженный измѣнниками своей юности, своихъ благороднѣйшихъ стремленій, рукоплескающими возгласами Писемскаго, статьями «Московскихъ Вѣдомостей»?..

(1863 г., № 171).

Съ континента.

Письмо изъ Неаполя.

5 октября, 1863 г., Неаполь.
Chiaja, Hôtel Washington.

Ну, вотъ я и на Кіайѣ, и потухнувшій Везувій передо мной и синее небо и синее море... Опять увидалъ я своими глазами романскую половину стараго міра, провѣрилъ ее еще разъ отъ Кале до Неаполя и съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ, съ которымъ я покидалъ Лондонъ, гляжу на Сентъ Эльмъ и Капри.

Свѣтлыхъ замѣтокъ, хорошихъ воспоминаній я не привезу. На этотъ разъ все хорошее и свѣтлое принадлежитъ природѣ и *партикулярной* жизни.

Положеніе русскаго становится безконечно тяжело. Онъ все больше и больше чувствуетъ себя чужимъ на Западѣ, и все глубже и глубже ненавидитъ все, что дѣлается дома. Ни вблизи, ни вдали нѣтъ для него ни успокоенія, ни отрады,—такое печальное положеніе рѣдко встрѣчалось въ исторіи. Развѣ въ первые вѣка христіанства испытывали подобную скорбь—*чуждости въ обѣ стороны*—монахи германскаго происхожденія, развившіеся въ римскихъ монастыряхъ. Спасать языческій міръ не ихъ было дѣло, его паденіе они предвидѣли, но не могли же они сочувствовать дикимъ ордамъ единоплеменниковъ, безсмысленно шедшихъ

---

[1]) Анекдотъ этотъ, тогда же переданный намъ изъ очень прямого источника, мы не печатали по понятной причинѣ.

на кровавую работу совершающихся судебъ. Имъ оставалось одно, идти съ крестомъ въ рукахъ и съ словомъ братскаго увѣщанія къ разсвирѣпѣвшимъ толпамъ, стараясь добраться до чего-нибудь человѣческаго въ ихъ загрубѣлыхъ сердцахъ. У насъ слово осталось... но до человѣческаго чувства мы еще не договорились...

Какъ далеко мы разошлись въ послѣднія десять лѣтъ съ западнымъ міромъ, трудно себѣ представить. Мы въ это время расправили немного наши мысли, дали имъ обжиться въ груди нашей и съ ними намъ стало вдвое невыносимѣе стучаться на каждомъ шагу въ какія-то крѣпостныя стѣны, негодныя на защиту, но оскорбляющія глазъ и суживающія горизонтъ. Западныя декораціи намъ приглядѣлись, приглядѣлись и здѣшніе актеры, мы знаемъ ихъ силу и ихъ границу; они насъ вовсе не знаютъ. Мы оскорблены здѣсь въ тѣхъ сторонахъ нашей внутренней жизни, которыя мы дорого цѣнимъ въ себѣ, и уважены въ тѣхъ, которыя мы сами презираемъ.

Еще въ Англіи жить сноснѣе, не потому что тамъ больше роднаго, а потому что тамъ чуждость полнѣе, рѣзче, серьезнѣе. Колоссальность добра и зла, размѣръ утесовъ, которые двигаетъ этотъ дебелый полнокровный Сизифъ, привязываютъ къ нему и къ его оригинальнымъ судьбамъ. Къ тому же онъ такъ занятъ, что ему дѣла нѣтъ до какого-нибудь иностранца, копышащаго въ своемъ углу. Великій талантъ оставлять человѣка въ покоѣ— принадлежитъ одной Англіи.

Но, какъ бы то ни было, я въ Неаполѣ, и хочу вамъ разсказывать свои *сенсаціи*.

Съ теплымъ, мягкимъ воздухомъ, съ южными горизонтами становится легче на душѣ; люди и города меньше давятъ, меньше занимаютъ, природа выступаетъ на первый планъ. Съ Генуи начиная, свободнѣе дышать, и мнѣ не разъ приходило въ голову, не правъ ли нашъ другъ Маццини, и не найдетъ ли вдова двухъ міровъ, двухъ Римовъ, свѣжія силы въ себѣ для третьяго брака. Но, шумная, яркая, пестрая Италія въ худшее время своего угнетенія такъ же благотворно дѣйствовала на путешественника, какъ и теперь; она беретъ своимъ теплымъ вѣяніемъ и яснымъ солнцемъ, двумя-тремя закраинами, взморьями, да очерками горъ.

Вольтеръ говоритъ, что если-бъ у Клеопатры линія носа была другая, то судьбы древняго Рима были бы иныя. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Шутка линія носа, линія вообще! Отнимите у Неаполя линію моря, линію горъ, полукругъ его залива, что же останется? Кишащее гнѣздо нравственной ничтожности и добродушнаго шутовства, грязь, вонь, нестройные звуки, ослиный крикъ возчиковъ и самихъ ословъ, крикъ и брань торговокъ, дребезжанье скверныхъ экипажей и хлопанье бичей, рядомъ съ

совершеннымъ умственнымъ затишьемъ и съ отсутствіемъ всякаго стремленія выйти изъ него. А съ ними онъ будетъ во-вѣки вѣковъ звать путника, и путникъ, откуда бы ни шелъ, преклонится передъ этими предѣлами красоты. Я смѣло говорю предѣлами; могутъ быть такія же красоты, могутъ быть иныя, но лучше, изящнѣе, музыкальнѣе не могутъ быть.

Когда нашъ пароходъ при восхожденіи солнца тихо и плавно огибалъ мысъ Мизенъ и вслѣдъ за Искіей и Прочидой открывалась вся дуга отъ Позилипо до Сорренто, все присмирѣло на палубѣ, все съ умиленіемъ молилось этому великому преображенію земли, воды и воздуха.

Но съ городомъ я далеко не такъ свѣтло встрѣтился, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Кто изъ насъ измѣнился,—не знаю. Вѣроятно, оба. Судьбы Неаполя были тяжелы, пока мы не видались. Отъ баррикадъ на улицѣ Толедо въ 1848 г. и бойни, которой Фердинандъ II окончилъ конституціонную эру своего правленія, до вшествія Гарибальди съ своими ополченцами, жизнь Неаполя, шумливая, суетливая, но не сильная и пустая, была подавлена, забита и еще больше обращена на безсмысленный толокъ и ежедневныя дрязги. Потеря политической дѣятельности въ другихъ мѣстахъ замѣнялась матеріальными улучшеніями: я не узналъ марсельскихъ улицъ, проѣзжая теперь. Ничего подобнаго въ Неаполѣ. Неаполитанскіе Бурбоны были скряги, мелкіе стяжатели. Въ Капо-ди-Монте до сихъ поръ мебели и бронзы все Мюратовское; Бурбоны обрадовались добычѣ и захватили все обзаведеніе пышнаго врага, легли спать въ его постель, стали обѣдать на его посудѣ. На огромномъ столѣ былъ вензель Іоахима, вензель перемѣнили, но на бѣду вся мозаичная кайма кругъ стола покрыта наполеоновскими пчелами, ихъ мѣнять было дорого, добрые Бурбоны не побрезгали, такъ и сѣли кушать и кушали до 60 года. Такіе короли не поправляютъ городовъ, и новая дорога Via Teresia (какъ-то вдругъ сдѣлавшаяся Via Vittorio Emanuel) начата ужъ при Франческѣ. Нечего дивиться, что Неаполь, по большей части, скверно построенный, старѣлъ, чернѣлъ и совсѣмъ осунулся въ послѣдніе годы. Гдѣ тутъ было думать объ улучшеніяхъ и о комфортѣ. Онъ жилъ все это время въ вѣчной тревогѣ, боясь явнаго правительства короля и тайнаго каморристовъ; откупаясь отъ обоихъ, боясь полиціи и революціонеровъ, боясь свѣтской и духовной цензуры, запертый на ключъ отъ всего міра, онъ радъ былъ, что его сколько-нибудь оставляютъ въ покоѣ. Слѣды того, что было, остались; въ Неаполѣ нѣтъ никакой умственной дѣятельности, книжныя лавки бѣдны книгами, кафе газетами, въ кабинетѣ для чтенія на Толедо нѣтъ книгъ, да нѣтъ и журналовъ; хозяинъ извиняется тѣмъ, что иностранцевъ еще мало, а неаполитанцы не читаютъ.

... Однимъ вечеромъ Неаполь по обыкновенію легъ спать у ногъ своего короля и утромъ проснулся у ногъ Гарибальди. Это пришло сюрпризомъ для всѣхъ. «Что жо дѣлать теперь?»—спросилъ испуганный король Либеріо Романо.—«Ѣхать вонъ»—отвѣчалъ министръ. Король уѣхалъ, Гарибальди пріѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Викторъ Эмануилъ — la révolution était faite! Неаполь остался при этомъ avortement, но не сталъ на свои ноги, какъ Генуя, и не могъ, онъ вовсе не такъ воспитанъ; онъ, какъ всѣ города, выходящіе изъ подъ самодержавнаго гнета, привыкъ къ помочамъ, къ опекѣ, къ покровительству и поощренію и вовсе не привыкъ ни къ какой иниціативѣ. Неаполь ждалъ обновленія откуда-то свыше, ждалъ политическихъ подарковъ и административныхъ «маккарони», а ему говорятъ: «Ты не маленькій, самъ возрастъ имѣешь, вотъ тебѣ права, вотъ тебѣ выборы, дѣлай, какъ знаешь». А онъ не знаетъ какъ, и чувствуетъ, что вмѣсто благъ, которыя онъ ожидалъ, онъ дождался потери своего значенія какъ столицы, конскрипціи и разныхъ податей.

Безпечное легкомысліе и вѣчное разсѣяніе мѣшаютъ неаполитанцу сложиться до совершеннолѣтія и подумать о своемъ положеніи, и то же безпечное легкомысліе помогаетъ ему весело переносить все на свѣтѣ. Странный народъ, онъ труситъ передъ вздоромъ и строитъ свои домы подъ вчерашнимъ кратеромъ. Всѣ остальныя стороны его жизни носятъ тотъ же характеръ небрежности и необдуманности. Работники и простой народъ живутъ въ каменныхъ щеляхъ между шестиэтажными домами, въ грязи и вони, о которой теперь въ Европѣ не имѣютъ понятія; для нихъ ничего не сдѣлано, у нихъ нѣтъ ни воздуха, ни воды, а они-то и составляютъ все населеніе Неаполя. Народу уступлена правда улица—улица, но не солнце—солнце за стѣной, и этотъ народъ, такъ грязно живущій, страстно любитъ свѣтъ, цвѣтъ, веселье, хохотъ, зрѣлища, наружный блескъ; ему королевскій дворецъ необходимѣе чистой квартиры, и въ три мѣсяца одинъ фейерверкъ дороже свѣчки у себя дома.

Озабоченный король Италіи, мучимый какъ Танталъ Венеціей и Римомъ, ничего не дѣлаетъ, чтобъ занимать этого большого ребенка и, не замѣчая того, оскорбляетъ его безъ нужды всякими пустяками. «Посудите сами», говорилъ одинъ недовольный офицеръ изъ неаполитанцевъ, «при Франческѣ у насъ было нѣсколько формъ, четырехъ разныхъ цвѣтовъ панталоны, считая бѣлыя лѣтнія, а теперь—какъ насъ одѣли? Стыдно ходить по улицѣ, служба потеряла весь престижъ».

Вы будете смѣяться надъ офицеромъ, и я смѣялся. А въ сущности зачѣмъ Викторъ-Эмануилъ не прибавилъ пятую пару? «Оставляя, молъ, въ ознаменованіе признанной самобытности коро-

левства обѣихъ Сицилій, прежнюю военную форму, Мы прибавляемъ еще общую итальянскую съ такимъ-то шитьемъ» и пр. Офицеръ нашелъ бы въ панталонахъ del'unitá новую приманку для службы, и не сталъ бы вздыхать о Франческѣ.

Трезвый Піемонтъ этихъ вещей не понимаетъ, онъ думаетъ какъ нѣкогда княгиня [1]), «что если у ребенка есть башмаки, такъ игрушекъ ему ненадобно». Оттого-то онъ и не имѣетъ ничего общаго съ разгульнымъ городомъ. Требованія Піемонта большей частью дѣльны и справедливы, да Неаполю ненужно ни дѣла, ни справедливости; онъ хочетъ, чтобъ его занимали, а тамъ, пожалуй, можно его и постращать...

Бракъ Неаполя съ Піемонтомъ рѣшительно не удался; онъ такъ и просится на San Carlino. Розина, Колумбина, сидѣвшая на заперти и бросавшая исподтишка любовныя цидулки Донъ Мацціни и назначавшая свиданія Донъ Гарибальди, вышла замужъ за Бартоло,—за дѣльнаго, но безконечно скучнаго, прозаическаго, ограниченнаго, провинціальнаго Бартоло. И Розина оченъ ограниченна, только на свой ладъ, на веселый; она хочетъ жить спустя рукава, а, пожалуй, и платье; она любитъ жуировать, любитъ зрѣлище; не все же смотрѣть процессіи, въ которыхъ богородица съ кринолинами, — ей надобно дворъ, гвардія, балы, на которые ее не пригласятъ, но и не запретятъ смотрѣть, какъ подъѣзжаютъ пышные экипажи, выходятъ пышныя принцессы... Это опять пятые панталоны. Розина совершенно права,—на пустой дворецъ гадко смотрѣть, и лошади, подаренныя Николаемъ своему другу Фердинанду II, ушли бы, если-бъ не были мѣдныя. И на что же всѣ эти принцы Умберты [2]), герцоги и князья Кариніанскіе? да и зачѣмъ самъ хозяинъ живетъ круглый годъ въ какомъ-то захолустьи, когда есть Неаполь и Казерта?

Піемонтъ вѣритъ въ свою магнитную силу, Туринъ въ свое значеніе итальянской столицы и подтягиваютъ къ себѣ части Италіи. Великое самоотверженіе Флоренціи избаловало ихъ. Какъ будто тамъ, гдѣ есть Римъ, можетъ быть другая столица! Да, по счастью, и самый Римъ никогда не сдѣлается поглощающимъ центромъ Италіи, какъ онъ былъ въ эпоху цезарей.

... Бѣдный народъ, едва имѣющій одни панталоны и тѣ съ заплатами, такъ же недоволенъ, какъ и офицеръ, которому надобно было четыре пары панталонъ разнаго цвѣта для того, чтобъ защищать отечество. Онъ недоволенъ вводимыми порядками, потому что они порядки, онъ недоволенъ и тѣмъ, что ничего не

---

[1]) См. «Былое и Думы».

[2]) Сонъ въ руку. Умберто пріѣхалъ въ Неаполь пять дней послѣ нашего отъѣзда.

выигралъ при перемѣнѣ, для совершенія которой онъ, впрочемъ, ничего и не сдѣлалъ. «Re ladro, re galantuomo e lo stesso. Ni l'un capite, ni l'atro, non mi pagano niente!» — говоритъ онъ, и въ сущности жалѣетъ о прежнемъ порядкѣ вещей, когда правительство, грабя Сицилію, давало льготы неаполитанской черни, потворствовало всѣмъ ея гадостямъ, принимало участіе въ распряхъ лаццаронъ С. Лучіи съ лаццаронами порта и горъ и жило въ той же нравственной грязи и неразвитости, въ которой и она. Неаполитанскіе Бурбоны и неаполитанская чернь любили другъ въ другѣ родныя черты. Разбойникъ Нарди, сдѣлавшійся полковникомъ Франческа, входя въ Рапполло съ своей шайкой, сказалъ собравшемуся народу: Si dice che Francesco II-e un ladro. Or bene—io ladro di professione vengo a restaurare un ladro sul trono [1]).

Народъ, выносившій все, даже побои (которыхъ не выноситъ нигдѣ итальянецъ), будируетъ теперешнее правительство, съ недовѣріемъ смотритъ на піемонтскихъ берсальеровъ и съ негодованіемъ принимаетъ усилія правительства очистить городъ, подмести улицы. Какъ ни старалось новое «муничипіо», чтобъ завоевать половину широкаго тротуара на Санта Лучіи, заваленнаго плетушками, шкапчиками, столиками съ продажной рыбой, съ frutti di mare, — не могло. Лаццарони уперся и отстоялъ себѣ Санта Лучію, по тротуару ходить нельзя. «Умру или останусь грязенъ!» Бѣдный Лазарь! Грязный Лазарь! и главное Лазарь, сидящій на первомъ мѣстѣ!

Въ этомъ-то все и дѣло, что въ Неаполѣ лаццарони занимаетъ казовой конецъ. Здѣсь нѣтъ богатой, образованной буржуазіи, которая служила бы крытымъ переходомъ между принчяпе и нищимъ. Есть правда какая-то балаганная торговля, которая вьетъ свою паутину отъ шести-этажныхъ домовъ къ каменнымъ конурамъ работниковъ, но она не скрываетъ пустоты между ними, а только придаетъ ей нечистый видъ.

Государство безъ сильнаго средняго состоянія поражаетъ насъ отсталой дикостью въ самыхъ обычныхъ вещахъ, оно выводитъ насъ изъ торной колеи нашихъ образованныхъ привычекъ,

---

[1]) M. Monnier, Brigantaggio nelle provincie napoletane 1863.

Сочувствіе это обоюдно. Когда Фердинандъ I плелся съ австрійскимъ обозомъ, чтобъ послѣ Мюрата занять тронъ своихъ праотцевъ, австрійскій генералъ, разсказывалъ мнѣ извѣстный Пепе, при переходѣ черезъ неаполитанскую границу, доложилъ королю, что ему слѣдуетъ лично принять начальство и въѣхать въ Неаполь безъ иностраннаго войска, которое будетъ его охранять на благородной дистанціи; Фердинандъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ «подвергать себя такой опасности».—«Да чего в. в. боится, сказалъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнія генералъ,—развѣ вы не знаете, что неаполитанцы трусы?»—«Знаю», отвѣчалъ король». «Anch'io sono napolitano ho paura».

и мы теряемся. При извѣстныхъ условіяхъ въ буржуазномъ государствѣ жить легко и удобно.

Среднее состояніе, какъ гумиластиковая подушка, смягчаетъ всѣ столкновенія, стираетъ всѣ разности, мѣшаетъ революціи, мѣшаетъ реакціи, разворяетъ богатаго, поглощаетъ бѣднаго, все уравновѣшиваетъ, все приводитъ въ порядокъ, ограничиваетъ кражу и обманъ и возводитъ ихъ зато въ тарифъ и привилегію, не позволяетъ извозчику брать лишній франкъ, ни истцу заплатить адвокату или нотаріусу золотымъ меньше,—оно-то сметаетъ съ улицъ нечистоту и съ нечистотой мелкую торговлю и нищихъ. Въ Неаполѣ его нѣтъ, и оттого Неаполь остается *столицей черни*. Слѣдуетъ ли радоваться этому или печалиться?

Трудно сказать, потому что трудно себѣ представить, чтобъ неаполитанскій народъ легче перешелъ въ больше человѣческую жизнь, чѣмъ оттертый корыстнымъ посредникомъ пролетаріатъ другихъ странъ. Чѣмъ онъ доказалъ это? Онъ живетъ вѣка такъ, какъ теперь. Возьмите хроники, возьмите путешественниковъ прошлаго вѣка, и вы увидите, что онъ такъ же мало измѣнился, какъ кошки и обезьяны... Глядя на то, что здѣсь, при отсутствіи сильной буржуазіи, столичная чернь остается лаццаронами, а провинціальная становится разбойниками, поневолѣ приходитъ въ голову, что народъ по тяжелому закону selection только и поднимается черезъ буржуазію къ болѣе развитой жизни.

Можетъ, буржуазія вообще *предѣлъ* историческаго развитія: къ ней возвращается забѣжавшее, въ нее поднимается отставшее, въ ней народы успокоиваются отъ метанія во всѣ стороны, отъ національнаго роста, отъ героическихъ подвиговъ и юношескихъ идеаловъ, въ ея уютныхъ антресоляхъ людямъ привольно жить.

Какой-то внутренній голосъ, какая-то человѣческая скорбь заставляютъ насъ протестовать противъ окончательнаго рѣшенія; претитъ намъ сознаться, что всѣ рѣки исторіи (по крайней мѣрѣ всѣ западныя) текутъ въ маремы мѣщанства... Но мало ли у насъ такихъ скорбей, развѣ алхимики не скорбѣли о прозѣ технологіи, и мало ли по какимъ идеаламъ мы тоскуемъ. Я очень недавно испыталъ, какъ страшно больно стоять у могилы и знать, что нѣтъ *того свѣта!*

... Однако, вопросъ этотъ оставимъ открытымъ.

А я лучше скажу въ заключеніе моего письма, какая мысль пришла мнѣ на дняхъ въ голову въ Камалдулинскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ стоитъ одиноко на вершинѣ горы, съ которой видна Гаета и Террачина, гряды горъ, идущихъ въ Абруццы, гряды идущихъ въ Калабрію, Неаполь, море, острова. Старый монахъ указывалъ мнѣ и называлъ горы и мѣстечки, потомъ замолчалъ. Сдѣлалась та особая нагорная тишина, которую я когда-

то слушалъ на Monte Rosa; солнце садилось не по-итальянски, тускло и блѣдно; даль покрывалась съ одной стороны темносиними тучами, наканунѣ былъ сильный дождь и гроза, къ ночи готовилась другая. Я облокотился на ограду и смотрѣлъ... и смотрѣлъ...

И не только смотрѣлъ на видъ, но и на монаха, и на него-то именно я смотрѣлъ съ глубокой завистью,—пожилъ бы въ этомъ торжественномъ одиночествѣ, но монастырь для насъ запертъ, это чужой отдыхъ, покой отъ другого бремени, отвѣтъ на другія стремленія. Куда въ самомъ дѣлѣ денется человѣкъ усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувшій за кулисы, и понявшій *оптическій обманъ?*

Потребность одиночества и удаленія будетъ непремѣнно расти; она, разумѣется, никогда не поглотитъ столько рукъ и силъ, какъ всякій гарнизонъ, но расти будетъ. Для страждущихъ духомъ современное общество приготовило только *сумасшедшій домъ.*

Психологія христіанства была глубже и гуманнѣе,—она пожалѣла уставшихъ.

(1863 г., № 173).

Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ.

Какой-то плоцкой корреспондентъ «Сѣверной Пчелы» (№ 308) повѣтствуетъ о томъ, что «я сложилъ свой вольный станокъ и собираю компанію, чтобы вывозить нечистоты изъ Лондона». Плоской корреспондетъ ошибся, до него дошли слухи о нечистотѣ, о Лондонѣ, о станкѣ... но онъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Я разскажу его самъ для пользы сѣверныхъ пчелъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ Англіи, меня чуть не постигла участь генералъ-адъютанта Кокошкина; я попалъ въ кучу русскихъ газетъ и чуть не задохнулся въ этихъ ямахъ полицейскаго срама и инквизиторскаго гноя. Что передъ ними неаполитанскія катакомбы и парижскія клоаки, что передъ ними Маратъ и Гебертисты... тѣ были фанатики tout de bon, не по тысячу цѣлковыхъ съ фанатизма, они, едва воскреснувшіе отъ долгаго гнета, неслись безъ оглядки, ошибались, ломали, лили кровь, теряли морально и физически голову, но были честны, но были чисты въ своемъ идеалѣ, въ своей вѣрѣ, а наши невскіе и москворѣцкіе Камиллъ Демулены, наши Père Duchêne'ы, фанатики рабства, бульдоги, дрессированные на поляковъ, цинические, дерзкіе, мерзкіе, наглые, опертые на двѣ полиціи, на цензуру, на консисторію, они возвели въ литературную рѣчь все грубое и гадкое,

что грязнило у насъ казарму, съѣзжую, помѣщичью переднюю и исправительную конюшню россійскаго *демократическаго* дворянства.

Меня почти обрадовалъ ввозъ этихъ нечистотъ въ Лондонъ,—дальше гниль, тупость, глупость, паденье идти не могутъ, далѣе полное разложеніе или новая жизнь... Ну, до разложенія намъ далеко,—здѣсь я скажу, какъ нянюшка принцессы Тюндентентронгъ въ «Кандидѣ»—on ne meurt pas de ces choses... Россія загрязнилась, но вынесетъ эту Mist-Kuhr!

А забавно видѣть, какъ на вонючей поверхности этой помойной ямы всякія пчелы, черви, оводы и золотомъ шитыя мухи поѣдаютъ другъ друга, особенно московскія петербургскихъ. Тутъ нашъ литературный Шешковскій-Катковъ оттаскалъ въ одномъ номерѣ двухъ министровъ и прямо говоритъ: «я служу,—да, я несу добровольную службу», какъ будто можно человѣка заставить противъ воли и доносить, и клеветать, и указывать жертвы и рукоплескать палачамъ? Твердо идетъ Катковъ по слѣдамъ Шервуда на завоеваніе титула *Вѣрнаго*, не даромъ Байборода напоминалъ съ поконъ вѣка Майбороду... Тутъ, возлѣ сильныхъ доносами—слабые, дрянные фискальчики:

Куда конь съ копытомъ мчится,
Ракъ съ клешней туда тащится
И давай писать.

Какой-нибудь эксъ-ракъ «Библіотеки для чтенія», романистъ, аферистъ, драматистъ, ставитъ на сцену новую русскую жизнь съ подхалюзой точки зрѣнія подъячаго, не совсѣмъ вымывшаго руки отъ... канцелярскихъ чернилъ, дѣлаетъ шаржи на событія, отъ которыхъ еще до сихъ поръ льются слезы, и чертитъ силуэты какихъ-то дураковъ въ Лондонѣ, воображая, что это наши портреты.

Видно, придется намъ выручать рака и прибавить ему небольшую картинку изъ романа:

ВЗБОЛТАННАЯ ПОМОЙНАЯ ЯМА.

Глава XVIII.

Подчиненный и начальники.

Подчиненный. — Находясь проѣздомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, счелъ обязанностью явиться къ вашему превосходительству.

Начальникъ А.—Хорошо, братецъ. Да что-то про тебя ходятъ дурные слухи?

Подчиненный. — Невиненъ, ваше превосходительство, все канцелярская молодежь напакостила, а я передъ вами, какъ передъ Богомъ, ни въ чемъ-съ.

Начальникъ В. — Вы не маленькій, чтобъ ссылаться на другихъ. Ступайте.

Эпиграфъ этотъ изъ романа, который былъ бы очень извѣстенъ, если-бъ существовалъ, живо представился герою нашего разсказа однимъ лѣтнимъ днемъ 1862 года...

Было вечеромъ, было въ дождливую погоду, было на островѣ Вайтъ.

Герой нашъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на море.

Почтовой факторъ стоялъ у дверей и смотрѣлъ на рыжую Кецаію.

Кецаія взошла съ письмомъ и посылкой и вышла безъ письма и посылки.

Герой нашъ пересталъ смотрѣть на море.

Почтовой факторъ продолжалъ смотрѣть на златовласую Кецаію.

Герой нашъ прочелъ слѣдующее: «Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей моей поѣздки въ Лондонъ состояла въ томъ, чтобъ лично узнать васъ, чтобъ пожать руку человѣка, котораго я такъ давно привыкъ любить и уважать. Когда вы воротитесь? Пожалуйста, сообщите объ этомъ NN, котораго я имѣлъ счастье знать еще въ R. R.».

P. S. «Я прошу васъ принять новое изданіе моихъ сочиненій въ знакъ *глубокаго... глубокаго* уваженія къ вамъ»...

И герой нашъ развернулъ сочиненія, переплетенныя въ сафьянахъ и позолотахъ, и не читалъ ихъ.

Прошла недѣля, лѣто и дождь продолжались... Кецаія осталась на маленькомъ островѣ, герой нашъ былъ на очень большомъ. Въ девять часовъ вечера шелъ дождь на Вестборнъ Терасъ и не одинъ дождь...

(Продолженіе потомъ).

P. S. По какому-то странному случаю, который мнительному человѣку показался бы вовсе *не случаемъ*, мы получили всѣ №№ «Сѣверной Пчелы», *за исключеніемъ 308*. Если-бъ князь П. В. Долгоруковъ не сказалъ намъ о томъ, что въ немъ напечатана назовная новость, мы не позаботились бы достать его. Нѣсколько предшествующихъ строкъ были набраны, когда мы прочли полную корреспонденцію. Вотъ что пишетъ плоцкой корреспондентъ «Сѣвер. Пчелы»:

«Я прежде удивлялся, читая повѣсти и разсказы изъ прошедшаго Польши, въ которыхъ говорится, что ни одного сеймика у поляковъ не обходилось безъ сабли и драки. Теперь это меня ни мало не удивляетъ, какъ не удивляетъ и то, что Герценъ вступилъ съ поляками въ близкое родство. Кстати, объ Герценѣ. Поляки считаютъ Герцена своимъ передовымъ человѣкомъ и хотятъ усыновить его (прекрасно! наши законы не мѣшаютъ такому сочетанію); черезъ евреевъ они въ большомъ количествѣ прежде выписывали печатныя бредни Герцена. Припомнился мнѣ

при этомъ случай, бывшій со мной года 3 тому назадъ. Мнѣ привелось по дѣламъ службы быть въ обществѣ польскихъ помѣщиковъ. Между своими разговорами они, между прочимъ, завели рѣчь и о Герценѣ: хвалили его, изъявляли сожалѣніе, что они не довольно хорошо знаютъ русскій языкъ, чтобы понимать Герцена. Я, разумѣется, потупя глаза, слушалъ, а самъ думалъ про себя: «подождите, онъ еще удружитъ вамъ и выведетъ васъ на свѣжую воду». И точно вывелъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сличить ученіе Герцена съ дѣйствіями поляковъ, то нетрудно замѣтить въ польскомъ пожарѣ тѣнь этого человѣка. Поляки вѣшаютъ,—это родная мысль Герцена; поляки отравляютъ,—это тоже по его части; поляки бросаютъ гранаты и жгутъ,—этому ремеслу подучилъ ихъ Герценъ. Теперь поляки понемногу начинаютъ понимать Герцена. Сужу это потому, что они пускаютъ про него не очень лестные слухи. Напримѣръ, здѣсь говорятъ, что Герценъ уже сложилъ свой «вольный станокъ, поставленный на британской землѣ», и собираетъ компанію, какъ вы думаете для чего? Для того, чтобы подрядиться у англичанъ вывозить всѣ нечистоты изъ Лондона. Выгоды громадныя, говорятъ, отъ этого подряда, а главное, тутъ будетъ много работы уму. Немало также услужилъ полякамъ и странствующій Долгорукій своимъ сочиненіемъ о Россіи. По его словамъ, такъ вотъ Россія и упадетъ и разрушится, и онъ же ящерицей ползетъ по ея развалинамъ, а поляки ему и повѣрили, да и не одни поляки, а кто-то и повыше ихъ повѣрилъ. Недаромъ Наполеонъ заученымъ языкомъ говоритъ: «Мнѣ измѣнили, мнѣ измѣнили!» Стыдясь сказать: «Меня обманули, меня обманули Герценъ, Долгорукій и подобные имъ индивидумы».

Мы не могли не перепечатать этихъ гнусныхъ строкъ, мы указываемъ ихъ всѣмъ честнымъ противникамъ и врагамъ нашимъ, пусть они знаютъ, съ кѣмъ они идутъ заодно. Не вытерпѣла «Сѣверная Пчела», ей не спалось отъ зависти,—и въ одинъ фельетонъ обѣжала Каткова... а, вѣдь, какъ она огорчилась, когда мы ее назвали официозной?

(1863 г., № 175).

Письма къ будущему другу.

NB. Авторъ этихъ писемъ былъ въ большомъ затрудненіи и только недавно вышелъ изъ него. Ему хотѣлось писать о всякой всячинѣ, т. е., исключительно о русской всякой всячинѣ, для этого форма письма самая широкая, она свободна какъ женская блуза, нигдѣ не шнуруетъ и нигдѣ не жметъ. По несчастью, у него не оказалось въ наличности ни одного отсутствующаго друга, по крайней мѣрѣ, такого, который желалъ бы что-нибудь знать, ни такого, которому бы хотѣлось что-нибудь писать. Единственный человѣкъ, который могъ бы выручить автора, живетъ съ нимъ черезъ коридоръ, что дѣйствительно не мѣшаетъ имъ иногда переписываться, но все же не въ такой степени, чтобъ изъ переписки сдѣлать литературную корреспонденцію.

Занятый этимъ предметомъ, авторъ вспомнилъ *предвареніе человѣка*, открытое почтамтомъ въ Россіи (кому въ самомъ дѣлѣ и умѣть открывать все запечатанное для другихъ, какъ не ему?). Если можно путешествовать по подорожной съ *будущимъ*, отчего же съ нимъ нельзя переписываться. Авторъ самъ былъ *будущимъ* въ одномъ *давно прошедшемъ* путешествіи, а *настоящимъ* былъ Васильевъ, рядовой жандармскаго дивизіона.

Взявъ все это въ расчетъ, авторъ рѣшился писать къ *будущему другу*, желая отъ всей души, чтобъ онъ сохранилъ свое доброе здоровье до первой встрѣчи съ нимъ, впередъ радуясь пріятному будущему знакомству.

Письмо первое.

Будущій другъ,

Извините, что я къ вамъ пишу, не зная порядкомъ, сколько вы заняты и много ли у васъ времени празднаго или, лучше, скучнаго, которое вы хотѣли бы разсѣять невеселой бесѣдой человѣка, начинающаго старѣть и продолжающаго ворчать...

Я долго крѣпился... но силъ не стало. Русскія новости и русскіе журналы дѣйствуютъ на меня какъ дурманъ или какъ пневматическая машина; я чувствую безпокойство чижа въ безвоздушномъ пространствѣ, я задыхаюсь, мнѣ кажется, что я, вы, мы оскорблены, унижены тѣмъ, что съ нами, при насъ смѣютъ такъ говорить,—злоба кипитъ, является желаніе мести, самозащищенія...

Долго думалъ я, что бы сдѣлать, чтобъ отвести душу, сначала придумалъ составить небольшую хрестоматію à la Noël et Chapsal изъ образцовыхъ усердій, преданностей, фискальствъ и проч. Журналы забываются, хрестоматіи—остаются. Обложилъ я себя,

какъ Лазарь, всѣмъ гноемъ, привезеннымъ за декабрь мѣсяцъ изъ-за Бельта и Зунда, съ береговъ счастливой Невы и благоразумной Москвы-рѣки.

Сначала все шло хорошо, я пріискалъ заглавіе и началъ, какъ ветошникъ, удить въ отечественныхъ канавахъ нашей журналистики... На всякій случай я вамъ сообщу, мой любезный будущій другъ, мой futur, написанный мною проспектъ-специменъ:

Перлословіе.

Подъ этимъ многознаменательнымъ названіемъ вознамѣрились мы низать крупицы, падающія съ богатаго стола нынѣ пирующихъ сановниковъ и іерарховъ русской мысли. Мы равно будемъ низать на наши четки, на наши ожерелья—духовно-полицейскіе апофтегматы Аскоченскаго и военносудныя сентенціи Каткова, бусы максимъ Громеки и капли офиціознаго воска, очищенныя отъ меда сѣверныхъ пчельниковъ и иныхъ вертоградарей россійскихъ, ежедневниковъ и мѣсячниковъ, наиболѣе апробованныхъ, поощренныхъ и взысканныхъ милостями высшаго начальства. Безъ излишней самонадѣянности думаемъ мы, что такое ожерелье равно пригодится старцу, женщинѣ, квартальному и ребенку для образованія ума, сердца и руки—да, и руки. Ибо рѣдкое перлословіе не напоминаетъ прописей,—здоровая мысль въ здоровомъ почеркѣ гораздо важнѣе, чѣмъ думаютъ нигилисты.

Но такъ какъ самыя пламенныя «пожеланія» [1]) все же имѣютъ

---

[1]) Желанія — s'est commun, vulgar, монархи, архіереи и сильные міра сего говорятъ въ важныхъ случаяхъ «пожеланія». Эта-та извѣстная разница Сергѣя и Сергія, сорочки и рубахи, которую мы не разъ объясняли. Послѣ новаго года государь-редакторъ «Моск. Вѣд.» обратился къ крѣпостникамъ разныхъ областей своихъ, «къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ, пришедшимъ (письменно) за Донъ отыскивать свободу крѣпостного права и благодарить за поддержку Муравьева, съ слѣдующими царственными словами: «Мы заключаемъ истекающій годъ изъявленіемъ благодарности нашимъ читателямъ, которые выраженіемъ своего сочувствія подкрѣпляли насъ въ нашей дѣятельности и теперь напутствуютъ насъ на дальнѣйшій трудъ. Эти сотни писемъ, которыя приходятъ къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ людей всѣхъ классовъ и званій, мы сохранимъ какъ дорогое свидѣтельство, что дѣятельность наша была не безплодна, и что она дѣйствительно была органомъ русскаго общественнаго мнѣнія. Никогда еще, сколько мы знаемъ, между газетою и обществомъ не устанавливалась такая несомнѣнная связь, какая въ настоящемъ году соединила «Московскія Вѣдомости» съ ихъ читателями. Мы были бы не въ состояніи отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій; но мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ полученныхъ нами коллективныхъ письмахъ. Мы благодаримъ дворянъ *Пензенскаго* уѣзда и чувствуемъ всю силу нравственнаго обязательства, которое возлагаютъ на насъ ихъ добрыя *пожеланія;* мы благодаримъ также дворянъ разныхъ уѣздовъ *Рязанской* губерніи», и проч. и проч. и проч.

преграды, несмотря на эпиграфъ «Man kann was man will», избранный Н. А. Полевымъ (столь преждевременно опочившимъ отъ полезныхъ трудовъ своихъ, не предвидя, какъ много послѣ него разведется въ отечествѣ нашемъ—Телеграфовъ и Булгариныхъ), то мы и признаемся откровенно, что, по дальности мѣстожительства, не имѣемъ возможности слѣдить за всѣми сокровищами, поистинно-обильной словесности нашей, особенно съ незабвенныхъ временъ, въ которыя отечество наше было постигнуто прогрессами. А потому мы съ благодарностью примемъ каждую крошку и крупицу, сметенную съ лукулловскаго стола отечественныхъ музъ, возлежащихъ пышнымъ вѣнкомъ голубыхъ васильковъ около чадолюбивой Паллады-Головнина.

Не стѣсняясь излишне строгой классификаціей, мы однако будемъ придерживаться системы, съ успѣхомъ употребленной въ народныхъ пѣсенникахъ, издававшихся въ началѣ нашего столѣтія.

Всѣ афоризмы, апофтегматы, изреченія, сентенціи и максимы мы будемъ дѣлить на:

I. Любовныя: a) *Любовь къ доносамъ*,
b) *Любовь къ «энергіи»*,
c) *и проч.*

II. Военныя: *Съ включеніемъ корпуса жандармовъ.*

III. Мирныя: *Съ включеніемъ управы благочинія и «Московскихъ Вѣдомостей».*

IV. Театральныя и т. д.

Но передъ первой рубрикой мы помѣстимъ, какъ и слѣдуетъ, безъ цифры (числа и мѣры нѣтъ!) отдѣлъ

Богословскій a) *Богословіе смирительное,*
b) *Богословіе уголовное.*

NB. Барковъ православія Аскоченскій и Катковъ безпоповщинцевъ Ермиловъ облегчатъ намъ весьма этотъ важный по нравственному значенію отдѣлъ. Эти великіе сподвижницы и ратаи блѣднѣющей власти духовной—не холодные «Камни Вѣры», а, такъ сказать, каменная болѣзнь православной церкви и неправославнаго кладбища.

Иногда мы дозволимъ себѣ, и то только въ нужныхъ мѣстахъ, приличныя поясненія, но никогда не дозволимъ неприличныя.

Напримѣръ, когда маститый П. М. Погодинъ говоритъ, а «Моск. Вѣд.» повторяютъ о томъ, «что прежде нежели думать объ освѣщеніи московскихъ улицъ газомъ или фотогеномъ, нужно подумать о томъ, чтобъ городъ имѣлъ полицію»,—не слѣдуетъ комментировать, стоитъ только пожалѣть бѣдное и обширное отечество наше, все имѣющее, и свободу, и законы, словомъ все, и не имѣющее *полиціи.*

Или когда самъ Катковъ въ статьѣ, направленной противъ Суворова («Моск. Вѣд.», 31 дек.) и слабыхъ душъ въ правительствѣ:—«Эти люди въ польскомъ помѣщикѣ готовы видѣть жертву, но русскаго помѣщика, *который былъ главнымъ орудіемъ государственной жизни Россіи*, они готовы были бы затравить всѣми собаками»... Что же тутъ прибавлять, развѣ ободреніе помѣщикамъ, что отъ всѣхъ людей и отъ всѣхъ собакъ ихъ спасетъ, ихъ упокоитъ и отогрѣетъ редакція «Московскихъ Вѣдомостей».

Но когда максима Громеки, упрекая (не безъ оговорокъ въ взаимномъ уваженіи) Каткова въ томъ, что онъ «воздвигъ гоненія даже на малороссійскія азбуки», ставитъ ему въ вину, что онъ «приглашаетъ прекратить гоненіе на всю раскольничью литературу, на твердо организованныя секты, на изувѣровъ, непризнающихъ ни *Бога*, ни властей, ни брака, ни собственности», восклицаетъ: «Развѣ расколъ не интрига!»,—нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Отдавая полную справедливость искусному движенію краснорѣчія и вполнѣ соглашаясь, что если *брака нѣтъ*, то, конечно, это *интрига*, читатель все же въ правѣ спросить, какія же именно секты не признаютъ *Бога*? Конечно, тутъ считано на одно ораторское движеніе и на рикошетъ, конечно, similia similibus можно приложить къ доносамъ, но тогда надобно быть увѣрену, что контръдоносъ можетъ быть вреденъ одному Каткову. Въ сущности, что за бѣда, что Катковъ кого-нибудь помилуетъ, кому-нибудь смирволитъ... Петербуржцы думаютъ, что все дѣлается изъ корысти,—нѣтъ, многое дѣлается и просто изъ выгоды, изъ обмѣна братскихъ послугъ...

... Au clair de la lune
Mon ami Katkoff,
Prête moi ta plume,
Je signe Ermiloff!

... На этой пѣсни я запнулся и далѣе ни мой specimen-prospectus, ни мое низаніе перловъ не пошло. Мнѣ попалась такая жемчужина, что я остановился...

Беру свѣжій листъ «Московскихъ Вѣдомостей» и читаю:

«Мятежные помѣщики (Августовской губ.) не забыли и слабыхъ сторонъ человѣческаго сердца (для привлеченія крестьянъ къ возстанію), они во многихъ мѣстахъ простили чиншъ крестьянамъ и подарили имъ землю, подъ условіемъ ратовать совмѣстно съ ними за отчизну; но и это не пошло имъ впрокъ; крестьяне чинша не заплатили, а возмутителей выдали».

Есть гнусности, надъ которыми смѣшное не имѣетъ призу, онѣ слишкомъ гадки, гадки до какой-то нѣмой печали. Какъ дол-

женъ былъ пасть отъ рабства народъ, который одной рукой беретъ даръ, а другой сѣдлаетъ клячу, чтобъ скакать съ доносомъ на того, котораго сейчасъ благодарилъ за его даръ. Это ужасно. И замѣтьте, что коронный журналистъ передаетъ это не только безъ малѣйшаго порицанія, но чуть ли не съ улыбочкой.

Бросаю «Вѣдомости» и беру «Русскій Вѣстникъ». Развертываю статью о «Гайдамачинѣ» и читаю (дѣло идетъ о взятіи Желѣзняка). «Генералу Кречетникову велѣно было отправиться подъ Умань, гдѣ находился Желѣзнякъ... Казаки не знали, зачѣмъ явились войска. Кречетниковъ, *избѣгая кровопролитія*, рѣшился захватить гайдамаковъ хитростью. Устроивъ свой обозъ, онъ послалъ просить къ себѣ Желѣзняка и старшинъ; велѣлъ сказать имъ, что у него есть до нихъ важное дѣло. Казацкіе старшины отказались ѣхать къ Кречетникову. Тогда, взявъ съ собой нѣсколько офицеровъ, онъ самъ отправился въ казацкій лагерь. И генералъ, и офицеры старались быть какъ можно *любезнѣе съ казаками* и предлагали имъ вмѣстѣ идти противъ конфедератовъ. Послѣ этого перваго посѣщенія, Кречетниковъ *ежедневно* бывалъ въ казацкомъ лагерѣ и скоро успѣлъ уничтожить въ казацкихъ старшинахъ всякую тѣнь подозрѣнія.

«Такъ прошло нѣсколько дней. Остальныя войска уже приближались и Кречетниковъ рѣшился приступить къ развязкѣ. Однажды онъ объявилъ старшинамъ, что уже пришло время идти *противъ конфедератовъ*, и пожелалъ передъ походомъ обозрѣть войско въ боевомъ порядкѣ и осмотрѣть оружіе и прочія походныя принадлежности. *Ничего не подозрѣвая*, старшины велѣли казакамъ собраться вмѣстѣ, пригнать лошадей и сложить въ одно мѣсто для обзора сѣдла, оружіе и прочую аммуницію.

«Послѣ смотра Кречетниковъ позвалъ казаковъ на пиръ. У него было заранѣе приготовлено большое количество вина, меду и другихъ напитковъ. Русскіе солдаты получили приказаніе остерегаться много пить, а болѣе потчевать казаковъ. Старшины были приглашены въ ставку генерала, гдѣ Кречетниковъ не жалѣлъ для нихъ вина. Казаки загуляли, вино лилось рѣкой. Это былъ послѣдній казацкій пиръ: *впереди ихъ ожидала тяжелая участь.*

«Ночью, когда въ казацкомъ лагерѣ все спало мертвецкимъ сномъ, Кречетниковъ отдалъ приказъ полку донскихъ казаковъ, еще во время пира незамѣтно приблизившемуся къ лагерю и ожидавшему условленнаго сигнала, двинуться въ лагерь, захватить сложенное въ одномъ мѣстѣ оружіе, забирать лошадей, вязать казаковъ, но не стрѣлять, чтобы не надѣлать шуму. Войска въ точности выполнили приказъ. Оружіе было взято, и сонныхъ безоружныхъ казаковъ начали вязать. Желѣзнякъ и Гонта были захвачены вмѣстѣ съ другими старшинами и атаманами. На слѣ-

дующее утро плѣнники спросили Кречетникова, что значитъ этотъ плѣнъ и его поступокъ съ ними. Кречетниковъ отвѣчалъ, что, по приказанію русскаго правительства, онъ долженъ былъ взять ихъ какъ разбойниковъ. Запорожцы были отправлены въ Кіевъ; поселянъ и казаковъ заднѣпровскихъ Кречетниковъ отдалъ польскому рейментарю Іосифу Стемпковскому и субальтерну его Якову Комаровскому. Желѣзнякъ пошелъ въ Кіевъ, Гонта остался въ рукахъ поляковъ.

«По произведенному въ Кіевѣ слѣдствію 154 казака были разосланы во внутренніе гарнизоны; 6 человѣкъ пошли въ Сибирь; нѣкоторые были наказаны кнутомъ.

«Надъ гайдамаками заднѣпровской Украйны, отданными въ руки польскаго правительства, былъ учрежденъ генеральный военный судъ. Исполнителемъ приговоровъ этого суда былъ рейментарь украинской партіи, Стемпковскій. Какъ отъ суда, такъ и отъ жестокой личности рейментаря Стемпковскаго нельзя было ожидать гайдамакамъ ни пощады, ни милосердія. Стемпковскій хотѣлъ было казнить Гонту сейчасъ же по взятіи его, но имѣя въ отрядѣ только 400 человѣкъ, онъ боялся остаться лишній день и повелъ Гонту съ товарищами къ Могилеву на Днѣстрѣ. Тамъ, недалеко отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ, остановились палачи съ своими жертвами. Гонтѣ былъ прочитанъ приговоръ, по которому казнь распредѣлялась на четырнадцать дней. Онъ выслушалъ приговоръ хладнокровно и стоически приготовился къ смерти. Началась лютая казнь. Гонта героически вынесъ ее, не просилъ ни пощади, ни помилованія. Отрубленную голову его воткнули на колъ, а тѣло было разрублено на 14 частей и развѣшено въ различныхъ мѣстахъ на 14 висѣлицахъ».

И народъ долго помнилъ казнь Гонты и пѣлъ—

Підкинувшись підъ Умань, Гонту изловили.
Вони-жь іого на самъ передъ барзо привітали,
Черезъ сімь дней зъ іого кожу на полі здирали.
И голову облупили, сілью насолили,
Потімъ ему якъ чесному назадъ положили.

Итакъ вотъ нравственный результатъ великаго *материка* рабства... Вотъ каково было *главное* орудіе государственной жизни въ Россіи, и вотъ что сдѣлано этимъ орудіемъ изъ народа. Вѣдь, сто страшно! Масса—потерявшая чувство *правды* отъ двойного гнета. Холопская аристократія, генералы и офицеры, играющіе роль капканщиковъ, дружески бесѣдуютъ, пьютъ цѣлые дни, чтобъ безъ малѣйшей опасности перехватать людей, вѣрившихъ, и не безъ основанія, въ помощь Россіи, и выдать ихъ — ихъ злѣйшему врагу...

Какое же искупленіе будетъ достаточно и народу, и правительству, и его дворнѣ, и развратникамъ слова наши?..

Прощайте,—невозможно продолжать.

(1864 г., №№ 180 и 181).

Письмо второе.

Отлегло немного на сердцѣ... я опять къ вамъ... Ну, надѣвайте-ка охотничьи сапоги, съ высокими голенищами, и пойдемъ мѣсить грязь и продираться разными чапыгами родныхъ болотъ и сѣчей.

Куда идти?—Да вотъ по дорогѣ, страшная, двухмѣсячная маремма «Отечественныхъ Записокъ», рыхлая, глинистая... Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и она, какъ нѣкогда болота понтійскія, была плодоносна... но вы знаете, что подъ солнцемъ (а можетъ, и надъ нимъ) ничто непрочно.

Съ «Отечественными Записками» былъ, между прочимъ, года два тому назадъ переломчикъ; обожглись онѣ самымъ непріятнымъ образомъ на пожарѣ Апраксинскаго двора, явившись на пепелищѣ онаго, безъ всякой нужды, какими-то саперами предкатковитами и требуя небывалыя казни *зажигателямъ*, тоже небывалымъ. Ошибка была очевидна; начальство, скупавшее тогда по дешевымъ цѣнамъ на Конной въ Москвѣ игроковъ, шулеровъ, школярей, риторей, не приняло «Отеч. Записки» *за свои*, а честная сторона публики отшарахнулась отъ нихъ (это было до патріотической моровой язвы). Сердится Андрей Александровичъ, сердится Громека, «все это крайнія мнѣнія, рѣзкія сужденія, ненадобно крайнихъ мнѣній, ненадобно рѣзкихъ сужденій,—надобно ничего не рѣжущій, обоюдотупой мечъ, чтобъ всякій разъ, когда вы ничего не рѣжете, каждый, не чувствуя боли, могъ бы думать, что вы рѣжете его противника».

Затѣмъ вершины «Отечественныхъ Записокъ», для перемѣны декораціи, подернулись туманомъ благоразумія и потеряли очертанія односторонностей; величественная масса облаковъ, которыя можно принять за верблюда и за рыбу, какъ въ Гамлетѣ, и которыя въ сущности *ни рыба, ни мясо*, покрыли ихъ. Своей двуснастной натурой онѣ напоминаютъ намъ, во-первыхъ, опять-таки болото, которое не земля, да и не вода, во-вторыхъ, одного русскаго помѣщика, проживавшаго въ Парижѣ лѣтъ 15 тому назадъ. Онъ довелъ свое бѣгство отъ крайностей и свою многосторонность до того, что лишился всякой способности заказать себѣ штаны или сюртукъ. «Мнѣ бы хотѣлось», толковалъ онъ портному, «просто сюртукъ, чтобъ можно было гулять утромъ, разумѣется, все же, чтобъ запросто вечеромъ можно было въ немъ

куда-нибудь идти,—вы ужъ, пожалуйста, не очень узко, пускайте иногда въ дурную погоду придется его вмѣсто пальто надѣть, только сдѣлайте одолженіе не слишкомъ широко, такъ чтобъ и пальто можно было сверхъ него надѣть».

По несчастью, сбивчивость понятій обязываетъ, не меньше дворянства, не только къ безвредной и прѣсной галиматьѣ, но и къ дѣйствительно-статскосовѣтническому взгляду на дѣла людскія, важно скрывающему неважное содержаніе свое, къ жаждѣ чиновитой *респектабельности*, къ привычкѣ говорить нѣсколько въ носъ о заблужденіяхъ молодежи и къ легкому усилію соединять съ несомнѣннымъ либерализмомъ полицію и справедливость къ благодѣтельнымъ видамъ правительства.

Все это очень старо и потому вынести можно; но когда какой-нибудь литературный охотникъ «Записокъ» ставитъ почтеннаго автора «Записокъ Охотника» на ряду съ моей внучатной бабушкой Фаеной Егоровной, этого допустить нельзя. Но я забылъ, что вы обязаны знать, кто сочинитель «Записокъ Охотника», но вовсе не обязаны знать, кто была Фаена Егоровна. Ихъ было двѣ, т. е., не двѣ Фаены Егоровны, а у нея была сестра не-Фаена Егоровна; у каждой сестры былъ мужъ въ незапамятныя времена и тогда же умеръ. Не-Фаена Егоровна поселилась въ Троицкосергіевской Лаврѣ и занялась исключительно богомольемъ. Фаена Егоровна поѣхала въ Орловскую деревню и занялась не только духовнымъ хозяйствомъ, но и сельскимъ. Она иногда, года черезъ два-три, наѣзжала въ Москву; все это принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда гражданинъ Бушо преподавалъ мнѣ сюбжонктивы и французскую революцію, а гражданинъ московскаго университета—«Думы» Рылѣева и ариѳметику.

Пріѣзжаетъ такимъ образомъ однажды Фаена Егоровна сперва въ Москву, потомъ въ нашъ домъ. Вышла она за чѣмъ-то въ дѣвичью и видитъ, что пожилая горничная учитъ грамотѣ какую-то дѣвочку.—«Мать пресвятая богородица»—взговорила, остановившись въ дверяхъ, Фаена Егоровна. «Это что? съ какой это стати и къ чему дѣвочкѣ знать грамотѣ,—въ полномъ-ли умѣ баринъ-то вашъ? Гдѣ ты-то сама, безстыдница, набралась въ книжку читать, вѣдь, я тебя помню, когда ты босикомъ бѣгала и мать твою курносую дуру помню», и разсерженная старуха, съ нѣкоторой горестью и участіемъ къ дѣвочкѣ, говорила моему отцу: «Нехорошо, мой другъ, нехорошо (слово *несвойственно* не употреблялось въ тѣ патріархальныя времена)—къ чему, подумай, она выучится читать—раба..... служить надобно, покоить господъ... а тутъ то ли на умѣ... пѣсни гадкія прочтетъ... Чего добраго, выучится читать — выучится писать, и напишетъ любовную цидулку».

По странному стеченію географическихъ случайностей, въ то время какъ Орловская помѣщица проповѣдывала этотъ путятинскій взглядъ на народное образованіе, въ той же Орловской губерніи беззаботно бѣгало въ своемъ саду въ красненькой рубашечкѣ, подпоясанной торжковскимъ пояскомъ двухъ-трехлѣтнее дитя, о которомъ вотъ что пишутъ въ четверомѣстной книжкѣ «Отечеств. Записокъ»:

«Г. Тургеневъ, желая выразить, до какой уродливости можетъ доходить эмансипація дѣвушки, вывелъ въ своемъ романѣ «Отцы и дѣти» нѣкую Кукшину, занятую въ Гейдельбергѣ эмбріологіей. Онъ думалъ, что этимъ поразитъ на голову несвойственныя женщинамъ занятія. И, однакожъ, онъ рѣшительно не достигъ цѣли, сколько можемъ судить по существующимъ и процвѣтающимъ у насъ Кукшинымъ. Спрашивается, отчего, казалось бы, ударъ, направленный такъ вѣрно, не удался? Предполагаемая ложь осталась живущей въ обществѣ, и намъ случилось читать одинъ рукописный разсказъ, гдѣ именно, наперекоръ г. Тургеневу, молодая дѣвушка, бесѣдуя въ самомъ интимномъ tête à tête, разсказываетъ своему *милому* цѣлый курсъ эмбріологіи. Повѣсть именно написана для доказательства, что ни чувство дѣвической скромности, ни та стыдливость, которая выработана двухтысячелѣтнею христіанскою цивилизаціей, нисколько не шокируется подобнымъ разговоромъ, подобнымъ занятіемъ.

«Все это доказываетъ только, что г. Тургеневъ слишкомъ вскользь коснулся того вліянія, которое требовало болѣе всесторонней разработки, которое проявляется не въ однихъ безобразныхъ Кукшиныхъ».

Не смѣю сомнѣваться въ словахъ ученаго критика, но признаюсь откровенно, онъ не убѣдилъ меня. Я читалъ все, что писалъ Тургеневъ, не только хорошее, но и дурное. Тургеневъ очень умный человѣкъ, у него бездна образованія, такта и вкуса. Какъ же я повѣрю, что онъ «думалъ Кукшиной поразить на голову *несвойственныя* занятія женщинамъ», понимая подъ ними *физіологію*? Не вѣрю, да и только. Лице Кукшиной вообще неудачно и пошло... Тургеневъ слабъ и даже плохъ тамъ, гдѣ онъ, насилуя свой талантъ, пишетъ на заданную политическую и полемическую тему; онъ впадаетъ въ шаржу и Кукшина такъ же не типъ, а каррикатура, какъ князь Луповицкій К. Аксакова. Особеннаго вреда въ этихъ паясничествахъ нѣтъ; назначаемыя для потѣхи извѣстнаго райка, намалеванныя яркими красками, иногда избалованной кистью зазнавшагося мастера, иногда памфлетистомъ для того, чтобъ пріударить противниковъ, они не имѣютъ серьезнаго значенія, и тѣмъ паче такого громаднаго значенія, какъ г. критикъ приписалъ Тургеневу. Вѣдь, не у Тур-

генева размягчился мозгъ въ Парижѣ, чтобъ можно было думать, что онъ поддерживаетъ мнѣніе Фаены Егоровны объ исключеніи женщинъ изъ науки и о томъ, что плохой фарсой «онъ на голову побилъ» вопросъ, стоящій теперь на первомъ планѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ.

Что женщина, занимающаяся эмбріологіей, можетъ быть очень смѣшна и очень противна, это правда; но и то правда, что въ комедіяхъ Островскаго вы найдете женщинъ еще смѣшнѣе и еще противнѣе, никогда не занимавшихся теоретической эмбріологіей. Стало быть, если за это кого-нибудь надобно казнить, то не теоретическую и не практическую эмбріологію, а женщинъ вообще.

Запретить ихъ какъ-нибудь на французскій манеръ, конечно, можно и дѣло пойдетъ какъ по маслу:

§ 1. Женскій полъ отмѣняется.

§ 2. Родъ человѣческій раздѣляется по образу кавалеріи на два мужскихъ пола:

a) Тяжелый мужской полъ.

b) Легкій мужской полъ (прежде бывшій женскій).

Тогда у женщины не отнимется возможность изъ *матери-самки* перебраться хоть черезъ Кукшину, но все-таки къ человѣческому значенію. Тогда не будутъ имъ запрещать учиться вообще или дозволять учить только до такой-то главы, какъ въ старые годы гувернантки особенно назначали барышнямъ тѣ страницы, которыхъ читать ненадобно.

Говорить о несвойственности эмбріологіи для того и другого пола,—безумно. Можно заниматься эмбріологіей съ чистотой дѣвы и читать Библію какъ Фоблаза. Грязенъ не предметъ, грязенъ человѣкъ и, разумѣется, всего грязнѣе монахъ, боящійся чего-то развратнаго во всемъ тѣлесномъ.

Не знаю, приводилось ли слышать издателямъ «Отечеств. Записокъ» о томъ, что лѣтъ двѣсти тому назадъ жилъ одинъ еврей (евреи бываютъ очень богатые люди [1]), по прозванію Барухъ Спиноза; оттого ли, что ему, какъ еврею, не доставало стыдливости, выработанной «двухтысячелѣтней христіанской цивилизаціей», или оттого, что онъ не родился въ Орловской губерніи, но только онъ тогда еще проповѣдывалъ, что природа вообще не нравственна и не безнравственна, и что, слѣдственно, ея знаніе само по себѣ не можетъ быть ни цѣломудренно, ни пахабно; а цѣломудріе и пахабство вносятся лицомъ, въ томъ родѣ какъ въ простонародномъ повѣріи человѣкъ въ желтухѣ, пристально смотря на рыбу, передастъ ей желчь. Ту же нехристіанскую мысль имѣлъ и христіанинъ Шекспиръ, го-

[1]) Замѣчаніе для directeur en chef „Отечественныхъ Записокъ“.

ворившн, что человѣкъ придаетъ предмету его высоко-эстетическое значеніе или грязно-гадкое.

Но кто прежде Шекспира и Спинозы это выразилъ не на словахъ, а на дѣлѣ,—это искусство; первый «ударъ по головѣ» монашеской стыдливости нанесли кисти и рѣзцы всѣхъ великихъ художниковъ. Лишь только искусство стало на свои ноги и оперилось послѣ церковнаго мрака, духоты, подавляющаго молчанія, оно начало срывать съ себя рясы и покровы; снова голое человѣческое тѣло стало обнажаться во всей пластической апотеозѣ своей, и что же вышло изъ подъ не стыдливаго рѣзца, не цѣломудренной кисти? Образа, *одни образа*!

Обернулись люди, съ историческимъ угрызеніемъ совѣсти, въ отверженное былое, порылись между развалинами безпутной Греціи, распутнаго Рима (извѣстно, что древніе безстыдники, лишенные двухтысячелѣтняго воспитанія въ тѣлобоязнь и тѣлоумерщвленіе, ваяли свои статуи такъ-таки нагишемъ, какъ мать родила), и откопали нѣсколько грѣховныхъ истукановъ ихъ. Что-же вышло? И это *все образа*, и человѣкъ невольно очищается и молится передъ ними.

Надобно было все вліяніе «двухтысячелѣтняго воспитанія» въ развратѣ празднаго, несыто-холостого, клерикальнаго воображенія, чтобъ попамъ пришло въ голову въ Римскихъ галлереяхъ наградить статуи виноградными листами—и натянуть черезъ это нечистый намекъ. Дѣвственники вы мои, цѣломудренники Иваны Орлеанскіе, какъ вы мелко плаваете!

И неужели критиканъ «Отечеств. Записокъ» думаетъ, что достаточно было бы Тургеневу уговорить Кукшину (что, вѣроятно, при ея леченіи шампанскимъ и не представило бы большихъ затрудненій) стать возлѣ Венеры въ флорентійскихъ Уффиціяхъ на пьедесталѣ и снять съ себя рубашку, что онъ и поразитъ на голову *несвойственное* неглиже статуй и что искусство снова лишится великаго, единаго идеала своего—красоты человѣческаго тѣла?

И знаете ли, что всего страннѣе, передъ полиціей виноватыми остались бы не Венера и не Кукшина, а Тургеневъ, vir pudicus, который привелъ пьяную дуру въ порядочное общество. Вотъ и ищи справедливости въ мірѣ.

Сказанное объ искусствѣ относится и къ наукѣ. Простое отношеніе къ природѣ, къ ея наивной наготѣ, къ ея святой, чистой наготѣ, никогда не загрязнитъ ничьего воображенія.

Не *эмбріологія несвойственна*; а болѣзненная, натянутая цивилизація, вгоняющая равно все страстное и свѣтлое, всякое естественное чувство и здоровое отношеніе внутрь—*несвойственна* больше человѣку. Она такъ исказила воображеніе, что все есте-

ственное приводитъ его въ краску при *свидѣтеляхъ;* она его, сверхъ того, привела къ тому ряду тайныхъ и постныхъ грѣховъ, въ которыхъ страсть нераздѣльна съ преступленіемъ, ложью и двуличіемъ.

Не естественныя науки образовали игуменью Дидро, эту несчастную мученицу нелѣпаго обѣта.

И я готовъ сослаться даже на какого-нибудь путешественника къ святымъ мѣстамъ, что *голой* мальчикъ Фландрена, напр., *и ему* не навѣялъ ничего чувственнаго.

Все это кажется ясно и можно бы кончить. Но тутъ по дорогѣ является вотъ какая дилемма. Если женщинѣ несвойственно заниматься эмбріологіей, то тѣмъ болѣе несвойственно заниматься и акушерствомъ, или всѣ повивальныя бабки и акушерки должны быть поставлены au ban de la société, какъ палачи, сыщики, шпіоны, люди, сгубленные въ общественномъ мнѣніи въ пользу общественной нужды. А между тѣмъ я, не находящій ничего несвойственнаго для женщины заниматься эмбріологіей, совершенно раздѣляю отвращеніе русской женщины отъ акушера. Надобно и тутъ было ниспроверженіе всѣхъ понятій, что бы въ странѣ, въ которой слово «shocking» гораздо выше поставлено, чѣмъ слово «безнравственно», чтобъ тамъ пріучить женщину родить, и родить въ первый разъ, на рукахъ у какого-нибудь атлета 30 лѣтъ съ пробором сзади и спереди. На Западѣ, благодаря католико-пуританскому воспитанію,—это сдѣлалось необходимостью; повивальныхъ бабокъ, акушерокъ, сколько-нибудь смыслящихъ дѣло, нѣтъ, нѣтъ почти нигдѣ; тутъ, стало, и выбора нѣтъ. Америка первая возстала противъ этого. Въ Россіи, при университетахъ, при воспитательныхъ домахъ, образовались и образуются повивальныя бабки; что же, не закрыть ли во имя Кукшиной всѣ эти школы по *несвойственности* эмбріологіи съ цѣломудріемъ и двухтысячелѣтней стыдливостью?..

Въ заключеніе, разскажу вамъ одинъ случай, бывшій на моихъ глазахъ. Одинъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, занимался у одного изъ моихъ друзей сравнительной анатоміей. Естественно въ молодомъ человѣкѣ явилась подъ вліяніемъ обычныхъ намековъ и укрываній рьяность узнать все относящееся до тайны зачатія, беременности и пр...

— Погодите, сказалъ мнѣ натуралистъ, я вылечу молодого человѣка.—Такъ ты, другъ мой, очень интересуешься рожденіемъ дѣтей, беременностью? Что же, дѣло похвальное, брось пока остальныя занятія, мы займемся исключительно эмбріологіей, и начнемъ съ самыхъ простыхъ животныхъ.

Натуралистъ этотъ—извѣстный Карлъ Фогтъ; молодой человѣкъ—мой сынъ. Какъ онъ его выдержалъ мѣсяца два-три на

разныхъ препараціяхъ, да потребовалъ, сверхъ препараціи, знанія до мелочей всѣхъ органовъ, частей, съ звѣздчатыхъ начиная,— какъ рукой снялъ шаловливой интересъ.

Конечно, жаль, что Карлъ Фогтъ не догадался сказать мальчику, что это несвойственно съ его двухтысячелѣтнимъ воспитаніемъ въ христіанскую стыдливость... Я ему напишу завтра объ этомъ для руководства. А теперь прощайте.

(1864 г., № 182).

Письмо третье.

Любезный другъ,

Моя любовь къ вамъ, съ которымъ я никогда не встрѣчался, можетъ служить завѣреніемъ, какъ я люблю людей, съ которыми встрѣчался хоть одинъ разъ, и вы нисколько не удивитесь, когда я вамъ скажу, что я съ радостью увидѣлъ записки Ф. Вигеля въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Ф. Вигеля я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ 1845—46 годахъ. Онъ слылъ человѣкомъ злорѣчивымъ, самолюбивымъ, обидчивымъ, колкимъ и «умнымъ»; онъ былъ извѣстенъ объясненіемъ Пушкина, почему портной Бригель кроитъ иначе платье, когда ему заказываетъ ихъ Вигель. Чаадаевъ былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ поднялъ офиціальное гоненіе на его извѣстное письмо. За всѣ эти достоинства, мягкое московское общество принимало его съ нѣкоторымъ почетомъ.

Съ первой встрѣчи онъ сдѣлался мнѣ противенъ; жеманно-натянутый, онъ кокетничалъ злословіемъ; привыкнувъ говорить съ людьми меньше его образованными, онъ придавалъ вѣсъ своимъ обыденнымъ замѣчаніямъ; дѣльнаго или дѣйствительно умнаго, я отъ него ничего не слыхалъ. Такимъ онъ является и въ своихъ запискахъ.

Вигель называетъ себя «посредственнымъ», считая, что читатель это отнесетъ къ его скромности; но именно его *посредственность*, его не глупость и не умъ, его узкій взглядъ придаетъ достоинство его разсказамъ. Кругъ, освѣщенный его фонаремъ,—не великъ, но онъ не подкрашиваетъ предметы, а только, какъ всѣ дурныя стекла, дѣлаетъ около нихъ рамки. Вигель ни на волосъ не выше той среды, въ которой жилъ свою жизнь. Онъ исполненъ всѣми предразсудками того накожнаго и нездороваго кряжа, къ которому онъ принадлежалъ и у котораго все заимствовалъ даже *нѣмецкую* любовь къ русскому отечеству. Отъ того онъ и намѣренно не могъ настолько исказить гуртовые факты, или настолько отойти отъ истины, чтобъ это мѣшало дѣлу. Человѣкъ лжетъ по образу и подобію своему.

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова, простодушныя записки честнаго Болтова и вовсе недобродушные разсказы Вигеля помогаютъ намъ сколько-нибудь узнать наше неизвѣстное прошедшее—не VIII столѣтія, его знаетъ М. П. Погодинъ, а XVIII и XIX. Прошлый вѣкъ—канцелярская тайна, мы его знали по офиціально-газетной риторикѣ, и то чрезвычайно мало. Оттого-то намъ и кажется, что Россійская имперія—какая-то стародавняя всегдашность, изъ подъ вѣкового гнета которой трудно выйти, что ея учрежденія окрѣпли и посѣдѣли, распускаясь вѣтвистыми корнями въ глубь глубины.

А все это еще не просохло и едва построено вчернѣ, все грубо, кое-какъ наброшено и очень недавно стало осѣдать и принимать почтенный видъ правильнаго государственнаго организма.

Въ половинѣ XVIII столѣтія имперія представляетъ собой продолжающееся военно-гражданское занятіе обширной и малонаселенной страны, мирно завоеванной какой-то петербургской лейбъ-компаніей. Тянутся еще дворяне-сеттлеры расчищать лѣса, заводятъ пашни въ степяхъ, строятъ усадьбы, скупаютъ рабовъ, сгоняютъ ихъ на плантаціи, наполняютъ житницы хлѣбомъ, сѣкутъ мужиковъ и бабъ, а иногда и собственныхъ женъ. Судъ, земская полиція почти неизвѣстны, а въ случаѣ несчастья есть у нихъ милостивцы въ Петербургѣ. Плетутся еще чиновники на кормленіе службой—голодные и алчные, но съ краснымъ воротникомъ и съ пропорціональной долей царской власти и осѣдаютъ саранчей на города и уѣзды... тяжелѣютъ и сливаются съ общей массой помѣщиковъ, гибнутъ въ грязи и бѣдности, или вновь тянутся къ источнику всѣхъ благъ—къ канцелярской родинѣ своей на берега Невы, чтобъ плестись оттуда въ иные вѣдомства и края.

Закабаленные *туземцы*, отданные во власть военно-гражданской компаніи, еще не были окончательно сломлены и порывались сбросить съ себя кучку пришлецовъ и пройдохъ. Но цивилизаторы побили дикихъ; крамольный кацикъ нашихъ православныхъ индѣйцевъ, Пугачевъ, замученъ въ Москвѣ и крѣпостной порядокъ мирно и невозмущаемо упрочился до 19 февраля 1861 года. Возстанія были степныя, сельскія, полевыя, которыя иногда овладѣвали городами, но въ самихъ городахъ все обстояло благополучно и это потому, что они по большей части были выдуманы и существовали для администраціи и чиновниковъ-побѣдителей.

Но что это за каста, что за народъ, который побѣждаетъ и усмиряетъ, расчищаетъ лѣса и пишетъ протоколы, водитъ солдатъ и подводитъ законы.

Невѣроятнѣйшій сбродъ всего на свѣтѣ составлялъ эту петербургскую *сѣчь*,—сказали бы мы, если-бъ намъ не жаль было

бѣдныхъ запорожцевъ. Бритые русскіе князья и бояре, иностранная сволочь, шедшая на добычу, рейтеры и ланскене всѣхъ краевъ міра, пасторскіе дѣти и профессора, шулера и военноплѣнные, остзейцы, финляндцы, шведы, поляки, молдоване, сербы, греки, татары, нѣмцы и нѣмцы... Чего и чего тутъ не было— отъ свѣтлѣйшаго князя Кантемира до чернаго инженеръ-генерала, оставившаго Пушкину въ наслѣдство курчавые волосы и африканскія черты. П. В. Кирѣевскій говаривалъ, что разсадникъ великихъ фамилій, окружавшій Петра I, представлялъ тотъ элементъ въ народѣ нашемъ, который онъ самъ выразительно называетъ *голью кабацкой*; она-то—какъ нормандскіе бароны Англію— раздѣлила Россію на вѣдомства и управленія, провинціи и округи и пошла володѣть ею.

Откуда и какъ идутъ эти новые Рюрики и Синавы, можно ясно прослѣдить въ генеалогіи нашего героя.

Не предвидя своего будущаго патріотизма, Вигель долго гордился своимъ шведскимъ происхожденіемъ и переставалъ не потому, чтобъ Россію предпочелъ Швеціи, а потому, что узналъ, что прадѣдъ его былъ финнъ, да еще низкаго происхожденія. Чтобъ придать себѣ важности, финнъ прибавилъ къ своей фамиліи латинское us и сдѣлался *Вигеліусъ*. Но это окончаніе не понравилось дѣду нашего повѣствователя, и онъ снова возвратился къ фамиліи Вигель. Служилъ онъ съ самаго дѣтства въ шведской военной службѣ и капитаномъ драбантскаго полка былъ взятъ русскими подъ Полтавой. Въ Сибирь его не послали, думаетъ его внукъ, потому, что «изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы остзейскихъ провинцій, содѣлавшіеся новыми подданными Петра I».

«Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой, говоритъ Вигель, и не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ, женился, плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію». У него было семь сыновей. Четырехъ онъ отправилъ на службу Фридриха II; одинъ старшій сынъ уцѣлѣлъ, трое другихъ погибли, сражаясь противъ русскихъ. «Младшихъ сыновей своихъ рѣшился онъ посвятить Россіи, *на то были особенныя причины*. Карлъ Петръ Ульрихъ, герцогъ голштинскій, былъ наслѣдникомъ престола. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ *сдѣлаться* русскимъ. Нѣмцы *надѣялись воскресить времена Бирона*. Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть, видя въ нихъ тайно *будущихъ мстителей*, будущихъ повелителей въ ненавистной странѣ. Ихъ приняли въ кадетскій корпусъ и, когда половина моего семейства проливала русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русскія деньги».

Изъ этихъ трехъ сыновей старшій былъ забубенный малый и умеръ премiеръ-маіоромъ и комендантомъ Орской крѣпости. Онъ былъ женатъ на *одной* женѣ, а именно «на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова, что я упоминаю только потому, что я ее зналъ, и намѣренъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Другой былъ женатъ *на восьми женахъ*, и всѣ онѣ его пережили».

Браки этой почтенной семьи вообще были курьезны. Вигель разсказываетъ, что родственникъ его отца, Сандерсъ, выигралъ жену свою на бильярдѣ у князя Яблоновскаго. Выигранная старикомъ жена обманывала его, холила и «*за нѣсколько лѣтъ* до смерти была посредницей между нимъ и красавицами, въ которыхъ онъ влюблялся», а умеръ онъ 90 лѣтъ отроду 1 января 1836, на лѣстницѣ зимняго дворца, куда явился въ полной генералъ-лейтенантской формѣ для поздравленія съ новымъ годомъ.

Таковы нѣмецко-финскія составныя части дворянской русской семьи Вигелей.

Взглянемъ теперь на ея славянскій элементъ. Мать Ф. Вигеля была дочь какого-то пензенскаго уроженца Лебедева. Оставшись сиротой, она воспитывалась подъ покровительствомъ дальняго родственника Чулкова, о которомъ за его доброе дѣло Вигель желаетъ сохранить *трогательное* семейное преданіе.

«Родившись въ низкомъ званіи, онъ неизвѣстно какъ попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елизаветы Петровны. По усердію своему онъ сталъ извѣстенъ ей и *близокъ*». Почести посыпались на него съ ея воцаренія: онъ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ и *даже, наконецъ, генералъ аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не былъ*. Тогда-то «дворянка Кривская, урожденная хотя татарская, но все-таки княжна (Мещерская), съ благодарностью приняла его предложеніе и вышла за него замужъ».

Наслышался Вигель отъ матери своей, бывшей въ такомъ высокопоставленномъ обществѣ, о жизни императрицы Елизаветы. Во внутренности дворца, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародія, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные слухи производили въ ней безсонницу, и эти женщины должны были сначала разсказывать ей сказки, а потомъ шопотомъ говорить между собой. Генералъ аншефъ Чулковъ долженъ былъ также тутъ находиться, онъ каждую ночь приносилъ свой тюфякъ, *клалъ его на полъ* и какъ безсмѣнный стражъ ложился у ея ногъ... Случалось, что она вставала раньше старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ, приподнимаясь, легонько *потрепывалъ* ее, говоря «*охъ, ты, моя лебедка-бѣлая*».

Далѣе идетъ разсказъ о скитаніи по губерніямъ. Поселившись по дѣламъ службы въ Саратовѣ, отецъ Вигеля часто посѣщалъ Пензу. Пензу онъ предпочиталъ Саратову, городу торговому и плебейскому; но сынъ отзывается такъ объ ней: «Между дворянами, вездѣ почти одинаковая, невѣжественно-*олигархическая (?)* спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти *одинаковую холопью дерзость или низость*».

При этомъ нашъ хронистъ, пораженный величіемъ Екатерины II, восклицаетъ: «Геній и улыбка ея творили чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла *скотовъ образовать* въ люди!»

Послѣ разныхъ переселеній по казенной надобности и перемѣщеній по службѣ, отецъ Вигеля находитъ гавань въ Кіевѣ; тамъ онъ усаживается съ 1788 г. комендантомъ и будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока безумный Павелъ его прогонитъ, безъ всякой причины. Около, возлѣ продолжаетъ итти переселеніе и перемѣщеніе чиновниковъ, все это только пріостанавливается и идетъ туда, сюда; лица мелькаютъ, да и не лица, а ранги, разница собственно въ томъ, что одни нѣмцы русскаго происхожденія, другіе русскіе нѣмецкаго происхожденія, къ нимъ впослѣдствіи начинаютъ примѣшиваться французскіе скитальцы: эмигранты, дѣлающіеся чиновниками, виконты, дѣлающіеся гувернерами.

Какъ они странно акклиматизировались, доказываетъ почтенный инженеръ-генералъ Шардонъ, завѣдывавшій инженерной частью въ Кіевѣ; онъ *не хотѣлъ умѣть* по-русски, всѣ дѣла обдѣлывалъ на французскомъ языкѣ, кромѣ одного: при малѣйшей неисправности солдатъ, онъ очень спокойно приказывалъ по-русски: «Клади его на сюртюрокъ и давай ему сто палкъ».

Вигелю самому кажется странной физіономія городовъ, въ которыхъ собственно нѣтъ туземцевъ. «Въ Россіи есть города, кои слѣдуетъ назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни должностныя лица, помѣщики бываютъ въ нихъ только иногда по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которая черезъ десять лѣтъ можно сказать возобновляется въ своемъ составѣ».

Гдѣ тутъ органическая связь съ народомъ, гдѣ прочность такой жизни, ея естественный ростъ? Вигель и не замѣтилъ, какъ рѣзко выступаетъ въ его разсказѣ противуположность *настоящихъ* жителей края съ забѣглымъ наплывомъ. Богатые кіевскіе помѣщики, говоритъ онъ, рѣдко покидали свои хуторы, прежде ихъ отталкивали поляки, а, со временъ Петра, «начальствующіе москали и нѣмцы». Съ своимъ народомъ имъ было

роднѣе. У польскихъ аристократовъ, являющихся въ разсказѣ, рѣзкая самобытность. Въ нихъ жизнь сложилась, выработалась во многомъ очень дурно, но вездѣ съ своимъ характеромъ, съ своими пороками и своей поэзіей; въ то время какъ у казенной Россіи, у Россіи петербургскаго слоя, характеристична одна нахальная власть и та принадлежитъ «не имъ, не имъ, а имени царскому», передъ которымъ они холопы. Отъ Казани и Рязани до Кіева и Перьми, одна общеармейская и общеканцелярская физіономія чиновничьяго дворянства; тотъ же кулакъ, обращенный внизъ, и та же выправка вверхъ... прямолинейная для военныхъ, понурая для штатскихъ.

Мы вовсе не кручинимся объ этомъ, но заявляемъ фактъ и фактъ для насъ чрезвычайно утѣшительный. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни воспоминаній, ни традицій, ни своихъ нравовъ, ни своихъ вѣрованій, тамъ гдѣ не просвѣчиваетъ историческая жизнь, а только формулярный списокъ, не только легче сдѣлаться злодѣемъ, но и легче сдѣлаться человѣкомъ.

Наша аристократія—предразсудокъ, въ который вѣрили отчасти выслужившіеся чиновники и богатые наслѣдники; я говорю *отчасти*, потому что большинство никогда объ этомъ не думало; оно пользовалось, не мудрствуя лукаво, тѣмъ, что казна уступала и дозволяла. Княгиня Голицына, о которой разсказываетъ Вигель, вовсе не изъ аристократіи, порола земскаго засѣдателя за то, что дорога была дурна; доказательствомъ этому служитъ, что она разъ оттаскала за волосы гостью у себя въ домѣ, что уже вполнѣ противурѣчитъ всякому аристократическому чутью,— она это дѣлала гораздо наивнѣе, потому что была племянница Потемкина и жена фельдмаршала Голицына.

До какой степени у насъ новы западно-аристократическія понятія, вы можете видѣть у Вигеля. Онъ разсказываетъ, какъ графиня Чернышева, впослѣдствіи княгиня Наталья Петровна Голицына, начала распространять аристократическую *вѣру*, вывезенную ею изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. «Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огнь, угасающій во Франціи, и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей... Составилась компанія на акціяхъ, куда вносимы были титулы, богатства, кредитъ. . . . Присвоивъ себѣ ложныя привилегіи, компанія сія *называлась* высшимъ обществомъ и правила французской аристократіи начала прилаживать къ русскимъ нравамъ... Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства»... (на этомъ мѣстѣ цензура чего-то не пропустила). «Не одинъ разъ придется мнѣ, продолжаетъ Вигель, говорить о семъ высокомъ

сословіи, *не болѣе какъ съ полсотни* лѣтъ у насъ образовавшемся»....

То, что Вигель говоритъ о высшемъ обществѣ, то относится ко всѣмъ нашимъ кастамъ и сословіямъ. Масса русская не идетъ въ правильную слойку, на этомъ держится доля всѣхъ надеждъ. При чрезвычайной впечатлимости и поверхностной подражательности, у насъ все перенималось,—и ничего не пустило корней. Всѣ монополи, исключительныя права, привилегіи, сословныя разграниченія являлись съ карикатурными преувеличеніями, грубо, дерзко и нестерпимо ярко, но краски (большею частью казенныя) были линючи, не могли выдержать перваго ливня. Одна сильная мятель и все исчезнетъ, какъ исчезли военныя поселенія, стоившія столько же жизней, какъ сраженіе, и вдвое больше страданій, чѣмъ цѣлая война. И какъ исчезнетъ [1])?... Не оставляя по себѣ ни жалости, ни другого слѣда, кромѣ пыльныхъ бумагъ въ архивѣ, да изумленія, *что это было, что это могло быть* въ самомъ дѣлѣ.

Если-бъ присноприпѣвающіе панегиристы «вѣрности Россіи бытовымъ началамъ своимъ» такъ просто и говорили бы, что у насъ ужасно мерзко, но что всѣ эти прививные институты и учрежденія быстро нарываютъ и быстро проходятъ, какъ коровья оспа, съ ними можно бы столковаться. Но обращая свои смѣлыя надежды въ смѣлыя воспоминанія, они пишутъ офиціальные памфлеты, сводящіе съ ума простыхъ людей и наводящіе *на умъ* правительство. И вотъ причина, почему безъ глубокаго негодованія нельзя читать напримѣръ такія строки: «Внутренняя исторія Польши представляетъ уродливое непомѣрное развитіе одного органа насчетъ всѣхъ другихъ, — общества *насчетъ государства* и простого народа. Государство расплылось въ общество — въ шляхту; простой народъ, который *во всѣхъ* славянскихъ земляхъ составлялъ и составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно *какъ* простой народъ, какъ живая, непосредственная, самородная сила, подобная силѣ зерна или корня въ организмѣ растеній, — простой народъ былъ лишенъ *всякаго политическаго значенія, духовно презрѣнъ и низведенъ на степень вещественнаго матеріала.* Польская шляхта не только не удостоивала признавать въ немъ присутствіе какой-либо органической силы, не только отвергала въ крестьянинѣ его значеніе, какъ поляка,—но и его достоинство, какъ человѣка. Польская шляхта не только именовала себя «польскими государями» (историческое выраженіе), но и «польскимъ народомъ», «поль-

[1]) Nord говоритъ, что Бахтинъ работаетъ надъ проектомъ распространенія рекрутчины на дворянъ. Encore une étoile qui file!

скою націею»,—и, дѣйствительно, слово «Польша» и въ исторіи и въ жизни было тождественно съ словомъ «польская шляхта». Развитіе пошло въ древесину и листву, въ ущербъ корѣ и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню... («День», № 9).

Итакъ, *стало быть*, въ Россіи простой народъ не былъ лишенъ всякаго политическаго значенія, былъ духовно уважаемъ и возведенъ на степень органическаго матеріала, который, впрочемъ, продавался гуртомъ и въ одиночку, вырывался изъ семьи, переселялся, брался во дворъ, шелъ на барскій развратъ, тратился поколѣніями на черную работу и притомъ безпрерывно сѣкся.

Представлять русское дворянство уважавшимъ бытъ народный, въ противуположность польскому шляхетству — вопіющая неправда. Всѣ мы, воспитанные въ помѣщичьихъ домахъ, жившіе по деревнямъ часть года, знаемъ, какъ русское дворянство уважало человѣческое достоинство товара, который оно сотнями посылало на дороги, отдавало на фабрики, переселяло и проч. Неужели г. Аксаковъ, жившій всю жизнь въ этой сферѣ, ѣздившій на изученіе ярмарокъ, участвовавшій при слѣдствіяхъ, не знаетъ этого? Какъ не знать,—но онъ изъ патріотизма не помнитъ.

Исторію о Надеждѣ Ивановнѣ Вигель я поберегу до слѣдующаго письма, а съ вами теперь прощаюсь.

(1864 г., № 184).

Письмо четвертое.

Любезный другъ,

Хотѣлъ было я къ вамъ писать о двухъ пріятельницахъ моего дѣтства, о милѣйшей старушкѣ Надеждѣ Ивановнѣ Вигель, кочевавшей послѣ комендантства въ Орской крѣпости лѣтъ тридцать по разнымъ чужимъ домамъ, прежде чѣмъ успокоилась въ одномъ изъ нихъ, и о ея соперницѣ Варварѣ Якимовнѣ, заключившей свои долгія странствованія собственнымъ комендантствомъ въ московскомъ острогѣ, гдѣ она начальствовала надъ прекраснымъ поломъ. Хотѣлъ я при этомъ разсказать о томъ, какъ княгиня Хованская пресерьезно запрещала Надеждѣ Ивановнѣ кашлять по ночамъ, и о томъ, какъ одна близкая родственница Ф. Вигеля, дѣвствовавшая въ преклонныхъ лѣтахъ и въ губернскомъ городѣ Пензѣ, изобрѣла особый способъ—неоцѣненный ни графиней Антониной Блудовой, ни Аскоченскимъ—прикладываться къ высоко поставленнымъ иконамъ. Старушка-барышня клала поцѣлуи свои на набалдашникъ своего посошка и возносила ихъ на немъ къ образу... Хотѣлъ я рядомъ съ ними,

по поводу Вигелевской всеобщей исторіи его семейства, воскресить еще двѣ-три комическія личности, но... оставлю до другого раза.

Старое письмо, попавшееся на глаза, спугнуло всю эту семью сѣдыхъ совъ въ бѣломъ чепчикѣ, воронъ, порхающихъ съ заднаго двора на задній дворъ... Я остался въ прошедшемъ, но не въ томъ, которое шло между дѣвичьей княгини и передней моего отца, а въ томъ, которое неслось между аудиторіей и ссылкой.

Сколько людей осталось незатронутыми въ моихъ воспоминаніяхъ, людей погибшихъ безъ малѣйшаго слѣда, забытыхъ, какъ забываются прошлогодніе листья, вчерашнія облака!

Человѣкъ, котораго письмо мнѣ попалось, умеръ, года два тому назадъ, въ небольшомъ городѣ на Ронѣ. Подробности объ его смерти я узналъ мѣсяцевъ черезъ шесть. Никто не шелъ за его гробомъ, никто не былъ пораженъ вѣстью о его смерти. Печальное существованіе его, переброшенное на чужую землю, сѣло какъ-то незамѣтно, не исполнивъ ни своихъ надеждъ, ни ожиданія другихъ. *Бѣгунъ* образованной Россіи, онъ принадлежалъ къ тѣмъ праздным, лишнимъ людямъ, которыхъ когда-то поэтизировали безъ мѣры, а теперь побиваютъ каменьями безъ смысла. Мнѣ больно за нихъ. Я многихъ зналъ изъ нихъ и любилъ за родную мнѣ тоску ихъ, которую они не могли пересилить и ушли,—кто въ могилу, кто въ чужіе края, кто въ вино.

Много разъ хотѣлось мнѣ поговорить объ ихъ *трудѣ существованія*... и я останавливался всякій разъ съ той внутренней дрожью, которую испытываетъ физіологъ, дотрогиваясь до разоблаченныхъ готовалень жизни... Удастся ли мнѣ побѣдить это чувство,—не знаю, а хотѣлось бы. Каждая эксцентрическая жизнь, къ которой мы близко подходили, можетъ дать больше отгадокъ и больше вопросовъ, чѣмъ любой герой романа, если онъ несуществующее лицо подъ чужимъ именемъ [1]). Герои романовъ похожи на анатомическіе препараты изъ воска. Восковой слѣпокъ можетъ быть выразительнѣе, нормальнѣе, *типичнѣе*; въ немъ можетъ быть изваяно все, что зналъ анатомъ, но нѣтъ *того, чего онъ не зналъ*, нѣтъ дремлющихъ въ естественномъ равнодушіи, но готовыхъ проснуться отвѣтовъ,—отвѣтовъ на такіе вопросы, которые равно не приходили въ голову ни прозектуру, ни ваятелю. У слѣпка, какъ у статуи, все снаружи, ничего за душой, а въ препаратѣ засохла, остановилась, оцѣпенѣла сама жизнь, со всѣми случайностями и тайнами.

[1]) Какъ напр. *Бекки Чарпъ* въ Vanity Fair. Кстати, вторыя лица, едва набросанныя, стоящія на дальнемъ планѣ, нравятся намъ обыкновенно больше героевъ, просто оттого, что авторъ не даетъ себѣ труда ихъ изобрѣтать. Это все сосѣди, пріятели, слуги, путешествующіе incognito.

Къ тому же у насъ необходимѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, снимать маски и портреты, мы ужасно легко распадаемся съ только-что прошедшимъ. У насъ жизнь не продолжается исподволь, а перескакиваетъ отъ одного направленія къ другому. Недостатокъ корней и балласта дѣлаетъ эти перескакиванія чрезвычайно легкими для верхняго слоя. Я не хвалю и не порицаю этого, а только констатирую.

Близкое прошедшее, впрочемъ, вездѣ становится рѣзко отчуждаемымъ, почти враждебнымъ съ настоящимъ; противоположности, разницы не примирены еще далью и перспективой, не оправданы пониманіемъ. Мы скорѣе узнаемъ близкое и родное въ шитыхъ бархатныхъ и гродетуровыхъ кафтанахъ, въ пудреныхъ парикахъ, въ якобинскомъ костюмѣ и въ англійскомъ фермерскомъ фракѣ временъ Питта и Фокса, чѣмъ въ таліи на затылкѣ и рукавахъ съ буфами двадцатыхъ годовъ. Тотъ только схватываетъ единство въ этихъ превращеніяхъ, кто самъ носилъ суконныя тунели на шеѣ, вмѣсто воротника, сплющенные воротники въ четверть шириною, а теперь носитъ исчезающій, едва замѣтный воротникъ нынѣшняго покроя.

Я въ этомъ отношеніи былъ счастливо поставленъ, потому-то мнѣ и хочется этимъ воспользоваться.

Жизнь моя сложилась рано и я долго оставался молодъ. Воспоминанія мои переходятъ за предѣлы николаевскаго времени; это имъ даетъ особый fond, онѣ освѣщены вечерней зарей другого, торжественнаго дня, полнаго надеждъ и стремленій. Я еще помню блестящій рядъ молодыхъ героевъ, неустрашимо, самонадѣянно шедшихъ впередъ... Въ ихъ числѣ шли поэты и воины, таланты во всѣхъ родахъ, люди, увѣнчанные лаврами и всевозможными вѣнками... Я помню появленіе первыхъ пѣсенъ «Онѣгина» и первыхъ сценъ «Горе отъ ума!»... Я помню, какъ перерывая смѣхъ Грибоѣдова, ударялъ словно колоколъ на первой недѣлѣ поста—серьезный стихъ Рылѣева...

И вся эта передовая фаланга, несшаяся впередъ, однимъ днемъ сорвалась въ пропасть и за глухимъ раскатомъ исчезла...

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегахъ широкой Лены...

Я четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ плакалъ объ нихъ, и обрекалъ себя на то, чтобъ отомстить ихъ гибель.

Время свѣтлыхъ лицъ и надеждъ, свѣтлаго смѣха и свѣтлыхъ слезъ кончилось. Порядкомъ понялъ я это послѣ, но впечатлѣнія того времени, переплетаясь съ миѳическими разсказами 1812 года, составили въ моей памяти то золотое поле иконописи, на которомъ еще чернѣе выходятъ лики святыхъ.

Когда немного улегся шумъ николаевскаго вѣнчанья на царство, начали показываться какіе-то потерянные люди, несчастные, *ненужные*, не знающіе, куда идти, т. е., не знающіе ни цѣли, ни дороги, но чувствующіе, что *такъ жить нельзя*, что выйти надобно, люди, откуда-то оторванные и покинутые въ опасномъ мѣстѣ, какъ «Дѣти въ лѣсу». Старшіе изъ нихъ были уцѣлѣвшіе декабристы, мы замыкали ихъ процессію, какъ уличные мальчики замыкаютъ уходящій полкъ, и сами росли въ лишнихъ людей. За нами шло уже поколѣніе безъ воспоминаній, кромѣ дѣтской и годовъ школы, оскорбленное грубымъ притѣсненіемъ, безъ прямой связи съ прошедшимъ, безъ прямого упованія на будущее, болѣзненное, чахлое, оно вяло въ листѣ и безотрадно гибло на полдорогѣ. Многіе изъ нихъ умерли моложе насъ лѣтами и старѣе сломившимся духомъ.

Немного въ ихъ числѣ развилось энергіи, но много ея сгублено въ внутренней работѣ и въ внутренномъ разладѣ, въ поднятыхъ вопросахъ, въ поднятыхъ сомнѣніяхъ и въ неимовѣрной тяжести жизни. Грѣшно въ нихъ бросать камни. Вообще *лишнимъ* людямъ тѣхъ временъ обязано новое поколѣніе тѣмъ, что оно не лишнее.

...Въ тридцатыхъ годахъ меня поразили двѣ личности, двѣ уцѣлѣвшія античныя колонны на тонкомъ грунтѣ московскаго великосвѣтскаго campo vaccino. Они стояли рядомъ, напоминая своей печальной, своей изящной ненужностью, что-то рухнувшееся, что именно, было трудно сказать,—полиція подобрала всѣ развалины и всѣ осколки. Орловъ и Чаадаевъ были первые *лишніе люди*, съ которыми я встрѣтился.

Они были розны (я писалъ объ обоихъ [1]). Я лучше многихъ зналъ ихъ недостатки, но для меня они были библейскими личностями, живыми легендами, я ихъ принималъ, какъ они есть, не торгуясь, не бракуя, и потому-то, можетъ, лучше другихъ понялъ ихъ трагическое явленіе. Они были сломанные люди; одинъ совершенно dépaysé, другой оскорбленъ; ихъ упрекали за это люди, которые никогда не рѣшились бы упрекнуть человѣка съ переломленной ногой, что онъ хромаетъ.

Косо посматривалъ мой отецъ на то, что я, дичась общества почтенныхъ и солидныхъ людей, съ такой горячностью и готовностью бѣжалъ по первому приглашенію Орлова — «конечно умнаго, но опаснаго человѣка». Я тогда только-что вышелъ изъ Карловъ Моровъ и поступилъ въ московскій университетъ; особаго рода восторженность, которая сопровождаетъ переходъ отъ отрочества въ юность, еще не проходила.

---

[1]) «Былое и Думы.»

Впечатлѣніе, сдѣланное на меня первыми лишними людьми, было до такой степени сильно, что, послѣ долгой разлуки съ ними, они всего живѣе остались въ памяти.

Переведенный изъ Вятки во Владиміръ, я принялся описывать подъ именемъ Малинова вятское житье-бытье. Сначала я писалъ [1]) весело, потомъ мнѣ сдѣлалось тяжело отъ собственнаго смѣха, я задыхался отъ поднятой пыли и искалъ человѣческаго примиренія съ этимъ омутомъ пустоты, нечистоты, искалъ выхода хоть въ отчаяніи, но только въ разумномъ, сознательномъ, и ничего не найдя, наклепалъ на Малиновъ—Трензинскаго, и, не думая-негадая, сдѣлалъ портретъ Чаадаева, даже наружность взята съ него: «Нѣжное, бѣлое какъ мраморъ лицо, сѣроголубоватые глаза, холодная улыбка, чело какъ черепъ голый»—такъ рѣзко осталась его личность въ моей памяти.

Когда я воротился въ Москву, Орловъ угасалъ и вскорѣ угасъ. Чаадаевъ былъ еще утвержденнымъ сумасшедшимъ и стоялъ какъ-то особнякомъ между новыми людьми и новыми вопросами.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи, на прощальномъ ужинѣ, я предложилъ прежде всѣхъ тостовъ выпить за старшаго изъ насъ—за Чаадаева. Чаадаевъ былъ тронутъ, но тотчасъ принялъ свой холодный видъ, выпилъ бокалъ, сѣлъ и вдругъ опять всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, пожелалъ намъ счастливаго пути и съ словами: «Простите меня, мнѣ пора», вышелъ вонъ. Я его не удерживалъ и проводилъ до дверей; стройная, прямая въ старости фигура Чаадаева исчезла въ дверяхъ середь пріутихшаго пира, и такъ осталась въ моей памяти; я его больше не видѣлъ.

Жаль, что два послѣднихъ поколѣнія не знали такихъ предшественниковъ. Имѣя много ненавидѣть и презирать, имъ почти нечего было любить и уважать. Цѣлыя стороны внутренней жизни остаются непонятными, наглухо и навѣки заросшими — въ сердцѣ человѣка, не перешедшаго ни безпредѣльной любовью къ матери, ни восторженнымъ уваженіемъ къ своимъ отцамъ Maestri.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Чаадаевъ исчезъ въ дверяхъ. Я пережилъ цѣлый томъ исторіи, да свою цѣлую жизнь, и вдругъ въ 1861 году возобновилась одна изъ встрѣчъ 1831 года и я опять чувствовалъ себя молодымъ студентомъ.

Старикъ, величавый старикъ, лѣтъ восьмидесяти, съ длинной серебряной бородой и бѣлыми волосами, падавшими до плечъ, разсказывалъ мнѣ о тѣхъ временахъ, о *своихъ*, о казематахъ, о

[1]) «Записки одного молодого человѣка».

каторгѣ, куда онъ пошелъ молодымъ, блестящимъ и откуда только-что воротился сѣдой, старый, еще болѣе блестящій, но уже инымъ свѣтомъ...

...Я слушалъ, слушалъ его—и, когда онъ кончилъ, хотѣлъ у него просить напутственнаго благословенія въ жизнь, забывая, что она уже прошла... и не одна она... Прошли, смѣняя другъ друга въ холодныхъ, темныхъ сумеркахъ *три шеренги*... скоро стушуются ихъ очерки и пропадутъ въ дальней синевѣ. Пограничные споры двухъ поколѣній, поддерживающіе ихъ память, надоѣдятъ, и имъ предоставятъ амнистію забвенія. Изъ-за нихъ всплывутъ тѣни старцевъ-хранителей и, черезъ кладбище сыновей своихъ, призовутъ внуковъ на дѣло и укажутъ имъ путь.

Пусть они и идутъ по немъ. Но пусть-же поймутъ и то, что тоской и стремленіемъ выйти изъ насильственнаго бездѣйствія, томной затратой себя, промежуточныя поколѣнія людей лишнихъ и праздныхъ приблизили, сгладили его,—и мирно благословятъ ихъ разбросанныя могилы.

...Зачѣмъ у меня нѣтъ такого таланта, какъ у И. Тургенева, какую-бы я составилъ группу праздныхъ и затерянныхъ людей, для того, чтобъ помирить *дѣтей съ отцами*.

Но за неимѣніемъ его, прощусь съ вами, мой милый будущій другъ, вы меня простите, что я говорилъ съ вами о прошедшихъ друзьяхъ (пожалуйста, не смѣшивайте ихъ съ *ушедшими* друзьями... о тѣхъ писать еще не настало время), я чувствую, что это неделикатно, но полагаюсь на вашу снисходительность. Не могу вамъ сказать, какъ я доволенъ, что не знаю васъ и что вы мнѣ никогда не отвѣчаете, это мнѣ даетъ страшную волю и я, не стѣсняясь, пускаюсь въ письмахъ къ вамъ, какъ Камоэнсъ—nel largo Oceano.

(1864, № 186).

Письма къ противнику.

Письмо первое.

Сегодня первое тихое утро послѣ свиданья съ вами и ряда нашихъ разговоровъ. Я перебралъ слышанное отъ васъ и старался, насколько могъ, спокойно обдумать и привесть въ порядокъ сказанное вами. Мы какъ-то сбиваемся на генерала Ли и генерала Гранта, служа оба двумъ *распавшимся частямъ одного цѣлаго*: мы, какъ они, ничего не уступаемъ и, какъ ни мѣняемъ позиціи, все находимся во враждебномъ положеніи. Мнѣ кажется, что съ нами можетъ случиться то же, что съ ними, почти навѣр-

ное будетъ, т. е., что миръ заключатъ другіе за спиной нашей, пока мы будемъ продолжать старую войну.

Принимаясь за перо, я не имѣю притязанія васъ побѣдить, ни предчувствія быть побитымъ вами; но полагаю, что если мы и не дойдемъ до общаго пониманья, то все же не будетъ безполезно опредѣленнѣе высказаться. Въ два послѣднихъ года всѣ понятія и оцѣнки, всѣ люди и убѣжденія такъ измѣнились въ Россіи, что не мѣшаетъ напомнить друзьямъ и противникамъ— *кто мы*. Пусть одни хвалятъ, другіе бранятъ, зная, кого они гладятъ по головѣ и кого бьютъ.

Я васъ слушалъ честно и добросовѣстно, но вы не убѣдили меня, и это не личное упрямство и не упорство партіи. Объективная истина для меня и теперь такъ же свята и дорога, какъ во времена юныхъ споровъ и университетскихъ препираній. Мнѣ ненадобно было внѣшняго побужденія, чтобъ заявить въ пятидесятыхъ годахъ, насколько я ошибался въ спорѣ съ нашими славянами, и я не очень испугался западныхъ авторитетовъ, обличая и уличая ихъ революціонную несостоятельность, такъ, какъ она мнѣ раскрылась въ 1848 г.

Ваше оправданіе тому, что въ Россіи теперь дѣлается, я рѣшительно отвергаю. Изъ глубины моей совѣсти, изъ глубины моего сердца подымается крикъ протеста и негодованія. Оправданіе того, что дѣлается въ Россіи, не въ смыслѣ объясненія причинъ, а въ смыслѣ сочувствія и солидарности, ниспровергаетъ всякое простое, прямое, человѣческое пониманье, всякую нравственность и тѣмъ больше оскорбляетъ, что оно вовсе ненужно. Дикая сила имѣетъ верхъ и того съ нея довольно; какія оправданія нужны напору стихій, сибирской язвѣ, наводненію?

Это я долженъ былъ заявить съ самаго начала, объ остальномъ я готовъ разсуждать съ вами. Тутъ я не сдѣлаю ни одной уступки и не имѣю права.

Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы также въ самомъ началѣ указать, въ чемъ мы согласны. Если-бъ у насъ не было ничего общаго, то о чемъ же намъ было бы говорить. Мы махнули бы другъ на друга рукой и пошли бы одинъ въ свою сторону, другой въ свою.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить двухъ человѣкъ, которыхъ весь нравственный бытъ и строй, все святое святыхъ, всѣ идеалы и стремленія, всѣ упованія и убѣжденія были бы до такой степени противуположны, какъ у меня съ вами... Мы люди разныхъ міровъ, разныхъ вѣковъ, и при всемъ томъ и вы, и я *служимъ одному дѣлу*, преданы ему искренно и такими признаемъ другъ друга.

Разными путями дошли мы до *одной точки*, въ которой согласны. Я знаю, что вы не допустите возможности неодинакимъ

образомъ доходить до истины, но фактъ противъ васъ. *Исторически* почти всѣ истины открывались путемъ ломанымъ, кривымъ, фантастическимъ; однажды сознанная, истина освобождается отъ случайныхъ эмбріогеническихъ путей и получаетъ не только признаніе помимо ихъ, но и примыкаетъ къ методѣ,— вмѣсто личнаго, относительно-случайнаго проселка, она потомъ создаетъ свой логическій, широкій путь.

Насъ занимающій вопросъ не въ теоріи и не въ методѣ, насъ занимаетъ практическая, прикладная сторона его. Дѣло для насъ не въ точкѣ отправленія, не въ личномъ процессѣ, не въ діалектической *драмѣ*, которыми мы отыскиваемъ истину, а въ томъ *истинна-ли истина*, которая стала нашей плотью и кровью, нравственнымъ основаніемъ всей жизни и дѣятельности, и вѣрны-ли пути, которыми мы осуществляемъ ее. Что слово *драма* или романъ идутъ къ процессу развитія живыхъ ученій, это мы знаемъ по опыту. Вспомните борьбу славянофиловъ съ нами въ сороковыхъ годахъ и сравните ее съ тѣмъ, что теперь дѣлается. Два противуположные стана, какъ два бойца, перемѣнили въ продолжительномъ состязаніи мѣсто, перемѣшали оружія. Славянофилы сдѣлались западными террористами, защитниками нѣмецкихъ государственныхъ идей, а часть западниковъ (и мы въ томъ числѣ), отрекаясь отъ salus populi и кроваваго прогресса, стоимъ за самоправность каждой области, за общину, за право на землю. При этомъ круженіи, при этомъ обмѣнѣ сторонъ и оружій, осталась неизмѣнной та точка, около которой совершилось все это. Мое воззрѣніе отчасти вамъ извѣстно, я думаю, что знаю ваше, а потому *точку* опредѣлить не трудно. Господствующая ось, около которой шла наша жизнь,—это *наше отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему* (которую я такъ же, какъ и *День*, не смѣшиваю съ больше и больше ненавистной мнѣ добродѣтелью патріотизма) и *желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбахъ*.

Любовь наша не только физіологическое чувство племенного родства, основанное исключительно на случайности мѣсторожденія, она, сверхъ того, тѣсно соединена съ нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой, разумомъ, и потому она намъ легка и совпадаетъ съ дѣятельностью всей жизни.

Для васъ русскій народъ преимущественно народъ *православный*, т. е., наиболѣе христіанскій, наиближайшій къ *вѣси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно *соціальный*, т. е., наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той *земной вѣси*, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.

Не мы перенесли на народъ русскій свой идеалъ, и потомъ,

какъ это бываетъ съ увлекающимися людьми, сами же стали имъ восхищаться, какъ находкой. Мы просто встрѣтились. Событія послѣднихъ годовъ и вопросы, возбужденные крестьянскимъ дѣломъ, открыли глаза и уши слѣпымъ и глухимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ огромная сѣверная лавина двинулась и пошла, что-бъ ни дѣлалось, даже самаго противуположнаго въ Россіи, она идетъ отъ одного соціальнаго вопроса къ другому.

Соціалистъ я не со вчерашняго дня. Тридцать лѣтъ тому назадъ я утвержденъ Николаемъ Павловичемъ въ званіи соціалиста—cela commence à compter. Черезъ двадцать лѣтъ я напомнилъ объ этомъ его сыну въ письмѣ, которое вы знаете, и черезъ десять другихъ говорю вамъ, что я рѣшительно не вижу выхода изъ всеобщаго импаса образованнаго міра, кромѣ старческаго обмиранія или соціальнаго переворота, крутого или идущаго исподволь, наростающаго изъ жизни народной или вносимаго въ нее теоретической мыслью,—все равно. Вопросъ этотъ нельзя обойти, онъ не можетъ ни устарѣть, ни сойти съ череды, онъ можетъ быть оттертъ, заставленъ другими, но онъ тутъ, какъ скрытая болѣзнь, и если онъ не постучится въ дверь, когда всего меньше думаютъ, то постучится смерть.

Политическая революція, пересоздающая формы государственныя, не касаясь до формъ жизни, достигла своихъ границъ; она не можетъ разрѣшить противурѣчія юридическаго быта и быта экономическаго, принадлежащихъ совершенно разнымъ возрастамъ и воззрѣніямъ, а, оставаясь при ихъ противурѣчіи, нечего и думать о разрѣшеній антиномій, и прежде существовавшихъ, но теперь пришедшихъ къ сознанію—въ родѣ безусловнаго права собственности и неотрицаемаго права на жизнь, правомѣрной праздности и безвыходнаго труда... Западная жизнь, чрезвычайно способная ко всѣмъ развитіямъ и улучшеніямъ, не касающимся перваго плана ея общественнаго устройства, оказывается упорно консервативной, какъ дѣло доходитъ до линіи фундамента. Феодально-муниципальное устройство его стоитъ твердо и втѣсняетъ себя ужъ не какъ разумный или оправданный фактъ, а какъ существующій и привычный. За городовымъ валомъ своимъ онъ не боится сельской нищеты и полевого невѣжества окружающихъ его. Противъ оторванныхъ отъ земли, противъ номадовъ цивилизаціи, сражающихся съ голодною смертью, онъ защищенъ — арміей, судомъ, полиціей. Внизу—готизмъ, католицизмъ, піэтизмъ и дѣтское состояніе мозга. На вершинахъ—отвлеченная мысль, чистая математика революціи, стремящаяся примирить безуміе существующаго съ разумомъ водворяемаго компромиссомъ между готизмомъ и соціализмомъ. Этотъ half and half и есть *мѣщанское государство*.

Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842—1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣ же. Но тогда я не зналъ Запада, т. е., зналъ его книжно, теоретически и еще больше я любилъ его всею ненавистью къ петербургскимъ порядкамъ. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ соціальный вопросъ, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его, и оттого былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня, — за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за Западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ,—паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ, оно меня снова привело *домой*.

Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыя разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а напротивъ есть *земля подъ ногами* и вѣра что *она его*.

И вотъ пятнадцать лѣтъ я постоянно проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шелъ своей дорогой. Пришла Крымская война, смѣхъ замѣнился свистомъ, клеветой... но я шелъ своей дорогой. По странной ироніи мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на Западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ.

Годъ тому назадъ я встрѣтилъ на пароходѣ между Неаполемъ и Ливорно русскаго, который читалъ сочиненія Хомякова въ новомъ изданіи. Когда онъ сталъ дремать, я попросилъ у него книгу и прочелъ довольно много. Переводя съ апокалиптическаго языка на нашъ обыкновенный и освѣщая дневнымъ свѣтомъ то, что у Хомякова освѣщено паникадиломъ, я ясно видѣлъ, какъ во многомъ мы одинакимъ образомъ поняли западный вопросъ, несмотря на разныя объясненія и выводы. Патологическое описаніе Хомякова—вѣрно, но изъ этого не слѣдуетъ, что я согласенъ съ его теоріей и съ его объясненіями зла. То же самое въ его оцѣнкѣ бытовыхъ элементовъ русской жизни, на которыхъ возникаетъ наше развитіе. Хомяковъ, наприм., полагаетъ, что вся исторія Запада, т. е., почти *вся* исторія полуторатысячи лѣтъ, не удалась оттого, что германо-романскіе народы приняли католическую вѣру, а не греческую, и даетъ чувствовать, что спасеніе ихъ собственно возможно при перемѣнѣ одного христіанскаго исповѣданія на другое. Я считаю что такія длин-

ныя, хроническія болѣзни далеко неизлечимы такими простыми, *симпатическими* (какъ говаривали встарь) средствами, ни такимъ гомеопатическимъ вышибаніемъ клина клиномъ. Вообще я ни прежде, ни теперь не могъ понять, отчего все христіанство за стѣнами восточной церкви *не-христіанское*, и отчего Россія представляетъ ученіе о свободѣ (разумѣется, не на практикѣ...), а Западъ—ученіе, основанное на необходимости. Это становится еще темнѣе, читая католическія любезности той же пробы на счетъ схизматиковъ....

...На этомъ мѣстѣ меня застало ваше письмо... Оно измѣняетъ температуру. Изъ вашего письма и изъ его сильнаго одушевленія я вижу, что былъ совершенно правъ, «отмахиваясь» отъ богословско-метафизической контроверзы. Я зналъ, что она не приведетъ къ добру и не принесетъ того огня, который свѣтитъ и грѣетъ, а раздуетъ тотъ, которымъ жарили еретиковъ и невѣрующихъ.

Дѣлить людей на агнцевъ и козловъ — дѣло не хитрое и не новое; ставить въ одну категорію всѣхъ людей религіозныхъ и преимущественно православныхъ, а въ другую всѣхъ остальныхъ и преимущественно матеріалистовъ—легко. Жаль только, что это дѣленіе имѣетъ одинъ важный недостатокъ—полнѣйшую невѣрность въ практикѣ. Вамъ, какъ всѣмъ идеалистамъ и теологамъ, это все равно, вы строите міръ a priori, вы знаете, какой онъ *долженъ быть* по откровенію,—ему же хуже, если онъ не такой, какой долженъ быть! Если-бъ вы были просто наблюдатель, васъ остановили бы факты, противурѣчащіе вашему мнѣнію, они заставили бы васъ возвратиться къ перебору началъ и рѣшить,—исторія ли и жизнь нелѣпы, или ученіе ложно. Увѣренные въ непогрѣшительности ученія, вы шагаете черезъ. Что вамъ за дѣло, что возлѣ мартиролога христіанства—мартирологъ революціи. Исторія вамъ указываетъ, какъ язычники и христіане, люди, не вѣрившіе въ жизнь за гробомъ и вѣрившіе въ нее, умирали за свое убѣжденіе, за то, что они считали благомъ, истиной, или просто любили... А вы все будете говорить, что человѣкъ, считающій себя скученіемъ атомовъ, не можетъ собою пожертвовать; а человѣкъ, который считаетъ свое тѣло искусными, но презрѣнными ножнами души, — жертвуетъ собой по праву, не смотря на то, что исторія вовсе не доказываетъ, чтобъ матеріалисты 93 года были особенные трусы, а вѣрующіе по ремеслу—попы, монахи—были бы (кромѣ Польши) особенно падки на самоотверженіе и героизмъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти *первые мотивы* и метафизическія міросозерцанія вовсе не имѣютъ такого рѣшительнаго и рѣзкаго вліянія на характеръ и дѣйствія, какъ вы полагаете. Большое счастіе, что голодъ и жажда развиваются

прежде, чѣмъ человѣкъ обдумаетъ,—стоитъ ли кормить ничтожные атомы и достойно ли поить презрѣнныя ножны. Привычка сдѣлана и ѣда идетъ своимъ чередомъ, а трансцендентальная психологія—своимъ. Матери ненужно ни религіи, ни атеизма, чтобъ любить своего ребенка; человѣку вообще ненужно ни откровеній, ни сокровеній, чтобъ быть привязаннымъ къ своей семьѣ, своему племени и, если случится, вступиться за нихъ; а кто вступается, тотъ иной разъ ложится костьми—изъ ничтожныхъ ли атомовъ онѣ, или изъ творческаго вовсе ничего,—это все равно.

Обо всемъ этомъ можно наговорить бездну интересныхъ вещей, бездну вещей давно сказанныхъ, не говоря ни слова о русскомъ вопросѣ, который меня занимаетъ гораздо больше этихъ безвыходныхъ параллелей, въ которыхъ можно биться до конца жизни, не двигаясь ни на шагъ и не выплывая на берегъ.

Вы находите, напр., непослѣдовательнымъ, что человѣкъ, невѣрующій въ будущую жизнь, вступается за настоящую жизнь ближняго. А мнѣ кажется, что *только онъ* и можетъ дорожить *временной* жизнію своей и чужой; онъ знаетъ, что лучше этой жизни для существующаго человѣка ничего не будетъ, и сочувствуетъ каждому въ его самохраненіи. Съ теологической точки зрѣнія смерть представляется совсѣмъ не такой бѣдой; религіознымъ людямъ была нужна заповѣдь «не убей», чтобъ они не принялись людей спасать отъ грѣховнаго тѣла: смерть собственно одолжаетъ человѣка,—ускоряя его вѣчную жизнь. Грѣхъ убійства состоитъ вовсе не въ актѣ плотоумерщвленія, а въ самовольномъ повышеніи паціентовъ въ высшій классъ. Вы дивитесь, почему мы дорожимъ такъ кровью, будучи «матеріалистами» (я для васъ повторяю это слово, оно и не выражаетъ дѣла, и очень школьно); изъ этого ясно, что вы, съ вашей точки, имѣете полное право состраданія,—отчего же вы имъ не пользуетесь? Отчего я въ вашихъ словахъ, въ вашемъ письмѣ не видалъ ни одного слова участья и состраданья къ казнимымъ, къ идущимъ на каторгу? Почему вы думаете, что все это виновные, какъ будто бываютъ тысячи виновныхъ, какъ будто въ числѣ казнимыхъ нѣтъ людей чисто преданныхъ своему дѣлу!.. Да и, наконецъ, если-бъ всѣ были виноваты, кто же за ихъ вину васъ-то наказалъ безучастіемъ къ судьбамъ ихъ? Отчего вы вообще гораздо больше заняты опредѣленіемъ *вмѣненій*, наказаній, чѣмъ оправданіемъ обвиняемыхъ?

Вы меня даже спрашиваете, какими нравственными наказаніями я замѣняю тѣлесныя, и не тѣлесныя ли наказанія—тюрьма, ссылка и пр.,—какъ будто я когда-нибудь брался, какъ князь Черкасскій, находить дѣтскія или старческія, свѣтскія или ду-

ховныя розги и ихъ эквиваленты? Изъ того, что я говорилъ о нелѣпости, о гнусности полосовать человѣку спину за прошлый поступокъ, не слѣдуетъ вовсе, что я тюрьму считаю умной и раціональной, а штрафъ справедливымъ.

— «Хотите уничтоженія холеры?»—Безъ сомнѣнія.—«Но какой же заразой ее замѣнить? И легче ли будетъ новая зараза?»—Такого вопроса ни одинъ докторъ не разрѣшитъ.

Розги и тюрьмы, грабежъ судомъ выработаннаго и насильственная работа виновнаго,—все это *тѣлесныя* наказанія, и могутъ быть только замѣнены инымъ общественнымъ устройствомъ.

Матеріалистъ Оуэнъ не искалъ ни преступниковъ, ни наказаній, ни уравненій между кандалами и побоями, а думалъ, какъ найти такія условія жизни, которыя не наводили бы людей на преступленія. Онъ началъ съ воспитанія; испуганные безнаказанностью дѣтей, піэтисты закрыли его школу.

Фурье попытался самыя страсти, причиняющія въ своемъ необузданномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненномъ состояніи всѣ преступные взрывы и отклоненія, направить на пользу общества; въ немъ замѣтили одну смѣшную сторону...

Цѣлыя страны существуютъ безъ тѣлесныхъ наказаній, а у насъ еще ведутъ контроверзу о томъ,—сѣчь или не сѣчь? Если сѣчь,—чѣмъ сѣчь? Если не сѣчь,—сажать ли на цѣпь или въ клѣтку?... Что лучше, розга или клѣтка?... Какова клѣтка, какова розга?—Дѣтская розга хороша, а дѣтская клѣтка никуда не годится.

«Уничтоженіе наказаній невозможно», скажете вы съ точки зрѣнія религіи, которая сдѣлала себѣ спеціальностью все прощать, все прощать. Можетъ быть, но, вѣдь, изъ этого не слѣдуетъ, что наказанія надобно выдавать за правду, а за то, что они есть—за печальную необходимость, за несчастное послѣдствіе. О самихъ вмѣненіяхъ хлопотать нечего, они найдутся. Пока будетъ судейское ремесло, пока останется кровавый кодексъ общественной мести и средневѣковое невѣжество массъ,—хирургъ правосудія, палачъ, не умретъ безъ работы.

Но оставимте, наконецъ, всѣ эти общія диссертаціи, я еще разъ «отмахиваюсь» отъ нихъ и перехожу къ нашимъ домашнимъ дѣламъ.

(1864 г., № 191).

Письмо второе.

Вы строго насъ судите. «Ваша пропаганда, говорите вы, подѣйствовала на цѣлое поколѣніе, какъ гибельная, *противуестественная привычка*, привитая къ молодому организму, еще не

успѣвшему сложиться и окрѣпнуть. Вы изсушили въ немъ мозгъ, ослабили нервную систему и сдѣлали его неспособнымъ къ сосредоточенію, выдержкѣ и энергической дѣятельности... Причина всему этому злу—*отсутствіе почвы*, заставляющее васъ продолжать безъ вѣры какую-то *революціонную чесотку*, по старой памяти».

Что у насъ есть *почва* и даже отчасти общая съ *вами*, я вамъ сказалъ. Мы на нашей почвѣ, очень реальной, стоимъ очень реально; почва обыкновенно бываетъ подъ ногами; у васъ есть другая надъ головой; вы богаче насъ, но, можетъ, по этому земные предметы вамъ представляются обратными.

Что касается до «чесотки», объ ней поговоримъ послѣ, а теперь позвольте васъ спросить,—да въ самомъ ли дѣлѣ у новаго поколѣнія изсушенъ мозгъ и ослаблена нервная система, въ самомъ ли дѣлѣ оно неспособно къ *выдержкѣ* и *энергіи?* Я ставлю сильный вопросительный знакъ.

Какъ бы намъ, старикамъ, не пришлось себя винить въ противуестественныхъ привычкахъ, вмѣсто молодого поколѣнія? И вы, и мы по положенію, по необходимости были рефлектерами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти поглубже въ себя, добраться до какого-нибудь свѣта, все это такъ,— но *энергіей*, *но дѣломъ*, *но мужествомъ* мы мало отличились. Вы скажете, что когда нѣтъ войны, нѣтъ и случая показать свою военную отвагу; безъ сомнѣнья, но нечего же и бросать каменья въ юношей, рвущихся на бой, за то, что они пошли слишкомъ задорно и, главное, не дочитали своихъ учебниковъ. Исторія и географія вещи хорошія, но за ихъ незнаніе нельзя предавать цѣлое поколѣніе проклятію. Въ 1812 году мальчики шли на войну и никто не бранилъ ихъ за то, что они, не кончивъ курса, брали георгіевскіе кресты.

Невѣжество тамъ, гдѣ оно не роковая необходимость, а слѣдствіе лѣтъ и небрежности, я, конечно, ненавижу не меньше вашего; но, во-первыхъ, я желалъ бы знать, что вы разумѣете подъ невѣжествомъ? Изученіе филологіи, *классическое* образованіе составляли прежде все образованіе; теперь больше другихъ спеціалистовъ; теперь больше занимаются естественными науками. А, во-вторыхъ, есть въ исторіи народовъ полосы, въ которыя пульсъ усиливается и мѣшаетъ обыкновенному строю, въ которомъ все кругомъ колеблется, измѣняется, другія потребности овладѣваютъ умами, чѣмъ во времена застоя, и увлекаютъ ихъ. Россія явнымъ образомъ въ этомъ положеніи съ Крымской войны. Спокойно, кабинетно заниматься врядъ было ли возможно не только молодежи, но и сѣдымъ головамъ.

Намъ учиться былъ страшный досугъ. Мы кромѣ книги ни за что и не брались, мы удалялись отъ дѣла, оно было или такъ черно, или такъ невозможно, что не было выбора; люди, какъ Чаадаевъ, какъ Хомяковъ, исходили болтовней, ѣздили изъ гостиной въ гостиную спорить о богословскихъ предметахъ и славянскихъ древностяхъ. Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большей частію несостоятельность, шаткость, уступчивость; Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обриться, и онъ обрился. Бывши подъ слѣдствіемъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, мои товарищи тоже. Не знаю, что скажутъ другіе бывшіе по крѣпостямъ и призываемые въ III отдѣленіе, но мнѣ кажется, что послѣ декабристовъ до петрашевцевъ всѣ лыняли. Самая революціонная натура николаевскаго времени, *Бѣлинскій*, и онъ былъ сведенъ на эстетическую критику, на Гегелеву философію и дальніе намеки.

Все печально сидѣло по щелямъ, читало книги, писало и, по большей части, украдкой показывало потомъ статьи. Вдругъ, когда всего меньше ждали, въ Петровскомъ кораблѣ открылась течь. Шкиперъ первый растерялся и умеръ. Середь мрачной и мертвой тишины, вѣсть о его смерти сверкнула молніей и все зашевелилось, подняло голову, подняло голосъ, всѣ были готовы ринуться, исполненные надеждъ, ожиданій... Куда?... Этого еще никто не зналъ, а только спрашивали: когда же? что же?... да скоро ли?

Минуты великія, въ которыя начинается пробужденіе цѣлой страны, на вершинахъ всѣхъ слоевъ занимается заря... и всѣ чувствуютъ, что начинается другое время, новый день...

И вы могли думать, что молодежь, что шестнадцати-семнадцатилѣтніе юноши останутся спокойно и благонравно доучиваться, съ тѣмъ втѣсненнымъ безучастіемъ къ жизни и отчаяннымъ усердіемъ, съ которымъ мы сидѣли на университетскихъ лавкахъ? И это несмотря даже на то, что у нихъ не было больше профессоровъ, какъ Грановскій, и со всѣхъ сторонъ врывался въ аудиторію говоръ объ общественныхъ дѣлахъ? Какой же вы плохой знатокъ человѣческаго сердца!

Что собственно васъ сконфузило и испугало? Что студенты стали дѣлать сходки, посылать депутатовъ къ начальству, говорить рѣчи? Больныхъ въ комнатѣ не было, а была горячая молодежь, которой разрѣшили немного погромче говорить. За чѣмъ вы и ваши друзья принесли на эти весенніе праздники угрюмую фигуру недовольныхъ учителей, монаховъ на пирушкѣ? Зачѣмъ вы видѣли въ этомъ естественномъ взрывѣ молодыхъ силъ одинъ

безпорядокъ и нарушеніе строя (и какого строя!)? Зачѣмъ въ языкѣ, который обращался къ молодежи, былъ слышенъ клерикальный и начальническій тонъ? Одно мягкое братское слово могло сдѣлать больше впечатлѣнія, чѣмъ томы черствыхъ проповѣдей. Вы оскорбили молодежь безучастіемъ и порицаніемъ въ минуты дорогія для нея. Чему же дивиться, что и та часть ея, которая слушала васъ прежде, отстранилась и ускользнула отъ васъ?

Новые дѣятели, выступившіе на сцену, мало-по-малу оставленную старыми актерами, испугавшимися, что піеса, которую они весь вѣкъ представляли, начинаетъ превращаться въ быль, двинули молодежь въ иномъ направленіи и, если они меньше учили ее по книгѣ, то учили больше примѣромъ. Оттого молодое поколѣніе стало складываться съ большимъ мужествомъ, съ большей выдержкой и съ большей готовностью на бой; вамъ это можетъ не нравиться, но все же это совершенно противуположно той *энерваціи*, о которой вы говорите.

Хотите примѣры, я вамъ напомню три-четыре случая, извѣстные всей Россіи; мало ихъ, я готовъ привести двадцать. Боюсь одного, что они не подѣйствуютъ на васъ; для того, чтобъ вы оцѣнили подвигъ преданности, любви, вамъ надо, чтобъ онъ былъ въ Четьи-Минеяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ Болгаріи или Сербіи, а это все примѣры свѣтскіе, петербургскіе и иногородные.

Гдѣ же доказательства той нравственной распущенности, той неспособности къ энергическому дѣлу, въ которой вы обвиняете молодое поколѣніе? Изъ-за чего вы такъ осерчали противъ него? Неужели только изъ-за того, что оно мало и дурно учится? У насъ споконъ вѣка учились мало и скверно, и неужели молодежь, шедшая въ юнкера и выходившая изъ кадетскихъ корпусовъ, училась больше? Отчего же вы объ ней не кручинились?

Вы совсѣмъ въ другомъ положеніи. Вы увѣрены, что всякая революціонная попытка въ Россіи невозможна, что «русскій народъ не пойдетъ противъ своего царя, что дворянство безъ него безсильно и что надобно быть поврежденнымъ, чтобъ предположить, что нѣсколько студентовъ, не кончившихъ курсъ, сдѣлаютъ въ Россіи переворотъ прокламаціями à la Babeuf».—Прекрасно, ну, такъ и оставьте это безсиліе и не дѣлайте изъ него силу. Люди настолько въ самомъ дѣлѣ становятся сильны, насколько сами вѣрятъ и вѣрятъ ихъ окружающіе.

— «Да, но они ошибаются, ихъ надобно поставить на путь истинный».—Но, вѣдь, ошибаются и тѣ, которые столы вертятъ и которымъ Юмъ ходитъ по головѣ, что же вы не направите паяльную трубку вашу на нихъ?

Если васъ испугалъ самый фактъ «подпольной литературы», то это только доказываетъ нашу великую дѣвственность въ этихъ дѣлахъ. Въ какой же странѣ, гдѣ существовала цензура и правительственный произволъ, когда въ ней возбуждалось умственное движеніе и желаніе воли, не было тайныхъ типографій, тайнаго распространенія рукописей? Это такой-же естественный фактъ, какъ печатаніе за границей, какъ эмиграція.

Нѣтъ, тутъ что-то другое, все это не объясняетъ священнаго гнѣва вашего. Ужъ не особенно ли сердитъ васъ *то ученіе*, которое легло въ основу новаго направленія?

Не гоните ли вы въ молодомъ поколѣніи *матеріализмъ*, такъ, какъ гоните въ полякахъ *католицизмъ*?

Въ раздраженіи вашемъ, въ томъ, что вы меня обвинили, что я гибельно подѣйствовалъ на цѣлое поколѣніе, нѣтъ ли у васъ особаго чувства dépit, отъ котораго надобно чрезвычайно остерегаться и въ которомъ невольно лежитъ сознаніе, что ваша пропаганда, несмотря *ни на тяжелыя бесѣды, ни на нелегкіе дни*, не имѣла никакого успѣха въ молодомъ поколѣніи, не соблазнила бы его безъ патріотическихъ конфортативовъ.

(1865 г., № 193).

П. Ж. Прудонъ.

Прудонъ умеръ 19 января въ Пасси. Ему было едва 56 лѣтъ.

Быстро сходятъ со сцены мощные бойцы борьбы — не оконченной, но пріостановившейся за туманомъ, въ которомъ трудно стало узнавать своихъ и чужихъ, борьбы, ослабнувшей отъ неопредѣленныхъ цѣлей и неяснаго пониманья исхода.

Прудонъ принадлежалъ къ сильнѣйшимъ двигателямъ общественнаго самосознанія, именно въ то время, въ которое по Франціи пробѣгала соціальная дрожь, и она, чтобъ выйти изъ старыхъ путъ, пробовала все: фаланстеры и проповѣди сенъ-симонистовъ, іюньскія баррикады и американскія Икаріи. Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ діалектическій таранъ. Можетъ, онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное онъ *двигалъ*, онъ все *двигалъ*, все покачивалъ, все затрогивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навыкомъ понятія и принятый безъ критики церемоніалъ. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли,—дерзкой снаружи, волнующейся на поверхно-

сти, быстро несущейся въ извѣстномъ слоѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной; туда-то проникалъ Прудонъ и, несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидація* — нравственно-недвижимыхъ имуществъ.

Когда-нибудь мы поговоримъ о его подвигѣ, теперь намъ хотѣлось бросить и нашу горсть земли на гробъ учителя.

...Serrez les rangs, serrez les rangs! Да, старое меньшинство *юныхъ стариковъ* таетъ не по днямъ, а по часамъ во Франціи. Недолго послѣднимъ ветеранамъ простоять на часахъ... угрюмо смотрятъ они вдаль дороги, не идетъ-ли *смѣна*. Много идетъ.... Все мимо, все чужое, все мелкое, все безъ помазанія. Иногда кажется, вотъ закипаетъ мысль, вотъ является энергія, завязывается узелъ, выступаютъ новыя силы.

...Сестра Анна, сестра Анна, что, идутъ ли?—Пылитъ дорога, раздается топотъ, это они, это *наши*... Нѣтъ, это идетъ какое-то стадо...

Тяжелая перемычка для всей Европы!

(1865 г., № 194).

Примѣчанія.

Стр. 1. «Отрывки изъ дневника». Подъ 25 марта 1845 г. Герценъ записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Три года тому назадъ начатъ этотъ журналъ въ этотъ день»; дѣйствительно, печатаемый ниже «Дневникъ» начинается 25 марта 1842 года. Но изъ этой замѣтки не слѣдуетъ, что Герценъ не велъ дневника и раньше. Дѣло въ томъ, что подъ «журналомъ» онъ разумѣетъ, повидимому, особую каждый разъ тетрадь, какъ видно изъ его записи подъ 3 октября: «Болѣе 6 мѣсяцевъ прошло, и я не заглядывалъ въ журналъ, и не писалъ въ него, *и не завелъ другого*». Нѣтъ сомнѣнія, что Герценъ еще въ ссылкѣ нѣсколько разъ принимался вести дневникъ, но отъ этого времени уцѣлѣло только нѣсколько разрозненныхъ листковъ, текстъ которыхъ былъ впервые напечатанъ въ № 11 *Съверяаго Вѣстника* за 1894 г. и перепечатывается здѣсь оттуда.

— «Покойникомъ» Герценъ называетъ здѣсь, вѣроятно, отца Н. П. Огарева, Платона Богдановича, который умеръ 2 ноября 1838 года; онъ узналъ о его смерти изъ письма Н. П. Огарева отъ 7 ноября (оно напечатано въ *Русской Мысли* 1888 г., X, стр. 7—«Изъ переписки недавнихъ дѣятелей»).

Стр. 2. Николая—Николая Платоновича Огарева.

Марія первая жена Огарева—Марія Львовна. Объ этомъ свиданіи (съ Н. П. Огаревымъ и его женою) во Владимірѣ Герценъ подробнѣе говоритъ въ «Дневникѣ» (подъ 19 марта 1843 г.) и въ «Былое и Думы», ч. 3, гл. XXIII, и ч. 4, гл. XXV.

Стр. 3. Писано за часъ до рожденія первенца-сына, Александра (А. А. Герцена, теперь профессора физіологіи въ Лозаннѣ). Ребенокъ родился въ 11 часовъ утра (объ этомъ подробно—въ «Былое и Думы», ч. 3, гл. XXIV); слѣдующая ниже приписка сдѣлана уже послѣ рожденія ребенка.

Стр. 8. «Хочется написать пропедевтическое слово желающимъ приняться за философію... Началъ; что будетъ, не знаю». Здѣсь говорится о статьѣ «Дилетантизмъ въ наукѣ», подъ первой главою которой стоитъ дата: «1842, апрѣля 25» (см. т. IV, стр. 80, настоящаго изданія).

Стр. 12. Буковою Н. обозначена Нат. Александр. Герценъ.

Стр. 15. Никол. Григор. Фроловъ (1812—1855), переводчикъ на русскій языкъ «Космоса» Гумбольдта, «Идей о сравнит. землевѣдѣніи» Риттера и издатель «Магазина землевѣд. и путешествій».

Стр. 16. Джудита Паста (1798—1865), славившаяся въ свое время итальянская оперная пѣвица.

Стр. 17. Графъ Михаилъ Юрьев. Вельегорскій (1788—1856), извѣстный въ свое время меценатъ и композиторъ.

Стр. 18. «Михаилъ Ѳедоровичъ»—М. Ѳ. Орловъ, о которомъ уже говорилось ранѣе (стр. 4—5 этого тома).

— Ив. Петр. Витали (1794—1855), извѣстный въ свое время скульпторъ, академикъ съ 1840 г. и профессоръ съ 1842 г.

Стр. 19. Ксавье Мармье (1809—1892), франц. писатель, много путешествовавшій по Америкѣ и Европѣ, писавшій, между прочимъ, и о Россіи.

Стр. 20. «Повѣсть», о которой здѣсь говорится, — романъ «Кто виноватъ», первая часть котораго была написана въ 1842 году.

— Буквою М. обозначена здѣсь (въ «Быломъ и Думахъ» она обозначена буквою Р) Прасковья Петр. Медвѣдева, съ которою Герценъ имѣлъ романъ въ Вяткѣ.

Стр. 22. «Ог.» обозначаетъ Н. П. Огарева.

Стр. 23. «Манонъ Леско»—извѣстный романъ аббата Прево (1697—1763). Дважды переведенъ по русски.

Стр. 26. Бруно Бауэръ (1809—1882), нѣм. философъ и ученый критикъ, прославившійся своими критическими изслѣдованіями о книгахъ св. Писанія.

Стр. 29. Статья «По поводу одной драмы», помѣщенная въ IV томѣ настоящаго изданія (стр. 31—51), была напечатана въ «Отеч. Запискахъ».

— Повѣсть гр. Ѳ. В. Ростопчина, о которой здѣсь говорится, называется «Охъ, французы»! и была напечатана въ «Отеч. Запискахъ», 1842 г., № 10.

— Предполагавшійся *Альманахъ* Грановскаго не былъ изданъ.

Стр. 33. Подъ «пріѣзжею изъ Корчевы» и «Темирою» подразумѣвается Татьяна Петр. Пассекъ, жена Вад. Вас. Пассека.

Стр. 34. Произвольно взятыя буквы К. обозначаютъ первую жену Н. П. Огарева—М. Л. Рославлеву.

Стр. 37. Поэтъ и историкъ литературы Робертъ Прутцъ (1816—1872) писалъ въ разнообразныхъ родахъ литературы. *Альманахъ* его, о которомъ здѣсь говорится—это ежегодно издававшійся Прутцемъ въ 1842 — 1848 гг. «Litterarhistorisches Taschenbuch».

Стр. 38. Михаилъ Александр. Дмитріевъ (1796—1866), племянникъ баснописца И. И. Дмитріева, консервативный писатель 20—60-хъ годовъ. Сотрудничалъ въ «Москвитянинѣ», писалъ много въ стихахъ и прозѣ. Былъ оберъ-прокуроромъ сената въ Москвѣ.

— Казиміръ Делавинь (1793—1843), одинъ изъ самыхъ популярныхъ французскихъ поэтовъ своего времени.

Стр. 39. Подъ 29 ноября въ «Дневникѣ» говорится о статьяхъ «Дилетантизмъ въ наукѣ» (помѣщены въ IV томѣ настоящаго изданія).

Стр. 45. Статья объ ученыхъ—это одна изъ статей «Дилетантизмъ въ наукѣ» (см. IV-й т. настоящаго изданія).

Стр. 46. Подъ псевдонимомъ Жюльена Элизара (Julien Elisard) въ «Deutsche Jahrbücher» писалъ М. А. Бакунинъ.

Стр. 47. Князь Пв. Сер. Гагаринъ (1814—1882), послѣ непродолжительной службы, оставилъ Россію и, поселясь въ Парижѣ, перешелъ въ католицизмъ и сталъ іезуитомъ. Но, интересуясь Россіей, поддерживалъ сношенія съ Герценомъ и со своими московскими знакомыми. Основалъ въ Парижѣ «Musée Slave» и написалъ рядъ книгъ на франц. языкѣ о старообрядцахъ и вообще по религіознымъ вопросамъ.

Стр. 48. Викторъ Ив. Григоровичъ (1815—1877), извѣстный славистъ профессоръ, издавшій рядъ цѣнныхъ трудовъ по исторіи славянскихъ литературъ.

Стр. 52. «Die Jüdin» («Жидовка»)—названіе оперы.

— Каролина Карловна Павлова, урожденная Яниш (1810—1894), поэтесса. Сперва была невѣстою Мицкевича, затѣмъ вышла замужъ за писателя Н. Ф. Павлова. Писала много стихотвореній, переводила Шиллера («Валленштейнъ») и пр.

Стр. 58. Буквами М. Л. обозначена первая жена Н. П. Огарева—Марья Львовна (урожд. Рославлева).

Стр. 64. Никол. Филипп. Павловъ (1805—1864), беллетристъ, критикъ и журналистъ. Издавалъ «Наше Время» и основалъ «Русскія Вѣдомости».

Стр. 71—72. «Исторія Боткина», т. е. исторія увлеченія Боткина француженкой Арманс, подробно разсказанная въ статьѣ «Базиль и Арманс» (II т. настоящаго изданія, стр. 496—502).

Стр. 78. Извѣстный нѣм. историкъ Фридрихъ-Кристофъ Шлоссеръ (1776—1861) былъ профессоромъ Гейдельбергскаго университета. Его классическая «Исторія XVIII ст.», о которой разсуждаетъ здѣсь (стр. 78—81) Герценъ, была впослѣдствіи переведена на русскій языкъ Н. Г. Чернышевскимъ и имѣла у насъ 2 изданія (Спб. 1858—60 и 1868—71).

Стр. 82. Юлій Фрауенштедтъ (1813—1879), нѣмецкій философъ, послѣдователь Шопенгауера.

Стр. 83. Буквами Е. И. обозначенъ братъ Герцена Егоръ Ивановичъ.

Стр. 85. Графъ Педро д'Аранда (1718—1799), испанскій госуд. человѣкъ, уничтожившій въ Испаніи инквизицію и изгнавшій іезуитовъ.

— Маркизъ Помбаль (1699—1782), португальскій реформаторъ, изгнавшій іезуитовъ и много заботившійся о прогрессѣ Португаліи.

— Графъ Іоганнъ-Фридрихъ Струэнзе (1737—1772), датскій министръ-реформаторъ, освободившій крестьянъ и много сдѣлавшій для благосостоянія Даніи. Былъ казненъ реакціонерами. Аранда, Помбаль и Струэнзе — представители просвѣщеннаго деспотизма.

— Карлъ Рейнгольдъ (1758—1823), нѣм. философъ, воспитанникъ іезуитовъ перешедшій въ протестантизмъ. Былъ профессоромъ въ Іенѣ и Килѣ и пріобрѣлъ славу разъясненіемъ и толкованіемъ философіи Канта.

Стр. 88. Маркизъ Адольфъ Кюстинъ (1793—1857) путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, былъ и въ Россіи, о которой издалъ замѣчательную книгу «La Russie» (5 т.), рисующую бытъ и порядки Россіи 30-хъ годовъ XIX в.

Стр. 89. «Письмо изъ Ганау», т. е., отъ Н. М. Сатина, который тогда жилъ въ Ганау.

Стр. 95. «Европеецъ», ежемѣсячный журналъ, который пытался издавать въ 1832 г. И. В. Кирѣевскій. Журналъ былъ запрещенъ послѣ 2-ой книжки.

Стр. 99. Елизавета Богдановна— жена проф. Т. Н. Грановскаго.

— Фридрихъ-Георгъ Бунге (1802—1897), съ 1823 г. былъ прив.-доцентомъ, а съ 1831 г. профессоромъ дерптскаго университета; съ 1842—бургомистромъ и синдикомъ въ Ревелѣ; въ 1856—65 гг. служилъ во II отдѣленіи с. е. и. в. Канцеляріи, затѣмъ до смерти жилъ за границей.

— Донъ-Салюстіано Олозага (1803—1873), испанскій госуд. дѣятель, глава прогрессивной партіи. Нѣсколько разъ онъ былъ вынужденъ бѣжать изъ Испаніи, нѣсколько разъ былъ министромъ, а въ 1843 г. главою министерства.

Стр. 100. Протоіерей Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій (1797—1851) болѣе 80 лѣтъ былъ профессоромъ философіи въ московской духовной академіи и считался однимъ изъ талантливыхъ знатоковъ своего предмета.

Стр. 102. Аркадій Алексѣев. Альфонскій (1796—1869) съ 1829 былъ профессоромъ, а въ 1842—63 гг. ректоромъ московскаго университета. Извѣстный въ свое время хирургъ.

— Осипъ Вас. Варвинскій (1811—1878), врачъ, профессоръ московск. университета.

Стр. 103. Георгъ-Кристофъ Лихтенбергъ (1742—1799), талантливый нѣмецкій сатирикъ и физикъ. Съ 1780 г. онъ издавалъ вмѣстѣ съ Георгомъ Форстеромъ «Геттингенскій Магазинъ».

— Николай Андреев. Маркевичъ (1804—1860), малороссійскій писатель, главный трудъ котораго «Исторія Малороссіи» (5 т., М. 1842—43).

Стр. 104. Самуэль-Томасъ Зёмерингъ (1755—1830) былъ профессоромъ анатоміи съ 1778 г., издалъ рядъ медицинскихъ сочиненій, а въ 1809 г. составилъ планъ электрическаго телеграфа особеннаго устройства.

Стр. 109. Скандербегъ или Георгій Кастріотъ (1403—1468), герой Албаніи, отнявшій ее отъ турокъ и сдѣлавшій ее независимой. Послѣ его смерти Албанія снова была покорена турками.

Стр. 111. Декабристъ Ѳедоръ Ѳедор. Вадковскій (1800—1844), служилъ сперва въ кавалергардскомъ, а затѣмъ въ нѣжинскомъ конно-егерскомъ полку. Былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ южнаго общества, въ которое принялъ много новыхъ членовъ.

— Декабристъ Алексѣй Юшневскій (ум. въ 1844 г.) былъ генер.-маіоромъ и генералъ интендантомъ 2-й арміи. Состоялъ членомъ южнаго общества.

Стр. 112. Пьеръ-Симонъ Балланшъ (1776—1847) франц. писатель. Мистическій философъ-соціалистъ и талантливый прозаикъ, онъ пользовался популярностью при реставраціи и іюльской монархіи.

Стр. 113. Августъ-Фридрихъ Гфререръ (1803—1861), нѣм. историкъ, написавшій рядъ сочиненій по политической и по церковной исторіи.

Стр. 118. Фридрихъ-Адольфъ Тренделенбургъ (1802—1872), нѣм. философъ, написавшій рядъ цѣнныхъ сочиненій по философіи и логикѣ.

Стр. 120. «Иванъ Васильевичъ»— И. В. Кирѣевскій (и ниже такъ).

Стр. 121. «Иванъ Павловичъ»— И. П. Галаховъ, одинъ изъ пріятелей Герцена, рано умершій (въ концѣ 40-хъ годовъ).

Стр. 122. Диссертація Ю. Ѳ. Самарина «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники» (М. 1844) была перепечатана, по требованію тогдашней цензуры, и въ своемъ первоначальномъ видѣ явилась лишь въ наше время въ «Собр. сочин.» Самарина.

Стр. 129. Альсидъ д'Орбиньи (1802—1857), франц. геологъ и палеонтологъ, съ научными цѣлями путешествовавшій по Южной Америкѣ.

— Христіанъ-Готфридъ Эренбергъ (1795—1876), нѣм. естествоиспытатель, основатель ученія объ инфузоріяхъ.—

— «Первое письмо объ естествовѣдѣніи»—это первая статья «Писемъ объ изученіи природы», помѣщенныхъ въ IV т. настоящаго изданія.

Стр. 134. Книга «Продѣлки на Кавказѣ», изданная въ то время подъ псевдонимомъ Хамаръ-Дабанова нѣкоимъ Лачиновымъ и пропущенная цензоромъ А. Л. Крыловымъ, надѣлала тогда большого шуму.

— Баронъ Фридрихъ Тренкъ (1726—1794), авантюристъ XVIII в., служившій въ Пруссіи, Россіи и Австріи, сидѣвшій въ Магдебургской крѣпости въ 1754—1763 гг. и казненный въ Парижѣ, какъ агентъ иностранныхъ державъ.

Стр. 140. Яковъ-Фридрихъ Фризъ (1773—1843), нѣм. философъ, профессоръ въ Іенѣ и Гейдельбергѣ, написавшій рядъ солидныхъ философскихъ трудовъ.

Стр. 144. Буквы Д. П. обозначаютъ Дм. Павл. Голохвастова, двоюроднаго брата Герцена.

— Буквою Б. обозначенъ Вас. Петр. Боткинъ; Армансе—см. въ «Былое и Думы», т. II, статью «Арманса и Базиль».

— Ив. Тимоф. Глѣбовъ (1806—1884) былъ съ 1832 адъюнктъ-проф., а съ 1841 ордин. проф. московскаго университета, гдѣ преподавалъ зоологію, анатомію, физіологію и патологію.

Стр. 154. Александръ Ѳомичъ Вельтманъ (1800—1870), романистъ и археологъ. Написалъ рядъ фантастическихъ романовъ, сказокъ, драматическихъ произведеній и историческихъ изслѣдованій весьма сомнительнаго достоинства.

— «Петръ Васильевичъ» — П. В. Кирѣевскій (и ниже такъ).

Стр. 156. Рамонъ Нарваэцъ (1800—1868), испанскій политическій дѣятель, нѣсколько разъ занималъ должность министра-президента, будучи представителемъ реакціи.

— Іоганнъ Эйхгорнъ (1779—1856), прусскій госуд. дѣятель. Въ 1840—48 гг. былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Онъ принадлежалъ къ консервативной партіи.

Стр. 159. Жанъ-Баптистъ Дюма (1800—1879), одинъ изъ творцовъ органической химіи, которую онъ значительно подвинулъ своими работами.

Стр. 160. «Два первыхъ письма объ естествовѣдѣніи»—т. е., «Письма объ изученіи природы» (см. IV т. настоящаго изданія).

Стр. 161. Осипъ Максим. Бодянскій (1808—1877), славистъ. Въ 1846—48 и 1858—77 гг. издавалъ «Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей росс.». Написалъ много изслѣдованій по филологіи, славянскимъ литературамъ и древностямъ. Самый цѣнный его трудъ—магист. диссертація: «О народной поэзіи славянскихъ племенъ».

Стр. 173. Генрихъ Зибель (1817—1896), нѣм. историкъ, главный трудъ котораго «Исторія франц. революціи» переведенъ и на русскій языкъ.

Стр. 174. Артуръ Юнгъ (1741—1820), знаменитый англ. агрономъ, описавшій поземельное положеніе Франціи передъ великой революціей.

Стр. 177. Ив. Ив. Давыдовъ (1794—1863), академикъ съ 20-хъ гг. былъ проф. московскаго университета, а съ 1847 г. директоромъ главнаго педагогич. института въ Спб., который довелъ до упраздненія въ 1858 г.

— Вас. Вас. Григорьевъ (1816—1881), оріенталистъ, былъ проф. спб. университета, а въ послѣдніе годы жизни начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Стр. 178. Маркизъ Альфонсъ-Франсуа де-Садъ (1740—1814), франц. порнографическій писатель, во время революціи примкнувшій къ демократамъ и умершій въ сумасшедшемъ домѣ.

Стр. 179. Князь Вас. Андреев. Долгоруковъ (1804—1868) съ 1853 г. былъ военнымъ министромъ, а въ 1856—1866 гг. шефомъ жандармовъ и начальникомъ III отдѣленія.

Стр. 181. Аполлинарій Сидоній (430—488), римскій поэтъ и патрицій конца имперіи. Обширную монографію о немъ написалъ Степ. Васил. Ешевскій (1829—1865), проф. исторіи московскаго университета.

—Карлъ Рокитанскій (1804-1878), нѣм. патологъ, проф. вѣнскаго университета.

Стр. 185. Морицъ Вагнеръ (1813—1887), естествоиспытатель и путешественникъ. Въ 1842—45 гг. объѣздилъ берега Чернаго моря, Кавказъ и Персію, въ 1852—57 гг. Сѣверную и центральную Америку, а въ 1857—60 гг. Южную Америку. Его книга «Республика Коста-Рика», о которой говоритъ Герценъ, вышла въ 1856 г.

Стр. 186. Христіанъ Бунзенъ (1791—1860), нѣм. ученый, давшій рядъ капитальныхъ изслѣдованій по богословскимъ вопросамъ и археологіи.

Стр. 187. Маршалъ Огюстъ-Фредерикъ-Людовикъ Мармонъ, герцогъ рагузскій (1774—1852) участвовалъ въ войнахъ Наполеона I, но въ 1814 г. измѣнилъ ему. Въ 1830 г. не могъ подавить іюльскую революцію и эмигрировалъ.

— Англ. генералъ Чарльзъ-Джемсъ Непиръ (1782 — 1853) участвовалъ въ покореніи Синда и Белуджистана.

— Вильямъ О'Брайенъ (1803—1864), ирландскій дѣятель. Въ 1848 г. былъ сосланъ пожизненно въ Австралію, но въ 1854 г. получилъ свободу.

Стр. 188. Генералъ графъ Карлъ Ѳедор. Толь (1777—1842) участвовалъ въ войнахъ 1799 г., а въ 1812—14 гг. былъ руководителемъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ участвовалъ въ турецкой (1829) и польской (1831) войнахъ.

— Теодоръ Бернгарди (1802—1887), нѣм. историкъ; ознакомился съ Россіей, проведя въ ней молодость; издалъ «Записки» гр. К. Ѳ. Толя (4 т.), «Исторію Россіи и Европ. политики въ 1814—31 гг.» и др. соч.

— Графъ Яковъ Ефим. Сиверсъ (1731—1808) былъ новгородскимъ губернаторомъ (съ 1764 г.), тверскимъ и новгородскимъ ген.-губ. (съ 1776—1781), посломъ въ Польшѣ (1789—1794). Записки его издалъ Блумъ (1857—58).

— Адмиралъ Пав. Вас. Чичаговъ (1762—1849) съ 1802 г. управлялъ морскимъ министерствомъ, въ 1812 г. заключилъ съ Турціей бухарестскій миръ. Обвиненный въ неумѣніи предупредить при Березинѣ переправу Наполеона, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ и жилъ до смерти.

— Магнусъ-Яковъ Крузенштольпе (1795—1865), шведскій историкъ и публицистъ, написавшій рядъ книгъ по исторіи Швеціи и Европы.

— Никол. Герасим. Устряловъ (1805 — 1870), историкъ, профессоръ; его труды: «Исторія Россіи», «Исторія Петра Великаго» отличаются официальной сухостью при богатствѣ матеріала.

— Графъ Модестъ Андреев. Корфъ (1800—1876) былъ директоромъ публичной библіотеки и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ. Его труды «Жизнь гр. Сперанскаго» и «Восшествіе на престолъ имп. Николая I» проникнуты слишкомъ панегирическимъ тономъ.

— Рафаилъ Михайл. Зотовъ (1795—1871), плодовитый драматургъ, писавшій также плохіе историческіе романы и издавшій книгу «30-лѣтіе Европы въ царствованіе Николая I» (Спб. 1857, 2 ч.).

Стр. 189. «Статсъ-секретарь Модестъ»—гр. Мод. Андр. Корфъ.

— Фердинандъ Грегоровіусъ (1821—1891), выдающійся нѣм. историкъ, поэтъ и путешественникъ. Его «Исторія Рима въ средніе вѣка» и «Исторія Аѳинъ въ средніе вѣка» переведены на русскій языкъ.

Стр. 191. Графъ Алексѣй Андреев. Закревскій (1783—1865), крѣпостникъ, оставившій по себѣ мрачную память. Будучи московскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ запрещалъ говорить объ освобожденіи крестьянъ, когда правительство уже стало окончательно приготовлять это освобожденіе.

Стр. 195. Авраамъ Серг. Норовъ (1795—1869) съ 1850 г. былъ товарищемъ, а въ 1854—58 гг. министромъ народнаго просвѣщенія. Издалъ описанія своихъ путешествій по Востоку и Европѣ.

— «Леонтій Васильевичъ» подразумѣвается Л. В. Дубельтъ.

— Отто-Теодоръ Мантейфель (1805—1882) съ 1848 г. прусскій мин. внутр. дѣлъ, а въ 1850—56 гг. министръ-президентъ.

— Графъ Фридрихъ-Фердинандъ Бейстъ (1809—1886) съ 1849 г. министръ въ Саксоніи; съ 1867 г. министръ-президентъ и канцлеръ въ Австріи.

Стр. 196. Графъ Владим. Ѳедор. Адлербергъ (1790—1884), любимецъ императора Николая I, былъ министромъ импер. двора отъ 1852 до 1872 г.

— Графъ Филиппъ Ив. Брунновъ (1797—1875) съ 1840 до 1874 г. былъ русскимъ посланникомъ въ Англіи.

— Леопольдъ Герлахъ (1790—1861), генералъ, реакціонный прусскій дѣятель, близкій другъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III.

Стр. 198. Петръ Борис. Бланкъ (род. въ 1821 г.), реакціонный публицистъ, сотрудникъ «Моск. Вѣд.» и «Вѣсти».

— Николай Александр. Безобразовъ (1816—1867), публицистъ-крѣпостникъ и защитникъ реакціи, основалъ газету «Вѣсть» и издавалъ въ Россіи и заграницей брошюры противъ освобожденія крестьянъ.

— Графъ Серг. Степ. Ланской (1787—1862) въ званіи министра внутр. дѣлъ въ 1855—61 гг. содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ, за что получилъ графскій титулъ, но послѣ 19 февраля 1861 г. былъ уволенъ въ отставку въ видѣ уступки крѣпостникамъ.

Стр. 207. Статья «Насъ упрекаютъ» направлена по адресу Б. Н. Чичерина, выступившаго тогда съ нападками на «Колоколъ» (см. статью В. П. Батуринскаго во «Всемірн. Вѣстн.» 1905 г., № 2, стр. 48—51).

Стр. 213. Американскій экономистъ Генри-Чарльзъ Кери (1793—1879), сперва защитникъ свободной торговли, затѣмъ протекціонистъ. Главное его сочиненіе (на которое ссылается въ выноскѣ Герценъ) о наукѣ объ обществѣ переведено на русскій языкъ въ 1869 г.

Стр. 215. Адмиралъ графъ Ефимъ Вас. Путятинъ (1803—1883). Въ 1852 г., отправясь посломъ въ Японію на фрегатѣ «Паллада», заключилъ договоръ о допущеніи русской торговли въ японскихъ портахъ, за что получилъ графскій титулъ. Въ 1858 г. заключилъ новый договоръ съ Японіей, а также и съ Китаемъ. Въ 1861 г. былъ министромъ нар. просвѣщенія.

— Статья «Обвинительный актъ» является предисловіемъ къ напечатанному вътомъ-же №. «Колокола» письму Б. Н. Чичерина противъ Герцена (см. статью В. П. Батуринскаго: «Всемірн. Вѣстн.», 1905 г., № 2).

Стр. 216. Аполлинарій Петр. Бутеневъ (1787—1866) служилъ по дипломатической части и въ 1830 — 58 гг. былъ посланникомъ въ Турціи.

— Буквою Г. обозначенъ князь А. Ѳ. Голицынъ.

Стр. 222. Эрнстъ-Морицъ Арндтъ (1769—1860) прославился какъ сотрудникъ Штейна и какъ патріотъ, стремившійся къ освобожденію Германіи отъ власти Наполеона I и къ ея объединенію.

Стр. 225. Антонъ-Мельхіоръ Фіалковскій (1778—1861) былъ въ это время варшавскимъ архіепископомъ.

— Іосифъ Сямашко (1798—1868), перейдя въ 1834 г. изъ уніатовъ въ православіе, сталъ усерднымъ дѣятелемъ возсоединенія уніатовъ съ православной церковью въ качествѣ архіепископа (съ 1838) и затѣмъ митрополита литовскаго (съ 1850 г.).

Стр. 226. Графъ Нарсисъ-Ашиль Сальванди (1795 — 1856), франц. политическій дѣятель и писатель, дважды бывшій министромъ народнаго просвѣщенія при Луи-Филиппѣ (1837 и 1845 гг.).

— Князь С. П. Голицынъ издалъ въ то время брошюру «Печатная правда» (М. 1858), посвященную волновавшему тогда всю Россію вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

Стр. 228. Ксенофонтъ—это Ксеноф. Алексѣев. Полевой (1801—1867), братъ Н. А. Полевого. Онъ въ концѣ 50-хъ годовъ сотрудничалъ въ «Сѣв. Пчелѣ» Булгарина и Греча.

Стр. 236. Франц. генералъ Шарль-Дени Бурбаки (1816—1897) участвовалъ въ крымской и итальянской 1859 г. (о которой здѣсь говорится) войнахъ, а въ 1871 г. перешелъ съ цѣлой арміей въ Швейцарію, чтобы избѣжать капитуляціи.

Стр. 242. Статья «Very dangerous!!! (Очень опасно)» направлена была противъ Добролюбовскаго «Свистка», прилагавшагося при «Современникѣ» того времени (1859 г.). Ср. В. П. Батуринскаго «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». Спб. 1904, стр. 97, 98 и 102).

— Баронъ Карло Поэріо (1803—1867), итальянскій политич. дѣятель, сосланный на каторгу послѣ 1848 г., что вызвало вмѣшательство Англіи. Въ 1859 г. Поэріо прибылъ въ Англію, а впослѣдствіи состоялъ депутатомъ итальянскаго парламента.

Стр. 243. «Суровая картина какого-нибудь «Перевоза» съ телѣгами въ грязи, съ разъяренными мужиками...»— говорится по поводу разсказа «У перевоза», съ которымъ выступилъ тогда (въ «Военн. Сборникѣ») извѣстный впослѣдствіи беллетристъ-народникъ Н. И. Наумовъ.

Стр. 248. Франц. эмигрантъ Бернаръ участвовалъ въ заговорѣ гр. Орсини на жизнь Наполеона III въ 1858 г. На требованіе франц. правительства о выдачѣ Бернара Англія отвѣчала отказомъ, а англійскій судъ призналъ Бернара невиновнымъ въ покушеніи Орсини.

Стр. 257. Графъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ, приближенный императрицы Анны Іоанновны и ея фаворитъ наравнѣ съ Бирономъ. Въ 1730 г. сдѣланъ полковникомъ Измайловскаго полка, затѣмъ его посылали за границу съ дипломатическими порученіями, а впослѣдствіи онъ сталъ посломъ въ Варшавѣ. Умеръ въ 1738 г.

— Юліана Менгденъ (1719—1786), фаворитка Анны Леопольдовны, имѣвшая такое сильное вліяніе въ царствованіе Анны Іоановны, что даже иностранные дворы заискивали въ ней. Послѣ низверженія брауншвейгской династіи до 1762 г. раздѣляла съ ними изгнаніе.

— Алексѣй Петр. Бестужевъ-Рюминъ (1693—1766) въ 1744—58 гг. въ качествѣ канцлера завѣдывалъ иностранной политикой Россіи. Въ 1759 г. былъ сосланъ въ свое помѣстье, но возвращенъ ко двору Екатериной II въ 1762 г.

— Графъ Андрей Ив. Ушаковъ (1670—1747) былъ въ царствованіе Анны

Іоанновны съ 1731 г. начальникомъ тайной розыскной канцеляріи, причемъ оставилъ по себѣ мрачную память. При императрицѣ Елизаветѣ сдѣланъ былъ сенаторомъ и получилъ графство.

Стр. 283. Въ Герперсъ-Ферри въ 1859 г. былъ повѣшенъ южными рабовладѣльцами Сѣверо-Америк. Соед. Штатовъ Джонъ Броунъ за то, что освобождалъ негровъ изъ рабства.

Стр. 292. Князь Мих. Мих. Щербатовъ (1733—1790), историкъ, написавшій «Исторію Россійскую отъ древнѣйшихъ временъ» (15 книгъ). Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ («О поврежденіи нравовъ въ Россіи» и др.) является противникомъ реформъ Петра Великаго.

Стр. 301. Талантливый англ. поэтъ и юмористъ Томасъ Гудъ (1798—1845) болѣе всего прославился своей знаменитой «Пѣснѣй о рубашкѣ».

— Въ концѣ 50-хъ год. въ Европѣ много шуму надѣлалъ случай насильственнаго крещенія въ католицизмъ еврейскаго мальчика Мортары.

Стр. 302. Въ концѣ этой страницы говорится о малороссійскихъ народныхъ разсказахъ Марко Вовчка (М. А. Марковичъ), переведенныхъ на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ.

Стр. 304. Князь Владим. Александр. Черкасскій (1821—1878), славянофилъ, принимавшій дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ, въ 1863—67 гг. сотрудникъ Н. А. Милютина по устройству крестьянъ въ Польшѣ, а въ 1877—78 гг. губернаторъ Болгаріи.

Стр. 305. Сенаторъ Ив. Владимір. Лопухинъ (1756—1816) былъ массономъ и принадлежалъ къ кружку Н. И. Новикова. При Павлѣ I ревизовалъ Харьковскую и др. губ., причемъ вступался за духоборовъ, чѣмъ остался доволенъ Александръ I, дававшій ему многія важныя порученія. Его «Записки», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изданныя Герценомъ въ Лондонѣ въ 1860 г., были перепечатаны въ «Рус. Архивѣ» 1884 г.

— Графъ Яковъ Александр. Брюсъ (1731—1791) былъ не генералъ-губернаторомъ, какъ сказано у Герцена, а главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 1782 г.

Стр. 306. Жанъ Каласъ, франц. протестантъ, невинно казненный по подозрѣнію къ убійствѣ своего сына (въ 1762 г.). Вольтеръ добился въ 1765 г. признанія его невиновнымъ со стороны парижскаго парламента.

Стр. 308. Мартинисты—общество русскихъ массоновъ, основанное въ Москвѣ въ 1780 г., во главѣ котораго стояли Н. И. Новиковъ, И. В. Лопухинъ и др. Назывались такъ по имени теософа и мистика Сенъ-Мартена (1743—1803).

Стр. 318. Вильямъ Уильберфорсъ (1759—1833), англ. дѣятель, способствовавшій освобожденію негровъ въ англ. колоніяхъ и прекращенію торговли невольниками.

Стр. 322. Іоганъ-Каспаръ Блунчли (1808—1881), нѣм. юристъ, представитель органической школы въ государственномъ правѣ. Издалъ много сочиненій по государственному праву.

Стр. 323. Францъ Палацкій (1798—1876), чешскій историкъ и выдающійся политическій дѣятель, вождь старочеховъ, членъ австрійской палаты господъ, авторъ капитальной «Исторіи чешскаго народа» и др. книгъ.

Стр. 325. «Аугсбургская, подслѣпая, сѣдая старушонка»,—одна изъ старѣйшихъ нѣм. газетъ «Augsburger Allgemeine Zeitung».

— Johann Maria Farina — фабрикантъ одеколона въ Кёльнѣ.

Стр. 326. Шарль де-Мазадъ (1821—1893), франц. публицистъ, въ 50-хъ—60-хъ годахъ обращавшій на себя вниманіе своими историческими этюдами, а также статьями о Россіи и Польшѣ.

Стр. 331. Проф. исторіи Платонъ Вас. Павловъ (1833—1894), въ 1862 г. былъ административно высланъ въ Ветлугу за публичную лекцію о тысячелѣтіи Россіи.

Стр. 336. Пав. Мих. Леонтьевъ (1822—1875), классикъ-латинистъ, соредакторъ Каткова по «Москов. Вѣд.», основавшій съ нимъ лицей цесаревича Николая въ Москвѣ и дѣятельно поддерживавшій классическую систему образованія противъ реальной.

Стр. 339. Александръ Васил. Головнинъ (1821—1886) былъ въ то время (1861—66 гг.) министромъ народнаго просвѣщенія, Вас. Андр. Долгоруковъ (см. прим. къ 179 стр. этого тома) шефомъ жандармовъ, а Петръ Александр. Валуевъ (1814—1890) министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Стр. 341. Буквами М. К. обозначена Марья Каспаровна Эрнъ.

Стр. 349. San Carlino — театръ въ Неаполѣ.

— Розина и Бартоло—дѣйствующія лица въ комедіи Бомарше «Свадьба Фигаро».

Стр. 353. Шешковскій былъ начальникомъ тайной полиціи при Екатеринѣ II.

— Майборода и Шервудъ донесли о заговорѣ декабристовъ. Байборода былъ псевдонимъ Каткова. Шервудъ за свой доносъ получилъ къ своей фамиліи прибавку Вѣрный.

Стр. 357. Викторъ Ипатьев. Аскоченскій (1813 — 1879), реакціонный журналистъ, издававшій въ 60-хъ годахъ проникнутый мракобѣсіемъ журналъ «Домашнюю Бесѣду».

— Степ. Степ. Громека (1823—1877) до 1859 г. служилъ въ жандармахъ, а послѣ сталъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ», гдѣ писалъ либеральныя статьи. Подъ конецъ жизни былъ сѣдлецкимъ губернаторомъ и насильственно обращалъ уніатовъ въ православіе.

Стр. 359. Князь Александръ Аркад. Суворовъ (1804 — 1882) служилъ въ Польшѣ, исполнялъ дипломатическія порученія, а въ 1861—66 гг. былъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Стр. 360. Генералъ Мих. Никит. Кречетниковъ (1732—1793) отличался во время Екатерины II въ турецкихъ войнахъ и усмирилъ гайдамаковъ, произведшихъ уманьскую рѣзню 1768 г.

— Максимъ Желѣзнякъ предводитель гайдамаковъ, произведшихъ уманьскую рѣзню, былъ сосланъ въ Сибирь; онъ въ народной памяти чтится, какъ герой борьбы съ поляками за народность и вѣру.

— Иванъ Гонта вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ былъ иниціаторомъ уманьской рѣзни.

Стр. 369. Андрей Тимоф. Болотовъ (1738 — 1833) извѣстенъ своими «Записками», дающими драгоцѣнный матеріалъ для изученія быта и нравовъ Россіи второй половины XVIII в.

Стр. 376. Бекки Чарпъ — героиня романа Теккерея «Базаръ житейской суеты» (Vanity Fair).

Стр. 379—380. «Величавый старикъ съ длинной серебряной бородой» и т. д.— здѣсь Герценъ говоритъ о декабристѣ князѣ Серг. Григ. Волконскомъ (1788—1865), посѣтившемъ его въ Лондонѣ въ 1861 г.

Стр. 380. Генералъ Улиссъ Грантъ (1822 — 1885) во время междоусобной войны въ Сѣв. Америкѣ за освобожденіе негровъ, назначенный въ 1864 г. главнокомандующимъ войсками сѣверныхъ штатовъ, успѣшно окончилъ войну. Былъ президентомъ съ 1869 по 1875 г.

— Генералъ Робертъ - Эдмундъ Ли (1807—1870), во время междоусобной войны былъ главнокомандующимъ арміи южныхъ штатовъ и, благодаря своей энергіи, долго поддерживалъ сопротивленіе южныхъ штатовъ.

Фундаментальная Библиотека К.О.Н.К.
им. Горького Библиотека М. Г. У.

1Pk'
193

1905
T. 6